VE RI
TAS

РУССКАЯ

МЫСЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

МАРТЪ.

МОСКВА.
1881.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЖУРНАЛЪ

НАУЧНЫЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

КНИГА III.

МОСКВА.

1881.

Редакція и контора журнала: Долгоруковская улица, въ домѣ Дрезэмейеръ.

Типо-литогр. И. Н. Кушнерева и К°., Пименовская ул., д. Кушнеревой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Москва, 19 февраля 1881 года.

Сегодня вся Россія празднуетъ 26 годовщину царствованія, открывшаго новый періодъ ея исторической жизни. Сегодня вся Россія празднуетъ двадцатилѣтіе гражданской свободы, дарованной Царемъ многочисленнѣйшей части русскаго народа,—празднуетъ сердцемъ, душою, — слово *свобода* у всѣхъ на устахъ. Сегодня Москвѣ стало вѣдомо единогласное постановленіе петербургскаго дворянства о ходатайствѣ передъ Государемъ Императоромъ, *чтобы законъ, обезпечивающій личность каждаго гражданина, не нарушался*, чтобы противорѣчащая закону административная ссылка была прекращена.

Хвала и честь петербургскому дворянству!

Безъ свободы личности, безъ свободы совѣсти, безъ свободы слова немыслимо пользованіе плодами гражданской свободы. Вопросъ поднятый петербургскимъ дворянствомъ—вопросъ кровный для всей земли Русской, для всего русскаго народа. Несомнѣнно, голосъ петербургскаго дворянства будетъ прямо, открыто и дружно поддержанъ голосомъ всего русскаго земства.

Мы сказали: вопросъ. Но вопросъ ли это?... Возможенъ ли вопросъ: нужна ли административная ссылка, произвольная расправа безъ суда?—Такого вопроса нѣтъ и быть не можетъ. Законъ давно рѣшилъ его. Но есть тяжелое недоразумѣніе; существуетъ невозможный порядокъ вещей: законъ ограждающій личность—бездѣйствуетъ, произволъ—царитъ.

Будетъ ли услышанъ голосъ народа, вопль всѣхъ честныхъ людей? Будутъ ли возвращены намъ дѣти, братья, заблудшіеся быть-можетъ, но все же дорогіе и часто вовсе ни въ чемъ неповинные?...

Надѣемся, желаемъ, жаждемъ вѣрить, что—да.

Надежду эту мы черпаемъ въ руководящей идеѣ свободы, такъ лучезарно освѣщающей великое царствованіе Царя-Освободителя.

Да хранитъ Его Богъ! Да поможетъ Ему Всемогущій свершить дѣло справедливое и славное, Его достойное!....

ПАМЯТИ ѲЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО.

1.

Вмѣсто некролога.

Когда выходила въ свѣтъ февральская книга *Русской Мысли*, въ С.-Петербургѣ хоронили Достоевскаго. Какъ умилительно-торжественно произошло это, уже всѣмъ извѣстно. Редакція *Русской Мысли* пожелала получить отъ меня статью о покойномъ. Всею душою готовый, я до сихъ поръ не могу ни опомниться отъ неожиданнаго удара, ни собраться съ временемъ (по стѣпленію многихъ причинъ), чтобы написать теперь что-нибудь хоть немного достойное Достоевскаго. Но вдова Ѳедора Михайловича, Анна Григорьевна, позволила мнѣ воспользоваться ея записною книжкой. Тутъ у нея набросанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, со словъ покойнаго, біографическій его очеркъ, потребованный отъ него какимъ-то иностраннымъ изданіемъ. Пополняю его чертами, записанными Анною Григорьевною въ разное время— также на основаніи собственныхъ воспоминаній Ѳедора Михайловича, отчасти же пополняю и своими собственными воспоминаніями, относящимися, къ несчастію, только къ послѣдней порѣ. Я лично сблизился съ Ѳедоромъ Михайловичемъ не особенно давно и никогда еще живѣе не чувствовалъ, какъ невознаградима потеря того времени, когда я не зналъ его.

Достоевскій родился въ Москвѣ 30 октября 1822 г. Отецъ его былъ помѣщикъ и докторъ медицины. Собственная душевная жизнь Ѳедора Михайловича въ отрочествѣ воспроизводилась передъ нимъ, по его словамъ, въ душевномъ строѣ его сына (которому теперь 9 лѣтъ). Ѳедоръ Михайловичъ былъ точно также впечатлителенъ, начиная отъ страха, наводимаго темнотой, и кончая обидчивостью отъ тѣхъ или другихъ насмѣшекъ товарищей. Онъ постоянно стремился къ тому, чтобъ имѣть друзей, но въ

сущности не имѣлъ ихъ. Воображеніе его развилось рано. Онъ любилъ выставлять себя въ своихъ собственныхъ глазахъ сильнымъ, ловкимъ. Молодая головка была занята путешествіями, въ воображеніи страстно любилъ Венецію и Востокъ и самою пламенною мечтой его было посѣтить когда-нибудь родину дожей и Константинополь. Вотъ какъ оцѣнивалъ эту сторону дѣтской природы самъ Өедоръ Михайловичъ въ одномъ письмѣ: «Фантазія есть природная сила въ человѣкѣ, тѣмъ болѣе во всякомъ ребенкѣ, у котораго она съ самыхъ малыхъ лѣтъ, преимущественно передъ всѣми другими способностями, развита и требуетъ утоленія. Не давая ей утоленія, или умертвишь ее, или, обратно, дашь ей развиться именно чрезмѣрно (что и вредно) своими собственными силами. Такая же натуга лишь истощитъ духовную сторону ребенка преждевременно. Впечатлѣнія прекраснаго именно необходимы въ дѣтствѣ. Десяти лѣтъ отъ роду я видѣлъ представленіе «Разбойниковъ» Шиллера съ Мочаловымъ, и то сильнѣйшее впечатлѣніе, которое я вынесъ тогда, подѣйствовало на мою духовную сторону очень плодотворно. Двѣнадцати лѣтъ я, въ деревнѣ, во время вакацій, прочелъ всего Вальтеръ-Скотта». Въ ту же пору Өедоръ Михайловичъ уже былъ знакомъ со *всею* исторіей Карамзина. Развитію въ немъ литературныхъ наклонностей сильно содѣйствовало образованіе, полученное имъ въ извѣстномъ московскомъ пансіонѣ Чермака. На шестнадцатомъ году Өедоръ Михайловичъ выдержалъ въ С.-Петербургѣ пріемный экзаменъ въ военномъ Инженерномъ училищѣ, а въ 1841 году, окончивъ тамъ курсъ, выпущенъ на службу подпоручикомъ. Но другія цѣли и стремленія влекли его къ себѣ неотразимо. Онъ сталъ усиленно заниматься литературой, философіей и исторіей. Громадное вліяніе имѣли на него «Фаустъ» Гёте, Шиллеръ, Гофманъ, затѣмъ Бальзакъ и, наконецъ, Диккенсъ. Прочитавъ «Père Goriot», онъ сказалъ себѣ: «такъ надо писать романъ», то-есть онъ сталъ понимать «реализмъ». Мечтая о томъ, чтобы писать еще въ ранней молодости, онъ однакоже на самомъ дѣлѣ не особенно предавался тогда писанію. Въ 1844 г. Достоевскій уже вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ того написалъ свою первую повѣсть «Бѣдные люди» (напечатанную, какъ извѣстно, въ *Петербургскомъ Сборникѣ* Некрасова 1846 г.). Эта повѣсть сразу создала ему положеніе въ литературѣ; онъ былъ встрѣченъ и критикой, и читающимъ обществомъ чрезвычайно благосклонно. Это былъ рѣдкій успѣхъ. Самъ Өедоръ Михайловичъ

любилъ эту повѣсть и не соглашался съ критикой въ одномъ, будто она была такъ ужь совсѣмъ навѣяна «Шинелью» Гоголя (не даромъ заставилъ онъ своего Макара Дѣвушкина обидѣться типомъ Акакія Акакіевича). Затѣмъ, нѣсколько лѣтъ сряду, дальнѣйшимъ его литературнымъ занятіямъ мѣшало нездоровье, отчасти же и мнительность, при которой однако онъ лѣчилъ себя большею частію самъ. Бывали минуты, когда онъ считалъ себя способнымъ помѣшаться отъ мнительности. Въ этомъ отношеніи переломомъ послужили для него обстоятельства, при которыхъ заботы о здоровьѣ и вообще о себѣ показались уже пустяками. Весной 1849 г. онъ былъ арестованъ вмѣстѣ со многими другими за участіе въ политическомъ заговорѣ, имѣвшемъ соціалистическій оттѣнокъ. Замѣчательно, что въ вину ему, между прочимъ, было поставлено мнѣніе, что Россія подчинилась политикѣ Меттерниха. Какъ странны должны были послѣ этого показаться ему вразумленія насчетъ ея пагубности, адресованныя къ нему лѣтомъ прошлаго года со стороны А. Д. Градовскаго. Статья почтеннаго профессора не даромъ вызвала Өедора Михайловича на воспоминанія о своей ссылкѣ, которыми онъ никогда не рисовался. Заговорщики (такъ-называемые Петрашевцы) были преданы слѣдствію и Высочайше назначенному военному суду. Послѣ восьмимѣсячнаго заключенія въ Петропавловской крѣпости онъ былъ приговоренъ къ смерти чрезъ разстрѣляніе, но на мѣстѣ казни ему возвѣщено было о смягченіи его участи. Өедоръ Михайловичъ, повторяю, никогда не любилъ щеголять этою страницей своей біографіи. По возвращеніи своемъ изъ ссылки, часто приглашаемый публично читать отрывки изъ своего «Мертваго Дома» (этой, можно сказать, автобіографіи его за время ссылки), онъ, по свидѣтельству такого близкаго къ нему лица, какъ Н. Н. Страховъ, не совсѣмъ охотно брался за это, замѣчая: «точно будто я хвастаю». За то онъ любилъ говорить о воспитательномъ вліяніи на него каторги, любилъ этимъ озадачивать тѣхъ, кто обращался къ нему съ соболѣзновательнымъ общимъ мѣстомъ: «ахъ, какъ это было несправедливо!» Потому-то въ краткомъ очеркѣ его жизни не должна особенно выдаваться эта страница. Укажу лишь по воспоминаніямъ, записаннымъ его женою, на то, что, находясь на мѣстѣ казни, онъ не былъ увѣренъ, что жизнь будетъ подарена имъ, но, при проглянувшемъ во время чтенія приговора солнцѣ, сказалъ одному изъ своихъ сотоварищей: «не можетъ быть, чтобы насъ казнили». Имъ однакоже было пред-

ложено исповѣдаться, отъ чего почти всѣ отказались, но приложились ко кресту. Появленіе священника должно было утвердить въ нихъ мысль, что они будутъ казнены. Ѳедоръ Михайловичъ вспоминалъ, что имъ овладѣлъ тогда мистическій страхъ передъ скорымъ переходомъ въ иную, неизвѣстную жизнь. «Идея безсмертія уже живо сказывалась въ немъ и тогда», заключаетъ изъ этого Анна Григорьевна.

Вмѣсто казни, Достоевскій, по лишеніи правъ состоянія, чиновъ и дворянства, былъ сосланъ въ Сибирь въ каторжную работу на четыре года, съ зачисленіемъ по окончаніи срока каторги въ рядовые. Приговоръ этотъ, по собственному его замѣчанію, былъ по формѣ своей первымъ еще у насъ случаемъ: всякій, приговоренный къ каторгѣ, обыкновенно теряетъ свои гражданскія права навсегда, Достоевскому же, по отбытіи срока каторги, назначалось поступить въ солдаты, то-есть возвращались права гражданина. Впослѣдствіи это происходило не разъ, но тогда это былъ первый случай, зависѣвшій отъ воли императора Николая Павловича. Теперь, послѣ смерти, Достоевскому опять суждено было явиться, хотя и въ другомъ родѣ, опять-таки первымъ у насъ примѣромъ— примѣромъ писателя, семейству котораго назначена Высочайшею Волею пенсія помимо какихъ-либо служебныхъ заслугъ.

Достоевскій продолжалъ писать и въ крѣпости. Прерванная постигшею его катастрофой «Неточка Незванова» такъ и осталась у него неоконченною. Въ Алексѣевскомъ равелинѣ написанъ «Маленькій герой». Отбывъ назначенные годы каторги и произведенный, наконецъ, съ воцареніемъ Государя Александра Николаевича, изъ солдатъ въ офицеры, Ѳедоръ Михайловичъ, вслѣдствіе нажитой имъ въ ссылкѣ падучей болѣзни, былъ уволенъ въ отставку (въ 1859 г.) и возвращенъ въ Россію—сперва въ Тверь, а потомъ и въ Петербургъ. Тутъ онъ уже совершенно и навсегда отдался литературѣ. Въ 1861 году старшій братъ его, Михаилъ Михайловичъ, сталъ издавать журналъ *Время*. Ѳедоръ Михайловичъ напечаталъ тутъ свой большой романъ—«Униженные и оскорбленные», главнымъ лицомъ котораго является нравственно-закаленное въ бѣдахъ дитя — Нелли, какъ бы дальнѣйшее развитіе Неточки Незвановой. Романъ былъ принятъ публикой очень сочувственно. Въ слѣдующіе два года задуманы и окончены «Записки изъ Мертваго дома», прочитанныя, можно сказать, всею Россіей. О нихъ еще недавно писалъ Н. Н. Страхову графъ Л. Н. Толстой: «Я не знаю лучше книги изъ всей новой литературы,

включая Пушкина... Не тонъ, а точка зрѣнія — удивительно-искренняя, естественная и христіанская. Я наслаждался вчера цѣлый день (т. е. перечитывая ее вновь), какъ давно не наслаждался. Если увидите Достоевскаго, скажите ему, что я его люблю». Письмо это, показанное Θедору Михайловичу, умилительно подѣйствовало на него. Между тѣмъ лично два глубочайшихъ представителя нашей современной литературы такъ и остались между собою незнакомыми.

По смерти своего брата (въ 1866 г.) и по прекращеніи втораго его журнала—*Эпоха* (которымъ замѣнилось запрещенное *Время*), Достоевскій написалъ самый совершенный (въ художественномъ отношеніи) изъ своихъ романовъ: «Преступленіе и наказаніе».

Время съ 1867 по 1871 годъ (вслѣдъ за женитьбой Θедора Михайловича) было проведено за границей. Прямое знакомство съ Западомъ только содѣйствовало окончательному превращенію бывшаго соціалиста въ славянофила. Это совершенно ясно уже въ его «Зимнихъ замѣткахъ о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ», представляющихъ нравственные итоги его пребыванія въ Германіи, Англіи и Франціи. Между тѣмъ въ 1868 г. имъ написанъ былъ «Идіотъ», въ 1870—1872 г.—«Бѣсы», въ 1874 г. «Подростокъ». По мнѣнію самого Θедора Михайловича, онъ можетъ-быть слишкомъ жестко отнесся въ «Идіотѣ» и «Бѣсахъ» къ современному русскому обществу (именно—къ обществу, культурному обществу). Съ этимъ самопризнаніемъ едва ли можетъ теперь согласиться безпристрастный читатель: даже сцены изъ «Бѣсовъ», представившіяся при появленіи своемъ невозможными многимъ, многимъ же пришлось потомъ, да приходится еще и теперь, видѣть въ лицахъ.... Съ «Бѣсовъ» же начала обращаться къ Θедору Михайловичу молодежь,—обращаться иногда съ укоромъ, но часто и за совѣтомъ и разъясненіемъ «проклятыхъ вопросовъ». Связь между нимъ и молодежью стала вполнѣ сочувственною съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ (въ 1876 г.) издавать ежемѣсячный журналъ подъ оригинальною фирмой своего *Дневника*, писаннаго имъ однимъ безъ всякихъ сотрудниковъ. Изданіе это продолжалось и въ 1877 году и имѣло въ первый годъ до 2.500, а во второй до 4.000 подписчиковъ, кромѣ розничной продажи, такъ что онъ расходился всего въ 8.000 экземплярахъ. Тутъ Достоевскій, по собственному его увѣренію, является уже открытымъ славянофиломъ — въ силу окончательно совершившагося перехода въ новый періодъ

развитія его прежнихъ, по основѣ своей, однако, все тѣхъ же взглядовъ.

Утомленный двухлѣтнимъ изданіемъ *Дневника*, а главное—необходимостью выпускать нумера его къ сроку (что дурно вліяло на его здоровье), Достоевскій рѣшилъ прервать это изданіе, чтобы отдохнуть. Между тѣмъ все то, что писалъ онъ спѣша, заразъ, выходило, по замѣчанію Анны Григорьевны, нервнѣе, выразительнѣе, сильнѣе. Самъ Ѳедоръ Михайловичъ говорилъ: «Ваши первыя мысли—самыя лучшія». «Вѣрьте первымъ впечатлѣніямъ», когда-то сказала при немъ какая-то гадальщица, и онъ былъ сильно пораженъ неожиданною глубиной этихъ словъ.

Прервавъ *Дневникъ*, Достоевскій принялся за свой послѣдній романъ: «Братья Карамазовы». Онъ работалъ надъ нимъ три года. До окончанія этой работы Достоевскій былъ увлеченъ въ Москву еще такъ живо всѣмъ памятнымъ Пушкинскимъ праздникомъ. Кто въ состояніи забыть и рѣчь, произнесенную тогда Достоевскимъ во второмъ торжественномъ засѣданіи Общества любителей россійской словесности! (Пишущій эти строки, къ несчастію, не слыхалъ ея, а только читалъ.) Казалось, то было слово способное примирить славянофиловъ и западниковъ. Рѣчь эту назвали событіемъ. Она и была событіемъ въ нравственномъ мірѣ, но примиренія послѣ нея, какъ оказалось на повѣрку, не послѣдовало. Москва хорошо должна помнить, какъ вскорѣ послѣ увѣнчанія заживо началось развѣнчиваніе Достоевскаго, котораго представительницей явилась значительная часть печати. Ѳедоръ Михайловичъ былъ особенно огорченъ статьей А. Д. Градовскаго. «Зачѣмъ *на своихъ* нападать?»—сказалъ онъ мнѣ о ней по возвращеніи своемъ изъ Старой-Русы. Этимъ объясняется полемическая рѣзкость лѣтняго *Дневника писателя*, такъ непріятно поразившая многихъ, въ томъ числѣ и извѣстную часть молодежи. Нѣкоторые же именно въ этомъ *Дневникѣ* сочувственно находили «все его исповѣданіе вѣры». При жизни Ѳедора Михайловича я бы, разумѣется, никогда не выдалъ его словъ объ А. Д. Градовскомъ. Теперь это и можно, и должно сдѣлать, и мой уважаемый товарищъ, конечно, внимательно перечтетъ послѣ этого свои лѣтнія статьи въ *Голосѣ*. Самъ я недавно перечелъ мой отзывъ о «Бѣсахъ» въ моихъ «Публичныхъ лекціяхъ» и нашелъ въ немъ не что иное, какъ «общее мѣсто» съ казенно-либеральнымъ оттѣнкомъ. Тутъ же я понялъ и односторонность моего тогдашняго взгляда на «Преступленіе и наказаніе» (хотя

Н. Н. Страховъ и тогда уже могъ бы вразумить меня своею извѣстною критическою статьей объ этомъ романѣ). Я все еще былъ тогда, такъ сказать, въ переходномъ періодѣ и это выразилось въ моихъ лекціяхъ обиліемъ общихъ мѣстъ» *). А Өедоръ Михайловичъ именно ихъ-то и не могъ выносить. Дѣло въ томъ, что въ нихъ сказывается не одна недодуманность, но и недостатокъ характера.

Отдохнувъ отъ сильныхъ московскихъ впечатлѣній, Достоевскій сталъ дописывать «Карамазовыхъ». Онъ какъ будто бы чувствовалъ, что не ради только журнальныхъ сроковъ ему надо спѣшить. Осенью прошлаго года писалъ онъ объ этомъ И. С. Аксакову (выписка изъ этого письма приведена въ замѣткахъ Анны Григорьевны): «Вы не повѣрите, до какой степени я занятъ день и ночь, какъ въ каторжной работѣ. Кончаю Карамазовыхъ, слѣдовательно подвожу итогъ произведенію, которымъ я по крайней мѣрѣ дорожу, ибо много въ немъ легло меня и моего. Я же и вообще-то работаю нервно, съ мукой и заботой. Когда я усиленно работаю, то боленъ даже физически.... Я работы изъ-за денегъ на почтовыхъ не понимаю. Но пришло время, что все-таки надо кончить, и кончить не оттягивая. Вѣрите ли, несмотря на то, что уже три года записывалось, иную главу напишу—да и забракую, вновь напишу и—вновь напашу. Только вдохновенныя мѣста и выходятъ заразъ, залпомъ, а остальное все—претяжелая работа».

Дополненіемъ могутъ служить выдержки изъ письма его къ одной писательницѣ: «И однако я не могу писать съ плеча, я долженъ писать художественно. Я обязанъ тѣмъ Богу, поэзіи, успѣху написаннаго и буквально всей читающей Россіи, ждущей окончанія моего труда. А потому сидѣлъ и писалъ буквально дни и ночи. Ни на одно письмо съ августа еще не отвѣчалъ. Писать письма для меня мученіе, а меня заваливаютъ письмами и просьбами. Вѣрите, что я не могу и не имѣю времени прочесть ни одной книги и даже газетъ. Даже съ дѣтьми мнѣ некогда говорить. И не говорю.... А здоровье такъ худо, какъ вы и представить не можете. Изъ катарра дыхательныхъ путей у меня образовалась анфизема (задыханіе, мало воздуху) и болѣзнь моя тоже стала ожесточеннѣе.... Я все запустилъ, все бросилъ, о себѣ не говорю. Теперь ночь, шестой часъ по полуночи, городъ про-

*) Это совершенно вѣрно было замѣчено въ *Голосѣ* покойнымъ Ниломъ Адмирари.

сыпается, а я еще не ложился. А мнѣ говорятъ доктора, чтобъ я не смѣлъ мучить себя работой, спалъ по ночамъ и не сидѣлъ бы по 10—12 часовъ нагнувшись надъ письменнымъ столомъ. Для чего я пишу ночью?—А вотъ только-что проснусь въ часъ по полудни, какъ пойдутъ звонки за звонками. Тотъ входитъ—одно проситъ, другой—другое, третій настоятельно требуетъ, чтобъ я разрѣшилъ ему какой-нибудь неразрѣшимый, «проклятый» вопросъ, «иначе-де я доведенъ до того, что застрѣлюсь» (а я его въ первый разъ вижу). Наконецъ депутаціи отъ студентовъ, отъ студентокъ, отъ гимназистовъ, отъ благотворительныхъ обществъ — читать имъ на публичномъ вечерѣ. Да когда же думать, когда работать, когда читать, когда жить?...»

Какъ не понять послѣ этого, почему онъ бывалъ иногда, по замѣчанію Анны Григорьевны, «такъ суровъ и непривѣтливъ съ первой минуты и иной разъ отказывалъ въ какой-либо просьбѣ, но потомъ ему становилось жаль, что говорилъ такъ сурово, и онъ старался загладить первое впечатлѣніе и почти всегда исполнялъ обращаемую къ нему просьбу».

При такой обстановкѣ и своей давнишней и сильной болѣзненности, онъ однакожь сохранялъ подъ кажущеюся мрачностью въ сущности свѣтлое настроеніе духа. И подъ конецъ онъ бы могъ повторить слова, относящіяся къ прошлому и записанныя его женою: «Жизнь моя была самая счастливая, несмотря на печальную обстановку, потому что внутренно я былъ всегда восполненъ. Говорятъ, что я пишу печальныя вещи; это не такъ: у меня въ моихъ произведеніяхъ больше радостей, чѣмъ у другихъ, но радостей высшихъ, вѣковѣчныхъ».

Онъ умеръ положительно въ цвѣтѣ своихъ духовныхъ силъ. «Я не весь выразился, мнѣ есть что сказать», могъ бы онъ повторить наканунѣ смерти. Возобновленный имъ съ настоящаго года *Дневникъ писателя* сильно занималъ его. Въ половинѣ января я засталъ его во время тревожнаго процесса писанія, усиленнаго мыслію, «что́ если не все пропуститъ цензура» (внести за себя залогъ, освобождающій отъ предварительной цензуры, онъ не имѣлъ средствъ). Особенно дорожилъ онъ тремя строками,—вѣроятно, объ «оказаніи довѣрія». Онѣ были благополучно пропущены цензурой и этимъ ему значительно облегчалось дальнѣйшее развитіе той же мысли въ будущихъ нумерахъ *Дневника*. Къ концу года должно было окончательно выясниться, *какъ* именно «оказать довѣріе». Изъ глубины сердца вылились у него

въ январскомъ нумерѣ *Дневника*, вышедшемъ въ свѣтъ въ самый день его похоронъ, слѣдующія строки: «Я желалъ бы только, чтобы поняли безпристрастно, что я лишь за народъ стою прежде всего. Въ его душу, въ его великія силы, которыхъ никто еще изъ насъ не знаетъ во всемъ объемѣ и величіи ихъ, какъ въ святыню вѣрую, а главное—въ спасительное ихъ назначеніе, въ великій народный охранительный и зиждительный духъ, и жажду лишь одного: да узрятъ ихъ всѣ. Только-что узрятъ, тотчасъ же начнутъ понимать и все остальное».

Еслибъ ему удалось «все сказать, вполнѣ выразиться», кончилось бы непремѣнно тѣмъ, что всѣ пошли бы за нимъ за живымъ, какъ шли за умершимъ.

Но когда-нибудь всѣ и пойдутъ за его знаменемъ, ибо «свѣтъ его остается».

Ор. Миллеръ.

С.-Петербургъ.
17 февраля, день именинъ Достоевскаго.

2.

Еще нѣсколько словъ о Ѳ. М. Достоевскомъ.

Сиротѣетъ наша литература, съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ славная семья писателей сороковыхъ годовъ. Едва успѣли похоронить Писемскаго, какъ новая утрата опечалила Россію: двадцать восьмаго января, въ девятомъ часу вечера, скончался въ Петербургѣ Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.

Газеты переполнены описаніями того единодушнаго взрыва скорби, которымъ отозвались не только Петербургъ и Москва, но и вся Россія на вѣсть о кончинѣ любимаго писателя. Люди всѣхъ возрастовъ, всѣхъ сословій и состояній, сверстники покойнаго и молодежь, великіе міра сего и бѣдняки-студенты, женщины и дѣти, учащіе и учащіеся, литераторы и купцы—всѣ спѣшатъ къ свѣжей могилѣ общаго любимаго учителя и, кто чѣмъ можетъ, выражаютъ свою признательность и уваженіе памяти усопшаго.

Провинція не отстаетъ отъ столицъ. Шлются сочувственныя телеграммы вдовѣ покойнаго, здѣсь учреждаются стипендіи имени Достоевскаго, тамъ въ его память открываются школы, тамъ жертвуютъ на сооруженіе ему памятника. И все это дѣлается искренне, не по заказу, не изъ принципа. Россія доказала, что умѣла цѣнить покойнаго и любила его такъ, какъ заслужилъ онъ своей многострадальной и любвеобильною жизнью.

Въ рудникахъ Сибири, въ близкомъ общеніи съ злодѣями, съ преступниками, научился онъ прислушиваться къ тайнымъ воплямъ страждущихъ. Тамъ научился онъ любить человѣка,—не того сытаго и самодовольнаго человѣка, которому легко живется, а того униженнаго и оскорбленнаго, презираемаго и ненавидимаго, который нуждается въ словѣ утѣшенія и оправданія. Тамъ же узналъ онъ и народъ русскій и увѣровалъ въ его силу и правду. Вѣра народа стала его вѣрой, идеалъ народа — его идеаломъ.

Какъ ни различны сферы, изъ которыхъ черпалъ Достоевскій матеріалъ для своихъ романовъ, какъ ни разнообразны типы, въ нихъ выведенные, но идея, вдохновлявшая автора, вездѣ одна, вездѣ—защита попранныхъ правъ человѣка, вездѣ—оправданіе согрѣшившихъ и прощеніе падшимъ. Достоевскій понялъ чуткимъ сердцемъ своимъ, что нѣтъ на свѣтѣ ни злодѣевъ, ни извергов, а есть только несчастные и больные, изуродованные и исковерканные. Безъ отвращенія, не брезгая, раскапываетъ онъ грязную кучу пороковъ и страстей, терпѣливо ищетъ онъ въ грязи этой заглохшей искры божественнаго огня,—искры малой, но способной вспыхнуть яркимъ пламенемъ и сразу поднять носителя своего на недосягаемую высоту. Онъ вѣритъ, что нѣтъ человѣка окончательно погибшаго, утратившаго безвозвратно образъ и подобіе Божіе,—онъ вѣритъ въ душу человѣка и въ другихъ поддерживаетъ эту вѣру. Припомните Раскольникова, Ставрогина, Дмитрія Карамазова. — «Не презирай, не казни, не суди» — вотъ тема, которую онъ разработывалъ неустанно и въ романахъ, и въ *Дневникѣ*, и въ жизни. Безпощадно, какъ врачъ, убѣжденный въ пользѣ своихъ операцій, анатомируетъ онъ самые темные углы сердца человѣческаго, самыя сокровенныя движенія души. Но рядомъ съ неумолимою правдой онъ даетъ и милосердый судъ.

Кто знакомъ съ произведеніями Достоевскаго (а кто же не знакомъ съ ними?), тому нечего говорить о глубинѣ и могучей правдѣ его анализа, о его знаніи человѣческаго сердца. Кому не случалось, прочтя романъ его, покраснѣть за свои собственныя мысли и чувства, какъ бы подслушанныя геніальнымъ психологомъ,—такія мысли и чувства, въ которыхъ человѣкъ самому себѣ стыдится признаться, — и кто не почувствовалъ готовности подать руку и сказать слово примиренія тому, кого наканунѣ онъ забросалъ бы камнями?

Таково вліяніе этого человѣчнаго писателя, этого душевнаго человѣка. Открыто и гордо несъ онъ свое знамя къ избранной

цѣли. Никогда, ни ради чего, не отступилъ онъ ни на шагъ отъ своихъ убѣжденій и завѣтныхъ вѣрованій, во всю жизнь свою не сказалъ онъ фальшиваго слова, отъ того-то и могуча такъ его вдохновенная рѣчь.

Москвичи не забыли своего недавняго знакомства съ Достоевскимъ. Они помнятъ этого невысокаго, смиреннаго человѣка, который слабымъ, едва слышнымъ изъ первыхъ рядовъ голосомъ читалъ сцену изъ «Бориса Годунова», — и помнятъ они его же на другой день, когда онъ вдругъ какъ будто выросъ на цѣлую голову, когда глаза его загорѣлись и могучее слово его проникло до самыхъ дальнихъ угловъ огромной залы. Кто такъ вѣритъ въ то, что говоритъ, тому и другіе вѣрятъ.

Нѣкоторыми органами печати былъ поднятъ вопросъ, что именно оплакиваетъ Россія въ лицѣ Достоевскаго: скорбитъ ли она объ утратѣ любимаго писателя, жалѣетъ ли душевнаго человѣка, или чтитъ память великаго мыслителя. Когда рѣчь идетъ о Достоевскомъ, такой вопросъ врядъ ли возможенъ. Вся жизнь этого человѣка, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, была цѣльнымъ, горячимъ порывомъ къ одной ясно-опредѣленной цѣли. Развѣ въ романахъ его не читаете того же, что находите въ его *Дневникѣ*, и развѣ вся жизнь его не была въ постоянной гармоніи съ тѣми взглядами и вѣрованіями, которые онъ такъ горячо проповѣдывалъ? Если такъ, то можно ли задавать вопросъ, что именно чтутъ въ Достоевскомъ?... Чтутъ не поэта только, не моралиста, не мыслителя,—чтутъ всего Достоевскаго, такого, какъ онъ есть, во всѣхъ проявленіяхъ его мысли и духа, кроткаго и любящаго, единаго и цѣльнаго, какъ тотъ идеалъ, къ которому онъ стремился всю свою жизнь.

Можно было различно относиться къ художественной дѣятельности Достоевскаго, можно было не соглашаться съ его мнѣніями, не сочувствовать его убѣжденіямъ и идеаламъ, не раздѣлять его вѣры; но могъ ли кто не преклониться передъ силой этой вѣры, передъ смѣлостью ея исповѣданія,—могъ ли кто не отозваться добрымъ чувствомъ на горячій призывъ этой любвеобильной, всепрощающей души?

Отдѣльныя мысли, выхваченныя изъ міросозерцанія Достоевскаго, всегда имѣли противниковъ и возражателей, но самъ онъ не имѣлъ враговъ. Его любила вся Россія.

А. Ч.

3.

Еще затмилася прекрасная звѣзда,
Въ разгарѣ полнаго и яркаго сіянья,
Такъ неожиданно!... А многіе года
Она свѣтила намъ, какъ лучъ обѣтованья.
На нашихъ сумрачныхъ духовныхъ небесахъ,
Покрытыхъ тучами, теперь такъ мало свѣта,
Такъ мало ясныхъ звѣздъ; въ ихъ трепетныхъ лучахъ
Чуть видѣнъ трудный путь и мглою даль одѣта...
Порой лишь тусклый свѣтъ блуждающихъ огней
Влечетъ на мигъ толпу, блеснувъ лучомъ коварнымъ...
А ты, художникъ, намъ, ты, въ сумракѣ тѣней,
Лилъ тихій, ровный блескъ свѣтиломъ лучезарнымъ!
Ты вѣрой искренней и теплой пламенѣлъ
Во все прекрасное... Твой голосъ вдохновенный
Сулилъ отечеству безсмертія удѣлъ
И къ идеалу звалъ... Твой взоръ проникновенный
Въ клокочущемъ аду страстей и темныхъ силъ,
Гдѣ, какъ страшилища, гнѣздятся преступленья,
Въ хаосѣ зла и мукъ порою находилъ
Залогъ спасенія, святыню искупленья...
Въ душѣ преступника, проклятой на землѣ,
Отверженной людьми и чуждой ихъ участью,
Ты видѣлъ свѣтлый лучъ, таящійся во мглѣ,
Сокровище небесъ, похищенное страстью,—
Въ аду скорбей, во тьмѣ духовной нищеты
Ты видѣлъ скрытый путь къ вратамъ любви и рая...
О, рано ты ушелъ!... О, много, много ты
Еще не досказалъ, изъ міра улетая!
Горька утрата намъ,—замолкъ твой вѣщій зовъ!...
Но долго будетъ онъ звучать и за могилой,
Сквозь гулъ обыденный ничтожныхъ голосовъ,
Съ любовью теплою, съ пророческою силой...
Уже сокрылся ты за гранью міровой,
Но призоветъ жреца, мыслителя, поэта
Къ служенью свѣтлому оставленный тобой
Въ духовной скиніи святой кивотъ завѣта...

Л. Пальминъ.

ПАНЪ ТАДЕУШЪ

(Поэма Мицкевича.)

Книга II.

ЗАМОКЪ.

Охота съ борзыми на зайца.—Гость въ замкѣ. — Послѣдній шляхтичъ разсказываетъ исторію послѣдняго изъ Горешковъ.—Взглядъ въ огородъ.—Дѣвушка въ грядкахъ.—Завтракъ.—Петербургскій анекдотъ пани Телимены.—Новый взрывъ спора о Куцомъ и Соколѣ.—Вмѣшательство Робака.—Рѣчь войскаго.—Закладъ.—За грибами.

Кто юныхъ лѣтъ не помнитъ, когда, предавшись волѣ,
Съ ружьемъ, свистя безпечно, мы выходили въ поле,
Гдѣ ни заборъ не встанетъ, ни валъ среди полей,
Гдѣ никакого дѣла намъ ни до чьихъ межей.
Въ Литвѣ охотникъ—словно корабль въ открытомъ морѣ,—
Какой дорогой хочетъ, идетъ онъ на просторѣ.
Онъ, какъ пророкъ, на небо глядитъ, и много тамъ
Примѣтъ понятныхъ только охотничьимъ очамъ.
Какъ чародѣй, онъ тайно бесѣдуетъ съ землею,
И много, много шепчетъ ему земля порою.
Крикъ дергача раздался съ поляны въ сторонѣ,
Въ травѣ ему привольно, какъ щукѣ въ глубинѣ;
Тамъ жаворонокъ ранній весну предвозвѣщаетъ
И съ пѣснію въ глубокой лазури утопаетъ;
Орелъ крыломъ широкимъ трепещетъ въ небесахъ,
Какъ бы царей комета, пугая мелкихъ птахъ;
Вонъ ястребъ распростерся подъ высью голубою,
Какъ мотылекъ, дрожащій, приколотый иглою,
А лишь увидитъ пташку иль русака,—съ высотъ,
Какъ метеоръ летучій, на жертву упадетъ.

Когда-жь насъ Богъ сподобитъ вернуться въ край родимый
И поселиться въ домѣ при пажити любимой,
Тамъ поступить въ пѣхоту, что птицъ лишь только бьетъ,
Иль въ конницу, что битвы лишь съ зайцами ведетъ,
Гдѣ лишь одно оружье—коса да серпъ, и кромѣ
Нѣтъ ни одной газеты, какъ счетъ хозяйскій въ домѣ?
Уже надъ Соплицовымъ свѣтъ солнца засверкалъ
И, озаривши крыши, проникъ на сѣновалъ,
Гдѣ молодежь лежала, и блескомъ золотистымъ
Тамъ заигралъ на сѣнѣ зеленомъ и душистомъ.
Блестящія полоски трепещущихъ лучей,
Сверкали, будто ленты, въ отверстія щелей,
Своимъ сіяньемъ спящимъ покоя не давая,
Какъ сельская красотка, что колосомъ, играя,
Порою будитъ парня; воробушки кругомъ
Подъ крышей завозились, порхая; надъ селомъ
Гусиный крикъ раздался, за нимъ проснулись утки,
И замычало стадо подъ звукъ пастушьей дудки.
Всѣ встали, но Тадеушъ вее былъ въ глубокомъ снѣ:
Вчера не спалъ онъ долго въ полночной тишинѣ,
Объятый безпокойствомъ; ужь пѣтухи пропѣли,
А онъ еще метался на травяной постели,
Пока, въ душистомъ сѣнѣ весь утонувъ, заснулъ.
Но вотъ холодный вѣтеръ въ лицо ему пахнулъ,
И, отворивши настежъ со скрипомъ дверь сарая,
Вошелъ къ нему ксендзъ Робакъ и, поясомъ махая
Надъ юношей съ улыбкой, отъ сна его будилъ
И громко «Surge puer» ему проговорилъ.
Охотничіи крики дворъ цѣлый оглашаютъ;
Тамъ лошадей выводятъ, коляски выѣзжаютъ,—
Собраніе такое весь дворъ едва вмѣститъ.
Вотъ растворили псарни, рожокъ уже звучитъ.
Съ веселымъ визгомъ лаютъ и прыгаютъ борзыя,
Увидя доѣзжачихъ, и, будто какъ шальные,
Псы по двору мелькаютъ и скачутъ тамъ и тутъ,
Себѣ надѣть ошейникъ съ покорностью даютъ.
Хорошую охоту все это предвѣщаетъ.
Ужь подкоморій поѣздъ въ дорогу отправляетъ,
Охотники въ ворота наперерывъ спѣшатъ,
И развернулся въ полѣ ихъ длинный, пестрый рядъ.

Панъ регентъ и ассессоръ въ срединѣ ѣдутъ рядомъ;
Хотя порой мѣняясь, украдкой, злобнымъ взглядомъ,
Но вѣжливо другъ съ другомъ заводятъ разговоръ,
Спѣша, какъ люди чести, окончить старый споръ.
Въ нихъ вовсе не замѣтно враговъ непримиримыхъ;
Они ведутъ съ собою собакъ своихъ любимыхъ.
Въ повозкахъ сзади дамы; сопровождаетъ ихъ
И молодежь верхами на лошадяхъ своихъ.
Монахъ свои молитвы кончалъ ужь той порою;
Бродилъ отъ всѣхъ поодаль онъ медленной стопою.
Тадеуша увидя, онъ пристально взглянулъ,
Тихонько усмѣхнулся и головой кивнулъ.
Когда же тотъ подъѣхалъ, онъ пальцемъ погрозился
На юношу; Тадеушъ никакъ не допросился,
Чтобы монахъ угрозу нѣмую объяснилъ:
Ксендзъ не сказалъ ни слова и очи опустилъ,
Лишь капюшонъ надвинулъ, окончивши молиться,
А юный панъ съ гостями спѣшилъ соединиться.
Охотники сдержали, межъ тѣмъ, собакъ своихъ
И вдругъ остановились; нѣмые жесты ихъ
Давали знакъ молчанья; и неподвижнымъ взоромъ
Мгновенно обратились всѣ къ камню, предъ которымъ
Судья остановился; онъ звѣря увидалъ
И на него безмолвнымъ движеньемъ указалъ.
Его приказъ въ минуту всѣ поняли и стали.
Панъ регентъ и ассессоръ тихонько подъѣзжали.
Тадеушъ ихъ обоихъ успѣлъ ужь обогнать.
Съ судьею ставши рядомъ, напрасно онъ сыскать
Старался зайца въ полѣ; на сѣроватой глади
Онъ непривычнымъ глазомъ, по указанью дяди,
Едва сыскалъ: бѣдняга подъ камнемъ небольшимъ
Сложилъ въ испугѣ уши и, пріютясь подъ нимъ,
Онъ красными глазами охоты приближенье
Встрѣчалъ, какъ будто чуя свое предназначенье,
И, словно очарованъ, не могъ свести очей,
Самъ, будто камень мертвый, залегши межъ камней.
Вдоль пашни клубы пыли все шире разстилались;
Проворный Соколъ съ Куцымъ какъ бѣшеные рвались.
Тутъ регентъ и ассессоръ воскликнули заразъ:
«Бери»—и въ тучѣ пыли исчезли вдругъ изъ глазъ.

Но, вотъ, пока охоту за зайцемъ продолжали,
Вблизи опушки лѣса и графа увидали.
О графѣ въ околодкѣ давно ужь каждый зналъ,
Что никогда онъ въ пору нигдѣ не поспѣвалъ.
Такъ онъ проспалъ и нынѣ, на дворню разворчался,
Охотниковъ увидя, галопомъ къ нимъ помчался;
Сюртукъ свой длинный, бѣлый, на англійскій покрой,
Онъ распустилъ по вѣтру. За нимъ верхомъ, толпой,
Всѣ въ бѣлыхъ панталонахъ, служители скакали;
Ихъ маленькія шляпы грибы напоминали;
Всѣ были въ узкихъ курткахъ; такъ панъ ихъ одѣвалъ
И въ замкѣ по-англійски жокеями ихъ звалъ.
Черезъ поля, галопомъ, со свитой графъ пустился,
Но, увидавши замокъ, въ моментъ остановился:
Глазамъ онъ не повѣрилъ, увидя въ первый разъ
Его при свѣтѣ утра; въ подобный ранній часъ
Такъ стѣны измѣнились и такъ помолодѣли....
Графъ пораженъ былъ видомъ: да это ужь онѣ ли?
И башня вдвое выше надъ утреннею мглой;
Скользитъ по крышѣ ярко лучъ солнца золотой;
Остатки рамъ оконныхъ подъ ранними лучами
Сверкали сквозь рѣшотки волшебными цвѣтами;
Туманъ на нижній ярусъ завѣсою упалъ,
Развалины и щели онъ отъ очей скрывалъ;
А разносимый вѣтромъ крикъ ловчихъ на полянѣ
Отъ замка отражался и вторился въ туманѣ,
И мнилось, что изъ замка тѣ звуки, и что онъ
И заново отдѣланъ, и къ жизни воскрешонъ.

Мечта нерѣдко графа далеко увлекала
Средь мѣстъ пустынныхъ, дикихъ; онъ находилъ, бывало,
Въ нихъ много романтизма. Онъ былъ чудакъ большой:
Нерѣдко онъ, охотясь за зайцемъ, за лисой,
Задумчиво на небо глядѣлъ съ тоской глубокой,
Какъ будто котъ на птицу въ вѣтвяхъ сосны высокой.
Порою безъ собаки бродилъ и безъ ружья
Въ лѣсу, какъ бѣглый рекрутъ. На берегу ручья
Порой сидѣлъ недвижно, поникнувъ надъ струями,
Подобно жадной цаплѣ, что съѣла бы глазами
Всю рыбу.... И о графѣ говаривалъ народъ,
Что будто бы чего-то ему недостаетъ.

Его любили впрочемъ: богатый, знатный родомъ,
Онъ ласковъ былъ къ сосѣдямъ, общителенъ съ народомъ,
А даже и съ жидами.
Графъ, лошадь своротивъ
Съ дороги, мимо замка, понесся между нивъ,
Взглянулъ на стѣны замка, вздохнувши безъ отчета
И карандашъ съ бумагой доставъ, чертилъ онъ что-то.
Вдругъ увидалъ, поодаль шелъ кто-то стороной,
Какъ будто бы ландшафтовъ любитель записной,
Въ карманы спрятавъ руки; казалось, онъ каменья
Считалъ, глаза поднявши... И графъ черезъ мгновенье
Узналъ его, но прежде онъ раза три вскричалъ,
Покамѣстъ голосъ графа Гервасій услыхалъ.
То былъ старикъ послѣдній изъ шляхты, что, бывало,
Когда-то при Горешкахъ на службѣ проживала.
Старикъ—сѣдой, высокій, морщинами покрытъ,
Суровый и угрюмый—имѣлъ здоровый видъ.
Весельчакомъ когда-то онъ слылъ; но со мгновенья,
Когда владѣлецъ замка погибъ среди сраженья,
Гервасій измѣнился и многіе года
Не посѣщалъ ни свадьбы, ни пира никогда;
Его забавныхъ шутокъ съ тѣхъ поръ не слышно было
И прежнюю улыбку лицо его забыло.
Въ горешковской ливреѣ онъ старой былъ одѣтъ;
На курткѣ съ галунами, поблекшими отъ лѣтъ,
Гербъ шелковый Пулкозицъ виднѣлся, и за это
Пулкозицы прозванье онъ получилъ отъ свѣта.
А также околодокъ его «Мопанкомъ» звалъ
(Онъ эту поговорку нерѣдко повторялъ);
За лысину всю въ шрамахъ его Щербатымъ звали.
Старикъ звался Ренбайло. Гербовъ его не знали,
Себя титуловалъ же онъ ключникомъ всегда —
За то, что имъ онъ въ замкѣ былъ въ давніе года.
Ключей большую связку и до сихъ поръ съ собою
За поясомъ носилъ онъ, завязанныхъ тесьмою
Съ серебряною кистью; хотя уже ему
И не извѣстно было, что запирать въ дому:
Ворота были настежъ оставлены въ покоѣ;
Однако же нашелъ онъ дверей какихъ-то двое,
На собственныя деньги исправилъ ихъ и самъ

Ихъ отпиралъ, нерѣдко блуждая по утрамъ.
Въ пустой избѣ какой-то избралъ себѣ жилище;
Хотя бы могъ спокойно онъ жить на графской пищѣ,
Но не хотѣлъ; повсюду хворалъ и тосковалъ,
Когда онъ воздухъ замка любимый не вдыхалъ.
Старикъ, увидя графа, поспѣшною рукою
Снялъ шапку и склонился плѣшивой головою,
Отъ сабельныхъ ударовъ въ безчисленныхъ рубцахъ,
Блестѣвшей издалека при солнечныхъ лучахъ.
Ее рукой погладивъ, поклонъ отвѣсилъ снова
И вымолвилъ: «Мопанку! прости за это слово,
Прости, мой пане ясный, привычку многихъ лѣтъ!
Позволь мнѣ это слово, вѣдь въ немъ обиды нѣтъ;
Оно въ устахъ Горешковъ давно извѣстно свѣту,—
Мой панъ, послѣднiй стольникъ, имѣлъ привычку эту.
А правда ли, мопанку, ты замокъ, говорятъ,
Соплицамъ уступаешь, боясь судебныхъ тратъ?
Не вѣрится!... А ходитъ вездѣ молва людская».
Такъ говоря, на замокъ взглянулъ старикъ, вздыхая.
«Такъ что же?—графъ промолвилъ,—и вправду денегъ нѣтъ,
Расходы же велики, а медленный сосѣдъ
Нарочно дѣло тянетъ, чтобъ я скорѣй смирился....
Не выдержать мнѣ дольше и кончить я рѣшился.
Пойду на мировую, какъ постановитъ судъ.
«Какъ, мировую, съ ними? вскричалъ Гервасiй тутъ,—
Съ Соплицами, мопанку?—скрививши губы снова,
Вскричалъ онъ, будто въ злобѣ на собственное слово,—
Съ Соплицами, мопанку?... Изволитъ панъ шутить!...
Родимый кровъ Горешковъ Соплицамъ уступить?
Чтобъ онъ попалъ въ ихъ руки?... Мой панъ, ужасно это!
Не откажись, мопанку, отъ моего совѣта,
Слѣзай скорѣй, да въ замокъ,—послушайся меня!»
Старикъ при этомъ графу помогъ сойти съ коня.
У самаго порога старикъ остановился.
«Тутъ сиживали въ креслахъ,—онъ къ графу обратился,—
Паны послѣ обѣда съ семьей, и часто панъ
Рѣшалъ, бывало, споры и распри межъ крестьянъ;
Подчасъ, бывая въ духѣ, въ разсказы онъ пускался,
Веселымъ разговоромъ съ гостями забавлялся,

А молодежь играла, какъ нравилося ей,
Иль объѣзжала въ полѣ турецкихъ лошадей».
Они вступили въ сѣни, мощеныя камнями,
И продолжалъ Гервасій: «Здѣсь, пане, подъ ногами
У насъ камней не столько, какъ добраго вина
Раскупорено бочекъ въ былыя времена....
Ихъ шляхта на веревкахъ изъ погреба таскала
Въ дни сеймиковъ, охоты, иль именинъ, бывало.
Въ часы пировъ на хорахъ звучалъ органъ порой *),
Звенѣли инструменты веселою игрой,
А при заздравной чашѣ, какъ въ судный день, гремѣла
Труба, по залу тосты неслися то и дѣло.
Въ честь короля былъ первый, примаса въ честь второй,
А третій королевы; потомъ своей чредой
За здравіе всей шляхты и Рѣчи Посполитой,
А послѣ пятой чаши, хозяиномъ налитой,
При крикахъ: kochajmy się **) веселый пиръ гостей
Съ заката продолжался до утреннихъ лучей.
А цуги и подводы готовые стояли
И по домамъ пріѣзжихъ изъ замка доставляли».
Прошли ужь много комнатъ; Гервасій замолчалъ;
Онъ взорами по сводамъ и по стѣнамъ блуждалъ.
Вставало въ немъ былое то грустно, то пріятно;
Онъ шелъ и словно думалъ: все сгибло безвозвратно!
То головой кивалъ онъ, то вдругъ махалъ рукой:
Одно воспоминанье съ мучительной тоской
Прогнать хотѣлъ, казалось, онъ изъ души печальной.
Они на верхъ взобрались, въ старинный залъ зеркальный.
Теперь пустыя рамы стояли безъ зеркалъ,
Свободно вѣтеръ въ окна безъ стеколъ проникалъ.
Взойдя сюда, Гервасій поникъ, печали полонъ,
Лицо закрылъ руками; когда же ихъ отвелъ онъ,
Былъ омраченъ глубокимъ отчаяніемъ ликъ,
Хоть не извѣстно было, чѣмъ огорченъ старикъ.
Но въ графѣ въ ту-жь минуту родилось состраданье;
Онъ старику сжалъ руку. Минутное молчанье
Прервалъ Гервасій, гнѣвно потрясши головой:

---

*) Въ старинныхъ замкахъ въ Польшѣ ставили на хорахъ органы.

**) Kochajmy się! (возлюбимъ другъ друга)—извѣстный тостъ временъ Рѣчи Посполитой, выражавшій братское единеніе.

«Нѣтъ, у Соплицъ не должно согласья быть съ тобой!
Въ тебѣ вѣдь кровь Горешковъ, кровь стольника родная....
Вѣдь кастеляна внукъ ты, и дочь его вторая
Тебѣ, мопанку, бабка, а дѣдомъ кастелянъ,
Что стольнику былъ дядей.... Но слушай же, мой панъ:
Я про твое семейство все разскажу, какъ было,
И что вотъ въ этомъ залѣ, вотъ здѣсь, происходило....

«Покойный панъ мой, стольникъ, на весь повѣтъ гремѣлъ
Почетомъ и богатствомъ. Онъ дочь одну имѣлъ
Прекрасную, какъ ангелъ, и потому не мало
Она пановъ и шляхты красою привлекала.
Въ толпѣ ихъ отличался особымъ удальствомъ
Одинъ—Соплица Яцекъ; шутливо былъ кругомъ
Онъ прозванъ воеводой, и было основанье,—
Имѣлъ онъ въ околодкѣ не малое вліянье.
Какъ воевода правилъ своей семьей родной
И голосовъ три сотни имѣлъ онъ за собой,
Хоть самъ владѣлъ немногимъ: огромными усами,
Клочкомъ земли да саблей. Панъ стольникъ временами,
Особенно при сеймахъ, Соплицу угощалъ
И приглашалъ порою,—онъ въ немъ себѣ искалъ
Союзника на сеймахъ. Обласканный пріемомъ,
Соплица такъ занесся, что даже съ панскимъ домомъ
Задумалъ породниться и зятемъ пана стать.
Непрошенный, все чаще сталъ въ замокъ пріѣзжать,
Вполнѣ, какъ будто дома, у насъ укоренился
И сдѣлать предложенье въ концѣ концовъ рѣшился.
Панъ стольникъ за Соплицу дочь не хотѣлъ отдать
И черную похлебку *) велѣлъ на столъ подать.
Повидимому, Яцка и панна полюбила,
Но отъ родныхъ глубоко то чувство затаила.

«То было въ дни Косцюшки. Мой панъ приготовлялъ
Конфедератамъ помощь и шляхту собиралъ.
Вдругъ русскіе нежданно на замокъ въ ночь напали.
Мы, чуть поспѣвъ, изъ пушки сигналъ тревоги дали,
Да заперли ворота засовомъ поскорѣй.
Насъ мало было: стольникъ, я, пани, изъ людей—

*) Черная похлебка, поданная на столъ гостю, искавшему руки хозяйской дочери, означала отказъ.

Два поваренка, поваръ (всѣ пьяны), два лакея,
Три гайдука, панъ пробощъ... И вотъ мы, не робѣя,
Въ окошкахъ смѣло стали и ружья навели.
Крича ура, валились на насыпь москали.
Мы изъ десятка ружей стрѣляли неустанно,
Хоть видѣть было трудно, и ночь была туманна.
Мы съ паномъ—сверху, слуги палили снизу въ нихъ.
Все славно шло при трудныхъ условіяхъ такихъ.
Тутъ два десятка ружей у нашихъ ногъ лежали:
Стрѣльнемъ однимъ, другое сейчасъ же подавали.
Намъ ружья заряжали священникъ съ госпожей,
Да панна и служанки. Изъ оконъ залпъ тройной
Мы слали неустанно. Московская пѣхота
Градъ пуль пускала снизу, стрѣляя въ насъ безъ счета.
Мы сверху хоть и рѣже стрѣляли, но вѣрнѣй
И мѣтче попадая порою въ москалей.
Они уже къ воротамъ три раза подступали,
Но каждый разъ три тѣла предъ ними оставляли.
«Ужь въ небѣ разсвѣтало. Враги за кладовой
Отъ нашихъ пуль укрылись; но только головой
Кто высунется съ краю, панъ стольникъ сразу, мѣтко,
Слалъ пулю въ ту-жь минуту, промахиваясь рѣдко,
Въ траву валилась каска, и рѣдко кто-нибудь
Теперь уже рѣшался изъ-за угла взглянуть.
Увидя, что солдаты попрятались трусливо,
Панъ самъ напасть рѣшился: схватилъ онъ саблю живо,
Приказы роздалъ слугамъ и, обратясь ко мнѣ,
Вскричалъ: «за мной, Гервасій!» Вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ,
Въ воротахъ, выстрѣлъ.... Стольникъ со стономъ зашатался,
Весь поблѣднѣлъ; напрасно промолвить онъ старался,
Лишь харкнулъ кровью,—въ сердце свинецъ ему попалъ.
Безгласно на ворота онъ пальцемъ указалъ:
Предателя Соплицу увидѣлъ вдалекѣ я
И, по усамъ и росту, сейчасъ узналъ злодѣя.
Въ его рукахъ дымился еще ружейный стволъ
И былъ приподнятъ кверху. Я въ тотъ же мигъ навелъ
Ружье въ убійцу прямо. Злодѣй не шевельнулся.
Я выстрѣлилъ два раза, но оба промахнулся,—
Съ отчаянья и злости я сталъ какъ бы слѣпцомъ,
Услышалъ слезы женщинъ,—панъ былъ ужь мертвецомъ....»

Гервасій тутъ умолкнулъ и залился слезами,
Но продолжалъ, оправясь: «Враги уже толпами
Ворвались въ замокъ, я же, въ отчаяньи нѣмомъ,
Не видѣлъ и не слышалъ что̀ дѣлалось кругомъ.
По счастью, къ намъ на помощь пришелъ Парафіяновичъ,
Мицкевичей двѣ сотни изъ мѣста Горбатовичъ,
Не мало доброй шляхты и храбрыхъ, бравыхъ лицъ,
Что̀ вѣчно враждовали съ фамиліей Соплицъ.
«Такъ панъ погибъ могучій, богатый, справедливый,
Въ величіи почета, душой благочестивый,
Отецъ крестьянъ, братъ шляхты, погибъ—и сына нѣтъ,
Который бы надъ гробомъ далъ мщенія обѣтъ....
Но слугъ имѣлъ отъ вѣрныхъ. Въ крови его рапиру
Я омочилъ; извѣстна она родному міру:
Прозваніе ей «ножикъ»; давно онъ славенъ сталъ
На сеймикахъ и сеймахъ (ты вѣрно самъ слыхалъ).
Въ крови Соплицъ мой ножикъ я закалить поклялся,
На ярмаркахъ, на сеймахъ ихъ встрѣчи добивался;
Я двухъ на поединкѣ, двухъ въ распрѣ зарубилъ,
А одного живаго въ строеніи спалилъ:
Когда на Кореличе мы съ Рымшей нападали,
Онъ какъ пескарь испекся.... А тѣхъ и счесть едва ли,
Кому я уши срѣзалъ. И лишь у одного
Нѣтъ отъ меня на память покамѣстъ ничего,
А именно то братецъ усатаго злодѣя,—
Онъ здравствуетъ и нынѣ, кичась и богатѣя.
Почти до стѣнъ Горешковъ его земли края;
Онъ въ званіи почетномъ, въ повѣтѣ онъ—судья...
И ты уступишь, замокъ пойдешь на мировую?
И онъ на этомъ мѣстѣ кровь пана пролитую
Попретъ ногой безчестной?... О, нѣтъ! Пока во мнѣ
Цѣла хоть капля крови, покамѣстъ на стѣнѣ
Висящій этотъ ножикъ моя рука достанетъ,
Соплица этимъ замкомъ, клянусь, владѣть не станетъ!»
«О!—вскрикнулъ графъ и руки онъ поднялъ къ небесамъ,—
Не даромъ этотъ замокъ такъ полюбилъ я самъ...
Предчувствовалъ я сердцемъ, какъ много здѣсь таится,
Какъ много интересныхъ романовъ коренится.
Да, старый замокъ предковъ въ свое владѣнье взявъ,

Тебя въ немъ поселю я,—ты будешь мой бургграфъ....
Гервасій! струны сердца тобой во мнѣ задѣты.
Жаль одного: не ночью разсказъ повѣдалъ мнѣ ты....
Я сѣлъ бы на руинахъ, закутавшись плащомъ,
А ты бы о кровавомъ разсказывалъ быломъ....
Какъ жаль, что краснорѣчьемъ ты обладаешь мало.
Такихъ преданій много я читывалъ, бывало:
Въ шотландскихъ замкахъ лордовъ ихъ всѣхъ не перечесть,
Въ германскихъ башняхъ много легендъ кровавыхъ есть;
У всѣхъ семей старинныхъ и доблестныхъ фамилій
Преданія хранятся убійствъ или насилій,
Передается мщенье за нихъ изъ рода въ родъ....
А въ Польшѣ о подобномъ не слыхивалъ народъ....
Кровь доблестныхъ Горешковъ во мнѣ струится, чую....
Мой родъ я долженъ помнить, мою семью родную:
Съ Соплицей все порву я, что насъ мирить могло,
Хотя-бъ до пистолетовъ или до шпагъ дошло....
Такъ честь велитъ....» При этомъ торжественно пошелъ онъ,
А вслѣдъ за нимъ Гервасій, безмолвной думы полонъ.
Остановясь въ воротахъ, графъ на коня вскочилъ
И про себя, на замокъ взглянувъ, проговорилъ,
Въ раздумьи развивая мечтаній вереницы:
«Жены лишь нѣтъ, къ несчастью, у стараго Соплицы,
Или прелестной дочки, которую бы я
Боготворилъ, безмолвно мученія тая....
Вотъ было бы въ романѣ отличное сплетенье:
Жестокій долгъ и—сердце, огонь любви и—мщенье».
    Тутъ графъ, коня пришпоривъ, изъ замка поскакалъ;
Но близъ опушки лѣса вдругъ ловчихъ увидалъ.
А графъ любилъ охоту,—все позабылъ онъ живо
И поспѣшилъ къ опушкѣ, минуя торопливо
Ворота, огороды; но тамъ, гдѣ у плетня
Былъ изворотъ дороги, онъ придержалъ коня,—
Предъ нимъ былъ садъ.
                                        Деревья фруктовыя рядами
Вкругъ разбросали тѣни; склонилась надъ грядами
Плѣшивая капуста, какъ будто бы она
О судьбахъ урожая глубокихъ думъ полна;
Тамъ золотою кистью желтѣетъ кукуруза,
А тутъ круглится брюхо зеленаго арбуза.

Что, будто позабывши про свой родимый стволъ,
Къ румянымъ свекламъ въ гости нечаянно зашелъ.
А рядомъ вкругъ тычинокъ, гдѣ разрослись морковки,
Обвился бобъ зеленый, склонивши къ нимъ головки.
По сторонамъ, межъ грядокъ, гдѣ борозды легли,
Стоятъ, какъ бы на-стражѣ, въ шеренгахъ конопли,
Подобно кипарисамъ, а ихъ уборъ зеленый
И острый запахъ служатъ для грядокъ обороной:
Сквозь листья не пропустятъ ужа до овощей,
А запахъ убиваетъ личинокъ и червей...
Вонъ макъ разросся дальше, бѣлѣя стебельками,
И мнится, что надъ ними воздушными крылами
Трепещетъ въ блескѣ солнца рой пестрыхъ мотыльковъ,
Какъ дорогіе камни всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ:
То яркій макъ въ убранствѣ и пышномъ, и прекрасномъ.
А между нимъ, какъ мѣсяцъ межъ звѣздъ на небѣ ясномъ,
Подсолнечникъ вращаетъ большой златистый цвѣтъ,
Съ восхода до заката, за солнышкомъ вослѣдъ.
Гдѣ не было деревьевъ, тянулись полосами
Вдоль частокола гряды съ одними огурцами;
Разросшимся роскошно, раскидистымъ листомъ
Покрыты были гряды, какъ сборчатымъ ковромъ.
Тамъ дѣвушка шла въ бѣломъ, скользя подобно тѣни,
И въ зелени веселой тонула по колѣни.
Она, склоняясь къ грядамъ, казалося, не шла,
Но, въ зелени купаясь, какъ будто бы плыла.
Соломенная шляпа ее прикрыла нѣжно,
Двѣ розовыя ленты съ висковъ вились небрежно,
Косы златистой пряди разсыпались назадъ.
Она, въ рукѣ съ корзинкой и опустивши взглядъ,
Шла, правой ручкой зелень и листья раздвигая,
Какъ дѣвочка, что рыбку въ купаньи догоняя,
То ножкою, то ручкой играетъ съ ней въ волнахъ.
Такъ огурцы сбирая, она ихъ на грядахъ
Искала то глазами, то шарила ногою.
Панъ графъ залюбовался картинкою такою.
Вдали услышавъ топотъ сопутниковъ своихъ,
Безмолвно, быстрымъ жестомъ, остановилъ онъ ихъ.
Графъ съ вытянутой шеей и неподвижнымъ взглядомъ
Былъ журавлю подобенъ на-стражѣ передъ стадомъ,

Чтò, ставъ съ ногой поджатой въ безмолвіи ночномъ,
Когтями держитъ камень, чтобъ не забыться сномъ.
Вдругъ панъ очнулся, шелестъ услышавъ за спиною.
Взглянулъ: за нимъ былъ Робакъ съ приподнятой рукою
И съ узловатымъ шнуромъ. Тутъ квестарь закричалъ:
«Панъ, огурцы не дурны? А эти вотъ видалъ *)?...
Оставь-ка, панъ, затѣи! Повѣрь, на этомъ мѣстѣ
Хоть овощъ и не дуренъ, да не для вашей чести....»
Ксендзъ, погрозивши пальцемъ, поправилъ капюшонъ
И отошелъ. Съ минуту въ раздумье погруженъ,
Графъ и смѣялся вмѣстѣ, и полонъ былъ досадой
На скорую помѣху. Взглянулъ, но за оградой
Ужь дѣвушка исчезла, и лишь въ окнѣ одномъ
На мигъ мелькнула лента и спряталась потомъ.
По грядамъ было видно, гдѣ ножки пробѣжали:
Была тамъ смята зелень, листы еще шуршали
И распрямлялись снова, стихая, какъ вода,
Чтò птичка, пролетая, задѣнетъ иногда.
Гдѣ шла же незнакомка, межъ грядами блуждая,
Теперь одна корзинка плетеная, пустая,
Вверхъ дномъ перевернувшись, повиснула съ сучка
И все еще качалась межъ листиковъ слегка.
Ничѣмъ не нарушалось вокругъ уединенье,
А графъ все былъ у дома, напрягши слухъ и зрѣнье.
Вдали стояли слуги въ молчаніи нѣмомъ.
Но вотъ раздался въ домѣ, и тихомъ, и пустомъ,
Сперва какой-то шорохъ, а вскорѣ крикъ веселый,
Точь-въ-точь какъ будто въ ульѣ, куда влетѣли пчелы:
Знать, гости воротились съ охоты и скорѣй
Прислуга стала завтракъ готовить для гостей.
Нестройный шумъ и говоръ покои оглашали,
Вездѣ носили блюда, тарелками стучали.
Въ охотничьихъ костюмахъ мужчины какъ вошли,
Такъ прямо ѣли, пили и разговоръ вели—
О ружьяхъ, о собакахъ, о зайцахъ межъ собою,
Всѣ стоя, или ходя нестройною толпою.
Судья и подкоморій сидѣли за столомъ;
Въ углу шептали дамы. Порядка же ни въ чемъ,

*) Игра словъ: Ogòrki значатъ и огурцы, и узелки на монашескомъ поясѣ.

Не такъ, какъ за обѣдомъ иль ужиномъ, бывало,—
Въ старинномъ польскомъ домѣ то новой модой стало
При завтракахъ. Хоть это и допускалъ судья,
Но не любилъ, досаду внутри души тая.
За завтракомъ различно мужчинъ и дамъ кормили:
Тамъ съ кофеемъ подносы огромные носили,
Расписанные ярко; саксонскихъ чашекъ рядъ,
Дымясь, блисталъ фарфоромъ, и нѣжныйароматъ
Изъ жестяныхъ блестящихъ кофейниковъ курился;
Со сливками молочникъ при каждомъ находился.
Нѣтъ кофею какъ въ Польшѣ, такого въ свѣтѣ нѣтъ!
У насъ въ домахъ хорошихъ отъ стародавнихъ лѣтъ
Особая служанка есть для кофейной варки,
Извѣстная повсюду подъ именемъ «кавярки»;
Та кофе покупаетъ отборный съ кораблей *)
И тайны лучшей варки вполнѣ знакомы ей.
Какъ уголь, черенъ кофе, съ прозрачностью огнистой,
И густъ, какъ сотъ медовый, янтарный и душистый.
И сливки тоже важны, сомнѣнья въ этомъ нѣтъ,—
Ихъ не искать въ деревнѣ: кавярка, чуть разсвѣтъ,
Уже идетъ за ними, старательно снимая
Густѣйшую верхушку и тотчасъ разливая
Въ молочники для чашекъ заботливой рукой,
Чтобы застылъ на каждомъ особой пѣнки слой.
Старушки, вставши раньше, ужь утромъ кофе пили,
И въ завтракѣ напиткомъ другимъ ихъ угостили:
Раскипяченнымъ пивомъ со сливками, и тамъ
Творогъ истертый плавалъ, бѣлѣя по краямъ.
Мужчинъ изъ мясъ копченыхъ закуска ожидала:
Языкъ и гусь копченый, и ветчина, и сало,
Все лучшее, что̀ было сготовлено въ дому,
И все на можжевельномъ прокопчено дыму.
Въ концѣ послѣднимъ блюдомъ говяжьи зразы дали...
Вотъ завтраки какіе въ дому судьи бывали!
Въ двухъ комнатахъ двѣ разныхъ компаніи сошлись:
Усѣлись пожилые за столикъ; начались
Межъ ними разговоры то о хозяйствѣ въ Польшѣ,

*) Въ Литвѣ производится торговля съ пруссаками, которые сплавляютъ литовскій хлѣбъ, оставляя взамѣнъ колоніальные товары.

То объ указахъ царскихъ, что день строжайшихъ больше.
Панъ подкоморій слухи о будущей войнѣ
Сталъ обсуждать. Поодаль, немного въ сторонѣ,
Для панны войской въ карты его жена гадала,
Въ очкахъ изъ синихъ стеколъ; а юность разсуждала
Въ то время объ охотѣ, но разговоръ у ней
Сегодня шелъ, замѣтно, и тише, и ровнѣй.
Панъ регентъ и ассессоръ—не малые витіи
И знатоки охоты и травли записные —
Съ досадою и гнѣвомъ сидѣли въ сторонѣ,
Въ своихъ собакахъ оба увѣрены вполнѣ.
Въ тотъ мигъ, какъ Соколъ съ Куцымъ на-перебой, ревнивы,
Своей добычи разомъ въ концѣ крестьянской нивы,
На полосѣ не сжатой достигнули уже,
Внезапно доѣзжачихъ на полевой межѣ
Судья сдержалъ; конечно, полны въ душѣ досады,
Они повиновались, хоть рады иль не рады,
А псы одни вернулись: никто и не видалъ,
Попалъ ли звѣрь имъ въ зубы, иль въ поле убѣжалъ, —
Онъ Соколу всѣхъ прежде, иль Куцому попался,
Или обоимъ разомъ... Споръ не рѣшонъ остался.
　　Безмолвно старый войскій по комнатѣ бродилъ,
Разсѣянно смотрѣлъ онъ, ни съ кѣмъ не говорилъ;
Его не привлекали ни споры, ни охота,
И, видно, занимало его другое что-то.
Задумывался долго и, ставши въ сторонѣ,
Онъ кожаной хлопушкой билъ муху на стѣнѣ.
　　Тадеушъ съ Телименой стояли той порою
У двери, на порогѣ, въ бесѣдѣ межъ собою.
Ихъ малый промежутокъ отъ прочихъ отдѣлялъ
И потому шептали. Тутъ юноша узналъ,
Что пани Телимена богата, и что съ тёткой
Въ роднѣ не состоялъ онъ и близкой и короткой,
По крови и рожденью, и что она съ судьей
И не въ родствѣ, пожалуй, хотя ее сестрой
И называетъ дядя,—семейство ихъ, бывало,
При всемъ несходствѣ въ лѣтахъ, сестрой и братомъ звало;
Что много лѣтъ въ столицѣ потомъ она жила
И что судьѣ довольно тамъ пользы принесла,
За что судья не мало питалъ къ ней уваженья

И далъ сестры прозванье ей въ знакъ расположенья,
Что онъ изъ дружбы только ей былъ какъ будто братъ.
Тадеушъ, слыша это, былъ почему-то радъ.
До многаго коснуться бесѣда ихъ успѣла,
Хотя одна минута, не больше, пролетѣла.
А въ комнатѣ направо панъ регентъ искушалъ
Ассессора и молвилъ: «Вѣдь я вчера сказалъ,
Что травля не удастся: и время не настало,
И хлѣбъ еще на корнѣ, а у крестьянъ не мало
Овса полосъ несжатыхъ, и графъ, должно-быть, самъ
Поэтому явиться не соизволилъ къ намъ,
Хотя его и звали. Онъ толкъ въ охотѣ знаетъ;
Всѣ тонкости отлично онъ въ травлѣ понимаетъ,—
Чуть-чуть что не съ пеленокъ онъ жилъ въ краяхъ чужихъ
И говоритъ, что только у варваровъ однихъ
Простительна охота, какъ здѣсь она ведется,
Гдѣ никакихъ уставовъ, ни правилъ не найдется,
Гдѣ ѣздятъ, не спросившись, среди чужихъ полей,
Безъ вѣдома владѣльца, не зная рубежей.
Весной у насъ охотникъ поры не ожидаетъ,
Лисицу бьютъ нерѣдко, когда она линяетъ,
Или зайчихъ, недавши имъ вывести зайчатъ.
Охотясь такъ нелѣпо, скорѣе не травятъ,
А мучаютъ. И вѣрно графъ вывелъ заключенье,
Что несравненно выше у русскихъ просвѣщенье:
Правительства указы тамъ есть на этотъ счетъ,
И если ихъ нарушатъ, виновныхъ кара ждетъ».
Тутъ пани Телимена, въ добавокъ къ этой рѣчи,
Батистовымъ платочкомъ обмахивая плечи,
Замѣтила: «О, съ графомъ согласна я вполнѣ,—
Россія мнѣ знакома. Никто не вѣрилъ мнѣ,
Когда объ русскомъ краѣ не разъ я говорила,
Какъ строги тамъ порядки, какъ все умно и мило....
Была я въ Петербургѣ—не разъ, не два была....
Вотъ городъ: сладко вспомнить, какъ я тогда жила!...
Вы были въ Петербургѣ? Ахъ, какъ тамъ превосходно!
На планъ его, быть-можетъ, вамъ посмотрѣть угодно?
Онъ у меня въ комодѣ.... Столичный свѣтъ живетъ
Всегда на дачѣ лѣтомъ; когда весна придетъ,
Всѣ въ мирное затишье изъ города съѣзжаютъ.

Тамъ дачей сельскій домикъ въ деревнѣ называютъ.
И я жила на дачѣ тамъ надъ Невой рѣкой.
Ни близко, ни далеко былъ тихій домикъ мой.
Онъ былъ отстроенъ мило, въ изящномъ сельскомъ родѣ,
На холмикѣ песчаномъ.... Планъ у меня въ комодѣ....
Но, какъ на грѣхъ, на дачѣ моимъ сосѣдомъ сталъ
Одинъ чиновникъ мелкій.... Онъ у себя держалъ
Борзыхъ большую стаю.... Вы свѣтъ сочтете адомъ,
Когда чиновникъ близко и псарня тутъ же рядомъ....
Въ свой садъ, бывало, съ книжкой я выйду вечеркомъ
Вздохнуть при лунномъ свѣтѣ вечернимъ холодкомъ.
Смотрю, а песъ противный меня ужь догоняетъ,
Какъ угорѣлый, скачетъ, хвостомъ своимъ виляетъ....
Я чувствовала въ сердцѣ, что ужь отъ тѣхъ собакъ
Навѣрно быть несчастью.... Вотъ и случилось такъ:
Когда однажды утромъ я по саду ходила,
Проклятая собака при мнѣ же задавила
Любимую болонку. А что за пёсикъ былъ!
Мнѣ въ память ту собачку князь Сукинъ подарилъ....
А что за умный пёсикъ!... Какъ прыгалъ онъ, бывало!...
Въ комодѣ есть портретикъ, да лѣнь идти,—устала....
Я и сама отъ горя чуть-чуть не умерла,—
Я въ обморокъ упала, въ истерикѣ была....
Еще бы хуже, можетъ, тогда со мною было,
Да, къ счастію, съ визитомъ пріѣхалъ самъ Кирило
Гаврилычъ Козодушинъ въ мой загородный домъ,—
Придворный егермейстеръ. Узнавши обо всемъ,
Чиновника въ минуту потребовалъ онъ строго.
Тотъ, блѣдный, весь дрожащій, сталъ робко у порога.
«Какъ смѣешь,—гость мой крикнулъ, отъ гнѣва самъ не свой,—
Ты на оленью самку охотиться весной
Подъ самымъ царскимъ носомъ?»—Чиновникъ растерялся:
Божился, что охотой пока не занимался,
И робко, заикаясь, смиренно онъ донёсъ,
Что жертвой злой собаки былъ не олень, а пёсъ.
«Какъ?—закричалъ Кирило,—какъ? Вздумалось уроду,
Что можетъ знать онъ лучше звѣриную породу,
Чѣмъ царскій егермейстеръ?... Пускай разсудитъ насъ
Скорѣй полицеймейстеръ... Позвать его сейчасъ!»

Пришелъ полицеймейстеръ, и говоритъ Кирило:
«Вотъ, посмотри, собака оленя задавила.
Олень вѣдь это? Онъ же плететъ, что это—пёсъ!
Кто лучше знаетъ травлю?—Отвѣть-ка на вопросъ».
Полицеймейстеръ службу зналъ твердо, безъ сомнѣнья,
И, изумясь на странность чиновничьяго мнѣнья,
Чиновнику по-братски онъ далъ совѣтъ благой —
Скорѣй въ винѣ сознаться и грѣхъ загладить свой.
Смягчившись, Козодушинъ сказалъ, что онъ доложитъ
Объ этомъ государю, а приговоръ, быть-можетъ,
Онъ облегчитъ немного... Забрали пса въ кварталъ,
Чиновникъ же на мѣсяцъ затѣмъ въ тюрьму попалъ.
Весь вечеръ эта сценка насъ очень забавляла,
А на другое утро я вотъ что услыхала:
Въ судѣ возникло дѣло о пёсикѣ моемъ....
Самъ государь смѣялся, узнала я потомъ».
Всѣ разсмѣялись. Квестарь игралъ въ марьяжъ съ судьею:
Судья козырной картой, высоко поднятою,
Въ тотъ мигъ грозилъ партнеру; монахъ въ тревогѣ ждалъ,
Судья же лишь начало разсказа услыхалъ,—
Такъ былъ имъ живо занятъ, что, не промолвивъ слова,
Съ приподнятою картой, что̀ бить была готова,
Вплоть до конца разсказа монаха онъ томилъ
И трефовую даму тогда лишь положилъ,
Промолвивши со смѣхомъ: «Пусть для кого угодно
У москалей и нѣмцевъ все будетъ превосходно,
Пускай всѣ ихъ порядки прекрасными слывутъ,—
Пускай, судясь о самкахъ, полицію зовутъ
Арестовать собаку, что̀ въ лѣсъ чужой ворвется,
Въ Литвѣ же, слава Богу, по старинѣ ведется.
Для насъ и для сосѣдей звѣрей довольно тутъ,
У насъ объ этомъ тяжбу во вѣкъ не заведутъ;
Не мало и посѣвовъ, благою волей неба,—
Не вытопчутъ собаки всего овса и хлѣба....
Лишь полосы крестьянской не трогай ни одной».
Тутъ экономъ воскликнулъ изъ комнаты другой:
«И справедливо: дорогъ намъ звѣрь такой, мосьпане!
Всегда бываютъ рады лукавые крестьяне,
Когда на ихъ полоску собака попадетъ:
Та стопчетъ пять колосьевъ, а панъ имъ отдаетъ

Копну въ вознагражденье, придастъ и денегъ даже,
И то еще не квиты съ крестьянами. Когда же....»
Но тутъ не слышно стало, что дальше экономъ
Судьѣ развить старался: со всѣхъ сторонъ кругомъ
Посыпались на встрѣчу и смѣхъ, и разговоры,
Разсказы, анекдоты, а наконецъ и споры....
Тадеушъ съ Телименой, забытые вполнѣ,
Бесѣду межъ собою вели наединѣ.
Уже съ довольствомъ пани побѣду примѣчала,—
Тадеушъ комплиментовъ ей насказалъ не мало.
Слова ея звучали все тише и слабѣй....
Тадеушъ, притворившись, что онъ ея рѣчей
Сквозь шумъ не могъ разслышать, такъ близко наклонился,
Что чувствовалъ, какъ пламень со щекъ ея струился.
Дыханье затаивши, онъ вздохъ ея впивалъ
И въ каждомъ бѣгломъ взорѣ душою утопалъ.
Но тутъ межъ ихъ губами вдругъ пролетѣла мушка,
А вслѣдъ за ней мелькнула и войскаго хлопушка.
Мухъ на Литвѣ—обилье; но есть особый родъ:
У насъ ихъ называетъ «шляхтянками» народъ.
И цвѣтомъ, и по виду онѣ—какъ и простыя,
Но несравненно толще ихъ животы большіе.
Онѣ жужжатъ несносно въ круженіи своемъ
И паутину въ силахъ перешибить крыломъ.
Попавши въ сѣть, иная дня три жужжитъ и бьется,—
Въ ней съ паукомъ на драку довольно силъ найдется.
Панъ войскій зналъ все это и даже говорилъ,
Что отъ такихъ шляхтянокъ весь родъ мушиный былъ,
И что въ мушиномъ царствѣ онѣ—какъ въ роѣ матки,
И съ ними насѣкомыхъ исчезнутъ всѣ остатки.
Его разсказамъ, правда, ни ксендзъ, ни экономъ
Не вѣрили нисколько, составивши притомъ
О родѣ мухъ другое, несходственное, мнѣнье.
Но не бросалъ и войскій свое обыкновенье:
Такую муху всюду онъ неотступно гналъ.
Вдругъ надъ ухомъ шляхтянку теперь онъ услыхалъ:
Махнулъ два раза войскій, но не попалъ немножко,
А въ третій разъ махнувши, чуть не разбилъ окошко.
Тутъ муха, одурѣвши, металась взадъ-впередъ,
Но, увидавъ, что двое обороняли входъ,

Межъ лицами ихъ быстро, отчаянно, скользнула.
Но войскаго хлопушка и тутъ за ней махнула,
А головы, при страшной внезапности такой,
Какъ половины дуба, сраженнаго грозой,
Отпрянувши, такъ сильно о косяки хватились,
Что на обѣихъ шишки должно-быть появились.
Никто не видѣлъ это, по счастью: до сихъ поръ
Хотя живой и громкій, но ровный разговоръ
Невыразимымъ гвалтомъ покрылся той порою.
Такъ на охотѣ часто бываетъ за лисою:
Гдѣ изрѣдка стрѣляли и гдѣ борзой визжалъ,
Вдругъ доѣзжачій вепря нежданно увидалъ,
Далъ знакъ... и псы и люди—все съ шумомъ встрепенулось,
И эхо дикимъ громомъ въ глухомъ лѣсу проснулось...
Такъ часто съ разговоромъ: тихонько онъ течетъ,
Покамѣстъ, какъ на вепря, на что-нибудь найдетъ.
Здѣсь вепремъ разговора былъ старый споръ, конечно,
Что регентъ и ассессоръ о псахъ имѣли вѣчно.
Хоть спорили не долго, но и въ минутный срокъ
Такъ бурно устремился горячихъ словъ потокъ,
Что три извѣстныхъ части ужь вычерпали въ спорѣ:
Обиду, злобу, вызовъ, и шло ужь къ дракѣ вскорѣ....
Всѣ бросились къ нимъ мигомъ изъ комнаты другой:
Толпа, стѣснившись въ двери и хлынувши волной,
Шептавшуюся пару съ порога отогнала,
Что въ двери, будто Янусъ, двулицый богъ, стояла.
Тадеушъ съ Телименой волосъ еще своихъ
Оправить не успѣли, какъ споръ уже затихъ.
Гремѣлъ всеобщій хохотъ вокругъ во всѣхъ покояхъ.
Противниковъ разнявши, монахъ смирилъ обоихъ,—
Онъ былъ хотя не молодъ, но крѣпокъ и плечистъ.
Въ тотъ мигъ, когда сходились ассессоръ и юристъ,
Какъ будто бы фехтуя съ угрозой кулаками,
За шиворотъ схватилъ ихъ онъ мощными руками,
Ихъ дважды сильно стукнулъ, сшибая лобъ со лбомъ,
Какъ яица на Пасхѣ, Свѣтло-Христовымъ днемъ,
И, такъ разнявъ обоихъ, движеньемъ энергичнымъ
Отбросилъ другъ отъ друга ихъ по угламъ различнымъ.
Съ простертыми руками минуту онъ стоялъ
И громко «pax vobiscum» (миръ съ вами) провѣщалъ.

Смѣхъ у сторонъ обѣихъ невольно вырывался.
Межъ тѣмъ никто затронуть монаха не рѣшался:
И санъ его духовный большой почетъ имѣлъ,
Да съ нимъ затѣять ссору никто бы и не смѣлъ,
Увидя этотъ опытъ руки его могучей;
Притомъ же поступилъ онъ, какъ требовалъ и случай:
Въ борьбѣ онъ, очевидно, тріумфа не искалъ,—
Противниковъ разнявши, ни слова не сказалъ,
Лишь капюшонъ поправилъ и, руки за спиною
Сложивъ, спокойно вышелъ изъ комнаты.
Съ судьею
Панъ подкоморій, мѣсто занявъ межъ двухъ сторонъ,
Стояли тутъ. Панъ войскій, какъ будто пробужденъ
Отъ думъ своихъ глубокихъ, вдругъ вышелъ предъ гостями,
Окинулъ все собранье пылавшими глазами
И, будто ксендзъ кропиломъ, хлопушкою своей,
Смиряя шумъ и говоръ, махалъ онъ на гостей
И, наконецъ, поднявши ее среди молчанья,
Какъ посохъ маршалковскій, онъ требовалъ вниманья.
«Послушайте,—кричалъ онъ,—уймитесь, господа!
Вы, что̀ во всемъ повѣтѣ считалися всегда
Какъ первые въ охотѣ, подумайте-ка строго,
Какъ ваша распря можетъ вреда надѣлать много!
Вѣдь молодежь, отчизны надежда и краса,
Которой долгъ—прославить литовскіе лѣса,
Которая къ охотѣ, увы, и такъ ужь стынетъ,
Ее совсѣмъ, пожалуй, съ презрѣніемъ покинетъ,
Увидя, что находятъ однѣ лишь распри въ ней
Тѣ, кто служить бы долженъ примѣромъ для людей.
Повѣрьте старику вы, я видывалъ не мало,
Не разъ я полюбовно судилъ и самъ, бывало,
Охотниковъ старинныхъ, да не такихъ, какъ вы.
Кого сравнить съ Рейтаномъ среди лѣсовъ Литвы?
И гдѣ Бялопетровичъ себѣ нашелъ бы равныхъ
Въ искусствѣ полеванья, въ своихъ облавахъ славныхъ?
Съ кѣмъ шляхтича Жеготу теперь сравнить могу?
Изъ пистолета зайца онъ билъ на всемъ бѣгу....
А Тераевичъ?—Тоже охотникъ былъ великій.
Я зналъ его; на вепря ходилъ онъ только съ пикой.
Будревичъ же съ медвѣдемъ въ борьбу ходилъ не разъ....

Вотъ что за люди были встарь на Литвѣ у насъ!
Когда-жь, бывало, споры межъ ними возникали,
Тогда залогъ вносили и судей избирали.
Сто десятинъ Огинскій подъ лѣсомъ потерялъ,
Поставивъ ихъ за волка; деревню проигралъ,
За барсука проспоривъ, однажды Неселовскій.
И вы, паны, возьмите себѣ примѣръ отцовскій:
Избравъ судей, поставьте хоть небольшой закладъ.
Слова же—это вѣтеръ и безъ конца родятъ
Одну лишь брань, да ссоры.... Занятіе пустое—
Языкъ трепать о зайцѣ.... А, право, лучше вдвое,
Когда вы, поручивши посредникамъ вашъ споръ,
Принять благоволите третейскій приговоръ.
Судью просить я буду, чтобъ, въ благосклонной волѣ,
Позволилъ онъ коту хоть на пшеничномъ полѣ....
Онъ снизойдетъ на просьбы смиренныя мои....»
Такъ молвивши, пожалъ онъ колѣно у судьи.
— «Коня, — воскликнулъ регентъ, — коня и вмѣстѣ сбрую
Я ставлю! Обязуюсь, притомъ, что презентую
Судьѣ въ вознагражденье вотъ этотъ перстень мой....»
— «А я,—сказалъ ассессоръ,—ошейникъ золотой
Въ оправѣ черепашьей, съ отдѣлкою отмѣнной,
И шелковую смычку работы драгоцѣнной,
Еще дороже камня, что свѣтится изъ ней;
Ихъ приберечь хотѣлъ я въ наслѣдство для дѣтей,
Когда-бъ женился. Вещи мной выиграны были
У князя Доминика *), когда мы съ нимъ травили.
И маршалокъ Сангушко, и Мейенъ генералъ **)
Тутъ были вмѣстѣ съ нами: я всѣхъ ихъ вызывалъ,
И тамъ—въ охотѣ, право, невиданная штука—
Шесть зайцевъ затравила моя борзая сука!...
Охота на Купицкомъ лугу у насъ была.
Князь Радзивилъ тутъ спрыгнулъ, не вытерпѣвъ, съ сѣдла,
Мою борзую обнялъ—ей «Коршунъ» имя было—

---

*) Князь Доминикъ Радзивилъ, знаменитый охотникъ, эмигрировалъ въ Варшавское княжество и выставилъ на собственный счетъ кавалерійскій полкъ, которымъ и командовалъ. Умеръ во Франціи.

**) Мейенъ прославился въ народной войнѣ временъ Косцюшки. До сихъ поръ подъ Вильномъ остались Мейеновскіе окопы.

И троекратно съ жаромъ поцѣловалъ ей рыло,
Потомъ, ей трижды спину погладивши рукой,
Сказалъ: «зовись отнынѣ Купицкою княжной».
Такъ точно званьемъ князя вождей вознаграждаетъ
Наполеонъ—по мѣсту, гдѣ славный бой бываетъ».
Устала Телимена отъ этихъ всѣхъ рѣчей,
И погулять на волѣ пришла охота ей.
Съ гвоздя корзинку снявши, гостямъ она сказала:
«Паны, я за грибами; мнѣ дома жарко стало;
Кому со мной угодно?» Тутъ шею обвила
Кашмировою шалью пунцовой и взяла
Она подъ ручку Розу, другою же рукою
Поддерживала платье. Поспѣшною стопою
Тадеушъ за грибами пошелъ во-слѣдъ за ней.
Былъ и судья доволенъ прогулкою гостей,
Кончавшей эти споры съ крикливыми рѣчами,
И закричалъ: «Панове, ступайте за грибами!
Кто изъ лѣсу вернется съ отмѣннѣйшимъ грибомъ,
Съ прекраснѣйшею дамой тотъ сядетъ за столомъ,
Самъ выбравъ; если-жъ дама найдетъ, то за обѣдомъ
По выбору садится съ пріятнѣйшимъ сосѣдомъ».

Л. Пальминъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

Задачи русской общественной мысли.

I.

Едва ли я скажу новость читателю, констатируя тотъ фактъ, что *русская мысль* въ послѣднее время видимо начинаетъ рости, крѣпнуть и развиваться, что *идея о русскомъ народѣ и его благѣ* пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе правъ гражданства въ современной русской дѣйствительности и приверженцевъ въ средѣ русской интеллигенціи и что именно *въ органическомъ развитіи этой идеи и кроется будущій ростъ*, *развитіе самой русской мысли*.

Существуетъ одинъ общій для всей современной нашей литературы пунктъ, попирать который открыто не рѣшится никакой литературный органъ или партія. Это — народъ. Сказать публично: «я презираю народъ, я ставлю ни во что его интересы и благо», не отважится самый отъявленный врагъ добра и истины,—это шло бы въ разрѣзъ съ существующими обыкновеніями и приличіями. Народныя потребности и благо считаются, поэтому, номинально, тѣми конечными результатами, къ заботѣ о которыхъ въ концѣ концовъ должно стремиться все мыслящее, все живущее. Обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе на внѣшніе литературные пріемы литературныхъ дѣятелей—и вы легко убѣдитесь въ этомъ. О народѣ, повидимому, пекутся всѣ безъ различія литературные дѣятели и партіи—и публицисты изъ лагеря Каткова, и неумѣлые фокусники въ родѣ Мещерскаго, и ничѣмъ не стѣсняющіеся шовинисты, и всякаго рода либералы, и просто честные и преданные истинѣ и добру люди. Короче, народъ и народное благо, казалось бы, составляютъ альфу и омегу всей литературы.... И, однако, нѣтъ ни одного пункта, относительно котораго существовало бы на дѣлѣ столько разногласій, сколько

существуетъ ихъ по вопросамъ о народѣ и народномъ благѣ,— нѣтъ ни одного предмета, который бы такъ игнорировался, пренебрегался и просто даже осквернялся именно многими изъ литературной братіи, какъ этотъ общій пунктъ. Только немногіе представители литературы, искренне преданные народу и его интересамъ, могутъ считаться дѣйствительными служителями его. Добрая же часть литературной братіи, вмѣсто народа, служитъ совершенно инымъ богамъ, прикрываясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, для виду, фразами о народѣ и народномъ благѣ, какъ щитомъ. Между тѣмъ, какъ для честнаго литературнаго дѣятеля народъ, его интересы и развитіе дѣйствительно составляютъ существенныя и конечныя задачи дѣятельности,—для какого-нибудь борзописца, quasi-либерала, то же самое служитъ лишь предметомъ игрушки и фиглярничанья. И когда такимъ образомъ смотритъ на дѣло легкомысленный quasi-либералъ, — безцеремонный шовинистъ считаетъ «своею священною обязанностью» и «величайшимъ національнымъ дѣломъ» отождествленіе вопроса о народномъ благѣ съ возможностью водить на убой тысячи сыновъ того же народа.... А крѣпостники и обскуранты идутъ и того дальше: для нихъ уже вопросъ о народномъ благѣ есть, кромѣ того, и вопросъ вообще о тискахъ, гнетѣ и обирательствѣ все того же народа. Въ чемъ же, въ такомъ случаѣ, дѣло? Что все это означаетъ? — А то, что есть разные люди, существуютъ различныя степени проявленія человѣческой нравственности, и что рядомъ съ этимъ мы переживаемъ такой моментъ нашего гражданскаго развитія, когда общественное мнѣніе не терпитъ открытаго кощунства въ литературѣ надъ народомъ и его благомъ. Если прежде какой-нибудь литературный саврасъ безъ узды публично не стѣснялся бросать грязью въ народъ и безцеремонно попирать его интересы своими грязными копытами, то въ настоящее время это, по меньшей мѣрѣ, непрактично, и саврасы этого рода или стушевались окончательно, или же стали приспособляться къ дѣлу сообразно съ новѣйшими условіями и обстоятельствами. Имъ волею-неволею пришлось въ нѣкоторыхъ случаяхъ пѣть въ унисонъ съ совершенно чуждыми имъ по духу людьми, казаться, хотя бы только для виду, «современными». Таковы ужь, значитъ, времена, таковы нравы....

Конечно, само по себѣ только-что отмѣченное явленіе не Богъ вѣсть какую громадную величину представляетъ. Стыдятся ли

люди, или боятся открыто признать то, что держать у себя на умѣ и подъ вліяніемъ чего по неволѣ поютъ въ унисонъ съ чуждыми имъ по духу и стремленіямъ людьми,—въ основѣ все равно лежитъ фальшивое отношеніе къ дѣлу, маска лицемѣра во всякомъ случаѣ прикрываетъ многихъ и многихъ изъ прошенныхъ и непрошенныхъ радѣтелей народа. Но это именно фальшивое отношеніе къ дѣлу, эта игра въ современность съ ея требованіями, это лицемѣрничанье изъ-за личныхъ и эгоистическихъ цѣлей—все это и характерно, и знаменательно. Боятся открыто попирать и профанировать идею о народномъ благѣ — значитъ, ощутительно чувствуютъ и ясно сознаютъ силу за этой идеей,—значитъ, мысль, работавшая на пользу этой идеѣ, крѣпнетъ и развивается,—значитъ, есть люди, которымъ дорога эта идея, которые служатъ ей и общественное мнѣніе которыхъ сдерживаетъ въ границахъ приличія всякаго проходимца и узкаго себялюбца. Очень можетъ быть, что людей этихъ мало; весьма возможно, что они не чувствуютъ пока твердой почвы подъ собою и благопріятныхъ условій въ окружающей средѣ; вполнѣ натурально, что они дѣйствуютъ пока ощупью, неумѣло, недружно, въ-раздробь, особнякомъ. Все это можетъ быть; но они, эти люди, несомнѣнно есть,—они составляютъ такую принадлежность современной жизненной среды, которую нельзя ни замолчать, ни утаить, ни вычеркнуть изъ жизни перомъ, ни даже насильственно выбросить за бортъ, за предѣлы текущихъ общественныхъ отношеній. Иначе какимъ образомъ могло бы совершиться такое явленіе, какъ облагороженіе идеи о народѣ и народномъ благѣ въ столь сильной степени, что къ этой идеѣ начинаютъ относиться съ уваженіемъ, хотя и внѣшнимъ, напускнымъ, самыя грязныя душонки, самые завзятые себялюбцы?

Излишне было бы входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе вопросовъ о томъ, кто же именно эти мыслящіе люди, благодаря которымъ растетъ и крѣпнетъ русская мысль,—гдѣ они, эти люди? Для насъ достаточно пока существованія самаго факта. Намъ онъ важенъ какъ положительное явленіе, на которое можно опереться. Мы беремъ его за исходную точку и ставимъ вопросъ о тѣхъ задачахъ, которыя должна преслѣдовать честная и самостоятельно мыслящая интеллигенція. Мы дѣлаемъ это не только по обязанности русскаго человѣка въ частности и человѣка вообще, но и потому, что наша родина переживаетъ такую пору, когда всякій долженъ серьезно посмотрѣть на себя

и вокругъ себя и, разъ вглядѣвшись, или зажить здоровою и дѣятельною жизнію, неуклонно преслѣдуя опредѣленныя общественныя задачи и цѣли, или же, махнувъ на себя рукою и зажмуривъ глаза на все окружающее, продолжать коптить свѣтъ Божій, какъ коптило его всегда большинство нашего привилегированнаго и сытаго люда....

Итакъ, въ чемъ же должны заключаться основныя задачи русскаго мыслящаго общества? Или поставимъ вопросъ нѣсколько общѣе: *въ чемъ должны заключаться задачи русской общественной мысли?*

II.

Прежде, чѣмъ отвѣтить прямо на этотъ вопросъ, я позволю себѣ сдѣлать одно отступленіе. Я предположу, что народъ и его благо дѣйствительно считаются со стороны нашей интеллигенціи тѣмъ божествомъ, на служеніе которому она должна посвятить всѣ свои силы и способности. Интеллигенція, поэтому, о томъ только и заботится, какъ бы принести своею интеллектуальною дѣятельностью возможно-большую пользу исключительно своему народу, и при этомъ видоизмѣняетъ свою дѣятельность самымъ разнообразнымъ образомъ, отыскивая наиболѣе вѣрный, наиболѣе ближайшій и наиболѣе выгодный путь къ достиженію своей завѣтной цѣли. Посмотримъ, что можетъ получиться въ результатѣ отъ всевозможныхъ опытовъ этого рода. Попробуемъ прибѣгнуть къ разнымъ примѣрамъ.

Представьте прежде всего, читатель, что русская интеллигенція вся поголовно принялась бы самымъ серьезнѣйшимъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ за разработку, положимъ, нумизматики; представьте, что она поставила бы эту разработку цѣлью всей своей жизни, избѣгая мыслительной дѣятельности по всѣмъ другимъ отраслямъ знанія; представьте, что наши газеты, журналы, книги—все это было бы наполнено свѣдѣніями, догадками, выводами, теоріями и проч. и проч. по нумизматикѣ. Что произошло бы въ такомъ случаѣ?—Конечно, узкая и непохвальная односторонность въ дѣятельности русской мысли. Нумизматика могла бы выиграть, обогатиться новыми данными и изслѣдованіями, но народъ положительно бы проигралъ, а интеллигенція явила бы собою примѣръ необычайной глупости и образцоваго неуваженія къ народнымъ нуждамъ и потребностямъ. Но возьмите другой, менѣе яркій, примѣръ: предположите, что интел-

лигенція занялась бы разработкою не нумизматики, а философіи, и занялась бы такъ же исключительно, какъ и въ предыдущемъ случаѣ. Тогда что получилось бы въ результатѣ?—Все то же, разумѣется, хотя и въ болѣе благообразномъ видѣ. Философія опять-таки могла бы выиграть, русскій народъ—проиграть, а интеллигенція явила бы новый примѣръ узкости мысли и неуваженія къ народу и его потребностямъ. Представьте, наконецъ, что интеллигенція не удовольствовалась бы ни нумизматикой, ни философіей, а принялась бы за разработку всѣхъ существующихъ наукъ и, притомъ, за разработку опять-таки въ вышеупомянутомъ смыслѣ, видя въ этомъ изученіи цѣль и задачи своей жизни и жизни своего народа, изучая науку ради науки. Въ этомъ случаѣ резонно ли поступила бы интеллигенція?—Понятно, конечно, что нѣтъ и нѣтъ. Лично для себя и для науки она можетъ-быть много сдѣлала бы, но она не исполнила бы важнѣйшихъ изъ своихъ обязанностей по отношенію къ народу, игнорируя жизнь и интересы этого послѣдняго,—она изслѣдовала бы хотя и почтенныя, но чуждыя текущей жизни задачи.

Посмотримъ теперь на дѣло съ другой стороны.

Представимъ себѣ, что интеллигенція занялась бы изученіемъ жизни нашего народа во всѣхъ ея разнообразныхъ, важнѣйшихъ и характернѣйшихъ проявленіяхъ, и занялась бы самостоятельно и исключительно, игнорируя и науку, и опытъ другихъ народовъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ вышло бы совершенно иное уже дѣло. Объ интеллигенціи можно было бы сказать, что она впала въ крайность и поступила неразсчетливо, пренебрегая такими могучими средствами для своей мыслительной дѣятельности, какъ наука и историческій опытъ другихъ народовъ; но она во всякомъ случаѣ была бы на настоящей дорогѣ и дала бы русской мысли то направленіе, какое только можетъ и должна она имѣть—какъ мысль, исходящая изъ жизни русскаго народа, развивающаяся преимущественно на фактахъ и явленіяхъ этой жизни и служащая нуждамъ и потребностямъ все той же народной жизни. Худо ли, хорошо ли сдѣлала бы свое дѣло интеллигенція—это другой уже вопросъ, но она несомнѣнно ставила бы прямо и вѣрно задачи русской мысли.

Какъ ни важна сама по себѣ наука, какъ ни цѣнны могутъ быть историческіе опыты другихъ народовъ, но и первая, и послѣдніе, очевидно, представляютъ для насъ, русскихъ, одно лишь средство—въ преслѣдованіи соціальныхъ цѣлей и задачъ,

сами же эти послѣднія должны всецѣло крыться въ жизни нашего народа, цѣликомъ вытекать изъ его общественнаго строя и отношеній. А разъ это такъ, тогда само собою понятно, что русская мысль должна быть направлена на изученіе фактовъ и явленій родной жизни; въ противномъ случаѣ она будетъ французской, англійской, нѣмецкой, международной и пр., но только не русской и, слѣдовательно, лишенною своего прямаго практическаго raison d' être. Игнорированіе жизни русскаго народа со всѣми тѣми условіями и обстановкою, въ которыхъ она находится, невыгодно прежде всего для русскаго народа и затѣмъ для развитія самостоятельной русской мысли. Можно сказать, конечно, что для развитія этой послѣдней не нужно пренебрегать ничѣмъ, что въ развитіи русской мысли все должно играть извѣстную роль; но это врядъ ли можетъ служить удовлетворительнымъ отвѣтомъ для поставленныхъ въ предыдущей главѣ вопросовъ. На очереди все-таки будетъ стоять вопросъ: на что же *преимущественно* должна быть обращена русская мысль, *какими принципами* ей слѣдуетъ руководиться, *какихъ идеаловъ* достигать? Наука, вѣдь, даетъ только общіе выводы, формулы, законы и положенія; историческій опытъ другихъ народовъ можетъ служить прекрасною сравнительною иллюстраціей родной дѣйствительности, можетъ рѣзче оттѣнить и прекрасно уяснить извѣстные недостатки или достоинства этой дѣйствительности; но только сама эта дѣйствительность даетъ матеріалъ для выработки тѣхъ или другихъ общественныхъ идеаловъ, ихъ соотвѣтствія съ существующимъ общественнымъ строемъ и отношеніями и, стало-быть, она одна только можетъ выдвинуть и поставить тѣ или другія *ближайшія современныя задачи для русской мысли.* Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, вырабатываются общественные идеалы и какъ прогрессируетъ въ связи съ ними какъ самая жизнь, такъ и развитіе общественной мысли?

III.

Жизнь русскаго народа, какъ и всякаго другаго, имѣетъ, разумѣется, двѣ стороны: положительную и отрицательную. Съ одной стороны она полна фактами, способствующими постепенному прогрессивному развитію народа, съ другой—въ ней встрѣчаются и такого рода явленія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ этимъ развитіемъ, тормозятъ его и приносятъ вообще вредъ на-

роду. Такъ, положимъ, народныя артели, какъ формы экономически-производительныя и въ высшей степени справедливыя, представляютъ собою явленія положительнаго характера; а кулачество, обирательство ближняго, наоборотъ, оказывается явленіемъ чисто-отрицательнымъ. Артели поддерживаютъ народную жизнь и способствуютъ ея дальнѣйшему развитію, кулачество подрываетъ и задерживаетъ его. Какую же роль играютъ положительныя и отрицательныя явленія собственно въ дѣлѣ развитія общественной мысли?

Нечего и говорить, конечно, что положительныя явленія въ дѣлѣ развитія общественной мысли несравненно важнѣе отрицательныхъ. То, на чемъ держится и при посредствѣ чего прогрессируетъ жизнь, важнѣе того, что̀ только подтачиваетъ и тормозитъ ее. Но отсюда ничуть не слѣдуетъ, что общественная мысль должна имѣть дѣло только съ явленіями перваго рода и совершенно игнорировать вторыя. Въ ея дѣятельности если и не одинаково существенны, то все-таки чрезвычайно важны оба разряда явленій — и положительныя, и отрицательныя, хотя собственно по отношенію къ выработкѣ основныхъ началъ и руководящихъ идеаловъ роль ихъ должна быть различной. Положительныя явленія, несомнѣнно, должны служить точкой опоры въ этомъ послѣднемъ отношеніи, а отрицательныя—побочнымъ средствомъ уясненія, антитезой, отъ которой, какъ отъ противнаго, дѣлаются тѣ или другіе положительные выводы и обобщенія.

Въ дѣйствительности, конечно, нѣтъ ничего абсолютно-положительнаго или отрицательнаго, но рядомъ съ одними явленіями существуютъ и другія, противоположныя имъ; все различіе заключается лишь въ томъ, что одни изъ явленій количественно преобладаютъ надъ другими. Рядомъ съ фактами грубаго деспотизма всегда можно найдти и случаи проявленія свободы, хотя бы въ самомъ незатѣйливомъ, самомъ зародышевомъ видѣ или даже въ желаніи, въ стремленіи, въ попыткѣ проявить ее. То же можно замѣтить о централизаціи и децентрализаціи, о невѣжествѣ и просвѣщеніи, и т. д. Дѣйствительная жизнь всегда состоитъ не только изъ однихъ голыхъ фактовъ, но изъ безчисленнаго множества разнаго рода психическихъ побужденій къ тому или другому роду дѣятельности,—побужденій, находящихся въ потенціальномъ состояніи. Чѣмъ больше такихъ побужденій присуще извѣстному общественному организму, тѣмъ больше возможно и случаевъ ихъ проявленія, такъ что извѣстная обще-

ственная дѣятельность въ концѣ концовъ всегда находится въ прямомъ отношеніи къ общественной психикѣ. Начинаясь съ представленія и мысли, побужденія эти постепенно переходятъ въ факты, факты плодятъ новыя побужденія, вызывающія въ свою очередь новые факты, и т. д. Дѣйствительная жизнь въ концѣ концовъ всегда можетъ быть выражена въ цѣломъ рядѣ фактовъ, имѣющихъ за собою ту или другую психологическую подкладку въ народной жизни и характерѣ. Но будутъ ли преобладать положительные или отрицательные факты, во всякомъ случаѣ спеціальная роль ихъ останется неизмѣнною: положительные факты всегда будутъ служить точкой опоры для проведенія въ жизнь извѣстныхъ общественныхъ идеаловъ, а отрицательные—лишь указателемъ для выработки самыхъ идеаловъ. Иначе, не будь отрицательныхъ фактовъ, немыслимо было бы и самое существованіе идеаловъ....

Только при развитіи положительной мысли и соединенной съ нею практической дѣятельности возможно поступательное движеніе впередъ. Факты отрицательнаго характера служатъ при этомъ указателями, опредѣляющими какъ дѣятельность положительной мысли, такъ и зависящую отъ нихъ выработку тѣхъ или другихъ общественныхъ идеаловъ. Самое же совершенствованіе и осуществленіе этихъ послѣднихъ зависитъ отъ количественнаго преобладанія положительныхъ явленій надъ отрицательными.

Но если въ выработкѣ общественной мысли одинаково играютъ свою спеціальную роль какъ положительные, такъ и отрицательные факты и явленія, то которымъ же изъ нихъ нужно отдать преимущество собственно въ настоящее время, при существующемъ состояніи русской общественной мысли? — Разумѣется, первымъ. Это уже можно сказать a priori, такъ какъ положительные факты и явленія служатъ тою точкой опоры, на которой держится и жизнь, и самое развитіе общественной мысли. Но къ этому соображенію можно прибавить и другое. Дѣло въ томъ, что русская общественная мысль всегда была сильна своимъ отрицаніемъ и слаба положительною стороной, держащеюся на фактахъ народной жизни. Вотъ почему положительная сторона народной жизни пріобрѣтаетъ для русской общественной мысли въ данный моментъ еще болѣе высокій смыслъ и значеніе, чѣмъ того требуетъ само дѣло. Въ свое время наша обличительная литература отдала значительную дань разнаго рода отрицательнымъ явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто въ русской жизни. Правда,

роль этой литературы и тогда, какъ теперь, ограничивалась тѣсно опредѣленными рамками, но положительная сторона народной жизни, во всякомъ случаѣ, не составляла основнаго и выдающагося пункта въ дѣятельности русской общественной мысли. Нужно дать теперь въ печати болѣе широкое мѣсто именно этой сторонѣ. Но это опять-таки, повторяемъ, не значитъ, что мысль, работающая надъ отрицательными явленіями народной жизни, должна ослабнуть или окончательно свести свои счеты,—нѣтъ, наоборотъ, ея дѣятельность должна быть расширена въ силу отмѣченной выше ея роли, но она не должна только имѣть преобладающее значеніе. Она должна не съузиться, а подчиниться мысли положительной, и, дѣлая здѣсь это азбучное замѣчаніе, мы хотимъ напередъ избавить себя отъ нареканій и ложнаго толкованія нашихъ словъ, такъ какъ въ нашей литературѣ издавна укоренилось обыкновеніе смѣшивать всякій намекъ на народъ и на положительныя основныя начала народной жизни съ безцѣльнымъ и безсмысленнымъ восхваленіемъ своей національности....

IV.

Надо, въ самомъ дѣлѣ, давно бы отличать это безцѣльное и безрезультатное самохвальство отъ простаго констатированія и анализа положительныхъ фактовъ и сторонъ народной жизни. Безъ этихъ послѣднихъ была бы немыслима, вѣдь, и самая жизнь русскаго народа. Они, слѣдовательно, существуютъ и, притомъ, не только существуютъ, но и носятъ въ общемъ своемъ направленіи такой характеръ, въ которомъ можно найдти всѣ задатки лучшаго будущаго. Мысль о томъ, что жизнь русскаго народа съ его земельною общиной и стремленіями къ ассоціаціоннымъ формамъ труда заключаетъ сама въ себѣ необходимые элементы соціально-прогрессивнаго характера—не пустой звукъ, а фактъ, имѣющій собственно для русскаго народа свое особенное значеніе. Это такой пунктъ, на которомъ мы теперь уже расходимся—въ своихъ общественныхъ задачахъ и средствахъ къ достиженію ихъ—съ западно-европейскими государствами. Не намъ, конечно, давать уроки Западу въ области техническихъ усовершенствованій, въ разработкѣ чистыхъ и прикладныхъ наукъ, въ выработкѣ разнаго рода политическихъ формъ и во многомъ другомъ,—западно-европейскіе народы всегда были въ этомъ отношеніи нашими учителями. Но въ жизни русскаго народа кроются такія начала,

съ соотвѣтствующими имъ общественными формами, высокій соціальный интересъ которыхъ и важное практическое значеніе признаются даже западно-европейскими изслѣдователями и мыслителями. Мы говоримъ о русской земельной общинѣ и той роли, которую можетъ и должна играть она, какъ высшая и справедливая форма общественныхъ отношеній, въ прогрессивномъ ходѣ нашей жизни; мы говоримъ о той именно сторонѣ нашей родной жизни, которой лишено большинство западно-европейскихъ народовъ, находящихся въ трудной порѣ своего соціальнаго развитія.

Едва ли, въ самомъ дѣлѣ, станетъ кто-нибудь отрицать въ настоящее время тотъ фактъ, что большинство западно-европейскихъ государствъ переживаетъ весьма важный соціальный кризисъ. Вопросъ о трудовой массѣ, о расширеніи ея экономическихъ правъ на счетъ преимуществъ капитала и сословныхъ привилегій вездѣ составляетъ самую жгучую злобу дня. Быстрый ростъ соціалистической партіи въ такихъ государствахъ, какъ Франція, Германія, Австрія и Италія, является чрезвычайно характернымъ и знаменательнымъ признакомъ времени. Еще знаменательнѣе такія явленія, какъ парижская коммуна 1871 года и современное ирландское движеніе. Теперь едва ли уже найдется хоть одинъ Ѳома невѣрующій, который былъ бы искренне убѣжденъ въ томъ, что улучшеніе положенія рабочаго класса не составляетъ настоятельной и неотложной задачи для привилегированныхъ классовъ,—такой задачи, игнорированіе которой не грозило бы серьезными бѣдами этимъ классамъ. Въ неотложности этого улучшенія согласны, кажется, всѣ и вездѣ; но какъ помочь трудящемуся люду, въ какомъ размѣрѣ и при помощи какихъ средствъ—вотъ тѣ пункты, на которыхъ расходятся представители разныхъ соціальныхъ партій и сословій. Одни требуютъ въ этомъ отношеніи радикальнѣйшихъ реформъ и измѣненій, другіе упираютъ на разнаго рода палліативныя мѣры и средства, а третьи просто всячески стараются лишь о томъ, чтобы дѣлать по возможности меньше уступокъ и времени, и рабочему люду изъ тѣхъ привилегій, которыми они пользуются. Съ иной точки зрѣнія смотрятъ на дѣло соціалисты, иначе—буржуазія, иначе—англійскіе лэндлорды, и т. д., и т. д. Всякая соціальная партія предлагаетъ свои реформаціонныя средства или охранительныя мѣры, но истина, разумѣется, можетъ быть лишь на той сторонѣ, которая стоитъ ближе всего къ осуществленію идеаловъ, имѣющихъ въ виду общественное благо народа, массы,

большинства, а не единичныхъ личностей или даже извѣстныхъ общественныхъ группъ. Мы отмѣтимъ здѣсь нѣсколько мыслей, высказанныхъ на этотъ счетъ однимъ изъ самыхъ основательнѣйшихъ и талантливѣйшихъ европейскихъ изслѣдователей, чтобы показать въ общихъ чертахъ, на сколько можетъ быть не примѣнимо къ нашей жизни то, что является результатомъ критики общественныхъ отношеній чуждыхъ намъ народовъ.

По мнѣнію этого мыслителя, представившаго замѣчательно-тонкую и вѣрную критику капиталистическаго производства, современный капиталистическій строй западно-европейскихъ государствъ носитъ самъ въ себѣ всѣ задатки своего разложенія и перехода къ болѣе справедливой общественно-экономической организаціи трудовой массы. Онъ представляетъ собою своего рода «отрицаніе отрицанія». Отрицая мелкую собственность, основанную на личномъ трудѣ собственника, разрушая ее постепенно и систематически и созидая вмѣсто нея собственность капиталистическую, капитализмъ, такъ сказать, пожираетъ самъ себя. Въ силу своихъ естественныхъ законовъ, онъ экспропріируетъ мелкіе капиталы и замѣняетъ ихъ крупными, концентрируя, въ концѣ концовъ, въ рукахъ немногихъ лицъ громадныя богатства и обращая трудовую массу въ неимущій пролетаріатъ. Рядомъ съ этимъ онъ способствуетъ выработкѣ внѣшнихъ условій общественнаго производства — кооперативной формы процесса этого производства, лучшаго приложенія къ дѣлу технологической науки, болѣе современныхъ способовъ эксплоатаціи земли, пользованія орудіями труда сообща и, вообще, экономизированія всѣхъ средствъ производства съ помощью комбинаціи ихъ для крупнаго производства. «Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые похищаютъ и монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, возрастаютъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплоатація, но также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. *Монополія капитала дѣлается узами того способа производства*, который развился вмѣстѣ съ нею и подъ ея вліяніемъ. Сосредоточеніе средствъ производства и обобществленіе труда достигаютъ такой степени, что они не могутъ долѣе выносить свою *капиталистическую оболочку*,—она разрывается. *Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Экспропріирующихъ*

экспропріирують». И тогда-то, при помощи этой экспропріаціи, совершится и самая соціально-экономическая реформа. Въ результатѣ получится *«кооперація свободныхъ работниковъ»* съ *«общиннымъ владѣніемъ землею и средствами производства,* произведенными *самими работниками»* *).

Такимъ образомъ будущая соціально-экономическая реформа западно-европейскихъ государствъ должна совершиться, на основаніи вышеприведеннаго взгляда, слѣдующимъ путемъ: съ одной стороны и теперь уже существуетъ кооперативная форма процесса будущаго общественнаго производства, практикуемая въ крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ; форма эта и теперь уже объединяетъ и организуетъ рабочіе классы, зарождая въ средѣ ихъ мысли и стремленія къ измѣненію существующаго экономическаго строя въ интересахъ народа, большинства. Это—положительные факты, при посредствѣ которыхъ должна произойдти реформа. Съ другой стороны капиталистическій строй является пока господствующимъ строемъ, держащимся на историческомъ прошломъ и цѣлой массѣ соединенныхъ съ этимъ прошлымъ общественныхъ формъ и отношеній. Это—отрицательные факты, мѣшающіе осуществленію соціально-экономической реформы. При какихъ же условіяхъ можетъ совершиться сама эта реформа?—Очевидно, что только въ томъ случаѣ, если положительные факты перевѣсятъ и подавятъ собою факты отрицательные, если трудящаяся западно-европейская масса выработаетъ въ своей средѣ такія общественныя формы и отношенія, которыя въ конецъ подорвутъ и разрушатъ существующій капиталистическій строй. Отсюда и задача положительной западно-европейской мысли должна состоять въ уясненіи тѣхъ фактовъ и явленій, которые составятъ основаніе будущей соціально-экономической реформы. Другими словами, *задачи западно-европейской общественной мысли должны вытекать изъ общественныхъ условій западно-европейскихъ же народовъ.*

Можно ли то же сказать о русскомъ народѣ? Мыслимъ ли въ его жизни тотъ процессъ будущей соціально-экономической реформы, который намѣченъ выше западно-европейскимъ мыслителемъ для капиталистическихъ государствъ?—Конечно, нѣтъ. У насъ—иной экономическій строй, иныя общественныя условія и отношенія. Россія—страна земледѣльческая, а не крупной фабричной промышленности. *Сильное развитіе въ ней капита-*

*) Карлъ Марксъ: „Капиталъ", стр. 650.

лизма даже совсѣмъ невозможно, такъ какъ этому препятствуютъ существующія условія. Въ Россіи не экспропріирована еще земля у народа или по крайней мѣрѣ у значительной доли населенія, т. е. *не совершилась* та общественная несправедливость, которая, по словамъ цитированнаго нами выше писателя, «служитъ основаніемъ всего процесса» такъ называемаго «первоначальнаго капиталистическаго накопленія», самаго историческаго генезиса капитализма. Разъ земельная собственность находится въ рукахъ народа, разъ этотъ народъ занимается преимущественно земледѣльческимъ производствомъ,—вполнѣ естественно, что онъ не захочетъ добровольно и легко уступить свои преимущества представителямъ капитализма. Нужно будетъ сначала отнять у этого коллективнаго владѣльца земельную собственность, орудія производства, и обратить его въ бездомнаго и неимущаго пролетарія, чтобы насадить въ Россіи капитализмъ въ его самыхъ крайнихъ и развитыхъ формахъ. Тутъ именно необходима грубая сила, беззастѣнчивое отношеніе къ общественному благу и, притомъ, въ какой еще степени?... На Западѣ процессъ обезземеленія народа совершился при посредствѣ феодализма, стихійно; у насъ пришлось бы повести дѣло, что называется, на-проломъ, игнорируя и развитіе общественной мысли, и примѣры другихъ народовъ, и сознаніе самого народа. И только тогда, когда совершился бы весь этотъ невѣроятный процессъ, къ жизни русскаго народа былъ бы приложимъ вполнѣ тотъ взглядъ относительно будущей соціально-экономической реформы, о которомъ шла рѣчь выше.

Итакъ, слѣдовательно, чтобы быть вполнѣ послѣдовательными, чтобы сыграть въ совершенствѣ роль подражателей по отношенію къ Западу, мы, русскіе, должны *сознательно*, *преднамѣренно*, продѣлать тотъ процессъ общественныхъ несправедливостей, который произошелъ *стихійно* на Западѣ, мы должны окончательно обездолить нашъ народъ, создать «бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплоатацію и возмущеніе». Предположеніе нелѣпое, задача невозможная. Но не мыслимо также и что-нибудь среднее между этими предположеніями и требованіями дѣйствительными. Нельзя сказать: пусть идетъ все по-своему, не станемъ мѣшаться въ жизнь, не будемъ ломать исторію. Это значило бы поступить безнравственно и неразсчетливо, закрыть глаза на дѣйствительность, которая требуетъ отъ насъ извѣстнаго участія, извѣстной дѣятельности. Нельзя прибѣгать и къ палліативамъ въ томъ слу-

чаѣ, еслибы развитіе нашей народной жизни и на самомъ дѣлѣ клонилось въ направленіи къ капиталистическому строю. Опытъ Запада показываетъ намъ, что этотъ строй крайне невыгоденъ, а на извѣстной стадіи своего развитія даже опасенъ, и прибѣгать, въ виду этого, къ палліативнымъ средствамъ значило бы пренебречь болѣе дѣйствительными мѣрами и средствами, кроющимися въ самой жизни народа. Преимущества русскаго народа предъ нѣкоторыми другими народностями въ томъ именно и заключаются, что жизнь его богата такими общественными формами и отношеніями, въ основѣ которыхъ лежатъ высшіе человѣческіе принципы, основныя начала общественной справедливости. У русскаго народа существуетъ земельная община и, притомъ, въ формѣ не примитивной, а прошедшей уже нѣсколько ступеней развитія, такъ что и народъ, и интеллигенція имѣютъ возможность сознательно отнестись къ ней, взвѣсить и опредѣлить теперешніе ея временные недостатки, отдѣлить въ ней то, что свойственно самому ея существу, отъ того, что привилось къ ней извнѣ, наноснымъ образомъ. Это такого рода положительный фактъ, который и теперь уже имѣетъ за собою многія весьма существенныя черты справедливѣйшихъ человѣческихъ отношеній. Благодаря этому факту, наше народное производство значительно разнится отъ производства капиталистическаго, такъ какъ въ общинномъ процессѣ производства иную роль играетъ рента, иную—земельная собственность и иную—капиталъ, чѣмъ въ производствѣ капиталистическомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и обычно-правовыя отношенія народа, находящіяся въ самой тѣсной связи и зависимости съ явленіями общинно-экономическаго характера, также существенно отличны отъ тѣхъ нормъ школьнаго права, которыя уживаются рядомъ съ современными безобразіями капитализма. Наше обычное право даетъ самую широкую свободу труду тамъ, гдѣ это не идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ благомъ, и подчиняетъ принципу общинной солидарности всѣ остальныя общинно-экономическія отношенія. *И вотъ въ изученіи и анализѣ этихъ особенностей нашего общиннаго производства и соединенныхъ съ нимъ обычно-правовыхъ отношеній и должны заключаться основныя задачи русской общественной мысли.* Русская мысль должна черпать положительный матеріалъ для своего развитія не извнѣ, не у чуждой ей народности, а непосредственно изъ самаго жизненнаго строя русскаго же народа.

Ф. Щербина.

Верховная власть въ Россіи XVIII столѣтія.

«Пространственное государство предполагаетъ самодержавную власть въ той особѣ, которая онымъ правитъ.

«Всякое другое правленіе не только было бы въ Россіи вредно, но и въ конецъ раззорительно».

«Наказъ» Екатерины II, гл. 2, §§ 10 и 11.

Двумя статьями нашихъ «основныхъ законовъ» точно опредѣляется форма государственнаго строя нашего отечества въ настоящее время. Статья *первая* называетъ власть императора *неограниченной* и *самодержавной*, т. е. не стѣсненной никакими «юридическими нормами, поставленными выше его власти», какъ выражается профес. Градовскій («Начала русск. госуд. права», I, 1), и всецѣло принадлежащей только императору, не раздѣляющему ее «ни съ какимъ установленіемъ или сословіемъ въ государствѣ» (тамъ же, стр. 2). Статья *сорокъ седьмая* опредѣляетъ, что имперія управляется *на твердомъ основаніи положительныхъ законовъ*, *учрежденій и уставовъ*, *отъ самодержавной власти исходящихъ*», то-есть устанавливаетъ, что воля верховной власти получаетъ обязательную силу лишь при условіи выраженія ея *въ формѣ закона* (тамъ же, стр. 3). Несомнѣнно, что, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же профессоръ Градовскій, первымъ изъ двухъ приведенныхъ положеній «неограниченная монархія отличается отъ конституціонныхъ государствъ»; но несомнѣнно также и то, что вторымъ положеніемъ неограниченная монархія существенно отличается отъ восточныхъ деспотій.

I.

Но это опредѣленіе сущности власти впервые появляется только въ Сводѣ Законовъ, т. е. въ настоящемъ столѣтіи. Прошлое столѣтіе лишь подготовляло, если можно такъ выразиться, *юридическимъ* путемъ такое опредѣленіе. Самодержавный и не-

ограниченный характеръ верховной власти слагался путемъ естественно-историческимъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, въ ряду которыхъ XVIII-е было лишь послѣднимъ звѣномъ. XVIII-е столѣтіе точнѣе и яснѣе, такъ сказать, формулировало то, что ему по данному вопросу завѣщалъ XVII вѣкъ, а этотъ вѣкъ, какъ и предшествовавшій ему XVI, зналъ только власть царя, его же «*Богъ* избра на землѣ *себе вмѣсто*». Царь—намѣстникъ Бога на землѣ: это—всеобщее воззрѣніе въ XVI и XVII столѣтіяхъ. По этому воззрѣнію единственнымъ исключительнымъ источникомъ власти царя есть—Тотъ, намѣстникомъ кого является царь на земли, т. е. Богъ, поставившій царя во главѣ отданныхъ ему «въ работу», какъ выражается Иванъ Грозный въ одномъ изъ своихъ писемъ Курбскому, т. е. подданныхъ. Такъ смотрѣлъ на себя самъ царь, въ глазахъ котораго «люди» Московскаго государства «дарованы» ему,—какъ не разъ это высказываетъ тотъ же Грозный,—«божьимъ изволеніемъ» чуть ли не искони вѣковъ; такъ смотритъ на царя народъ; такъ смотритъ на него само и издавна, съ X вѣка, учитъ смотрѣть на него и всѣхъ—духовенство, воспитанное на византійскихъ идеалахъ и проповѣдывавшее эти идеалы еще въ тотъ періодъ нашей исторіи, когда, по мѣткому выраженію профес. Сергѣевича, «народъ и князь» были двумя «одинаково существенными элементами общественнаго быта». Цѣлые вѣка воспитывается въ народѣ идея о божественномъ происхожденіи власти сначала князя, а потомъ царя. Еще во Владимірѣ—Красномъ-Солнышкѣ—представители церкви видятъ сами и учатъ видѣть другихъ—«царя и самодержца, поставленнаго отъ Бога»; еще Владиміра Мономаха, этого «страдальца за землю Русскую», *призваннаго кіевскимъ вѣчемъ* на «столъ дѣдинъ и отчень», митрополитъ Никифоръ величалъ княземъ, Богомъ издавна предопредѣленнымъ и «отъ утробы матери» посвященнымъ и помазаннымъ. «Всесильнаго Бога-Отца Вседержителя,—говоритъ митрополитъ, обращаясь къ юному царю Ивану во время вѣнчанія послѣдняго на царство,—изволеніемъ и благоволеніемъ Единороднаго Его Сына и споспѣшеніемъ Святаго и Животворящаго Духа, всемогущія Троицы волею и хотѣніемъ отъ вашихъ прародителей великихъ князей всея Руси старина ваша». Титулъ московскаго князя и потомъ царя начинается словами: «Божіею милостію»....

Разумѣется, такой взглядъ на царя и источникъ его власти сложился въ народѣ тогдашней Руси, знавшемъ нѣкогда времена,

когда князя сажало на столъ и указывало ему «путь чистъ» вѣче, не подъ вліяніемъ только проповѣди духовенства: онъ слагался подъ вліяніемъ многихъ и разнообразныхъ причинъ, — причинъ, сломившихъ старый княжеско-вѣчевой строй, — причинъ, среди которыхъ господство татаръ играло чуть ли не первенствующую роль. Но здѣсь не мѣсто на нихъ останавливаться.

Источникомъ власти обусловливается ея *характеръ*, *ея существо*: царь земной не могъ не носить на себѣ отраженія свойствъ Царя Небеснаго, будучи его представителемъ на землѣ. Власть царя въ XVII ст. не могла быть иною, какъ властью, ничѣмъ и никѣмъ не ограниченнаго, самодержца. Она такою и была. «Россійское *самодержавство*,—говорилъ еще Грозный, отвѣчая Курбскому,—изначала *сами владѣютъ* всѣми царствы», а «не какъ повелятъ имъ работные (подданные) ихъ». Московскому самодержцу повинуются его «работные» какъ Богу, въ волѣ котораго—карать и миловать. Онъ потому «нишетца самодержцемъ», говоритъ Котошихинъ, что «государство правитъ *по своей воли*.... Въ его воли что хочетъ, то учинити можетъ». По единогласному свидѣтельству иностранцевъ, жившихъ въ Москвѣ, царь могъ «свободно, *по своему произволу*, распоряжаться жизнью и существомъ всѣхъ»,—въ его рукахъ всецѣло находились жизнь и смерть каждаго изъ подданныхъ.

Надъ «массой», по выраженію Кавелина, въ Московскомъ государствѣ стоитъ единодержавный глава, царь—«само государство». А эта «масса»—его «работные» люди, его «холопы, сироты и богомольцы».

Такова власть царя въ XVII ст., такова же и власть императора въ XVIII. Первый завѣщалъ ее послѣднему во всей ея неприкосновенности. Но этой сущности власти XVII вѣкъ не опредѣлилъ юридически, да въ этомъ и не было ни малѣйшей потребности. Въ XVIII ст. мы уже встрѣчаемся съ отдѣльными попытками дать такое опредѣленіе и эти попытки подготовили опредѣленіе, данное первою статьей Свода Законовъ.

И въ XVIII ст. источникомъ власти императора является Богъ, по всеобщему убѣжденію, поддерживаемому и развиваемому представителями церкви. По мнѣнію Петра I, онъ «силу и власть имѣетъ *яко христіанскій* государь», которому «*повиноваться самъ Богъ* за совѣсть *повелѣваетъ*». Анна Ивановна, въ своемъ манифестѣ отъ 17 декабря 1731 года о присягѣ избранному ею наслѣднику престола, объявляетъ: «по должности, *отъ Всемогу-*

щаго Бога на насъ положенной, попеченіе и стараніе имѣемъ объ установленіи истиннаго правосудія... и генерально обо всемъ томъ, что къ пользѣ и благополучному, спокойному жительству всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ служитъ..., но,—продолжаетъ императрица,—мы по особливой нашей должности къ Богу, *отъ Котораго самодержавное правительство государства нашего намъ поручено*..., быть разсуждаемъ, дабы... благополучное состояніе государства нашего... и на предбудущіе вѣки... сохранено осталось» и т. д.

Одинъ изъ птенцовъ Петра, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ своей «Правдѣ воли монаршей» учитъ, что «всякій государь, наслѣдіемъ ли или избраніемъ скипетръ получившій, *отъ Бога оное пріемлетъ*: Богомъ бо царіе царствуютъ... отъ Господа дается имъ держава... *владѣетъ Вышній царствомъ человѣчимъ и емуже восхощетъ даетъ его*».

Отсюда будетъ слѣдующій логическій выводъ, что получившій власть отъ Бога Богу только и отвѣчаетъ, властью Бога только и ограничивается,—что его подданные должны чтить и бояться его какъ земнаго Бога. Страхъ и любовь—по скольку они не уничтожаютъ другъ друга—вотъ начала, на которыхъ покоится отношеніе верховной власти къ подданнымъ и наоборотъ. «Духъ Святый,—говоритъ Ѳеофанъ,—научая подданныхъ совершеннаго царемъ своимъ повиновенія, показуетъ, что *власть царя весьма въ повелѣніяхъ и дѣяніяхъ* своихъ *свободна* есть и *ни чіему истязанію о дѣлахъ своихъ не подлежитъ*», или въ другомъ мѣстѣ: «никто же не имѣетъ власти истязати царя о дѣлѣхъ его и вопрошати его, что твориши».

Другая знаменитость петровскаго времени, крестьянинъ Посошковъ, оставилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ не мало самыхъ несомнѣнныхъ доказательствъ того, что человѣкъ его времени смотрѣлъ на власть царя какъ на происходящую отъ Бога и на самого царя—какъ на Бога. Онъ съ презрѣніемъ отзывается, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» (гл. IX, изд. Погодина), объ иноземцахъ, «у которыхъ короли такой власти не имѣютъ, яко народъ», и съ величайшею гордостью говоритъ, что «мы (русскіе) своего монарха почитаемъ *яко Бога* и.... волю его всеусердно исполняемъ» (тамъ же),—что «онъ, нашъ *государь, подобенъ Богу*», а потому онъ—«*всесовершенный самодержецъ*» и, какъ таковой, «можетъ сотворити» все, «еже восхо-

щетъ» (тамъ же). Въ качествѣ таковаго «всесовершеннаго самодержца», царь, по мнѣнію автора-крестьянина, можетъ «въ своей державѣ, яко Богъ», все установить и опредѣлить разъ навсегда «неизмѣнно и ни мало ни направо, ни налѣво неподвижно». Въ «уставахъ мужичьихъ», опредѣляющихъ рыночныя цѣны, ревностный чтитель Петра видитъ нѣчто «весьма противное царскаго величества самовластію», въ рукахъ котораго—«и смерть, и животъ» его подданныхъ.

Но величайшій изъ представителей такого «царя-бога» не даромъ потрудился надъ устройствомъ «храмины» своего государства, не даромъ прорубилъ изъ нея окно въ сосѣднюю храмину, не даромъ ѣздилъ онъ самъ въ заморскіе края, не даромъ посылалъ туда «шляхетскихъ» и всякихъ людей, не даромъ старался просвѣтить своихъ подданныхъ, знакомя ихъ съ такими произведеніями западно-европейской учености, какъ, напр., сочиненіе Пуффендорфа «О правленіи гражданскомъ, о его истинномъ началѣ и его власти и ради чего» и т. п. Въ Россіи XVIII ст., еще въ началѣ его, находились люди, которые могли построить обоснованіе неограниченнаго самодержавія не «отъ Священнаго Писанія» только, но и «отъ естественнаго разума» и такихъ «изряднѣйшихъ законоучителей», какъ Гугонъ Гроцій. Притомъ люди эти, въ данномъ случаѣ Ѳеофанъ Прокоповичъ, обращались къ естественному разуму и философіи Гугона Гроція, очевидно, не потому только, что они могли орудовать, опираясь на свое образованіе и свои знанія, но и потому, что «въ народѣ обрѣтаются такъ непокойныя головы и страстію прекословія свербящая сердца, что никаковаго уставленія отъ державной власти произносимаго похвалити не хотятъ». Дабы этимъ «безумнымъ и упрямымъ прекословцамъ уста заградить, простосердечныхъ же, но невѣжливыхъ, отъ вреднаго оныхъ блазнословія сохранить невредимыхъ», ученый епископъ и пишетъ свою «Правду воли монаршей», цѣль которой—именно обосновать неограниченное самодержавіе императора, опираясь на всѣ данныя Священнаго Писанія и *тогдашней науки*. На данныхъ послѣдней, приводимыхъ Ѳеофаномъ, мы нѣсколько остановимся, прежде чѣмъ перейдти къ ознакомленію съ тѣми юридическими нормами, которыми въ XVIII ст. старались опредѣлить сущность верховной власти. Не забудемъ, что «Правда воли монаршей» написана по порученію самого Петра, написана въ видѣ поясненія и дополненія къ извѣстному указу 1722 г. о лишеніи, заражен-

наго «авессаломскою злостью», царевича Алексѣя правъ наслѣдства. Эта «Правда» вошла въ Полное Собраніе Законовъ.

Установивъ, какъ мы уже видѣли, понятіе о самодержавной и неограниченной власти монарха, исходя изъ понятія о происхожденіи ея отъ Бога, Прокоповичъ обращается къ доказательству той же, какъ онъ выражается, «вольности и должности царей» изъ «*всенароднаго намѣренія*, которымъ монархія введена и содержима быти разумѣется» *). Установивъ, *по Гоббесу*, три формы правленія: народодержавство, аристократію и монархію или самодержавство,—Прокоповичъ останавливается на послѣдней, которая, по его выраженію, «двойственнаго вида есть: въ иной монархіи не наслѣдный скипетръ содержится»—избирательная, «иная же монархія наслѣдная есть». Подъ понятіе о послѣдней онъ подводитъ и «сію преславно нынѣ процвѣтшую монархію Россійскую». Наслѣдная монархія, какъ и «всякій образъ правленія, имѣетъ начало *отъ перваго* въ семъ или ономъ *народѣ согласія*», исключая тѣхъ монархій, «которыя начало приняли отъ нѣкоего превозмогающаго въ народѣ человѣка, народъ себѣ покорившаго». Другими словами, Прокоповичъ, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, самое государство и всѣ формы государственнаго правленія производитъ *изъ договора*, въ которомъ выражается первоначальная «воля народная», а характеръ этой воли Прокоповичъ опредѣляетъ «отъ самаго вида и образа монархіи: какова бо гдѣ монархія есть, таковую и волю народную, въ началѣ тоя монархіи бывшую, разумѣти подобаетъ». Эту волю народа «въ началѣ монархіи какъ *избирательной*, такъ и *наслѣдственной*»—авторъ образно опредѣляетъ такъ: онъ представляетъ себѣ первое народное собраніе, на которомъ народъ, избравъ себѣ монарха, обращается къ нему со словами: «Согласно вси хощемъ, да ты владѣеши нами къ общей пользѣ нашей, и мы вси *совлекаемся воли нашей* и тебѣ повинуемся, *не оставляюще намъ себѣ самимъ никакой свободности*». При этомъ если имѣется въ виду установить монархію избирательную, то народъ говоритъ, что онъ отказывается отъ своей воли только до смерти монарха, т. е. «доколе живъ пребываеши», послѣ же смерти, говоритъ народъ, обращаясь къ избранному, «будетъ паки при насъ воля наша, кому высочайшую надъ нами власть отдати, по усмотрѣніи достоинства и по нашемъ согласіи». Если

*) Мы пользуемся изданіемъ „Правды воли монаршей“ 1726 года.

же идетъ рѣчь о монархіи наслѣдственной, то къ общему отреченію отъ воли прибавляется: «владѣеши надъ нами вѣчно, то-есть понеже смертенъ еси, то да по тебѣ ты же самъ впредь да оставляеши намъ *наслѣднаго* владѣтеля, мы же, единожды воли нашей совлекшеся, никогда же оной впредь.... употребляти не будемъ, но какъ тебѣ, такъ и наслѣдникамъ твоимъ по тебѣ повиноватися клятвеннымъ обѣщаніемъ одолжаемся *и нашихъ по насъ наслѣдниковъ тымжде долженствомъ обязуемъ*». Разъ признано, что такой договоръ состоялся, что народъ-избиратель, если можно такъ выразиться, отказался навсегда не только за себя, но и за свое потомство отъ всякой «воли»,—результаты такого договора понятны сами собой: избранникъ и его преемники получаютъ высшую, *абсолютную*, власть относительно всѣхъ и каждаго, отнынѣ отказавшихся отъ всякаго проявленія своей «воли» въ дѣлахъ общественныхъ и обязавшихся только повиноваться. Между подданнымъ и рабомъ, по ученію Гоббеса, въ такомъ случаѣ есть та разница, что первый подчиненъ государству, а второй—частному лицу. Только Прокоповичъ такъ опредѣляетъ «долженства», какъ онъ выражается, «народа подданнаго» въ наслѣдственной монархіи своей: прежде всего этотъ народъ долженъ «безъ прекословія и *роптанія* вся отъ самодержца повелѣваемая творити»; дальше, въ результатѣ такого повиновенія, онъ «не можетъ судити дѣла государя своего», такъ какъ въ противномъ случаѣ «имѣлъ бы еще при себѣ волю общаго правленія, которую весьма отложилъ»; тѣмъ менѣе, наконецъ, можно признать за такимъ народомъ, отдавшимъ «волю свою» избранному, право «повелѣвати монарху своему». Ни одного изъ этихъ правъ за такимъ народомъ нельзя признать даже и въ такомъ случаѣ, когда избранный монархъ «не таковъ, какова его надѣялся (народъ), покажется» или «перемѣнится въ злаго»; нельзя признать этого по той простой, по мнѣнію Прокоповича, причинѣ, что народъ «воли своей и власти лишился». Итакъ, монархъ въ такой наслѣдной монархіи—вполнѣ неограниченный властелинъ, никакими законами не связанный,—властелинъ, воля котораго — законъ. Россія, мы видѣли, отнесена Прокоповичемъ къ категоріи такихъ монархій. Авторъ «Правды воли монаршей» считаетъ свои доводы и доказательства на столько сильными и доказательными, что противъ нихъ, по его мнѣнію, никакой противникъ такой власти монарха «и устами зѣнути отнюдь не можетъ».

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ изданія «Правды воли монаршей» явился человѣкъ, который нашелъ возможность если не «зѣнути» что-либо противъ доводовъ ученаго епископа, то въ значительной степени дополнить ихъ, и дополнить соображеніями совсѣмъ *иного порядка*. Это былъ извѣстный Татищевъ, авторъ «Исторіи Россіи», человѣкъ едва ли менѣе ученый и образованный, чѣмъ Ѳеофанъ. Исходя изъ основной мысли, что всѣ формы правленія «не каждое всюду годны или полезны, *смотря по мѣсту, пространству и состоянію людей* въ государствѣ», Татищевъ говоритъ, что «*въ великихъ и пространныхъ государствахъ*, окруженныхъ многими сосѣдями, особенно гдѣ народъ не довольно ученіемъ просвѣщенъ и за страхъ, и изъ благонравія или познанія пользы и вреда законъ хранитъ, тамъ *необходимо само-или-единодержавіе*». Въ Россіи — какъ по этимъ соображеніямъ, такъ и въ силу «всѣхъ *историческихъ преданій*»—возможна только монархія именно «само-и-единодержавная».

Нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя, эти же самые доводы въ пользу неограниченной монархіи повторены были царственною поклонницей Вольтера, Екатериной II, въ ея знаменитомъ «Наказѣ». Но императрица не ограничилась одними этими доводами, а присоединила къ нимъ и другіе: «Всякое другое правленіе не только было бы въ Россіи вредно, но въ конецъ раззорительно», такъ какъ «лучше повиноваться законамъ *подъ однимъ господиномъ*, нежели угождать многимъ». Эта мысль уже указываетъ, что императрица высказывается за неограниченную монархію вообще, безотносительно къ какимъ-либо условіямъ, существующимъ спеціально въ ея отечествѣ. По ея мнѣнію, «намѣреніе и конецъ самодержавныхъ правленій есть слава гражданъ, государства и государя», а уже «отъ сія славы происходитъ въ народѣ, единоначаліемъ управляемомъ, *разумъ вольности*».

XVIII вѣкъ, какъ уже замѣчено, не остановился на одномъ обоснованіи неограниченной власти императора *теоретически*, а пошелъ дальше: онъ далъ нѣсколько опредѣленій такого характера этой власти въ самомъ *законѣ*. Правда, эти опредѣленія не носятъ характера законовъ, изданныхъ, такъ сказать, ad hoc, со спеціальною цѣлью точно опредѣлить характеръ власти,—они проскальзываютъ въ видѣ отдѣльныхъ положеній, постановленій, высказанныхъ *между прочимъ*, по поводу спеціальныхъ вопросовъ; но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ слѣдуетъ

видѣть первое точное опредѣленіе существа верховной власти въ Россіи XVIII столѣтія. Къ такимъ опредѣленіямъ приходится отнести прежде всего сдѣланныя въ извѣстномъ «Артикулѣ Воинскомъ» Петра I, входящемъ въ составъ Воинскаго Устава, изданнаго въ 1716 году. Въ 18 статьѣ этого «Артикула постановляется, чтобы всѣ воинскаго чина люди» всѣ свои силы полагали въ службѣ императору, «яко *самовластному* монарху». Въ толкованіи къ 20-й статьѣ того же «Артикула» прямо говорится, что «его величество есть *самовластный* монархъ», причемъ опредѣляется и самое понятіе самовластія, которое полагается въ томъ, что монархъ «никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отвѣту дать не долженъ, но силу и власть имѣетъ свои государства и земли.... по своей волѣ и благомнѣнію управлять». Четыре года спустя, Петръ это же опредѣленіе повторяетъ буквально въ «Уставѣ *Морскомъ*», а въ «Регламентѣ духовной коллегіи» (синоду) мы встрѣчаемся еще разъ съ опредѣленіемъ верховной власти, совсѣмъ уже «мимоходомъ высказаннымъ: монарховъ власть есть самодержавная», говорится въ началѣ Регламента. Въ екатерининскомъ Наказѣ, вошедшемъ, какъ извѣстно, въ Полное Собраніе Законовъ, мы еще разъ встрѣчаемся (гл. 2, ст. 9) съ категорическимъ постановленіемъ, что «государь есть *самодержавный*». Въ концѣ XVIII столѣтія, послѣ попытокъ ограничить верховную власть, о чемъ рѣчь впереди, въ «Учрежденіи объ императорской фамиліи», изданномъ, въ въ 1797 году 5 апрѣля, императоромъ Павломъ, употребляется уже выраженіе «неограниченный»: императоръ трактуется параграфомъ 71-мъ этого учрежденія «яко *неограниченный самодержецъ*». Это послѣднее опредѣленіе существа верховной власти императора уже и вошло въ Сводъ Законовъ.

Итакъ, въ концѣ XVIII столѣтія вылилось, наконецъ, въ форму закона то, что создавалось цѣлые вѣка, подъ вліяніемъ извѣстныхъ условій, самою жизнью. Но та же самая жизнь породила и такія условія, которыя необходимо шли въ разрѣзъ съ преобладающимъ направленіемъ относительно взгляда на представителей верховной власти и наталкивали извѣстныхъ людей на мысль о необходимости измѣнить характеръ власти императора. Еще въ XVII столѣтіи мы встрѣчаемся, въ исторіи Московскаго государства, съ фактами, идущими въ разрѣзъ съ общимъ строемъ его, противорѣчащими понятію о власти великаго государя и царя—какъ власти, исходящей отъ Бога и никѣмъ,

кромѣ Его, не связанной. Мы имѣемъ въ виду тотъ общеизвѣстный фактъ, что Василій Шуйскій, вступая на престолъ, «цѣловалъ крестъ всѣмъ православнымъ христіаномъ» на томъ, что ему, «великому государю, всякаго человѣка, *не осудя* истиннымъ судомъ *съ боярами своими*, смерти не предать, вотчинъ, дворовъ и животовъ у братьи его, у жены и дѣтей не отнимать, если они съ нимъ въ мысли не были....», что «ихъ (христіанъ) жалуя (ему великому государю) судить истиннымъ и праведнымъ судомъ и безъ вины ни на кого опалы своей не класть....». Мы имѣемъ въ виду здѣсь также и то, что королевичу Владиславу, выбранному, какъ извѣстно, въ періодъ междуцарствія на московскій престолъ, предложены были московскими боярами, между прочимъ, слѣдующія, ограничивавшія его власть, условія: «быти всему по-прежнему.... и прежнихъ обычаевъ и чиновъ, которые были на Московскомъ государствѣ, не перемѣняти..., *совѣтоваться съ боярами и съ думными людьми»* по важнымъ вопросамъ управленія, «*а будетъ похотятъ въ чемъ пополнити для укрѣпленія судовъ—и государю на то поволити съ думою* боярскою и *всей земли*.... А *доходы государскіе*.... собирати по-прежнему, *а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ бояры, ни* въ чемъ *не прибавливати*.... А не сыскавъ вины и *не осудивши судомъ*.... никого не казнити, и *чести ни у кого не отымати, и въ заточеніе не засылати*....». Шуйскій слишкомъ недолго просидѣлъ на престолѣ. Королевичъ Владиславъ и вовсе на немъ не сидѣлъ. Мы видѣли, XVII столѣтіе передало XVIII-му верховную власть въ ея полной неприкосновенности, но въ первой половинѣ XVIII столѣтія мы снова встрѣчаемся съ попытками посягнуть на эту неприкосновенность. Говоря о верховной власти въ XVIII вѣкѣ, нельзя пройти молчаніемъ этихъ попытокъ. Онѣ имѣли мѣсто при воцареніи Екатерины I и императрицы Анны Ивановны.

Въ ночь на 28 января 1725 года, наканунѣ смерти царя-преобразователя, въ одной изъ комнатъ того дворца, гдѣ лежалъ умиравшій императоръ, «родословные» и «новые русскіе люди» вели горячій споръ—кому быть по смерти Петра на престолѣ. Выбирать предстояло между малолѣтнимъ внукомъ умиравшаго, Петромъ, и его женой. Интересы Екатерины представляли Меньшиковъ и Толстой. Къ четыремъ часамъ утра *была выбрана (?)* Екатерина, а въ шесть скончался императоръ. Во время дебатовъ предлагалось возвести на престолъ Петра Алексѣевича, а за мало-

лѣтствомъ «поручить правленіе императрицѣ Екатеринѣ *вмѣстѣ съ сенатомъ»* (Соловьевъ, «Ист. Россіи», XVIII, стр. 267); но въ концѣ концовъ всѣ присоединились къ мнѣнію Толстаго, что «надобно возвести на престолъ императрицу Екатерину *безъ всякаго ограниченія*,—пусть властвуетъ, какъ властвовалъ супругъ ея» (тамъ же, 268). Несомнѣнно, стало-быть, что стремленіе ограничить власть новой императрицы было. Эта мысль зародилась въ головахъ сильныхъ міра того времени какъ благодаря ихъ личному положенію, такъ, вѣроятно, и личнымъ качествамъ императрицы, а также и благодаря тому, что императрица обязана была своимъ вступленіемъ на престолъ этимъ людямъ. Императрица вступила на престолъ—не ограниченная въ своей власти никакимъ закономъ. Но, въ дѣйствительности, она едва ли пользовалась властью самодержавной и неограниченной: годъ спустя былъ учрежденъ верховный тайный совѣтъ, который хотя и имѣлъ, по словамъ его членовъ, своею цѣлью «только служить къ облегченію ея величества въ тяжкомъ бремени правленія», на самомъ же дѣлѣ почти совсѣмъ устранялъ ее отъ этого «бремени»: «никакимъ указамъ, — говорятъ верховники въ своемъ «мнѣніи о новомъ учрежденномъ тайномъ совѣтѣ», — прежде не выходить, *пока они* въ тайномъ совѣтѣ совершенно не состоялись»; никакой указъ, не подписанный или императрицею, *или членами совѣта*, не долженъ былъ исполняться. Не даромъ представители иностранныхъ дворовъ въ Россіи смотрѣли на учрежденіе совѣта какъ на первый шагъ къ «быстрой перемѣнѣ», къ тому, чтобы «пересилить верховную власть» и ввести форму правленія *«подобную англійской»* (!). Не даромъ члены тайнаго совѣта присягали лишь исполнять свои обязанности «по регламентамъ и инструкціямъ верховнаго тайнаго совѣта», при чемъ въ формулѣ присяги императрица не называется самодержицей, какъ не называется она этимъ титуломъ и въ указахъ, исходящихъ изъ верховнаго совѣта *). По завѣщанію Екатерины, передававшему престолъ по ея смерти Петру Алексѣевичу, верховный совѣтъ получаетъ, въ качествѣ регента, *«полную власть правительствующаго самодержавнаго государя»*, каковою онъ и пользовался все кратковременное царствованіе императора-ребенка. Это послѣднее обстоятельство, помимо многихъ другихъ,

---

*) *Корсаковъ*: «Воцареніе Анны Ивановны». 1880 г. Этимъ интереснымъ сочиненіемъ мы пользуемся, говоря и объ ограниченіи власти Анны Ивановны.

играло не послѣднюю роль въ дѣлѣ ограниченія власти императрицы Анны Ивановны.

Въ ночь съ 18 на 19 января 1730 года скончался четырнадцатилѣтній императоръ Петръ II. Планъ Алексѣя Долгорукаго, отца невѣсты покойнаго императора, возвести на престолъ свою дочь, Екатерину Долгорукую, не удался, несмотря на «нѣкое письмо, якобы Петра II завѣтъ», какъ выражается Прокоповичъ. Этотъ «завѣтъ» былъ подложенъ. Въ самую ночь смерти Петра члены верховнаго совѣта, нѣкоторые изъ сенаторовъ и генералитета рѣшили призвать на всероссійскій престолъ герцогиню курляндскую Анну Ивановну, племянницу Петра В., дочь нѣкогда соцарствовавшаго ему брата его, Ивана Алексѣевича. Приглашеніе состоялось по иниціативѣ князя Дмитрія Михайловича Голицына, который вмѣстѣ съ тѣмъ «придумалъ», выражаясь языкомъ нашего покойнаго историка Соловьева, «лѣкарство отъ болѣзней власти—ея ограниченіе». Въ своей рѣчи, въ которой доказывалась необходимость призвать на престолъ Анну Курляндскую, Д. М. Голицынъ указалъ на это «лѣкарство» въ такой характерной формѣ: «воля ваша,—заключилъ онъ свою рѣчь, обращаясь къ окружавшимъ,—только *надобно себѣ полегчить*». Подъ этимъ «себѣ полегчить» онъ разумѣлъ не что иное, какъ «чтобы *себѣ воли прибавить*». А достигнуть этой цѣли онъ предполагалъ такимъ путемъ: «написавъ, послать къ ея величеству *пункты*», т. е. опредѣленныя условія, которыя она должна бы была соблюдать по вступленіи на престолъ. Тою же ночью былъ набросанъ проектъ этихъ пунктовъ, въ количествѣ семи. Ограничивающимъ учрежденіемъ поставленъ былъ, по проекту, верховный тайный совѣтъ, безъ согласія котораго императрица «наикрѣпчайше обѣщается:

«1) ни съ кѣмъ войны не вчинать;

«2) мира не заключать;

«3) вѣрныхъ нашихъ подданныхъ новыми податьми не отягощать;

«4) въ знатные чины, какъ въ стацкіе, такъ и въ военные, выше полковничья ранга—не жаловать, ниже къ знатнымъ дѣламъ никого не опредѣлять;

«5) у шляхетства (дворянства) живота, *чести* и имѣнія *безъ суда не отнимать*;

«6) вотчины и деревни не жаловати;

«7) *государственные доходы въ расходы не употреблять* и всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать».

Верховники ограничились этими пунктами, несомнѣнно, лишь въ виду спѣшности дѣла. Выработка новыхъ правительственныхъ формъ, учрежденій, которыя должны были вѣдать вмѣстѣ съ императрицей государственное управленіе на началахъ положенныхъ въ приведенныхъ здѣсь пунктахъ,—отложена была до перваго удобнаго момента, хотя несомнѣнно, что въ головѣ Д. М. Голицына, автора пунктовъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, сложился и весь «политическій планъ», какъ выражается пр. Корсаковъ, будущаго управленія. Это видно изъ того, что черезъ четыре дня послѣ смерти императора, 23 января, уже появились слухи о существованіи такого плана. Планъ этотъ, намъ кажется, слишкомъ интересенъ уже самъ по себѣ независимо отъ его связи съ «пунктами», какъ произведенія автора этихъ послѣднихъ и какъ дальнѣйшаго, пожалуй, развитія ихъ *).

По этому плану въ безконтрольномъ завѣдываніи императрицы состоялъ лишь дворъ, на содержаніе котораго проектировалось отпускать ежегодно пятьсотъ тысячъ рублей, и въ ея же распоряженіе отдавался отрядъ гвардіи, имѣвшій охранять дворецъ. Все высшее управленіе переходитъ въ руки верховнаго тайнаго совѣта. Maximum числа членовъ этого совѣта опредѣлялся въ двѣнадцать человѣкъ, въ составъ котораго входятъ лишь лица изъ знатнѣйшихъ русскихъ семействъ **) и императрица *съ двумя голосами*. При верховномъ совѣтѣ имѣло состоять еще три собранія: 1) Сенатъ изъ тридцати шести членовъ. Его роль—роль подчиненнаго совѣту учрежденія — разсматривать, подготовлять дѣла, поступающія въ верховный совѣтъ. 2) Камера низшаго шляхетства (Маньянъ называетъ ее просто une chambre de noblesse) — изъ *двухъ сотъ* представителей. Цѣль этой палаты—охраненіе правъ представляемаго ею сословія въ случаѣ посягательства на нихъ верховнаго совѣта. Наконецъ, 3) палата представителей отъ городовъ, по два отъ каждаго, по Маньяну, который говоритъ объ этой палатѣ, что она est composie de deux députés de chaque ville. Назначеніе этой послѣдней па-

*) Мы излагаемъ этотъ планъ по сочиненію г. Корсакова, который знакомитъ съ нимъ читателя по свидѣтельству пословъ того времени: французскаго—Маньяна и англійскаго—Рондо.

**) Исключая Остермана, который вводится въ совѣтъ за особыя заслуги его.

латы—завѣдываніе торговлей и охраненіе интересовъ «простаго народа». Какъ должны были составляться эти три палаты, мы не знаемъ. Въ видѣ какъ бы дополненія къ этому плану, Голицынъ проектировалъ, судя по указаніямъ тѣхъ же авторитетовъ, рядъ реформъ, касавшихся такихъ капитальныхъ вопросовъ, какъ, напр., вопросы о государственномъ бюджетѣ, о положеніи духовенства, шляхетства, купечества и крестьянства, о состояніи войска и др.

Повторяемъ, по неимѣнію времени этотъ планъ не былъ внесенъ въ верховный совѣтъ на обсужденіе его авторомъ. Совѣтъ спѣшилъ представить будущей императрицѣ «пункты» возможно скорѣе и получить отъ нея обѣщаніе исполнять ихъ.

Съ очень незначительными измѣненіями, притомъ касавшимися лишь внѣшней стороны ихъ редакціи, «пункты» эти, названные «кондиціями», были представлены въ Митавѣ Аннѣ Ивановнѣ депутатами отъ верховнаго тайнаго совѣта, сената и генералитета *) и подписаны ею 25 января, а перваго февраля уже были привезены въ Москву, украшенные слѣдующею собственноручною подписью императрицы: *«по сему обещаю все без всякаго изъятия содержать. Анна»* **). Вмѣстѣ съ «кондиціями» въ Москвѣ получено было на имя верховнаго тайн. совѣта и письмо императрицы, въ которомъ, «изъявляя согласіе принять державу и.... правительствовать.... такъ, чтобы всѣ подданные.... могли быть довольны», Анна Ивановна пишетъ: «понеже къ тому моему намѣренію (т. е. такъ править, чтобы всѣ подданные были довольны) потребны *благіе совѣты, какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того для,* предъ вступленіемъ моимъ на россійскій престолъ, по здравомъ разсужденіи, *изобрѣли мы за потребно* для пользы Россійскаго государства и *къ удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданныхъ,* дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ ко отечествію нашему и вѣрнымъ нашимъ подданнымъ, *а для того*, елико время насъ допустило, *написавъ*, *какими способы мы то правленіе вести хощемъ*, и подписавъ нашею рукою (рѣчь идетъ о «кондиціяхъ»), послали въ тайный верховный совѣтъ» ***).

*) Этими депутатами были: кн. Вас. Лук. Долгорукій, кн. Мих. Мих. Голицынъ и ген. Леонтьевъ.
**) Мы сохраняемъ ороографію подлинника.
***) *Корсаковъ*: «Воцареніе Анны Ивановны», стр. 118.

Судьба этихъ «кондицій» извѣстна: ровно черезъ мѣсяцъ послѣ подписанія ихъ, двадцать пятаго февраля, въ четвертомъ часу дня, какъ свидѣтельствуется черновымъ журналомъ верховнаго тайнаго совѣта, «кондиціи» или пункты.... «Ея величеству отъ господъ министровъ (то-есть членовъ верховнаго тайнаго совѣта) поднесены. И тѣ *пункты ея величество* при всемъ народѣ *изволила принявъ изодрать*». Вмѣстѣ съ ними разодрано было только-что цитированное нами письмо императрицы *). Въ тотъ же день вечеромъ «всѣ иностранные министры были извѣщены..., что Анна Ивановна приняла самодержавіе» (Корсаковъ). На слѣдующій день составлена новая присяга и «ея величество тое присягу опробовать соизволила и господа министры (члены верх. тайн. совѣта), тое присягу подписавъ, вручили ея величеству». А перваго марта по всей Москвѣ приглашены всѣ «паки къ присягѣ въ соборы и церкви» **). «Для нужной безопасности противу злонамѣренныхъ предпріятій,—говоритъ Манштейнъ въ своихъ «Запискахъ»,—поставлены были по всѣмъ улицамъ караулы» ***). Повелѣно было праздновать это освобожденіе отъ «кондицій» трехдневною иллюминаціей, которая въ первый день, 25 февраля, по свидѣтельству того же Манштейна, сопровождалась такимъ яркимъ сѣвернымъ сіяніемъ, что «сіе воздушное явленіе въ народѣ столь сильное произвело впечатлѣніе, что всякъ пораженъ былъ великимъ страхомъ». Торжество значительно омрачилось. Народъ долго помнилъ этотъ день. «Впослѣдствіи,—говоритъ Манштейнъ, — Россіяне почитали сіе предзнаменованіе весьма справедливымъ по причинѣ пролитія Бирономъ въ государствѣ крови текучими ручьями». Черезъ посредство этого только «воздушнаго явленія» народъ связывалъ торжество разодранія «кондицій» съ злыми временами бироновщины.

Эпизодъ въ исторіи XVIII ст. во всякомъ случаѣ любопытный. Его значеніе, несомнѣнно, зависитъ отъ того, какъ взглянуть на него: видѣть ли въ немъ только «попытку верховниковъ», какъ выражаются наши «учебники Русской исторіи», ихъ «коварство», «затѣйку», выражаясь языкомъ Ѳеофана Прокоповича,—или нѣчто большее. Въ первомъ случаѣ, пожалуй, можно было бы согласиться съ замѣчаніемъ того же Прокоповича, что это событіе

---

*) Тамъ же, стр. 277. Эти разодранные рукою императрицы „пункты" и письмо сохранились въ государ. архивѣ.

**) *Соловьевъ*: «Ист. Россіи», т. XIX, стр. 268.

***) Русскій переводъ «Записокъ», изд. 1823 г., ч. I, стр. 53.

лишь «подало въ народъ довольную смѣха матерію». Во второмъ же случаѣ дѣло получаетъ совсѣмъ иной оборотъ: изъ «довольной смѣха матеріи» обращается въ матерію достойную глубокаго изученія. Иностранцы-современники именно такъ и смотрѣли на дѣло. Нѣкто французъ Bussy, разсказавъ объ отказѣ Анны Ивановны отъ ея обѣщаній и разодраніи «кондицій», прибавляетъ, что вмѣстѣ съ этимъ рушились широкіе планы тѣхъ «qu'un enthousiasme de république avait saisis». Другой иностранецъ, жившій въ то время въ Россіи въ качествѣ испанскаго посла, герцогъ де-Лиріа, въ своихъ запискахъ называетъ этотъ эпизодъ нашей исторіи «великимъ событіемъ». Манштейнъ въ попыткѣ къ ограниченію власти Анны Ивановны видитъ стремленіе «къ утвержденію республиканской системы правленія», хотя и смотритъ, вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, на дѣло какъ исключительно на затѣи верховниковъ,—затѣи, противъ которыхъ былъ весь народъ, все шляхетство, войско, духовенство,—словомъ, все, кромѣ *восьми* человѣкъ, членовъ верх. тайнаго совѣта. Но, странно, противъ этихъ *восьми* человѣкъ, по разсказу того же Манштейна, принимаются по-истинѣ удивительныя мѣры,—можно сказать, ведется противъ нихъ цѣлый заговоръ, во главѣ котораго стоитъ императрица. Заявивъ о томъ, что императрица «притворялась, будто съ удовольствіемъ подвергаетъ себя всѣмъ условіямъ», Манштейнъ продолжаетъ: «но тайное ея поведеніе совсѣмъ различествовало отъ того, которое она наружно показывала.... Она всячески старалась прибирать себѣ согласниковъ, а особливо *великими щедротами привлекать гвардію*.... Не оставила и того, чтобы посѣять несогласіе и вражду между членами верховнаго совѣта. Военнымъ *внушаемо было,* что Долгоруковы и ихъ родственники одни не менѣе пользуются могуществомъ, какъ и сама императрица,—что они съ тѣмъ только намѣреніемъ и ограничили власть ея, чтобы самимъ утвердиться въ силѣ.... Не упущено было, — продолжаетъ Манштейнъ, — наипаче *вперять неудовольствіе* въ мелкое дворянство, внушая оному, что никто изъ нихъ не можетъ ласкаться когда-либо достигнуть и самыхъ малозначущихъ чиновъ и мѣстъ, пока верх. совѣтъ будетъ имѣть власть въ своихъ рукахъ, что весь народъ будетъ рабами верховнаго совѣта». И все это лишь ради разрушенія «затѣекъ» восьми человѣкъ! Тутъ что-то не такъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ послѣдовательнѣе: онъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ, просто заявляя, что «начальная оныхъ господъ (вер-

ховниковъ) бодрость всѣмъ была съ досадой» и что «бѣдное" самой государыни состояніе.... на гнѣвъ и ярость позывало»; что, наконецъ, «снедшись во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ государынѣ челобитную», въ которой просили «договорное курляндское письмо (т. е. «кондиціи», подписанныя императрицей въ Митавѣ) отвергнуть и уничтожить яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный» *). Недоумѣніе, пожалуй, еще увеличивается разсказомъ герцога де-Лиріа о *трехъ* «мнѣніяхъ», изданныхъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ еще до пріѣзда въ Москву Анны Ивановны. Онъ сообщаетъ **), что одно мнѣніе было подано кн. Черкасскимъ за подписью 390 человѣкъ — «для того только, чтобы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ *пользу царицы*». Второе мнѣніе, генерала Матюшкина, за подписью двадцати пяти лицъ, состояло уже, по словамъ де-Лиріа, «въ томъ, чтобы всю власть вручить верховному совѣту». Итакъ, оказывается у верховниковъ двадцать шесть человѣкъ союзниковъ съ генераломъ во главѣ. Третье мнѣніе, составленное, по слухамъ, кн. Куракинымъ, было подписано пятнадцатью человѣками; о его содержаніи герцогъ де-Лиріа не говоритъ ни слова. Это свидѣтельство де-Лиріа, по крайней мѣрѣ относительно «мнѣнія» кн. Черкасскаго, разъясняется появившимися, въ 1859 году, въ Погодинскомъ «Утрѣ» двумя «Записками» извѣстнаго Татищева, разъ уже въ нашей статьѣ упомянутаго. Въ одной изъ этихъ «Записокъ» оказывается, что такъ называемое «мнѣніе» князя Черкасскаго составлено Татищевымъ и, по его свидѣтельству, «по два раза *въ немалыхъ собраніяхъ шляхетства*» (дворянства) читано въ домѣ Новосильцева. Содержаніе этого мнѣнія, — на немъ мы остановимся нѣсколько дольше, — не даромъ изложено было такимъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени и не даромъ нѣсколько разъ обсуждалось въ многочисленныхъ собраніяхъ тогдашняго дворянства: возставая противъ верховниковъ, этотъ проектъ писался вовсе не для того только, чтобъ оттянуть время, и не для того, чтобы возвратить Аннѣ Ивановнѣ неограниченное самодержавіе, отъ кото-

*) Мы пользуемся сказаніемъ Ѳ. Прокоповича о „кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны“, изданнымъ Языковымъ въ 1845 г., въ видѣ приложенія къ «Запискамъ дюка Лирійскаго».

**) Мы цитируемъ переводъ «Записокъ» съ французскаго яз., изданный Языковымъ въ 1845 году.

раго она добровольно отказалась, какъ мы видѣли. Вопросъ все усложнялся. Дѣло, очевидно, не было такъ просто, какъ разсказываютъ Ѳеофанъ Прокоповичъ или Манштейнъ.

Въ 1869 году появился XIX-й томъ «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» нашего историка Соловьева. Это былъ первый томъ «Исторіи Россіи въ царствованіе императора Петра II и императрицы Анны Ивановны». Въ немъ интересующее насъ событіе разсказано на основаніи не только всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые изданы были у насъ или за границей до 1869 года, но и тѣхъ, которые покоятся въ нашемъ государственномъ архивѣ главнымъ образомъ въ видѣ протоколовъ верховнаго тайнаго совѣта. По разсказу нашего историка, замыслы верховнаго тайнаго совѣта вызвали «сильное волненіе и неудовольствіе *въ высшихъ слояхъ общества*»; но «неудовольствіе».... это главнымъ образомъ выражалось въ томъ, что «вмѣсто одного государя будетъ восемь». Далеко не всѣ недовольные желаютъ оставить «прежнюю форму правленія»,—*многіе* готовы и «перемѣнить», но думаютъ, что этого «нельзя скрывать», и «сердятся на верховниковъ только за то, зачѣмъ они взяли все себѣ, съ другими не подѣлились». Эти неудовольствія повели къ частымъ сборищамъ недовольныхъ, въ результатѣ каковыхъ сборищъ, очевидно, и получились тѣ мнѣнія, которыя «начали подаваться въ верховный тайный совѣтъ» и которыя «*всѣ требовали увеличенія числа членовъ верховнаго тайнаго совѣта вообще* и уменьшенія числа членовъ его изъ одной фамиліи», то-есть дѣло ограничивалось, какъ выражается историкъ, лишь тѣмъ, что «*всѣ посягали на настоящій составъ совѣта*». Объ остальныхъ пунктахъ кондицій, въ которыхъ, смѣемъ думать, вся суть дѣла, «мнѣнія» стало-быть ничего не говорили. Историкъ знакомитъ насъ вкратцѣ съ содержаніемъ *трехъ* мнѣній. Когда пріѣхала императрица и совершены были похороны умершаго императора, началась борьба между авторами «кондицій» и сторонниками «мнѣній». Подписавшіе «мнѣнія» собирались въ разныхъ домахъ, по словамъ Соловьева, «для совѣщаній о рѣшительныхъ мѣрахъ, для подписанія просьбы императрицѣ *о пересмотрѣ подписанныхъ ею въ Митавѣ пунктовъ*». И дѣйствительно, въ поданной императрицѣ, отъ имени человѣкъ 800 и съ одобренія, по увѣренію челобитчиковъ, *всего шляхетства*, челобитной ее прежде всего челобитчики «за себя и за потомковъ своихъ» благословляли за то, что она «по своей неизреченной милости *из-*

волила подписать условія», и только уже потомъ говорили о необходимости того, «*чтобы по большинству голосовъ установлена была правильная и хорошая форма правленія*». Жалуясь на то, что верх. тайный совѣтъ отказалъ имъ въ разсмотрѣніи ихъ мнѣній, челобитчики просили императрицу «приказать *разсмотрѣть* различные *проекты*, предложенные ими, *призвавши одну или двухъ персонъ изъ каждой фамиліи для установленія такой правительственной формы, которая бы угодна была всему народу*». Слѣдовательно, суть челобитной—въ замѣнѣ верховнаго совѣта, какъ учрежденія, ограничивающаго власть императрицы, такимъ, которое *было бы* «угодно всему народу»; на кондиціи же челобитчики не только не жалуются, но даже благодарятъ. Послѣ чтенія этой челобитной раздались голоса *гвардейскихъ офицеровъ* и другихъ (?) изъ шляхетства: «Не хотимъ, чтобы государынѣ предписывались законы! Она должна быть такою же самодержицею, какъ были всѣ прежніе государи». Подъ вліяніемъ этого обстоятельства, говоритъ историкъ, челобитчики перемѣнили свое мнѣніе и «положили просить императрицу о принятіи самодержавія». Пока шелъ высочайшій столъ, къ которому приглашены были всѣ верховники, шляхетство написало новую челобитную, въ которой оно благодаритъ императрицу за принятіе, нѣсколько часовъ тому назадъ, ихъ первой челобитной и, не желая показаться за сіе неблагодарными, проситъ ее «принять самодержавство таково, каково ея славные и достохвальные предки имѣли», а «пункты» верховнаго тайнаго совѣта, уже ею подписанные, уничтожить. Въ заключеніе просители выражаютъ убѣжденіе, что «въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей» они, «всепокорнѣйшіе раби» ея, «по благоутробію ея величества, презрѣнны не будутъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ, тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣютъ». Подъ этою челобитной сто пятьдесятъ подписей. Послѣдовало разодраніе пунктовъ. Историкъ заключаетъ свой разсказъ любопытными соображеніями, бросающими, намъ кажется, извѣстный свѣтъ на занимающее насъ дѣло. Онъ высказываетъ эти соображенія мимоходомъ, по поводу характера царствованія Анны Ивановны: «Надобно смотрѣть зорко и жить въ постоянномъ страхѣ; а подозрительность и страхъ — это такія чувства, которыя не умягчаютъ душу. Русское *знатное шляхетство подозрительно*. Правда, оно было противъ верховниковъ, но *оно сочиняло разные проекты государствен-*

наго устройства.... Только *энергическое движенiе гвардiи заставило поспѣшить возстановленiемъ самодержавiя*. Надобно привязать къ себѣ эту гвардiю, увеличить ея число». Несомнѣнно, стало-быть, что историкъ на попытку ограниченiя власти Анны Ивановны не смотритъ какъ на «затѣйку» лишь восьми человѣкъ верховниковъ. Это было дѣло, по меньшей мѣрѣ, всего «знатнаго шляхетства», распадавшагося на отдѣльные кружки и партiи лишь по вопросу о *формахъ* этого ограниченiя или, пожалуй, о тѣхъ учрежденiяхъ, каковыми должна была ограничиваться власть императрицы.

Осенью прошлаго года появилось въ высшей степени интересное сочиненiе по данному вопросу г. Корсакова, первоначально печатавшееся въ малораспространенныхъ ученыхъ «Запискахъ Казанскаго университета». Сочиненiе это—«Воцаренiе императрицы Анны Iоанновны» (объемомъ въ двадцать пять печатныхъ листовъ)—трактуетъ только о времени отъ 19 января 1730 года, дня кончины Петра II, до 25 февраля включительно, дня разодранiя кондицiй. Это дало автору возможность изучить эпизодъ 1730 года съ надлежащею подробностью и освѣтить его, сравнительно съ разсказомъ Соловьева, если не съ новыхъ сторонъ, то болѣе яркимъ свѣтомъ тѣ стороны, на которыя нашимъ покойнымъ историкомъ едва брошенъ слабый лучъ свѣта. Здѣсь не мѣсто останавливаться подробно на этой любопытной книгѣ, о которой, къ сожалѣнiю, въ нашей литературѣ едва появилось нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ; но мы считаемъ необходимымъ привести двѣ-три подробности изъ этого сочиненiя по данному вопросу, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ.

Мы видѣли, что Соловьевъ, какъ и герцогъ де-Лирiа, говоритъ лишь о трехъ «мнѣнiяхъ» шляхетства, внесенныхъ въ верховный тайный совѣтъ этимъ послѣднимъ. Но изъ журналовъ совѣта оказывается, что 5 и 7 февраля въ верховный тайный совѣтъ поступило не три, а *восемь* коллективныхъ мнѣнiй и заявленiй, поданныхъ отдѣльными лицами по уполномочiю ихъ «согласниковъ» *), да кромѣ того до насъ дошли еще *четыре* проекта, не попавшiе въ верховный тайный совѣтъ; итого, стало-быть, всего было составлено *двѣнадцать* проектовъ, кромѣ

*) Эти мнѣнiя слѣдующiя: 1) кн. Черкасскаго, составленное Татищевымъ, поданное отъ имени сената и генералитета, 2) Н. И. Дмитрiева-Мамонова, 3) С. Секiотова, 4) Алабердеева, 5) М. Грекова, 6) гр. И. А. Мусина-Пушкина, 7) С. А. Колычева, 8) М. А. Матюшкина. Всѣ они—отъ лица извѣстныхъ кружковъ.

проекта самихъ верховниковъ. При этомъ всѣхъ подписей подъ двѣнадцатью шляхетскими проектами насчитывается, по вычисленію профес. Корсакова, болѣе *тысячи ста*.

Мы, разумѣется, не будемъ останавливаться на подробностяхъ всѣхъ этихъ проектовъ или какого-либо одного, но, отсылая интересующихся дѣломъ къ сочиненію г. Корсакова, ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями по поводу ихъ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни одинъ изъ двѣнадцати проектовъ не возстаетъ противъ самаго намѣренія ограничить власть будущей императрицы и ни одинъ изъ нихъ ничего не говоритъ противъ «пунктовъ» верховниковъ, исключая одного, того именно, который роль ограничивающаго учрежденія передаетъ верховному совѣту, т. е. пункта перваго. Составитель одного изъ нихъ, поданнаго въ верховный совѣтъ отъ лица кн. Черкасскаго, извѣстный, какъ мы видѣли, историкъ Татищевъ, въ своемъ вступленіи къ проекту прямо говоритъ, что «хотя ея (императрицы) мудростію, благонравіемъ и порядочнымъ правительствомъ въ Курляндіи довольно увѣрены, однакожъ *какъ есть персона женская*, къ такъ многимъ трудамъ не удобна, паче-жъ *ей знанія законовъ недостаетъ*, *для того* на время, доколѣ намъ Всевышній мужескую персону на престолъ даруетъ, *потребно нѣчто для помощи ея величеству вновь учредить*». А это «нѣчто» выражалось по самому проекту въ двухъ «правительствахъ»: въ «вышнемъ» сенатѣ, изъ двадцати одного члена, и другомъ, нижнемъ, «во стѣ персонахъ», изъ коихъ только «третья часть въ правленіи оставаться» должна постоянно, а полное собраніе всѣхъ «ста» имѣетъ мѣсто лишь три раза въ годъ—«для разсмотрѣнія важныхъ дѣлъ», или «когда чрезвычайное что случится, яко война, кончина государя или другое такъ великое дѣло». За императрицей признается лишь право на инициативу и «утвержденіе» закона. Подготовляется проектъ закона въ коллегіяхъ, которыя остаются, откуда поступаетъ въ «вышнее правительство», т. е. сенатъ, а оттуда уже «ея величеству къ утвержденію» представляется. По существу различіе почти между всѣми проектами сводится лишь къ различной организаціи «вышняго и нижняго правительствъ», причемъ существенною чертой этого различія является положительное или отрицательное отношеніе къ верховному тайному совѣту: одни оставляютъ его, въ той или иной мѣрѣ измѣняя его составъ, а другіе совершенно уничтожаютъ. Всѣ проекты требуютъ введенія выборнаго начала отно-

сительно назначенія на высшія государственныя должности какъ гражданскія, такъ и военныя.

Если остановиться на этой, если можно такъ выразиться, организаціонной сторонѣ всѣхъ проектовъ шляхетства, то нельзя не поразиться ихъ какою-то скомканностью, неопредѣленностью, краткостью, доходящею до полной неясности. Разумѣется, все это объясняется спѣшностью работы, несомнѣнною надеждой на то, что, допущенные верховнымъ совѣтомъ къ разсмотрѣнію въ особомъ представительномъ отъ шляхетства собраніи, они, эти проекты, выльются въ нѣчто цѣлое, стройное. Не даромъ же въ челобитной кн. Черкасскаго испрашивалось, чтобы «того-жь дня или назавтра чрезъ герольдмейстера шляхетству о собраніи объявить и покой для того назначить». А на собраніи этомъ шляхетство должно было «къ разсмотрѣнію сего» (т. е. всѣхъ проектовъ, внесенныхъ въ совѣтъ) выбрать «людей достойныхъ, не меньше ста человѣкъ». Такимъ образомъ шляхетство отлично понимало, что своими проектами оно давало лишь программу будущему учредительному собранію,—другими словами, оно понимало само несостоятельность своихъ проектовъ въ томъ смыслѣ, чтобъ ихъ можно было прямо примѣнить къ жизни. Оно настолько ясно понимало это, что нѣкоторая часть его даже совсѣмъ отказалась отъ составленія какого-либо проекта управленія, а ограничилась предложеніемъ «способовъ, которыми, какъ видитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло». А подъ этими «способами» разумѣлось *созваніе всего шляхетства* для выборовъ изъ своей среды представителей, въ количествѣ человѣкъ тридцати, которые образовали бы изъ себя учредительное собраніе и выработали бы въ немъ планъ новаго государственнаго устройства и управленія. Вотъ этотъ-то планъ, выработанный спокойно, съ знаніемъ дѣла, не спѣша, и долженъ былъ, по выраженію составителей «способовъ», какъ выработанный «къ пользѣ отечества», быть «вѣчнымъ, твердымъ и ненарушимымъ».

Въ «способахъ» болѣе или менѣе подробно указывается организація этого немноголюднаго учредительнаго собранія, члены котораго должны явиться съ письменными полномочіями отъ своихъ избирателей. Собраніе должно имѣть двухъ президентовъ, которыхъ избираетъ шляхетство въ своемъ общемъ собраніи. При обсужденіи такихъ спеціальныхъ вопросовъ, какъ касающіеся церкви, войска или торговли, собраніе должно приглашать «вы-

борныхъ», т. е. депутатовъ, отъ синода, военныхъ и купечества; число этихъ выборныхъ должно быть не меньше четырехъ и не больше шести отъ каждаго изъ сословій въ отдѣльности. По извѣстнаго рода дѣламъ собраніе могло приглашать президентовъ и членовъ коллегій. Проектъ, выработанный собраніемъ депутатовъ отъ шляхетства, обсуждается этимъ послѣднимъ еще разъ совмѣстно съ сенатомъ; далѣе проектъ переходитъ въ верховный тайный совѣтъ (нужно не забывать, что «собраніе» созывается при statu quo: петровскіе сенатъ и синодъ вмѣстѣ съ екатерининскимъ верховнымъ совѣтомъ существуютъ), гдѣ онъ разсматривается еще разъ въ соединенномъ засѣданіи съ депутатскимъ собраніемъ и сенатомъ. «А какъ выборные, сенатъ и верховный совѣтъ.... всѣ согласятся, тогда послать нѣсколько особъ къ ея императорскому величеству и просить, чтобы конфирмовала».

Надо думать, «способы» эти составлялись съ полною вѣрой въ успѣхъ дѣла,—съ вѣрой, что императрица не откажетъ въ своемъ согласіи на такія капитальныя реформы въ государственномъ строѣ Россіи, сама приметъ въ нихъ участіе и терпѣливо будетъ ждать того момента, когда «выборные, сенатъ и верховный совѣтъ» торжественно поднесутъ ей на конфирмацію проектъ новаго государственнаго устройства.

Не малое должно было происходить въ средѣ московскаго общества движеніе по поводу разработки всѣхъ этихъ мнѣній, проектовъ, «способовъ». Оно и было не малое. О немъ не могли не знать какъ дворъ съ императрицей во главѣ, такъ и виновники всего этого, необычнаго для старой Москвы, движенія. Мы уже знаемъ, со словъ Манштейна, какія мѣры противъ нихъ принималъ дворъ или, вѣрнѣе, близкіе императрицы. Долженъ былъ принять свои мѣры и верховный совѣтъ, чтобы не погубить всего дѣла. Совѣтъ понималъ это и принялъ мѣры, направленныя къ достиженію примиренія плановъ—своего со всѣми этими проектами и мнѣніями отдѣльныхъ слоевъ московскаго шляхетства. Мѣры эти носятъ странный характеръ. По мысли все того же кн. Голицына рѣшено было устроить примиреніе такимъ страннымъ путемъ, какъ составленіе *присяги*, которую должны были принести Аннѣ Ивановнѣ верховный совѣтъ, сенатъ, синодъ, генералитетъ и «весь россійскій народъ, духовнаго и свѣцкаго всякаго чина люди», и въ которой изложенъ былъ, въ сжатой формѣ, весь планъ будущаго государственнаго устройства,—планъ, объединяв-

шій собой въ извѣстной степени всѣ двѣнадцать проектовъ шляхетства съ проектомъ самого Голицына и «пунктами».

Первая часть этой оригинальной присяги излагала во-первыхъ весь ходъ составленія «пунктовъ» и подписанія ихъ императрицей, затѣмъ — самые пункты или кондиціи и наконецъ — клятву въ томъ, чтобы «правленіе во всемъ содержать по *сему*». Вторая часть содержитъ въ себѣ шестнадцать пунктовъ, въ которыхъ и излагается планъ государственнаго устройства. Здѣсь составъ верховнаго совѣта расширяется,—въ его собраніе допускаются сенатъ, генералитетъ, члены коллегій и знатное шляхетство, когда въ немъ обсуждается «новое и важное государственное дѣло», а по дѣламъ спеціально-духовнымъ приглашаются члены синода и архіереи вообще. Проектируется здѣсь цѣлый рядъ мѣръ и по внутреннему управленію. Все это заканчивается новою клятвой, которая сопровождается страшными угрозами ея нарушителямъ, въ томъ, «чтобы *сіи пункты* (т. е. восемь пунктовъ кондицій и шестнадцать вновь прибавленныхъ) не нарушить».

Соглашеніе однако не состоялось этимъ путемъ. Протестовавшіе противъ верховниковъ рѣшили, какъ мы видѣли, идти инымъ путемъ, обратившись къ императрицѣ, какъ къ третейскому судьѣ, въ безпристрастіе котораго они вѣрили. Въ дѣйствительности споръ двухъ сторонъ о подробностяхъ дѣла, въ основаніи существа котораго обѣ онѣ были согласны, рѣшили.... *гвардія* и высшее духовенство. Вѣрноподданническій крикъ гвардейскихъ офицеровъ: «мы—вѣрные рабы вашего величества и готовы пожертвовать жизнью на службѣ вашему величеству, *но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ!*»—положилъ конецъ всему.

Отъ «кондицій», пунктовъ, плановъ, проектовъ — остается лишь архивная бумага въ назиданіе потомству, которое получило возможность назидаться ею лишь полтора столѣтія спустя послѣ самаго событія. Знакомство съ ними, храненіе у себя копій съ нихъ послѣ 25 февраля 1730 года считается.... *государственнымъ* преступленіемъ. За *такое* государственное преступленіе ссылаются—одинъ въ Сибирь, а другой въ деревню—такія административныя лица, какъ вице-президентъ коллегіи Фикъ и адмиралъ Сиверсъ. Это—легчайшія наказанія. «Тайныхъ розыскныхъ дѣлъ канцелярія» наполнена стонами и криками истязуемыхъ страшными пытками по подозрѣнію въ этомъ новомъ государственномъ преступленіи.

Полгода спустя, по «разодраніи» пунктовъ, учрежденъ новый *гвардейскій* полкъ—измайловскій, а въ концѣ 1730 года—лейбъ-гвардіи конный полкъ. Командиромъ перваго назначенъ Густавъ фонъ-Лёвенвольде, а втораго—Ягужинскій, оба отличившіеся тѣмъ, что первые извѣстили Анну Ивановну, еще герцогиню Курляндскую, о подготовлявшихся «пунктахъ». А авторы этихъ послѣднихъ и всякихъ проектовъ и мнѣній—наиболѣе выдающіеся, вожаки—разосланы, въ качествѣ различныхъ администраторовъ, по различнымъ окраинамъ и тогда уже обширной Руси. Что сталось съ тысячью подписавшихся подъ этими проектами, можно только догадываться.

Остальныя семьдесятъ лѣтъ прошлаго столѣтія не представляютъ намъ ровно ничего подобнаго эпизоду нами только-что разсказанному, если не видѣть чего-либо подобнаго въ созваніи Екатериной II пресловутой коммиссіи 1767 года объ Уложеніи. Нужно слишкомъ много смѣлости, чтобы сближать эти два историческихъ явленія, хотя быть-можетъ со временемъ мы и найдемъ въ архивной пыли какія-либо указанія на то, что *идея*, служившая исходною точкой эпизода 1730 года и преслѣдовавшаяся въ теченіе болѣе чѣмъ четверти столѣтія самыми суровыми карами, пробилась въ дебатахъ представительнаго собранія 1767 года. Но.... только идея.

Мы уже видѣли, что московское шляхетство въ своей челобитной императрицѣ о принятіи ею «самодержавства» выражало надежду на «благоразсудное правленіе государства», правосудіе и «облегченіе податей». Въ этихъ надеждахъ шляхетства проявилась ничтожная крупица тѣхъ желаній, которыя оно, а вмѣстѣ съ нимъ и верховники, въ своихъ проектахъ и мнѣніяхъ, высказывали вмѣстѣ съ желаніемъ политическихъ преобразованій,—желаній, категорически высказанныхъ и въ большинствѣ тѣхъ шестнадцати пунктовъ присяги, которыми Д. Голицынъ думалъ примирить всѣ требованія шляхетства. Эти желанія или, пожалуй, указанія на необходимость разнаго рода внутреннихъ реформъ въ высшей степени любопытны и заслуживаютъ полнаго вниманія историка. Г. Корсаковъ остановился и на нихъ съ достаточнымъ вниманіемъ. Вообще, мы не находимъ достаточно сильныхъ выраженій, чтобы рекомендовать читателю это глубоко-интересное сочиненіе. Въ немъ онъ найдетъ, кромѣ подробнаго изложенія «эпизода» день за днемъ, шагъ за шагомъ, указанія на причины, вызвавшія эпизодъ и положившія ему конецъ, т. е.

и на причины неудачи попытки шляхетства. Къ сочиненію приложено не мало и матеріаловъ по данному предмету, бывшихъ до сихъ поръ недоступными для публики. Взглянувъ на дѣло съ извѣстной точки зрѣнія, на эти pia desideria шляхетскихъ проектовъ, можно придти къ заключенію, что всѣ они могли перейдти въ область дѣйствительности даже и при режимѣ неограниченнаго самодержавія. Въ числѣ этихъ pia desideria встрѣчаемся, напр., съ такими: 1) Необходимость «лучшихъ способовъ для произвожденія въ войскѣ и гражданствѣ». Къ такимъ «способамъ» относятся—устройство во всѣхъ городахъ училищъ для дѣтей дворянскихъ и урегулированіе службы дворянъ. 2) Необходимость «подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговъ». При этомъ одинъ изъ проектовъ видитъ такой «способъ» въ установленіи «вольной торговли», въ разслѣдованіи тарифовъ и всякаго рода запретительныхъ мѣръ относительно торговли. 3) Обращено также вниманіе и на положеніе крестьянства: «отягощенное земледѣлство,—говоритъ одно изъ мнѣній,—какимъ-нибудь образомъ облегчить податьми». 4) Выражается необходимость улучшить положеніе бѣлаго духовенства, сельскаго въ особенности, въ нравственномъ и матеріальномъ положеніи.—По изодраніи кондицій, самодержавная императрица въ своемъ «милостивомъ словѣ», съ которымъ она обратилась къ шляхетству, принявъ отъ него челобитную о самодержавіи, обѣщала быть матерью своихъ подданныхъ и даровать имъ всевозможныя облегченія и милости. Другими словами, царица обѣщала осуществить надежды дворянства на тѣ внутреннія реформы управленія, на необходимость которыхъ оно указывало въ своихъ проектахъ. Но этимъ надеждамъ, къ несчастію, суждено было осуществиться не въ царствованіе Анны Ивановны, а при ея преемникахъ, и то лишь въ самой ничтожной дозѣ. Мы знаемъ со словъ нашего покойнаго историка, чѣмъ должна была императрица заняться прежде всего по разодраніи пунктовъ. Среди *этихъ* занятій ей некогда было заботиться объ остальномъ. «Чаша униженія,—говоритъ тотъ же историкъ,—была выпита до дна» Анной Ивановной въ бытность ея герцогиней курляндской, а натура этой женщины была «жесткая, гордая, властолюбивая, чувствительная къ униженію.... Наконецъ, тюрьма отпирается, Анна — самодержавная императрица: наконецъ-то можно пожить». И вдругъ—борьба съ «затѣйками», а тамъ—заботы, чтобъ удержать свою власть, своихъ ближнихъ около себя. А «молодость уже прошла.... Чтобъ успокоиться,

забыться.... для натуры, не приготовленной образованіемъ къ высшимъ средствамъ укрѣпленія падающихъ силъ духа, оставалось одно средство—внѣшнее развлеченіе, празднества...» («Исторія Россіи», т. XIX, стр. 269—270) Императрица и предавалась имъ, предавалась съ увлеченіемъ....

И. Дитятинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Исторія одного развода.

Романъ.

Часть I.

I.

Давали какую-то новую комедію въ Маріинскомъ театрѣ. Публики набралось такъ много и у вѣшалки для верхняго платья было такъ тѣсно, что Дмитрію Николаевичу Таманскому пришлось прождать довольно долго, прежде чѣмъ знакомый капельдинеръ не узналъ его и не кинулся въ его сторону съ такимъ торопливымъ и почтительнымъ—«пожалуйте, ваше п-во», что толпа невольно оглянулась и даже немножко разступилась передъ господиномъ невысокаго роста, съ моложавымъ лицомъ и бѣлокурыми волосами, къ которому относилось это воззваніе.

Высокій брюнетъ, снявшій съ себя пальто съ мѣховымъ воротникомъ и протягивавшій его служителю, такъ и остался съ вытянутыми впередъ руками, въ глупой позѣ человѣка, не знающаго, куда дѣвать свою ношу. Онъ началъ искать глазами другаго капельдинера, а молодая женщина, пріѣхавшая съ нимъ, продолжала немилосердно теребить его за рукавъ.

— Подержи мой платокъ, Коля, я сниму шубку,—повторила она тономъ капризнаго ребенка.

— Подожди. Сейчасъ.... Ты видишь, мнѣ некому отдать пальто. Этотъ скотъ кинулся подслуживать какому-то генералу,—проговорилъ брюнетъ довольно громко и такимъ ровнымъ и спокойнымъ голосомъ, какъ будто онъ разговаривалъ не въ публичномъ мѣстѣ, а на своей квартирѣ, между самыми близкими людьми.

Многіе изъ присутствовавшихъ улыбались. Г. Астафьевъ тоже улыбался, хладнокровно озираясь по сторонамъ, а дама его, между тѣмъ, продолжала волноваться. Но она говорила очень тихо,

близко пригибаясь къ его уху и видимо досадуя на то, что онъ и не думаетъ поддерживать разговоръ въ томъ же тонѣ.

— Я тебѣ говорила, что лучше раздѣться внизу, — здѣсь вѣкъ не дождемся.....

— Слуга покорный, чтобы простудиться!... Внизу.... этого еще не доставало!... Пойдемъ лучше дальше.

— Нѣтъ ужь, все равно, подождемъ здѣсь.

— Какъ знаешь; но въ такомъ случаѣ перестань же меня дергать по крайней мѣрѣ.... Я не понимаю, почему ты не хочешь подняться лѣсенкой выше.... Вонъ тамъ, у той вѣшалки, почти никого нѣтъ.... И при выходѣ будетъ легче разобраться....

— Нѣтъ ужь, лучше здѣсь,—повторила она.

— Не понимаю!—съ усмѣшкой пожалъ онъ плечами.

Гдѣ же Николаю Ивановичу Астафьеву было понять, что женѣ его не хочется проходить по корридору въ поношенной шубкѣ, крытой сукномъ и во многихъ мѣстахъ наскоро зашитой самымъ безобразнымъ образомъ? Стоило только мелькомъ взглянуть на него, чтобъ убѣдиться, какъ равнодушно относится онъ къ такимъ пустякамъ, какъ приличный костюмъ и тому подобные знаки отличія, изобрѣтаемые людьми для возбужденія зависти другъ въ другѣ. Но подругу его старенькая шубка начала смущать съ первыхъ ступенекъ ярко-освѣщеннаго подъѣзда, когда вокругъ нея затѣснилось такое множество щегольскихъ пальто и красивыхъ мѣховыхъ ротондъ, что хоть провалиться сквозь землю, такъ въ ту же пору.

Марья Алексѣевна не ожидала, что будетъ такъ свѣтло и наѣдетъ столько нарядной публики. Она такъ давно не была въ театрѣ, что успѣла уже забыть все это.... Паша ей сказала: «Надѣньте старый салопъ, сударыня,—жаль новый-то трепать на извощикѣ въ такую мокроть, да и ночь къ тому же. Сейчасъ при входѣ снимите,—кто васъ увидитъ?»—«Кто увидитъ... Глупая эта Паша!... Да всѣ видятъ!... Очень нужно было ее слушать, какъ будто нельзя было самой сообразить, что въ такой шубкѣ неприлично ѣхать въ театръ».

Марья Алексѣевна начала торопливо стаскивать несчастную шубку, а также большой вязаный платокъ съ головы.

— Я отойду къ лѣстницѣ,—прошептала она, нагружая мужа этими вещами. — Здѣсь ужасно тѣсно.... У меня голова кружится отъ духоты.

Она пробралась къ одному изъ углубленій въ коррпдорѣ, ведущемъ въ партеръ, и начала приводить въ порядокъ свой перемятый нарядъ, спустила тренъ, выправила ленты и банты. Все это она дѣлала торопливо, не поднимая глазъ на тѣснившуюся вокругъ толпу и серьезно поджимая губки, чтобы показать, что она не замѣчаетъ, какъ засматриваются на нее мужчины, что ей все равно.... Но ей было не все равно,—о, нѣтъ! Слишкомъ рѣдко сталкивалась она со свѣтомъ, чтобъ оставаться равнодушной къ его вниманію. Сегодня же вниманіе это проявилось такъ рѣзко,—ей приходилось выдерживать столько нахально-пристальныхъ взглядовъ, что смущеніе ея увеличивалось съ минуты на минуту.

Все чаще и чаще оглядывалась она въ ту сторону, гдѣ застрялъ ея мужъ, мысленно досадуя на его невозмутимость и равнодушіе. Да и было на что досадовать,—Николай Ивановичъ не думалъ торопиться. Онъ и металлическіе билеты, врученные [illegible]у капельдинеромъ, укладывалъ такъ медленно въ карманъ, что [illegible]ре[illegible] человѣкъ десять успѣли пройти мимо его жены и най[illegible] замѣчательно-красивой.

— Удивительно-хороша!—произнесъ вполголоса тотъ господинъ, котораго капельдинеръ величалъ превосходительнымъ и для котораго такъ невѣжливо обошелся съ остальною публикой.— Кто такая, не знаете?—обратился онъ къ знакомому, пріѣхавшему вмѣстѣ съ нимъ и тоже засмотрѣвшемуся на г-жу Астафьеву.

— Не знаю, право.... Она кого-то ждетъ.... Можетъ-быть по кавалеру можно будетъ узнать.... Вотъ онъ!

Окончивъ, наконецъ, свою возню съ капельдинеромъ, высокій брюнетъ подходилъ къ своей спутницѣ.

— Какъ ты долго, Коля!—проговорила молодая женщина, фамильярно продѣвая свою руку подъ его руку.

— А тебѣ бы все скоро,—небрежно усмѣхнулся онъ ей въ отвѣтъ, направляясь ко входу въ партеръ.

— C'est un mari,—продолжалъ вслухъ свои наблюденія знакомый Таманскаго,—mais nous jouons du malheur, figure parfaitement inconnue.

Дмитрій Николаевичъ ничего не возражалъ. Ему лицо высокаго брюнета показалось очень знакомо, но онъ никакъ не могъ припомнить, гдѣ именно съ нимъ встрѣчался.

Брюнетъ же тотчасъ узналъ его и приподнялъ слегка шляпу, когда они поровнялись.

—, Кто это? — спросила у него шепотомъ жена.

— Послѣ, послѣ!—проговорилъ Астафьевъ, нетерпѣливо сдвигая брови.

Отвѣчая на поклонъ Астафьева, Таманскій снова внимательно посмотрѣлъ на его жену. Вблизи она показалась ему еще красивѣе. Черты ея лица были замѣчательно-правильны и тонки, цвѣтъ кожи ровный, матово-блѣдный съ легкимъ розовымъ оттѣнкомъ на щекахъ, губы пурпуровыя. И такой прелестный разрѣзъ глазъ, такія длинныя, пушистыя рѣсницы!

У входа въ партеръ Таманскій потерялъ ее изъ вида. Ему надо было идти къ тому креслу въ первомъ ряду, которое онъ всегда занималъ въ этомъ театрѣ, а Марью Алексѣевну мужъ провелъ на болѣе скромное мѣсто, подъ ложами.

Едва только Астафьевъ успѣлъ усадить жену и самъ сѣсть, какъ снова тотъ же вопросъ защекоталъ его ухо.

— Кто это?—спрашивала Марья Алексѣевна, указывая головой въ пространство передъ собой.

— Про кого ты говоришь?—спросилъ онъ, вынимая [illegible] и принимаясь обводить имъ залу.

— Да тотъ господинъ, съ которымъ ты кланялся въ коридорѣ.

— Ты вотъ про кого!... Это—Таманскій.

— Таманскій?—повторила она съ удивленіемъ.

— Ну, да. Что же тутъ сверхъестественнаго?... Какая ты смѣшная, Маня!

— Я представляла его себѣ совсѣмъ другимъ,—проговорила она задумчиво.—Мнѣ казалось, что онъ долженъ быть хорошъ собой....

— Вотъ идея-то! Съ чего ты это взяла? Никогда не былъ онъ красавцемъ. Въ немъ и представительности нѣтъ ни малѣйшей.... Но это не мѣшаетъ ему быть умнымъ человѣкомъ. Оно, впрочемъ, и по рожѣ его видно.

Марья Алексѣевна вспомнила большую голову съ тонкими бѣлокурыми волосами, вьющимися у висковъ, усмѣшку красиваго рта и выразительный взглядъ маленькихъ сѣрыхъ глазъ, такъ настойчиво устремленныхъ на нее минутъ десять тому назадъ, и она подумала, что мужъ ея правъ,—лицо у Таманскаго было преумное.

Она начала припоминать все, что слышала объ этомъ человѣкѣ, про его способности, быстроту соображенія и разносто-

ронность познаній. Въ ихъ домѣ рѣчь часто заходила о Дмитріи Николаевичѣ Таманскомъ. Астафьевъ служилъ подъ его начальствомъ и отъ него зависѣло отчасти благосостояніе семейства Николая Ивановича,—не мудрено, что имя это постоянно припутывалось ко всѣмъ ихъ планамъ на будущее, ко всѣмъ разговорамъ о настоящемъ, начиная отъ важныхъ, какъ, напримѣръ, осуществленія завѣтной мечты — полученія мѣста съ казенною квартирой, и кончая пустяками, въ родѣ отпуска на лѣтнее время или командировки въ такое мѣсто, а не въ такое-то, и тому подобное.

Какая досада, что Марья Алексѣевна не знала раньше имени господина, засмотрѣвшагося на нее въ корридорѣ,—она бы, въ свою очередь, обратила на него побольше вниманія! Такого удобнаго случая ознакомиться хотя бы съ наружностью его можетъ-быть никогда не представится. Встрѣчаться имъ негдѣ, общихъ знакомыхъ у нихъ нѣтъ, а публичными удовольствіями, какъ, напримѣръ, театръ, Марья Алексѣевна пользуется такъ рѣдко, [illegible] находитъ въ нихъ никакой прелести. Актеровъ она не знаетъ настолько хорошо, чтобы судить объ ихъ игрѣ; слѣдить за интригой пьесы — утомительно и скучно; сидѣть на узкомъ, непокойномъ креслѣ и смотрѣть на сцену черезъ море незнакомыхъ головъ—такъ неудобно. Духота, тѣснота, близость множества чужихъ лицъ и дыханій — все это, съ непривычки, такъ раздражительно дѣйствуетъ на нервы, что, право же, Марья Алексѣевна долго, долго не будетъ думать о театрѣ иначе, какъ съ отвращеніемъ.

Другое дѣло—пріѣхать сюда въ своей каретѣ, не заботясь о томъ, чтобы не испачкать и не измять платье на извощикѣ, и войти въ ложу, не помышляя ни о храненіи шубки, ни о томъ, чтобы не растерять въ тѣснотѣ билеты, деньги или бинокль. Ей знакомо ощущеніе пріятной свѣжести и уютнаго уединенія среди толпы, испытываемое въ этихъ гнѣздышкахъ, такъ комфортабельно устроенныхъ для тѣхъ избранниковъ міра сего, которые имѣютъ возможность бросить пятнадцать-двадцать рублей за одинъ вечеръ.

Было время, когда она не могла себѣ представить театральное представленіе иначе, какъ изъ ложи, и когда она понятія не имѣла объ извощикахъ. Нельзя сказать, чтобъ она была особенно счастлива въ это время; нѣтъ, она даже старалась какъ можно рѣже возвращаться мысленно къ этому прошлому,—

такъ мало было въ немъ привлекательнаго.... Вотъ только въ такихъ случаяхъ, какъ сегодня.... Хорошо, что Коля не догадывается, какъ ей скучно и неловко въ театрѣ: съ какимъ удивленіемъ спросилъ бы онъ ее: чего тебѣ?—и съ какимъ обиднымъ равнодушіемъ прибавилъ бы къ этому, пожимая плечами: не понимаю!

По временамъ она взглядывала на мужа и чувство зависти и досады шевелилось въ ея сердцѣ. Ему было такъ хорошо; онъ съ такимъ искреннимъ интересомъ прислушивался къ каждому слову актеровъ, такъ весело улыбался каждой удачной остротѣ или вѣрно воспроизведенной сценѣ.... Ему рѣшительно все равно, гдѣ ни сидѣть, чѣмъ ни дышать. Его крупная фигура, довольно неуклюжая, утонула въ юпкахъ окружающихъ его, со всѣхъ сторонъ, женщинъ; онъ, по своему обыкновенію, согнулся въ три погибели и, опершись локтями на колѣни, медленно потираетъ себѣ ладони одну объ другую, вытягивая впередъ всклокоченную голову.... Ну, вотъ, точь-въ-точь какъ дома, когда онъ сидитъ въ плетеномъ креслѣ у своего письменнаго стола, а маленькая Аня пляшетъ передъ нимъ, прищелкивая [illegible]ками и припѣвая одну изъ тѣхъ смѣшныхъ пѣсенокъ, к[illegible]ыхъ она знаетъ такъ много. «Вездѣ онъ какъ дома. Смѣшной, право!» мелькало въ головѣ Марьи Алексѣевны.

Во время антракта Николай Ивановичъ вышелъ покурить и отыскать знакомыхъ по корридорамъ. Пріятелей у него было множество и ему стоило только показаться въ какомъ-нибудь публичномъ мѣстѣ, чтобы натолкнуться на котораго-нибудь изъ нихъ. Все это былъ народъ бѣдный, загнанный судьбой и людьми, стремящійся всѣми силами къ умственному развитію, съ неистощимымъ запасомъ мудреныхъ проектовъ въ головѣ и великихъ, возвышенныхъ мечтаній въ сердцѣ, съ завѣтными, имъ однимъ понятными, иллюзіями и надеждами.

Николай Ивановичъ былъ уроженецъ одной изъ отдаленнѣйшихъ губерній южной Россіи. Въ Петербургѣ онъ чувствовалъ себя на чужбинѣ и былъ вполнѣ счастливъ только въ средѣ земляковъ. У самаго глупаго, самаго неразвитаго изъ нихъ прорывалось иногда такое словцо, такое движеніе, по которому можно было тотчасъ же признать уроженца родныхъ степей, а съ такимъ человѣкомъ у Николая Ивановича всегда находилось о чемъ поболтать и посмѣяться.

Жена его съ ними не сближалась, но мало-по-малу она такъ привыкла къ присутствію этой застѣнчивой и немножко дикой

молодежи въ ихъ домѣ, что теперь ей показалось бы странно провести цѣлый вечеръ наединѣ съ мужемъ,—странно и даже, пожалуй, скучно немножко.

Вообще, люди эти не вносили въ ихъ семью ни безпорядка, ни раздора и стѣсняться ихъ присутствіемъ не было никакого основанія. Скорѣе Марья Алексѣевна стѣсняла ихъ: сколько разъ ей приходилось замѣчать, что веселый смѣхъ и шумныя пренія смолкали при ея появленіи въ кабинетъ мужа. Можетъ-быть поэтому и входила она туда такъ рѣдко, можетъ-быть по той же причинѣ она и сегодня отказалась отъ предложенія Николая Ивановича походить по фойе во время антракта.

Партеръ опустѣлъ. Въ первомъ ряду осталось человѣкъ пять-шесть, не больше, и между ними Таманскій, да тотъ господинъ, съ которымъ у него завязался оживленный разговоръ тотчасъ послѣ того, какъ опустился занавѣсъ. Но по мѣрѣ того, какъ публика рѣдѣла, Дмитрій Николаевичъ все разсѣяннѣе возражалъ своему собесѣднику и, наконецъ, совершенно переcталъ слушать его.

Онъ стоялъ повернувшись спиной къ оркестру и теперь Марьѣ Алексѣевнѣ было отлично видно его. Она замѣчала, какъ онъ старательно отыскиваетъ кого-то взглядомъ, какъ онъ щурится и каждую минуту подноситъ къ глазамъ то бинокль, то pince-nez. Она вспомнила, какъ пристально смотрѣлъ онъ на нее въ корридорѣ и ей сдѣлалось досадно на мужа. Зачѣмъ онъ не настоялъ на томъ, чтобъ она вышла вмѣстѣ съ нимъ? Если этотъ баринъ опять будетъ такъ дерзко ее разсматривать, это будетъ очень непріятно.

Нѣтъ, здѣсь онъ себѣ этого не позволилъ; онъ удовольствовался тѣмъ, что отыскалъ ее въ темномъ углу, въ которомъ она сидѣла, почти тотчасъ же опустилъ руку съ биноклемъ и обратился съ вопросомъ къ господину, еще молодому, но совершенно почти лысому, стоявшему рядомъ съ нимъ.

— Алеша Витязевъ?... Вы говорите, что потеряли его изъ вида?... Не мудрено,—онъ давно умеръ.

И лысый господинъ довольно громко засмѣялся.

— Умеръ въ бѣдности, почти въ нищетѣ,—продолжалъ онъ уже болѣе серьезнымъ тономъ.—Мнѣ случалось потомъ встрѣчаться съ его женой.... знаете, у Немирскихъ. Она искала мѣста директрисы или инспектрисы гдѣ-то.... Потомъ я слышалъ, что она уѣхала за границу съ семействомъ князя Безродаго и умерла

тамъ, а дочь ея вышла замужъ за какого-то чиновника.... Attendez donc, son nom m'echappe.... Un certain monsieur, monsieur.... Mais j'y pense!...—Онъ слегка ударилъ себя пальцами по лбу.—Вы должны его знать. Мнѣ говорили недавно, что онъ служитъ въ вашемъ департаментѣ.... A propos, de quoi мнѣ это говорили, я хорошенько не помню, но дѣло въ томъ, что чиновникъ этотъ, ce monsieur....

— Астафьевъ!—подсказалъ Таманскій.

— C'est cela, Astafieff.... Онъ надѣялся вѣрно получить за нею приданое, но, кромѣ хорошенькой жены, ничего не получилъ. Ха-ха-ха!

— Да, она очень хороша собой,—замѣтилъ Дмитрій Николаевичъ, снова принимаясь смотрѣть въ ту сторону, гдѣ сидѣла Марья Алексѣевна.

— Вы съ нею встрѣчались?... Гдѣ? За границей, вѣрно?... Вотъ уже лѣтъ десять, какъ я потерялъ ее изъ вида.

Таманскій повернулся къ своему собесѣднику.

— Посмотрите на даму въ мѣстахъ подъ ложами, пятое кресло съ лѣвой стороны.

Лысый господинъ навелъ бинокль по указанному направленію и почти тотчасъ же его гладко выбритое лицо осклабилось улыбкой.

— Это она, дочь Алексѣя Витязева!... И представьте себѣ, очень мало измѣнилась!... C'est prodigieux!... Quelle ravissante créature!... Съ такимъ личикомъ она могла бы сдѣлать болѣе блестящую партію.... Интересно знать, гдѣ они познакомились, car enfin, ce monsieur n'est pas de leur monde.... Княгиня Безродая, у которой она воспитывалась, такихъ господъ не принимала, я это знаю навѣрное.

Еслибъ этотъ вопросъ предложили Николаю Ивановичу Астафьеву, онъ отвѣчалъ бы, что это случилось очень просто. Правда, онъ не принадлежалъ къ тому обществу, въ которомъ родилась и выросла его жена, но, будучи еще студентомъ, онъ часто ходилъ къ одной старушкѣ въ Москвѣ, у которой былъ свой домъ у Стараго Пимена. Старушку эту навѣщало самое разнообразное общество. Въ ея гостиной можно было встрѣтить монаховъ, генераловъ, учителей, барынь-аристократокъ и даже актеровъ. Весь городъ приходился ей сродни, всѣ въ ней заискивали.

Вотъ у этой-то старушки, звали ее Любовью Александровной, Астафьевъ и встрѣтился однажды съ хорошенькой барышней, Маней Витязевой. Съ перваго раза онъ не обратилъ на нее особеннаго вниманія, но когда ему разсказали, что барышня пренесчастная, что она—круглая сирота и живетъ въ качествѣ бѣдной родственницы въ чванной княжеской семьѣ, онъ, при вторичной встрѣчѣ, занялся ею пристальнѣе и нашелъ ее еще милѣе, чѣмъ въ первый разъ.

Николай Ивановичъ сталъ ходить къ своей старой пріятельницѣ очень часто. Случалось такъ, что и барышню Витязеву начали каждую недѣлю отпускать къ Любови Александровнѣ то одну, то съ маленькими кузинами и съ ихъ гувернанткой. Иногда и сама княгиня завозила ее сюда, отправляясь на какой-нибудь балъ или раутъ.

Въ одинъ прекрасный день Астафьевъ замѣтилъ, что ему весело и пріятно въ одномъ только мѣстѣ, а именно у Любови Александровны, когда у нея въ гостяхъ барышня Витязева. Сначала чувство это немножко озадачило его, но онъ очень скоро привыкъ къ нему и привелъ его въ надлежащую ясность. Чувство было хорошее, честное, глубокое и бороться противъ него было бы глупо, тѣмъ болѣе, что со стороны барышни и ея благодѣтелей препятствій не предвидѣлось. А тутъ еще Любовь Александровна подсобила.

Вотъ что отвѣчалъ бы Астафьевъ, еслибъ у него спросили, какъ это случилось, что онъ женился на Марьѣ Алексѣевнѣ Витязевой, племянницѣ княгини Безродой.

Антрактъ кончился, публика нахлынула въ залу и снова взвился занавѣсъ. Начался второй актъ драмы, одной изъ тѣхъ траги-комедій изъ вседневной будничной жизни сѣренькихъ, темненькихъ людей, до которыхъ такая охотница русская публика— потому ли, что воспитаніе не подготовляетъ насъ къ принятію болѣе возвышенныхъ ощущеній, или потому, что намъ сама природа вкладываетъ въ душу то отвращеніе къ отвлеченностямъ, къ фальшивымъ и условнымъ представленіямъ, противъ которыхъ въ настоящее время и западники начинаютъ бороться.

Заметались на сценѣ пьяные чиновники, опошленныя средою жертвы тупаго, безобразнаго деспотизма и низкаго разврата. Публика рукоплескала. Зрителей, не раздѣлявшихъ всеобщаго увлеченія, было очень мало, но Марья Алексѣевна принадлежала

къ числу этихъ послѣднихъ: ее вовсе не интересовала плохо одѣтая дѣвушка съ вульгарными ухватками и грубою рѣчью, которая ищетъ въ самоубійствѣ спасеніе отъ домашней обстановки; она думала о другомъ, и еслибы кто-нибудь сказалъ ей, что между ею и этою дѣвушкой очень много общаго, она не захотѣла бы этому вѣрить. Въ сущности же разница между ними заключалась только въ томъ, что семейный гнетъ заставилъ героиню комедіи утопиться, а ее, Марью Алексѣевну Витязеву, давленіе подобнаго же рода бросило въ другую крайность, заставило выйти замужъ за Астафьева.

Съ тѣхъ поръ прошло восемь лѣтъ и сегодня была годовщина ихъ свадьбы. Съ самаго утра Николай Ивановичъ былъ очень веселъ и придумалъ поѣздку въ театръ, чтобъ ознаменовать какимъ-нибудь необыкновеннымъ удовольствіемъ этотъ достопамятный день. На вопросъ жены, чему онъ сегодня такъ радуется, Николай Ивановичъ отвѣчалъ, что тѣмъ хуже для нея, если она не хочетъ вспомнить, какое событіе напоминаетъ ему сегоднешнее число.

— Я скажу тебѣ это сегодня вечеромъ, когда мы вернемся изъ театра.

Она не настаивала. Шумная веселость мужа и дочери раздражала ее сегодня больше обыкновеннаго и какое-то тягостное предчувствіе давило ей душу. Она была такъ не въ духѣ, что даже Аня замѣтила это.

— Отчего это, папа,—спросила она послѣ обѣда, когда мать ся ушла въ свою спальню, а онъ присѣлъ на коверъ, заваленный куклами и игрушками, и началъ, по просьбѣ дѣвочки, чинить какой-то ящичекъ, — отчего это вы никогда не бываете вмѣстѣ добрые: когда ты веселый, мама сердится,—а когда ты злой, она добрая?

Отецъ отвѣчалъ ей на это, что эдакъ лучше: все, значитъ, въ мѣру—и строгости, и ласка.

— Вѣдь хуже было бы, еслибъ мы оба напустились на тебя заразъ. Куда бы ты убѣжала тогда, представь только себѣ?

Аня скорчила серьезную мину, подумала немножко и объявила, покачивая головкой, что этого никогда не можетъ быть.

По окончаніи втораго акта Таманскій еще разъ посмотрѣлъ на г-жу Астафьеву, прежде чѣмъ сѣсть на свое кресло; но когда занавѣсъ опустился въ третій разъ, онъ вышелъ вмѣстѣ со всѣми изъ залы и весь остальной вечеръ не безпокоилъ ее

больше своимъ вниманіемъ. Но у выхода они опять столкнулись и на этотъ разъ Дмитрій Николаевичъ первый снялъ шляпу передъ Астафьевымъ.

— Что значитъ имѣть хорошенькую жену!—смѣялся Николай Ивановичъ, окончивъ свои хлопоты съ отыскиваніемъ извощика и возню съ усаживаніемъ жены въ сани.—Можно было бы нарисовать отличную каррикатуру на нашу сегоднешнюю встрѣчу съ начальствомъ и озаглавить ее такъ: поклонъ № 1 и поклонъ № 2. Непремѣнно разскажу Савину,—онъ мастеръ на такія штуки.

— Очень нужно!—проговорила Марья Алексѣевна недовольнымъ тономъ.

Подъѣзжая къ большому дому, въ четвертомъ этажѣ котораго Астафьевы занимали маленькую квартиру, Николай Ивановичъ улыбнулся какой-то мысли, неожиданно мелькнувшей въ его головѣ.

— Я пари держу, что Анька не спитъ. Для нея такая рѣдкость оставаться одной дома, что она отъ волненія не могла заснуть, вотъ увидишь.

— Пашѣ приказано уложить ее въ девять часовъ,—замѣтила на это Марья Алексѣевна;—я ей раза три это повторила, а также и Анѣ.

— Мало ли что!—продолжалъ смѣяться Астафьевъ. — Вотъ увидишь, что она еще не спитъ.

Сани остановились у запертыхъ воротъ съ дремавшимъ передъ ними дворникомъ. Николай Ивановичъ растолкалъ этого послѣдняго, расплатился съ извощикомъ и, переступивъ порогъ калитки, посовѣтовалъ женѣ пробираться осторожнѣе.

— Тутъ какой-то болванъ положилъ камень, чортъ его побери совсѣмъ! Самъ чуть не упалъ.... Держись за меня! — продолжалъ онъ, протягивая руку въ ея сторону.

Но отвѣта не послѣдовало и Николай Ивановичъ зашагалъ дальше, не разслышавъ легкій стонъ, вырвавшійся у его жены. Дѣло въ томъ, что его предостереженіе явилось слишкомъ поздно, — она уже успѣла споткнуться и зашибить себѣ ногу о камень. Чтобы сохранить равновѣсіе, пришлось выпустить изъ рукъ шлейфъ. Темень была страшная, дворъ ихъ содержался довольно неопрятно—и волочить длинныя юпки, отдѣланныя свѣжими воланами, по лужамъ и кучамъ мусора было очень непріятно. Николай Ивановичъ ничего этого не сообразилъ и про-

должалъ путь къ крыльцу, не оглядываясь и не подозрѣвая, въ какомъ критическомъ положеніи находится его спутница.

— Да погоди немного, Коля!—проговорила она, наконецъ, дрожащимъ голосомъ, въ которомъ слышались слезы.—Я ушибла ногу.... мнѣ ужасно больно....

Онъ поспѣшно подошелъ къ ней.

— Что-жь ты раньше не сказала? Я предлагалъ тебѣ помочь....

— Да, когда я ужь ушиблась.... Ты всегда такъ!... Не дергай меня, ради Бога! У меня не такія огромныя ноги, какъ у тебя,—я не могу такъ шагать....

Онъ пошелъ тише, осторожно поддерживая ее и поминутно спрашивая:

— Ну, что, легче теперь?... Почему ты не опираешься на меня крѣпче?

Онъ даже раза два предложилъ донести ее на рукахъ до ихъ двери, но она ничего не отвѣчала. Ей было на все и на всѣхъ досадно—на себя, на мужа, на темный, грязный дворъ, на высокую лѣстницу съ крутыми, скользкими ступенями, на скуку, испытанную въ театрѣ, на наглые взгляды, которыми ее тамъ обдавали со всѣхъ сторонъ.

Этотъ вечеръ, съ тратами на извощиковъ, на храненіе верхняго платья и на афишу, обошелся имъ около шести рублей, а удовольствія было такъ мало, такъ мало! Не лучше ли было бы просидѣть дома, кончить платьице Ани или дочитать начатую повѣсть?

Мужъ ея думалъ о другомъ. На одной изъ площадокъ лѣстницы онъ остановился единственно для того, чтобъ объявить, что видѣлъ свѣтъ въ окнѣ ихъ столовой.

— Вѣрно, Аня лампу зажгла. Бѣсенокъ.... сама заправила и зажгла!—повторялъ онъ со смѣхомъ.

Ихъ дожидались. Не успѣлъ Николай Ивановичъ дотронуться до звонка, какъ дверь съ шумомъ растворилась и дѣвочка лѣтъ семи, вся растрепанная, въ ситцевомъ темномъ капотикѣ, накинутомъ наскоро и кое-какъ прямо на сорочку, въ стоптанныхъ башмачонкахъ на босу ногу, выскочила къ нимъ на встрѣчу.

— Папочка, папочка! — пищала она, хватаясь за бортъ его пальто и подпрыгивая, чтобы достать губами до его лица.— Папочка! у насъ былъ Юркинъ и Миша съ братомъ.... маленькій такой гимназистикъ, знаешь? Я ему хотѣла показать мою

новую книжку, но онъ не хотѣлъ смотрѣть, все у окна торчалъ да торопилъ брата, чтобъ идти домой.... Потомъ пришелъ тотъ, длинный, помнишь? Я ему сказала, что вы въ театрѣ. Онъ сказалъ: дайте мнѣ карандашъ, я напишу вашему отцу записку... Я повела его въ кабинетъ и сказала: тутъ все есть, пишите... Онъ написалъ.... Это ничего, папа?

Не дожидаясь отвѣта, она обернулась къ горничной, снимавшей съ ея матери теплыя ботинки:

— Я тебѣ говорила, что онъ ничего не скажетъ, — я ужь знаю!... Вотъ къ ней я бы его не повела,—продолжала Аня, указывая головой на мать.—Гриша просилъ газету; я ему сказала: никакъ нельзя-съ, газета у барыни въ спальнѣ, а туда безъ ихъ позволенія входить не приказано-съ....

Она произнесла послѣднюю фразу такъ комично, разводя руками, и съ такою прелестной гримаской, подражая при этомъ съ такою вѣрностью жестамъ и интонаціи Паши, что сама Паша улыбнулась, а Николай Ивановичъ громко расхохотался и, приподнявъ ее съ полу, покрылъ ея лицо звонкими поцѣлуями.

Удивительно-подвижная и выразительная физіономія была у этой дѣвочки! Она была очень похожа на отца: тотъ же короткій и немного широкій носъ съ подвижными ноздрями, крупныя губы, открывающія при каждомъ словѣ рядъ бѣлыхъ и ровныхъ зубовъ, маленькіе каріе глаза, полные огня и беззаботнаго веселья, довольно большой подбородокъ и вьющіеся черные волосы, спадающіе безпорядочными кудрями на узкій, выпуклый лобъ. Даже складомъ тѣла Аня уродилась въ отца: такая же сильная, мускулистая, съ большими руками и ногами, талія обрубкомъ. Щегольскіе костюмы сидѣли на ней отвратительно и мать, волей-неволей, принуждена была отказаться отъ удовольствія наряжать ее по модѣ.

Да и мало ли отъ чего должна была отказаться Марья Алексѣевна въ дѣлѣ воспитанія дочери и обращенія съ нею.... Такъ ли держала бы себя Аня, еслибы мать имѣла на нее вліяніе? Николай Ивановичъ и пріятели его много занимались дѣвочкой— это правда, и благодаря имъ она много знала для своихъ лѣтъ; но когда Марья Алексѣевна сравнивала ее съ дѣтьми той среды, въ которой она сама выросла, ей стыдно дѣлалось за дочь и она отъ души радовалась, что никто изъ этой среды не видитъ ея.

— Пусти, пусти!—взвизгивала Аня, въ промежуткахъ между поцѣлуями, которыми осыпалъ ее отецъ.—Мнѣ надо тебѣ ска-

зать.... Ты не знаешь, я тутъ безъ васъ накуралесила ужасно какъ... Паша грозилась пожаловаться, но я ей сказала, что я сама все скажу....

— Что такое? Что такое?—повторялъ Николай Ивановичъ, не переставая тормошить дѣвочку.

— Нѣтъ, ты прежде пусти меня,—этого нельзя такъ говорить.... надо серьезно....

Онъ опустилъ ее на полъ и повторилъ:

— Ну, что такое?

— Вотъ къ чаю ничего нѣтъ,—начала она таинственно нашептывать на ухо отцу.—Григорьевъ все съѣлъ — и булку, и сухари, все! Онъ попросилъ чаю, я сказала Пашѣ поставить самоваръ.... Она заворчала, что второй разъ и такъ поздно, но все-таки сдѣлала и подала чай, только пустой, совсѣмъ безъ ничего; я взяла изъ шкапа корзинку съ хлѣбомъ и поставила передъ нимъ на столъ.... Ну, онъ все съѣлъ, все до крошечки, ничего не осталось.... Ты знаешь, какой онъ всегда голодный, ужасъ!... Я потомъ просила Пашу сходить за булкой къ чаю и гривенникъ ей свой давала, но она не захотѣла.... Мама будетъ сердиться, какъ ты думаешь?—продолжала дѣвочка, мѣняя тонъ и озабоченно сдвигая брови.

Но опасенія ея были напрасны,—Марья Алексѣевна даже и не спросила ни о булкѣ, ни о сухаряхъ; она объявила, что чаю не желаетъ, и торопливо ушла въ спальню, чтобы какимъ-нибудь рѣзкимъ движеніемъ или словомъ не выдать своей досады.

Дѣло въ томъ, что эти разговоры о булкахъ и сухаряхъ, которыхъ покупали утромъ всегда въ обрѣзъ и за которыми постоянно приходилось вторично посылать къ вечеру, потому что къ чаю почти всегда приходили гости,—эти разговоры такъ раздражали Марью Алексѣевну, что она съ радостію согласилась бы всю свою жизнь питаться однимъ только хлѣбомъ съ водой, лишь бы только ихъ не слышать. Съ тѣхъ поръ, какъ судьба поставила ее въ горькую необходимость хозяйничать, т. е. мысленно прицѣпливать извѣстную цифру къ каждому куску, аппетитъ у нея пропалъ безслѣдно и она ѣла такъ мало, что прислуга, жившая у нихъ, «диву давалась, на нее глядючи».

Долго еще раздавалось по всей квартирѣ щебетаніе Ани. Сначала она усѣлась противъ отца къ столу, у котораго онъ пилъ чай, налитый Пашей, но потомъ вскарабкалась на стулъ, на колѣни, вытянулась на столъ грудью и животомъ и, подпи-

рая голову обѣими руками, продолжала болтать въ такой позѣ до тѣхъ поръ, пока Паша не явилась съ просьбой—поменьше шумѣть.

— У мамашеньки головка болитъ, а вы тутъ содомъ подымаете!... Извольте приказать имъ почивать ложиться, сударь,— обратилась она къ Николаю Ивановичу.—Гдѣ это видано, чтобъ ребенокъ такъ полуночничалъ?... Первый часъ на исходѣ.

— Ай-ай, какъ мы съ тобой засидѣлись, Анька!—встрепенулся Астафьевъ, подымаясь съ мѣста.—И съ мамой забыли проститься.... Бѣги скорѣе, поцѣлуй ее хорошенько.

Аня скорчила серьезную мину.

— Зачѣмъ, папа?... Она не любитъ цѣловаться, развѣ ты не знаешь?—проговорила она, раздумчиво покачивая головой.

II.

Нѣсколько дней спустя Астафьевъ проводилъ вечеръ у одного изъ своихъ сослуживцевъ.

— Знаете, почему я такъ настаивалъ на томъ, чтобы вы непремѣнно сегодня были у насъ?—сказалъ хозяинъ, отводя его въ сторону.—Мы ждемъ Дмитрія Николаевича Таманскаго. Онъ недавно много разспрашивалъ про васъ.... Оказывается, что ваша супруга доводится ему родственницей и что онъ былъ коротко знакомъ съ ея отцомъ. Ему очень хочется съ вами познакомиться и я предложилъ свести васъ здѣсь. Что вы на это скажете?

— Сводите, а тамъ увидимъ,—улыбнулся Астафьевъ.

— Онъ вамъ понравится, я въ этомъ увѣренъ. Милѣе человѣка трудно найти. И совсѣмъ простой, никакого чванства, никакихъ начальничьихъ замашекъ.... Вотъ увидите.

— Да я никогда и не считалъ его сложнымъ,—замѣтилъ на это уклончиво Николай Ивановичъ.

Ихъ представили другъ другу и при ближайшемъ знакомствѣ Астафьевъ нашелъ своего начальника еще проще, чѣмъ можно было себѣ представить изъ описаній ихъ общаго знакомаго.

— Онъ самоувѣренъ до смѣшнаго и у него безпрестанно вырываются наивности въ разговорѣ,—разсказывалъ въ тотъ же вечеръ Астафьевъ женѣ, вернувшись домой. — До сихъ поръ я считалъ его человѣкомъ умнымъ, да онъ и теперь не кажется глупцомъ, но я положительно не могу относиться къ нему серьезно.

Такое впечатлѣніе выносили о Таманскомъ всѣ тѣ люди, которые знали его сначала по службѣ, а потомъ сталкивались съ нимъ внѣ той сферы общественной дѣятельности, среди которой онъ игралъ довольно видную роль.

Никому и въ голову не приходило приписывать нескладицу и неловкость его рѣчей—застѣнчивости, а между тѣмъ оно было такъ. Таманскій принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ составляетъ истинное мученіе отрываться отъ обычнаго направленія мыслей. Такимъ людямъ стóитъ только очутиться въ незнакомой и чуждой средѣ, чтобы мгновенно потерять всякую почву подъ собой и растеряться до смѣшнаго. Въ разговорѣ, начатомъ имъ при Астафьевѣ, съ цѣлью ему понравиться и доказать, какъ просто, гуманно онъ смотритъ на вещи, Таманскій высказалъ столько неловкостей и несообразностей, что Николай Ивановичъ нѣсколько разъ обозвалъ его мысленно шутомъ гороховымъ.

— Милости просимъ, когда только вамъ будетъ угодно,—благодушно отвѣчалъ онъ на просьбу его превосходительства представить его госпожѣ Астафьевой.

«Воображаю, какъ Маня будетъ смѣяться,—думалъ онъ при этомъ.—Начальникъ, аристократъ, стремящійся достигнуть популярности, поддѣлываясь подъ вольный духъ плебеевъ, подчиненныхъ — да это такой продуктъ новѣйшей цивилизаціи, котораго на всякомъ шагу не встрѣтишь!»

Но Николай Ивановичъ ошибся,—на жену его Таманскій произвелъ впечатлѣніе совершенно инаго рода. Въ ея обществѣ онъ не былъ ни глупъ, ни смѣшонъ; онъ оставался самимъ собой, то-есть тѣмъ самымъ человѣкомъ, какимъ его знали люди одинаковаго съ нимъ происхожденія и воспитанія. Съ перваго знакомства онъ попросилъ позволенія называть ее кузиной и ужъ это установило между ними извѣстнаго рода короткость. Но и кромѣ того между ними было столько общаго: складъ мыслей, воспитаніе, взгляды на жизнь и на счастіе... А главное — она была такая хорошенькая, въ ней было что-то свѣжее, живое, неподдѣльное,—что-то такое, чего нельзя было встрѣтить ни въ одной изъ тѣхъ женщинъ, среди которыхъ онъ до сихъ поръ вращался и которыя такъ надоѣли ему.

Дмитрій Николаевичъ сдѣлался обычнымъ посѣтителемъ въ домѣ Астафьевыхъ и почти каждый вечеръ проводилъ часа два-три наединѣ съ Марьей Алексѣевной.

Почти всегда такъ случалось, что посѣщеніе его совпадало съ приходомъ пріятелей Николая Ивановича; но нельзя сказать, чтобы присутствіе этого послѣдняго стѣсняло его,—напротивъ того, онъ каждый разъ доказывалъ противное, оставаясь дольше обыкновеннаго, когда случалось такъ, что хозяинъ, проводивъ гостей, являлся въ гостиную жены.

И Марья Алексѣевна въ свою очередь всячески старалась поддерживать разговоръ въ прежнемъ оживленномъ тонѣ, но имъ всѣмъ было скучно, и когда Таманскій уходилъ, ей такъ трудно было оторваться отъ того міра, въ который онъ уносилъ ее своей бесѣдой, и вернуться къ обыденной жизни, съ ея мелкими и пошлыми заботами, что она не знала, о чемъ говорить съ мужемъ.

Не даромъ Аня прозвала Таманскаго *маминымъ гостемъ*. Онъ былъ очень внимателенъ и учтивъ съ ея отцомъ, очень ласковъ съ нею, но всѣ въ домѣ знали, что онъ приходитъ только для Марьи Алексѣевны и находитъ удовольствіе только съ нею, а потому сближаться съ нимъ короче никому и въ голову не приходило.

Впрочемъ, такая тѣсная дружба начальника съ семьей подчиненнаго не вносила никакого измѣненія въ домашній бытъ этой послѣдней. Точно такъ же, какъ и прежде, Астафьевы жили разсчетливо и даже бѣдно,—точно такъ же, какъ и прежде, Николай Ивановичъ смѣнялъ свой новый сюртукъ на старый по возвращеніи домой и гасилъ свѣчи въ столовой, когда кончался чай. Даже въ сервировкѣ ихъ скромнаго угощенія зоркіе люди не могли бы подмѣтить ни малѣйшей перемѣны. Правда, Марья Алексѣевна умѣла довольно искусно подложить новенькую ложечку къ стакану гостя, разостлать именно передъ нимъ чистую салфетку, повернуть въ его сторону корзину съ хлѣбомъ такимъ образомъ, чтобъ его казалось больше, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ, а также остатокъ лимона искусно нарѣзать и разложить аппетитными ломтиками; но всѣ эти невинныя хитрости могли маскировать прорухи бѣднаго хозяйства только въ глазахъ такого разсѣяннаго господина, какъ Таманскій,—онъ одинъ не замѣчалъ отсутствія серебра, фарфора и тонкаго столоваго бѣлья въ домѣ своихъ новыхъ знакомыхъ, а также—изъ какой дрянной, дешевой матеріи сдѣланы платья красавицы-хозяйки.

Зоркіе люди, предусматривавшіе какую-то необыкновенную благодать для Астафьевыхъ въ обрѣтеніи такого родственника,

какъ Таманскій,—зоркіе люди должны были, наконецъ, сознаться, что Николаю Ивановичу никакой особенной благодати черезъ этого родственника не воспослѣдовало. Случилось даже такъ, что въ отдѣленіи Таманскаго открылась вакансія, на которую Астафьевъ имѣлъ неоспоримое право, но Таманскій обошелъ мужа своей кузины и замѣстилъ эту вакансію другимъ чиновникомъ.

По этому поводу Николай Ивановичъ замѣтилъ женѣ, что его превосходительство изволитъ немножко пересаливать и въ своемъ желаніи казаться безпристрастнымъ позволяетъ себѣ дѣлать несправедливости.

— Хочешь, чтобъ я переговорила объ этомъ съ Дмитріемъ Николаевичемъ?—предложила Марья Алексѣевна.

— Вотъ еще выдумала!... Съ чего ты взяла это?—вскричалъ онъ. А затѣмъ онъ прибавилъ уже болѣе спокойнымъ тономъ, что путаться въ служебныя дѣла—вовсе не бабье дѣло и что онъ вовсе не желаетъ одолжаться кому бы то ни было.—Терпѣть не могу этихъ подходцевъ ни въ чемъ, а ужь въ особенности въ службѣ.

Николай Ивановичъ сказалъ правду: ему ничѣмъ не хотѣлось одолжаться Таманскому, да и Таманскій не навязывался съ услугами. Одинъ только разъ, по случаю новой оперы, на которую было очень трудно достать билеты, онъ заикнулся было объ ложѣ, но намекъ этотъ такъ и остался намекомъ,—никто не хотѣлъ его понять.

На слѣдующій день, за утреннимъ чаемъ, Николай Ивановичъ предложилъ женѣ съѣздить въ театръ, но она наотрѣзъ отказалась и даже съ какимъ-то испугомъ, какъ будто опасаясь, что ее повезутъ насильно.

— Чего вы такъ всполошились? Не хотите, такъ и не надо,—проговорилъ онъ съ усмѣшкой.

— Папа,—спросила Аня, когда мать ея вышла,—зачѣмъ ты говоришь мамѣ вы? Развѣ ты сердитъ на нее?

Вопросъ дѣвочки разсердилъ Николая Ивановича. Право же, она становилась несносна со своей манерой вмѣшиваться въ разговоры старшихъ, замѣчать и запоминать каждое сказанное при ней слово. Тутъ же, кстати, онъ вспомнилъ, что давно не видѣлъ Аню ни за работой, ни за книжкой.... Вѣчно съ прислугой, и чай пьетъ утромъ, и завтракаетъ въ кухнѣ. Каждое утро застаетъ онъ ее тамъ, когда передъ тѣмъ, какъ уйти на службу, онъ заходитъ сказать Пашѣ, чтобъ она заперла за нимъ дверь.

Вотъ уже мѣсяцъ, какъ мать не сажаетъ ее за фортепіано, а въ мѣсяцъ много воды утечетъ.... Давно ли, кажется, говорилъ онъ съ женой о томъ, что пора готовить Аню серьезно въ гимназію, заниматься съ нею языками. Давно ли они вмѣстѣ дѣлали планы о томъ, по какимъ методамъ учить ее, какъ развить въ ней талантъ къ музыкѣ, который началъ проявляться въ ней съ ранняго дѣтства. Да мало ли о чемъ они толковали мѣсяцъ тому назадъ!... Теперь у нихъ совсѣмъ другое на умѣ. Николай Ивановичъ все чаще и чаще задумывается о томъ, какъ бы заработывать побольше денегъ; но когда онъ приходитъ къ женѣ, чтобы сообщить ей какой-нибудь новый планъ, она встрѣчаетъ его всегда такимъ удивленнымъ взглядомъ, съ такою поспѣшностью начинаетъ разговоръ о какомъ-нибудь пустомъ предметѣ, что готовыя фразы застываютъ въ горлѣ и откладываются до другаго, болѣе удобнаго, случая.

Да, мѣсяцъ—много времени. Мѣсяцъ тому назадъ Марья Алексѣевна приняла бы можетъ-быть съ удовольствіемъ его предложеніе ѣхать въ театръ....

Передъ тѣмъ, какъ заснуть, Николай Ивановичъ такъ много думалъ объ этой перемѣнѣ во вкусахъ своей жены, что мысли эти не переставали преслѣдовать его даже и на слѣдующій день.

— Почему ты не хочешь слышать новую оперу?—спросилъ онъ у нея за утреннимъ чаемъ.

Она въ первую минуту не поняла, въ чемъ дѣло, и съ удивленіемъ спросила, про какую оперу онъ говоритъ, но потомъ она вспомнила:

— Ахъ, да.... это про ту оперу, на которую Дмитрій Николаевичъ предлагалъ намъ ложу?

— Именно. Положимъ, нѣтъ никакой надобности ему обязываться, но почему ты не хочешь, чтобъ я взялъ билеты?—повторилъ онъ настойчивѣе прежняго.

Она отвѣчала, что, по ея мнѣнію, такія удовольствія, какъ театръ, имѣютъ смыслъ только тогда, когда ими можно пользоваться съ полнымъ комфортомъ.

Однако сегодня Николай Ивановичъ былъ въ необыкновенно придирчивомъ расположеніи духа и ему захотѣлось знать, что именно подразумѣваетъ она подъ словомъ комфортъ: карету ли съ ливрейнымъ лакеемъ, бархатный ли хвостъ въ три аршина, или что-нибудь еще похитрѣе этого.

— Полно приставать, Коля! Ты самъ знаешь, отлично знаешь, что намъ вовсе не по средствамъ разъѣзжать по театрамъ,— денегъ не хватаетъ на самое необходимое.... Посмотри, у Ани опять башмачки износились, надо новые заказать.

Съ такими доводами трудно было не согласиться и Николай Ивановичъ смолкъ.

Въ этотъ день онъ вернулся домой цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго и объявилъ, чтобъ его завтра не ждали къ обѣду,— по всей вѣроятности, опять дѣла задержатъ.

Марьѣ Алексѣевнѣ показалось, что онъ при этомъ какъ-то многозначительно переглянулся съ Аней и даже будто дѣвочка съ лукавой усмѣшкой подмигнула ему. Такое соглашеніе показалось ей такъ обидно, что она заперлась въ свою комнату и долгǒ плакала, уткнувши голову въ подушку.

Съ нѣкоторыхъ поръ она очень часто плакала и большею частью отъ такихъ ничтожныхъ причинъ, что даже передъ самой совѣстно было сознаваться въ нихъ.

И раздражалась она самыми обыкновенными вещами, какъ, напримѣръ, запахомъ изъ кухни или чадомъ отъ маленькой керасиновой лампы, день и ночь горѣвшей въ ихъ темной прихожей. Кому не извѣстно, что въ маленькихъ квартирахъ всегда пахнетъ кухней и что маленькія лампы всегда чадятъ? Марья Алексѣевна уже девятый годъ живетъ на такихъ квартирахъ и возится съ такими лампами,—кажется, пора бы привыкнуть къ неудобствамъ подобнаго рода.

Комната, служившая у нихъ гостиной, была довольно мило убрана и ситецъ на мебели еще былъ довольно свѣжъ, но ей вдругъ такъ захотѣлось завѣсить дверь въ столовую драпировкой, что она въ продолженіе цѣлыхъ шести недѣль откладывала деньги на эту покупку. Наконецъ, гривенниковъ и пятиалтынныхъ было скоплено достаточно, ситецъ купленъ, но, увы, онъ такъ билъ въ глаза своею свѣжестью и такъ безобразилъ комнату рѣзкимъ контрастомъ съ остальною мебелью, что пришлось въ тотъ же день стащить назадъ новую драпировку и спрятать ее въ сундукъ.

— Напрасно только насъ съ тобой, папочка, морили, напрасно вмѣсто сливокъ молоко покупали къ кофе, а вмѣсто сахарныхъ булокъ—простыя,—разсуждала Аня, передавая отцу всѣ подробности неудачной затѣи матери.

Конечно, Николай Ивановичъ не смѣялся бы такъ громко и такъ искренно надъ болтовней своей дочки, еслибъ онъ могъ только подозрѣвать, какъ раздражаетъ эта болтовня Марью Алексѣевну, какъ чутки и придирчивы сдѣлались ея нервы и какъ болѣзненно отзывается на нихъ каждая шутка, каждое не кстати сказанное слово. Но въ томъ-то и бѣда, что Николай Ивановичъ ничего подобнаго не замѣчалъ. А между тѣмъ припадки безпричинной хандры со слезами и вспышками досады и нетерпѣнія съ каждымъ днемъ находили на его жену все чаще и чаще. Теперь случалось и такъ, что, наплакавшись до истерики, до боли въ груди и полнѣйшаго изнеможенія во всемъ тѣлѣ, она даже не могла отдать себѣ отчета въ томъ, къ какому именно предлогу ей удалось придраться, чтобъ облегчить свою тоску рыданіями и успокоить на время смутныя желанія, противъ которыхъ съ каждымъ днемъ становилось труднѣе бороться. Желаній этихъ нарождалось такъ много и они были такъ разнообразны....

Сегодня ей не дали долго плакать.

— Мама, мама!—заколотила Аня обоими кулаками въ запертую дверь спальни.—Господинъ Таманскій пріѣхалъ, иди его занимать.... Ты знаешь, у папы Григорьевъ и Вася, а они сейчасъ разбѣгутся, какъ только увидятъ его.... Иди же, мама, вѣдь это твой гость!

Марья Алексѣевна поспѣшно встала, наскоро поправила волосы передъ зеркаломъ и вышла въ гостиную.

Хорошо, что и Таманскій былъ въ тотъ вечеръ такъ взволнованъ, что не обратилъ вниманія ни на ея заплаканные глаза, ни на перемятое платье. Онъ умѣлъ владѣть собою и давно уже выработалъ въ себѣ свѣтскую привычку сыпать безостановочно фразами, не имѣющими ничего общаго съ мыслями, наполнявшими его умъ; но сегодня онъ былъ такъ разстроенъ, что даже и это искусство измѣнило ему и онъ безъ всякаго предисловія приступилъ къ интересовавшему его предмету.

Ему сказали, что Николай Ивановичъ переходитъ въ другое вѣдомство и хлопочетъ получить мѣсто въ провинціи.

— Неужели это правда? Неужели вы уѣдете отсюда?—спрашивалъ онъ, съ трудомъ сдерживая свое волненіе и не спуская съ нея пристальнаго, растеряннаго взгляда.

Марья Алексѣевна молчала. Слова его и смущали, и пугали ее. Никогда еще не выражалъ онъ такъ ясно, что она дорога ему, что онъ боится потерять ее... Конечно, она давно уже чувство-

вала, что между ними завязывается что-то такое, много сильнѣе и страстнѣе простой дружбы, но до сихъ поръ, благодаря его сдержанности и умѣнью владѣть собой, чувство это можно было до извѣстной степени игнорировать. Сегодня же отчаянье заставило его забыться, онъ не замѣчалъ ея смущенія, не дожидался отвѣтовъ на свои вопросы,—мысль о разлукѣ съ нею, кажется, совсѣмъ свела его съ ума.

— Неужели васъ увезутъ отсюда?... Для чего?... Вы не знаете.... вы не можете знать, какая у меня потребность васъ видѣть!... Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!... Ради Бога, узнайте, спросите!... Надо же знать,—такъ нельзя жить...

Голосъ у него порвался. Онъ торопливо всталъ, началъ искать свою шляпу, а затѣмъ съ минуту времени молча простоялъ въ нерѣшительности и, наконецъ, ушелъ, не вымолвивъ ни слова и не простившись съ нею.

Марья Алексѣевна ни разу не взглянула на него. Она даже закрыла глаза, чтобы воздержаться отъ искушенія поднять ихъ съ работы, на которую они были упорно опущены, и, въ трепетномъ ожиданіи чего-то страшнаго, рѣшительнаго, все ниже и ниже опускала голову.... Когда она, наконецъ, оглянулась, кругомъ было тихо, она была одна, но въ ушахъ продолжалъ раздаваться страстный, умоляющій голосъ: узнайте.... спросите....

«Онъ правъ, надо узнать.... Такъ жить нельзя,— прошептала она, подымаясь съ мѣста и направляясь въ кабинетъ мужа.

Тутъ она прямо приступила къ дѣлу.

— Ты ищешь другаго мѣста, Коля?—спросила она, подходя къ столу, у котораго онъ писалъ.

Николай Ивановичъ тотчасъ же выдалъ себя.—Кто тебѣ сказалъ?—вырвалось у него.

— Мнѣ сказалъ Таманскій. Можешь себѣ представить, каково мнѣ было отвѣчать, что я ничего не знаю!... Это очень обидно, Коля!

Онъ взялъ ея руку, поцѣловалъ ее и заглядывая ей въ лицо смѣющимися глазами, объявилъ, что ничего тутъ обиднаго нѣтъ.

— Я хотѣлъ сдѣлать тебѣ сюрпризъ,—продолжалъ онъ все въ томъ же шутливомъ тонѣ, не замѣчая ни ея блѣдности, ни взволнованнаго голоса, ни рѣзкаго, нетерпѣливаго движенія, съ которымъ она высвободила свою дрожащую, похолодѣвшую руку изъ его рукъ.— Не любопытничай. Когда все будетъ сдѣлано,

мы тебѣ скажемъ.... А теперь надо посмотрѣть на Аню,—она, кажется, до сихъ поръ не спитъ.

Онъ поднялся съ мѣста и заглянулъ въ другую комнату.

— Папа, это ты?—вскричала дѣвочка, приподнимаясь на постели и протягивая руки къ двери, которую на половину растворилъ отецъ.—Я не могу заснуть; мнѣ не дали чаю,—сливокъ не было.... Паша сказала: обойдётесь и такъ,—надо полный молочникъ гостю подать.... Поди ко мнѣ, папа, поцѣлуй меня!... Я была умная дѣвочка, я не капризничала, не приставала.... У мамы былъ Таманскій. Паша сказала: нечего вамъ тамъ вертѣться. Къ тебѣ тоже нельзя было,—ты писалъ.... Меня никто не поцѣловалъ на прощаніе, мнѣ скучно лежать въ темнотѣ, поди ко мнѣ....

Николай Ивановичъ обернулся къ женѣ.

— Извини, душа моя, мы кончимъ нашъ разговоръ въ другой разъ,—я пойду теперь къ Анѣ.... Бѣдная дѣвочка совсѣмъ покинута на произволъ судьбы и глупой горничной....

Послѣднія слова онъ произнесъ вполголоса, какъ будто про себя и слегка нахмуривъ брови. Если онъ думалъ, что Марья Алексѣевна послѣдуетъ за нимъ въ дѣтскую, онъ ошибся,—она осталась въ кабинетѣ и, машинально прислушиваясь къ болтовнѣ Ани, мысленно повторяла тѣ вопросы, которые привели ее сюда. Какое мѣсто ищетъ ея мужъ? Неужели онъ увезетъ ее отсюда?... Теперь и здѣсь хорошо.... А почему хорошо?... Неужели она любитъ Таманскаго?...

Останавливаться на этомъ послѣднемъ вопросѣ было очень жутко; но какъ ни отгоняла она его, онъ не переставалъ возвращаться ей на умъ, примѣшиваясь самымъ безпощаднымъ образомъ къ каждой ея мысли, къ каждому чувству. Ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ, нельзя было отдѣлаться отъ него. Съ нѣкоторыхъ поръ ее мучила еще другая мысль — увѣренность въ томъ, что всѣ видятъ происходящее въ ея душѣ, видятъ лучше и яснѣе, чѣмъ она сама,—всѣ, начиная съ Николая Ивановича и кончая Аней.... Она порой была такъ убѣждена въ этомъ, что съ какимъ-то паническимъ страхомъ прислушивалась къ разговорамъ, происходившимъ вокругъ нея. Вотъ и теперь, едва только слово «мама» долетѣло до ея уха, какъ она поспѣшно ушла въ свою комнату;—такъ жутко ей казалось услышать изъ устъ дочери какой-нибудь намекъ на терзавшія ее сомнѣнія.

Но опасенія Марьи Алексѣевны были напрасны,— между отцомъ и дочерью рѣчь шла вовсе не объ ней.

Аня жаловалась на обиды, которыя она терпѣла отъ Паши и отъ кухарки. Не въ первый разъ ложится она, по ихъ милости, безъ ужина и кушаетъ чай безъ сливокъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ мама за этимъ не смотритъ, Паша всѣ сливки сливаетъ въ стаканъ, себѣ къ кофе. И вообще эта Паша стала все по своему дѣлать и мамины приказанія въ грошъ не ставитъ.... Вотъ сегодня, послѣ завтрака, ей велѣли отвести Аню въ скверъ и погулять тамъ съ нею до трехъ часовъ, а она зашла мимоходомъ къ своей знакомой прачкѣ и цѣлый часъ проболтала съ разными бабами на грязномъ, вонючемъ дворѣ. Надо было ее ждать, дѣлать нечего, а тѣмъ временемъ дѣвочки Долинскія ушли изъ сквера. Имъ дольше половины третьяго нельзя оставаться, у нихъ отецъ очень строгій и въ три часа урокъ танцевъ.... Другихъ дѣтей Аня не знаетъ. Ей было очень скучно гулять одной... А тутъ еще поднялся вѣтеръ, солнышко спряталось за тучку, Аня вся продрогла....

— А у форточки стоять не холодно?—прервалъ ее со смѣхомъ отецъ.

Онъ сегодня раза три стаскивалъ ее съ окна въ столовой, изъ котораго она переговаривалась съ дѣтьми, игравшими на дворѣ.

— Что твоя дикая?

Нѣсколько дней тому назадъ Николай Ивановичъ читалъ дочери разсказъ какого-то путешественника, въ которомъ описывались нравы и обычаи дикарей. Когда дошли до того мѣста, гдѣ говорилось, что вышеупомянутые дикари не имѣютъ понятія ни о Богѣ, ни о добрѣ и злѣ, Аня вскричала:

— Точно Ариша, дочь нашей прачки. Она тоже ничего не знаетъ про Бога и не хочетъ понять, что лгать грѣшно.

Съ тѣхъ поръ прачкина дочь, Ариша, получила названіе *дикой*.

— Что твоя дикая?—повторилъ онъ.—Я видѣлъ, какъ она пробиралась по черной лѣстницѣ сегодня утромъ, вѣрно къ тебѣ на свиданіе?

Николай Ивановичъ зналъ, чѣмъ отвлечь мысли своей дочки отъ непріятныхъ впечатлѣній. Голосъ Ани мгновенно измѣнился,— вмѣсто сдержанныхъ слезъ въ немъ зазвучало веселое оживленіе.

— Представь себѣ, что̀ она теперь выдумала: таскать картофель изъ хозяйскаго подвала! Натаскаетъ цѣлую кучу и печетъ

въ той печкѣ, гдѣ мать ея утюги грѣетъ!... Право, ей-богу!... Конечно, никто этого не знаетъ.

— А ты бы ей сказала, какъ это скверно.

— Да развѣ она пойметъ?... Вотъ я тебѣ разскажу, слушай.... Вчера какая-то барыня дала ей фунтъ кофе для ея матери; она дорогой развязала бумагу и всыпала себѣ въ карманъ три горсти, большихъ!

— Фу, какая скверная дѣвчонка твоя пріятельница!

— Нѣтъ, нѣтъ, ты постой, дай досказать.... Ты думаешь, она для себя?—Нѣтъ, она отдала этотъ кофе маленькому башмачнику, а онъ ей за это башмаки починитъ.... Вотъ я ей и сказала: зачѣмъ ты воруешь, Ариша? Это большой грѣхъ. А она говоритъ: «Ладно! У тебя башмаки крѣпкіе, а въ дырявыхъ по камнямъ бѣгать страсть какъ больно» Вотъ что она говоритъ!

— Все-таки таскать кофе не годится,—началъ было морализировать Николай Ивановичъ.—Она бы лучше попросила у матери,—ей бы, можетъ-быть, и такъ дали....

— Господи, какой ты безтолковый, папа! Да говорятъ же тебѣ русскимъ толкомъ, что мать у нея вѣчно пьяная! Она никогда съ нею не разговариваетъ,—вотъ какъ ты со мной,—она только дерется.

Аня перестала смѣяться и проговорила эти слова совершенно серьезно. Подложивъ себѣ подъ голову руку отца, она прижималась къ ней щечкой и безпрестанно цѣловала ее. Другую руку Николая Ивановича дѣвочка цѣпко ухватила тонкими, гибкими пальчиками и крѣпко сжимала при каждомъ его движеніи.

— Не уходи, — мнѣ надо тебѣ еще много разсказать.... Я хочу ей отдать мое старое пальто.... У нея ничего нѣтъ, она почти голая ходитъ.... Знаешь, платье ситцевое и все въ дыркахъ, и мясо насквозь видно, потому что рубашки нѣтъ внизу.... Платье прямо на голое тѣло надѣто,—право, честное слово!... Позволь мнѣ отдать ей мое старое пальто, вѣдь я все равно изъ него выросла....

— Надо спросить у мамы.

— Зачѣмъ у нея спрашивать? Она скажетъ: не приставай, пожалуйста.... Ей бы только съ г. Таманскимъ.... Позволь, папочка, милый!

— Безъ маминаго позволенія нельзя. А теперь спи, — давно пора спать.

— Я буду спать, только не уходи.

Аня смолкла и нѣсколько минутъ пролежала неподвижно; но когда отецъ началъ осторожно вынимать свою руку изъ-подъ ея головы, она, не открывая глазъ, прошептала:

— Г. Таманскій всегда будетъ къ намъ ѣздить?

— Кто?—спросилъ Николай Ивановичъ, нагибаясь къ ребенку.

Отвѣта не послѣдовало,—Аня заснула.

III.

Прошло недѣли три. Въ одинъ прекрасный день Николай Ивановичъ явился домой съ извѣстіемъ, что хлопоты его увѣнчались успѣхомъ,—ему обѣщали мѣсто въ провинціи.

Онъ былъ въ очень возбужденномъ состояніи, прохаживался большими шагами взадъ и впередъ по комнатѣ, прерывая свою рѣчь довольно натянутымъ и громкимъ смѣхомъ и пытливо взглядывая на жену, мелькомъ, когда ему казалось, что она этого не замѣчаетъ.

Никогда еще Марья Алексѣевна не видала его такимъ страннымъ.

— Мы тамъ будемъ получать почти вдвое больше, чѣмъ здѣсь,—распространялся Николай Ивановичъ,—и жизнь въ томъ краѣ такъ дешева, что намъ можно будетъ нанять отдѣльный домъ съ садомъ и держать экипажъ. Климатъ тамъ отличный,—продолжалъ онъ торопливо и не дожидаясь возраженій.—Ты права: вѣчно терпѣть лишенія, во всемъ себя урѣзывать и усчитывать, постоянно думать только о томъ, чтобы не превысить бюджета какою-нибудь копѣйкой—это несносно. Это пагубно дѣйствуетъ на нравственное настроеніе и портитъ характеръ, ужь не говоря о здоровьѣ.... Надо только дивиться, какъ это Аня у насъ до сихъ поръ такая свѣженькая и веселая.... Ужасно много живучести въ этой дѣвчонкѣ и силы также; но кто можетъ поручиться за будущее? Можетъ-быть и ей со временемъ вздумается требовать отъ меня такихъ удовольствій и удобствъ, которыхъ я ей дать не въ состояніи....

Эти слова отзывались горечью, накипѣвшей въ послѣднее время у него на сердцѣ; но, встрѣтивъ взглядъ мучительной тревоги, брошенный на него женой, Николай Ивановичъ поспѣшилъ стряхнуть съ себя не кстати налетѣвшую злобу и продолжалъ уже съ прежней, добродушной усмѣшкой:

— Тамъ, по крайней мѣрѣ, искушеній не будетъ.... Когда совсѣмъ нѣтъ театра, то и мечтать о томъ нельзя, какъ туда ѣхать—въ своей ли каретѣ или на извощикѣ и гдѣ сидѣть — въ ложѣ или въ мѣстахъ за креслами.

Марья Алексѣевна слушала его молча, а между тѣмъ сказать надо было очень много, но она не знала, съ чего начать. Каждымъ своимъ словомъ доказывалъ онъ ей, какъ мало подготовленъ онъ къ ея признанію, какъ мало догадывается онъ о томъ, что происходитъ въ ея душѣ. Развѣ онъ сталъ бы помышлять о томъ, чтобы перенести свое гнѣздо въ другое мѣсто, еслибъ ему было извѣстно, что гнѣзда этого больше не существуетъ?

За эти послѣднія три недѣли случилось много новаго. Наканунѣ вечеромъ Дмитрій Николаевичъ сказалъ ей, что любитъ ее и готовъ на всевозможныя жертвы, чтобъ имѣть счастье назвать ее *своею* передъ Богомъ и передъ людьми, а она отвѣчала ему обѣщаніемъ склонить мужа на разводъ.

Всю ночь затѣмъ и весь слѣдующій день Марья Алексѣевна была въ какомъ-то чаду, мечтая о новой жизни, улыбающейся ей въ скоромъ будущемъ, не замѣчая никакихъ препятствій и не предвидя никакихъ особенныхъ затрудненій; но разговоръ съ мужемъ раскрылъ ей глаза и вотъ явились эти затрудненія,—явились оттуда, откуда ихъ всего меньше можно было ожидать: мужъ ея и не подозрѣвалъ, что она разлюбила его.

До сихъ поръ она была убѣждена въ противномъ. Почему?— Можетъ-быть потому, что всегда легко вѣрится въ то, во что хочется вѣрить. Она и Таманскому сообщила свои иллюзіи, она и его обманула, не разгадавъ Николая Ивановича и представляя его и себѣ и другимъ въ совершенно превратномъ свѣтѣ.

Когда, нѣсколько дней спустя, Дмитрій Николаевичъ сообщилъ ей свои планы касательно развода и спросилъ, начала ли она переговоры съ мужемъ,—она объявила ему, что жестоко ошиблась, воображая, что къ Николаю Ивановичу можно приступить съ подобнымъ предложеніемъ.

— Онъ ничего не подозрѣваетъ, рѣшительно ничего,—повторяла она съ отчаяньемъ,—и такъ мало подготовленъ къ разлукѣ со мной, что я не осмѣлилась намекнуть ему ни слова.... Съ чего это мы взяли, что онъ непремѣнно долженъ догадываться? Господи, какъ мы заблуждались!

До сихъ поръ ей казалось, что она такъ хорошо знаетъ своего мужа, а между тѣмъ она его вовсе, вовсе не знаетъ.... Она даже не можетъ себѣ представить, какъ онъ отнесется къ вопросу, отъ котораго зависитъ ихъ судьба.... Ну что, если онъ на-отрѣзъ откажется дать ей разводъ,—ну, что тогда? Уйти изъ дома его *такъ*, сдѣлать скандалъ?... Есть женщины, которыя способны на это, но только не она. О, нѣтъ, ни за что!... Лучше умереть...

— Ты самъ будешь презирать меня, если я забудусь до такой степени.... Да у меня никогда не хватитъ на такой шагъ ни смѣлости, ни силы воли,—я не изъ храбрыхъ....

О, да! она была не изъ храбрыхъ. При одной мысли о предстоящихъ затрудненіяхъ, въ умѣ ея путалось, голосъ дрожалъ, она безпрестанно принималась плакать и вскидывала на своего друга испуганные, растерянные взгляды.

Дмитрій Николаевичъ старался успокоить ее, увѣрить, что опасенія ея преувеличены, но она не вслушивалась въ его слова, продолжала волноваться и повторять, что никогда, никогда не рѣшится заговорить первая объ этомъ.

Теперь ей даже передъ Таманскимъ страшно было произносить слово «разводъ»,—слово это представляло въ ея глазахъ такую трудную, недосягаемую цѣль....

— Лучше мнѣ никогда не мечтать о такомъ счастьѣ, никогда не встрѣчаться съ тобой!—повторяла она безсвязно, точно въ бреду.—До этой встрѣчи жизнь мнѣ казалась сносной; мнѣ даже казалось, что я люблю его....

Таманскій обнималъ ее, прижимая дорогую головку къ своей груди, и молча ласкалъ бѣлокурые волосы, безпорядочными кудрями выбивавшіеся изъ-подъ шиньона. Но напрасно искалъ онъ въ умѣ слова, которыми можно было бы утѣшить ее,—такихъ словъ не находилось: все, что можно было сказать, было уже сказано.... И вдругъ новая мысль блеснула въ его головѣ.

— Хочешь, чтобъ я самъ переговорилъ съ нимъ?—произнесъ онъ вполголоса, нагибаясь къ ея распухшему и раскраснѣвшемуся отъ слезъ лицу.

— Ты?—вскричала она, съ изумленіемъ вглядываясь въ его глаза.—Ты самъ хочешь ему сказать?

Онъ не могъ воздержаться отъ самодовольной улыбки.

— Что же тутъ удивительнаго? Для меня такое счастье избавить тебя отъ непріятности. Развѣ ты не увѣрена въ этомъ?—прибавилъ онъ съ упрекомъ.

Они съ минуту молча смотрѣли другъ на друга. Улыбка, блуждавшая на его губахъ, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорила о торжествѣ человѣка, которому удалось доказать любимой женщинѣ, что онъ еще лучше, чѣмъ она воображаетъ.

— О, какъ ты меня любишь!—продолжала она, краснѣя отъ счастья.—Вѣдь ты его вовсе, вовсе не знаешь....

Конечно, Дмитрій Николаевичъ не зналъ Астафьева. Можно было даже поручиться, что изъ всѣхъ людей, встрѣчавшихся съ нимъ на пути жизни, онъ меньше всѣхъ зналъ именно этого человѣка. Изучать мужа Марьи Алексѣевны, вдумываться въ его характеръ и даже просто вспоминать о немъ было такъ непріятно. Онъ старался ей вѣрить на слово, когда она увѣряла, что ждать отъ Николая Ивановича сопротивленія ихъ намѣренію — немыслимо. Сколько разъ повторялъ онъ при ней, что жить вмѣстѣ мужу съ женой, когда они перестали любить другъ друга, по его мнѣнію, даже безнравственно. Онъ такъ стоитъ за свободу всегда и во всемъ. Еще будучи женихомъ, онъ взялъ съ нея слово, что она ему прямо скажетъ, если полюбитъ когонибудь другаго,—что поступить такимъ образомъ много честнѣе, чѣмъ обманывать человѣка, оставляя его въ заблужденіи.

Онъ тогда не думалъ, конечно, что такая минута наступитъ когда-нибудь и къ тому же съ тѣхъ поръ прошло столько времени, что слова эти успѣли забыться.... Захочетъ ли онъ вспомнить о нихъ?

Но былъ еще одинъ вопросъ, самый главный, самый жгучій, на которомъ и Таманскому, и Марьѣ Алексѣевнѣ было такъ жутко останавливаться, что до сихъ поръ они, точно сговорившись, тщательно обходили его: это былъ вопросъ объ Анѣ.

— Если все устроится по общему соглашенію, твоя дочь можетъ проводить одну часть года у отца, а другую съ нами,— сказалъ Таманскій въ тотъ незабвенный вечеръ, когда онъ прочелъ въ ея глазахъ отвѣтъ на свое страстное признаніе.

— Да, да!—поспѣшно согласилась Марья Алексѣевна, сама не понимая того, что она говоритъ.

Такъ и порѣшили. Въ эту блаженную минуту имъ все казалось возможнымъ. Но оптимизмъ этотъ длился не долго.

— Надо приготовить его исподволь, — говорила Марья Алексѣевна нѣсколько минутъ спустя.

Вспышка отчаянія успокоилась. Сердце все еще сжималось тоской, но слезъ больше не было и голосъ ея былъ такъ ровенъ

и спокоенъ, что еслибы въ эту минуту вышла въ комнату быстроглазая Аня, она не замѣтила бы ничего особеннаго въ обращеніи матери съ гостемъ. Они разговаривали какъ хорошіе знакомые, время отъ времени прерывая свою бесѣду долгими раздумьями.

Таманскій былъ очень блѣденъ, но тоже спокоенъ и соглашался съ каждымъ ея словомъ.

— Огорошить человѣка такимъ признаніемъ просто безразсудно и ровно ни къ чему не поведетъ, кромѣ непріятностей.... Надо выбрать удобную минуту, воспользоваться случаемъ, а такой случай можетъ явиться скорѣе, чѣмъ мы думаемъ.... Но нечего и мечтать о томъ, чтобы кончить все такъ скоро, какъ мы надѣялись,—прибавила она со вздохомъ.

Напрасно Марья Алексѣевна говорила «мы»: Дмитрій Николаевичъ давно зналъ, что она заблуждается, мечтая о томъ, чтобъ имъ обвѣнчаться осенью и уѣхать на зиму за границу, но у него не доставало духу разрушить ея мечты. Видѣть ее счастливой хотя бы одинъ день, хотя бы часъ—казалось ему такимъ блаженствомъ.

А Марья Алексѣевна, между тѣмъ, продолжала:—Если только онъ въ запальчивости скажетъ *нѣтъ,* тогда ужь кончено,—онъ изъ самолюбія не захочетъ измѣнить своему слову, я его знаю,— повторяла она, забывая, что полчаса тому назадъ утверждала противное.

— Вамъ же говорить съ нимъ вовсе не нужно и эту мысль надо бросить. Я не хочу, чтобъ вы подвергались оскорбленіямъ изъ-за меня, а въ особенности отъ него.... Онъ васъ вовсе не понимаетъ, да и не можетъ понять....

Таманскій ничего не возражалъ. Онъ думалъ о томъ дѣльцѣ по бракоразводнымъ дѣламъ, съ которымъ его свели наканунѣ вечеромъ въ клубѣ. Г. Леопардовъ успѣлъ сказать ему только нѣсколько словъ, но такихъ вѣскихъ, что изъ нихъ легко было вывести цѣлую вереницу болѣе или менѣе непріятныхъ представленій и создать себѣ довольно полную картину тѣхъ мытарствъ, черезъ которыя долженъ неминуемо пройти человѣкъ, рѣшившійся завоевать себѣ свободу такимъ томительнымъ и полнымъ таинственныхъ преградъ путемъ.

— Сколько времени можетъ длиться бракоразводное дѣло?

Вопросъ этотъ имѣлъ существенное значеніе для такого нервнаго субъекта, какъ Таманскій, а потому понятно, что голосъ его дрогнулъ немножко, произнося эти слова.

Дѣлецъ пожалъ плечами и отвѣчалъ уклончиво. По его мнѣнію, въ дѣлахъ подобнаго рода вопросъ о времени находится въ зависимости отъ множества побочныхъ обстоятельствъ. При связяхъ и денежныхъ средствахъ, да если заручиться полнѣйшимъ согласіемъ и содѣйствіемъ противной стороны, все можетъ быть окончено черезъ годъ или полтора.

Полтора года при содѣйствіи съ противной стороны!... А мужъ Марьи Алексѣевны ничего еще не подозрѣваетъ, его надо еще готовить.... Сколько времени потребуется на подобную подготовку?

Кто можетъ отвѣтить на такой вопросъ? Кто можетъ проникнуть въ чужую душу и взвѣсить, сколько именно любви въ ней таится? Часто самъ человѣкъ до поры до времени не знаетъ, какія у него чувства и что ему будетъ стоить въ данную минуту отрѣшиться отъ нихъ.

Еслибы Марья Алексѣевна могла заглянуть въ душу своего возлюбленнаго и увидѣть, какъ эгоистично онъ высчитываетъ, сколько мѣсяцевъ и дней потребуется такому человѣку, какъ Астафьевъ, чтобы привыкнуть къ мысли потерять жену,—она пришла бы въ негодованіе, а между тѣмъ мысли ея вертѣлись вокругъ того же самаго вопроса.

Она припоминала свою жизнь съ тѣхъ поръ, какъ вышла замужъ, и тѣ случаи изъ этой жизни, по которымъ можно было судить о характерѣ и о взглядахъ Николая Ивановича. Удивительно просто и прямо относился онъ ко всему и ко всѣмъ.... Да вотъ хотя бы къ Таманскому: съ перваго раза опредѣлилъ онъ самымъ яснымъ образомъ свое отношеніе къ нему и, объявивъ женѣ, что ему нестерпимо-скучно съ ея новымъ пріятелемъ, просилъ ее никогда не вызывать его изъ кабинета, когда его превосходительство удостоиваетъ ихъ своимъ посѣщеніемъ.

— Объясни ему это какъ-нибудь поделикатнѣе,—скажи, что ваши разговоры про Италію, да про бальзаковскихъ героевъ интересовать меня не могутъ. За границей я никогда не былъ, а французскіе романы перересталъ читать съ седьмаго класса гимназіи.

Иногда Николай Ивановичъ слегка подтрунивалъ надъ Таманскимъ, надъ его аристократическими замашками, изысканною вѣжливостью и изнѣженностью. Впрочемъ, насмѣшки эти были такъ добродушны, что самъ Дмитрій Николаевичъ не оскорбился бы ими, еслибъ онъ услышалъ ихъ.

— Его превосходительство не можетъ переносить слезъ, и стóитъ только какой-нибудь просительницѣ заплакать при подачѣ

прошенія, для того чтобъ дѣло ея выигралось. А когда ему надо сдѣлать выговоръ или замѣчаніе подчиненному, его превосходительство конфузится и краснѣетъ сильнѣе самого провинившагося; притомъ онъ такъ путается въ словахъ, что трудно рѣшить, кто кого журитъ—его превосходительство подчиненнаго или подчиненный его превосходительство,—разсказывалъ со смѣхомъ Астафьевъ.

Онъ также увѣрялъ, что начальникъ его боится собакъ и пауковъ почти столько же, сколько кокотокъ, и что есть такія слова, отъ которыхъ онъ краснѣетъ точно барышня и тотчасъ же удираетъ, когда ему случается попасть въ холостую компанію и слышать такія слова.

Иногда Николай Ивановичъ спрашивалъ у жены, о чемъ они разговариваютъ по цѣлымъ вечерамъ, и, не дожидаясь отвѣта, дивился ея терпѣнію и увѣрялъ, что нѣтъ такого человѣка въ мірѣ, съ которымъ онъ могъ бы выдержать трехчасовую бесѣду, не вывихнувъ себѣ челюсти отъ зѣвоты.

— Удивительную способность переливать изъ пустаго въ порожнее выработало въ тебѣ воспитаніе у знатныхъ родственниковъ! Ну, о чемъ находишь ты говорить съ Таманскимъ? Общества его ты не знаешь, общихъ интересовъ между вами нѣтъ....

Обыкновенно Марья Алексѣевна благоразумно отмалчивалась на подобнаго рода вопросы и замѣчанія, но однажды она сказала мужу, что Дмитрій Николаевичъ очень любитъ вспоминать свое дѣтство и много разсказываетъ ей про свою мать, которой онъ лишился недавно, года три тому назадъ.

— Oh, ma mère!—вскричалъ Николай Ивановичъ, комичнымъ жестомъ поднимая глаза и руки къ потолку.

— Она, кажется, была отличная женщина,—продолжала Марья Алексѣевна, стараясь не обращать вниманія на эту неумѣстную шутку.

— Чѣмъ же она отличалась?—началъ придираться шутливо мужъ.

— Да хотя бы тѣмъ, что съумѣла внушить сыну такую любовь и уваженіе къ себѣ.

— Ну, ему нельзя иначе. Любить и уважать родителей — да это въ ихъ средѣ точно такъ же обязательно, какъ носить перчатки. Ужь такъ принято!...

Марья Алексѣевна вышла, наконецъ, изъ терпѣнія.

— Я надъ твоими друзьями не смѣюсь,—проговорила она обиженнымъ тономъ.

— Напрасно!—все такъ же невозмутимо возразилъ Астафьевъ:—въ нихъ тоже много смѣшнаго, и если мы между собою посмѣемся надъ ними, ихъ отъ этого не убудетъ.

Однако, съ этихъ поръ онъ началъ воздерживаться отъ насмѣшекъ надъ Таманскимъ не только при женѣ, но даже въ кругу своихъ товарищей. Боялся ли онъ огорчать этими насмѣшками Марью Алексѣевну, или прискучило ему издѣваться надъ человѣкомъ за глаза,—какъ бы тамъ ни было, но жена его слышала, какъ онъ недавно даже крикнулъ на Аню за то, что, по своему обыкновенію всѣхъ передразнивать, она вздумала-было подражать походкѣ и манерамъ «маминаго гостя».

Бѣдная дѣвочка такъ и оторопѣла отъ нетерпѣливаго «перестань», которымъ отецъ осадилъ ея выходку.

Да, Николай Ивановичъ перестал издѣваться надъ Таманскимъ; онъ также перестал спрашивать, бываетъ ли онъ у нихъ и о чемъ разговариваетъ онъ съ Марьей Алексѣевной, но изъ этого трудно было вывести, какого онъ мнѣнія о немъ. А между тѣмъ надо это узнать, непремѣнно....

Таманскій первый нарушилъ молчаніе, воцарившееся въ маленькой гостиной послѣ того, какъ Марья Алексѣевна объявила, что приступать къ Николаю Ивановичу съ признаніемъ нельзя безъ подготовки.

— Когда же думаете вы начать эти переговоры?—спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

Онъ прибавилъ къ этому, что для самого же Николая Ивановича гораздо лучше узнать все раньше.

— Вы этимъ избавите его отъ напрасныхъ хлопотъ.... Онъ, по всей вѣроятности, для васъ придумалъ этотъ несчастный переѣздъ въ провинцію.

— Конечно, для меня и для Ани. Самому ему все равно, какъ и гдѣ ни жить.

— Вотъ видите.

Онъ хотѣлъ еще что-то прибавить, но ушелъ, не сказавши больше ни слова.

Давно уже не разставались они такъ холодно. Онъ даже не поцѣловалъ руки, которую она протянула ему на прощаніе, даже лишняго мгновенія не продержалъ этой руки въ своей и Марья Алексѣевна была ему очень благодарна за такую сдержанность.

Душа ея была въ такомъ смятеніи, что, кажется, любовь ея къ этому человѣку превратилась бы въ ненависть, еслибы въ эту минуту онъ позволилъ себѣ напомнить ей о возникшихъ между ними отношеніяхъ. До развязки затѣяннаго ими дѣла было еще такъ далеко. Чтобы выдержать борьбу до конца, требовалось столько терпѣнія и силы воли, а силу эту каждому изъ нихъ слѣдовало искать только въ самомъ себѣ, потому что у каждаго изъ нихъ зарождались въ сердцѣ такого рода опасенія и сомнѣнія, которыя немыслимо было открыть другъ другу.

Н. Северинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Тихія воды глубоки.

Повѣсть.

Былъ канунъ большаго праздника, и во всѣхъ церквахъ монастыря шли торжественныя всенощныя. Толпы молящихся были такъ велики, что храмы не могли вмѣстить ихъ всѣхъ, и сотни народа стояли на ступенькахъ стараго каменнаго крыльца и толпились на дворѣ. Послѣдніе лучи солнца тихо догорали на золотыхъ куполахъ, между тѣмъ какъ сумерки, незамѣтно подкрадываясь, мягкими тѣнями ложились въ темныхъ уголкахъ. Расположенное недалеко отъ собора, кладбище было похоже скорѣе на цвѣтникъ и совсѣмъ не имѣло присущаго всѣмъ кладбищамъ мрачнаго и подавляющаго характера,—напротивъ, масса самыхъ яркихъ и великолѣпно выхоленныхъ цвѣтовъ бросалась сначала въ глаза, а затѣмъ уже, въ густой ихъ зелени, замѣчались урны, кресты и памятники. Несмѣтное количество распустившихся цвѣтовъ наполняло ароматомъ теплый, немного влажный и неподвижный воздухъ. Все въ окружающей природѣ какъ бы замерло въ эту минуту, прислушиваясь къ торжественнымъ звукамъ пѣнія, несшагося изъ открытыхъ оконъ и дверей стараго собора,—лишь нѣсколько смѣлыхъ розовыхъ лучей солнца, медленно передвигаясь по стѣнѣ, какъ бы старались приблизиться къ дверямъ и заглянуть въ храмъ. Стройное пѣніе огромнаго хора отчетливо раздавалось въ неподвижномъ воздухѣ и звонко разносилось въ высокихъ сводахъ стараго собора. Густые, бархатные басы плавно выводили свои низкія ноты, между тѣмъ какъ дисканты, какъ хрустальные колокольчики, то усиливались, то замирали въ вышинѣ. Всѣ присутствовавшіе, молившіеся, пѣвчіе, самъ старый соборъ, кудрявыя липки, розовый горошекъ—все, казалось, было преисполнено какой-то особенной тор-

жественности. Главныя двери собора были настежъ отворены и въ глубинѣ ихъ темныхъ сводовъ виднѣлось безконечное количество ярко горѣвшихъ свѣчей, лучи которыхъ свѣтлыми снопами ниспадали на головы молившихся, толпою стоявшихъ на старыхъ каменныхъ ступенькахъ. Высокое крыльцо было съ обѣихъ сторонъ обсажено липами и дубами; между ихъ густою листвой ярко и грандіозно выдѣлялась большими золотыми буквами, на розоватомъ навѣсѣ паперти, сдѣланная надпись: «Вѣдомому Богу». Къ этой-то надписи и прокрадывались розовые лучи солнца, отчетливо выдѣляя ее среди темной зелени деревьевъ. Сырой, наполненный ладаномъ, воздухъ вырывался изъ собора и смѣшивался съ теплымъ запахомъ резеды и горошка, несшимся съ кладбища. Черныя фигуры монаховъ беззвучно скользили по двору, между тѣмъ какъ толпы усталыхъ странниковъ, съ котомками и посохами, живописными группами расположились по окраинамъ кладбища. Въ срединѣ двора стройно и величественно возвышалась великолѣпная, гигантская колокольня. Каждую четверть на ея часахъ раздавался звонъ малыхъ колоколовъ сначала гаммою сверху внизъ, потомъ снизу вверхъ.

Въ самый разгаръ службы мы съ Женей поспѣшно вошли на монастырскій дворъ и направились къ собору, съ намѣреніемъ войти внутрь. Увидавъ массу народа, толпившагося около крыльца, и убѣдившись, что не было возможности войти, мы отправились въ другой соборъ; но какъ тамъ, такъ и во всѣхъ остальныхъ монастырскихъ церквахъ насъ постигла та же неудача. Рѣшивъ, что пробираться въ одинъ изъ храмовъ было бы большимъ рискомъ, мы благоразумно направились къ кладбищу, расположенному около собора, и, выбравъ скамью поближе къ открытымъ окнамъ, усѣлись на нее и стали слушать пѣніе, мягкими волнами выносившееся изъ церкви вмѣстѣ съ острымъ, смолистымъ запахомъ ладана. Долго сидѣли мы молча и неподвижно, пристально устремивъ взглядъ въ темные своды собора, пока, наконецъ, служба начала отходить и народъ массами повалилъ изъ церквей. Пустынный до того дворъ вдругъ преобразился: засновали монахи, богомольцы; говоръ, сухой звукъ шаговъ по мощеному двору и тротуарамъ, кашель, сморканье и чиханье—всѣ эти звуки, долго сдерживаемые толпой, наполняли воздухъ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ; но вотъ всѣ стали мало-по-малу расходиться, дворъ началъ пустѣть, монахи исчезали въ своихъ кельяхъ, огни погасали въ церквахъ и

лишь тамъ и сямъ виднѣлись неугасаемыя лампадки, придававшія особенную таинственность всему окружавшему. Мы молча встали и направились къ собору. Тамъ еще монахи оканчивали уборку свѣчей и тушили большія люстры. Когда мы подошли, старый, сѣдой монахъ, стоя на порогѣ, громко отдавалъ приказанія кому-то бывшему внутри, прося не забыть потушить всѣ свѣчи и запереть соборъ на замокъ; затѣмъ онъ направился къ выходу и въ соборѣ настала мертвая тишина, прерываемая лишь слабымъ отголоскомъ рѣзко звучавшихъ по металлическимъ плитамъ шаговъ удалявшагося монаха. Пристально вглядываясь въ темные углы, мы прошли паперть и нерѣшительно вошли въ соборъ,—вошли и остановились, пораженные сумрачною таинственностью, которая предстала нашимъ взорамъ. Въ глубинѣ собора было совершенно темно,—всѣ люстры и свѣчи были уже потушены. Съ правой стороны отъ царскихъ дверей, у самой стѣны, покоились мощи Святаго. Весь балдахинъ былъ завѣшанъ рядомъ, самыхъ разнообразныхъ формъ и цвѣтовъ, лампадокъ, лучи которыхъ, подымаясь къ верху, незамѣтно пропадали въ темномъ сводѣ собора. Теплый и душистый воздухъ былъ сильно пропитанъ запахомъ ладана и восковыхъ свѣчей и наполнялъ, какъ бы туманомъ, весь храмъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ, мы увидѣли въ боковыхъ дверяхъ алтаря, не далеко отъ мощей, прислонившагося къ косяку молодаго монаха. Высокая, стройная фигура его отчетливо выдѣлялась на золотомъ фонѣ образовъ, а мягкія черныя складки мантіи граціозно ниспадали до полу и, округляясь, образовывали шлейфъ. Длинные, шелковистые, какъ ленъ свѣтлые, волосы крупными завитками падали съ плечъ, между тѣмъ какъ закинутыя кверху, худыя, прозрачной бѣлизны руки поддерживали маленькую, бѣлокурую, съ тонкими очертаніями голову. Лицо было поднято, небольшой ротъ съ двумя глубокими морщинами съ обѣихъ сторонъ, придававшихъ лицу выраженіе особенной горечи, былъ полуоткрытъ, а большіе, глубоко посаженные, зеленоватые глаза, широко раскрытые, были устремлены куда-то далеко, высоко, въ темные своды купола. На впалыхъ щекахъ не было никакого слѣда румянца и всю фигуру можно было бы принять за призракъ, еслибы не тоскливо-мучительное выраженіе лица и безпрерывное вздрагиваніе плечъ. Переглянувшись съ Женей, мы сдѣлали нѣсколько шаговъ впередъ, но въ эту минуту я уронила зонтикъ на металлическій полъ собора; сухой трескъ глухо раздался во всѣхъ

углахъ. Звукъ этотъ пробудилъ какъ бы застывшаго въ одномъ положенiи монаха,—онъ медленно опустилъ руки, разсѣянно посмотрѣлъ вокругъ и, повернувшись, тихими шагами вошелъ въ алтарь.

Какъ только онъ удалился, Женя пошла прикладываться къ мощамъ, а я занялась разсматриванiемъ собора и незамѣтно удалилась отъ моей спутницы. Подойдя къ росписаннымъ живописью стѣнамъ, я разглядывала смутно виднѣвшееся изображенiе геенны огненной и, медленно переходя затѣмъ отъ одного изображенiя къ другому, незамѣтно очутилась на другомъ концѣ собора и обернулась, чтобы посмотрѣть, гдѣ осталась Женя. Темнота мѣшала ясно различать предметы и я нѣсколько времени простояла, тщетно стараясь вглядѣться и различить фигуру моей спутницы. Наконецъ, приблизившись нѣсколько къ срединѣ собора, я взглянула направо и взорамъ моимъ предстала странная, поразившая меня, сцена. Женя, стоя на колѣняхъ, усердно молилась и, поклонившись въ землю, долго не поднимала своей миніатюрной головки. Вся маленькая фигурка ея какъ-то особенно сжалась, а бѣлокурыя косы, спустившись по обѣимъ сторонамъ, серебрились при лучахъ цѣлаго ряда висѣвшихъ надъ нею лампадъ и открывали тонкую, бѣлую шейку дѣвушки. Въ то время, какъ она какъ бы застыла въ этомъ положенiи, изъ боковой двери алтаря показался тотъ же самый монахъ, который тихо вышелъ изъ алтаря и, затворивъ за собою дверь, медленно поднялъ глаза и взглянулъ на лампады. Убѣдившись, что всѣ онѣ въ порядкѣ, монахъ сдѣлалъ шагъ впередъ, но въ эту самую минуту взоръ его упалъ на склонившуюся фигурку молившейся; монахъ внезапно остановился какъ вкопанный, сильная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу, онъ протянулъ впередъ руки, какъ бы отталкивая отъ себя кого-то, неизъяснимый ужасъ выразился на его лицѣ и онъ боязливо попятился назадъ, не сводя глазъ съ наклоненной головки Жени. Въ эту минуту она медленно встала и повернулась, чтобы сойдти со ступеней. Между тѣмъ монахъ молча стоялъ на томъ же мѣстѣ, въ той же позѣ, съ какимъ-то страннымъ выраженiемъ безпредѣльнаго страха и любопытства на лицѣ. Онъ пристально слѣдилъ за всѣми движенiями молившейся, какъ бы ожидая чего-то. Повертываясь, чтобъ идти, Женя отбросила на спину свои бѣлокурыя косы и, обратясь къ монаху лицомъ, съ удивленiемъ посмотрѣла на него и сошла со ступенекъ. При взмахѣ ея свѣтлыхъ косъ монахъ сильно вздрогнулъ, широко рас-

крылъ свои глубокіе глаза, сильно вытянулъ шею и пристально взглянулъ ей въ лицо, но въ ту же минуту, разсмотрѣвъ его, низко опустилъ голову, потупилъ глаза и быстро исчезъ въ глубинѣ алтаря. Ничего не понимая, я поспѣшно подошла къ Женѣ и, взявъ ее подъ руку, направилась къ дверямъ. Выйдя на паперть, я обернулась назадъ и увидала загадочнаго монаха, который тихо, издали, слѣдовалъ за нами, низко опустивъ голову и какъ бы боясь смотрѣть по сторонамъ. Переглянувшись съ Женей, мы молча вышли на монастырскій дворъ и направились къ воротамъ. Шаги наши сухо звучали по чугуннымъ плитамъ, одиноко разносясь по монастырскому двору, въ концѣ котораго, въ темныхъ сводахъ большихъ монастырскихъ воротъ, ярко свѣтились огоньки фруктовыхъ лавочекъ, во множествѣ расположенныхъ на площади, прилегавшей къ монастырю. Я оглянулась назадъ и невольно поразилась контрастомъ представившейся мнѣ картины. Внутри монастырскаго двора царила мертвая тишина и нигдѣ не было замѣтно никакого движенія, никакого звука; величественныя зданія смутно виднѣлись во мракѣ, незамѣтно сливаясь съ темнымъ небомъ, и лишь тамъ и сямъ, какъ привидѣнья, бѣлѣлись мраморные кресты и памятники ближайшаго кладбища, да густыя липки черными пятнами рисовались въ воздухѣ. Казалось, все вымерло въ этомъ каменномъ, неразрушимомъ царствѣ, между тѣмъ какъ по другую сторону монастырской ограды площадь кипѣла жизнью. Выйдя на эту площадь, мы усѣлись въ коляску и отправились домой. Не прошло и десяти минутъ, какъ экипажъ наша уже остановился передъ маленькимъ голубымъ домикомъ, всѣ три окна котораго были ярко освѣщены и сплошь уставлены цвѣтущими фуксіями, пеларгоніями и плющомъ. Домикъ этотъ, состоящій изъ пяти комнатъ, занимала тетушка Жени, старая старушка, у которой мы и остановились на все время своего пребыванія въ Т. Комнатки были очень небольшія, но чистыя и весьма тщательно убранныя. Лѣтомъ старушка занимала лишь три изъ нихъ, а двѣ, отдѣленныя кухней, отдавала въ наймы пріѣзжимъ богомолкамъ, поселявшимся въ Т. на лѣтніе мѣсяцы.

Тетушка, Евгенія Петровна, была премилая, добродушная старушка, не лишенная нѣкоторой доли своеобразности и оригинальности. Она была дочь мелкопомѣстныхъ дворянъ, всю жизнь жившихъ въ деревнѣ и не давшихъ никакого, кромѣ самаго первобытнаго, образованія своимъ дѣтямъ. Всѣхъ дѣтей у нихъ было

двое—старшая дочь Евгенія, да сынъ Илюша, отличавшійся необыкновенною болѣзненностью и вмѣстѣ впечатлительностью. Рано осиротѣвъ и оставшись на попеченіи сестры, старой дѣвы, окружившей себя цѣлымъ сонмомъ старухъ-богомолокъ, онъ, естественно, подпалъ подъ ея вліяніе и рѣшилъ поступить въ монастырь. Узнавъ о таковомъ его желаніи, Евгенія Петровна хотя и поплакала, но не отговаривала брата, находя, что это дѣло хорошее и препятствовать было бы грѣхъ.

Илюша, поступивъ въ монастырь подъ именемъ отца Ивана, сначала исполнялъ съ большимъ рвеніемъ всѣ монастырскія постановленія, не пропускалъ ни одной службы, мало ѣлъ, немного спалъ и никогда не выходилъ за ограду монастыря. Но, мало-по-малу, онъ совершенно вошелъ въ колею монастырскаго житья, велъ тихую и спокойную жизнь, позволялъ себѣ лишній разъ выпить чайку и лишній разъ соснуть послѣ обѣда, бывалъ у сестры и слылъ въ монастырѣ за самаго добродушнаго и кроткаго товарища, не лишеннаго подъ-часъ скромнаго и спокойнаго веселья.

Подъѣхавъ къ квартирѣ старушки, мы расплатились съ извощикомъ и вошли въ просторную комнату, уставленную мягкими широкими диванами. Передъ однимъ изъ нихъ стоялъ покрытый розовою, съ бѣлыми узорами, скатертью столъ, съ большимъ кипящимъ на немъ самоваромъ. Въ плетеной хлѣбной корзиночкѣ, покрытой вязаною салфеткой, лежали мелкіе крендельки и миндальныя печенья, а рядомъ, прямо на скатерти, стояли двѣ большія монастырскія просвиры. Тутъ же разставлены были нѣсколько блюдечекъ съ разнымъ вареньемъ и, въ довершеніе всего, тарелка съ бѣлой и розовою пастилой, палочками. При нашемъ появленіи въ противуположныхъ дверяхъ показалась старушка въ чистомъ, накрахмаленномъ кисейномъ чепчикѣ съ хрустальною чайницей въ рукахъ.

— Наконецъ-то вы вернулись,—добродушно сказала она, протирая четвертымъ пальцемъ лѣвой руки нѣсколько заспанные глаза,—а я ужь думала, святые отцы никогда не кончатъ всенощной... Очень ужь долго, не правда ли?

— Долго-то долго,—смѣясь сказала я,—да вѣдь мы въ соборѣ-то во время всенощной все-таки не были.

— Такъ гдѣ-жь вы были?—съ удивленіемъ спросила старушка.

— Мы, тетушка, на кладбищѣ сидѣли и слушали изъ оконъ пѣніе,—отвѣчала Женя, стоя передъ зеркаломъ и съ серьезнымъ, озабоченнымъ видомъ расправляя завитушки на лбу.

— Такъ и не входили въ соборъ?

— Нѣтъ, потомъ были, когда кончилась всенощная.

— А-а... Стало-быть прикладывались?—видимо успокоилась старушка.

— Да, прикладывались.

— Ну, это и лучше, чѣмъ въ духотѣ-то четыре часа стоять. И зачѣмъ они тянутъ такъ, словно удивить кого хотятъ? Что ужь это!...

— Тетушка!—воскликнула Женя, усѣвшись съ ногами на диванъ и тонкими ломтиками нарѣзывая мягкую, крутую просвиру,—что это у васъ за монахъ такой странный есть?

— Какой монахъ?

— Да какъ вамъ его описать... такой блѣдный, высокій блондинъ, очень худой и красивый.

— Блѣдный, худой... Знаю, знаю. Что ужь это за монахъ! Я такихъ не люблю!—раздражительно замѣтила Евгенія Петровна.

— Почему же, тетушка?

— Не люблю, душенька,—очень ужь онъ красивъ.

— Такъ что же?

— Какъ что? Когда отдаешь ему просвиру вынимать, не знаешь, куда и глаза дѣвать: отдать не глядя—какъ-то нехорошо, а поглядишь, такъ ужь и не хочется глазъ отвести... Что ужь это за монахъ!

— Да вѣдь онъ, кажется, скромный, только очень странный.

— Скромный-то скромный, это и всѣ говорятъ, а все-таки онъ—монахъ, стало-быть нечего на него и глядѣть. Чѣмъ же онъ вамъ показался страннымъ?

— Да, во-первыхъ, когда мы вошли въ пустой соборъ, онъ стоялъ въ дверяхъ алтаря и у него было ужасно жалкое выраженіе лица; а потомъ онъ вышелъ, увидалъ меня, какъ будто испугался,—такъ и остался въ одномъ положеніи.

— А потомъ?

— А потомъ мы ушли и онъ тоже пошелъ вслѣдъ за нами, никуда не глядя. Больше мы его не видали.

— Да, онъ странный, про него всѣ это говорятъ,—сказала старушка.—Мой отецъ Иванъ съ нимъ въ большой дружбѣ, все хвалитъ его и жалѣетъ.

— А вы его не знаете, тетушка?—спросила я.

— Нѣтъ, голубчикъ, не знаю, да и знать-то не хочу,—что мнѣ съ нимъ говорить, о чемъ?

— А исторіи его тоже не знаете?

— Какой исторіи?

— Ну, да почему онъ въ монастырь пошелъ.

— Нѣтъ, не знаю. Отецъ Иванъ, навѣрно, знаетъ, а я не спрашиваю; да онъ и не скажетъ впрочемъ.

— А можетъ-быть скажетъ? Я попрошу!—воскликнула Женя.

— Что-жь, попросить можно. Только что-то не думаю, чтобъ онъ тебѣ чужую жизнь разсказалъ, — покачивая головой, съ добродушной улыбкой отвѣчала старушка.

На другой день, вставъ пораньше, мы тотчасъ же отправились въ соборъ и, войдя на амвонъ, стали съ правой стороны царскихъ дверей. Вскорѣ соборъ началъ быстро наполняться. Началась парадная служба съ архимандритомъ во главѣ. Толпа становилась все гуще и чаще, по временамъ начиналась невообразимая толкотня, между тѣмъ какъ жара и духота усиливались съ каждою минутой. Къ концу обѣдни я начинала уже чувствовать сильную усталость и, сама того не замѣчая, усердно считала свѣчи въ алтарѣ. Сосчитавъ большія и пропустивъ уже догоравшія, я невольно мучилась вопросомъ: можно ли считать одну догоравшую за цѣлую свѣчу, или же двѣ догоравшихъ сложить — и считать за одну цѣлую. Машинально и безсознательно соображая и разрѣшая этотъ вопросъ, я будто замерла въ одномъ положеніи, какъ вдругъ почувствовала, что меня дергаютъ за платье. Очнувшись отъ своего забытья, я увидала стоявшую на колѣняхъ Женю и тотчасъ послѣдовала ея примѣру. Когда я низко наклонилась въ землю, мнѣ послышался какой-то металлическій звукъ надъ головой и въ то же мгновеніе раздался чей-то сдержанный, глухой крикъ, похожій на могучій, порывистый вздохъ. Поднявъ голову, я увидѣла вчерашняго загадочнаго монаха, съ искаженнымъ отъ страха лицомъ появившагося въ дверяхъ алтаря. Онъ быстро подбѣжалъ къ Женѣ, разомъ упалъ на оба колѣна и обхватилъ ея шею своими тонкими, блѣдными руками. Не понимая ничего, я услышала сильный запахъ горящихъ волосъ и быстро вскочила на ноги, между тѣмъ какъ Женя съ испугомъ подняла голову, причемъ большая восковая свѣча скатилась съ ея плеча на полъ. Упавшая съ нея шляпка открыла ея бѣлокурую головку, на которую

тупо и безсмысленно устремились глаза монаха. Онъ стоялъ на колѣняхъ рядомъ съ дѣвушкой, положивъ правую руку ей на воротникъ, а лѣвою крѣпко зажавъ ея бѣлокурую косу. Женя порывисто вскочила и круто повернулась къ нему лицомъ. Странное зрѣлище представилось ея взорамъ: монахъ все стоялъ на колѣняхъ, безсмысленно глядя на оставшуюся въ его лѣвой рукѣ свѣтлую, съ завитымъ кончикомъ, тонкую, отгорѣвшую прядь ея волосъ. Странный монахъ моргалъ своими большими, потемнѣвшими отъ страха, глазами и, полураскрывъ тонкія, вздрагивавшія губы, тяжело дышалъ. Простоявъ такъ нѣсколько секундъ, онъ порывистымъ движеніемъ приблизилъ прядь волосъ къ своему лицу, пристально взглянулъ на нее и, съ жалкимъ, раздирающимъ крикомъ вскочивъ на ноги и разжавъ руку, въ ужасѣ отскочилъ назадъ. Мягко выскользнувъ изъ поблѣднѣвшей руки, прядь волосъ беззвучно упала и свѣтленькимъ вѣнчикомъ легла на полу. Монахъ ступилъ шагъ впередъ, нагнулся надъ ней, потомъ выпрямился, обвелъ всѣхъ тупымъ, равнодушнымъ взоромъ и безъ слова, безъ звука, какъ подкошенный, упалъ безъ чувствъ. Все это произошло такъ быстро и неожиданно, что всѣ присутствовавшіе стояли какъ вкопанные, притаивъ дыханіе и неподвижно глядя на всю эту странную сцену. Лишь при паденіи монаха съ клироса отдѣлились два молодыхъ послушника и, поднявъ неподвижно лежавшаго собрата, поспѣшно вынесли его изъ собора. Толпа молча разступилась передъ ними, съ любопытствомъ разсматривая потерявшаго сознаніе монаха и тихо перешептываясь.

— Да что такое произошло? — съ удивленіемъ спросила я Женю, когда монахи скрылись въ дверяхъ собора.

— Съ паникадила, что надъ вами, упала зажженная свѣчка и зажгла имъ волосы,—отвѣчалъ солдатъ, прислуживающій въ соборѣ, поднимая съ полу отгорѣвшую прядь волосъ и подавая ее Женѣ. — Монахъ увидалъ это изъ алтаря и потушилъ огонь руками. Счастливо отдѣлались, матушка,—головка-то уцѣлѣла,— добродушно прибавилъ онъ.

Женя между тѣмъ сконфуженно вертѣла въ рукахъ, поданную солдатомъ, прядь волосъ, видимо не смѣя никуда взглянуть. Дѣйствительно, положеніе было неловкое,—всѣ взоры были устремлены на нее, въ толпѣ раздавался шепотъ, слышались восклицанія.

— Пойдемъ лучше домой, Женя,—тихо сказала я.

— Пойдемъ!—съ радостью проговорила мнѣ взволнованная, раскраснѣвшаяся спутница, надѣвъ шляпку и торопливо опуская

вуаль, съ видимымъ желаніемъ скрыться отъ любопытныхъ взоровъ. Мы съ трудомъ пробрались сквозь толпу и направились уже по липовой аллеѣ, какъ вдругъ услыхали за собою голосъ отца Ивана, брата тетушки.

— Погодите немного!—громко сказалъ старикъ, поспѣшно сходя съ крыльца, ведшаго въ кельи монаховъ. Мы остановились.

— Отецъ Иванъ, вы знаете, что съ нами случилось?—съ волненіемъ проговорила Женя, идя на встрѣчу старику.

— Знаю, голубчикъ, знаю,—грустно и серьезно отвѣчалъ онъ:—я вѣдь сейчасъ отъ отца Серафима.

— Кто это отецъ Серафимъ?—спросила я.

— Да тотъ самый монахъ, который огонь потушилъ.

— Ну, что-жь, онъ пришелъ въ себя?—съ любопытствомъ спросила Женя.

— Нѣтъ, не совсѣмъ: лежитъ и что-то безсвязное бормочетъ.

— Почему онъ такъ испугался? Вѣдь это уже во второй разъ онъ пугается меня,—шепотомъ проговорила Женя.

— Онъ не васъ испугался, а того, что вы сгорите,—серьезно продолжалъ старикъ.

— Да нѣтъ же! Онъ еще вчера вечеромъ, увидавъ насъ въ соборѣ, испугался меня,—продолжала настаивать Женя.

— Это вамъ такъ показалось!—строго возразилъ старикъ.— Отецъ Серафимъ вообще крайне болѣзненный и нервный человѣкъ, потому на него малѣйшее волненіе очень сильно дѣйствуетъ, а тѣмъ болѣе такой испугъ, какъ сегодня. Вѣдь еслибы не онъ, у васъ бы волосы на самой головѣ загорѣлись и Богъ знаетъ, что могло бы случиться.

Женя при этомъ предположеніи быстро схватилась за свой затылокъ.

— Отецъ Иванъ, вы сегодня придете къ Евгеніи Петровнѣ?— спросила я.

— Не умѣю вамъ сказать,—почтительно обратился онъ ко мнѣ.—Я для того васъ и окликнулъ, чтобы просить передать сестрѣ, чтобы не ждала меня. Это будетъ зависѣть отъ состоянія здоровья отца Серафима: мы съ нимъ большіе друзья и я его не оставлю, пока ему не будетъ лучше. А теперь ведите-ка ее домой,—продолжалъ онъ, добродушно глядя на Женю,—посмотрите, какая она взволнованная, да и вы-то блѣдны что-то.

Евгенія Петровна успокоитъ васъ,—прибавилъ онъ, поворачивая къ каменному монастырскому крыльцу.

Быстро дойдя до квартиры тетушки, Женя поспѣшно отворила дверь.

— Тетушка, гдѣ вы?—воскликнула она, бѣгая изъ одной комнаты въ другую въ тщетныхъ поискахъ за старушкой.

— Кто тамъ?—послышался голосъ изъ кухни.

— Да мы, тетушка!—вбѣгая въ кухню, воскликнула взволнованная Женя.—Что со мной случилось, вы не знаете,—я чуть не сгорѣла!—задыхаясь, проговорила она.

— Пустяки какіе!—сердито возразила старушка, съ испуга выронивъ изъ рукъ форфоровое блюдечко.—Вотъ я изъ-за твоихъ глупостей блюдце разбила!—раздражительно проговорила она, присаживаясь на полъ и собирая осколки.

— Не вѣрите?... Ну, право, ей-богу, тетушка!—увѣряла Женя.—Вотъ видите, коса обгорѣла, да и вся бы я сгорѣла, еслибы не монахъ....

Старушка какъ присѣла, такъ и осталась въ одномъ положеніи, вопросительно уставляя глаза то на меня, то на Женю.

— Не пугайтесь, Евгенія Петровна,—отвѣчала я на ея вопросительный взглядъ:—на Женю упала съ паникадила горящая свѣча и зажгла ей косу, а одинъ изъ монаховъ, увидавъ это, бросился изъ алтаря и потушилъ огонь.

— И замѣтьте, тетушка, какъ странно,—воскликнула Женя, присаживаясь противъ оторопѣвшей старушки и притягивая ее къ себѣ за перломутровую пуговицу ея сѣренькаго капота:—вѣдь опять тотъ же вчерашній монахъ спасъ меня!

— Что же тутъ страннаго, душенька,—приходя въ себя, возразила старушка:—онъ первый увидалъ, онъ и загасилъ....

— Представьте, что опять меня испугался,—съ волненіемъ продолжала Женя.

— Пустяки говоришь!—разсердилась старушка, приподымаясь съ полу.—Не съ чего ему тебя бояться. А испугался онъ, что живой человѣкъ горитъ—вотъ и все.... Отца Ивана видѣли?—спросила она, обратясь ко мнѣ.

— Видѣли, тетушка.

— Придетъ сегодня?

— Не знаетъ навѣрное,—отвѣчала я.

— Онъ за отцомъ Серафимомъ ухаживаетъ,—поспѣшила объяснить Женя.

— За какимъ такимъ отцомъ Серафимомъ?

— Да за монахомъ, который меня потушилъ.

— Что же за нимъ ухаживать?—удивилась старушка.

— Да я же вамъ говорю, воскликнула Женя,—что онъ меня потушилъ,—ну, то-есть огонь на мнѣ потушилъ,—потомъ на меня посмотрѣлъ, на косу мою посмотрѣлъ, испугался и.... упалъ въ обморокъ!

— Не понимаю, что ты говоришь, душенька!—раздраженно проговорила тетушка, качая головой.—Разскажите, ангелъ мой, что такое случилось въ самомъ дѣлѣ?—обратилась она снова ко мнѣ за объясненіемъ.

— Дѣйствительно, тетушка, все такъ было,—начала я.—Монахъ этотъ потушилъ на Женѣ огонь и затѣмъ, вставъ на ноги, внезапно упалъ безъ чувствъ. Говорятъ, онъ страшно-нервный и болѣзненный человѣкъ,—на него, вѣроятно, слишкомъ сильно подѣйствовалъ испугъ, оттого онъ и въ обморокъ упалъ.

— Не мудрено испугаться, какъ этакая глупая головёнка загорится,—отвѣчала старушка, подойдя къ Женѣ и крѣпко поглаживая обѣими руками ея пушистую головку.—Пойдемте-ка лучше я васъ чайкомъ напою,—заключила она.

Мы пошли за тетушкой въ гостиную и усѣлись за чай.

Женя плотно прижалась въ углу дивана и безпрестанно, то закрывая, то открывая глаза, сильно вздрагивала подъ большимъ теплымъ платкомъ, которымъ укутала ее Евгенія Петровна. Руки ея были совершенно холодны, тогда какъ глаза все болѣе и болѣе блестѣли и голова дѣлалась все горячѣе. Къ вечеру лихорадка, благодаря ли свѣжему утреннему воздуху, или же взволновавшему ее происшествію, вступила въ свои права. Мы съ тетушкой, несмотря на сопротивленіе Жени и увѣренія ея, что она совсѣмъ здорова,—увѣренія, произносимыя сухими, отъ внутренняго жара, губами,—раздѣли и уложили въ постель.

Отецъ Иванъ, котораго мы ждали весь день, такъ и не являлся, что видимо безпокоило Женю, начинавшую все преувеличивать, какъ это всегда бываетъ съ людьми въ сильномъ жару.

На слѣдующее утро, напившись чаю, мы сѣли у окошка, поджидая тетушку, отправившуюся къ обѣднѣ. Наконецъ, около двѣнадцати часовъ она быстро вошла въ комнату и съ безпокойствомъ спросила:

— Ну, что, ангелъ мой, какъ твое здоровье?

— Ничего, тетушка, лучше, — отвѣчала Женя, цѣлуя старушку.

— Ну, и слава Богу! — задыхаясь отъ скорой ходьбы, отвѣчала Евгенія Петровна и сѣла на ближайшій стулъ. — Фу, устала!

— Да вы шляпку-то снимите, — сказала я.

— Нѣтъ, сокровище мое, не надо, — я сейчасъ опять пойду.

— Куда же, тетушка? Вѣдь вы устали.

— Ничего, не бѣда, — отдохну потомъ.

— Да куда же? — приставала Женя.

— Да тамъ... мнѣ нужно, — сконфуженно и не глядя на насъ, отвѣчала старушка, — на рынокъ! — вдругъ рѣшительно прибавила она и, вставъ со стула, быстро пошла къ себѣ въ спальню.

Подвигавъ тамъ ящикъ комода, она черезъ нѣсколько минутъ вышла и, держа правую руку въ карманѣ, съ таинственнымъ, озабоченнымъ видомъ, который очевидно хотѣла скрыть, прошла на крыльцо.

— Тетушка что-то замышляетъ, — лукаво прищуривая глаза, воскликнула Женя.

— Вѣроятно, какой-нибудь особенный пирогъ съ вишнями или что-нибудь въ этомъ родѣ, — равнодушнымъ голосомъ отвѣчала я, увѣренная между тѣмъ въ томъ, что дѣло касалось не пирога, а нашего загадочнаго монаха. Предположенія своего я, однако, не высказала, боясь взволновать Женю.

Она, между тѣмъ, усѣвшись поудобнѣе, углубилась въ чтеніе, а я, подсѣвъ къ окну, принялась наблюдать за тѣмъ, что происходило на улицѣ. Просидѣвъ такимъ образомъ довольно долго и каждую минуту собираясь встать и взять работу, я вдругъ увидѣла возвращавшуюся Евгенію Петровну.

Медленно переступая, она усердно сморкалась и кончикомъ платка тщательно вытирала слегка покраснѣвшіе отъ слезъ глаза. Дойдя до угла нашего дома, она остановилась, еще разъ провела рукой по глазамъ, нѣсколько разъ глубоко вздохнула и, принявъ бодрый видъ, взошла на крыльцо.

— Тетушка, гдѣ моя отгорѣвшая прядь волосъ? — воскликнула Женя, завидѣвъ входившую старушку. Тетушка при этомъ вопросѣ внезапно остановилась на порогѣ и яркая краска покрыла ея лицо.

— Зачѣмъ тебѣ ее, душенька? — равнодушно спросила она.

— Надо, тетушка... Вы мнѣ отдайте ее.

— Отдамъ, отдамъ послѣ,—отвѣчала старушка.—Ты ко мнѣ не приставай,—я теперь устала.

— Да вы скажите, гдѣ она, я сама пойду,—продолжала надоѣдать Женя.

— Отстань, Женя!—сердито проговорила тетушка.—Пустяки все говоришь, точно маленькая.

Удивленная непривычнымъ строгимъ тономъ старушки, Женя скорчила гримасу, выражавшую недоумѣніе и неудовольствіе, и, опустивъ голову, снова принялась за чтеніе. Я, между тѣмъ, отправилась въ комнату тетушки. Старушка сидѣла на кровати и расчесывала свои рѣдкіе, сѣденькіе волосы.

— Ахъ, ангелъ мой, хорошо что вы пришли!—обрадовалась она, увидавъ меня.—Я хотѣла вамъ два словечка сказать.

— Что вамъ угодно, тетушка?

— Не спрашивайте вы меня про отгорѣвшую прядь-то, ангелъ мой,—вѣдь у меня ея нѣтъ.

— Да гдѣ-жь она?—спросила я съ удивленіемъ.

— То-то вотъ и есть, что совѣстно сказать, гдѣ она. Вамъ-то я, ангелъ мой, скажу, а ужь вы Женѣ не говорите. Отецъ Иванъ у меня ее взялъ,—шепотомъ прибавила она.

— Но развѣ онъ былъ здѣсь?

— Нѣтъ, я ему отнесла сегодня утромъ, когда отъ обѣдни возвратилась. Дѣло въ томъ, что отцу Серафиму совсѣмъ плохо, умретъ должно-быть. Отецъ Иванъ съ нимъ всю ночь просидѣлъ, а онъ все бредилъ и все какую-то косу просилъ.

— Какъ странно!—удивленно сказала я.

— Да, странно. А какъ жалко-то, что ужь это..., смаргивая навернувшіяся слезы, проговорила старушка.—Такой молодой да красивый... ему бы жить, а онъ умираетъ. Если эту ночь опять будетъ просить косу, отецъ Иванъ и хочетъ показать ему эту прядочку,—можетъ онъ и успокоится. Я было не хотѣла нести: что ужь это, думаю, и къ чему это Женичкины волосы монаху давать... А потомъ подумала и рѣшила: во-первыхъ, я отцу Ивану ее дамъ, а во-вторыхъ, что за пустяки такіе, важное дѣло волосы!... А если это человѣка облегчить можетъ, не правда ли?—добавила старушка, ласково трепля меня по плечу.

— Конечно, тетушка... Да какая же вы милая!—съ нѣжностью отвѣчала я, крѣпко обнимая и цѣлуя ее.

Слѣдующій день былъ однимъ изъ тѣхъ прозрачныхъ, яркихъ дней, которыми такъ щеголяетъ августъ.

Женя была совсѣмъ здорова и мы съ ней, пользуясь хорошею погодой, рѣшились осмотрѣть всѣ достопримѣчательности монастыря и дожидались только завтрака, безъ котораго тетушка не хотѣла отпустить насъ изъ дому.

Насытившись сколько было нужно и даже болѣе того, мы уже надѣвали шляпки, какъ вдругъ, въ сосѣдней комнатѣ, услыхали голосъ отца Ивана.

— Приказалъ долго жить! — грустно произнесъ онъ въ отвѣтъ на какой-то, шепотомъ произнесенный, вопросъ тетушки.

— Кто?—сильно поблѣднѣвъ, спросила Женя, надѣвавшая въ эту минуту шляпку и такъ оставшаяся, съ поднятыми кверху руками.

— Не знаю,—отвѣчала я, между тѣмъ какъ она уже поспѣшно выбѣгала въ дверь.

— Кто, кто? — съ испугомъ спрашивала она, подбѣгая къ отцу Ивану.

— Отецъ Серафимъ приказалъ долго жить, — тихо и спокойно отвѣчалъ старикъ.

— Да умеръ что ли?—воскликнула Женя.

— Скончался. Да, тихо, спокойно скончался,—низко опуская голову, пояснилъ онъ, между тѣмъ какъ двѣ крупныя слезы скатились съ его худой щеки и пропали въ густой сѣдой бородѣ.

Женя ничего не сказала и молча, расширившимися отъ страха глазами, смотрѣла на него.

— Вотъ, голубчикъ, волоски ваши, возьмите,—сказалъ онъ, вынимая изъ кармана отгорѣвшую прядь волосъ Жени.

— Волосы?... Какіе волосы?—переспросила пораженная Женя.

— Ахъ, извините, — спохватился старикъ: — это... не вы, Евгенія Петровна дала ихъ. Ну, да теперь все равно,—грустно махнувъ рукой, съ глубокимъ вздохомъ прибавилъ онъ.—Я, голубчикъ, ваши волосы ему, то-есть отцу Серафиму, показывалъ. Они ему напомнили другіе такіе же, тоже свѣтленькую косу... Вотъ ему и хотѣлось взглянуть на ваши, напомнить себѣ тѣ, прежніе,—дрожащимъ голосомъ объяснилъ онъ.—И напомнилъ, и полегчело... И спокойно, тихо такъ отошелъ,—такъ съ этой прядью въ рукѣ и отошелъ.

— Чай-то будешь пить?—сдавленнымъ, но громкимъ и нѣсколько развязнымъ голосомъ, вдругъ перебила его Евгенія Петровна, низко нагнувшись надъ спавшею кошкой и теребя ее за лапки, между тѣмъ какъ частыя слезинки такъ и сыпались одна за другой изъ-подъ ея опущенныхъ рѣсницъ.

— Нѣтъ, не стану,—кротко отвѣчалъ монахъ, усаживаясь въ кресло.—Я вѣдь къ вамъ по дѣлу, такъ сказать, пришелъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ Женѣ, которая стояла и съ дрожащими губами и полными слезъ глазами машинально вертѣла въ рукахъ отгорѣвшую прядь волосъ.

— По какому это дѣлу?—строго спросила Евгенія Петровна.

— А вотъ, видите ли; отцу Серафиму очень было тяжело, что онъ васъ испугалъ, а также, что поведеніе его могло вамъ показаться болѣе чѣмъ страннымъ...

— Ну, такъ что-жь?—еще строже спросила тетушка.

— Онъ и просилъ меня, узнавъ, что Женя—моя племянница, разсказать словами или прочесть оставшіяся послѣ него записки, изъ которыхъ вы могли бы уяснить себѣ какъ его, такъ и все его поведеніе.

— Очень нужно!—разсердилась тетушка.—Еще Женичка и такъ не совсѣмъ поправилась, а тутъ ужь и вовсе ты ее разстроишь. Пустяки все говоришь!—обратилась она къ брату:—она и такъ ничего о немъ дурнаго не думаетъ. Вѣдь такъ, голубчикъ?... Объ умершемъ человѣкѣ нехорошо дурно думать,—не правда ли?

— Я ничего дурнаго и не думаю,— начала Женя съ разстановкой, видимо боясь расплакаться.—Но если отецъ Серафимъ ничего не имѣлъ противъ того, чтобъ я прочла записки его, то, пожалуйста, прочтите.... или я сама.... если вы....—окончательно разрыдавшись, добавила она.

— Напротивъ, онъ очень этого желалъ... Но вы должны знать, голубчикъ,—наставительно обратился онъ къ Женѣ,—что это должно остаться между нами,—такихъ вещей не разсказываютъ....

— Ахъ, Боже мой!—закрывшись платкомъ, всхлипывала Женя,—конечно, я не буду.... не буду.... разсказывать.

— До чего ты ее доводишь, отецъ Иванъ, что ужь это!—горячилась добрѣйшая тетушка.

— Оставь, матушка!—рѣшительно отстраняя ее, строго возразилъ монахъ.—Я долженъ исполнить послѣднюю волю покойнаго.

А ей это вреда не принесетъ,— напротивъ, поплачетъ лишній разокъ надъ чужимъ горемъ, понятливѣе станетъ....

Проговоривъ это, онъ бережно вынулъ изъ кармана въ трубочку свернутую бѣлую тетрадь и громко откашлялся.

— Ну-съ,—обводя комнату глазами, произнесъ онъ,—можно начинать?

— Можно, начинайте!—вытирая слезы и садясь на диванъ рядомъ съ отцомъ Иваномъ, произнесла Женя.

Тетушка, съ недовольнымъ видомъ, неодобрительно покачивая головой, усѣлась у окна, а я—на первый попавшійся мнѣ стулъ.

— Надо вамъ знать,—началъ отецъ Иванъ, обращаясь къ Женѣ,—что мы были большіе друзья съ отцомъ Серафимомъ. Но, несмотря на всю нашу дружбу, онъ мнѣ никогда не говорилъ о прошлой своей жизни. Много разъ выражалъ онъ желаніе объяснить мнѣ причину своего поступленія въ нашу обитель, но всякій разъ я останавливалъ его, прося ничего не говорить, такъ какъ я и безъ объясненій хорошо понималъ, какой онъ человѣкъ— чистый и прозрачный, такъ сказать. Одно же упоминаніе о прошломъ приводило его въ нервное состояніе, котораго я весьма сильно опасался. Онъ вообще былъ подверженъ всевозможнымъ видамъ нервнаго разстройства, часто страдалъ безсонницей, имѣлъ самыя мучительныя галлюцинаціи и, наконецъ, сильнѣйшіе нервные припадки въ родѣ того, который сдѣлался съ нимъ послѣ происшествія съ вашими загорѣвшимися волосами. Во время этихъ припадковъ онъ всегда жаловался на боль въ сердцѣ и у него отнимались лѣвая рука и плечо. Всѣ эти подробности пояснятъ вамъ всю странность его поведенія. Не находя въ себѣ достаточно силъ, чтобъ устно разсказать мнѣ свою исторію, онъ, наконецъ, рѣшился вкратцѣ изложить ее на бумагѣ, собственно для меня. Происшествіе съ вами, невольно ускорившее его кончину, не дало ему окончить своихъ записокъ, которыя онъ и просилъ меня прочесть вамъ. Вотъ онѣ,—со вздохомъ прибавилъ старикъ мягкимъ, добродушнымъ голосомъ.

~~~~~

Много разъ собирался я устно передать вамъ исторію моей жизни, отецъ Иванъ, но не хватало ни силъ, ни духу. Ну, да все равно, такъ или иначе, а вы должны будете ее знать и тогда уже можете судить меня по справедливости. Рукопись эту я составилъ изъ дневника своего, который велъ во время пребыванія въ университетѣ. Я имѣлъ привычку ежедневно вписы-
~~~~~

вать въ него все то, что сколько-нибудь интересовало или поражало меня. Теперь же беру изъ него лишь тѣ мѣста, которыя могутъ уяснить вамъ мои отношенія къ жизни, къ товарищамъ, ко всему окружавшему меня и, главное, пояснить причину моего поступленія въ монастырь. Хотѣлъ было дать вамъ прочесть дневникъ свой, но потомъ раздумалъ,—не хочется открывать никому этого живаго свидѣтеля самыхъ тяжелыхъ минутъ моей жизни.... Да; трудно, тяжело мнѣ было жить на свѣтѣ.... Ну, впрочемъ, узнайте все, а тамъ сами судите.

Я былъ единственный сынъ моихъ родителей. Отецъ мой умеръ, когда я былъ ребенкомъ, мать же, больная и крайне нервная женщина, осталась послѣ мужа съ незначительными средствами къ жизни. До десяти лѣтъ я жилъ подъ ея теплымъ крылышкомъ, но, наконецъ, пришла пора разстаться: она отвезла меня къ дядѣ въ Петербургъ и тамъ отдала въ гимназію. Окончивъ курсъ въ гимназіи, я, по совѣту товарищей, поступилъ въ Медицинскую академію. Но, однако, вскорѣ я долженъ былъ оставить ее, такъ какъ сильно разстроилъ свои, и безъ того слабые, необыкновенно чуткіе ко всякому волненію, нервы. Я бросилъ медицину и перешелъ въ университетъ на юридическій факультетъ.

Вслѣдствіе ли крайне болѣзненнаго состоянія, въ которомъ я находился, или вообще малаго интереса, который имѣла для меня юриспруденція, — я отнесся апатично и небрежно къ своимъ занятіямъ и едва перешелъ на второй курсъ. Знакомыхъ у меня совсѣмъ не было, я жилъ крайне уединенно, бывалъ лишь въ университетѣ, да изрѣдка кто-нибудь изъ студентовъ-товарищей насильно уводилъ меня къ себѣ.

На третій годъ моего пребыванія въ университетѣ, въ срединѣ зимы, товарищи, принимавшіе во мнѣ живое участіе и часто забѣгавшіе въ мой крохотный нумерокъ, рѣшили, что такъ оставлять меня нельзя,—надо что-нибудь предпринять со мной.

— Брось, голубчикъ,—приставалъ ко мнѣ веселый, маленькій студентикъ, первокурсникъ Шамшинъ,—ей-богу брось! Ну, что толку? Законопатился въ своей комнатѣ и воображаетъ, что такъ и слѣдуетъ.

— Да что бросить-то?—удивился я.

— Да брось, право, брось!... Вѣдь ты не живешь, ты прозябаешь. Надо жить, душенька!—авторитетно прибавилъ онъ.

— Ха-ха-ха! Младенецъ-то нашъ.... туда же съ совѣтами лѣзетъ,—загоготалъ, считавшій себя уже опытнымъ мужемъ, третьекурсникъ Тимоѳеевъ.—Не слушайте вы его, Стрѣльцовъ!—обратился онъ ко мнѣ съ важностью.—Какъ живется, такъ и живите, лишь бы скорѣе дожить до конца.

— Это ты, братъ, со страстей такъ говоришь!—обидѣлся Шампинъ.—Обжогся, такъ тебѣ и не живется... А ты почемъ знаешь, можетъ-быть онъ не обожжется, умнѣй тебя проживетъ?

— Ну, ужь нѣтъ, едва ли! Онъ или будетъ бѣгать за фантастичнымъ призракомъ, воображая, что это жизнь-то и есть, или поймаетъ какой-нибудь блестящій мыльный пузырь, онъ у него лопнетъ въ рукахъ,—ну, тутъ ему и карачунъ!...

— То-есть какъ же? Вы предполагаете, что и я тоже лопну вслѣдъ за мыльнымъ пузыремъ?—спросилъ я, улыбаясь, между тѣмъ какъ слова Тимоѳеева производили на меня необыкновенно тяжелое впечатлѣніе.

— Нѣтъ, батенька, лопнуть не лопнете, а и жить тоже ужь послѣ этого, какъ слѣдуетъ, не будете!—рѣшительно отвѣчалъ онъ, гася окурокъ о высоко поднятый кверху каблукъ и вставая съ моей постели, на которой лежалъ во время разговора.

— Ну, васъ, съ вашей меланхоліей и пророчествами!—обозлился Шампинъ.—Чортъ знаетъ, чего наговоритъ, да еще какимъ увѣреннымъ тономъ... Сережа, голубушка, душенька! брось, говорю я тебѣ, пойдемъ со мной,—умоляющимъ голосомъ проговорилъ онъ, тряся меня за плечи.

— Куда?—удивился я.

— Ужь это не твое дѣло, пойдемъ. Я отведу тебя въ такое мѣсто, что спасибо скажешь.

— Прощайте!—на ходу надѣвая толстое, мохнатое пальто, перебилъ его уже выходившій въ дверь Тимоѳеевъ.—Не слушайте его,—батенька!—повторилъ онъ убѣдительно.—Держитесь: лучше правила подальше отъ людей, поближе къ природѣ,—право, много лучше!

— Ужь вы говорите прямо: поближе къ университету, подальше отъ Софьи Николаевны!—прокричалъ ему вслѣдъ расходившійся Шампинъ.

Тимоѳеевъ, ничего не отвѣтивъ, сильно хлопнулъ дверью и затѣмъ быстро спустился внизъ по крутой лѣстницѣ.

Весь этотъ разговоръ особенно ясно запечатлѣлся въ моей памяти и очень сильно взволновалъ меня.

— Вѣдь ты, братъ, какъ монахъ какой живешь, нигдѣ кромѣ университета не бываешь,—убѣдительно говорилъ Шамшинъ послѣ ухода Тимоѳеева. — Такъ, братъ, нельзя. Надо людей видѣть! Пойдемъ сегодня со мною къ Шепелевымъ. Они страсть хотятъ съ тобой познакомиться!

— Со мной?... Да откуда же они обо мнѣ знаютъ?

— Ха-ха-ха!... А я то на что-жь? Еще вчера Вѣра Михайловна меня спрашивала: «Когда же, говоритъ, вы намъ самый оригиналъ-то покажете?» А маменька-то (она, mon cher, не умна) возражаетъ: «Какой же онъ оригиналъ, Вѣрочка? Онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ»,—тонкимъ голоскомъ пропищалъ Шамшинъ, заливаясь громкимѣ, заразительнымъ смѣхомъ, широко открывая ротъ и опрокидываясь на спинку стула. Глядя на него, засмѣялся и я и рѣшился идти съ нимъ.

Съ начала своего знакомства съ Шепелевыми я сильно конфузился и, почти ни съ кѣмъ не разговаривая, цѣлые вечера просиживалъ въ уголкѣ и прислушивался къ разговорамъ. Общество у нихъ было весьма разнообразное, но тѣмъ не менѣе представляло для меня не особенно много интереса. Всѣхъ больше занимала меня Вѣра Михайловна Шепелева, о которой мнѣ много и весьма пространно разсказывалъ Шамшинъ. Она составляла центръ всего общества и своею любезностью и живостью умѣла оживлять всѣхъ. На меня она, съ самаго начала нашего знакомства, обращала особенное вниманіе. Я же, между тѣмъ, не привыкнувъ бывать въ обществѣ, постоянно чувствовалъ себя чужимъ, постороннимъ наблюдателемъ. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не попалъ къ Шепелевымъ нѣсколько разъ запросто, когда у нихъ никого не было изъ постороннихъ. Часто между Шамшинымъ и Вѣрой Михайловной бывали бурные споры, въ которыхъ я сначала не принималъ участія и лишь молча вслушивался въ ихъ рѣчи. Но мало-по-малу робость моя стала уменьшаться и, наконецъ, я рѣшился вступать въ споры и всегда страшно волновался, приводя свои доказательства и возраженія. Привожу одинъ изъ подобныхъ споровъ цѣликомъ, записанный мною тотчасъ по приходѣ домой.

Я въ то время еще имѣлъ весьма смутное понятіе о характерѣ Вѣры Михайловны и только послѣ этого спора нѣсколько уяснилъ его себѣ.

— Скажите пожалуйста, что это вы такое сказали за обѣдомъ о какомъ-то Тимоѳеевѣ?—спросила Вѣра Михайловна у

Шамшина, усаживаясь въ мягкое кресло и кладя ноги на рѣшетку ярко топившагося камина.

— О Тимоѳеевѣ?... Право не помню,—лѣниво отвѣчалъ Шамшинъ, тихо прохаживавшійся по гостиной, глубоко засунувъ руки въ карманы и безпрестанно позѣвывая.

— Ну, какъ не помните!—сморщивъ брови, отвѣчала Вѣра Михайловна.—Не можетъ этого быть. Вы что-то такое сказали о томъ, что какой-то Тимоѳеевъ сильно обжогся и потому возненавидѣлъ весь свѣтъ.

— Ну, такъ что же? Дѣйствительно, это такъ,—флегматично отвѣчалъ Шамшинъ.

— Можно полюбопытствовать, какъ это онъ обжогся?—закрывъ глаза и прислоняясь къ спинкѣ кресла, съ улыбкой спросила она.

— Да обжогся, какъ всѣ обжигаются. Ухаживалъ за барышней, она съ нимъ кокетничала, давала ему понять, что весьма къ нему расположена, онъ на этомъ основаніи сдѣлалъ предложеніе, а она наклеила ему носъ..., иначе сказать—отказала. Да еще этимъ не удовольствовалась, а взяла да и прогнала вонъ. «Вы, говоритъ, очень ужь много о себѣ воображаете, если думаете, что я могу быть вашей женой, что я вамъ пара».

— Ну, а онъ что же?—спросила Вѣра Михайловна, раскрывъ глаза и съ любопытствомъ слѣдя взоромъ за продолжавшимъ медленно шагать Шамшинымъ.

— Онъ?... Вы его не знаете?... Чудакъ страшный, вспыльчивъ до невѣроятности и вообще человѣкъ весьма энергичный какъ на словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ. Обозлился онъ на нее за послѣднія слова, вскочилъ да и говоритъ: «Дѣйствительно, говоритъ, вы правы: вы мнѣ не пара, потому что я человѣкъ прямой, искренній, безъ того мелкаго, пошлаго самолюбьица, которое заставляетъ такое существо, какъ вы, притворяться для того, чтобы поймать въ свои сѣти человѣка, поиграть съ нимъ, какъ кошка съ мышью, и затѣмъ выкинуть вонъ!... Очень, говоритъ, благодаренъ вамъ за вашъ отказъ, такъ какъ вы ничего не могли придумать лучшаго для меня. Я, говоритъ, только теперь сознаю всю свою глупость». Повернулся и ушелъ,—улыбаясь добавилъ Шамшинъ.

— Да что же это вы такимъ равнодушнымъ тономъ все это разсказываете?—воскликнула Вѣра Михайловна, начиная волноваться.

— Что же, плакать что ли прикажите мнѣ?—усмѣхнулся Шамшинъ.

— Плакать не плакать, а странно разсказывать такія вещи о своемъ другѣ самымъ равнодушнымъ тономъ.

— Ошибаетесь, онъ совсѣмъ мнѣ не другъ, а просто знакомый. Да, признаться, я не очень къ нему расположенъ,—очень ужь грубости въ немъ много.

— Да, отвѣтъ его этой дѣвицѣ не особенно вѣжливъ,—саркастично произнесла Вѣра Михайловна.

— Ну, положимъ, она другаго и не стоила и по-моему онъ отлично сдѣлалъ, что отчиталъ её.

— Ну, нѣтъ, отчитывать, какъ вы выражаетесь, никого и никогда не слѣдуетъ, а тѣмъ болѣе молодую дѣвушку,—возразила Вѣра Михайловна.

— Совершенно не согласенъ-съ! Такую кокетку не то что можно, а должно отчитать, чтобы впередъ понимала, что дѣлаетъ.

— По-моему, никакой посторонній человѣкъ не можетъ отчитывать никогда, такъ какъ никто ему такого права не давалъ. А кокетка она, или нѣтъ—это вопросъ совершенно посторонній,—горячилась Вѣра Михайловна.

— А по-моему такъ она сама дала ему это право своимъ собственнымъ поведеніемъ относительно его. Что же касается до вопроса о ея кокетствѣ, то мнѣ кажется, что даже безъ права всякій хорошо сдѣлаетъ, отчитавши какую-нибудь холодную, бездушную кокетку, выматывающую душу изъ насъ, простячковъ!—воскликнулъ Шамшинъ.

— А вы не попадайтесь на удочку, не лѣзьте сами—какъ бабочки на огонь,—усмѣхнулась Вѣра Михайловна.

— Не попадайтесь—легко сказать!... Вѣдь и вамъ, барышнямъ, то же самое можно сказать: не попадайтесь и вы. Изъ нашего брата тоже вѣдь не мало кокетокъ, да еще какихъ ловкихъ!—злобно засмѣялся Шамшинъ.

— Что до меня касается,—снова прислоняясь къ спинкѣ кресла, съ разстановкой проговорила Вѣра Михайловна,—то я совершенно не понимаю двухъ вещей.

— Только двухъ?—засмѣялся Шамшинъ.

— Не придирайтесь пожалуйста!—отвѣчала она.—Повторяю, не понимаю я двухъ вещей, а именно: какъ можно попасться на удочку кокетки-женщины или кокетки-мужчины, все равно, и еще того, какъ можно пережить такое положеніе вещей, какое

испытываетъ вашъ Тимоѳеевъ. Какъ можно по-прежнему существовать послѣ подобнаго происшествія...

— Почему же вамъ кажется невозможной жизнь послѣ этого?—спросилъ я.

— Какъ почему?... Помилуйте, испытать такое униженіе и остаться жить послѣ этого? Да это невозможно, немыслимо!

— Но предположите, что онъ продолжалъ и послѣ этого любить эту дѣвушку,—возразилъ я.

— Ну, нѣтъ, братъ, еслибъ онъ ее любилъ, не отчиталъ бы онъ ее такъ!—воскликнулъ Шамшинъ.

— Ошибаешься, голубчикъ, — можно очень любить и Богъ знаетъ что наговорить въ такую минуту. Но дѣло не въ томъ: предположите, что мы говоримъ не о Тимоѳеевѣ, а объ NN, который, получивъ отказъ и не сказавъ ничего подобнаго, продолжаетъ любить ее. Что же, и тогда нельзя жить?—спросилъ я.

— Нельзя, невозможно! Вы поймите, что тотъ, кто получаетъ отказъ, остается въ дуракахъ, въ самомъ унизительномъ положеніи. Какъ же можно послѣ этого жить?

— Я съ вами отчасти согласенъ: жить *по-прежнему* въ такомъ случаѣ весьма трудно,—продолжалъ я,—но только причина того, что это такъ трудно, не та, по-моему, которую вы приводите.

— А какая же?... Это — причина самая главная и важная.

— Нѣтъ-съ. Мнѣ кажется, что подобный отказъ трудно пережить потому, что съ нимъ рушатся всѣ ваши надежды, всѣ мечты. Если послѣ отказа продолжаешь любить ту дѣвушку, то, понятно, страданія еще глубже и больнѣе. Если же перестаешь почему-либо любить, а слѣдовательно и уважать, то горько разочарованіе, горько видѣть какъ тотъ идеалъ, который самими вами возведенъ въ этотъ санъ, поставленъ на пьедесталъ,—какъ онъ рушится и разбивается въ прахъ. А личное *я*, мое положеніе, униженіе или тому подобныя соображенія, мнѣ кажется, должны въ подобныя минуты отходить на задній планъ.

— Нѣтъ, я съ вами совершенно не согласна! — энергично тряся своей бѣлокурой головкой, съ паѳосомъ проговорила Вѣра Михайловна.

— Ну-съ, а позвольте узнать, какъ же это вы не понимаете, какъ можно попасть на удочку кокетки?—спросилъ Шамшинъ, обращаясь къ Вѣрѣ Михайловнѣ.

— Да такъ и не понимаю!—отвѣчала она.

— Однако-жь, вѣдь это очень часто случается,—продолжалъ Шамшинъ.

— Вотъ этому-то я и удивляюсь, — воскликнула она, — до какой степени это часто случается и какъ никого горькій опытъ сей не научитъ уму-разуму въ томъ, чтобы всегда быть осторожнѣе съ людьми и не класть имъ пальца въ ротъ.

— Ну, а если, напримѣръ, вы влюбитесь въ человѣка, который будетъ повидимому къ вамъ весьма расположенъ, и затѣмъ окажется, что онъ нисколько не былъ влюбленъ въ васъ, а только кокетничалъ,—что тогда?—спросилъ Шамшинъ.

— А вотъ, видите ли, надо всегда стараться сдѣлать такъ, чтобы въ васъ влюбились сначала, а потомъ уже и самой влюбиться, чтобы не подвергаться такой участи.

— Да какъ же это можно устроить?—засмѣялся Шамшинъ.

— Очень легко: стóитъ только этого захотѣть.

— Ну, а если вы влюбились прежде?

— Такъ что же? — Стóитъ хорошенько пококетничать, вотъ и влюбится тотъ, къ кому это кокетство относится.

— Барышня, барышня!—останавливаясь передъ Вѣрой Михайловной и печально покачивая головой, грустно проговорилъ Шамшинъ,—ничего-то вы не понимаете. Да развѣ можно кокетничать, когда ужь по уши влюбленъ?... Въ томъ-то и бѣда, что кокетничаютъ только тогда, когда еще вы не влюблены, а какъ только влюбился человѣкъ и—конецъ: поглупѣетъ, никакой политики не соблюдаетъ, не понимаетъ ни своихъ выгодъ, ни всей глупости своего поведенія, а глядитъ только, благоговѣетъ, да слушаетъ, что «онъ» или «она» сказала, куда пошла, куда пойдетъ и т. д., и т. д. Вѣдь этимъ-то обыкновенно и дѣло все проигрываютъ.

— Ну, это не всегда такъ бываетъ и я совершенно не понимаю подобнаго поведенія.

— Охъ, берегитесь! Самонадѣянны вы очень,—не наскочите на какую-нибудь кокетку во фракѣ.

— Не безпокойтесь, не наскочу. А ужь если придется наскочить,—ну, такъ ужь, конечно, хорошаго ничего не выйдетъ изъ этого,—серьезно проговорила Вѣра Михайловна.—Какъ вы думаете, Сергѣй Николаевичъ, можетъ со мной это быть?—обратилась она ко мнѣ вдругъ измѣнившимся, бархатнымъ голосомъ, протяжно произнося каждое слово.

— Надѣюсь, что нѣтъ, Вѣра Михайловна, тѣмъ болѣе, что вы говорите, что это ни къ чему хорошему не приведетъ,— отвѣчалъ я.

— А вы... способны попасть на удочку кокетки?—прищурившись и вмѣстѣ съ тѣмъ необыкновенно пристально глядя мнѣ прямо въ глаза, спросила она.

— Думаю, что нѣтъ, по той простой причинѣ, что до сихъ поръ не имѣлъ несчастія встрѣчаться съ такими женщинами, а еслибъ и встрѣтился разъ, то, конечно, все бы сдѣлалъ для того, чтобы не встрѣтиться въ другой разъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, а съ кокеткой, какъ я, можете встрѣчаться?—съ хохотомъ спросила она, подходя ко мнѣ и сама взявъ меня подъ руку.—Пойдемте чай пить!—прибавила она, увлекая меня по направленію къ двери.

— Погодите,—вдругъ остановившись у окна, на которомъ стояли цвѣтущія примули, проговорила она, срывая крупный розовый цвѣтокъ.—Вотъ вамъ орденъ въ воспоминаніе сегодняшняго разговора!—вдѣвая его въ петлицу моего сюртука и въ то же время глядя мнѣ въ глаза, тихо проговорила она.

— Merci!—крѣпко пожавъ ея руку и стараясь скрыть волненіе, отвѣчалъ я и вслѣдъ за ней направился въ столовую.

Подобные разговоры случались нерѣдко и съ каждымъ днемъ волновали меня все болѣе и болѣе. Я сталъ ходить къ Шепелевымъ все чаще и чаще, рѣшался являться даже одинъ, безъ Шамшина, и, наконецъ, видѣть ихъ сдѣлалось такою потребностью, что я забѣгалъ къ нимъ каждый день, иногда по два раза въ день.

Часто мы по цѣлымъ вечерамъ просиживали вдвоемъ съ Вѣрой Михайловной, въ то время, какъ мать ея, по своему обыкновенію, дремала за какимъ-нибудь французскимъ романомъ въ отдаленномъ уголкѣ и нерѣдко даже просто засыпала надъ нимъ. Вѣра Михайловна видимо интересовалась мной и подъ-часъ даже мнѣ казалось, что въ отношеніяхъ ея ко мнѣ было нѣчто болѣе простаго интереса. Что же касается до моихъ отношеній къ ней, то я самъ еще ничего не могъ понять, кромѣ того, что не въ состояніи былъ прожить одного дня безъ того, чтобы не видѣть ея, не слыхать ея голоса. Я не отдавалъ себѣ отчета въ своихъ чувствахъ, не старался вдумываться въ нихъ и сознавалъ только, что я счастливъ какою-то свѣжею, молодою, впервые испытываемою мною, радостью.

Два мѣсяца спустя послѣ начала нашего знакомства, въ одинъ холодный зимній вечеръ лежалъ я на своей кровати въ очень грустномъ расположеніи духа, такъ какъ въ этотъ вечеръ Шепелевыхъ не было дома,—слѣдовательно, нельзя было пойти къ нимъ. Между тѣмъ проводить у нихъ вечера до такой степени вошло въ мою привычку, что я считалъ несправедливостью судьбы то, когда лишенъ былъ возможности попасть къ нимъ. Книга лежала открытою передо мной, но я не читалъ, а вмѣсто того машинально считалъ большія буквы послѣ точекъ, соображая въ то же время, что̀ могло въ эту минуту происходить у Шепелевыхъ, какъ вдругъ на лѣстницѣ послышались поспѣшные шаги и затѣмъ, какъ вихрь, влетѣлъ запыхавшійся Шамшинъ.

— Скорѣй, братъ, одѣвайся!—едва переводя духъ и отряхивая съ боброваго воротника снѣжинки, торопливо проговорилъ онъ.

— Куда это?—нехотя спросилъ я, не вставая съ постели.

— Скорѣй, въ оперу, въ театръ, братецъ!—горячился Шамшинъ.

— Это что еще за новости? Я три года въ театрѣ не былъ. Не пойду!—флегматически отвѣчалъ я.

— Ну, чортъ съ тобой, не ходи,—равнодушно отвѣчалъ Шамшинъ, повертываясь къ двери.—А меня Шепелевы просили непремѣнно привести тебя. Скажу: не хочетъ, книжку, молъ, читаетъ,—добавилъ онъ, отворивъ дверь и лукаво глядя на меня.

— Шамшинъ, постой, постой!—закричалъ я, вскакивая съ постели и хватая его за плечи.—Какъ Шепелевы? Да развѣ онѣ въ театрѣ?

— Ахъ, дура-дурочка,—покачивая головой, сказалъ онъ,—да развѣ сталъ бы я тебя звать въ театръ, еслибы не къ нимъ въ ложу? Вѣдь я вижу, что ты совсѣмъ никуда не годишься и «свѣтъ тебѣ безъ Вѣрочки постылъ»,—пропѣлъ онъ.

— Откуда ты взялъ?—краснѣя и отворачиваясь, возразилъ я.

— Ну, ужь откуда бы ни было... А дѣло теперь не въ томъ. Живѣй, голубчикъ,—вѣдь скоро начало, не пропустить бы увертюры. Вѣдь что идетъ-то, братъ!—Фаустъ... Фаустъ съ Нильсонъ! Понимаешь ли ты это?—тряся меня за плечи, восклицалъ онъ.—Да гдѣ тебѣ понять,—ты ничего теперь не понимаешь, въ состояніи невмѣняемости находишься. Страждешь недугомъ, именуемымъ фебрисъ влюбленисъ! Имѣешь въ мозгахъ, въ сердцѣ и въ душонкѣ единую отъ единыхъ—Вѣ-роч-ку!

— Полно городить чепуху!—разсердился я, надѣвая одновременно пальто и галоши и роняя шапку съ головы.—Пойдемъ скорѣе!

— Пойдемъ, фебрисъ, пойдемъ,—плачевнымъ голосомъ пропищалъ Шамшинъ, нахлобучивая мнѣ шапку до бровей, между тѣмъ какъ я уже сбѣгалъ по лѣстницѣ.

Сѣвъ въ дожидавшіяся Шамшина сани, мы мигомъ долетѣли до театра и вошли въ ярко освѣщенный подъѣздъ. Пройдя нѣсколько корридоровъ и отдавъ капельдинеру свои пальто, мы, наконецъ, поднялись еще выше и остановились около одной изъ ложъ.

— Вотъ, братъ, ихъ ложа, — шепотомъ проговорилъ Шамшинъ, ухвативъ между ладонью и кончиками пальцевъ бѣлыя какъ снѣгъ манжетки и вытягивая ихъ изъ рукавовъ фрака.— Отворяй, голубчикъ!

Я отворилъ дверь и мы вошли.

Первое, что представилось моимъ взорамъ, была толстая, сѣрая шелковая спина Настасьи Александровны Шепелевой и рядомъ съ ней тонкая и стройная фигура Вѣры Михайловны въ зеленоватомъ, цвѣта морской воды, полупрозрачномъ платьѣ. При нашемъ появленіи Настасья Михайловна медленно отняла отъ глазъ бинокль и, поворачиваясь всѣмъ туловищемъ, оглянулась назадъ.

Вѣра же Михайловна, тоже смотрѣвшая въ бинокль, не отняла его,—напротивъ, ближе поднесла къ глазамъ и нѣсколько нагнувшись, казалось, кого-то пристально разглядывала, между тѣмъ какъ румянецъ все ярче и ярче покрывалъ виднѣвшуюся сбоку ея лѣвую щеку и маленькое изящное ушко.

— Здравствуйте,—медленно проговорила Настасья Александровна, черезъ спинку стула протягивая намъ свою, защемленную въ бѣлую перчатку, руку.—Очень рада, что вы пришли, а то мы съ Вѣрочкой однѣ-то проскучали бы. Вѣра, vous ne voyez pas?—обратилась она къ дочери.

Вѣра Михайловна оглянулась съ удивленіемъ.

— Ахъ, это вы!—небрежно проговорила она.

— Здравствуйте.

— Вѣра Михайловна, — церемонно произнесъ Шамшинъ, — позвольте мнѣ представить вамъ моего друга.

— Какого?—удивилась она.

— А вотъ,—взявъ меня подъ руку, сказалъ онъ, дѣлая шагъ впередъ,—этого самаго, не хотѣвшаго ѣхать на Фауста.

— Какія ты нелѣпости говоришь!—разсерженно проговорилъ я, выдергивая у него свою руку.

— Какъ, вы не хотѣли?—слегка наморщивъ свои тонкія, длинныя брови, проговорила Вѣра Михайловна, усердно выбирая изъ коробочки шоколатныя конфекты, между тѣмъ какъ поблѣднѣвшія-было щеки ея снова начали покрываться легкою краской.

— Не хотѣлъ!—съ грустною миной отвѣчалъ неугомонный Шамшинъ.

— Почему же?—спросила Вѣра. Она подняла свои зеленоватые глаза и съ усмѣшкой, пристально, глядѣла на меня.

— По той причинѣ, что ужь три года не былъ въ оперѣ. Не правда ли, причина важная?—опять началъ Шамшинъ.

— И все-таки рѣшились пріѣхать?

— Что за вопросъ, Вѣра Михайловна?—отвѣчалъ я.—Я очень радъ, что могу услышать Фауста, и очень вамъ благодаренъ за приглашеніе.

— А главное, ты радъ тому, что увидишь и услышишь Нильсонъ, къ которой ты несовсѣмъ равнодушенъ,—отчетливо проговорилъ Шамшинъ, дѣлая мнѣ знаки за спиной Вѣры.—Поддержи, братъ, возбуди ревность-то, это вѣдь помогаетъ!—прошепталъ онъ мнѣ на ухо, между тѣмъ какъ Вѣра еще ниже нагнулась надъ коробкой конфектъ.

Въ это время въ оркестрѣ раздались первые аккорды увертюры. Вѣра Михайловна вдругъ тонко улыбнулась, сощурила глаза, потомъ усѣлась поудобнѣе и, обернувшись къ намъ, серьезно проговорила:

— Садитесь и, смотрите, не болтать въ продолженіе актовъ!

— Слушаю-съ!—плачевно проговорилъ Шамшинъ.—Садись, Стрѣльцовъ,—обратился онъ ко мнѣ слезливымъ тономъ,—а если, братъ, заплàчу, одолжи платочекъ.

— Замолчи!—сердито отвѣчалъ я, усаживаясь позади Вѣры Михайловны, между тѣмъ какъ Шамшинъ, на цыпочкахъ пробравшись между нами, подсѣлъ къ Настасьѣ Александровнѣ и, шепотомъ что-то повѣствуя ей, уткнулся своими близорукими глазами въ коробку съ конфектами.

Три года не былъ я въ театрѣ, вслѣдствіе чего вся эта обстановка, музыка, сильное газовое освѣщеніе, безчисленное мно-

жество нарядныхъ дамъ, удушливый воздухъ и запахъ всевозможныхъ духовъ, несшійся съ разныхъ сторонъ, производили на меня крайне странное впечатлѣніе.

Въ продолженіе увертюры я, не сводя глазъ, смотрѣлъ на неподвижно сидѣвшую передо мной Вѣру Михайловну. Мнѣ была видна только часть ея щеки съ розоватымъ ухомъ и тонкая, бѣлая шейка съ крутыми, короткими завитками на затылкѣ, путавшимися съ двумя длинными косами. Волосы у ней были необыкновенно длинны, густы и мягки и она, видимо гордясь ими, никогда не носила ихъ иначе, какъ заплетя въ двѣ косы. Я пристально смотрѣлъ на ея бѣлокурую головку, между тѣмъ какъ мучительное чувство сжимало мнѣ грудь. Чувство это было безпричинно, болѣзненно и увеличивалось съ каждою минутой. Мало-по-малу я пересталъ ясно сознавать, гдѣ находился, что было вокругъ, а видѣлъ только тонкую шею съ крутыми завитками и чувствовалъ, что мнѣ какъ камнемъ давило грудь. Сердце начинало биться все сильнѣе, мучительное чувство росло, какъ вдругъ оркестръ замолкъ и я внезапно почувствовалъ, точно меня вывели на свѣжій воздухъ. Не слушая, я слышалъ музыку и она-то, съ непривычки, приводила меня въ мучительно-болѣзненное состояніе, усиливавшееся еще вслѣдствіе волненія, въ которое повергало меня присутствіе Вѣры Михайловны.

Опера шла какъ нельзя лучше, составъ труппы былъ изъ самыхъ удачныхъ, пѣвцы были въ ударѣ, вслѣдствіе чего антракты сплошь проходили въ бурныхъ вызовахъ и оваціяхъ.

При послѣднихъ звукахъ оркестра весь театръ точно проснулся: зашумѣли стулья, зашуршали платья и всѣ разомъ задвигались. Я быстро вышелъ изъ ложи и, надѣвъ пальто, возвратился назадъ. Дамы уже стояли въ шубахъ. Вѣра Михайловна своими узкими, въ длинныхъ перчаткахъ, руками беззвучно хлопала раскланивавшимся артистамъ, слегка кивая имъ головой. Затѣмъ, быстрымъ движеніемъ нагнувшись влѣво и взявъ въ руку длинный, съ безконечными оборочками, шлейфъ, мелкими шагами вышла изъ ложи. На порогѣ ей встрѣтился Шамшинъ. Онъ прямо подошелъ къ Настасьѣ Александровнѣ и предложилъ ей руку, многозначительно взглянувъ сначала на меня, потомъ на локоть Вѣры Михайловны. Понявъ выразительный взглядъ друга, я подошелъ къ ней и насколько могъ развязнѣе сказалъ:

— Если вамъ удобнѣе идти подъ руку, то я къ вашимъ услугамъ, Вѣра Михайловна.

— Merci, конечно!—сконфуженно проговорила она.

Я подалъ ей руку и, пропустивъ впередъ Настасью Александровну съ Шамшинымъ, послѣдовалъ за ними.

Мы молча дошли до поворота небольшой лѣстницы, какъ вдругъ Вѣра Михайловна остановилась.

— Ахъ, что я сдѣлала!—воскликнула она страннымъ, взволнованнымъ голосомъ,—вѣеръ въ ложѣ забыла!... Будьте любезны, Сергѣй Николаевичъ, сходите за нимъ, а я васъ подожду здѣсь,—прибавила она, не глядя на меня.

— Allez toujours, maman!—громко сказала она остановившейся было у лѣстницы Настасьѣ Александровнѣ, совершенно лежавшей на рукѣ Шамшина,—мы васъ сейчасъ догонимъ.

— Trés bien, ma chère, догоняйте, мы едва плетемся,—послышался удалявшійся голосъ полусонной maman.

Я, между тѣмъ, бѣгомъ пустился за вѣеромъ. Войдя въ ложу, я осмотрѣлъ все—стулья, барьеръ, тщательно оглядѣлъ полъ и, не найдя никакого признака вѣера, побѣжалъ назадъ къ Вѣрѣ Михайловнѣ. Она сошла нѣсколько ступенекъ и стояла, низко опустивъ голову и плотно запахнувшись въ своей черной бархатной ротондѣ.

— Вѣра Михайловна, я не нашелъ вашего вѣера!—сказалъ я, ступивъ на первую ступеньку лѣстницы.

Она молча высунула обнаженную до локтя руку, въ которой держала тотъ самый вѣеръ.

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Сергѣй Николаевичъ, я васъ люблю! Я васъ очень, ужасно люблю! Понимаете вы это?—лихорадочно, поспѣшно проговорила она, все болѣе блѣднѣя, и, поднявъ кверху свою свѣтлую головку, съ умоляющимъ видомъ, взволнованно смотрѣла на меня.

— Вѣра Михайловна!—воскликнулъ я, порывисто схвативъ ея руку и судорожно сжимая въ своей, между тѣмъ какъ кровь сильно застучала въ вискахъ, а сердце крѣпко и тяжело колотилось въ груди.

Неожиданность ея признанія до того ошеломила и взволновала меня, что я, ничего не понимая хорошенько, прислонился къ стѣнѣ, не выпуская ея руки, и закрылъ глаза.

— Сергѣй Николаевичъ, вамъ дурно?—испуганно проговорила она. Я раскрылъ глаза и видъ ея блѣднаго, испуганнаго лица мгновенно отрезвилъ меня.

— Ничего, это такъ.... пройдетъ,—какъ можно спокойнѣе проговорилъ я, подавая ей руку. На лѣстницѣ между тѣмъ показалась цѣлая толпа укутанныхъ дѣвицъ и дамъ, спускавшихся съ верхнихъ ярусовъ.—Пойдемте!

— Возьмите вѣеръ, вѣдь вы его въ ложѣ нашли!—стараясь улыбнуться, сказала Вѣра, тогда какъ блѣдныя губы съ трудомъ слушались ея.

Я взялъ вѣеръ и мы, молча спустившись съ лѣстницы, присоединились къ ожидавшей насъ у дверей фойэ Настасьѣ Александровнѣ съ Шамшинымъ. При нашемъ приближеніи, они снова пустились въ путь и мы всѣ вмѣстѣ, молча, дошли до опустѣвшаго уже подъѣзда.

Шамшинъ отправился за каретой, а Вѣра Михайловна стала къ стѣнѣ и, прислонившись головой къ косяку, закрыла глаза. Она была необыкновенно блѣдна. Я съ безпокойствомъ смотрѣлъ на нее, ожидая и желая хоть малѣйшаго движенія, но она продолжала стоять совершенно неподвижно. Наконецъ, я рѣшился подойти и тихо спросить:

— Вѣра Михайловна, вамъ, кажется, не хорошо,—вы бы сѣли.

При звукѣ моего голоса она вздрогнула и широко раскрыла глаза.

— Мнѣ?... Нѣтъ, мнѣ хорошо, я не устала,—съ улыбкой проговорила она, протягивая руку за вѣеромъ, который я все еще держалъ. Я подалъ вѣеръ, взглянулъ на нее и тоже улыбнулся, самъ не понимая хорошенько того, что со мной происходило.

Такимъ образомъ молча простояли мы, пока не раздался громкій голосъ Шамшина.

— Карета готова, скорѣе!—громко воскликнулъ онъ.

Придерживая дверцу кареты одною рукой, я подалъ другую Вѣрѣ Михайловнѣ. Она подбѣжала къ экипажу, ступила одной ногой на подножку и поспѣшно нагнулась за шлейфомъ.

— Приходите завтра непремѣнно!—прошептала она и, быстро вскочивъ въ карету, откинулась въ уголъ и пропала въ темнотѣ.

— До свиданья, господа!—соннымъ голосомъ проговорила Настасья Александровна, въ то время какъ я, сильно размахнувъ дверцей, крѣпко защелкнулъ ее и отскочилъ отъ кареты.

— Пошелъ!—мрачно крикнулъ Шамшинъ, махнувъ на лошадей.

Прозябшая пара сильно рванулась съ мѣста, карета затрещала по обледенѣвшимъ камнямъ и быстро скрылась за угломъ.

Я оглянулся на Шамшина, который сосредоточенно закуривалъ папиросу.

— Пойдемъ!—весело воскликнулъ я.

Шамшинъ молча поднялъ воротникъ, засунулъ руки въ карманы и быстро зашагалъ по хрустѣвшему снѣгу. Никогда я не забуду этой морозной, необыкновенно тихой, звѣздной ночи.

Мы поспѣшно перебѣгали улицу за улицей, перегоняя изрѣдка попадавшихся намъ пѣшеходовъ и нерѣдко натыкаясь на нихъ. Шамшинъ совершенно ушелъ въ свой бобровый воротникъ, молча пуская густые клубочки дыма. Я же, напротивъ, вдохнувъ въ себя морознаго, свѣжаго воздуха, опустилъ поднятый было воротникъ, выворотилъ его какъ можно ниже, высунулъ всю шею и, поглядывая то на звѣзды, то на фонари, чувствовалъ какую-то необычайную легкость, бодрость и доброту. Мнѣ въ эту минуту казалось, что я и стройнѣе, и тоньше, и выше обыкновеннаго, а главное легче, — до того легче, что, казалось, я не шелъ, а меня что-то влекло по какому-то невѣдомому теченію, и это такъ было весело, что мнѣ постоянно хотѣлось смѣяться. Но я не смѣялся, а только изрѣдка улыбался, искоса поглядывая на Шамшина.

— И куда ты такъ несешься?—вдругъ сердито воскликнулъ онъ,—точно на пожаръ деретъ.

— Извини, братъ, не замѣтилъ,—отвѣчалъ я, умѣряя шаги.

— Не замѣтилъ!... Точно на крыльяхъ несется, а самъ не замѣчаетъ,—насмѣшливо продолжалъ онъ.

Я промолчалъ и, странное дѣло, въ эту минуту мнѣ стало еще веселѣе.

— Стрѣльцовъ!—серьезнымъ тономъ проговорилъ Шамшинъ.

— Что?

— А вѣдь пресчастливое ты созданіе!

— Почему это?

— И странная вещь: люблю вѣдь я тебя, кажется, желаю тебѣ всѣхъ благъ земныхъ и устроиваю тебѣ всякіе tête-a-tête'ы, а вотъ какъ пришло дѣло къ развязкѣ, — ну... противенъ ты мнѣ, золъ я на тебя, Богъ знаетъ, какъ золъ!

— Да кто тебѣ сказалъ, что дѣло дошло до развязки?— попытался было я соврать.

— Полно, братъ, этого отъ меня не скроешь,—все вижу!... И что тебѣ везетъ — вижу, и терпѣть тебя не могу за это!

При такомъ откровенномъ признаніи я невольно громко расхохотался.

— Да за что это?... Не умѣю, что ли, вести себя?

— Какое! Напротивъ, лучше не надо. А непріятенъ ты мнѣ да и только.

— Ничего, голубчикъ, авось это пройдетъ,—отвѣчалъ я.

— Да вотъ и теперь, признаться, ужь полегче стало, какъ я тебя выбранилъ немного.

— Ну, и слава Богу!

— А знаешь, братъ, — глубокомысленно прибавилъ Шамшинъ,—гадость-то какая: вѣдь я должно-быть это тебѣ завидую....

— Да неужели?

— И что еще досаднѣе, такъ это то, что вѣдь я прекрасно зналъ, что у васъ сегодня что-нибудь рѣшительное произойдетъ.

— Почему же ты могъ это знать? Неужели она тебѣ говорила что-нибудь?—съ волненіемъ спросилъ я.

— Ну, вотъ, выдумалъ, она мнѣ говорить станетъ... Вѣдь тоже скажетъ!

— Такъ почему же ты зналъ?

— Почему зналъ?... А потому, что этотъ проклятый Фаустъ всегда такъ дѣйствуетъ. Ужь не въ первый разъ вѣдь это: поѣдутъ двое влюбленныхъ въ Фауста,—ну, и кончено, въ тотъ же вечеръ и объяснятся!

— Ну, а на невлюбленныхъ, какъ ты, напримѣръ, какое же вліяніе имѣетъ Фаустъ?—спросилъ я, улыбаясь.

— На такихъ, какъ я?—Прескверное, братецъ, нреотвратительное!—вздохнувъ, печально проговорилъ Шамшинъ.

— Да какое же именно?

— Да вотъ какое: съ начала вечера слушаешь, потомъ начинаешь вздыхать,—глупо, понимаешь, преглупо и преглубоко вздыхать,—а къ концу вечера такъ станетъ грустно, а главное—такъ самого себя жаль, бѣда просто!... И вѣдь замѣть, что и жалѣть-то нѣтъ причинъ, а между тѣмъ такъ жаль, что, кажется, скажи кто-нибудь въ эту минуту: «Бѣдный, этотъ Шамшинъ!»—и разревешься, чортъ знаетъ, какъ разревешься!

— Ну, и что же, долго это продолжается?

— Какое долго! Пробѣжишься вотъ по такому морозцу, такъ не то что Фаустъ, а и поважнѣй что-нибудь изъ головы выскочитъ... А знаешь, голубчикъ, вѣдь тебѣ давно пора было повернуть,—ты эдакъ крюку много дашь!

— Не бѣда!—отвѣчалъ я, прощаясь съ нимъ.—Такъ что же, не сердишься?

— Нѣтъ, не сержусь,—ну, тебя! Вѣдь ты, братъ, и счастья-то стоишь, я вѣдь это глубоко сознаю, и, ей-богу, Сережа, славный ты человѣкъ!—внезапно разнѣжничавшись, проговорилъ добродушный малый, похлопывая меня по плечу.

— Спасибо, голубчикъ! Ты самъ не знаешь, какъ мнѣ твои слова дороги! Я такія слова рѣдко слышу....

— Ш-ш-ши!—перебилъ меня Шампинъ.—Бога не гнѣви! Я думаю, ты нынче такихъ словъ наслушался, что мнѣ грѣшному и во снѣ не приснится... Впрочемъ, вру,—слыхалъ и я, и преотличныя, братъ, слова слыхалъ!—оживился онъ.

— Можетъ-быть и еще услышишь.

— Авось Господь приведетъ!—засмѣялся онъ, сильно сжимая мою руку.—Ну, прощай, ступай спи, счастливое ты эдакое....

— Прощай!—отвѣчалъ я и, круто повернувшись на каблукахъ, быстро направился домой.

На другой день, проснувшись рано и быстро одѣвшись, я въ безпокойствѣ началъ шагать по комнатѣ и никакъ не могъ рѣшить, въ какое время мнѣ лучше было идти къ Шепелевымъ. И тянуло къ нимъ, и, вмѣстѣ, страшно было. Мнѣ казалось, что выйдетъ Вѣра Михайловна, тонко сощуритъ прозрачные, зеленоватые глаза и, приподнявъ насмѣшливыя брови, засмѣется своимъ хрустальнымъ смѣхомъ и скажетъ, что вся вчерашняя сцена была шуткой съ ея стороны,—что она желала только знать, настолько ли я глупъ, чтобы повѣрить ея словамъ, и считаю ли ее способной на подобный поступокъ... Наконецъ, я рѣшилъ пойти къ нимъ вечеромъ и сѣлъ за лекціи. Но какъ я ни вертѣлъ ихъ, смысла онѣ не имѣли для меня никакого, и, нетерпѣливо отбросивъ ихъ въ сторону, я снова зашагалъ по комнатѣ. Наконецъ я оглянулся кругомъ. Сумерки начали уже сгущаться и на потолкѣ показалась неизбѣжная узкая полоса отъ уличнаго фонаря. Вспомнивъ, что я ничего еще не ѣлъ, я наскоро пообѣдалъ и отправился бродить по улицамъ, надѣясь, такимъ образомъ, скорѣе убить время до шести часовъ, когда можно было идти къ Шепелевымъ. Изрядно промерзнувъ на рѣзавшемъ лицо вѣтру, я, наконецъ, безъ четверти шесть, рѣшился и позвонилъ у Шепелевыхъ.

— Дома?

— Барыни нѣту, а барышня никакъ дома,—флегматично отвѣчалъ швейцаръ.—Никого не велѣно принимать, окромя иныхъ,—продолжалъ онъ.—Полагать надо, что вы изъ иныхъ,—ухмыльнулся онъ своимъ беззубымъ ртомъ, снимая съ меня пальто.

Въ отвѣтъ на его слова, я сунулъ ему въ руку сколько было у меня мелкихъ денегъ и началъ медленно подниматься по широкой, устланной мягкимъ ковромъ, лѣстницѣ. Сердце мое сильно билось, руки дрожали... Я все старался представить себѣ, что сейчасъ будетъ и что она мнѣ скажетъ. «Если четное число ступенекъ осталось, — внезапно подумалъ я, — то хорошо, а если нечетное—скверно», и, поспѣшно добѣжавъ до послѣдней, я въ волненіи остановился, едва переводя дыханіе. «Четырнадцать! Значитъ—хорошо», подумалъ я и, нѣсколько разъ глубоко вздохнувъ, вошелъ въ залу.

Въ залѣ никого не было. Пройдя на цыпочкахъ во всю ея длину, я подошелъ къ двери гостиной и отодвинулъ портьеру. Но въ ту самую минуту, какъ я переступалъ порогъ, изъ-за портьеры, съ громкимъ крикомъ, выскочила Вѣра Михайловна. Я въ испугѣ попятился назадъ, а она съ хохотомъ протягивала мнѣ обѣ руки.

— Простите, я васъ испугала?—заливаясь смѣхомъ, говорила она.

— Нисколько,—оправившись, спокойно отвѣчалъ я, между тѣмъ какъ страшное предчувствіе оледенило меня.

«Ну, такъ и есть! Весела и шаловлива, какъ всегда,—сейчасъ скажетъ, что тò, вчерашнее, была шутка», промелькнуло у меня въ головѣ, пока я усаживался въ кресло, на которое указала мнѣ Вѣра Михайловна.

Она тоже усѣлась тутъ же у столика и принялась перебирать кусочки разноцвѣтнаго шелка.

— А я васъ цѣлый день ждала. Почему вы утромъ не пришли?—развязно начала она.

Я не отвѣчалъ. Она подняла голову и, быстро посмотрѣвъ на меня, снова низко опустила ее.

— Вѣра Михайловна!—прерывающимся голосомъ началъ я.—Вѣра Михайловна, неужели это была шутка?...

— Чтò была шутка?—съ удивленіемъ спросила она.

— Ваши вчерашнія слова.... неужели это была шутка?—въ волненіи, вставая, произнесъ я.

— Нѣтъ, не шутка, Сергѣй Николаевичъ!—тоже вставая, отвѣчала она.

— Такъ это правда? Вы дѣйствительно, дѣйствительно....

— Да, я васъ люблю, очень, очень люблю!—поднимая свои прозрачные глазки, рѣшительно и какъ-то повелительно отвѣчала она.

Не стану описывать, какъ мы провели этотъ вечеръ,—воспоминанія эти слишкомъ больно отдаются въ моей душѣ, да этого и описать нельзя. Такія вещи только чувствуются.

Н. Коваленская.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ПОДСѢЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО,
или
ЗЕМСТВО СТРОИТЪ ЖЕЛѢЗНУЮ ДОРОГУ.

Часть II.

ГЕРОИ НАШЛИ ГЕРОИНЬ, А ГЕРОИНИ—ГЕРОЕВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Разбитый, съ чуткою душою человѣкъ ораторствуетъ о красотахъ природы и о Христѣ. — Обыкновенный рабочій день полицеймейстера. — Отецъ и дочь ведутъ рѣчь о назначеніи женщины.

I.

На другой день Лукерья, прислуга нумеровъ полковницы Песковой, разбудила Могутова въ семь часовъ, принеся самоваръ и заявивъ, что чрезъ полчаса «чиновнички» проснутся и будутъ кричать всѣ сразу: «самоваръ давай!»—А вы, баринъ, безъ суеты, поранѣе, оперва чиновниковъ.

— Господинъ Переѣхавшій еще не всталъ? спросилъ Могутовъ.

— Спитъ еще. Они опосля всѣхъ встаютъ. Ихъ служба особливая, неформенная.

— Я васъ попрошу сказать мнѣ, когда онъ встанетъ.

— А я, какъ буду несть ему самоваръ, такъ стукну въ вашу дверь,—самоваръ къ нему мимо васъ понесу.

— Я васъ попрошу сперва спросить у г. Переѣхавшаго, могу ли я къ нему зайти, и если онъ скажетъ, что могу, тогда вы и постучитесь.

— Вы если по дѣлу, такъ прямо. У него и дверь не запирается, и наши, да часомъ и посторонніе, прямо идутъ: спитъ, такъ разбудятъ. Они—баринъ простые и на винчели хорошо играютъ.

— Прекрасно. Но вы сдѣлайте, какъ я васъ прошу.

— Сдѣлаю, сдѣлаю. Можно. Они—баринъ простые.

Такъ разговаривалъ Могутовъ съ Лукерьей во время умыванья. Одѣвшись, онъ началъ приводить въ порядокъ свои вещи, которыхъ было, впрочемъ, очень немного. Гораздо больше было съ нимъ книгъ—до сотни, если не болѣе. Большинство книгъ—химическаго и техническаго содержанія, но много было и литературныхъ; послѣднія—совершенно новенькія, въ хорошихъ переплетахъ—были подаркомъ на память, при отъѣздѣ, отъ разныхъ пріятелей, уложившихъ книги въ чемоданъ Могутова и не сказавшихъ ему объ этомъ.

Приводя въ порядокъ вещи и за чаемъ, Могутовъ окончательно рѣшилъ сегодня же попытать счастья въ прінсканіи работы и прежде всего обратиться за указаніемъ оной къ своимъ первымъ знакомымъ—полицеймейстеру и правителю канцеляріи. Къ первому ему нужно явиться и объявить мѣсто жительства, такъ оно и кстати будетъ попросить при этомъ случаѣ оказать свое содѣйствіе, а ко второму—все равно уже подъ рядъ; но потомъ онъ надумалъ, прежде чѣмъ отправляться по начальствующимъ лицамъ, разспросить Переѣхавшаго, что за люди полицеймейстеръ и правитель и какъ лучше къ нимъ приступить. «У каждаго есть свои слабости,—думалъ онъ при этомъ,—и нужно стараться обходить ихъ, не вередить безъ нужды больное мѣсто человѣка, особенно когда являешься просителемъ.... Можетъ-быть у Переѣхавшаго много знакомыхъ? Клялся спасти меня и спеціально утѣшеніемъ душъ здѣшнихъ занимается,—долженъ помочь.... А это было бы хорошо,—начальство утруждать не очень пріятно...»

— Одѣмши!... Дверь не запирайте,—самоваръ приду взять и комнату уберу!—крикнула за дверью Лукерья.

Могутовъ засталъ Переѣхавшаго «одѣмши» въ поношенное суконное черное платье и въ несовсѣмъ чистое бѣлье. Самъ Переѣхавшій днемъ былъ еще болѣе помятъ и некрасивъ. Платье висѣло на немъ какъ на вѣшалкѣ, жиденькая бородка торчала безжизненно, завядши, какъ у мертвеца, угри на вискахъ, у лба, имѣли синій цвѣтъ и только сильно ввалившіеся, маленькіе, темные глаза его порой смотрѣли изъ-подъ выпуклыхъ синихъ очковъ живо и ярко. Онъ, казалось, самъ сознавалъ свою некрасивость и во время разговора—теперь съ Могутовымъ, да и вообще съ людьми—смотрѣлъ или внизъ, или по сторонамъ, и только изрѣдка и на одно мгновеніе вскидывалъ глаза на собесѣдника. Голосъ его, сильно носовой и непріятный, теперь былъ еще не-

пріятнѣе,—въ немъ, кромѣ носоваго тона, ясно слышалась охриплость мало спавшаго послѣ сильной выпивки человѣка.

— Вы извините меня! Вчера я, какъ школьникъ, обрадовался, благо былъ пьянъ, свѣжему человѣку и наболталъ съ три короба о себѣ, а о васъ самихъ почти ничего и не спросилъ,—такими словами встрѣтилъ Переѣхавшій Могутова. Онъ крѣпко, на сколько позволяла сила его тощей руки съ длинными, некрасивой формы пальцами, пожалъ руку гостя и усадилъ его.

— Но вы сегодня отплатите мнѣ тѣмъ же и такъ же откровенно и подробно передадите о себѣ, какъ я вчера наболталъ о своемъ *я*,—сказалъ Переѣхавшій и мелькомъ посмотрѣлъ на Могутова. Показалось ли ему, что Могутовъ, смотрѣвшій на него и невольно припоминавшій вчерашнюю встрѣчу, не довѣряетъ его словамъ или не понимаетъ его желанія вдругъ, послѣ единственной и притомъ пьяной ночи, вступать въ откровенность,—только лицо Переѣхавшаго покрылось непріятными складками, которыя обыкновенно сопутствуютъ смѣху, но которыя, появляясь безъ него, возбуждаютъ или отвращеніе, какъ іезуитская улыбка, или жалость и скорбь, какъ улыбка Квазимодо и Гуинплена,—и онъ, измѣнивъ свой голосъ изъ довѣрчиво-пріятельскаго на серьезный мало-знакомаго, продолжалъ, не ожидая отвѣта Могутова:

— Пьяному, конечно, простительны откровенность и навязчивость, но.... Да развѣ можетъ явиться у кого-либо мысль не довѣрять и бояться такой жалкой фигуры, какъ моя?—Онъ сталъ противъ Могутова и молча простоялъ нѣсколько секундъ, скрестивъ руки à la Наполеонъ, склонивъ голову на бокъ, увеличивъ еще болѣе морщины на лицѣ и глядя въ потолокъ. Знаете ли, какая мнѣ сейчасъ пришла въ голову мысль?—заходивъ по комнатѣ, продолжалъ Переѣхавшій, причемъ складки на его лицѣ смягчились и мягкая улыбка затушевала ихъ рѣзкость.—Базаровъ былъ того мнѣнія, что умная женщина должна быть непремѣнно уродомъ, а я того мнѣнія, что только уродливый мужчина можетъ быть добрымъ, любящимъ,—безъ своекорыстія добрымъ, безъ эгоизма любящимъ.... Мнѣ даже кажется, что большая ошибка изображать Христа съ правильными, красивыми чертами лица. При той всеобъемлющей любви на словахъ и на дѣлѣ, которою проникнутъ былъ Христосъ, Онъ не могъ быть прекраснымъ,—Онъ, по-моему, долженъ быть величественно-некрасивъ.

— Вы не видали Христа на картинахъ Ге и Крамского?— спросилъ немного погодя Переѣхавшій, кинувъ моментальный взглядъ на Могутова и, какъ бы узнавъ по его лицу отвѣтъ, продолжалъ:—Я что-то читалъ, будто у этихъ художниковъ Христосъ подходитъ къ моему представленію о Немъ. И если эти художники рисуютъ Христа такимъ, они правы: Ге и Крамской поняли, что только такой Христосъ можетъ любить міръ, не алча и не жаждя для себя богатства и красоты міра,—любить міръ и не пользоваться любовью міра!...

— Природа такъ прекрасна!—продолжалъ, помолчавъ немного, Переѣхавшій съ замѣтною грустью въ голосѣ.—Такъ ярко на небѣ свѣтятъ звѣзды, такъ нѣженъ свѣтъ луны, такъ музыкально журчаніе ручья, шумъ рѣкъ и ревъ водопадовъ! Такъ нѣжно поетъ соловей въ ночной прохладѣ освѣщенныхъ луною лѣсовъ и рощъ! Такъ весело чирикаютъ жаворонки раннимъ утромъ, когда восходящее солнце, какъ Богъ, бросаетъ съ горизонта пурпурные лучи на міръ, а міръ свѣжо и бодро идетъ къ нему на встрѣчу! Такъ полонъ нѣги отдыхъ въ тѣни деревьевъ въ полдень жаркаго дня, когда вся природа, пораженная величіемъ всплывшаго на средину неба бога-солнца, замерла и только кузнечики трещатъ въ травѣ, да быстрыя ласточки рѣютъ въ воздухѣ!... А какая музыка, когда загремитъ громъ, польется дождь, загремитъ громъ—и молнія, какъ мысль, какъ разумъ, мгновенно освѣтитъ небо и землю! Она то робко блеснетъ тамъ и здѣсь, то, собравшись съ силой, часто засверкаетъ кругомъ и заставляетъ робкое человѣчество вздрагивать, жмурить глаза и осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ... Но гдѣ же ей, уму и разсудку, осилить тьму?... Слабѣетъ молнія, пропадаетъ совсѣмъ, и заволакивается надолго небо сѣрыми, свинцовыми тучами, и моросятъ рѣденькій, плаксивый дождикъ.... Но и осень прекрасна. Вы замѣчали ли, какъ довольно, какъ величественно-спокойно деревья роняютъ свои листья? Какъ красавица, природа снимаетъ свои уборы и безъ нихъ остается хотя менѣе блестяща, но еще болѣе прекрасна,—менѣе сладострастной, но еще болѣе любящей... А бѣлый, ослѣпительный при солнцѣ, мраморный при лунѣ покровъ земли зимою? А мертвый покой, въ безвѣтренный морозъ, въ волшебномъ лѣсу, волшебно-убранномъ снѣгомъ?... И при этомъ такъ мало хлѣба, такъ дорого топливо, такъ трудно-доступны квартиры, такъ раззорительна для здоровья наука, такъ стѣснительна любовь женщины—и царитъ въ мірѣ, подмѣченная Дарвиномъ,

борьба за существованіе, и полонъ человѣкъ, этотъ царь природы, халуйства, эгоизма, мщенія, хитрости, злобы, низости и лжи.... Нѣтъ, нѣтъ, только уродъ можетъ любить міръ, не ненавидя міръ! Только мужественно-некрасивый Христосъ могъ быть Христомъ, Спасителемъ міра!...

Говоря эту длинную рѣчь, Переѣхавшій тихо ходилъ и, доходя до стѣнъ комнаты, опирался на нихъ руками и лѣниво поворачивался. Окончивъ, онъ сѣлъ. Лицо его покрылось пятнами, угри на вискахъ покраснѣли, а чистые и длинные ногти на его неправильныхъ, тощихъ пальцахъ приняли розовый оттѣнокъ, какъ у здороваго человѣка.

— Разскажите, голубчикъ, о себѣ! — сказалъ онъ усталымъ шепотомъ и довѣрчиво положивъ руку на колѣни Могутова.

—«Экій чудакъ!—думалъ Могутовъ, слушая тираду о красотѣ природы и о необходимости Христу быть некрасивымъ.—Изъ-за чего волнуется? «Изъ-за Гекубы споръ, а что ему Гекуба?»— Я хочу спросить у васъ, Викторъ Александровичъ, что за люди полицеймейстеръ и правитель губернской канцеляріи? — сказалъ онъ, когда Переѣхавшій довѣрчиво попросилъ его разсказать о себѣ.—Полицеймейстеру мнѣ нужно сегодня объявить мѣсто квартированія, такъ я хочу попросить его помочь мнѣ найти какую-нибудь работу. Какъ вы думаете, не напрасно ли буду утруждать?... А можетъ вы укажете, къ кому обратиться за работой? Я хорошо черчу, могу составлять смѣты и всякіе планы, разрѣзы домовъ, фабрикъ, машинъ. Кромѣ того, я кончилъ гимназію съ медалью и могу обучать всѣмъ гимназическимъ наукамъ.... Пишу я тоже недурно и скоро,—могу перепиской заняться.

У Переѣхавшаго, когда началъ говорить Могутовъ, складки на лицѣ увеличились и затушевка смѣха, смягчающая ихъ, пропала, а его рука приподнялась съ колѣнъ Могутова и начала нервно дергать жиденькую и тощую бородку своего хозяина. «Какой я дуракъ!—подумалъ онъ при этомъ.—Вообразилъ, что такъ всѣ и должны бросаться ко мнѣ на шею и выставлять на показъ свою душу! Только о — ская дрянь лазитъ, а вотъ петербургскій человѣкъ, умный по виду,—онъ ко мнѣ только по дѣлу, онъ не довѣряетъ мнѣ.... Значитъ я еще не совсѣмъ мертвый человѣкъ,—подумалъ онъ немного погодя. Складки на лицѣ его сгладились, а рука перестала щипать тощую бородку и опять легла на колѣни Могутова.—Онъ спрашиваетъ у меня совѣта,—

думалъ онъ далѣе,—значитъ, признаетъ мой умъ, знаніе людей... Проситъ найти ему работу,—значитъ, думаетъ, что въ городѣ довѣряютъ мнѣ, уважаютъ мою рекомендацію... Я, кажется, черезчуръ мнителенъ и недовѣрчивъ къ себѣ...».

Какъ человѣкъ больной, съ обезсиленной мускульною дѣятельностью, Переѣхавшій имѣлъ чувствительные нервы и безъ устали работавшій мозгъ, работавшій чаще всего надъ самимъ собою. Подъ вліяніемъ самоконтроля и строгаго разбора самыхъ незначительныхъ поступковъ и словъ другихъ лицъ, если только слова и поступки хотя отдаленно касались его, онъ началъ держаться на почтительномъ отдаленіи отъ людей, чуждаться ихъ и то приписывать себѣ странное уродство, совершенную негодность для жизни, то считать себя дивнымъ врачомъ, исцѣляющимъ всевозможныя душевныя болѣзни; но за то все жалкое, забитое, больное, подавленное горемъ и страданіемъ находило въ немъ лучшаго друга, брата, мать, любовницу. Происходило это, конечно, потому, что только «кто боленъ самъ, тотъ горячо и жадно внимаетъ вѣсти о больномъ»,—что только голодный пойметъ голоднаго, что только съ голоднымъ можетъ отрѣшиться голодный отъ эгоистической мысли сравненія, отъ чувства зависти, а слѣдовательно и отъ грусти или злобы. И никогда, быть-можетъ, голодный не бываетъ болѣе счастливъ, моментально, но сильно, какъ когда другой голодный сочтетъ его не за голоднаго, попроситъ у него кусокъ; и никогда, быть-можетъ, Переѣхавшій не былъ такъ счастливъ, какъ когда услышалъ отъ питерскаго радикальнаго,—ибо присланнаго съ конвоемъ,—дѣятеля просьбу оказать ему и помощь, и совѣтъ. Подъ вліяніемъ сильной радости, онъ заговорилъ:

— Это вы хорошо придумали! Сходите. Полицеймейстеръ — недалекій человѣкъ, безъ подкладки опредѣленныхъ убѣжденій, безъ регулирующей мысли въ поступкахъ, но по природѣ не злой и простой. Вы съ нимъ—откровенно и просто. Вы, молъ, сами отецъ, съ вашими дѣтьми можетъ тоже случиться грѣхъ, недоразумѣніе, увлеченіе.... что-нибудь въ этомъ родѣ.... Онъ вамъ помочь можетъ, такъ какъ полиція и вообще начальство у насъ, въ Россіи, имѣетъ громаднѣйшее вліяніе. Стóитъ нашему начальству захотѣть и, увѣряю васъ, русскій народъ будетъ первымъ народомъ въ мірѣ, а не.... Впрочемъ, мы объ этомъ потолкуемъ съ вами въ другой разъ.... [illegible]уховъ самъ кончилъ университетъ, долженъ понять ваше положеніе и, навѣрное, помо-

жетъ. Вы ему на эту тему и начните рѣчь.... Надо вамъ замѣтить, что послѣ манифеста о волѣ у насъ, на Руси, образовалось какое-то недоразумѣніе. Администрація косо смотритъ на помѣщика, помѣщикъ—на администрацію, та и другой смотрятъ на мужика съ злымъ пренебреженіемъ, а на купца—съ завистью; но всѣ — и помѣщикъ, и администрація, и купецъ, и крестьянинъ—готовы обрушиться, разорвать въ куски людей протестующихъ. Есть, конечно, исключенія, но я говорю о большинствѣ. Предъ дѣятелями практическими и предъ наукой и знаніемъ всѣ благоговѣютъ. Кажется, всѣ чувствуютъ себя слабосильными для дѣла въ присущихъ имъ роляхъ и костюмахъ и ждутъ инстинктивно науку къ себѣ на помощь, хоть и ненавидятъ того, кто ихъ, неготовыхъ для дѣла, шевелитъ своею активною дѣятельностью.... Это я вамъ замѣчаю для того, чтобы вы въ разговорахъ съ ними прятали подалѣе ваши цѣли, но какъ можно яснѣе обнаруживали ваше знаніе науки, фактовъ науки, даже выводовъ науки, но не соціальныхъ выводовъ, а выводовъ необходимыхъ для хозяйства индивидуально: для превращенія раззореннаго имѣнія въ доходное, для увеличенія удоя издыхающихъ коровъ, для загребанія большихъ кушей при помощи разнаго рода прожектовъ и т. д. и т. д. На эти удочки вы можете поймать и работу, и покровительство, и деньги; но вы погибли, если обнаружите ваши соціальныя убѣжденія, идущія въ разрѣзъ съ ихъ убѣжденіями. Васъ будутъ слушать, даже будутъ многіе благоговѣть предъ вами, нѣкоторые будутъ слегка спорить, но большинство донесетъ на васъ, перековеркавъ ваши мысли до безобразія, и всѣ, рѣшительно всѣ, будутъ избѣгать имѣть съ вами какое-либо дѣло.... Я не считаю дураковъ дураками: по-моему дуракъ—несчастный человѣкъ, а несчастный человѣкъ—дуракъ, и думаю, что если при этихъ условіяхъ.... Впрочемъ, объ этомъ мы потолкуемъ послѣ.... Самъ лично я ничего не могу обѣщать. Я постараюсь, разспрошу и что можно сдѣлаю.... Но вамъ пора....

Онъ досталъ изъ кармана жилета хорошенькіе, чистенькіе серебряные часы, съ особенною осторожностію открылъ ихъ и посмотрѣлъ на нихъ съ пріятною улыбкой.

— Десятый!... Вамъ какъ разъ пора,—продолжалъ Переѣхавшій.—Полицеймейстеръ, послѣ рапорта у губернатора, пьетъ теперь чай дома. А вы на домъ и отправляйтесь: какъ будто съ визитомъ и желаете съ нимъ познакомиться, какъ съ хоро-

шимъ человѣкомъ и вліятельнымъ гражданиномъ города, а о дѣлѣ — только въ концѣ, къ случаю-де пришлось. И Боже васъ упаси являться съ жалкой физіономіей и съ плаксивыми словами! Какъ можно болѣе самоувѣренности, бойкости и, главное, солидныхъ и умныхъ словъ. Мы люди дѣла, а не слова—девизъ всѣхъ теперь.... Ну, идите съ Богомъ и надѣвайте вашу шубу. Сегодня, впрочемъ, тепло, солнце весеннее, можно и въ пальто, но вы надѣвайте шубу,—это солиднѣе, да и я мелькомъ вчера замѣтилъ, что она у васъ внушительнаго вида....

Могутовъ протянулъ руку, но Переѣхавшій не принялъ ее, заявивъ, что когда онъ надѣнетъ шубу, то пусть зайдетъ къ нему и онъ дастъ ему для удачи визитовъ свою счастливую руку.

— Вотъ еще что,—давая свою счастливую руку и осматривая кругомъ и вдоль Могутова, когда тотъ явился въ шубѣ, продолжалъ Переѣхавшій:—Я забылъ сказать, что уроками, вѣроятно, вамъ не позволятъ заниматься. Мнѣ не позволяли... Не знаю, какъ теперь. Но все-таки вы не настаивайте на урокахъ: ищу, молъ, технической работы, а за неимѣніемъ оной готовъ, пожалуй, и уроки давать.

— Да заразъ ужь и о перепискѣ упомянуть,—сказалъ Могутовъ, пожимая счастливую руку Переѣхавшаго.

Не успѣлъ онъ затворить за собою двери, какъ изъ комнаты Переѣхавшаго понеслись звуки веселаго марша.

— Экій чудакъ! Экій нервный!—сказалъ Могутовъ и двинулся обыкновенною походкой въ путь.

II.

— Дома Филаретъ Пупліевичъ?--спросилъ Могутовъ у женщины, отворившей дверь въ квартирѣ полицеймейстера и одѣтой въ простой деревенскій костюмъ.

— Дома,—отвѣтила женщина и осмотрѣла его съ головы до ногъ.

— Можно видѣть?

— Вотъ туда!—указывая на немного отворенную дверь, сказала женщина и ушла въ другую дверь.

— Кто тамъ?—громко спросилъ полицеймейстеръ, когда Могутовъ снялъ шубу, протеръ очки и потомъ громко «обошелся съ помощію платка».

— Можно васъ видѣть, Филаретъ Пупліевичъ?—спросилъ Могутовъ, подойдя къ двери.

— Войдите,—раздался голосъ полицеймейстера за дверью.

Полицеймейстеръ сидѣлъ у стола, за стаканомъ чая. Онъ не узналъ Могутова и, улыбаясь и нерѣшительно протягивая руку, вопросительно смотрѣлъ на него.

— Могутовъ, вчера пріѣхавшій студентъ! Согласно вашему приказанію явился къ вамъ.

— А.... было не узналъ.... Улыбка исчезла съ лица полицеймейстера и онъ пристально и серьезно посмотрѣлъ на Могутова.—«Вчера чортомъ какимъ-то выглядывалъ, а сегодня ничего особеннаго»,—подумалъ онъ далѣе и, обратясь къ стоявшему у дверей въ полицейской формѣ мужчинѣ, сказалъ: — Такъ сдѣлайте, какъ я сказалъ.

— Больше ничего?—спросилъ тотъ.

— Пока только!—отвѣтилъ полицеймейстеръ.

Полицейскій чиновникъ вышелъ.

— Гдѣ же вы остановились? — спросилъ полицеймейстеръ, вторично оглядывая Могутова.

— Въ нумерахъ полковницы Песковой.

— Хорошо.... Тамъ недорогіе нумера, но, кажется, грязновато,—тихо и какъ бы самому себѣ сказалъ полицеймейстеръ.— Вы должны будете являться ко мнѣ каждую субботу въ это время.

— Хорошо,—стоя и смотря на полицеймейстера, отвѣчалъ Могутовъ.

— За что васъ сюда прислали?—немного погодя, спросилъ полицеймейстеръ и при этомъ сильно зѣвнулъ.

— Институтъ посылаетъ студентовъ четвертаго курса на практику, на заводы. Одинъ изъ моихъ товарищей посланъ былъ на пивоваренный заводъ. Онъ былъ человѣкъ тихій, серьезный, трудящійся, но одинъ изъ мастеровъ завода, ополяченный нѣмецъ, оклеветалъ его предъ директоромъ завода, а директоръ завода сообщилъ клевету институтскому начальству. Конференція института, не разобравъ дѣла и не спросивъ оклеветаннаго товарища, исключила его. Ему оставалось три мѣсяца до окончанія курса, мы знали его въ продолженіе четырехъ лѣтъ и рѣшительно ничего дурнаго не замѣтили за нимъ,—мы и заступились за него, просили отмѣнить наказаніе; но четверыхъ изъ насъ, въ томъ числѣ и меня, исключили и выслали изъ Петербурга.

— «Глазами не моргаетъ, стоитъ ровно, говоритъ не шибко и не путаясь,—какъ будто не вретъ»,—думалъ полицеймейстеръ, слушая разсказъ Могутова.—Сядьте!—сказалъ онъ громко.—«А можетъ ловко вретъ, напрактиковался?—думалъ онъ потомъ.—Зачѣмъ я его усадилъ? Впрочемъ, такъ-то лучше: надо его разнѣжить. Разнѣженный—все равно, что пьяный, какъ ни хитритъ, а непремѣнно проврется....» Не хотите ли папироску?—указывая на ящикъ съ папиросами и улыбнувшись самымъ добродушнымъ образомъ, сказалъ онъ громко.

Могутовъ поклонился, сѣлъ, взялъ папироску и, закуривая ее, закашлялся.

— Я еще не умѣю курить,—какъ бы извиняясь за неловкость, сказалъ онъ.—Въ дорогѣ жандармъ научилъ.

— Ранѣе не сдѣлали привычки? Похвально. Теперь гимназисты курятъ!—съ укоромъ гимназистамъ сказалъ полицеймейстеръ.—«Что ты Лазаря корчишь?—думалъ онъ потомъ.—Къ хорошему табаку не привыкъ, такъ и закашлялся.... Кажись, не вретъ,—бросивъ пытливый взглядъ на Могутова, продолжалъ думать онъ:—куритъ какъ новичокъ.... А можетъ ловко притворяется?»—Что тамъ еще за исторія случилась?—громко и экспромтомъ спросилъ полицеймейстеръ.

— Въ пересыльной тюрьмѣ меня навѣщали товарищи, такъ они передавали, что почти всѣ студенты института хотѣли за насъ заступиться, была сходка, крупно разговаривали съ директоромъ. Кончилось очень грустно: еще исключили восемь человѣкъ, а остальныхъ раздѣлили на группы и предупредили, что если опять будетъ сходка, то исключатъ первую группу.

— Больше ничего?—спросилъ полицеймейстеръ послѣ долгаго молчанія, во время котораго онъ рѣшалъ: вретъ или нѣтъ Могутовъ, и рѣшилъ, что, кажется, не вретъ.

— Больше я ничего не знаю,—отвѣтилъ Могутовъ.

— А въ женскомъ институтѣ при васъ произошла исторія?

— Я ничего не знаю!?—вопросительно отвѣчалъ Могутовъ.—«Неужели и эти кисейныя барышни, умѣющія только обожать красивыя рожицы, да кушать сургучъ и мѣлъ, вступились за правое дѣло? Вѣдь это седьмое чудо!»—думалъ онъ при этомъ.

— У васъ сестра, кажется, есть въ институтѣ? Моя... дочь писала, что ея лучшая подруга имѣетъ фамилію Могутова.—Полицеймейстеръ спросилъ о сестрѣ экспромтомъ, не думая; по привычкѣ не довѣрять долго своему впечатлѣнію, сорвался у

него вопросъ и поясненіе къ нему.—«Какъ ловко придумалъ! А у меня не то что дочери, а ни одной собаки знакомой нѣтъ во всемъ Петербургѣ!»

— У меня нѣтъ въ Петербургѣ родственниковъ,—отвѣтилъ Могутовъ.—«Ты—не родственница, ты—другъ, любовница; по чувствамъ братья мы съ тобой!»—подумалъ онъ потомъ.

Полицеймейстеръ въ это время надумалъ окончательно, что Могутовъ не вретъ, что исторія съ институтками или чистая брехня, или въ ней онъ не участвовалъ и про нее ничего не знаетъ.— «Какъ ни молодъ и какъ ни глупъ, а все, зная, что у меня есть дочь въ Петербургѣ и что она могла подробно описать мнѣ всю исторію,—не сталъ бы отпираться, еслибы была правда. Выгородилъ бы себя, прикинулся бы святымъ да божьимъ, а объ исторіи бы упомянулъ».

— А въ С—нскѣ у васъ есть родные?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Меня хотѣли отправить въ С — вскую губернію, гдѣ я окончилъ гимназію, но я просилъ послать меня сюда.

— А почему вамъ захотѣлось сюда? Вѣдь тамъ у васъ и родня, и знакомые есть, а здѣсь — какъ въ лѣсу?

— Родныхъ у меня и тамъ нѣтъ. Мать съ сестрами живетъ въ Ч—ской губерніи, у дяди. Знакомыхъ—тоже тамъ немного. Мнѣ не хотѣлось своимъ некрасивымъ пріѣздомъ мозолить глаза бывшимъ учителямъ и товарищамъ, да и работу техническую тамъ трудно найти, — степь....

— Стыдно? Положеніе некрасивое? Совѣстно?... А кто же вамъ велѣлъ мѣшаться не въ свои дѣла? Учились бы, кончали науки—и съ пользою для общества и государства, и счастливо для самихъ себя провели бы жизнь... Намъ ученыхъ нужно,—мы бѣдны учеными!... Такъ нѣтъ, мѣшаются не въ свои дѣла, собираютъ сходки, попадаютъ подъ надзоръ!... А потомъ некрасиво, стыдно на людей смотрѣть, пропадаютъ даромъ силы.... Жаль, жаль!... И вамъ оставалось только три мѣсяца до окончанія курса?— спросилъ полицеймейстеръ, и спросилъ съ замѣтнымъ сожалѣніемъ.

— Да, только три мѣсяца.

— Вы и въ Ч—скую губернію не просились, чтобы не мозолить глаза роднымъ? — спросилъ полицеймейстеръ, ласково улыбаясь.

— Да.

— Такъ, такъ. Стыдно!... Да и каково родителямъ видѣть, можетъ-быть, самаго любимаго сына, да и вообще сына, присланнаго съ жандармомъ! Я самъ отецъ,—понимаю.... Стыдно, совѣстно!... Ну, а что же вы будете дѣлать у насъ? У васъ есть средства? Ваши родные могутъ помогать вамъ?

— Нѣтъ. У дяди есть средства, но на его счетъ живутъ мать и сестры. У меня есть около трехъ сотъ рублей. Я хотѣлъ попросить васъ, Филаретъ Пупліевичъ, помочь мнѣ найти работу. Я принесъ показать вамъ мой гимназическій аттестатъ,—я съ медалью кончилъ гимназію,—и свидѣтельство института, въ которомъ прописано, какъ я занимался, чему учился и что исключенъ не за лѣность,—подавая бумаги, сказалъ Могутовъ.

Полицеймейстеръ взялъ бумаги. Онъ внимательно прочелъ гимназическій аттестатъ, въ которомъ сказано было, что Гордѣй Могутовъ, сынъ титулярнаго совѣтника, изъ дворянъ, окончилъ полный гимназическій курсъ, имѣя отъ роду восемнадцать лѣтъ, и на выпускномъ экзаменѣ оказалъ слѣдующіе успѣхи въ наукахъ (шелъ длинный столбецъ гимназическихъ наукъ и противъ нихъ прописано было: отлично и очень хорошо). Затѣмъ въ аттестатѣ говорилось, что Гордѣй Могутовъ, какъ лучшій по успѣхамъ и поведенію, награжденъ золотою медалью и можетъ безъ экзамена поступить въ университетъ. Въ свидѣтельствѣ института полицеймейстеръ прочелъ, что стипендіатъ 4-го курса, Гордѣй Могутовъ, исключенъ на основаніи § 28 и что оный, Могутовъ, въ первыхъ трехъ курсахъ изучалъ такіе-то (перечисленіе ихъ) предметы и съ такими-то успѣхами (отличные и очень хорошіе), а на четвертомъ курсѣ слушалъ такіе-то предметы (перечисленіе ихъ). Въ мастерскихъ, лабораторіи и чертежныхъ классахъ занимался отлично. Всѣ документы его, Могутова, выданы ему на руки, говорилось въ заключеніе институтскаго свидѣтельства. Эти документы полицеймейстеръ не сталъ читать, но перелистовалъ ихъ, подержалъ, свернулъ и, подавая ихъ обратно владѣльцу, спросилъ:

— Какую работу вы можете дѣлать?

— Могу составлять чертежи построекъ заводскихъ и вообще жилыхъ; могу быть техникомъ на фабрикахъ; могу давать уроки по предметамъ гимназическаго курса и могу перепиской заняться.

— Хорошо. Я постараюсь пріискать. Понавѣдайтесь чрезъ день, два.... или подождите до субботы,—сказалъ полицеймей-

стеръ и даже подумалъ сейчасъ же, гдѣ бы найти для него подходящую работу.

— Я думалъ обратиться съ этою же просьбой къ Петру Ивановичу Кожухову. Какъ вы посовѣтуете, Филаретъ Пупліевичъ?

— Сходите, сходите. Это—прекраснѣйшій и умнѣйшій человѣкъ! Сходите.

— Извините, что обезпокоилъ васъ,—вставая, сказалъ Могутовъ.

— Вотъ что вы сдѣлайте. Я имѣю тутъ подъ городомъ имѣньице небольшое, хочу построить тамъ домишко. Попробуйте сдѣлать мнѣ рисуночекъ дома. Если сдѣлаете хорошо и не дорого, я вамъ заплачу. Вы не дорого запросите?—улыбаясь спросилъ полицеймейстеръ.

— Въ Петербургѣ за рисунокъ въ большой листъ ватманской бумаги бралъ пять рублей.

— Я пошутилъ насчетъ цѣны. Постарайтесь сдѣлать только хорошо. Составите хорошо, покажу губернскому архитектору: понравится ему — и онъ можетъ дать вамъ работу.

Могутовъ подробно началъ разспрашивать полицеймейстера о величинѣ дома, вкусѣ фасада, видѣ мѣстности и т. д. Полицеймейстеръ внимательно выслушивалъ вопросы и, вѣроятно, показались они ему толковыми, такъ какъ онъ подробно отвѣчалъ на нихъ и подробно развивалъ свою цѣль и свои вкусы. Оказалось, что ему нуженъ былъ домъ непремѣнно съ мезониномъ, съ террасою и балкономъ, выходящими на рѣку; что къ дому, прямо къ дому, долженъ примыкать амбаръ, вмѣщающій урожай съ десятинъ этакъ шестисотъ; что конюшни, на сорокъ лошадей, и скотный дворъ, на полтораста головъ скота, должны быть расположены напротивъ дома и недалеко; чтобы гумно и овинъ тоже были недалеко и противъ дома. Все должно быть каменное, не тѣсное, близко—«подъ руками», далеко отъ огня, красиво, удобно и недорого.

— Вы не очень торопитесь,—прощаясь съ Могутовымъ, любезно говорилъ полицеймейстеръ.—Я въ этомъ году только матеріалецъ исподволь заготовлю, а строиться, коли Богъ приведетъ, развѣ на будущую весну начну.... Прощайте. А Петра Ивановича посѣтите, непремѣнно посѣтите. Это—умнѣйшій человѣкъ! Прощайте.

Могутовъ поблагодарилъ полицеймейстера за добрый совѣтъ и ушелъ.

III.

Почти вслѣдъ за уходомъ Могутова къ полицеймейстеру вошелъ мужчина средняго роста, казавшійся низкимъ отъ его почти одинаковыхъ размѣровъ какъ въ вышину, такъ и въ ширипу, съ круглымъ, опухшимъ лицомъ, щеки котораго закрывали и небольшой курносый носъ, и небольшіе, тусклые глаза. На немъ былъ синій, сборчатый у таліи, сюртукъ, высокіе сапоги и толстый шелковый платокъ, вмѣсто галстука; шейная золотая толстая цѣпочка часовъ, при ходьбѣ хозяина, плотно лежала на туловищѣ, какъ потому, что была очень массивна, такъ и потому, что тихо и плавно, какъ поповка «Вицъ-адмиралъ Поповъ», двигался, правильнѣе плылъ, ея хозяинъ.

— Здравствуй, Мавръ Захарьевичъ!—встрѣтилъ полицеймейстеръ гостя, подавая ему руку. — Какой такой случай заставилъ тебя съ этакимъ грузнымъ тѣломъ тащиться ко мнѣ?—ударяя лѣвою рукой по животу гостя и усаживая его въ кресло, спросилъ онъ потомъ.

— Здравствуйте и вамъ,—садясь и утирая платкомъ лицо, сиплымъ голосомъ сказалъ Мавръ Захарьевичъ Бибиковъ, лучшій каретникъ и 2-й гильдіи купецъ города С—нска.—Нужда, Филаретъ Пупліевичъ, заставила....

— Что такъ? Кто тебя обидѣть посмѣлъ? Неужели хозяйка плохо обѣдать стала давать?

— Экъ, Филаретъ Пупліевичъ, великъ мастеръ шутить!... А похудаешь, ей-ей похудаешь!... Ажно въ потъ бросаетъ!—утирая платкомъ лицо, говорилъ Бибиковъ.

— Ну, ты, того... отдыхай или отдыхни, какъ тамъ по-вашему, а я тѣмъ временемъ въ полицію схожу. Жрать-то, чай, хочешь?

— Пожрамши, Филаретъ Пупліевичъ. Благодарствуй. Испить бы—испилъ.

— Чаю нѣту, а водки погоди. Приду слушать немочь твою, такъ, глядя на тебя, можетъ и у меня вкусъ къ очищенной проявится.

Полицеймейстеръ ушелъ. Бибиковъ сидѣлъ, широко отодвинувъ одну ногу отъ другой и сутуловато держа голову вверхъ, такъ какъ шея у него была очень короткая и голова казалась прямо приставленной къ туловищу, отчего толстый платокъ, исполнявшій роль галстука, покрывалъ собою его затылокъ, а спереди

самъ закрывался порядочной длины, рыжеватаго цвѣта, бородой. Онъ сидѣлъ покойно и только по временамъ утиралъ платкомъ потъ съ своего жирнаго лица, да очень часто позѣвывалъ во весь ростъ, причемъ правая рука его дѣлала крестный знакъ, гдѣ заставалъ ее зѣвокъ, и такъ какъ она почти все время лежала на ручкѣ кресла, то и крестила ручку кресла.

А полицеймейстеръ вошелъ въ канцелярію полиціи. Пройдя между столовъ на средину канцеляріи, онъ оглянулся на входную съ улицы дверь, мелькомъ посмотрѣлъ на стоявшихъ у дверей людей, подошелъ къ одному изъ столовъ канцеляріи и сѣлъ около него на старый клеенчатый стулъ. Какъ сама комната канцеляріи, такъ и ея меблировка были грязны, стары и издавали особенный, чисто полицейскій, запахъ. Среди человѣкъ пятнадцати, занимающихся у столовъ, только двое были въ полицейскихъ мундирахъ, а остальные—въ самыхъ разнообразныхъ штатскихъ; физіономіи у всѣхъ были некрасивыя, большинство—люди старые, съ неправильными толстыми носами, небритые и, вообще, очень гармонирующіе съ грязью, оборванностію и запахомъ канцеляріи. Среди этой атмосферы, этой обстановки, этихъ лицъ, чисто одѣтый полицеймейстеръ, съ довольнымъ, гладко-выбритымъ лицомъ, былъ «словно горлица бѣлая промежду сизыхъ, простыхъ голубей»; но налитыя темною кровью жилки на выпуклостяхъ его щекъ давали знать, что и онъ часто дышетъ этою атмосферой, живетъ отчасти жизнію этихъ людей.

Когда полицеймейстеръ сѣлъ, къ нему подошелъ одинъ изъ полицейскихъ въ мундирѣ.

— Что за люди?—спросилъ у него полицеймейстеръ, кивнувъ головой по направленію къ входной двери.

— Сапожникъ, Петръ Родіоновъ, арестованъ приставомъ первой части за драку на улицѣ и побои собственной его жены. Составленъ актъ для препровожденія къ мировому судьѣ,—отрапортовалъ полицейскій.

— Петръ Родіоновъ!—громко крикнулъ полицеймейстеръ.

Къ столу подошелъ плотный, средняго роста, мужчина, съ довольно красивымъ, но сильно обрюзглымъ лицомъ, съ синякомъ подъ однимъ глазомъ и съ серьгою въ одномъ ухѣ; онъ былъ не бритъ нѣсколько дней и одѣтъ въ старый и грязный костюмъ городскаго мѣщанина или ремесленника. Съ нимъ вмѣстѣ къ столу подошла женщина лѣтъ двадцати, когда-то недурная съ лица, съ задумчивыми и почти безъ блеска глазами, съ тонкимъ, пра-

вильнымъ носомъ и длинными бѣлыми зубами во рту, тонкія губы котораго были постоянно приподняты; одѣта она была въ городской костюмъ торговокъ, кухарокъ и т. д.

Подойдя къ столу, женщина упала на колѣни у ногъ полицеймейстера, обхватила ихъ руками и громко начала голосить; а мужчина, низко кланяясь, сипло, негромко и неразборчиво говорилъ:

— Виноватъ, простите, ваше высокоблагородіе.... Жена и дѣти... Не разорите, виноватъ.

— Смирно!... Стать на ноги!—громко и внушительно сказалъ полицеймейстеръ.

Женщина встала и продолжала тихо всхлипывать, а мужчина замолчалъ и съ самой безсмысленною миной смотрѣлъ на полицеймейстера.

— Какъ это тебѣ не стыдно, Петръ, драться на улицѣ, шумѣть, буянить? Да и съ кѣмъ драться?—съ собственной женой! Богъ велѣлъ жену любить и беречь, а ты бьешь ее. Нехорошо, стыдно! — говорилъ наставительно и съ чувствомъ полицеймейстеръ.

— Грѣхъ попуталъ.... Пьянъ былъ.... Виноватъ, простите,— съ тою же миной говорилъ Петръ Родіоновъ, а жена его хотѣла опять повалиться въ ноги.

— Не дѣлать!—громко сказалъ полицеймейстеръ.—Препроводимъ актъ къ мировому судьѣ,—ну, Петръ и просидитъ двѣ недѣли въ арестантской.... Теперь самое рабочее время, праздники подходятъ, каждый себѣ новую обувь торопится заказать, а Петръ— хорошій сапожникъ, а Петръ — въ арестантской, а жена и дѣти къ праздникамъ безъ денегъ... Стыдно, Петръ!

— Простите, ваше благородіе!... Не разорите!—болѣе громко сказалъ Петръ и заморгалъ вѣками.

— Прости его, отецъ-благодѣтель! Дай, какъ люди, праздничекъ Господень провести. Пущай бы онъ дрался, а то я его въ кабакъ не пущала, онъ только пхалъ меня въ грудь,—въ горницу, значитъ, посылалъ,—плача, говорила женщина.

— Будешь еще разъ драться на улицѣ?— спросилъ, помолчавъ, полицеймейстеръ.

— Не буду! Въ жисть свою въ первой и послѣдній!—громко и оживляясь сказалъ Петръ.

— Ну, смотри! Полиція не шутитъ,—грозя пальцемъ, внушительно сказалъ полицеймейстеръ.

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе! По гробъ жизни помнить будемъ! Праздники встрѣтимъ полюдски!—говорили Родіоновы и торопливо отходили отъ стола.

— Зайдешь ко мнѣ, тамъ жена дастъ работу,—сказалъ имъ вслѣдъ полицеймейстеръ.

— Слушаю-съ, — чеша въ затылкѣ и вздыхая, тихо отвѣчалъ Петръ.

— Кто еще?—обратился полицеймейстеръ къ полицейскому.

— Мѣщанинъ города К—наго, Гавріилъ Тихоновъ, пойманъ приставомъ второй части съ уворованнымъ имъ откомъ съ бубликами солдатской жены, торговки города, Секлетеи Васильевой. Составленъ актъ для препровожденія къ мировому судьѣ,—отрапортовалъ полицейскій.

— Гавріилъ Тихоновъ!—крикнулъ полицеймейстеръ.

— Я.... — и къ столу бойко подошелъ молодой парень въ сильно порванномъ короткомъ лѣтнемъ пиджакѣ, въ холщевыхъ шароварахъ и безъ сапогъ. Лицо его было сильно худощаво, но глаза смотрѣли смѣло и упрямо.

— Безъ разговоровъ засадить его въ арестантскую впредь до дальнѣйшаго распоряженія мироваго судьи! — сказалъ полицеймейстеръ, посмотрѣвъ на Гавріила Тихонова.

— Пойдемъ за мной! — обратясь къ Тихонову, сказалъ полицейскій.

— Да за что же? Я не кралъ! Напраслина одна. Пьянъ былъ, взяли пьянаго, да въ арестантской сапоги украли и деньги вытащили изъ кармана, а послѣ еще въ воровствѣ обвиняютъ!...

— Пойдемъ! Чего даромъ болтать. Мировой судья разберетъ,— легко беря Тихонова за руку, говорилъ полицейскій.

— Ну, и пойдемъ! Тутъ денной грабежъ!... Одно слово— полиція!

— Паспортъ есть?—сердито спросилъ полицеймейстеръ.

— А то нѣтъ?—Есть! Ошибкой должно не украли!... Есть, небойсь!

— Веди, веди его!—сердито сказалъ полицеймейстеръ.

— Самъ пойду. Небойсь, не изъ трусливыхъ... Я не воръ! Самого обокрали. Выпилъ—эко грѣхъ!... А грабить не позволено и самъ я — не воръ. Денной грабежъ... Одно слово—полиція!— дерзко и громко кричалъ уже у дверей Тихоновъ.

— А ты что?... Ступай сюда! — обратился полицеймейстеръ къ стоявшему у дверей мальчику, одѣтому въ нанковый халатъ

и безъ сапогъ. Онъ выглядывалъ худенькимъ, тощимъ, но веселые глазки его блестѣли и мягкіе темные волосы на головѣ были причесаны и смазаны масломъ.—Ты за что приведенъ?—спросилъ полицеймейстеръ, когда мальчикъ подошелъ къ столу.

— Не могу знать,—съ дѣтскою наивностію отвѣчалъ мальчикъ, держа руку у пояса, какъ держалъ онъ ее тамъ и стоя у дверей.

— Врешь, плутишка! Укралъ, видно, что? Изъ части тебя привели?—спрашивалъ улыбаясь полицеймейстеръ.

— Изъ мироваго.

— А кто привелъ?... Городовой?

— Хозяинъ.

— А кто твой хозяинъ?

— Мавра Захарычъ.

— А за что онъ тебя, шельмеца, привелъ?

Мальчикъ принялъ ручонку отъ пояса и, поднявъ халатикъ, сталъ спиной къ полицеймейстеру. Штанишки его опустились, подъ халатикомъ не было рубахи и на голой спинѣ мальчика, отъ плечъ до ногъ, видна была широкая синяя полоса, произведенная кнутомъ или палкою.

— Стань, чертенокъ, лицомъ! Подними штаны, плутъ! — смѣясь, сказалъ полицеймейстеръ.

Мальчикъ подобралъ дрянные холщевые панталоны и опустилъ халатикъ.

— Это онъ.... Палкой хватимши,—сказалъ мальчикъ, становясь лицомъ къ полицеймейстеру.

— За что-жь онъ тебя «хватимши»? — подражая мальчику, спросилъ полицеймейстеръ, продолжая улыбаться.

— Онъ пришелъ, а я подъ бѣгунками лежалъ. Онъ и полоснулъ.... А я бѣгунки чистилъ.

— А потомъ что было?

— Мировой до себя звалъ.

— Ну?

— Мировой глядѣлъ. Штраха наложилъ.

— На тебя?

— На хозяина.

— Ну?

— Ну, онъ сюда меня и приволокъ.

— За вихоръ?

— За шиворотъ.

— По улицѣ за шиворотъ велъ?

— На пролетку за шиворотъ стащилъ.

— Изъ дому?

— Изъ мироваго.

— Больше никого нѣтъ?—спросилъ полицеймейстеръ у возвратившагося полицейскаго.

— Нѣтъ-съ никого,—отвѣчалъ тотъ.

— Посадить его пока въ арестантскую!—показывая глазами на мальчика, сказалъ полицеймейстеръ полицейскому и вышелъ.

IV.

— Заснумши?— входя въ комнату, гдѣ въ томъ же положеніи сидѣлъ Бибиковъ, спросилъ полицеймейстеръ.

— Гдѣ заснумши! Все ѳфти дѣла въ головѣ.... Видалъ тамъ-то мово мальца? Вученика мово, Филаретъ Пупліевичъ, видалъ?—говорилъ медленно Бибиковъ.

— Видалъ... Видалъ, какъ ты его хватимши отъ плеча до самаго низа спины... Откуда это у тебя сила взялась?

— Пущай въ работу не спитъ! Нешто меня, въ ученіи бымши, не пороли?—Не разъ пробовалъ.... Ну, и человѣкомъ сталъ. Гляди, заведеніе свово имѣемъ, начальствомъ уважаемъ!... А тутъ, поди грѣхъ какой: разъ хватимши, чуть въ арестантскую не угодилъ!

— Ты погоди рюмить! Я велю водки подать, а ты по порядку и толкомъ разскажи, какъ и что. Марѳа!—крикнулъ полицеймейстеръ и, когда явилась Марѳа, велѣлъ подать водки и икорки.

— Получилъ это я повѣстку изъ мироваго, опосля нынѣшняго дня дней десять будетъ,—разсказывалъ Бибиковъ.—Читаю. Вышло, зовутъ меня до мироваго,—за плохой харчь мировой на судъ зоветъ... А зоветъ меня мировой объ томъ, что скотина энтотъ, вученикъ хозяйскій, на свово хозяина въ энтомъ обиду принесъ.... Ну, я и осерчалъ, чуть не бѣгши въ заведеніе. Гдѣ подлая душонка, вученикъ Сашка, гдѣ?—спрашиваю.—Бѣгунки моетъ,—сказываютъ. Я на дворъ. Гляжу, а онъ, каторжный, подъ бѣгунками растянулся на брюхѣ, голову задрамши, да въ носу ковыряетъ... Ну, я его и полоснулъ.... Подлинно-чудо, самъ опосля дивился, откуда сила эфта.... Ажно смѣхъ пронялъ и злость прошла,—ловко, значитъ, полоснулъ.

Женщина въ деревенскомъ костюмѣ принесла подносъ, на которомъ стоялъ графинъ съ водкой, двѣ рюмки, тарелка съ чернымъ хлѣбомъ и тарелка съ кускомъ икры. Вмѣстѣ съ женщиной въ кабинетъ полицеймейстера вбѣжала хорошенькая дѣвочка лѣтъ семи, одѣтая въ ситцевый сарафанъ и кумачевую рубашку.

— А, моя юлочка! Ну, поди, поди ко мнѣ. Водку пришла пить?... Хочешь?—наливая водку въ рюмки и обращаясь къ дѣвочкѣ, говорилъ ласково полицеймейстеръ.

— Во здравіе!—кивнувъ головой Бибикову и подмигнувъ указательно на другую рюмку, сказалъ затѣмъ полицеймейстеръ и, «по пожарному», опорожнилъ одну рюмку.

— Всякаго благополучія!—сказалъ Бибиковъ и медленно пропустилъ водку изъ второй рюмки.

— А икорки хочешь, дочка?—посадивъ дѣвочку на колѣни, спросилъ полицеймейстеръ.

— Не хочу. Вези на пожаръ, папа!—отвѣтила дѣвочка.

— На пожаръ захотѣла? Изволь, изволь....—и полицеймейстеръ началъ дрожать ногами, такъ что дѣвочка подскакивала, сидя у него на колѣняхъ.

— Сильнѣй, папа, сильнѣй!—кричала дѣвочка.

— Изволь, изволь.... Во всю прыть?... Катай, лошадки, мадмазель полицеймейстерша ѣдетъ!... Сторонись!... Эй, купчина, спасай свово грузное тѣло, а то задавитъ те мадмазель полицеймейстерша!... Пади!

— Ха-ха-ха!—смѣялась дѣвочка.

— И какой это у васъ, барышня, папаша веселый! Не надыть лучшаго папаши... Правда, барышня?—утираясь платкомъ, сказалъ Бибиковъ.

— Папа—добрый, а вы—толстый. Я папу люблю, а васъ нѣтъ,—продолжая подпрыгивать на колѣняхъ у папы, громко говорила дѣвочка.

— А толстый тебѣ гостинца не принесетъ.... Пади!... Его такимъ боженька сдѣлалъ.... Правѣй!... Будешь любить толстаго дядю?

— Буду. А когда онъ гостинца принесетъ?—бойко отвѣчала дѣвочка.

— Пришлю, пришлю, барышня! Ужь непремѣнно пришлю! Конфектъ пришлю.

— Я и конфектъ хочу, и апельсиновъ хочу, и варенья хочу!

— Всего хочешь?... Губа у тебя, дочка, не дура. Будетъ!—переставъ дрожать ногами, сказалъ полицеймейстеръ.

— Еще, еще, папа! Пожаръ далеко. Такъ скоро не пріѣхали!

— Ладно.... Идетъ еще.... А ты, Мавра Захарьевичъ, пропусти, да и продолжай исторію,—начавъ опять дрожать ногами, сказалъ полицеймейстеръ.

— А вы, Филаретъ Пупліевичъ?—сказалъ Бибиковъ, смотря на графинъ.

— Мнѣ нельзя... Служба. Придется еще по службѣ ѣхать.

— Нонѣ и судъ этотъ былъ,—пропустивъ рюмку, началъ Бибиковъ.—Праздника нонѣ, кажись, нѣтъ, а заведеніе гуляетъ. Въ свидѣтеляхъ, значитъ, всѣ, только жену съ ребятами и оставили. Ну, да и судъ, Филаретъ Пупліевичъ!... «Была крыса?»—судья спрашиваетъ.—Была,—отвѣчаютъ.—«Была?» у другаго опять спрашиваетъ.—Была.... Такъ-то всѣхъ моихъ перебралъ и всѣ въ одно слово: была и харчь плоха.... А тотъ-то, вученикъ треклятый, опосля всего, спустилъ портки, задралъ халатъ, да голый, аспидъ, спину и показываетъ мировому.... Ну, и присудилъ: штрафа четвертную—объ томъ, что эта порядка мировая еще вновѣ; а опосля, если опять жалоба на харчь будетъ,—грозилъ въ арестантскую.... Вотъ она исторія-то, Филаретъ Пупліевичъ!

— Такъ тебя и надо. Не дерись, корми рабочихъ хорошо... Вотъ и я велю частному приставу каждый день заглядывать въ заведеніе твое и харчь твой пробовать. Чуть что плохо—актъ!... Будешь вести порядки по-новому!—сказалъ полицеймейстеръ, продолжая везти дочь на пожаръ.

— Не шутите, Филаретъ Пупліевичъ.... Надоть помочь дать.... Проучить надоть вученика мово, проучить надоть! Я его къ тебѣ за эфтимъ самымъ и приволокъ....

— Съ полиціей не шутятъ!—серьезно сказалъ полицеймейстеръ.—Поди къ мамѣ,—снимая дѣвочку съ колѣнъ, продолжалъ онъ.—Скажи: прощай, толстый дядя, и не забудь, молъ, конфектъ прислать,—самъ-де пообѣщалъ.

— Прощай, толстый дядя,—подавая ручонку Бибикову, говорила дѣвочка.—Конфектъ пришлите, и яблокъ, и варенья.

— Пришлю, пришлю, барышня. Непремѣнно пришлю!—говорилъ Бибиковъ и нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ, желая по-

цѣловать дѣвочку, но та, съ крикомъ: «не хочу, вы толстый!»— убѣжала.

— Экипажей починить не надоть?—послѣ долгаго молчанія спросилъ Бибиковъ.

— Свои кузнецы есть, не надоть,—нехотя отвѣчалъ полицеймейстеръ.

— Филаретъ Пупліевичъ, надоть помочь дать... Съ эфтими порядками заведеніе—брось... Въ раззоръ пойдешь!...

— И я тебѣ совѣтую бросить,—снова нехотя сказалъ полицеймейстеръ.

Бибиковъ полѣзъ въ карманъ, досталъ оттуда бумажникъ и вынулъ изъ него пятидесятирублевую бумажку.

— Филаретъ Пупліевичъ!... А экипажи окромя,—кладя предъ полицеймейстеромъ бумажку, сказалъ Бибиковъ.

— Послушай, ты, толстый фабрикантъ каретнаго заведенія!— посмотрѣвъ на бумажку, началъ полицеймейстеръ.—Ты дашь мнѣ еще три такихъ же, да приставу второй части такую же. Понялъ?

— Многовато, Филаретъ Пупліевичъ,—вздохнувъ сказалъ Бибиковъ.

— Такъ бери и эту назадъ и уходи, съ чѣмъ пришелъ,— равнодушно сказалъ полицеймейстеръ.

Бибиковъ молчалъ и лѣниво гладилъ рукою по своему животу, потомъ утеръ лицо платкомъ, досталъ опять бумажникъ, вынулъ еще три такихъ же и, усиленно дыша, положилъ ихъ около прежней бумажки.

— Такъ-то лучше,—сказалъ полицеймейстеръ, беря бумажки и пряча ихъ въ карманъ. — Теперь ты послушай, что я тебѣ скажу. Въ заведеніи твоемъ все оставляй по-старому. Черезъ недѣлю, другую, ты порядки поправь, а теперь пусть такъ будетъ, чтобы не повадно было жаловаться. Мальчишку я уже велѣлъ сволóчь въ арестантскую, а завтра выпороть прикажу и продержу его въ арестантской недѣлю, другую: это тоже чтобъ другимъ не повадно было жаловаться. Только ты изволь сегодня же прислать на мое имя изъ ремесленной управы бумагу, что, молъ, ремесленная управа проситъ наказать розгами ученика каретнаго заведенія Бибикова за нерадѣніе въ работѣ, ослушаніе и скверное поведеніе. Бумагу подпишешь самъ, какъ голова управы, и чтобъ одинъ членъ подписался. Безъ бумаги пороть мальчишку не стану... Теперь слушай далѣе. Я попрошу город-

скаго врача, а ты его поблагодари, чтобъ онъ выдалъ тебѣ свидѣтельство о томъ, что онъ свидѣтельствовалъ харчь въ твоемъ заведеніи и нашелъ его здоровымъ, питательнымъ и въ достаточномъ количествѣ. Съ такимъ свидѣтельствомъ тебя никакой судья судить не будетъ. Съ полиціей не шутятъ!

— Это все правда сущая. Не будь полиціи—раззоръ!—внимательно слушая полицеймейстера, сказалъ Бибиковъ.

— При новыхъ порядкахъ—полиція все!—продолжалъ полицеймейстеръ.—Захочетъ она раззорить тебя—и раззоритъ, а не захочетъ—и новый судъ ничего не подѣлаетъ. Кто дознаніе дѣлаетъ?—Полиція. Отъ кого судъ узнаетъ о преступленіяхъ и проступкахъ? — Отъ полиціи. Кто вызываетъ свидѣтелей?—Полиція. Кто у насъ начальство надъ волостью, деревней и городомъ?—Полиція. У насъ полиція—все! Попробуй сопротивляться ей!... Понялъ?

— Понялъ, Филаретъ Пупліевичъ, понялъ. Это все правда сущая. Не будь полиціи—раззоръ!—сильно потѣя и утираясь платкомъ, говорилъ Бибиковъ.

— Ну, мнѣ, мой милый, некогда, прощай.... А что, работы теперь много?—спросилъ полицеймейстеръ, когда Бибиковъ, простившись, доплылъ до дверей.

— Теперь дюже много, потому праздники,—отвѣтилъ Бибиковъ.

— А когда будетъ мало?

— Да завсегда есть работа. Даетъ Богъ по грѣхамъ нашимъ,—отвѣтилъ Бибиковъ и сдѣлалъ рукою крестное знаменіе, не поднимая руки.

— Послѣ праздниковъ я пришлю къ тебѣ желѣзо и возы, а ты ихъ прикажешь оковать. Только, знаешь, хозяйственно. Что стоитъ—заплачу.

— А за много возовъ-то?—утирая лицо платкомъ, спросилъ Бибиковъ.

— Мало. Штукъ двадцать,—отвѣтилъ полицеймейстеръ.

— Окуемъ,—вздыхая сказалъ Бибиковъ.—Прощай, Филаретъ Пупліевичъ.

— Прощай. Не забудь частнаго пристава, да сегодня же!—напомнилъ полицеймейстеръ.

— Не забудемъ,—опять вздыхая, сказалъ Бибиковъ и хотѣлъ было поднять руку и почесать ею въ затылкѣ, но тяжела была рука и онъ, не поднимая ее, сдѣлалъ ею опять что-то въ родѣ крестнаго знаменія.

V.

Рымнинъ сидѣлъ за столомъ въ своемъ кабинетѣ, обильно уставленномъ шкафами съ книгами, съ газетами и брошюрами на окнахъ и съ кипами бумагъ на столѣ. За тѣмъ же столомъ сидѣла Катерина Дмитріевна. Отецъ писалъ, а дочь, поднявъ глаза отъ раскрытой книги, молча оглядывала кабинетъ. Глаза ея остановились на окнѣ, гдѣ въ безпорядкѣ валялись листы газетъ. Она встала и привела газеты въ порядокъ, потомъ сѣла и начала опять читать книжку. Было девять часовъ вечера, въ кабинетѣ горѣла лампа у потолка и двѣ свѣчи на столѣ, а на окнахъ спущены были тяжелыя бархатныя занавѣски.

— Папа, ты безъ меня хозяйничалъ въ нашемъ кабинетѣ?— спросила дочь, когда отецъ пересталъ писать и ждалъ, пока просохнутъ чернила.

— Провинился.... Не хотѣлъ тебя звать, а нужно было просмотрѣть статью нашего мѣстнаго консерватора въ «Вѣсти»,—отвѣтилъ отецъ.

— И привелъ въ безпорядокъ окно. Ты, папа, зови меня всегда, когда тебѣ что нужно.

— Большой безпорядокъ надѣлалъ? Екатерина разсердилась?

— Нѣтъ, папа.... Но держать въ порядкѣ нашъ кабинетъ— единственная работа Екатерины,—сказала дочь, и въ голосѣ ея, до сихъ поръ звонкомъ и спокойномъ, слышалась теперь не то грусть, не то укоръ.—Папа, ты очень занятъ?—спросила она, немного помолчавъ и пристально глядя на отца, который хотѣлъ было начать писать.

— Нѣтъ, не очень ... Ты хочешь диспутировать?... Изволь начинать,—улыбаясь и глядя на дочь, сказалъ отецъ. Рука его не положила пера, а начала дѣлать штрихи на бѣломъ листѣ.

— Папа....—она немного помолчала,—зачѣмъ ты не сдѣлалъ изъ меня умной женщины?—скрестивъ руки на груди, выпрямившись, съ поднятой головой и съ широко раскрытыми глазами, устремленными на отца, спросила дочь, и въ голосѣ ея слышна была опять грусть.

— Отчего?... Оттого, вѣроятно, что ты еще дѣвушка, а не женщина,— улыбаясь отвѣтилъ отецъ.

— Я не шучу, папа!—громко сказала дочь.

— Я тоже не шучу, Екатерина!—подражая ея голосу, громко сказалъ онъ.—Я не знаю, какая ты будешь женщиной, но дѣвушкой вижу тебя, знаю тебя и нахожу умной.

— Ты говоришь правду, папа?—и глаза дочери и отца встрѣтились своими центрами.

— Что съ тобой, Екатерина?... Твои добрые, умные глаза смотрятъ зло! Сквозь темный цвѣтъ ихъ я привыкъ видѣть веселый синій огонекъ, а теперь я въ первый разъ вижу въ нихъ яркій, красный цвѣтъ!... Ты нездорова, родная моя?...—Отецъ всталъ и обнялъ дочь одною рукой, а другою взялъ ея руку, какъ докторъ, пальцами у кисти руки.—И пульсъ лихорадочный. Ты вѣрно простудилась? Плохо спалось прошлую ночь?—спрашивалъ онъ съ нѣжностью въ голосѣ и, приблизивъ къ себѣ голову дочери, крѣпко поцѣловалъ ея лобъ.

— Сядь, папа!—послѣ крѣпкаго поцѣлуя отца и страстнаго объятія его шеи, говорила дочь уже болѣе спокойнымъ голосомъ.—Ты сядь и слушай, что будетъ говорить твоя Екатерина.

Отецъ сѣлъ и, сдвинувъ немного брови, принялъ видъ искуственно-внимательнаго слушателя.

— Нѣтъ, папа, не такъ! Ты сядь прямо и смотри мнѣ въ глаза. Если ты будешь шутить или лгать, я увижу и перестану любить тебя,—опять громко сказала дочь.

Отецъ сѣлъ, какъ говорила дочь, и въ его умѣ мелькнула мысль о вѣроятности начала любви въ сердцѣ его Екатерины.

— Вчера, передъ твоимъ приходомъ, папа, зашелъ разговоръ о приданомъ для невѣстъ,—начала дочь.—Лукомскій доказывалъ, что у каждаго мужчины есть капиталъ, на который идутъ проценты и на нихъ мужчина живетъ.... Но у женщинъ нѣтъ капитала, онѣ не получаютъ жалованья и имъ не на что жить.... Вотъ поэтому за невѣстами должно давать приданое, иначе не будетъ равенства между мужемъ и женою, а равенство необходимо, иначе жена будетъ рабою мужа.... Такъ говорилъ Лукомскій, папа!—быстро сказала она послѣднюю фразу, замѣтивъ измѣненіе мускуловъ на лицѣ отца и какъ бы говоря ему, что еще не слѣдуетъ начинать говорить ему, отцу, что это еще чужая рѣчь, а вопросы ея и его отвѣты будутъ впереди.

— Что же было дальше?—сказалъ отецъ.

— Орѣцкій,—продолжала дочь,—сказалъ «о, да!» Кожуховъ крикнулъ «браво!» Мама похвалила ораторскій талантъ Лукомскаго. Остальные гости молчали. Мнѣ очень интересно было слушать.... сама не знаю отчего,—добавила она, помолчавъ одно мгновеніе.—Мама предложила каждому сказать свое мнѣніе, и я такъ обрадовалась, что интересный разговоръ не прекратится,

что, какъ школьница, закричала: истины, истины хочу!... Тебѣ смѣшно, папа?—съ укоромъ спросила дочь.

— Ты такъ хорошо передаешь,—улыбаясь сказалъ отецъ.— Я будто вижу, какъ все это происходило, представляю себѣ, какой ты восторженной красавицей была тогда,—невольно порадовался и засмѣялся.... Слушаю далѣе.

— Далѣе началъ Кречетовъ,—продолжала разсказъ дочь.— Онъ имѣлъ такой серьезный видъ и такъ хорошо началъ, что я, какъ мертвая, слушала его.... Онъ повторилъ сперва мое восклицаніе: «истину, истину», потомъ слова мамы: «мое мнѣніе», а потомъ.... заговорилъ непонятно. Выходило, что у каждаго есть свое мнѣніе, что разубѣдить въ этомъ мнѣніи нельзя, но что хорошо, когда не скрываютъ своихъ мнѣній и что въ бракѣ только тогда счастливы, когда мужъ и жена имѣютъ одинаковыя мнѣнія.... Онъ говорилъ хорошо, съ пренебреженіемъ къ Лукомскому, но.... я не довольна была. Мнѣ хотѣлось не то услышать, и я сердилась.... Я не знаю сама, папа, отчего,—опять добавила она, замѣтивъ особенно пытливый взглядъ отца, какъ бы желавшаго отгадать причину недовольства дочери на Кречетова. — Потомъ говорилъ Львовъ,—продолжала дочь.—Онъ также не соглашался съ Лукомскимъ. Онъ говорилъ, что если онъ женится на дѣвушкѣ и съ приданымъ, но вѣтренной, то приданое скоро уйдетъ на наряды и балы и.... Я не дослушала его, папа. Мнѣ стало еще болѣе досадно и я убѣжала къ тебѣ на встрѣчу.

— И только?

— Еще немножко, папа,—отвѣтила дочь и продолжала.—Ты остался съ Кречетовымъ въ столовой, а мы всѣ пошли въ залу. Сперва я играла, а Львовъ пѣлъ, а остальные гости и мама были далеко отъ насъ.... Когда Львовъ кончилъ пѣть, я просила его докончить разсказъ, который я прервала, когда ушла встрѣтить тебя. Онъ сказалъ, что только хотѣлъ сказать, что женская душа и сердце дороже всего міра. «А развѣ,—сказала я,—у женщинъ, кромѣ души и сердца, нѣтъ ничего, что цѣнитъ Лукомскій и мужчины въ себѣ?»... И показалось мнѣ, папа, что у меня ничего больше нѣтъ, что я глупа, ничего не знаю, ничего не умѣю дѣлать... Я потомъ долго, долго думала въ постели: глупа я или нѣтъ. И я, папа, рѣшила, что я глупа. И это правда, папа! Зачѣмъ же ты не сдѣлалъ меня умной? Или я не могу быть умной?...

Дочь замолчала и грустно, но пристально смотрѣла на отца, а отецъ, судя по движенію мускуловъ у его рта, казалось, хотѣлъ сейчасъ же начать говорить, но, вмѣсто того, стиснулъ губы и молчалъ, продолжая прямо смотрѣть въ глаза дочери.

— Екатерина! ты не влюблена?... Тебѣ особенно никто не нравится изъ мужчинъ? — спросилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Нѣтъ, папа,—качая головой, спокойно отвѣчала дочь.

— Кречетовъ тебѣ особенно не нравится? Онъ не лучше для тебя всѣхъ остальныхъ мужчинъ, которыхъ ты знаешь?—допытывался отецъ.

— Онъ мнѣ кажется лучше всѣхъ остальныхъ.... Онъ некрасивъ лицомъ, все сердится, неловкій, но онъ—откровенный, смѣлый, простой,—такъ же спокойно отвѣчала дочь.

Отецъ молчалъ. «Такъ покойно не будетъ говорить дѣвушка о любимомъ мужчинѣ,—подумалъ онъ.—А жаль: Кречетовъ—славный малый.... Но вѣдь она еще никого не любитъ, Кречетовъ ей не противенъ,—любовь можетъ еще явиться».

— Ты не глупа, Екатерина,—сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія.—Есть, быть-можетъ, умнѣе тебя, но и ты умнѣе многихъ, очень многихъ дѣвушекъ.

Дочь отрицательно качала головой.

— Ты пробовала свои силы?... Работала самостоятельно надъ чѣмъ-нибудь?

— Пробовала, папа, и ничего не выходитъ,—грустно отвѣчала дочь.

Отецъ вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Я пробовала узнать, какъ ведетъ мама хозяйство, какъ управляетъ имѣніями—и ничего не вышло.... Я никакъ не могла понять, да мнѣ и скучно показалось.... Потомъ я пробовала писать дневникъ, начала записывать все, всѣ разговоры.... и когда слушала — было интересно, а начала записывать — такая скука, ничего особеннаго, много непонятно....

— И только?

— Только, папа. Но я чувствую, папа, что и съ другимъ будетъ то же самое.

— Займись еще чѣмъ-нибудь. Найдешь трудъ, который тебѣ понравится, и ты будешь хорошимъ мастеромъ этого труда.

Дочь отрицательно качала головой.

— Тебѣ кажется, Екатерина, что писать бумаги, какъ пишутъ чиновники, нуженъ особый умъ? Ты думаешь, что управ-

лять имѣніями, какъ управляетъ ими Соня,—а она управляетъ ими недурно,—нужна особенная подготовка, особенное образованіе?—Нѣтъ, моя Екатерина! Ты настолько подготовлена, что если заставитъ тебя нужда или другая необходимость быть чиновникомъ, конторщикомъ, учителемъ, управляющимъ, то ты, присмотрѣвшись къ дѣлу, живо поймешь его и поведешь его хорошо.... Но тебѣ ничего подобнаго не нужно дѣлать и, дастъ Богъ, и никогда не придется дѣлать. Ты молода, здорова, красива, умна,—тебя полюбятъ и ты полюбишь. Замужемъ сама жизнь укажетъ тебѣ, чѣмъ заняться, чтобы былъ порядокъ въ дому, чтобы были умны и здоровы дѣти, чтобы какъ у тебя, такъ и у твоего мужа была работа, былъ и досугъ. Соня, кончивъ курсъ въ институтѣ и пріѣхавъ домой, навѣрно, и половины не знала того, что знаешь ты, а когда бѣдность заставила торговать за буфетомъ, она отлично торговала. Выйдя за меня замужъ и замѣтивъ, что у меня нѣтъ времени заниматься имѣніями, она занялась ими, занимается до сихъ поръ, и занимается хорошо.... Ты ничего еще не дѣлала, Екатерина, ни надъ чѣмъ не пробовала своихъ силъ,—тебѣ и кажется, что ты глупа, ни къ чему неспособна, ничего не умѣешь дѣлать.

Отецъ замолчалъ. Онъ хотѣлъ еще говорить, такъ какъ ему казалось, что еще не все исчерпано въ доказательство честнаго исполненія имъ долга отца къ ней, его дочери; но онъ много полагался на умъ и понятливость дочери, зналъ по опыту, какъ излишнія слова вредятъ доказательству, и потому замолчалъ и вопросительно смотрѣлъ на дочь. Она сидѣла все такъ же ровно, пристально смотря на него; но въ глазахъ ея не искрился тотъ блескъ, который всегда былъ замѣтенъ въ нихъ, когда она хотѣла говорить,—въ нихъ не было задумчивости, напряженности, которая всегда служила признакомъ, что она сильно думаетъ, рѣшаетъ въ умѣ задачу, желаетъ быть только сама съ собой.

— «Надо подробнѣе доказать ей»,—подумалъ отецъ и началъ говорить:—Я тебѣ скажу, Екатерина, что есть два взгляда на женщину. Одни полагаютъ, что сама природа раздѣлила обязанности и положила разныя цѣли жизни какъ для мужчины, такъ и для женщины, что природа надѣлила ихъ разной физическою силой, разною склонностію ума. Женщинѣ, какъ матери дѣтей, природа дала больше нѣжности, доброты; организмъ ея слабѣе, менѣе выносливъ, чѣмъ организмъ мужчины, который поэтому и болѣе грубъ, суровѣе женщины, способенъ къ большему труду,

къ большей выносливости.... Другіе говорятъ, что природа малымъ чѣмъ отличила мужчину отъ женщины, что она создала ихъ одинаково умными и одинаково сильными; но что только условія жизни, трудность борьбы съ природой, трудность воспитанія и выращиванія дѣтей—поставили женщину въ условія исключительныя и подчинили ее мужчинѣ, сдѣлали женщину болѣе слабой и менѣе выносливой сравнительно съ мужчиной.... Кто правъ—дѣло не важное. Фактъ тотъ, что разница есть; но разница эта обусловливается требованіемъ жизни и уничтожить ее нельзя.... Жизнь не требуетъ въ настоящее время ни женщинъ-чиновниковъ, ни женщинъ-моряковъ, техниковъ, воиновъ, докторовъ, ученыхъ хозяекъ, и я не далъ тебѣ, Екатерина, образованія нужнаго чиновнику, моряку, воину, технику, доктору или ученому хозяину. Негдѣ бы было примѣнять тебѣ подобнаго образованія, да и рано еще въ твоемъ возрастѣ быть чѣмъ-либо подобнымъ. Но, повторяю тебѣ, ты умна и знаешь столько же, какъ и окончившій гимназію юноша. Онъ, какъ и ты, вступая въ жизнь, воображаетъ себя дуракомъ, но, всмотрѣвшись въ жизнь, скоро приспособляется къ дѣятельности и успѣшно дѣлаетъ карьеру на той дорогѣ, которую изберетъ. Ты тоже будешь отличная работница того или другаго дѣла, если судьба заставитъ тебя быть работницей; но жизнь требуетъ отъ женщины только умѣнья быть матерью и женою.... И пока ты, Екатерина, выйдешь замужъ, чтобы не скучать и не тревожить даромъ твою чуткую головку, начни заниматься чѣмъ-нибудь, что только полюбится тебѣ. Мой совѣтъ—заняться педагогіей. Эта наука нужна матери, нужна для счастія ея дѣтей, а остальныя науки въ подробностяхъ—праздное занятіе для тебя: тебѣ негдѣ будетъ примѣнять ихъ, да, сдѣлавшись матерью, и некогда будетъ. Но ты подготовлена къ подробному изученію всѣхъ наукъ, какъ гимназистъ къ университету. Попробуй заняться—и ты увидишь, что я говорю правду. Я исполнилъ честно свой долгъ отца къ тебѣ, Екатерина!...

Она быстро вскочила съ своего кресла, сѣла къ нему на колѣни, обняла руками его шею и цѣловала лицо отца долго и крѣпко. Потомъ, также сидя и гладя одною рукой сѣдую бороду отца, начала говорить, какъ можетъ говорить только семнадцати-лѣтняя дѣвушка. Въ голосѣ ея слышалось и любовь, и нѣжность, и уваженіе, и гордость, и благородность, и все, все, что такъ сладко щекочетъ слухъ мужчины, но чего ему никогда не

высказать самому. Только пѣсни чуткой души поэта-лирика, съ ея великимъ даромъ превращать слова въ звуки и рѣчь — въ музыку, только пронизывающіе насквозь всего человѣка звуки скрипки артиста способны вызвать и напомнить иногда что-то подобное, но и то такъ, что кто не слышалъ самъ изъ устъ дѣвушки подобнаго говора, тотъ будетъ мертвъ и при передачѣ ихъ поэтомъ, и при воспроизведеніи ихъ артистомъ.

— Умный, славный, честный, любящій папа! Екатерина несправедлива къ тебѣ. Видишь, какая она глупая, неблагодарная, злая!... Она оклеветала тебя,—она думала, что ты обидѣлъ ее, сдѣлалъ ее глупой! Но ты далъ ея головѣ все, все, все, что нужно, и если она ничего не умѣетъ дѣлать, такъ это отъ того, что она отъ природы глупая, идіотка, да еще и клеветница, злая. Но ты прости, папа, Екатерину. Простишь?... Папа смѣется: онъ проститъ. Добрый папа! Умный, добрый, честный папа!... Твоя Екатерина будетъ тоже умной, любящей, честной матерью.... Вѣдь больше ей нельзя ничѣмъ быть, папа? Для жизни нужны хорошія матери, а женщинъ ученыхъ, воиновъ, хозяекъ, техниковъ, докторовъ.... не нужно. Мужчина—болѣе сильный, болѣе умный; онъ будетъ дѣлать все самъ, а женщина будетъ только помогать, чтобы былъ покой въ дому, чтобы была работа и былъ досугъ для обоихъ. Такъ, папа?—какъ бы повторяя, для лучшаго усвоенія, слова отца, говорила дочь, но въ ея вопросѣ: «такъ, папа?» не слышалась та самодовольная игривость, съ которой ученикъ говоритъ своему доброму репетитору урокъ, зная, что онъ хорошо и правильно говоритъ его. Нѣтъ, въ ея вопросѣ слышна была грусть, усталость, какъ слышна усталость въ отвѣтѣ ученика, когда отвѣчаемый имъ урокъ долго не давался ему, долго былъ непонимаемъ, и, спрашивая: «такъ?», онъ боится, чтобъ ему не приказали повторить урокъ.

— Такъ, такъ! Правда, правда!—отвѣчалъ отецъ, спокойно сидя и нѣжась, и млѣя, какъ можетъ нѣжиться и млѣть отецъ при ласкахъ умной красавицы-дочери. Отъ него не ускользнула грусть въ ея голосѣ при концѣ, но ему почему-то была пріятна она. Быть-можетъ въ головѣ его не ясно шевелилась мысль: «грустить есть чего, но ты не бросишься замужъ очертя голову, ты долго будешь выбирать, твой выборъ будетъ уменъ, ты будешь счастлива въ бракѣ».

— Значитъ, папа, равенства нѣтъ и быть не можетъ?... А Лукомскій говорилъ, что все стремится къ равенству, что и

женщина стремится къ нему.... Правда это, папа?—спросила она послѣ долгаго молчанія.

— Постой!—порывисто вставая съ кресла, сказалъ отецъ.— Я докажу тебѣ, что Лукомскій—софистъ.—Онъ началъ скоро ходить по кабинету, а дочь сѣла и на лицѣ ея на одно мгновеніе заиграла улыбка. Она знала, что когда отецъ говоритъ, ходя по кабинету, то слова его получаютъ какую-то особенную силу: звукъ его голоса не измѣняется, онъ говоритъ какъ всегда, понятно и убѣдительно, но гораздо короче, сильнѣе, убѣдительнѣе.— Лукомскій софистъ,— началъ отецъ послѣ короткаго молчанія.—Развѣ равенство и тождество—одно и то же? Ты знаешь, что въ алгебрѣ есть разница между равенствомъ и тождествомъ, и въ жизни быть равнымъ не значитъ быть тождественнымъ. Почему Лукомскій за мѣрку равенства беретъ количество, а не качество? Онъ не дуракъ. Онъ знаетъ великое значеніе качества и малую пригодность количества, если имъ не руководитъ надлежащее качество. Развѣ въ этомъ хрусталѣ,— онъ указалъ на большую друзу горнаго хрусталя, какъ прессъ-папье лежавшую на столѣ,—одинъ элементъ, входящій по вѣсу въ пять разъ въ меньшемъ количествѣ противъ другаго, можетъ этимъ гордиться надъ другимъ, считать другой не равнымъ ему? Развѣ скромный юноша Давидъ, побѣдившій великана Голіафа, не выше Голіафа? Развѣ эта *друза* кристалловъ не прекрасна, хотя входящіе въ нее элементы не равны не только количествомъ, но и качествомъ? Вѣдь, еслибъ одного элемента было бы больше, эта *друза* превратилась бы въ аморфную смѣсь, безъ игры, безъ блеска, безъ симметрически-правильныхъ линій и плоскостей. Нѣтъ, равенство и тождество—не одно и то же въ природѣ и въ жизни! Женщина равна мужчинѣ въ жизни, хотя она и не тождественна ему. Отчего Лукомскій не беретъ себѣ, для полнаго равенства, для тождества, жену съ такимъ же горбатымъ носомъ, какъ у него, такую же сутуловатую, какъ онъ, съ такими же рѣдкими волосами, какъ у него?... Если женщина, по условіямъ жизни, не тождественна съ мужчиной, слабѣе его, положимъ, даже глупѣе его, не получаетъ жалованья и не имѣетъ приданаго, за то женщина гораздо красивѣе мужчины, понятливѣе, добрѣе, болѣе любяща, справедливѣе. А вѣдь только при этихъ условіяхъ, когда женщина добрѣе, уступчивѣе, болѣе нѣжна, и можетъ быть семейная жизнь. Кто поклонникъ полнаго тождества, тотъ долженъ отказаться отъ брака и семьи. Семья — это *друза* кристалловъ, въ

которой элементы, разные по силѣ и качеству, соединяясь, даютъ семью, блестящую, правильную группу людей. Полное тождество—это аморфная масса, куча песку, но не кристаллъ, не бракъ. Лукомскій—софистъ. Онъ свое стремленіе къ богатству, чрезъ посредство выгодной женитьбы, хочетъ оправдать, закрасить хитро-сплетенною ложью съ подкладкой равенства. Истинная любовь не разбираетъ состоянія, приданаго. Скажу даже больше, что для мужчины, которому такъ много дано свободы для приложенія своихъ силъ, для избранія любой карьеры въ жизни, щекотливо жениться на богатой, даже при горячей любви. Я говорю, конечно, о лучшемъ мужчинѣ, о мужчинѣ героѣ. Лукомскій—не герой, а отребье героевъ.... Да, полнаго равенства нѣтъ, но жизнь и безъ него играетъ, блеститъ и правильно идетъ впередъ. Не скрою, что есть женщины стремящіяся къ тождеству съ мужчиной, но такія женщины отвергаютъ бракъ, семью. Есть и мужчины съ такимъ направленіемъ, но и они отвергаютъ бракъ и семью. Вмѣсто брака и семьи они не предлагаютъ пока ничего яснаго, блестящаго, правильнаго, какъ кристаллъ, а говорятъ о чемъ-то дикомъ, скотоподобномъ, страшномъ....

— Барыня проситъ пожаловать пить чай,—сказалъ лакей, прервавъ рѣчь отца.

— Хорошо,—отвѣчалъ онъ и потомъ, по уходѣ лакея, поднявъ голову дочери и цѣлуя ее, продолжалъ:—Ты еще не жила полною жизнью, Екатерина. Тебѣ хочется этой жизни, ты хочешь броситься въ нее, такъ какъ чувствуешь въ себѣ достаточно силъ для жизни; но ты,—что совершенно согласно съ натурой людей,—боишься перваго шага, какъ институтка боится перваго бала, хотя она прекрасно приготовлена для него. Повторяю тебѣ мой совѣтъ: займись до замужства спеціально педагогіей. Не понравится, займись ботаникой, физикой, химіей, математикой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, начни читать газеты и журналы, чаще гуляй по городу, бывай почаще у знакомыхъ, старайся узнать, правду человѣкъ говоритъ или лжетъ, умѣй проникать въ душу человѣка.

— Спасибо, папа! Ты усталъ, мой дорогой! Пойдемъ пить чай,—нѣжно говорила дочь и еще нѣжнѣе взяла его подъ руку и повела въ столовую.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Блестящая ораторская рѣчь Лукомскаго о значеніи богатства.— Вечеръ похожій на сѣрый осенній день.—Гувернантка.—Вступленіе къ тремъ слѣдующимъ главамъ.

I.

Лукомскій занималъ двухъ-рублевый нумеръ въ гостиницѣ. Дѣлалъ онъ это потому, что кромѣ жалованья не имѣлъ другихъ источниковъ дохода и долженъ былъ вести жизнь скромную. За шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ нельзя было имѣть въ городѣ роскошную квартиру съ мебелью и прислугой, а жить не въ роскошной онъ не желалъ, такъ какъ онъ считалъ таковую несовмѣстной съ должностію товарища прокурора новыхъ судовъ; живя же въ гостиницѣ, онъ могъ сохранять извѣстный декорумъ, говоря, что-де никакъ не можетъ найти подходящей квартиры, хотя ему-де и приходится тратить чортъ знаетъ какія деньги въ гостиницѣ. Онъ только два мѣсяца какъ пріѣхалъ изъ Петербурга въ помощь прокурору, для скорѣйшаго окончанія палатскихъ дѣлъ и для приготовленія губерніи къ встрѣчѣ новаго суда, который долженъ былъ открыться черезъ годъ и того скорѣе. Работы по службѣ у него было мало. Чиновники палатъ, видя въ немъ предвѣстника новаго суда, слушали внимательно его распоряженія, но старались обходиться безъ непосредственнаго его участія: имъ или стыдно было раскрывать предъ нимъ нутро стараго суда, или они боялись новой питерской особы, боялись, чтобъ онъ не разгадалъ ихъ и не оставилъ за штатомъ при новомъ судѣ. Благодаря такому положенію, у Лукомскаго было много свободнаго времени, которое онъ посвящалъ на знакомства съ обитателями города и вообще губерніи, и, какъ читатель уже знаетъ, успѣлъ сдѣлать предложеніе mademoiselle Плитовой и получить согласіе, такъ что свадьба должна была происходить чрезъ недѣлю послѣ Пасхи,— значитъ, черезъ мѣсяцъ отъ описываемаго нами времени.

На другой день, послѣ вечера у Рымниныхъ, возвратясь изъ палаты въ два часа, онъ скромно пообѣдалъ безъ вина, послѣ заснулъ часа три и теперь, умытый и прибранный, ожидаетъ Воронова и Орѣцкаго, чтобы съ ними отправиться проводить вечеръ. Вечера онъ проводилъ всегда внѣ дома. Въ С—нскѣ, какъ и во всѣхъ городахъ, было много невѣстъ, родители и опекуны которыхъ охотно и радушно принимали вечерами холостыхъ мужчинъ, такъ какъ безъ подобныхъ пріемовъ трудно выдать невѣстъ, а выдать ихъ нужно. Лѣтомъ бываетъ два раза въ недѣлю гу-

лянье въ городскомъ саду подъ музыку оркестра полковыхъ трубачей, зимой бываетъ разъ въ недѣлю семейный вечеръ въ городскомъ благородномъ клубѣ, да и въ театрѣ разъ-другой въ недѣлю считаетъ своею обязанностью побывать отецъ и опекунъ невѣсты и невѣстъ,—ну, а теперь, въ посту, когда даже и эта общественная жизнь города прекращена, гдѣ же женихамъ видѣть невѣстъ? Поневолѣ приходилось родителямъ и опекунамъ, имѣющимъ дочерей невѣстъ, принимать, и принимать радушно, по вечерамъ холостыхъ мужчинъ. Для точности, впрочемъ, нужно замѣтить, что во всякое время года холостые мужчины убѣдительно приглашались проводить вечера у семейныхъ, и въ посту приглашеніе основывалось на мотивахъ, изложенныхъ выше, зимой же мотивировалось длинными вечерами, а лѣтомъ—хорошею погодой, въ которую грѣшно ложиться рано спать.

Послѣ того, какъ Лукомскій узналъ отъ Орѣцкаго и полицеймейстера, что его невѣста не такъ богата, какъ онъ предполагалъ, оставаясь одинъ, онъ непремѣнно начиналъ думать о своей женитьбѣ и для него теперь такъ же серьезенъ былъ вопросъ: «жениться, или нѣтъ?», онъ такъ имъ волновался и обдумывалъ всесторонне, какъ датскій принцъ Гамлетъ обдумывалъ свое мщеніе. Да, у Лукомскаго было своего рода «быть или не быть?».

Дожидая пріятелей, онъ сидѣлъ въ креслѣ у стола и очищалъ ножичкомъ ногти на пальцахъ рукъ; лицо его было спокойно, но голова полна мыслей. «Какъ далеко зашелъ я съ нею,—думаетъ онъ,—что мнѣ какъ будто совѣстно узнать непосредственно отъ нея или отъ ея матери, сколько за ней приданаго, и затѣмъ, если одно имѣніе, отказаться отъ женитьбы.... Я часто бывалъ въ ихъ домѣ, гулялъ вечерами съ нею вдвоемъ въ рощѣ, высказывалъ откровенно свои мысли.... Потомъ объяснился въ любви.... Она трепетала вся тогда, слезы текли у ней изъ глазъ и какъ хорошо сказала: «я уже мѣсяцъ люблю тебя»....

— «Мы ѣздили кататься вдвоемъ,—продолжалъ думать онъ послѣ сильнаго вздоха, невольно вырвавшагося изъ его груди.— Я цѣловалъ ея руки и только разъ, когда она положила свою руку на мое плечо и, ставъ впереди меня, другой рукой завязывала мнѣ галстукъ нравящимся ей бантомъ,—я не вытерпѣлъ и поцѣловалъ ее.... Она—ни слова и ни одного движенія. «Кончилъ? — спросила потомъ, — можно продолжать завязывать галстукъ?» Я сталъ спокойно, а она спокойно докончила бантъ.—Такую, такую жену мнѣ нужно!—чуть не громко кричалъ я тогда.—

Снаружи—покой, невозмутимость, сила характера, а внутри—рай и адъ, коварство и любовь, страсть и разсудокъ.... Да, въ ней все это есть и, когда нужно, она проявитъ все—и рай, и адъ.... Потомъ что?—Больше ничего серьезнаго.... Я не увлекался далѣе.... Объясненіе съ матерью, ея благословеніе, приготовленіе приданаго, говоръ о свадьбѣ въ городѣ.... Но насъ не вѣнчали, даже формальнаго обрученія не было, я не увлекался далѣе поцѣлуя.... Я люблю ее, но я не хочу бѣдности, лишеній и застоя въ движеніи впередъ. Небогатая квартира, рѣдкій пріемъ, рѣдкіе выѣзды, частыя поѣздки въ Петербургъ будутъ невозможны,—и я буду забытъ, обо мнѣ не вспомнятъ и.... оставайся навсегда при трехъ тысячахъ.... Что такое три тысячи для семейнаго человѣка? Что прибавитъ къ нимъ имѣніе, стоимостью въ тридцать тысячъ? Самое большее—тысячу или полторы тысячи въ годъ, а всего четыре и самое большее четыре съ половиною тысячи въ годъ. Четыре съ половиною тысячи въ годъ—что это? Хватитъ только на приличное житье. А что же въ будущемъ? Что же въ будущемъ, когда каждую минуту дѣти будутъ напоминать о томъ, что имъ нужно образованіе и средства къ безбѣдной жизни до двадцати пяти лѣтъ?...

— «Нѣтъ!—сказалъ онъ громко, бросая ножъ на столъ и закуривая сигару.—Пока наука не дастъ возможности пользоваться любовью женщины, съ полною гарантіей имѣть одно, самое большее двухъ дѣтей, и пока наши женщины не на столько умны, чтобы самимъ приготовлять дѣтей хотя до университета, до тѣхъ поръ—варварство бѣдному человѣку жениться на бѣдной! Я испыталъ на себѣ бѣдность, даваніе грошовыхъ уроковъ.... Еслибы не случайный богатый урокъ, давшій мнѣ возможность прожить съ питомцемъ годъ за границей и скопить полторы тысячи рублей, я бы, навѣрно, не кончилъ университета и былъ бы пролетаріемъ Петербурга. И тому же подвергать своихъ дѣтей?—Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Рѣшенный вопросъ: спрашиваю о приданомъ и, если одно имѣніе, отказъ!»

Онъ хотѣлъ сѣсть къ письменному столу, чтобы писать письмо къ матери невѣсты и категорически спросить, сколько приданаго за ея дочерью; но ему опять вспомнился поцѣлуй и она во время поцѣлуя.

— «Какъ она приметъ мой отказъ? Она, безспорно, сильно влюблена въ меня.... Но вѣдь и я люблю ее. Клянусь, я люблю ее сильно, горячо! Но....»

— Вы готовы?—входя спросилъ Вороновъ.

— О, да! Онъ аккуратенъ,—входя слѣдомъ за Вороновымъ, говорилъ Орѣцкій.

— Готовъ, готовъ, господа! — подавая руку пришедшимъ, отвѣчалъ Лукомскій.—Мы можемъ сейчасъ же двигаться.

— О, да! Но время позволяетъ выпить минеральныхъ водъ. Хорошо вы дѣлаете, Лукомскій, что живете въ гостиницѣ. Въ своей квартирѣ, пока бы вы послали за минеральными, пропала бы охота пить. А въ гостиницѣ,—онъ потянулъ за сонетку звонка,—захотѣлъ, потянулъ за веревку и.... Подать сельтерской воды!—сказалъ служебнымъ голосомъ Орѣцкій вошедшему слугѣ.

— Но неудобно, тѣсно и дорого. Проживаешь около шестисотъ рублей въ мѣсяцъ и нѣтъ комфорту, не знаютъ твоихъ привычекъ,—морщась сказалъ Лукомскій. Онъ морщился не отъ того, что нечаянно увеличилъ почти вчетверо сумму своихъ расходовъ, а отъ того, что его раззоряютъ на воду.

— О, да! Но вы неправы... насчетъ, по крайней мѣрѣ, незнанія здѣсь вашихъ привычекъ. Человѣкъ не спросилъ, «съ чѣмъ прикажете воды?» О, да! Онъ знаетъ ваши и вашихъ гостей привычки.

— Въ пустякахъ. Но болѣе серьезныя привычки....—все еще морщась, сказалъ Лукомскій.

— Болѣе серьезныя привычки? Сейчасъ видно, что скоро женится. Болѣе серьезныя привычки понимаются и удовлетворяются только женой,—улыбаясь сказалъ Вороновъ.

Слуга подалъ три сифона сельтерской воды, бутылку коньяку и большую вазу варенья.

— О, да!—поддакнулъ Орѣцкій, напуская воду въ стаканъ, въ который была влита добрая рюмка коньяку и положена добрая столовая ложка варенья.

— Ты, кажется, не голоденъ, Вороновъ?... Я говорю о большихъ свѣтлыхъ залахъ, роскошной обстановкѣ, вкусномъ обѣдѣ, о привычкахъ къ комфорту, а онъ... Можно подумать, «что голодной кумѣ—хлѣбъ на умѣ»,—сказалъ Лукомскій и началъ приготовлять для себя мѣсиво изъ сельтерской воды, коньяку и варенья.

— Всякій комфортъ только женой и понимается. Я знаю по себѣ. Никакого порядка нѣтъ! Смотрятъ скверной мертвечиной и комнаты, и мебель, и гравюры, и все прочее.... Я, дѣйствительно, не голоденъ, но у женатаго и этотъ комфортъ завидный.

Амуру сколько при немъ! Ха-ха-ха!—весело говорилъ Вороновъ и шаловливо потиралъ ладонью одной руки объ ладонь другой.

— Ну, а какъ вы рѣшили съ женитьбой?... Господинъ слова или жертва долга?

— Еще не рѣшилъ. Навѣрно еще ничего не узналъ,— серьезно сказалъ Лукомскій.

— О, да! Но если?...—приготовляя второй стаканъ, допытывался Орѣцкій.

— Если нѣтъ—и я нѣтъ!—живо отвѣтилъ Лукомскій.

— Браво! Какой смыслъ въ женитьбѣ при бѣдности!?

— Вѣчно работай и вѣчно нуждайся. Я не имѣю своихъ сотенъ тысячъ, а десятки—нуль!—сказалъ Лукомскій.

— А любовь? А «съ милой рай и въ шалашѣ»?—улыбаясь сказалъ Вороновъ.

— Господа!—громко началъ Лукомскій,—разберемъ серьезно лю-бо-вь. Я невольно вспомнилъ, когда Вороновъ сказалъ это слово, нашего предводителя дворянства. Какого лучше доказательства въ пользу женитьбы по принципу! Вотъ вамъ человѣкъ, живой примѣръ! Былъ безъ средствъ, обрѣтался въ малыхъ чинахъ и жалкихъ должностяхъ, а женился на первой аристократкѣ, на первой богачкѣ двухъ губерній—и теперь ваше превосходительство, губернскій предводитель дворянства, единственное первое лицо въ городѣ при настоящемъ положеніи дѣлъ. Вы скажете,—продолжалъ воодушевляясь Лукомскій,—но жена—некрасива, но жена—стара, привередлива, капризна, но онъ женился на вдовѣ. Вы скажете, что онъ не испыталъ сладостной нѣги ожиданія, при которой рисуются картины красоты дѣвушки, вмѣстѣ съ жаркими объятіями, страстными поцѣлуями, робкою боязнью не извѣданнаго еще, но инстинктивно-заманчиваго блаженства первой любви... Упоительная нѣга, какъ опіумъ, какъ грёза на зарѣ, приковываетъ васъ на мѣстѣ и вы только смотрите на любимую вами красавицу и медленно цѣлуете ея руки... Вы скажете, что нашъ предводитель промѣнялъ все это, промѣнялъ на что?—на презрѣнный металлъ, на пустое чванство, на глупую барственную обстановку... Но такъ ли это, господа? Не кажется ли это такимъ ничтожнымъ только тому, кто не извѣдалъ силы знатности и богатства, кто не знаетъ, что знатностью и богатствомъ можно пріобрѣсть все, можно добыть все? «Все—мое, сказало злато!» И я—твой, сказалъ булатъ!... При богатствѣ вы можете вполнѣ наслаждаться любовью, и не только

любовью, но и ея рѣшимостью на запретную любовь, боязнью извѣстности, жгучимъ страхомъ измѣны, мучительною мыслью скораго конца блаженства для нея. О, эти чувства, мысли, вздохи такъ сладки, поэтичны!... Но, мало этого, вы будете наслаждаться любовью не при жалкой обстановкѣ бѣдняка, а окруженный всѣмъ, что могутъ дать деньги: цвѣты, картины, бронза, ковры, полусвѣтъ матоваго абажура... Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Пусть не чуждается, пусть ищетъ кто только можетъ богатства! Богатство—Архимедовъ рычагъ, точка опоры для него, и съ нимъ можно ворочать по произволу міръ! «Все—мое, сказало злато!» И я—твой, сказалъ булатъ!...

— О, да! Браво, браво! Вы—великій ораторъ!—восторгался Орѣцкій.

— Браво, браво, браво!—кричалъ Вороновъ.—Какъ картинно и какъ правдиво! Браво, браво!

Лукомскій горячо жалъ подаваемыя ему руки и залпомъ выпилъ стаканъ мѣсива.

— Знаешь ли, Лукомскій?—говорилъ Вороновъ, когда всѣ немного успокоились,—до твоей рѣчи мнѣ казалось, что еслибы Катерина Дмитріевна Рымнина была бѣдна, я бы все-таки женился на ней, ей-богу, хотя я началъ интересоваться ею сперва только какъ богатой невѣстой.

— Ну, а теперь?—порывисто спросилъ Лукомскій.

— Теперь?—Теперь я все-таки женюсь, но только на хорошенькой и у которой есть деньги. На чортѣ и съ деньгами не женюсь!—весело отвѣтилъ Вороновъ.

— Это правда!—равнодушно замѣтилъ Орѣцкій.

— На рожѣ и съ деньгами противно. Страшно! Бррр...—брюзгливо сказалъ Вороновъ.

— Скажи, Вороновъ, ты далеко уже запустилъ крючокъ въ сердце Рымниной?—спросилъ Лукомскій.

— Которой?—спросилъ Орѣцкій.—И мать, и дочь достойны крючка мужчины. О, да!

— Конечно, mademoiselle. Madame уже съ крючкомъ,—пояснилъ Лукомскій.

— Съ двумя: со старымъ и ржавымъ и—съ толстымъ и не очень новенькимъ, но прочнымъ. Ха-ха-ха!—шутилъ Вороновъ.

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Какъ твои сердечныя дѣла съ mademoiselle Рымниной?—допытывался Лукомскій.

— Я влюбленъ, влюбленъ серьезно. А она—не знаю. Я еще съ ней не говорилъ.... Ты не думаешь ли за ней пріударить, бросить бѣдненькую Плиточку, да за ней?—и Вороновъ недовѣрчиво, но улыбаясь, посмотрѣлъ на Лукомскаго. Онъ считалъ себя нумеромъ первымъ среди знакомыхъ mademoiselle Рымниной и, будучи высокаго мнѣнія о Лукомскомъ, боялся теперь его конкурренціи.

— Но еслибъ у ней не было приданаго, еслибъ она была бѣдна, ты бы женился на ней?—спросилъ Лукомскій, не отвѣчая на вопросъ Воронова.

— Нѣтъ, клянусь Богомъ, нѣтъ!—горячо сказалъ тотъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Браво! Умный человѣкъ! О, да!

— Я, господа, скажу вамъ правду,—оживленно началъ Лукомскій.—Меня что-то мучило, что-то жало вотъ тутъ, — онъ приложилъ руку къ сердцу,—когда думалось объ отказѣ mademoiselle Плитовой.... Но съ сегоднешняго дня объявляю рѣшительно: если у ней, или за ней, кромѣ имѣнія—нуль, я отказываюсь отъ нея!

— Браво!... Но намъ пора. Идемъ, господа!

Всѣ трое, веселые и довольные, вышли изъ нумера.

II.

Лукомскій, Вороновъ и Орѣцкій отправились проводить вечеръ у начальника штаба 401-й пѣхотной дивизіи, Михаила Аркадьевича Духовскаго, мужчины лѣтъ тридцати пяти, высокаго, статнаго, немножко полноватаго, съ очень пріятнымъ лицомъ и съ постоянною усмѣшкой около рта. Объ этой усмѣшкѣ и о небольшихъ живыхъ глазахъ его одни говорили, что въ нихъ есть чуть-чуть замѣтная злость, а другіе — что въ нихъ есть чуть-чуть замѣтная хитрость; командиръ же мѣстнаго полка, бывшій не въ ладахъ съ Духовскимъ, находилъ въ нихъ и то и другое, и даже въ очень и очень большомъ количествѣ. Онъ любилъ много говорить и, главное, обо всемъ, но не навязчиво и не требуя большой внимательности, такъ что слушавшій его гость могъ наблюдать отлично все кругомъ, думать обо всемъ и въ то же время слушать хозяина. Его жена, Ольга Ѳедоровна, была всѣми, кто только видѣлъ ее въ первый разъ, принимаема за институтку или за гимназистку, но никакъ не за барышню,

готовую для замужства, а тѣмъ болѣе не за даму. Дѣйствительно, ея маленькій ростъ, худое и блѣдное лицо, ясные и всегда немного прикрытые вѣками небольшіе сѣрые глаза — дѣлали ее непохожей на женщину двадцати лѣтъ и бывшую уже три года за мужемъ, какъ это было на самомъ дѣлѣ. У ней не было дѣтей, она любила видѣть у себя довольныхъ и разговорчивыхъ гостей, любила, чтобы гости тѣснились вокругъ нея, часто обращались къ ней лицомъ, улыбались,—и она тоже старалась смотрѣть и улыбаться. Она, въ противоположность мужу, была молчалива, не любила бывать на балахъ и собраніяхъ, гдѣ она терялась среди болѣе ея высокихъ ростомъ, живыхъ и разговорчивыхъ городскихъ дамъ.

Обыкновенными и постоянными посѣтителями вечеровъ Духовскихъ были: военный докторъ, мужчина лѣтъ за тридцать, съ полковничьими погонами на оттянутыхъ назадъ и внизъ плечахъ; когда его спрашивали объ этомъ оригинальномъ положеніи его плечъ, онъ говорилъ: «это, батенька, ихъ чины вывихнули, за которые съ меня берутъ, а жалованья все только шесть сотъ рублей въ годъ даютъ»;—его жена, считавшаяся умной и начитанной барыней; она-то и убѣдила Духовскихъ и ихъ постоянныхъ посѣтителей читать часъ-другой что-нибудь современное на вечерахъ;—мать жены Духовскаго съ двумя дочерьми-невѣстами, очень похожими на хозяйку, и съ двумя гимназистками среднихъ классовъ, живущими у нея на квартирѣ;—отъ трехъ до пяти молодыхъ офицеровъ мѣстнаго полка, изъ которыхъ только одинъ, худой брюнетъ и городской риѳмоплетъ, Эксельбантовъ, бывалъ на каждомъ вечерѣ, а остальные чередовались и какъ поэтому, такъ и потому, что хозяинъ былъ для нихъ важный начальникъ, держали себя скромно и мало-замѣтно;—акцизный чиновникъ, недурной лицомъ, но черезчуръ серьезный и молчаливый мужчина. Орѣцкій, какъ помощникъ хозяина по службѣ, былъ также постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ и онъ же превратилъ въ таковыхъ Лукомскаго и Воронова.

Но кромѣ этихъ, постоянныхъ, гостей всегда бывали на вечерахъ три или четыре семейныхъ пары, со взрослыми дочерьми, и одинъ или два солидныхъ чиномъ военныхъ, но не выше полковниковъ. Львовъ былъ первый разъ на вечерѣ и первый же разъ была на немъ Ирина Андреевна Тотемкина, гувернантка дѣтей дивизіоннаго генерала, первая красавица города, какъ говорили мужчины, и до странности оригинальная и до неприли-

чія кокетливая, какъ говорили барыни, а барышни вторили имъ. Ей было восемнадцать или около того лѣтъ, она была выше средняго роста и отлично развита отъ густыхъ темныхъ волосъ на ея крупной головѣ до прекраснаго, дышащаго здоровьемъ и свѣжестью лица, до высокой груди, до полныхъ, округленныхъ рукъ съ продолговатыми пальцами и до красивыхъ маленькихъ ножекъ, которыя всегда были видны, такъ какъ она носила короткое платье, чѣмъ и отличалась уже отъ всѣхъ городскихъ барынь и барышень. Но что было самое прекрасное у Ирины Андреевны — это ея большіе, задумчивые, манящіе, блестящіе, темные глаза. Жизнь и блескъ этихъ глазъ отражались и на ея прекрасномъ лицѣ, и особенно на ея густыхъ, толстыхъ и длинныхъ черныхъ бровяхъ, скрадывая ихъ серьезность и величественную неподвижность. Барыни считали ее кокетливой до неприличія, а между тѣмъ она не вертѣла головой, не измѣняла обыкновеннаго сложенія губъ, не щурила глазъ, не двигала бровями, какъ дѣлаютъ это почти всѣ барышни и барыни, желая показать, что имъ весело, что онѣ игривы и увлекательны; но на ея крупномъ лицѣ постоянно сквозили жизнь, мысль, душа,— сквозили заманчиво, картинно, строго, съ незамѣтнымъ движеніемъ бровей, съ незамѣтнымъ измѣненіемъ губъ, но съ выразительной игрой въ глазахъ.

Вечера у Духовскихъ не были веселы, умны или оригинальны, но только уютны, походили на сѣренькую осень безъ солнца, но и безъ дождя. Въ семь часовъ всѣ садились за длинный столъ, уставленный закусками и прочими принадлежностями чая, причемъ хозяинъ помѣщался на одномъ концѣ стола, хозяйка—на другомъ, гдѣ шумѣлъ самоваръ, гости женскаго пола—по обѣ стороны хозяйки, а мужскаго пола — по обѣ стороны хозяина. Лакей, солдатъ въ штатскомъ сюртукѣ, разносилъ чай, наливаемый хозяйкой, и за столомъ начинался отдѣльный разговоръ мужчинъ и дамъ. Дамы передавали: кто кого видѣлъ, что при этомъ особеннаго замѣтилъ, о чемъ особенномъ шелъ при встрѣчѣ разговоръ и т. д., хотя все разсказываемое было обыденнымъ и интересовало дамъ только потому, что не было ничего другаго, болѣе интереснаго, а дамы молчать не любятъ, да и неприлично молчать въ гостяхъ. Барышни то серьезно слушали, вставляя по временамъ свои коротенькія фразы, очень похожія на растянутое «да» или на такое же «нѣтъ», то тихонько шептались между собою, улыбаясь и украдкой поглядывая на

мужчинъ, конечно, молодыхъ. Мужскіе разговоры малымъ чѣмъ отличались отъ женскихъ: сообщали новости, касавшіяся ихъ рода службы, хотя эти новости всѣ знали уже и прежде, передавали факты изъ газетъ, причемъ всѣ кивкомъ головы или словами: «да, да», «о, да», «читалъ», «какже, читалъ»—высказывали свое мнѣніе о передаваемомъ фактѣ. Когда факты газетъ исчерпывались, кто-либо говорилъ: «а что, если», и т. д.—и передавалъ выводъ передовой статьи газеты; «куда?» и т. д.—говорилъ другой и передавалъ содержаніе передовой статьи другой газеты; «нѣтъ» и т. д.—говорилъ третій и поддерживалъ перваго, и проч. Но все шло чинно, безъ увлеченія, а молодые офицеры внимательно смотрѣли и слушали. О чемъ думали они въ то время? Учились ли они такту и самообладанію въ ходѣ преній, или они понимали это самообладаніе, этотъ тактъ, знали причину того и другаго и только воздерживались отъ порицанія и такта, и причинъ его?

Подъ конецъ чаепитія, спустя часъ отъ начала, разговоръ дѣлался общимъ между мужчинами и дамами. Втягивали мужчинъ въ дамскій разговоръ сами дамы, громко призывая своего Жана или Мишеля въ свидѣтели того, что говорилось женою Жана или Мишеля, хотя жена Жана или Мишеля говорила и теперь въ томъ же родѣ, какъ и въ началѣ чаепитія, когда свидѣтельства Жановъ или Мишелей однако не требовалось... Призванный въ свидѣтели не ограничивалъ своего свидѣтельства короткимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ, а считалъ долгомъ громко и со всѣми подробностями . передать то, что прежде передавалось только для дамъ женою Жана или Мишеля, причемъ жена поправляла своего мужа, когда тотъ при передачѣ упускалъ подробность.... Такимъ образомъ завязывался общій разговоръ.

Послѣ чаю всѣ отправлялись въ залъ. Барышни, по двѣ и по три въ рядъ, ходили вдоль залы, сопутствуемыя кавалерами изъ молодыхъ, и вели негромкій разговоръ насчетъ будущихъ баловъ, вечеровъ и другихъ развлеченій, или какъ проводили время на прошедшихъ подобныхъ развлеченіяхъ, причемъ кавалеры старались говорить шутливо, остро, а барышни старались улыбаться. Солидные мужчины и дамы садились въ залѣ группами, по двое и трое, и вели подобные чайнымъ разговоры, но касающіеся уже лично самихъ собесѣдниковъ. «Правда ли?» и т. д., спрашивалъ одинъ и передавалъ сплетню объ его слушателѣ, который говорилъ «да» или «нѣтъ» и подробно доказывалъ, почему «да» или почему «нѣтъ», и т. д. Умѣющая пѣть или играть на фортепіано

барышня, послѣ усиленныхъ просьбъ, садилась и пѣла салонный романсъ или играла такую же пьесу, при концѣ которыхъ всѣ хлопали, хвалили и благодарили, и т. д. Скоро появлялась хозяйка, распоряжавшаяся до того ужиномъ, и говорила: «Кому угодно за карты?... А намъ не почитать ли?», и пожилые мужчины отправлялись въ гостиную за карточные столы, а въ залѣ риөмоплетъ Эксельбантовъ бралъ новую книжку журнала, обыкновенно «Дѣло», и читалъ изъ нея повѣсть или критическую статью, а всѣ остальные, разсѣвшись кучками, слушали и шепотомъ перебрасывались словомъ-другимъ или по поводу читаемаго, или сообщалась вдругъ пришедшая на умъ подробность новости, упущенная за чайнымъ столомъ, или говорился вновь измышленный комплиментъ, легкая острота и т. д.

Послѣ чтенія опять проводили часъ-другой такъ же, какъ и послѣ чая: пѣли, играли, гуляли по залѣ и вели тѣ же разговоры. Въ первомъ часу ночи хозяйка приглашала ужинать. Ужинъ состоялъ изъ холодныхъ закусокъ, куска говядины, въ видѣ жаркого или соуса, и сладкихъ пирожковъ. За ужиномъ проводили время такъ же, какъ и за чаемъ, только всѣ немного оживлялись, было болѣе шума, въ разговоры примѣшивались карты, читанная повѣсть или критическая статья и похвалы проведенному вечеру. Послѣ ужина барыни и молодежь обоего пола отправлялись по домамъ, а пожилые мужчины продолжали карточную игру часовъ до трехъ-четырехъ.

III.

Такъ проводили вечера у Духовскихъ всегда, но въ описываемый нами день вечеръ у Духовскихъ не походилъ на осенній, сѣренькій, безъ солнца, но и безъ дождя день, а походилъ скорѣе на день такъ-называемаго бабьяго лѣта, когда ярко свѣтитъ солнце, когда не жарко, но тепло и пріятно. Происходило это по тремъ обстоятельствамъ. Во-первыхъ, была вербная, а не обыкновенная пятница, и приближались праздники Пасхи, что бываетъ разъ въ году, съ чѣмъ связаны шумныя приготовленія, новыя моды, наряды, новыя награды и производства, и все это не могло не повліять на проясненіе заурядности вечера, не могло не сообщить большей оживленности хозяевамъ и гостямъ. Во-вторыхъ, могутовская исторія и онъ самъ были такъ необычайны, сильно задѣвали собою и честь, и приличіе, нравственность и политику, были и пикатны, и возмутительны, и не могли не сообщить

большей противъ обыкновеннаго говорливости, увлеченія и юмору Духовскимъ и ихъ гостямъ. Въ-третьихъ, и это самое главное, на вечерѣ была въ первый разъ Ирина Андреевна Тотемкина, которая и разогнала окончательно сумрачность, и вызвала собою осеннее солнышко бабьяго лѣта въ покояхъ Духовскихъ. Ея красивая фигура, ея полное жизни лицо, ея манящіе глаза, ея бойкій и смѣлый говоръ оживили мужчинъ, придали ихъ взглядамъ болѣе огня, ихъ движеніямъ—болѣе смѣлости и откровенности, ихъ улыбкамъ—болѣе искренности, ихъ словамъ—болѣе соли, ѣдкости, остроты. Женщины не хотѣли отставать отъ мужчинъ. Онѣ досадовали внутри на Тотемкину и на мущинъ, такъ замѣтно поглощенныхъ ею одною, но старались пустить въ ходъ всю силу ихъ ума, красоты и кокетства, чтобы казаться веселыми, игривыми, умными.

Послѣ чая въ залѣ сперва началось было обыкновенное времяпрепровожденіе, но когда Тотемкина, послѣ ординарной пѣвицы вечеровъ, сама, безъ всякихъ предложеній и упрашиваній, сѣла за фортепіано и спѣла «Вечеръ» Монюшки,—восхищенію, искреннему восхищенію, не было границъ: кричали «браво», благодарили съ крѣпкимъ рукопожатіемъ, горячо просили повторить. Она повторила. Когда она пѣла: «щечки алѣли, рученьки млѣли, дѣвичьи грёзы мѣшали»,—всѣ не только слушали, но и пожирали пѣвицу глазами,—зло пожирали барыни и барышни, аппетитно—мужчины. Голосъ пѣвицы былъ сильный, очень пріятный и, что самое главное, она пѣла отъ души,—проглядывала искренность, чувство, которыя невольно приковывали къ себѣ слушателей, шевелили въ нихъ самихъ чувства наиболѣе дорогія для нихъ. Фуроръ восторга дошелъ до самаго высшаго апогея, когда Тотемкина спѣла арію пажа изъ «Гугенотъ». Львовъ, первый разъ видѣвшій пѣвицу и до сихъ поръ слушавшій сообщеніе хозяина, какъ у штабныхъ офицеровъ, путемъ двухъ-часоваго разговора на первое попавшееся слово лексикона, вырабатывается умѣнье говорить обо всемъ, пересталъ слушать хозяина и весь обратился въ созерцаніе пѣвицы. Онъ былъ наиболѣе свѣжій человѣкъ среди всего общества; студенчество его прошло въ Москвѣ, онъ имѣлъ возможность слышать хорошихъ оперныхъ пѣвицъ, видѣлъ много красавицъ, но и его поражала задушевность пѣнія Тотемкиной и полное жизни, ума, красоты, лицо молодой дѣвушки. Ее просили еще пѣть, но она встала и просьбы прекратились: она такъ серьезно, но не строго, сказала: «болѣе не могу», что видно

было всѣмъ, что просьбы не помогутъ, не возбудятъ въ ней охоты пѣть.

— Кому угодно за карты?... А намъ не почитать ли?—заявила вошедшая въ залу хозяйка.

— Милая, душка, Ирина Андреевна! поиграемъ въ веревочку, пожалуйста, поиграемъ! Такъ было весело, когда мы играли съ вами у генерала. Пожалуйста, поиграемъ!—пристали, чуть не со слезами, гимназистки къ Тотемкиной.

Она согласилась и, вмѣсто чтенія, завязалась общая игра молодыхъ мужчинъ, дамъ, дѣвицъ и гимназистокъ въ веревочку, а пожилые, вмѣсто карточной игры, стояли вокругъ играющихъ и любовались игрой. Игра шла бойко; много было шуму, смѣху и даже крику со стороны гимназистокъ. Игрою завладѣли Тотемкина, гимназистки, Львовъ, Орѣцкій, Вороновъ и Лукомскій, но и всѣмъ остальнымъ было весело наблюдать и вызывать собою всеобщій смѣхъ, когда, вслѣдствіе усталости главныхъ игроковъ, наблюдатель нежданно получалъ ударъ по рукѣ, вздрагивалъ и, съ миной «благодарю, не ожидалъ», отправлялся въ кругъ.

Было половина девятаго. Внутри круга стояла Тотемкина. Одна рука ея поднята и вытянута въ уровень плечъ, какъ будто она дирижируетъ играющими, а другая немного отведена отъ корсажа и чуть-чуть приподнята. Она медленно, какъ бы въ раздумьи, какъ бы крадучись, какъ кошка, обходила кругъ, а манящіе бархатные глаза ея окидываютъ играющихъ беззаботнымъ, смѣющимся взглядомъ. Изъ игроковъ одни—все вниманіе и веселая сосредоточенность, съ глазами устремленными на нее; другіе—съ безкорыстной и безхитростною любовью смотрятъ на нее и любуются ея прекраснымъ, живымъ, немного зарумянившимся лицомъ, ея стройною фигурой, ея плавными движеніями; третьи—удивлены и поражены ея красотой и, переставъ слѣдить за игрой, устремили на нее жадные глаза. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ и Орѣцкій. Онъ, какъ говорится, впился глазами въ дѣвушку, руки его пассивно летали на веревочкѣ и.... «изъ орбитъ его очи лѣзли, очами онъ пожрать ее хотѣлъ». А она, какъ бы замѣтя его хотѣніе пожрать ее, быстро оборачивается лицомъ къ нему и звонко, полнымъ размахомъ своей полной и, вѣроятно, не легкой руки, ударила по рукѣ Орѣцкаго. Онъ вздрогнулъ, кровь прилила къ его лицу, онъ почувствовалъ боль въ рукѣ, сознаъ свой эротическій зѣвокъ, вытянулъ лицо и, немного безсмысленно глядя на играющихъ, говорилъ протяжно: «о, да!—о,

да!» Неудержимый, заразительный хохотъ раздался въ залѣ. Смѣялись всѣ,—смѣялись надъ Орѣцкимъ, надъ его страстнымъ зѣвкомъ, надъ его немного глупою миной, надъ протяжнымъ «о, да!—о, да!», надъ смѣлымъ ударомъ, надъ самой Тотемкиной, которая, скрестивъ по-наполеоновски руки, съ шутливо-сострадательною миной «извините» и съ смѣющимся укоромъ въ глазахъ «такъ нельзя смотрѣть»,—смотрѣла на него.... Орѣцкій внутри круга былъ смѣшонъ при его высокомъ ростѣ, при черезчуръ наивномъ желаніи схитрить, провести непріятеля, сдѣлать удачный обходъ и при постоянной неудачѣ....

Часы медленно начали бить девять. Тотемкина отошла отъ круга и начала прощаться съ хозяиномъ и хозяйкой. Ее удерживали, гимназистки, чуть не плача, просили еще поиграть, но все было напрасно. Кавалеры предлагали себя въ проводники, хозяева предлагали экипажъ, но она отказалась отъ того и отъ другаго. Замѣтно было, что она сильно торопилась уходить и даже забыла проститься со многими изъ гостей Духовскихъ.

По уходѣ Тотемкиной вечеръ пошелъ старою колеей: солнце скрылось и возвратился сѣренькій осенній денекъ.

— Я вамъ не договорилъ, какимъ образомъ мы, офицеры генеральнаго штаба, получали навыкъ обстоятельно и хорошо говорить,— разсказывалъ Духовскій своему новому знакомому, Львову.—Нужно вамъ пояснить, что умѣнье хорошо говорить такъ же необходимо для насъ, офицеровъ генеральнаго штаба, какъ и для адвоката, профессора, оратора парламента, хотя я того мнѣнія, что умѣть хорошо говорить необходимо всѣмъ людямъ дѣла. Представьте себѣ, что, положимъ, мнѣ поручено составить планъ сраженія и подыскать для него подходящую мѣстность въ извѣстномъ районѣ. Хорошо. Я исполнилъ прекрасно возложенную на меня обязанность, не упустилъ ни одной подробности и ни одной могущей произойти случайности, изложилъ все на бумагѣ точно и обстоятельно, приложилъ прекрасный планъ,—что же, вы думаете, будетъ принятъ мой планъ сраженія?

Львовъ неопредѣленно пожималъ плечами. Онъ плохо слушалъ, такъ какъ его голова занята была Тотемкиной. Онъ старался разгадать ея характеръ и сравнивалъ съ нею Катерину Дмитріевну Рымнину.

— Конечно, вы скажете,—продолжалъ Духовскій,— что если планъ обстоятеленъ, точенъ и не упущены случайности, то будетъ принятъ и авторъ награжденъ. Нѣтъ,—скажу я вамъ,—

нѣтъ!... Потому нѣтъ, что вы должны еще выдержать критику, оппонировать, защищать вашъ планъ. Какъ же вы это сдѣлаете, не умѣя говорить? Конечно, безъ дара слова вы спасуете, не съумѣете защищать, неудачнымъ выраженіемъ разозлите оппонента и слушателей, и вашъ планъ не только не будетъ принятъ, вы не только не будете награждены, но еще и многое потеряете по службѣ, хотя, быть-можетъ, планъ вашъ былъ прекрасенъ... Понятно вамъ теперь?

Львовъ кивалъ головой, хотя голова его исключительно занята была сравненіемъ и онъ приходилъ къ заключенію, что Катерина Дмитріевна — ангелъ, которому никогда не придетъ на мысль возстать, протестовать, а Тотемкина — ангелъ, который легко можетъ превратиться въ дьявола, если только она уже и теперь не «прекрасна какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла».

— Вотъ, — продолжалъ Духовскій, — чтобы пріучить себя къ умѣнью хорошо говорить, находчиво и безъ вульгарныхъ выраженій, мы, офицеры генеральнаго штаба, дѣлали такъ. Разъ въ недѣлю мы, товарищи по курсу, собирались всѣ вмѣстѣ и обязаны были по очереди говорить не менѣе двухъ часовъ на первое попавшееся слово лексикона. Потомъ начиналась критика всѣхъ противъ одного. Потомъ баллотировкою присуждалась отмѣтка. И надо вамъ замѣтить, что мы дорожили хорошею отмѣткой здѣсь, въ кругу товарищей, больше, чѣмъ даже отмѣткой на экзаменѣ у профессора. Для этого мы слѣдили за литературой всевозможныхъ родовъ спеціальностей, не упуская также и общечеловѣческой литературы.

— «Гувернантка, — думалъ въ это время Львовъ, — а сколько важности, такту, умѣнья... Откуда это? Унаслѣдованная привычка, или пріобрѣтено наблюденіемъ и силою характера?»

— Я вамъ лучше всего поясню это примѣромъ, — продолжалъ Духовскій. — Мнѣ попалось въ лексиконѣ слово морковь. На это слово, не спорю, ботаникъ можетъ проговорить не только два, а и болѣе часовъ, но обыкновенно образованный человѣкъ, не приготовленный къ умѣнью говорить, и въ пять минутъ исчерпаетъ предметъ, а я говорилъ ровно два часа!... Я началъ такъ: «Морковь, милостивые государи, растеніе изъ семейства зонточныхъ. Я долженъ, къ сожалѣнію, сознаться предъ вами въ моемъ незнаніи латинскаго языка, — я не могу назвать вамъ латинскаго названія этого растенія и этого семейства. Я признаю....»

Но авторъ боится удлинять романъ передачей полной рѣчи Духовскаго о моркови. Скажу только, что онъ говорилъ о ней прекрасно и не пропустилъ ничего. Онъ коснулся значенія древнихъ языковъ, какъ предметовъ классическаго образованія и какъ необходимыхъ въ медицинѣ, ботаникѣ и т. д.; коснулся реальнаго образованія и отдалъ должное ему и его необходимости для жизни; изложилъ процессъ питанія животныхъ, коснулся кухни вообще и солдатской въ особенности; объяснилъ значеніе сахара, какъ суррогата спирта, и моркови, какъ суррогата сахара; коснулся консервовъ и довольствованія арміи пищей въ мирное и въ военное время и опять коснулся консервовъ и т. д., и т. д. говорилъ онъ Львову о моркови до самаго ужина.

За ужиномъ Львовъ, избѣгая сосѣдства хозяина и получивъ сразу отвращеніе къ моркови, сидѣлъ рядомъ съ женою доктора. Онъ распрашивалъ у нея про Тотемкину и услышалъ отъ нея приблизительно слѣдующее:

Она—дочь когда-то очень богатыхъ и аристократическихъ дворянъ, но въ настоящее время сирота, ровно ничего не имѣетъ и служитъ гувернанткою, какъ и ея старшая сестра. Обѣ получили хорошее, даже блестящее домашнее образованіе, но, при бѣдности, старшая сестра—такая же когда-то красавица и умница—уже старая дѣва, за тридцать лѣтъ.

— А въ нашъ вѣкъ,—такъ продолжала разсказъ докторша,—когда хорошіе мужчины ищутъ невѣстъ съ приданымъ, та же участь грозитъ и младшей сестрѣ. Впрочемъ, она сама виновата. Порядочные мужчины избѣгаютъ ея: боятся, что влюбятся и будутъ потомъ несчастны на всю жизнь... Вы замѣтили, конечно, какія у ней барственныя замашки? А сколько кокетства! Она готова повиснуть на шею первому попавшемуся мужчинѣ, если только есть шансы женить его на себѣ и если только онъ не бѣденъ.

— Скажите!... А мнѣ она показалась серьезной. Почти не улыбается, только глаза иногда смѣются,—сказалъ Львовъ.

— А этого мало?—живо сказала докторша.—Вы, мужчины, никогда не будете знать женщинъ. Въ глазахъ-то все кокетство и заключается! Я сама была дѣвушкой и скажу вамъ, что когда строишь разныя улыбочки, гримасничаешь, то этимъ только маскируешь скуку, скрываешь непонятное, уклоняешься отъ отвѣта, и все только для того, чтобы не покраснѣть. А вотъ когда узнаешь жизнь, пооботрешься, бросишь эти улыбочки и ужимочки, кото-

рыя мужчины, по своей близорукости, считаютъ за кокетство, и начнешь глазами играть, не хуже Тотемкиной,—тогда-то и начинается настоящее, систематическое кокетство, которое вамъ, мужчинамъ, нравится, но отъ котораго вамъ болѣе всего грозитъ бѣда. Это—вѣрный признакъ, что дѣвушка понимаетъ все не хуже замужней дамы....

IV.

Ирина Андреевна Тотемкина, выйдя отъ Духовскихъ, очень скорою походкой направилась къ городскому саду. Ночь по-прежнему была лунная, по небу верхнимъ вѣтромъ, незамѣтнымъ на землѣ, гнались на востокъ частые клочки бѣловато-синихъ облаковъ. Они то набѣгали на луну, закрывали ее собой и темнѣе дѣлалось на землѣ, то покрывали луну прозрачною дымкой и она плыла подъ ними, какъ подъ вуалью, то скоро и вдали проносились мимо луны, то только чуть-чуть касались ея.

Когда Тотемкина вошла въ садъ и дошла до главной аллеи, полицеймейстеръ, уже съ полчаса гулявшій по аллеѣ и нетерпѣливо посматривавшій часто на часы, замѣтилъ ее и торопливою походкой подошелъ къ ней.

— Добрый вечеръ, Ирина Андреевна!—началъ полицеймейстеръ нѣжно и потому пискливо.—Заставили меня, старика, долгонько продежурить. Но я зналъ, что ваше слово—законъ. Холодно было ногамъ, а не убѣжалъ,—зналъ, что придете....

— Извините. Я опоздала всего на семь минутъ, — доставъ часы и глядя на нихъ, говорила Тотемкина.—Какъ свѣтло! На моихъ маленькихъ часахъ видны минуты!... Все бѣжитъ,—глядя на небо, продолжала она,—и облака, и мѣсяцъ, только въ разныя стороны. Не правда ли, какъ хорошо?

Полицеймейстеръ стоялъ съ вопросительно-нетерпѣливою миной на лицѣ: ему пора быть съ вечернимъ рапортомъ у губернатора, ему нуженъ точный отвѣтъ отъ Тотемкиной, онъ съ сильнымъ нетерпѣніемъ ждетъ ея отвѣта, — а она говоритъ чортъ знаетъ что и онъ, чортъ знаетъ чего, слушаетъ и не спрашиваетъ!

— Да.... Прекрасная ночь.... Дѣйствительно, изволили вѣрно замѣтить: все бѣжитъ—и облака бѣгутъ, и мѣсяцъ бѣжитъ,—досадливо крутя усы, неопредѣленно говорилъ полицеймейстеръ.—И знаете ли,—болѣе живо заговорилъ онъ,—и мнѣ бѣжать нужно, хотя было бы очень пріятно пройтись съ такой обворожительною

барышней и въ такую очаровательную ночь. Но долгъ службы,— нужно торопиться къ....

— Вамъ съ вечернимъ рапортомъ къ начальнику губерніи?— перебила его Тотемкина.— «Когда я завтра пойду съ вечернимъ рапортомъ къ его превосходительству, вы дадите мнѣ вашъ отвѣтъ и я прежде всего отрапортую его и утѣшу нашего любящаго, добраго губернатора...», такъ?—подражая слегка голосу полицеймейстера, передала она вчерашнія его слова.

— Совершенно-съ вѣрно изволите говорить. Я знаю, что вы не захотите обидѣть его превосходительство,—онъ такъ добръ, такъ любитъ васъ.... Вы не захотите обидѣть его превосходительство. Я утѣшу и обрадую его вашимъ отвѣтомъ,—говорилъ полицеймейстеръ, причемъ лицо его улыбалось.

Она не видѣла его улыбки,—она устремила глаза на небо и смотрѣла на облачко, изъ-подъ котораго торопливо выплывала луна. Вотъ она покрылась вуалью жиденькаго хвоста облачка, вотъ она совершенно освободилась и, ясная и спокойная, понеслась навстрѣчу новому, набѣгавшему на нее, облачку.

— Такъ вы торопитесь?—спросила она.

— Не я-съ, а его превосходительство. Онъ теперь въ большомъ нетерпѣніи, въ большомъ нетерпѣніи!... У меня только рапортъ, долгъ службы, а у его превосходительства—тревога сердца, неизвѣстность чувствъ, счастье, такъ сказать, всей жизни!—съ чувствомъ говорилъ полицеймейстеръ.

— Передайте ему, что завтра, въ это время, я желаю видѣть здѣсь его превосходительство и лично утѣшу его.... Я дамъ ему слово любить его,—слышите?

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ, дорогая барышня! Слышу и бѣгу, бѣгу, дорогая барышня! Какъ я его утѣшу!—живо говорилъ полицеймейстеръ и протянулъ ей свою правую руку.

— Вы увѣряли меня въ строгой тайнѣ. «Этого не будетъ знать даже духовникъ мой», такъ?—спросила она, опять подражая его голосу.

— Не дождаться Свѣтлаго Христова Воскресенія, такъ! Полиція не шутитъ. Да меня его превосходительство въ гробъ вгонитъ! «Въ отставку!», скажетъ, а у меня—жена, дѣти... Тайна, наистрожайшая тайна, дорогая барышня!—говорилъ полицеймейстеръ, продолжая держать протянутой къ ней правую руку.— Такъ вы позволите отправиться къ его превосходительству и обрадовать его?... Какъ я его обрадую!

— Можете отправиться и обрадовать, — подавая ему руку, сказала она.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я его обрадую!— крѣпко пожимая руку дѣвушки, говорилъ полицеймейстеръ.—Какъ я его обрадую, какъ обрадую!—уходя по направленію къ губернаторскому дому, повторялъ онъ.

V.

По уходѣ полицеймейстера, Тотемкина скорыми шагами пошла по аллеѣ, потомъ остановилась и, со словами: «я совсѣмъ не туда иду», повернулась и тихо пошла къ выходу изъ сада. Поровнявшись со скамейкой, она опять остановилась, постояла и потомъ сѣла на нее. Предъ ней, изъ-за прутьевъ деревьевъ, виднѣлся, темный теперь, домъ дворянскаго собранія и только стекла въ его окнахъ чуть-чуть блестѣли отъ луннаго свѣта; облака все такъ же неслись на востокъ, навстрѣчу луны и шалили съ нею; деревья сада стояли неподвижно и казались погруженными въ дремоту или созерцаніе свѣтлой ночи; городскаго шума не было слышно и только гдѣ-то, далеко, одиноко выла собака. Раздался хорошо слышный, мягкій вдали, свистокъ локомотива.

«Тутъ—тишина, а тамъ—свистокъ локомотива, торопятся на поѣздъ; кто смѣется, а кто плачетъ,—думала Тотемкина.—И поцѣлуи, и слезы въ одно время... Надо спросить у мистера (такъ она звала дивизіоннаго генерала), сколько каждую секунду родится, умираетъ, женится, топится, стрѣляется, раззоряется и богатѣетъ людей на землѣ.. Онъ долженъ знать,—онъ офицеръ генеральнаго штаба и знаетъ все.... А не знаетъ, что его гувернантка назначила на завтра свиданіе....

«Что свиданіе? — думала она немного погодя, когда образъ губернатора быстро промелькнулъ предъ нею. — Я до него уже рѣшила продать себя....—Она обратила глаза къ небу; въ нихъ блестѣли слезы, но не съ мольбою прощенія они обратились туда и не слова молитвы были въ мысляхъ дѣвушки...

«Сперва, — думала она, — неслись... вотъ такія маленькія тучки, а я, какъ ты, спокойная луна, весело бѣжала къ нимъ навстрѣчу, скрывалась, какъ и ты, подъ ними на минуту, а потомъ опять, счастливая, являлась изъ-подъ нихъ, безъ всякаго слѣда отъ нихъ. Долги отца, сокращеніе расходовъ на выѣзды и пріемы, потомъ продолжительное житье въ деревнѣ.... все не-

замѣтно пронеслось для бойкой дѣвочки, какъ эти тучки для тебя, луна.... Смерть отца, сестра вдругъ, какъ-то вдругъ, стала старой дѣвой, началась ссора съ матерью, попреки, отъѣздъ гувернантокъ.... И ты.... ты любилъ меня. Твоя любовь, мой милый мальчикъ, твои орлиныя надежды, вѣра въ будущее студента-юноши — все освѣщало кругомъ меня и все неслось, не трогая меня, и я свѣтлѣй тебя, луна, смотрѣла на землю съ горячею любовью въ сердцѣ, съ молодою вѣрой въ будущее.... Нашу любовь замѣтили, ореолъ прежняго величія еще не позволялъ матери и сестрѣ мириться съ родствомъ бѣднаго студента, тебѣ отказали въ посѣщеніи нашего дома.... Ты предлагалъ бѣжать съ тобой, мой милый мальчикъ, ты разсердился, что я не послушалась тебя,—ты уѣхалъ и забылъ четырнадцати-лѣтнюю дѣвочку.... Гдѣ ты, что съ тобой? Я плачу, а ты?... ты счастливъ ли?... Да?— Ну, и будь счастливъ, мой дорогой. «Мужчинамъ работать, а женщинамъ плакать», читала я съ тобой въ англійскомъ романѣ. Вспоминаешь ли ты то время? Явись ко мнѣ,—теперь никто не удержитъ меня....

«Потомъ — туча большая, черная, безъ грома и молніи, — продолжала она думать немного погодя, хотя слезы все еще струились изъ ея глазъ, обращенныхъ къ небу.—Опись имѣнія, полное раззореніе, трагическая смерть матери....

«Потомъ... я стала гувернанткой, — думала она, опять немного погодя, когда слезы прекратились и глаза отъ неба обратились на землю, въ блѣдно-синюю даль аллеи сада.—Началась противная, гадкая жизнь. Любезность и вѣжливость изъ приличія, мелкіе попреки, тонкія шпильки генеральскаго барства, ухаживанье, съ цѣлью воспользоваться неопытностью молодой дѣвушки и потомъ бросить, а въ заключеніе всего вотъ въ этой залѣ меня въ глаза называютъ потерявшей стыдъ....»

И въ умѣ ея рисуется ярко-освѣщенная большая зала дворянскаго собранія, въ ней гремитъ музыка, масса нарядныхъ дамъ, изящныхъ мужчинъ, у всѣхъ веселыя лица, улыбки, смѣхъ, живые разговоры. Она тоже въ этой залѣ, среди веселыхъ и нарядныхъ дамъ, среди элегантныхъ мужчинъ. Она одѣта бѣднѣе всѣхъ, но она забыла это. Ею интересуются, ее замѣчаютъ, съ нею обращаются какъ съ другими, даже болѣе, — и она забываетъ свой скромный костюмъ, забываетъ, что она гувернантка, думаетъ, что она равна всѣмъ. Она танцуетъ вторую кадриль.— «Онъ должно-быть помѣщикъ, — думаетъ она о своемъ кавале-

рѣ, — у нихъ у всѣхъ такъ много искренности и деликатности безъ пошлаго любезничанья. Какъ онъ пристально смотритъ на меня!... А онъ очень недуренъ, у него добрые глаза,—какъ онъ прекрасно держитъ себя».

— Я живу почти постоянно въ деревнѣ,—говоритъ онъ ей.— Имѣніе досталось раззореннымъ,—стараюсь поправить дѣло. Скучновато бываетъ порой одному въ громадномъ домѣ, памятникѣ крѣпостнагѣ права и барскихъ затѣй, но лучше скучать одному, чѣмъ вдвоемъ.

— Это правда,—говоритъ она.—Когда мнѣ скучно, я стараюсь быть одной.

— Мнѣ совѣтуютъ жениться,—продолжалъ онъ.—Но, знаете ли, крѣпостная реформа застала насъ неподготовленными даже къ женитьбѣ. Большинство изъ насъ женится такъ же и потому же, какъ мы обѣдаемъ, пьемъ, спимъ.

— Я васъ не понимаю,—живо сказала она.

— Я не говорю, что браки совершаются безъ участія головы и сердца. Но если присмотрѣться, то, право, все это на столько же участвуетъ въ выборѣ подруги жизни, какъ и въ выборѣ блюдъ для обѣда, въ выборѣ вина, въ устройствѣ... въ расположеніи мебели въ кабинетѣ.

— Вы говорите что-то обидное для насъ,—сказала она,—но я васъ не понимаю. Кто же виноватъ, если ваша правда?

— Кто виноватъ?—Виновата наша неподготовленность къ жизни послѣ воли, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права. Но мы, мужчины, еще кое-какъ пристроились, вотъ только съ женщинами бѣда.

— И все бѣдныя женщины виноваты,—шаловливо говоритъ она.—И изъ рая Богъ изгналъ Адама изъ-за Евы, и Лиза «Дворянскаго гнѣзда» пошла въ монастырь изъ-за Лизы «Дворянскаго гнѣзда».... Она вспоминаетъ студента, вспоминаетъ, какъ она сказала эту самую фразу о Лизѣ ему, когда онъ громилъ ей пошлость барышень при разговорѣ, послѣ совмѣстнаго чтенія «Дворянскаго гнѣзда»,—и румянецъ покрылъ ея щеки, и ярко заблестѣли ея глаза, и глубокій вздохъ вырвался изъ ея груди.

— Простите, я обидѣлъ васъ?—говорилъ онъ, пораженный внезапнымъ измѣненіемъ ея лица и ея искреннимъ вздохомъ.— Я хотѣлъ только сказать, что не правы тѣ, которые ищутъ въ женщинѣ панацею отъ всѣхъ скорбей, снѣдающихъ нашего брата.

— Нѣтъ, вы хотѣли сказать, что мы—причина «всѣхъ скорбей, снѣдающихъ вашего брата»,—опять шаловливо говоритъ она.

— Нѣтъ, я хотѣлъ сказать только, что женщина не подготовлена къ труду и что чрезъ это мы женимся, какъ обѣдаемъ,—улыбаясь сказалъ онъ.

— Ахъ, еслибы вы знали, какъ трудно намъ жить работой!—сказала она искренно и невольно вздохнувъ.

Онъ просилъ ее на мазурку, онъ крѣпко пожалъ ея руку, благодаря за кадриль, просилъ позволить быть знакомымъ, и такъ хорошо, тепло такъ смотрѣлъ на нее.

Предъ мазуркой былъ длинный антрактъ. Она ходитъ по залѣ и разсѣянно слушаетъ своего спутника, одного изъ адъютантовъ ея мистера. Ей хочется поскорѣе мазурки, глаза ея шаловливо бѣгаютъ по залѣ и ищутъ его, кавалера второй кадрили. «Какой славный!—думаетъ она.—Какъ умно говорилъ, какъ искренно испугался моего вздоха».... Она, наконецъ, увидѣла его: онъ сидитъ съ какою-то дамой, около нихъ есть свободные стулья, она устала и проситъ своего спутника отвести ее къ тѣмъ стульямъ и оставить одну. Дама и кавалеръ не замѣчаютъ ее. «Они говорятъ обо мнѣ!»—и она прислушивается.

— Не знаю, что вы нашли въ ней хорошаго,—говоритъ дама кавалеру ея второй кадрили.—Въ ней нѣтъ и слѣда искренности и простоты, которыя вы ошибочно приписываете ей. Дѣвушка сомнительной нравственности—и только. Да ее строго нельзя и судить: живетъ въ наймахъ, среди военныхъ, шутя погубила себя.... Пустая интригантка....

Она дальше ничего не слышала. Она хотѣла крикнуть: «вы лжете, проклятыя!»—но безсознательно вскочила съ мѣста и убѣжала въ уборную. О, какъ много, какъ быстро много думала она тамъ!... О, не дай Богъ никому плакать такими слезами, безъ слезъ, какими она рыдала тамъ!...

Въ мазуркѣ ея кавалеръ былъ такъ же деликатенъ, откровененъ, говорилъ на ту же тему, но онъ не узнавалъ свою даму. Она хотѣла сказать ему, что она слышала его разговоръ съ дамой, что дама клеветала на нее, но у ней не хватало на это рѣшимости; она хотѣла казаться ничего не слышавшей, быть какъ во время второй кадрили, но голова подавлена клеветою, въ сердцѣ—что-то гнетущее, во рту сухо....

«Я дала слово больше не бывать нигдѣ, — продолжала думать Тотемкина, когда такъ ярко и живо пронеслись въ ея умѣ

всѣ подробности бала.—И жизнь потянулась скучная, пошлая, безъ цѣли впереди, безъ радости въ настоящемъ.... Явилась мысль самоубійства. Я бросилась въ рѣку; мнѣ не было страшно,—я не боялась матери, когда ее сняли съ петли.... Но молодость взяла верхъ, я безсознательно вынырнула и поплыла... Отчего я такая веселая была потомъ нѣсколько дней?...

«А потомъ что?»—задала она себѣ новый вопросъ, не рѣшивъ предыдущаго.

И ей вспоминается очень недавнее. Стоялъ дождливый осенній день. Ея мистеръ и мистрисъ захотѣли, чтобъ ихъ дѣти были въ обѣднѣ при торжественной архіерейской службѣ. Она была при дѣтяхъ и стояла съ ними впереди, на видномъ мѣстѣ. Она не молилась, а жадно разсматривала дамъ и дѣвицъ. «Много красоты, много богатства,—думала она;—и вы будете счастливы, вы будете любить и будете любимы».... Ей захотѣлось посмотрѣть, какъ ведутъ себя въ церкви будущіе мужья, смотрятъ ли они на своихъ будущихъ женъ,—«вѣдь никто не пришелъ сюда молиться». Она повернула голову направо — и глаза ея встрѣтились съ упорнымъ взглядомъ черныхъ большихъ глазъ плотнаго, высокаго, въ лентѣ и со звѣздами мужчины. Она вздрогнула,—такъ на нее еще никто не смотрѣлъ. Во взглядѣ черныхъ глазъ губернатора было что-то нахальное, что-то злое и—что-то молящее, что-то пріятное, доброе. Она часто оборачивалась направо и всякій разъ, встрѣчая его взглядъ на нее, робко поворачивала голову къ иконостасу, не думая молиться святымъ ликамъ, изображеннымъ на немъ....

«Пусть и это пронесется тучкой,—думала она, не желая возобновлять въ памяти того, что слѣдовало потомъ, послѣ обѣдни.—Пусть и это не разобьетъ меня, а тамъ.... Я буду его любовницей здѣсь, но тамъ, далеко отсюда, въ Петербургѣ или Москвѣ, а можетъ даже въ Парижѣ,—тамъ я буду богатой, красивой, умной и честной дѣвушкой. Я устрою такъ, что и здѣсь никто не будетъ знать, а тамъ.... я заставлю полюбить себя, я прикую къ себѣ того, кто мнѣ понравится; онъ будетъ молить меня быть его женой, хотя я сама скажу ему, что я уже не.... Что за пустяки! Развѣ не влюбляются во вдовъ? Не сходятъ съ ума отъ замужнихъ женщинъ?... Пустяки! Я ничего не потеряю, а пріобрѣту деньги. Потомъ—Петербургъ, Парижъ, консерваторія.... И я свожу съ ума мужчинъ или какъ примадонна, или какъ блестящая пѣвица театровъ буффъ, или какъ

первая драматическая артистка.... А здѣсь?... Monsieur Орѣцкій, vous regardais sur moi fixement aujourd'hui, songez, cela pourrait vous nuire».

.Она встала и торопливо ушла изъ сада.

VI.

Могутовъ, возвращаясь отъ полицеймейстера, надумалъ не обращаться въ тотъ день съ своею просьбой къ Кожухову. Онъ не предполагалъ теперь застать его дома, а отрывать человѣка отъ дѣла въ канцеляріи для своей личной просьбы онъ не хотѣлъ. Возвратясь домой, онъ сейчасъ же, чтобы не забыть подробностей вкуса и желаній полицеймейстера, записалъ все слышанное отъ него, потомъ долго обдумывалъ записанное, а послѣ обѣда принялся дѣлать наброски на бумагѣ будущей усадьбы полицеймейстера.

— Можно войти?—раздался, въ шесть часовъ, за дверью гнусавый голосъ Переѣхавшаго.

Могутовъ всталъ и отворилъ ему дверь.

— Вы извините, что дѣлаю визитъ вечеромъ, но за то я чуть не во фракѣ,—здороваясь съ Могутовымъ, съ улыбкою на лицѣ, говорилъ Переѣхавшій. На немъ было почти новое, черное, суконное платье, очень просторное и очень длинное.—Фрака у меня нѣтъ, а то бы и его напялилъ, чтобы засвидѣтельствовать мое глубокое уваженіе къ вчерашней вашей правдѣ и логичности.

— Спасибо не за нарядный костюмъ, а за приходъ. У меня къ вамъ, кстати, и дѣло есть по части овинныхъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ построекъ,—сказалъ Могутовъ, усаживая Переѣхавшаго къ столу.

— Значитъ, нужно поздравить съ успѣхомъ?... Отлично, очень радъ,—горячо пожимая руку Могутова, говорилъ Переѣхавшій.— Кто же: полицеймейстеръ или правитель? Вѣроятно, полицеймейстеръ. Кожуховъ по части сельскаго хозяйства ничего не понимаетъ. Вы разскажите по порядку. Очень интересно, какъ современная администрація принимаетъ человѣка вреднаго въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ: это васъ такъ отрекомендовали въ бумагѣ изъ Питера....

Могутовъ подробно разсказалъ свое посѣщеніе полицеймейстера и, окончивъ, показалъ свои наброски. Переѣхавшій слушалъ внимательно и часто посматривалъ изъ-подъ очковъ на разсказчика.—

«Характерный человѣкъ,—думалъ онъ:—на рекомендацію питерскую вниманія не обращаетъ, прослушалъ—и ничего, какъ есть ничего! Характеръ, сила, не намъ чета».

— Прежде всего позвольте презентовать нашу ученую работу,— началъ Переѣхавшій, когда окончилъ Могутовъ, и, вынувъ изъ боковаго кармана сюртука довольно толстую брошюру, подалъ ее Могутову. Брошюра озаглавлена была такъ: «Культура льна и возможность фабричной переработки его въ Россіи. Диссертація на степень магистра сельскаго хозяйства кандидата Горигорѣцкаго института В. Переѣхавшаго». Сверху заглавнаго листа брошюры было написано: «Гордѣю Петровичу Могутову отъ автора, въ знакъ глубокаго уваженія къ началу его дѣятельности въ родной глуши. Позвольте пожелать, чтобы конецъ отвѣчалъ началу и не походилъ на мой. В. Переѣхавшій».—Ученые когда-то были!—продолжалъ Переѣхавшій, послѣ благодарности Могутова за презентъ.—Профессорами хотѣли быть! Были да сплыли... А мы и не были да сплыли... А вамъ съ удовольствіемъ готовъ служить насчетъ усадьбы добрѣйшему Филарету Пупліевичу. Оборудуемъ ее на славу!

И они, попивая чай, начали «оборудовать» и, съ полнымъ уваженіемъ къ предмету, долго, подробно и не отвлекаясь въ сторону, бесѣдовали, какъ красивѣе, практичнѣе и дешевле расположить, устроить и построить все нужное для усадьбы, причемъ Переѣхавшій сообщилъ всѣ данныя для разсчета размѣровъ овиновъ, сараевъ, амбаровъ и т. д., и т. д.

Въ девять часовъ Переѣхавшій предложилъ пойти пройтись, такъ какъ погода прекрасная, ночь свѣтлая, да и для здоровья полезно.

— А знаете, что про васъ говорятъ въ городѣ?—спросилъ Переѣхавшій въ городскомъ саду.

— Послушаемъ, если скажете,—отвѣтилъ Могутовъ.

— Говорятъ, что вы—самый развратный человѣкъ! Что если васъ не сослали въ каторгу, то только благодаря милости начальства, не пожелавшаго подымать скандальнаго дѣла.

— Безъ мотивовъ, или съ мотивами къ сему?—спросилъ Могутовъ, когда Переѣхавшій замолчалъ и посматривалъ на него изъ-подъ очковъ.

— Все есть. Цѣлая подробная исторія, Гордѣй Петровичъ!— взволнованно началъ Переѣхавшій и взволнованно же разсказалъ

разговоръ члена по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ дамой, со многими добавленіями другихъ лицъ.

— То-то у меня полицеймейстеръ насчетъ исторіи въ женскомъ институтѣ спрашивалъ. А я думалъ, что и взаправду среди кисейныхъ барышень что-либо путное произошло,— равнодушно сказалъ Могутовъ.

— Чѣмъ вздумали шутить! Шутить такими вещами!... Съ одной стороны вредный въ нравственномъ и правительственномъ отношеніяхъ, а съ другой—чуть не каторжный... Подлецы! И всѣ вѣрятъ! Вороновъ говорилъ, библіотекарь сообщалъ, Подосеновъ предупреждалъ о вредномъ сосѣдствѣ и наиподробно передавалъ... И говорятъ: «весь городъ говоритъ»... Подлецы!—взволнованно говорилъ Переѣхавшій и удивленно посматривалъ па Могутова. Его удивляло равнодушіе Могутова. Онъ не предполагалъ въ немъ умѣнья ловко маскировать свои чувства и не считалъ его за дурака, для котораго все—трынь-трава; онъ не принималъ его и за какого-нибудь опредѣленнаго фанатика, у котораго только смерть или одиночное вѣчное заключеніе могутъ вызвать, да и то не всегда, грусть, слезу и тому подобное, что бываетъ въ трудныхъ случаяхъ жизни на лицахъ обыкновенныхъ людей. Не предполагая ничего подобнаго и удивляясь во всякомъ случаѣ твердости характера Могутова, Переѣхавшій приписывалъ его равнодушіе къ исторіи, сочиненной о немъ,—молодости и самонадѣянности и счелъ своимъ долгомъ разъяснить ему его критическое положеніе.

— Предупреждаю васъ, Гордѣй Петровичъ, вамъ скверно придется жить,—говорилъ Переѣхавшій.—Среди нашихъ умныхъ палестинцевъ, имѣя такую некрасивую рекомендацію отъ начальства—безспорнаго авторитета для палестинцевъ, при такой страшной исторіи, которой вѣритъ весь городъ,—вамъ трудно, очень трудно придется жить.

— Поживемъ—увидимъ. А придется очень скверно, свяжутъ по рукамъ и ногамъ, можно убѣжать. И изъ каторги бѣгаютъ,— спокойно отвѣчалъ Могутовъ.

— Но куда бѣжать?... Гдѣ нѣтъ палестинцевъ?—все такъ же взволнованно спрашивалъ Переѣхавшій.

— Міръ—широкъ. Въ отчизнѣ тяжело, такъ въ Европѣ и Америкѣ полегче,—все такъ же спокойно сказалъ Могутовъ.

Переѣхавшій всталъ. «Тутъ не одна молодость и самонадѣянность,—думалъ онъ, устремивъ глаза на Могутова.—Тутъ не то.... А что же?»

— Васъ удивляетъ мое равнодушіе?—спросилъ Могутовъ.— Пережитаго было такъ много, оно такъ нѣжно касалось меня, что можно равнодушно ждать будущихъ благъ.... Голосъ его дрогнулъ; въ послѣднихъ словахъ слышно было что-то похожее на отчаяніе, злость, на вздохъ человѣка, котораго необходимость заставляетъ слѣдовать по извѣстному тяжелому пути.

Чуткій слухъ Переѣхавшаго уловилъ эту ноту грусти въ голосѣ Могутова — и съ устъ его, почти помимо его воли, полилась утѣшительная рѣчь.

— Правда, правда!—говорилъ онъ.—Правда, дорогой мой Гордѣй Петровичъ! Только моя разбитая физически и нравственно натура способна рисовать ваше положеніе Богъ знаетъ какимъ. Правда! Вы—сильный, здоровый человѣкъ; вы не женаты,—чего вамъ унывать? Поищите труда. Не даютъ — земля не клиномъ сошлась; плохо на родинѣ — міръ великъ. Правда, правда!... Знаете, о чемъ я думаю теперь? Я бы хотѣлъ быть здоровымъ, я бы пошелъ тогда за вами.... Слушайте, Гордѣй Петровичъ! Я плохъ, но я еще могу быть кое на что полезенъ. Откройте мнѣ вашу душу, разскажите мнѣ ваше прошлое, ваши планы въ будущемъ,—и если я, какъ существо больное, не пойду за вами, то, на вашемъ походѣ, во время вашего привала, я буду ходить за вами, какъ старушка-няня, которая не перестаетъ любить, холить и нѣжить своего бывшаго пестуна, хотя пестунъ уже смѣется надъ ея сказками и, только вспоминая прошлыя ея ласки, дѣлится съ нею и глубокой думой головы, и сильнымъ трепетомъ сердца, что хоронилъ даже отъ друзей и пріятелей. Позвольте мнѣ быть вашей няней, Гордѣй Петровичъ!—горячо закончилъ Переѣхавшій свое утѣшеніе.

— «Экій чудакъ!»—подумалъ Могутовъ и потомъ сказалъ:— Разсказать вамъ прошедшее и планы въ будущемъ?... О прошедшемъ — можно, а будущее... оно въ рукахъ Божіихъ... Меня Богъ надѣлилъ хорошею памятью,—началъ Могутовъ свой разсказъ.— Я помню случай, — и онъ иной разъ отлично рисуется въ головѣ,— когда мнѣ было четыре года и когда моя семья переѣзжала изъ Малороссіи на Кавказъ, куда отецъ уѣхалъ ранѣе семьи и гдѣ онъ уже служилъ въ губернскомъ правленіи. Кибитка, въ которой помѣщался только я, — вся семья ѣхала впереди, въ другой кибиткѣ,—въ степи Войска Донскаго опрокинулась. Поднялась тревога. Въ сторонѣ и близко отъ дороги виднѣлась степь, покрытая ярко-цвѣтущею травой. Я за-

брался туда. Кибитку подняли и всѣ уѣхали. Я остался одинъ. Мнѣ не было страшно; я даже не охотно ушелъ изъ ярко-цвѣтущей травы, когда чрезъ нѣкоторое время семья вернулась и, перепуганная, нашла меня въ травѣ.

— Присядемъ, Гордѣй Петровичъ, — сказалъ Перебѣхавшій, когда Могутовъ замолчалъ и они подошли къ скамейкѣ.—Я слушаю васъ, Гордѣй Петровичъ,—сказалъ Перебѣхавшій, когда оба усѣлись на скамейкѣ, но Могутовъ молчалъ.—Потомъ,—началъ онъ,—потомъ....

Авторъ проситъ позволенія у читателей разсказать болѣе подробно и въ повѣствовательной формѣ то, что разсказывалъ далѣе Могутовъ. Читатель знаетъ уже жизнь Могутова до его отъѣзда въ Петербургъ. Изложеніе его петербургской жизни до пріѣзда въ городъ С—нскъ займетъ слѣдующія три главы, и читатель можетъ пропустить ихъ, если онъ интересуется только постройкою земствомъ желѣзной дороги.

М. Забѣлло.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Опечатка. На 171 страницѣ, въ послѣдней строкѣ, напечатано: „вы можете вполнѣ наслаждатся любовью, и не только“, —слѣдуетъ читать: „вы можете вполнѣ наслаждаться любовью женщины“ и проч.

Русская крестьянская община

ВЪ СВЯЗИ СЪ НАРОДНЫМЪ ХАРАКТЕРОМЪ.

V.

Свои апріористическія положенія о слабой способности русскаго человѣка къ индивидуальной борьбѣ за существованіе и о существенной необходимости и выгодѣ для него въ кооперативной борьбѣ за существованіе, достигаемой въ формѣ сплоченія отдѣльныхъ индивидуумовъ въ союзы, мы подтверждали до сихъ поръ лишь наблюденіемъ надъ литературными типами. Намъ предстоитъ теперь подтвердить эти положенія наблюденіями надъ исторіей поземельныхъ отношеній крестьянъ и вообще русскаго крестьянскаго быта; съ этою цѣлью мы возвращаемся къ тому моменту, отъ котораго дошли до насъ ясныя историческія свѣдѣнія о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ, т. е. къ моменту водворенія княжеской власти въ Россіи. Съ водворенія княжеской власти мы встрѣчаемся съ слѣдующими типами поземельнаго владѣнія въ Россіи. Все земледѣльческое населеніе живетъ на своихъ собственныхъ земляхъ, которыя однако не составляютъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ, а суть общинныя или черныя земли. Изъ этихъ земель населеніе уступаетъ князьямъ часть земли, которую они увеличиваютъ покупкою, дареніемъ и другими способами пріобрѣтенія: это—земли княжескія; изъ своихъ земель князья уступаютъ участки въ помѣстное пользованіе за службу служилому сословію: это—земли помѣстныя; наконецъ, появляются и все болѣе и болѣе увеличиваются земли вотчинныя, которыя образуются посредствомъ расчистки дикихъ

лѣсовъ и осушенія болотъ на средства частныхъ лицъ *). Вся земля такимъ образомъ находится или въ общинномъ владѣніи (черныя земли), или въ частномъ (бѣлыя), т. е. княжескія, помѣстныя, вотчинныя. Вотчинныя земли раздѣляются на два разряда: земли богатыхъ вотчинниковъ, т. е. крупная собственность, и земли крестьянъ-своеземцевъ, т. е. мелкая собственность. Мелкая собственность образовалась путемъ расчистки крестьянами на свой счетъ дикихъ лѣсовъ и болотъ; но нужно также думать, что большинство мелкихъ крестьянъ-своеземцевъ образовалось при процессѣ распаденія большихъ земельныхъ общинъ, вервей, на волостныя общины, при чемъ многіе крестьяне при распаденіи большихъ союзовъ не захотѣли сгруппироваться въ новые союзы и удержали доставшіеся имъ по надѣлу участки въ своемъ исключительномъ владѣніи. Крестьяне-своеземцы были полными и независимыми ни въ чемъ отъ общины хозяевами своихъ участковъ и могли свободно отчуждать ихъ, но за то не пользовались и никакою помощью со стороны общинъ, т. е. были предоставлены собственнымъ силамъ и должны были вести въ экономической жизни индивидуальную борьбу за существованіе.

Частная поземельная собственность крестьянъ исчезаетъ чрезвычайно быстро. Къ концу XVI в. крестьянъ-своеземцевъ остается очень мало **). Исторія не сохранила достаточно памятниковъ, говорящихъ, куда дѣвалась эта мелкая крестьянская собственность, но само собою разумѣется, что она перешла по куплѣ-продажѣ, вслѣдствіе обремененія долгами, а также вслѣдствіе прямаго насилія и захватовъ, къ крупнымъ собственникамъ, а также, вѣроятно, къ общинамъ. Нельзя видѣть причины такого быстраго исчезновенія мелкой поземельной собственности въ экономическомъ законѣ, по которому крупная промышленность обыкновенно раззоряетъ и убиваетъ мелкую. Подобное давленіе крупной собственности на мелкую обнаруживается лишь при интенсивномъ способѣ хозяйства въ земледѣліи, при которомъ въ землю вкладывается капиталъ, и сельское хозяйство принимаетъ характеръ капиталистическаго производства. Въ древней Руси господствовала исключительно экстенсивная система

---

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“, стр. 17—20, 21, 35—36. Его же: *Русская Бесѣда* 1856 г., т. I, стр. 101—110.

**) „Крестьяне на Руси“, стр. 79—80.

хозяйства, при которой вышеупомянутый экономическій законъ не могъ имѣть мѣста. Даже при капиталистическомъ характерѣ сельскаго хозяйства мелкая поземельная собственность имѣетъ на своей сторонѣ столько преимуществъ, что успѣшно можетъ бороться съ крупною, какъ это мы видимъ въ нынѣшней Франціи, гдѣ милліоны мелкихъ собственниковъ существуютъ рядомъ съ крупными. Въ быстромъ исчезновеніи мелкой поземельной собственности древней Россіи нельзя придавать также особаго значенія тяжести налоговъ, лежавшихъ на землѣ, потому что черныя или общинныя земли были обложены еще большими налогами, чѣмъ бѣлыя, въ томъ числѣ земли крестьянъ-своеземцевъ; однакоже общины могли справляться съ несеніемъ податей и отправленіемъ повинностей, а не продавали своихъ земель, не покидали ихъ и не дѣлались безземельными. Если Бѣляевъ, указывая на причину исчезновенія мелкой поземельной собственности, говоритъ, что мелкая поземельная собственность была беззащитна и безпомощна, что мелкіе крестьяне съ трудомъ могли бороться противъ сильныхъ міра, то эта неспособность отдѣльныхъ, единичныхъ, крестьянъ устоять въ борьбѣ съ сильными міра есть одна только изъ сторонъ общаго явленія — малой способности русскаго человѣка къ индивидуальной борьбѣ за существованіе, откуда проистекала и невозможность для него удержать въ своихъ рукахъ индивидуальную собственность.— Быстрое исчезновеніе въ древней Руси индивидуальнаго поземельнаго владѣнія—фактъ весьма многознаменательный, доказывающій нашу мысль о положеніи русскаго человѣка въ индивидуальной борьбѣ за существованіе. Подобное явленіе повторяется и въ новой исторіи Россіи: изъ книги Гакстгаузена можно видѣть, что тамъ, гдѣ только между крестьянами образовывалась индивидуальная собственность, являлось также неравенство поземельной собственности, переходъ ея въ чужія руки: напримѣръ, въ селѣ Черемушиномъ, Курской губерніи, гдѣ въ теченіе 200 лѣтъ изъ 1.620 десятинъ у крестьянъ осталось всего 540 *), или въ селѣ Муссолинѣ, Таврической губерніи **).

Кромѣ мелкихъ собственниковъ были въ древней Руси и безземельные, вольные, гулящіе люди. Само собою разумѣется, что контингентъ ихъ пополнялся изъ обезземелившихъ себя крестьянъ-

---

*) Гакстгаузенъ: „Изслѣдованіе объ общинѣ“, стр. 423.
**) Ibidem, въ нѣмецкомъ подлинникѣ, В. II, p. 68.

своеземцевъ. Лица безземельныя, вольные, гулящіе люди—проявляютъ въ своемъ поведеніи типическія черты русской славянской натуры: они не могутъ справиться сами съ собою, не могутъ устроить свою жизнь какъ слѣдуетъ, впадаютъ въ неоплатные долги, становятся въ полную экономическую зависимость отъ богатыхъ и, какъ послѣдствіе всего этого, обращаются въ холоповъ или рабовъ.

Добровольное обращеніе себя въ кабалу или рабство—прямое слѣдствіе нравственной несостоятельности личности, неумѣнья ея, за недостаткомъ твердаго характера, справиться съ экономическими обстоятельствами, упорно побѣдить жизненныя препятствія, чтобы сохранить свою независимость, свободу и свое человѣческое достоинство. Человѣкъ безъ твердой воли всегда кончаетъ тѣмъ, что подчиняется волѣ другаго и становится отъ него въ зависимость, а *на почвѣ слабости воли всегда возникаетъ рабство или деспотизмъ*. Рабы были и у другихъ народовъ; но въ западной Европѣ рабство образовалось, главнымъ образомъ, вслѣдствіе завоеванія и плѣна, вслѣдствіе продажи въ рабство слабыхъ лицъ ихъ сильными родственниками, вслѣдствіе законнаго наказанія за преступленія, напримѣръ—за бродяжничество, какъ это мы видимъ въ Англіи; въ древней же Россіи образованіе холоповъ имѣло главную, если не исключительную, причину—добровольно принятую на себя кабалу. Изъ «Русской Правды» можно видѣть, что первоначальными источниками образованія рабства были или добровольное согласіе на кабалу (вступленіе въ услуженіе безъ ряды), или неоплатный долгъ; если кто пропивалъ деньги или товаръ, взятые въ долгъ, или вообще портилъ и терялъ ихъ по своей винѣ, то обращался въ рабство. Обращеніе въ рабство вслѣдствіе насилія и плѣна могло имѣть ничтожное значеніе, такъ какъ русскіе съ Владиміра Святаго внѣшнихъ войнъ вели мало, а въ междуусобіяхъ, какъ мы постоянно видимъ изъ княжескихъ договоровъ, плѣнники обѣими воюющими сторонами при заключеніи міра возвращались безъ выкупа *). Не по насилію обращался русскій человѣкъ въ холопа, но потому, что добровольно принималъ кабалу или отдавалъ себя въ залогъ за долгъ, а потомъ измѣнялъ первоначально принятому рѣшенію и бѣжалъ,—или потому, что обнаруживалъ крайнее

*) Чичеринъ: „Холопы и крестьяне. Опыты по исторіи права“, стр. 145—147. Лешковъ: „Русскій народъ и государство“, стр. 151—152.

неблагоразуміе въ поведеніи и оказывался несостоятельнымъ. Несмотря на то, что, какъ это мы видимъ изъ «Русской Правды», положеніе холопа было самое незавидное, что холопъ былъ лишенъ всѣхъ человѣческихъ, личныхъ и имущественныхъ, правъ *), несмотря на то положеніе, при которомъ въ холопы могъ пойти, конечно, самый безпутный, лядащій, самый жалкій по характеру, испытавшій разныя перипетіи и почувствовавшій свое безсиліе человѣкъ,—все-таки охотниковъ поступать въ холопы находилось много, рабство въ древней Россіи не уменьшалось, а увеличивалось. Мы замѣчаемъ,—говоритъ Чичеринъ о древней Руси,—стремленіе богатыхъ пріобрѣсти какъ можно болѣе крѣпостныхъ обязательствами, добываемыми насиліемъ и обѣщаніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ служеніемъ богатому и сильному лицу, а съ другой стороны—стремленіе бѣдныхъ укрѣпиться и заложиться за богатыхъ, которые могли доставить имъ защиту и средства жизни **). При такомъ стремленіи богатыхъ набрать какъ можно болѣе рабовъ, при такомъ стремленіи лицъ, почувствовавшихъ свою нравственную и экономическую несостоятельность, принять кабалу, надо удивляться, какъ не образовалось въ Россіи многочисленнаго сословія холоповъ и почему ихъ число, сравнительно съ общимъ числомъ крестьянъ, было незначительно.

Главною причиной, мѣшавшею образованію на Руси многочисленнаго сословія рабовъ, главнымъ спасеніемъ крестьянина отъ гибели была община, по милости которой русскій крестьянинъ не только не утратилъ своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, но сохранилъ, развилъ ихъ и остался полноправнымъ членомъ русскаго общества. Въ рабы поступали лишь безземельные крестьяне и притомъ стоявшіе внѣ общиннаго союза. Таковъ былъ исходъ русскаго человѣка: кто вступалъ въ общину—спасался; кто не приставалъ къ общинѣ, предоставленный собственнымъ силамъ—погибалъ и кончалъ тѣмъ, что добровольно накладывалъ па себя руки, учинялъ нравственное самоубійство. Такимъ образомъ одни и тѣ же свойства натуры русскаго человѣка, при разныхъ обстоятельствахъ, влекли его или въ холопы, или въ общину, т. е. губили или спасали его; одни и тѣ же психическія свойства давали противуположные—дурные или хорошіе—результаты: въ одномъ случаѣ—гибель и рабство, въ другомъ—спасеніе или общину.

*) Чичеринъ: „Холопы и крестьяне", стр. 149—154.

**) Ibidem, стр. 163—165—172.

Мы сказали, что въ Россіи, на ряду съ мелкою земельною собственностью, образовалась крупная, которая еще болѣе расширилась на счетъ мелкой. Чтобъ обработать свою землю, вотчинники садили на ней бѣдныхъ людей, которые, въ качествѣ наймитовъ или закуповъ, обработывали землю крупныхъ собственниковъ и за трудъ свой получали извѣстные участки земли, плодами которыхъ уже пользовались для себя. Лица эти, по «Русской Правдѣ», назывались «ролейными закупами», въ отличіе отъ простыхъ закуповъ, находившихся въ услуженіи у богатыхъ лицъ, но не сидѣвшихъ на землѣ. Положеніе закуповъ ролейныхъ и простыхъ по «Русской Правдѣ» было близко къ положенію рабовъ. Впослѣдствіи ролейные закупы получаютъ особыя черты; различіе тѣхъ и другихъ съ теченіемъ времени увеличиватся, наконецъ, простые закупы исчезаютъ и обращаются въ кабальныхъ холоповъ, а ролейные закупы обращаются въ полноправныхъ крестьянъ, ничѣмъ не отличныхъ отъ крестьянъ, сидѣвшихъ на черныхъ земляхъ, по своимъ политическимъ и гражданскимъ правамъ *). Такая разница въ судьбѣ простыхъ и ролейныхъ закуповъ объясняется тѣмъ, что первые, находясь въ услуженіи у господина, стоя лицомъ къ лицу къ нему, будучи разрознены и разобщены между собою, не моглй составить никакого союза или общины и, предоставленные собственнымъ силамъ, утратили мало-по-малу всѣ свои права. Вторые, селясь на земляхъ, имѣли для тѣснаго сближенія и соединенія въ союзъ слѣдующія условія: землю, близкое сосѣдство, общность экономическихъ интересовъ; благодаря этимъ условіямъ, они составляли общины и отстаивали совокупными силами свои права. На земляхъ богатыхъ вотчинниковъ садились не одни безземельные крестьяне, но переходили и крестьяне изъ черныхъ земель; побужденіемъ къ такому переселенію служило покровительство сильныхъ лицъ и льготы, которыя тѣ давали имъ **). Оставленіе крестьянами своихъ собственныхъ земель и поступленіе ихъ въ батраки или въ наемники происходило по тому же закону, по которому вообще происходитъ переходъ рабочихъ изъ собственниковъ въ наемники: на первыхъ порахъ экономической жизни, при своей малочисленности, трудъ наемниковъ цѣнится высоко, такъ что собственникъ предпочитаетъ сбыть свое имущество и пойти въ наемники, не зная того экономическаго закона, что съ умно-

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“, стр. 19—22 и 31.

**) Ibidem, стр. 22.

женіемъ рабочихъ цѣна за ихъ трудъ должна понижаться болѣе и болѣе и наемникъ въ будущемъ долженъ очутиться въ крайней зависимости отъ хозяина и довольствоваться платой, доставляющей ему минимумъ средствъ для существованія. Но въ древней Россіи этого не случилось; арендная плата за землю была очень низка, т. е., другими словами, рабочая плата очень высока во все время до образованія крѣпостнаго права, и положеніе владѣльческихъ крестьянъ было далеко отъ положенія рабочихъ-пролетаріевъ *). Этому пониженію рабочей платы препятствовало право свободнаго перехода, открывавшее земледѣльцамъ свободную конкурренцію между землевладѣльцами.—Еслибы однако свобода перехода была ограничена лишь правомъ переходить отъ одного владѣльца къ другому, то съ размноженіемъ населенія и числа конкуррирующихъ рабочихъ рукъ рабочая плата должна была бы неминуемо понижаться, или, другими словами, арендная плата повышаться, сдѣлавъ положеніе владѣльческихъ крестьянъ весьма тяжелымъ, въ родѣ того, какъ это мы видимъ въ настоящее время въ Ирландіи. Впрочемъ, нужно помнить, что крестьянинъ не только могъ перейти отъ одного владѣльца къ другому, но могъ свободно поселиться и на общинныхъ или черныхъ земляхъ; общины всегда охотно принимали новаго поселенца по причинамъ, которыя мы укажемъ ниже. Вслѣдствіе этого, общинныя свободныя земли были резервными, запасомъ, поддерживавшимъ положеніе крестьянъ на владѣльческихъ земляхъ на одномъ уровнѣ съ положеніемъ крестьянъ на черныхъ земляхъ, и суровый экономическій законъ Риккардо о неминуемомъ пониженіи рабочей платы до минимума средствъ для существованія — былъ обойденъ. Черныя общины оказывали вліяніе на положеніе владѣльческихъ крестьянъ и въ другомъ отношеніи: крестьяне, переходя изъ черныхъ земель на владѣльческія, будучи воспитаны въ общинныхъ понятіяхъ, нравахъ и привычкахъ, внесли эти понятія, нравы и привычки въ жизнь и въ свои отношенія, селясь на владѣльческихъ земляхъ. Отсюда мы видимъ, что владѣльческіе крестьяне, по образцу крестьянъ, жившихъ на черныхъ земляхъ, стремятся сгруппироваться въ общины почти на всѣхъ владѣльческихъ земляхъ, чему мы имѣемъ свидѣтельства въ многочисленныхъ грамотахъ **).

Общины владѣльческія, будучи продолженіемъ свободныхъ общинъ, создавались по ихъ типу. Онѣ не только имѣли отношеніе

*) Соколовскій: „Очеркъ исторіи сельской общины", стр. 11—12.
**) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 42.

къ крестьянамъ, но и къ землѣ и къ владѣльцу. Крестьянинъ сносился съ правительствомъ не непосредственно и не чрезъ посредство владѣльца, но въ большинствѣ случаевъ чрезъ общину: чрезъ нее онъ несъ тягло, находилъ судъ и защиту въ администраціи; личность крестьянина была ограждена общиною отъ частныхъ притязаній и въ ней находилъ онъ судъ, расправу и поддержку своихъ интересовъ. Нужно признать за общее правило, что крестьянинъ сносился и съ владѣльцемъ земли не непосредственно, а чрезъ посредство общины: внутреннее распредѣленіе правъ и обязанностей въ отношеніи владѣльца было дѣломъ общины и ей въ большинствѣ случаевъ принадлежали: разверстка денежныхъ и натуральныхъ повинностей, распредѣленіе и передѣлъ земли между крестьянами,—словомъ, всѣ тѣ функціи, какими владѣли общины на черныхъ земляхъ *). Хотя право собственности на владѣльческихъ земляхъ принадлежало землевладѣльцу, но слѣдуетъ допустить, что помимо землевладѣльца на эту землю имѣли извѣстныя права и общины. Вообще нельзя думать, что крестьяне древней Руси были простыми батраками: они могли мѣнять, закладывать и продавать свои участки, и владѣльцу до этого не было дѣла,—ему было все равно, кто бы ему ни платилъ оброкъ и несъ повинности, лежавшія на участкѣ **). Такимъ образомъ, на ряду съ правомъ собственности владѣльца на землю, крестьянскія общины имѣли на нее тоже другое имущественное или вещественное право, для котораго при современной юридической терминологіи трудно отыскать и названіе. Въ силу этого общины на владѣльческихъ земляхъ, закрывая отдѣльную личность предъ правительствомъ и предъ владѣльцемъ, защищая ее отъ постороннихъ притязаній и правонарушеній, сохранили значеніе крестьянина, какъ полноправнаго члена русскаго общества наравнѣ съ боярами, купцами и духовенствомъ: по милости общины,—говоритъ Бѣляевъ,—крестьянинъ сохранилъ свою свободу передъ владѣльцемъ; по милости ея, онъ не былъ ни батракомъ, ни закупомъ владѣльца земли ***).

Съ другой стороны, община, какъ союзъ экономическій, поддерживала крестьянина экономически, приходила къ нему на помощь въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, не давала ему запу-

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 61, 83—88.

**) Бѣляевъ: *Русская Бесѣда* 1856 г., т. I, стр. 118 („Грамота митрополита Исидора").

***) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 71—75.

таться, впасть въ неоплатные долги, разлѣниться, сбиться съ пути и поступить въ кабальные холопы. Вотъ почему мы видимъ въ древней Руси стремленіе крестьянъ на всякаго рода земляхъ группироваться въ общины: внѣ общины крестьянъ-одиночекъ не было; внѣ общины могли быть только или гулящіе люди, или кабальные холопы. Самое названіе *гулящаго* человѣка указываетъ на безпутнаго человѣка, которому всегда грозила опасность попасть въ холопы, и, дѣйствительно, контингентъ холоповъ пополнялся изъ гулящихъ людей.

Это удивительное значеніе общины для русскаго крестьянина заключалось въ ея существенномъ свойствѣ — замѣнить индивидуальную борьбу за существованіе кооперативною.

Борьба за существованіе можетъ происходить двоякимъ путемъ: она можетъ происходить посредствомъ прямаго насилія, посредствомъ формальнаго отрицанія человѣческой свободы, посредствомъ нарушенія правъ грубою силою; она можетъ быть ведена, съ другой стороны, посредствомъ стѣсненія матеріальной свободы человѣка, посредствомъ экономическаго давленія и эксплуатаціи. Сообразно этимъ двумъ видамъ борьбы за существованіе, русскія общины принимали двоякую форму—форму союза административнаго и форму союза экономическаго. Какъ союзъ административный, община ведетъ борьбу съ правительственными чиновниками, главнымъ образомъ намѣстниками и волостелями, между которыми чаще всего были люди худые и недобросовѣстные, смотрѣвшіе на должность какъ на доходную статью, которые грабили и утѣсняли народъ, позволяли себѣ взяточничество, произволъ, лицепріятіе и кумовство. Для борьбы съ ними крестьянинъ нуждался въ помощи и поддержкѣ со стороны общины и выступалъ на борьбу съ сильными міра, съ богатыми и знатными вельможами и ихъ слугами—тіунами и прикащиками, не одинъ, а цѣлой общиной, и часто успѣвалъ въ борьбѣ *).

Мы видимъ, какъ общины выступаютъ на судъ намѣстниковъ и волостелей, подаютъ на нихъ жалобы, съ жалобами даже доходятъ до царя и т. п. Чтобы защитить своихъ сочленовъ отъ притѣсненій и несправедливостей на судѣ, чтобъ оградить неприкосновенность старыхъ обычныхъ нормъ права,—общины присутствуютъ на судѣ намѣстниковъ и волостелей въ лицѣ выборныхъ своихъ судныхъ мужей; эти судные мужи выбирались тѣми общи-

*) Бѣляевъ: «Крестьяне на Руси», стр. 71—75.

цами, къ которымъ принадлежали подсудимые и безъ нихъ ни намѣстникъ, ни волостель, ни владѣлецъ, ни ихъ подчиненные не могли производить судъ. Крестьянская община ограждала личную свободу и неприкосновенность своихъ сочленовъ и создавала для нихъ нѣчто въ родѣ habeas corpus; намѣстники и волостели ни по суду, ни до суда не могли взять крестьянина подъ арестъ безъ согласія общинныхъ властей. Всѣ эти права ясно подтвердили и формулировали Судебники, но на фактѣ они существовали гораздо ранѣе Судебниковъ, такъ какъ были выработаны самою жизнію. Общины существовали съ давнихъ временъ и у другихъ народовъ въ смыслѣ административныхъ единицъ; но тамъ онѣ имѣютъ главною задачей мѣстное самоуправленіе и внутренній распорядокъ, у насъ же вся исторія крестьянскихъ общинъ носитъ отпечатокъ борьбы.

Кооперативная борьба за существованіе крестьянскихъ общинъ въ экономической жизни, на черныхъ земляхъ, выражалась тѣмъ, что крестьянскія общины, смотря на землю какъ на собственность цѣлой общины, а не отдѣльныхъ лицъ, создаютъ для членовъ общины общіе имущественные интересы и заботятся о сохраненіи и расширеніи имуществъ общими усиліями. Общины отстаиваютъ свои поземельныя владѣнія отъ постороннихъ захватовъ и съ этою цѣлью ведутъ тяжбы; а гдѣ онѣ не успѣваютъ отстаивать своихъ правъ легальнымъ путемъ, тамъ даже прибѣгаютъ къ силѣ. Общины стремятся расширить свои поземельныя владѣнія—посредствомъ покупки новыхъ земель, посредствомъ взятія у казны на оброкъ казенныхъ земель и другими путями; но главнымъ средствомъ къ расширенію владѣній была расчистка дикихъ лѣсовъ и полей и разработка ихъ подъ пашни. О томъ, что послѣдній способъ расширенія владѣній общины былъ главнымъ, свидѣтельствуетъ обиліе въ древней Руси починковъ и выставокъ и ихъ распространеніе въ глубь лѣсовъ *). Работы для обращенія дикихъ лѣсовъ и полей подъ пашни производились совокупными усиліями всѣхъ членовъ общины; здѣсь мы видимъ соединеніе труда и капитала для общаго производства, т. е. земледѣльческія ассоціаціи. И это были не единственные случаи соединенія крестьянъ въ ассоціаціи: такое соединеніе происходило всякій разъ, когда оно было необходимо и полезно; бывали частые случаи общественныхъ запашекъ, вѣ-

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“.

роятно, для общественныхъ потребностей, для запасовъ на случай неурожая, на питаніе неимущихъ. Этимъ соединеніемъ труда и капитала для общей цѣли достигалось увеличеніе благосостоянія крестьянъ. Совмѣстный трудъ и общность интересовъ создавали благосостояніе крестьянъ древней Руси, которое до образованія крѣпостнаго права было далеко выше теперешняго крестьянскаго благосостоянія *). Но болѣе важною услугой общины для русскихъ крестьянъ было то, что община препятствовала свободному отчужденію крестьянами ихъ участковъ въ постороннія руки и тѣмъ предупреждала обезземеленіе крестьянъ и развитіе пролетаріата. Крестьянинъ не имѣлъ права собственности на занимаемый имъ участокъ и поэтому, слѣдовательно, не имѣлъ права и продать свой участокъ. Тѣмъ не менѣе встрѣчаются случаи продажи однимъ крестьяниномъ другому своего участка; эти случаи подали поводъ нѣкоторымъ ученымъ утверждать, что въ древней Россіи общиннаго владѣнія не существовало вовсе **). Многочисленные факты и изслѣдованія однако убѣждаютъ насъ, что подобные случаи не были куплей-продажей имущества, не были уступкой права собственности, но лишь передачей права на владѣніе общиннымъ участкомъ,—передачей общиннаго права, подобно тому, какъ мы встрѣчаемъ передачу компанейскихъ правъ въ компаніяхъ на акціяхъ и другихъ товариществахъ. Тотъ, кто пріобрѣталъ по такому договору право на общинный участокъ, становился въ такія же отношенія къ общинѣ, въ какихъ былъ прежній членъ ся, пользовался всѣми правами общинника, но обязанъ былъ нести и всѣ тяготы общины, подчинятъся ея рѣшеніямъ и по требованію общины возвращать участокъ для передѣловъ, въ видахъ уравненія имуществъ между членами общины. Община отъ такой уступки права одного крестьянина другому ничего не теряла: она теряла одного члена, но взамѣнъ его пріобрѣтала новаго; въ общемъ число общинниковъ не увеличивалось и не уменьшалось и число безземельныхъ крестьянъ не возрастало. При договорахъ объ уступкѣ правъ на участокъ, полученный отъ общины, участокъ не всегда опредѣлялся въ индивидуальныхъ границахъ, но часто ограничивался выраженіемъ: «сколько придется по общинному измѣренію» ***). Высшему сословію, боярамъ и слугамъ, или вовсе запрещено было покупать черныя земли, или подъ усло-

*) Соколовскій: «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 68.
**) Чичеринъ: «Обзоръ развитія сельской общины», стр. 24—26.
***) Бѣляевъ: «Крестьяне на Руси», стр. 82.

віемъ становиться въ разрядъ тяглыхъ людей, что, конечно, было унизительно для нихъ и препятствовало пріобрѣтенію ими крестьянскихъ участковъ*). Исключенія изъ этихъ правилъ хотя и были, но по особымъ привилегіямъ, дарованнымъ высочайшею властью, какъ это можно видѣть изъ извѣстнаго дѣла Злобы-Васильева, возбудившаго столько споровъ въ исторической литературѣ по вопросу объ общинахъ**). Этими затрудненіями и прямыми запрещеніями отчуждать общинныя земли достигалась самая важная сторона общиннаго землевладѣнія — предупрежденіе развитія безземельныхъ крестьянъ, при которомъ крестьянинъ-пролетарій долженъ былъ бы подпасть рабской экономической зависимости отъ капиталистовъ; а что такое обезземеленіе русскаго крестьянства внѣ общиннаго союза непремѣнно произошло бы, мы имѣли случай убѣдиться на судьбѣ крестьянъ-своеземцевъ. Таковы были неоспоримыя, благодѣтельныя услуги общины русскому крестьянину до конца XVI вѣка, т. е. до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ.

VI.

Намъ предстоитъ разсмотрѣть, какъ отразились черты русскаго народнаго характера въ имущественныхъ отношеніяхъ членовъ общины между собою и, главнымъ образомъ, въ распредѣленіи земли между крестьянами общинниками. По какому масштабу происходило распредѣленіе земли между крестьянами-общинниками въ древней Россіи? На этотъ вопросъ не даетъ отвѣта ни одинъ изъ изслѣдователей исторіи русской крестьянской общины; изъ тѣхъ данныхъ, которыя мы имѣемъ въ памятникахъ финансовой системы Московскаго государства, можно однако придти къ положительному представленію того, какъ происходило распредѣленіе налоговъ между крестьянами-общинниками и распредѣленіе между ними земли. Въ Московскомъ государствѣ главной единицею обложенія была соха: соха была, съ одной стороны, финансовою единицей, то-есть имущественною единицею, съ которой взималось опредѣленное количество налога, а съ другой — она была мѣрою и поземельнаго владѣнія. Какъ финансовая единица, соха была величиною постоянною, какъ поземельная единица—она была величина измѣнчивая. Въ соху хорошей

---

*) Соколовскій: «Экономическій бытъ», стр. 61.

**) Бѣляевъ: «О поземельномъ владѣнія», *Временникъ* 1851 г.

земли полагалось меньше, средней больше, худой еще больше, или въ соху земли черныхъ крестьянъ полагалось меньше, монастырскихъ больше, вотчинныхъ еще больше, т. е. первыя земли платили больше, вторыя меньше, третьи еще меньше.

Къ извѣстной общинѣ приписывалось опредѣленное количество сохъ и взималось опредѣленное количество налога; разложеніе же податей внутри общины было дѣломъ общины, — общинамъ самимъ было предоставлено верстаться по животамъ и промысламъ, какъ говорилось въ государственныхъ грамотахъ. Болѣе мелкою единицей была выть или обжа. Выть, точно такъ же какъ и соха, была съ одной стороны финансовою единицей и въ этомъ отношеніи величиною постоянною, а съ другой стороны—единицею поземельной мѣры, и въ этомъ отношеніи измѣнчивою величиной. Разница между сохою и вытью была лишь въ величинѣ той и другой и въ томъ, что по сохамъ земля распредѣлялась между разными общинами, а по вытямъ—лишь между членами одной и той же общины *). Внимательно слѣдя за количествомъ земли, выраженной въ доляхъ выти, приходящимся на часть отдѣльныхъ крестьянъ, внутри общины, мы усматриваемъ изъ окладныхъ книгъ, что распредѣленіе налоговъ между членами общины производилось сообразно съ производительными силами каждаго: у кого было болѣе производительныхъ силъ, въ какомъ дворѣ было больше работниковъ, тотъ дворъ и платилъ больше и больше бралъ земли. Но подобный принципъ какъ при распредѣленіи земли, такъ и налоговъ могъ бы повести къ несправедливостямъ: богачи могли нанять больше работниковъ и предъявить требованіе на большее количество земли, такъ что бѣднякамъ осталось бы земли недостаточно; точно такъ богачъ-капиталистъ могъ, напримѣръ, имѣть трехъ сыновей и бѣдный троихъ, но было бы несправедливо облагать перваго одинаковымъ количествомъ налога со вторымъ. Вслѣдствіе этого было принято еще особое раздѣленіе тяглыхъ людей на кости, смотря по ихъ богатству и нуждамъ; всѣ тяглые люди въ общинѣ раздѣлялись большею частью на три разряда: лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; лучшіе люди въ общинѣ соединялись въ одну кость, средніе—въ другую, а молодшіе—въ третью. Всѣ кости облагались одинаковымъ количествомъ налога,

*) Бѣляевъ: „О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ", *Временникъ* 1851 г., стр. 73—82.

но въ первую кость богатыхъ дворовъ вносилось меньше, во вторую среднихъ—больше, а молодшихъ въ третью—еще больше, такъ что богатые платили больше, средніе меньше, а молодшіе еще меньше. Финансовая цѣль раздѣленія на кости понятна: правительство хочетъ брать съ богатыхъ больше, чѣмъ съ бѣдныхъ: такъ, въ платежной книгѣ Рязанской губерніи и уѣзда, писанной въ 1703 г., въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, среднихъ по 100, а молодшихъ по 120; каждый дворъ лучшихъ людей платилъ 80-ю долю податной единицы, среднихъ сотую, а молодшихъ стодвадцатую. При распредѣленіи людей на кости принимались во вниманіе не только ихъ производительныя силы, но вообще богатство или ихъ нужды; такимъ образомъ лучшій крестьянинъ могъ имѣть одинаковое количество работниковъ и одинаковое количество скота съ молодшимъ, а такъ какъ онъ былъ богаче и нуждъ у него было меньше, то онъ и платилъ больше. Но какъ при этомъ происходило распредѣленіе земли между крестьянами?—Для объясненія возьмемъ примѣръ: въ деревнѣ 30 дворовъ: 8 лучшихъ, 10 среднихъ и 12 молодшихъ; первые полагались въ одну кость, вторые въ другую, а третьи въ третью. 8 богатыхъ дворовъ соединялись и получали, положимъ, одну соху, 10 среднихъ дворовъ тоже въ одну соху и 12 бѣдныхъ въ одну. Въ первыхъ 8-ми дворахъ могло быть больше наемныхъ рабочихъ, больше скота, чѣмъ въ 10-ти среднихъ или 12 молодшихъ, но доля земли, приходившаяся на часть тѣхъ, другихъ и третьихъ была одинакова, ибо при распредѣленіи на кости принимались во вниманіе не только производительныя силы, но и нужды крестьянъ. Этимъ избѣгались такія, напримѣръ, явленія, что богачъ занялъ бы 1/2 или 1/4 сохи, а бѣдняку достались бы лишь крохи. Затѣмъ члены каждой кости верстали между собою землю, приходившуюся на ихъ долю, сообразно производительнымъ силамъ каждаго домохозяина. Такимъ образомъ изъ данныхъ, представляемыхъ намъ древними памятниками, съ несомнѣнною очевидностью явствуетъ, что въ древнихъ русскихъ общинахъ распредѣленіе земли и налоговъ между крестьянами производилось сообразно двумъ сочетавшимся принципамъ: принципу сообразности поземельнаго владѣнія и налоговъ съ производительными силами каждаго домохозяина и— принципу сообразности того и другаго съ нуждами и потребностями его. Эта система распредѣленія земли близко подходитъ къ распредѣленію земли по тягламъ, существующему въ нынѣш-

нихъ крестьянскихъ общинахъ. Распредѣленіе податей и земли по тягламъ понять во всѣхъ подробностяхъ затруднительно. Это распредѣленіе есть рѣшеніе математической задачи. Въ общихъ чертахъ, какъ видно изъ данныхъ, предоставляемыхъ Ю. Самаринымъ *), распредѣленіе это представляется въ слѣдующемъ видѣ: тягло есть извѣстная идеальная единица и имѣетъ троякое значеніе: во-первыхъ, оно есть единица обложенія; во-вторыхъ, извѣстная сумма хозяйственныхъ силъ; въ-третьихъ, доля земли, приходящаяся на часть опредѣленной суммы хозяйственныхъ силъ. Цѣль распредѣленія на тягла заключается въ стремленіи уравновѣсить два принципа—принципъ производительныхъ силъ и принципъ хозяйственныхъ потребностей—и надѣлить каждую семью сообразно ея силамъ и потребностямъ. Земля сначала дѣлится идеально, пропорціонально производительнымъ силамъ каждой семьи; причемъ принимается во вниманіе количество взрослыхъ работниковъ, количество рабочихъ силъ въ каждой семьѣ; затѣмъ эти участки уменьшаются или увеличиваются въ обратномъ отношеніи къ потребностямъ каждой семьи, причемъ принимается во вниманіе количество желудковъ каждой семьи. Эта система почти та же, что и система, принятая въ общинахъ древней Россіи. Дѣйствительно, распредѣленіе по тягламъ не есть явленіе новое,—оно выработалось до Петра и упоминается еще въ уставной грамотѣ 1664 года, гдѣ сказано: «написали есьмы вамъ указъ о всякихъ разрубахъ и о тяглахъ, чтобы у васъ въ волости промежъ вами и другими нашими волостями и деревнями впредь смущенія не было» **).

Смѣемъ думать, что трудно встрѣтить гдѣ-нибудь болѣе правильное приложеніе начала справедливости, какъ въ этомъ распредѣленіи земли по тягламъ въ русской крестьянской общинѣ. Распредѣленіе земли сообразно лишь производительнымъ силамъ семьи было бы само по себѣ несправедливо. Крестьянинъ, имѣвшій болѣе взрослыхъ сыновей, получилъ бы больше земли сравнительно съ имѣющимъ столько же малолѣтковъ, слѣдовательно былъ бы вдвойне счастливъ—и больше имѣлъ бы пособниковъ, и больше земли. Распредѣленіе земли сообразно однѣмъ потребностямъ имѣло бы коммунистическій характеръ; при такомъ рас-

---

*) Ю. Самаринъ: „О поземельномъ общинномъ владѣніи. Сельское благоустройство". 1858 г., стр. 20—34.

**) Бѣляевъ. *Русская Бесѣда* 1856 г., т. I, стр. 130—141 (Акты Археограф. Эк. т. I, № 268).

предѣленіи множество производительныхъ силъ не имѣло бы приложенія, коль скоро въ землѣ ощущался бы недостатокъ. Итакъ, между тѣмъ какъ европейскіе философы ведутъ споръ, какое начало болѣе разумнее и цѣлесообразное: a chaqu'un selons ses facultées ou a chaqu'un selons ses besoins, русскіе общинники умѣли на практикѣ примѣнить и сочетать эти два начала почти съ математическою правильностію.

Такимъ образомъ въ самой главной своей задачѣ—въ распредѣленіи имуществъ, въ дѣлахъ ближе всего касающихся личныхъ интересовъ — община руководствовалась не законами, не принудительными юридическими нормами, а нравственнымъ чувствомъ, чувствомъ справедливости. Союзъ русской общины не есть, слѣдовательно, юридически-экономическій союзъ или, другими словами, не легально-юридическій и принудительный, но нравственно-юрическій и свободный, а это имѣло громадныя послѣдствія для сохраненія и развитія общинной жизни въ Россіи.

Чувство справедливости есть самое главное проявленіе чувства совѣсти. Совѣсть есть основной, абсолютный общій законъ правды, живущей въ нашемъ духѣ, но съ текущимъ содержаніемъ. Общій законъ: «дѣлай добро, избѣгай зла»—законъ неизмѣнный, непреложный; а въ чемъ именно заключается добро, какъ дѣйствовать, чтобы быть справедливымъ, это рѣшается сообразно обстоятельствамъ и нашимъ знаніямъ: измѣняются обстоятельства,—старая формула не годится, нужна новая; развиваются наши знанія,—сообразно этому видоизмѣняется и текущее содержаніе нашего конечнаго вывода о должномъ и недолжномъ,—вывода, въ образованіи котораго участвуютъ всѣ наши знанія. Голосъ совѣсти, этотъ голосъ абсолютной правды въ нашемъ духѣ, въ каждомъ данномъ случаѣ, при всякихъ обстоятельствахъ, во всякое время — даетъ отвѣтъ, какъ поступить намъ наиболѣе согласно съ добромъ, къ которому мы всѣ должны стремиться. Этотъ отвѣтъ всегда шире и безошибочнѣе, чѣмъ тѣ отвѣты, которые даютъ выводы разума и юридическія формулы, всегда отмѣченныя характеромъ данной эпохи. Отсюда — часто глубокое различіе между принципами отвлеченнаго разума и юридическими формулами съ одной стороны и между принципами совѣсти съ другой. Пройдетъ время, перемѣнятся обстоятельства— и старыя формулы и принципы разума уже негодны и ихъ нужно измѣнить. Измѣняемость принциповъ общественной жизни могла бы нарушить авторитетъ вѣковыхъ принциповъ и формулъ, потрясти

вѣру въ принципы и формы общественной жизни вообще; но чувство совѣсти и истекающіе изъ него нравственные принципы, оставаясь непреложными и абсолютными, не только сохраняютъ вѣру въ правду, но служатъ живыми силами, создающими болѣе полное и ясное пониманіе нравственныхъ истинъ и болѣе совершенныя юридическія формы. Одни юридическіе принципы, создавъ данный порядокъ общества, рано или поздно старѣютъ. Если, несмотря на то, что изжиты, онѣ остаются все-таки въ силѣ, то тормозятъ прогрессъ, или порождаютъ анархію. Мы видимъ, что религіозно-юридическіе принципы погубили и затормозили восточныхъ народовъ. Юридическій строй Рима, когда, состарѣвшись, пошатнулись принципы, лежавшіе въ его основаніи и освященные временемъ, породилъ анархію, стихійную борьбу партій и цезаризмъ. Законъ Моисея выродился въ фарисейство и буквоѣдство, а впослѣдствіи—въ раввинизмъ; но чрезъ Моисея данъ лишь законъ, а истину принесъ на землю Христосъ, какъ говоритъ евангелистъ. Христосъ не приносилъ формулъ,—Онъ принесъ истину, которая въ Его ученіи была тождественна съ совѣстью; Онъ не училъ, какъ поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но говорилъ: люби человѣка и совѣсть сама подскажетъ тебѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ поступать, какъ сказать. Нравственно-христіанскіе принципы зиждительны для всѣхъ временъ, для всѣхъ эпохъ развитія народовъ и человѣчества: съ одной стороны они непреложны и, въ силу этого, всегда даютъ порядокъ и прочность обществу; но въ то же время они—творческая сила, движущая человѣчество впередъ, и пока существуетъ родъ человѣческій, пока среди его будутъ народы, проникнутые христіанскимъ чувствомъ совѣсти, до тѣхъ поръ не остановится прогрессъ, развитіе человѣчества,— нравственныя христіанскія начала всегда спасутъ его отъ анархіи и разложенія.

Дилемма, которую нужно было разрѣшить русской крестьянской общинѣ, была такова: въ основаніе общиннаго союза можно было положить юридическіе, принудительные принципы; но русскій народъ по своей природѣ инстинктивно стремится къ такому союзу, не нуждается въ такихъ принудительныхъ принципахъ, чтобы быть общинникомъ, и не любитъ формулъ и юридическихъ принциповъ. Допустимъ, что община создалась путемъ принужденія на основаніи юридической формулы; измѣнилось бы время, подъ напоромъ личнаго эгоизма общинниковъ утратился бы авторитетъ принудительнаго закона и общинный союзъ распался бы неминуемо, и

онъ распался бы скорѣе у русскаго народа, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Но, по своей природѣ тяготѣя къ общинѣ и не находя себѣ внѣ ея спасенія, крестьяне должны были положить въ основаніе союза принципы совѣсти—взаимнаго согласованія своихъ дѣйствій, дружбы, братства, мирной жизни, доброжелательства,—принципы вѣчно-авторитетные и вѣчно-прогрессивные. Община имѣетъ въ себѣ нравственную силу заставить своего члена уважать эти принципы. Людей съ характеромъ можетъ въ общинѣ и не найтись, но люди, проникнутые чувствомъ совѣсти и справедливости, найдутся всегда; начнутъ они дѣйствовать, имъ станутъ подражать другіе—и дѣйствія всѣхъ членовъ общины представятъ гармоническое согласіе. Когда въ основаніе союза положены нравственныя начала, то общественное мнѣніе, которое имѣетъ, какъ мы сказали, такую силу въ общинѣ, будетъ выраженіемъ чувства совѣсти и справедливости. Дѣйствительно, русскій крестьянскій міръ, также какъ и чувство совѣсти, стыдитъ и осуждаетъ всякую несправедливость, всякую нерадивость или безпечность, всякій поступокъ своего члена, вредный ему самому или другимъ. Отсюда съ одной стороны прочность и устой русской общины; съ другой стороны, такъ какъ нравственные принципы способны отливаться во всевозможныя формы согласно различнымъ временамъ и обстоятельствамъ, то русская община была и будетъ союзомъ постоянно прогрессивнымъ. Голосъ міра, какъ и голосъ совѣсти, умѣетъ найти при всѣхъ обстоятельствахъ соотвѣтствующее выраженіе: это видно изъ того, какъ правильно, справедливо и точно міръ распредѣляетъ участки земли между членами, какъ вѣрно онъ ихъ измѣряетъ, какъ точно оцѣниваетъ качество и плодородность почвы разныхъ участковъ. Факты эти приведены Гакстгаузеномъ, по словамъ котораго измѣреніе и таксація участковъ крестьянами-общинниками ничѣмъ не ниже работъ ученыхъ землемѣровъ и таксаторовъ *).

Будучи союзомъ, носящимъ въ себѣ задатки развитія, русская община есть въ то же время не принудительный, а свободный союзъ,—крестьянинъ подчиняется голосу міра, который есть выраженіе его собственной совѣсти. Въ крестьянской общинѣ личность подчиняется обществу не по принужденію, не изъ страха, но сознательно, добровольно и разумно. Подчиняясь об-

*) Гакстгаузенъ, т. I, стр. 77—78.

ществу и оставаясь въ то же время сознательно-свободною, личность, не теряя своей свободы, не теряетъ и своего личнаго достоинства; община не стираетъ индивидуальной личности, не поглощаетъ ея самобытности, не уничтожаетъ личнаго развитія и самоопредѣляемости. Подчиняясь міру и въ то же время голосу своей совѣсти, крестьянинъ не чувствуетъ себя задавленнымъ или обиженнымъ, вслѣдствіе чего въ общинѣ невозможна вражда, борьба членовъ, или возможна въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. При дѣлежѣ земли или метаніи жеребья, — говоритъ Гакстгаузенъ, — въ русской общинѣ господствуетъ величайшая справедливость, величайшій порядокъ и не бываетъ раздоровъ *). Какъ при распредѣленіи земли пахотной и луговъ, такъ и въ другихъ случаяхъ, напр. при распредѣленіи пользованія выгонами, выпусками, лѣсами, рыбными ловлями и друг. угодьями,—не было въ русской общинѣ никакихъ нормъ и предписаній, а все рѣшалось въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по чувству справедливости.

Русская община не могла подавить индивидуализма и личной свободы въ силу того еще, что она не дѣлала общности имуществъ принципомъ исключительнымъ и безусловно обязательнымъ; но, на ряду съ общимъ правомъ собственности, среди крестьянъ всегда существовало и индивидуальное право собственности. Крестьяне имѣли личное право собственности на все движимое имущество; каждому крестьянину предоставлялось право, на ряду съ общиннымъ имуществомъ, пріобрѣтать себѣ землю въ индивидуальную собственность разными путями—покупкою у крупныхъ землевладѣльцевъ, или расчисткою лѣсовъ. Дѣйствительно, крестьяне въ древней Россіи во все время расчищали себѣ своими собственными силами участки дикаго лѣса и образовывали тамъ поселки въ одинъ или нѣсколько дворовъ, которые состояли въ ихъ индивидуальномъ владѣніи, которые они могли продавать, дарить, мѣнять и передавать по наслѣдству безъ вмѣшательства общинъ, хотя общинное владѣніе составляло общее правило, а индивидуальное—исключеніе **). Такимъ образомъ на ряду съ общиннымъ имуществомъ существовало и частное. Такое параллельное существованіе двухъ формъ владѣнія было очень важно: древнія и новыя русскія общины далеки отъ коммунистическаго принципа,

*) Гакстгаузенъ, стр. 89—91.

**) Соловьевъ: „Споръ о сельской общинѣ“, *Русск. Вѣстн.* 1856 г., т. VI стр. 285—304.

проникнутаго началами исключительности, принудительности и придавленія человѣческой личности и ея свободы. Лица, по своей предпріимчивости и способностямъ возвышающіяся надъ общимъ уровнемъ, могли находить выходъ и приложеніе своимъ силамъ въ пріобрѣтеніи и расширеніи личной собственности. Они, съ одной стороны, не могли жаловаться, что община стѣсняетъ ихъ личность и не даетъ имъ возможности примѣнить и развить имъ своихъ силъ, а съ другой—не могли давить и утѣснять своихъ собратовъ крестьянъ, ибо тѣ всегда находили въ своей общинѣ средства для жизни и самостоятельнаго труда и не могли подпасть подъ рабскую зависимость капиталиста. Община не дѣлала человѣка рабомъ, а спасала отъ рабства; она спасала его отъ экономическаго рабства въ отношеніи крупныхъ собственниковъ и капиталистовъ и не подчиняла его рабству коммуны. Двѣ формы владѣнія—общинное и личное—имѣютъ въ себѣ хорошія и дурныя стороны, и пока наука не придумала никакихъ формъ жизни, гдѣ бы сочетались и примирялись выгоды той и другой формы собственности,—цѣлесообразнѣе всего поступить такъ, какъ поступилъ русскій народъ, оставивъ существовать рядомъ и ту и другую форму собственности, которыя дополняли другъ друга и исправляли свои взаимные недостатки. Въ то же время, примиряя, по принципу справедливости, экономическія силы внутри общины, давая удовлетвореніе и производительнымъ способностямъ и потребностямъ отдѣльныхъ лицъ, не давая одному началу преобладающаго надъ другими значенія,—община сберегала силы, давая имъ просторъ и удовлетворяя мірскимъ потребностямъ, гармонически сочетала экономическія силы, предупреждала рознь, столкновенія, борьбу интересовъ отдѣльныхъ членовъ, причемъ неизбѣжно должно было бы явиться взаимное ослабленіе и потеря экономическихъ силъ.

VII.

Мы видѣли, что въ древней Россіи общины раздѣлялись на свободныя и владѣльческія и что между владѣльческими занимали первое мѣсто помѣстныя, т. е. крестьянскія общины на земляхъ, отданныхъ въ помѣстное пользованіе служилому сословію. Вначалѣ великіе князья раздавали служилому сословію земли въ помѣстья исключительно изъ своихъ собственныхъ владѣній; съ возвышеніемъ власти московскихъ князей, впослѣдствіи царей, прави-

тельство отдаетъ въ помѣстья земли черныхъ крестьянъ; верховное право собственности князей на черныя земли превращается въ частное право собственности, а имущественныя права крестьянъ на землю уменьшаются. Имущественнымъ и личнымъ правамъ крестьянъ нанесенъ былъ еще болѣе сильный ударъ указомъ о прикрѣпленіи помѣщичьихъ крестьянъ къ землѣ и запрещеніемъ свободнаго крестьянскаго перехода къ концу XVI в. *). Казалось бы, что эта новая мѣра должна была сразу измѣнить экономическое положеніе крестьянъ, ибо при отсутствіи конкурренціи между земледѣльцами, при непремѣнной обязанности жить на землѣ извѣстнаго землевладѣльца, крестьянинъ долженъ бы былъ сразу стать въ полную зависимость отъ него, нести повинности, какія угодно будетъ наложить на него землевладѣльцу, и, потерявъ свою экономическую независимость, потерять и свои личныя права, т. е. стать рабомъ землевладѣльца. Между тѣмъ крѣпостнаго права въ до-Петровской Руси не было и положеніе крестьянина въ это время далеко не было положеніемъ крѣпостнаго, какъ послѣ Петра. Оно отличалось отъ положенія этого послѣдняго слѣдующими существенными чертами: 1) Повинности въ пользу землевладѣльца не увеличивались сравнительно съ прошедшимъ временемъ и сохранялись почти на одномъ уровнѣ съ прошедшимъ временемъ, хотя абсолютно этого сказать нельзя. 2) Крестьянинъ не потерялъ своей гражданской личности,—онъ по-прежнему оставался полноправнымъ гражданиномъ въ глазахъ правительства и общества. 3) Крестьянинъ не потерялъ передъ помѣщикомъ своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ,—помѣщикъ не имѣлъ безусловной власти надъ личностью и собственностью крестьянина. Сохраненіемъ всѣхъ этихъ правъ крестьяне были обязаны не закону, а общинѣ и общинному обычному праву. Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ мнѣніемъ ученыхъ, что размѣръ крестьянскихъ повинностей владѣльцу опредѣлялся въ это время законами **), да и текстъ 38 статьи Уложенія царя Алексѣя Михайловича, на которую ссылается Бѣляевъ, не приводитъ насъ къ такому заключенію.

Но если не было закона, ограничивающаго размѣръ повинностей крестьянъ въ пользу владѣльцевъ, то что же держало ихъ на одномъ уровнѣ?—Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, надо при-

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси,“ стр. 97—107.
**) Тамъ же, стр. 107 — 170. — Лешковъ: «Русск. народъ и государство», стр. 139.

помнить положеніе Милля, которое было имъ высказано—едва ли не первымъ изъ экономистовъ—и составляетъ его заслугу, что въ образованіи цѣнъ, въ опредѣленіи отношеній между капиталистами и рабочими, между покупателями и продавцами весьма важную роль играетъ обычай. Въ силу-то обычая имущественныя отношенія землевладѣльцевъ къ крестьянамъ въ XVII в. держались на одномъ уровнѣ при отсутствіи закона, опредѣлявшаго эти отношенія, и при отсутствіи свободнаго перехода крестьянъ. т. е. свободной конкуренціи. Въ дѣлѣ же сохраненія обычая большую роль играетъ община, такъ какъ обычай основывается на преданіи, а сила преданія держится сильнѣе въ общинѣ, при постоянныхъ сходахъ и совѣщаніяхъ, на которыя собираются старики и молодые, чѣмъ при разрозненности лицъ. Въ общинѣ не только держится сильное сознаніе старыхъ обычныхъ правъ, но имѣется и болѣе средствъ протестовать противъ ихъ нарушенія: отдѣльное лицо, ссылающееся на силу обычая, менѣе авторитетно, чѣмъ цѣлая община, заявляющая объ его существованіи; протестъ общины по поводу нарушенія землевладѣльцемъ обычныхъ правъ грознѣе для него, чѣмъ протестъ отдѣльнаго лица. Мы видимъ, что въ XVII в. общины протестуютъ противъ нарушенія ихъ обычныхъ правъ, жалуются по этому поводу въ судъ, взываютъ къ милосердію владѣльцевъ, и т. д. *), и въ силу этихъ причинъ владѣльцы не только не игнорировали мнѣнія міра, но и просьбы къ нимъ отдѣльныхъ крестьянъ отдавали на разрѣшеніе міра,—«какъ міромъ приговорятъ» **). Вообще въ XVII в. мы не видимъ, чтобы землевладѣльцы сносились и имѣли дѣло съ крестьянами, какъ съ отдѣльными лицами. Они сносились съ ними при посредствѣ общинъ: такъ, размѣръ повинностей опредѣлялся не на каждаго отдѣльнаго крестьянина, а на цѣлую общину; земля отводилась тоже не каждому отдѣльному крестьянину, а цѣлой общинѣ. Крестьянинъ отъ общины принималъ извѣстную долю повинностей и отъ нея же получалъ себѣ участокъ земли; сельское общество всѣмъ міромъ производило между крестьянами разверстку земли, передѣлъ полей и луговъ въ видахъ уравненія имуществъ, и т. п.***). Получая права и обязанности не непосредственно отъ владѣльца, а отъ міра, крестьянинъ становился въ меньшую зависимость отъ владѣльца и, благодаря

*) Куплевасскій: „Состояніе сельской общины въ XVII в.“, стр. 16—20.
**) Ibidem, стр 12.
***) Ibidem, стр. 10—14.—„Крестьяне на Руси“, стр. 160—162 и 167.

общинѣ, его имущественныя отношенія къ владѣльцу были опредѣленны и ограничены.

Съ другой стороны, если крестьянинъ сохранялъ долго права гражданства, положеніе полноправнаго члена государства, то лишь потому, что онъ сносился съ государствомъ не чрезъ посредство владѣльца, а чрезъ посредство общины. Правительство со всѣми требованіями къ крестьянамъ (напримѣръ, относительно платежа государственныхъ податей и повинностей) обращалось не къ землевладѣльцу, а къ общинѣ; поэтому владѣльцы не заслоняли собою крестьянина предъ государствомъ, не отнимали у него права самостоятельнаго отношенія къ правительственной власти, какъ это случалось впослѣдствіи, когда правительство со своими требованіями стало обращаться не къ общинамъ, а къ владѣльцамъ. Такъ точно, при существованіи общинной юрисдикціи, вотчинная юрисдикція, гдѣ дѣйствовала власть помѣщика, не могла развиться; еслибы не было этой общинной юрисдикціи, то крестьяне, для охраненія своихъ личныхъ и имущественныхъ правъ, по необходимости должны были бы прибѣгать къ власти помѣщика, а это должно было бы усилить его власть и подчинить ей личность крестьянина. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что сохраненіемъ своихъ гражданскихъ правъ и своей личной независимости крестьянинъ въ XVII в. обязанъ былъ общинѣ. Весь этотъ вѣкъ представляетъ достойную удивленія борьбу крестьянскихъ общинъ съ владѣльцами, и не извѣстно, на чьей бы сторонѣ оказалась побѣда, на чью сторону склонились бы вѣсы въ этой тяжбѣ, еслибы на чашку вѣсовъ владѣльцевъ правительство не подбавило своего вліянія.

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича мы видимъ рядъ законовъ, стѣснявшихъ права крестьянъ и увеличивавшихъ права владѣльцевъ надъ крестьянами: такъ, въ 1675 г. владѣльцамъ дозволено было продавать крестьянъ безъ земли, въ 1696 г.—брать крестьянъ во дворъ и обращать въ дворовые, а еще раньше—переводить крестьянъ съ одной земли на другую. Мѣры эти, дававшія владѣльцу возможность раздроблять крестьянскую общину, давали ему силу и умаляли ея значеніе. Кромѣ того къ концу XVII в. правительство съ требованіемъ податей обращается прямо къ владѣльцу, а не къ общинамъ *). Увеличеніе экономической

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 194—195 и др.—Куплевасскій: „Состояніе сельской общины въ XVII в.", стр. 27—28.

зависимости крестьянъ отъ владѣльца и потеря ими гражданскихъ правъ влекутъ за собою расширеніе вотчинной юрисдикціи и увеличеніе власти владѣльца надъ личностью и имуществомъ крестьянина.

Рѣшительное вліяніе на образованіе въ Россіи настоящаго крѣпостнаго права имѣла мѣра Петра I-го—ревизія 1719 г. съ цѣлью взысканія введенной вновь подушной подати. Ревизія уничтожила различіе между крестьянами и холопами и какъ бы приравняла крестьянъ къ холопамъ. Съ введеніемъ подушной подати отношенія крестьянъ къ правительству видоизмѣнились кореннымъ образомъ: правительство перенесло отвѣтственность за исправное отбываніе податей съ крестьянъ на помѣщиковъ и какъ бы договорилось съ помѣщикомъ, что если онъ будетъ исправно вносить въ государственную казну всѣ подати, причитающіяся съ его имѣнія, то остается полнымъ хозяиномъ своей земли и не только крестьяне, но и правительство не имѣетъ никакого основанія вступаться въ его дѣло. При такомъ условіи должны были быстро ограничиться права крестьянъ и по закону, и на практикѣ. Рядъ узаконеній, слѣдующихъ за Петромъ,— напримѣръ, право ссылать крестьянъ въ Сибирь на поселеніе, на каторгу, лишеніе крестьянъ права жаловаться на владѣльца,— создаетъ крѣпостное право въ такомъ видѣ, въ какомъ его застали многіе изъ читателей *).

Мы подошли ко времени, которое смѣло можно назвать временемъ злой силы и царствомъ тьмы. Въ это печальное время, когда помѣщикъ по закону могъ распоряжаться крестьянами какъ безгласною частною собственностію, какъ рабочею силой, не спрашивая даже ихъ согласія въ веденіи ихъ собственнаго хозяйства, когда крестьянинъ по закону не имѣлъ никакихъ правъ, какъ человѣкъ, когда его личность была совершенно подавлена и закрыта властью помѣщика,—въ это время нужно удивляться, какъ не уничтожился нравственный обликъ русскаго крестьянина, его человѣческое достоинство, какъ не утратилось среди крестьянъ сознаніе какихъ бы то ни было личныхъ и имущественныхъ правъ, какъ могли сохраниться среди крестьянъ гражданскія чувства, способность къ самостоятельной общественной жизни... Въ это тяжелое время, когда молчалъ за-

*) Градовскій: „Начало русскаго госуд. права", т. I, стр. 242—245.—Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси", стр. 235—306.

конъ,—кто поддерживалъ крестьянина, кто защищалъ его противъ произвола помѣщичьей власти, кто смирялъ сумасбродство и жестокость этой власти, кто напоминалъ крестьянамъ о былой свободѣ и внушалъ надежду на лучшее будущее?—Община, и только она одна; помѣщики могли попрать всѣ человѣческія права крестьянъ, но никакъ не могли разрушить стараго вѣковаго учрежденія — русской общины. Община по-прежнему продолжала существовать на владѣльческихъ земляхъ, утративъ значеніе союза административнаго, но сохранивъ значеніе союза нравственнаго. Чѣмъ болѣе стѣсняли помѣщики крестьянъ, тѣмъ плотнѣе смыкались они въ своихъ общинахъ и проникались духомъ солидарности и взаимной помощи.

Въ великороссійскихъ губерніяхъ существовало двоякое отношеніе крестьянъ къ помѣщику, смотря по тому, были ли крестьяне на оброкѣ, или на издѣльной повинности. Въ первомъ случаѣ помѣщики имѣли дѣло съ цѣлою общиной: вся земля поступала въ распоряженіе общины, которая распредѣляла ее между своими членами; такъ точно и община, обязываясь платить помѣщику опредѣленную сумму оброка, производила между своими членами и разверстаніе оброчныхъ повинностей, и при этомъ крестьяне управлялись своими общинными властями—старостами и сотскими, которымъ наряду съ сельскимъ сходомъ принадлежали права хозяйственныя и полицейскія. Если крестьяне находились на издѣльной повинности, то права крестьянской общины были уже: помѣщикъ оставлялъ себѣ 1/3 или 1/4 земли, а остальную отдавалъ крестьянамъ, т. е. цѣлой общинѣ, за что крестьянская община должна обработывать землю помѣщика *). При издѣльной повинности помѣщикъ имѣлъ своихъ управляющихъ и прикащиковъ, но на ряду съ ними существовали выборные отъ общины — старосты, сотскіе и другія власти. Если помѣщики рѣшались нарушать это вѣковое выборное право крестьянъ, то крестьяне негодовали, протестовали, просили, и помѣщики волей-неволей должны были уважать старинное обычное право. Какъ при надѣленіи отдѣльныхъ крестьянъ тѣмъ или другимъ участкомъ земли, такъ и при опредѣленіи, кто годенъ и негоденъ на работу, община принимала большое участіе, и не потому, чтобы помѣщики добровольно и охотно привлекали къ участію въ хозяйственныхъ дѣлахъ общину, но потому, что они силою необходимости, боясь вызвать возмущеніе крестьянъ, ихъ

*) Гакстгаузенъ, т. 1, стр. 78—79.

лѣнь, непокорность и безпечность при отбываніи барской повинности, — должны были уважать голосъ крестьянскаго міра. Крестьяне сами производили между собою передѣлы полей и луговъ—или по ревизскимъ душамъ, или по числу работниковъ, но чаще всего по тягламъ *); часть земли оставалась обыкновенно въ запасѣ—для удовлетворенія вновь образующихся потребностей отъ времени одного передѣла до другаго. Изъ этого видно, что принципы крестьянской общины, во время крѣпостнаго права, были продолженіемъ и сохраненіемъ принциповъ древней русской свободной общины. Экономическое значеніе общины для крестьянъ во время крѣпостнаго права — понятно: сносясь съ владѣльцемъ не непосредственно, а чрезъ общину, и получая извѣстныя доли имущественныхъ правъ и обязанностей не прямо отъ владѣльца, а чрезъ посредство общины,—крестьянинъ становился въ меньшую зависимость отъ помѣщика, власть коего относительно имущественныхъ правъ крестьянина—хотя не de jure, но de facto—ограничивалась общиною. Крестьяне въ своей общинѣ не только поддерживали экономически другъ друга, но соединяли свой трудъ и свой капиталъ для общей работы, устраивая промышленныя ассоціаціи. Гакстгаузенъ говоритъ о множествѣ ремесленныхъ ассоціацій крѣпостныхъ крестьянъ, составляемыхъ цѣлыми общинами, гдѣ члены ихъ соединяли свой трудъ и капиталъ, дѣлали сообща закупки, имѣли въ городахъ и на ярмаркахъ общія лавки для продажи товаровъ. Ассоціаціи эти не были замкнутыми цехами, но совершенно свободными корпораціями. Община была не только земледѣльческой ассоціаціей, но расширяла кругъ своей дѣятельности и обращалась въ промышленную ассоціацію. Не говоря уже о томъ, что подобныя корпораціи благотворно дѣйствовали на развитіе благосостоянія крестьянъ, крестьянскія общины сверхъ того, въ случаѣ нарушенія помѣщикомъ ихъ обычныхъ правъ, своими протестами, поддержкой духа непокорности и сопротивленія въ отдѣльныхъ членахъ—останавливали произволъ помѣщика; по свидѣтельству Гакстгаузена, крестьянинъ внѣ общины былъ беззащитенъ, но цѣлая община внушала опасеніе даже самому крутому помѣщику**). Сами помѣщики не только никогда не создавали крестьянской общины, но не покровительствовали развитію этого учрежденія, были недовольны имъ, готовы были бы разрушить его, но

*) Гакстгаузенъ, т. 1, стр. 107—108.
**) Тамъ же, т. 1, стр. 431.

ничего не могли сдѣлать съ силою этого учрежденія, вытекающаго изъ народнаго духа и освященнаго вѣковыми преданіями. Народъ такъ полюбилъ общинную жизнь и общинное землевладѣніе, такъ понялъ ихъ выгоды, что даже тѣ крестьяне, которые откупались на свободу и выкупали землю, не дѣлили эту землю въ индивидуальную собственность отдѣльныхъ членовъ, но оставляли ее въ общинномъ владѣніи; а тамъ, гдѣ послѣ выкупа крестьяне было подѣлили землю, они скоро бросали этотъ не сродный русскому народу способъ владѣнія землей и переходили къ общинному.

Благодаря общинѣ, въ народномъ сознаніи жили преданія о былыхъ временахъ, о личной свободѣ, о правахъ на землю, и это сознаніе поддерживало въ народѣ сознаніе его историческихъ и естественныхъ правъ, сознаніе своего человѣческаго достоинства, своей временно задавленной полноправности — какъ гражданина, какъ члена государства, какъ собственника земли, на которой онъ жилъ и которую воздѣлывалъ. Крестьяне, по свидѣтельству Гакстгаузена, всегда считали землю своею принадлежностью, а не принадлежностью помѣщика: «мы, говорили крестьяне, принадлежимъ барину, а земля принадлежитъ намъ» *). Это никогда не угасавшее въ крестьянскихъ общинахъ сознаніе своихъ правъ поддерживало и питало надежду на лучшее будущее.

Положеніе общины у государственныхъ крестьянъ во все время крѣпостнаго права было независимѣе и самостоятельнѣе крѣпостной общины. Хотя эти крестьяне и не имѣли права собственности на земли, на которыхъ жили и которыя принадлежали государству, а лишь право владѣнія, но подати и повинности были опредѣлены закономъ. Крестьянскія общины на государственныхъ земляхъ имѣли административную автономію и поземельныя отношенія ихъ членовъ были точно такія, какъ въ общинахъ древней Руси. Государственные крестьяне образовались изъ черносошныхъ и главнымъ образомъ изъ монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ, которымъ Екатерина II даровала административную автономію и опредѣлила ихъ поземельныя отношенія. Но устройство общинъ на государственныхъ земляхъ, конечно, не было созданіемъ правительства,—оно было почти тождественно съ тѣмъ устройствомъ, которое существовало въ древнихъ черныхъ общинахъ до Петра I и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ въ петровскій періодъ **).

---

*) Гакстгаузенъ, т. II, стр. 68 въ нѣмецкомъ подлинникѣ.
**) Бѣляевъ, *Русская Бесѣда* 1856 г., т. I, стр. 141—145.

Новая эра открывается для крестьянской жизни и крестьянской общины въ нынѣшнее царствованіе. Исторія освобожденія крестьянъ, совершившаяся на нашихъ глазахъ, болѣе или менѣе извѣстна каждому образованному русскому, такъ что мы ограничимся здѣсь нѣсколькими словами. Однимъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію правительства при освобожденіи крестьянъ, былъ вопросъ: какую форму владѣнія создать у крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости,—форму ли общиннаго владѣнія или индивидуальнаго. Въ разрѣшеніи этого вопроса приняли участіе литература и губернскіе комитеты, депутаты отъ которыхъ были призываемы въ государственный совѣтъ. Едва ли можно встрѣтить въ русской исторіи какое-либо законоположеніе, на выработку котораго оказала бы сильное вліяніе литература. Жаркая полемика, завязавшаяся въ 50-хъ годахъ между журналами и ясно обрисовавшая партію западниковъ, увлекавшихся буржуазно-капиталистическимъ строемъ западной Европы, партію славянофиловъ-народниковъ и партію демократовъ, проникнутыхъ западно-европейскими идеями,—способствовала разрѣшенію крестьянскаго вопроса съ сохраненіемъ общиннаго самоуправленія и общиннаго землевладѣнія.

Законъ 19 февраля 1861 года разрѣшилъ вопросъ о поземельныхъ отношеніяхъ крестьянъ въ слѣдующемъ смыслѣ: такъ какъ крестьянское общинное самоуправленіе и общинное землевладѣніе суть учрежденія выработанныя вѣковою историческою жизнью русскаго народа и такъ какъ то и другое существовало во все время крѣпостнаго права въ большинствѣ мѣстностей Русской земли, хотя въ искаженномъ видѣ, то посему закономъ 19 февраля общинное землевладѣніе сохранено и формулировано во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оно существовало de facto. Система общиннаго землевладѣнія среди крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, оставлена во всѣхъ Великорусскихъ и Бѣлорусскихъ губерніяхъ и, въ большинствѣ случаевъ, въ губерніяхъ Новороссійскихъ, въ губерніяхъ же Малороссійскихъ принята система подворнаго владѣнія, которая тамъ фактически существовала.

Что касается до крестьянскаго общиннаго самоуправленія, то оно даровано всѣмъ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, и по существу это самоуправленіе носитъ такія же черты, какъ и самоуправленіе древней русской общины. Такимъ образомъ нынѣшняя крестьянская община не есть созданіе за-

кона 19 февраля 1861 г.,—законъ только освятилъ и формулировалъ это учрежденіе, выработанное исторіей, и, даровавъ свободу крестьянскому сословію, призналъ его права на землю, уничтожилъ тѣ искаженія этого историческаго учрежденія, которыя, не вытекая изъ органическаго развитія народной жизни, были послѣдствіемъ искуственныхъ мѣръ правительства.—Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, реформа Императора Александра II была возвращеніемъ къ старинѣ, т. е. возстановленіемъ органическаго процесса развитія народной жизни, прерваннаго искуственными и насильственными мѣропріятіями.

VIII.

Показавъ, что нынѣшняя крестьянская община въ Россіи есть развитіе древней до-петровской общины, мы поставляемъ себѣ задачей—для полнаго доказательства нашей мысли, что въ развитіи этого учрежденія играли роль отличительныя психическія качества русскаго народа—коснуться сравненія исторіи русской общины съ исторіей ея у другихъ народовъ и прослѣдить, на сколько въ этой исторіи проявляютъ себя расовыя отличія, особенности характеровъ разныхъ народовъ.

Въ виду однако трудности выполненія этой задачи мы не займемся сравненіемъ русской общины со всѣми существующими и существовавшими поземельными общинами у всѣхъ народовъ разныхъ странъ и времени, но ограничимся довольно тѣсными рамками—сравненіемъ исторіи русской поземельной общины съ исторіей общины германскаго народа, начиная съ среднихъ вѣковъ. Въ очеркѣ исторіи германской общины мы будемъ руководствоваться сочиненіями извѣстнаго ученаго Маурера. Сравненіе той и другой исторіи, по нашему мнѣнію, бросаетъ яркій свѣтъ на значеніе психическихъ особенностей народовъ въ ходѣ развитія и разложенія ихъ учрежденій. Германскія сельскія или деревенскія общины образовались изъ такъ-называемыхъ марокъ. Марки были большія общины съ мѣстнымъ самоуправленіемъ и общиннымъ владѣніемъ пахотными и луговыми землями и другими угодьями, въ родѣ нашихъ вервей. Съ образованіемъ правительственной власти въ Германіи въ лицѣ королей и князей, когда бо́льшая сумма общинныхъ правъ перешла въ руки правительственной власти, эти большія общины, марки, распадаются на болѣе мелкія—деревенскія и сельскія общины; эти общины существуютъ въ про-

долженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ не только на земляхъ принадлежавшихъ въ собственность крестьянамъ (свободныя общины), но и на земляхъ владѣльческихъ, на которыхъ сидѣли крестьяне, крѣпкіе къ землѣ (колонны). Въ этихъ несвободныхъ, или владѣльческихъ, общинахъ, на ряду съ господскою юрисдикціей и господскими властями, существовали общинная юрисдикція и общинныя власти: первыя вѣдали отношенія крестьянъ къ владѣльцу, наблюдали за взносами податей и отправленіемъ повинностей въ пользу владѣльца, судили и наказывали преступленія и проступки противъ правъ помѣщика, а вторыя вѣдали общинныя дѣла, поземельныя отношенія своихъ членовъ, слѣдили за взносомъ государственныхъ и общественныхъ податей и отправленіемъ государственныхъ и общиныхъ повинностей, имѣли свою полицію, свой судъ, который судилъ нарушеніе правъ общины.

Какъ свободныя, такъ и владѣльческія общины были построены по одному и тому же типу. Хотя свободныя общины имѣли право собственности на землю, а владѣльческія его не имѣли, за то послѣднія имѣли на землю признанное закономъ и имъ охраняемое право владѣнія. Во второй половинѣ среднихъ вѣковъ владѣльческія общины составляли общее правило, а свободныя—исключенія, хотя послѣднія никогда не исчезали окончательно. Кромѣ этого въ Германіи были еще смѣшанныя общины, состоявшія изъ крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ разныхъ владѣльцевъ, или изъ свободныхъ и владѣльческихъ крестьянъ *).

Германская сельская община состояла изъ слѣдующихъ составныхъ частей: дворовъ съ усадебными землями, изъ дѣлимой части марки, состоящей изъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ земель, и, наконецъ, изъ недѣлимой части марки, состоящей изъ выгоновъ, выпусковъ, лѣсовъ и другихъ угодій. Дѣлимая марка (Die Feldmark oder getheilte Mark) строго отдѣлялась отъ общей марки (die gemeine Mark oder almend). Что должно принадлежать къ общей маркѣ, а что къ дѣлимой—опредѣлялось правиломъ, что къ послѣдней принадлежитъ та земля, по которой ходятъ плугъ и коса, а вся остальная земля относилась къ общей маркѣ. Послѣ того, какъ большія общины-марки распались на мелкія сельскія общины, дѣлимая марка, т. е. пахотныя земли и луга, распредѣлялась между членами по жребію. Сначала участки этой

*) Maurer: „Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland", B. I, p. 1—28, 68—83.

марки поступали не въ собственность крестьянамъ, но лишь въ пользованіе, т. е. отдавались отдѣльнымъ хозяевамъ на опредѣленное время: на три, четыре, девять, двѣнадцать и четырнадцать лѣтъ, по прошествіи которыхъ возобновлялись передѣлы въ видахъ уравненія имуществъ; но съ теченіемъ времени, еще въ началѣ среднихъ вѣковъ, участки эти перешли въ отдѣльную индивидуальную собственность отдѣльныхъ крестьянъ, которыми они могли распоряжаться совершенно свободно, продавать, передавать по наслѣдству и т. п. (Sondergüter). Мауреръ полагаетъ, что и въ этой дѣлимой маркѣ остались слѣды прежняго общиннаго владѣнія; эти слѣды видны въ томъ, что каждый хозяинъ долженъ былъ подчиняться обязательному сѣвообороту, долженъ былъ производить пахоту, посѣвъ и уборъ хлѣба въ извѣстное опредѣленное время; свое поле, лежащее подъ паромъ, или свое жнивье, т. е. поле по снятіи хлѣбовъ, открывать свободно для выгона, т. е. для пастбища скота всѣхъ членовъ общины, и не имѣлъ права загораживать на это время свой участокъ. Порядокъ сѣвооборота, время пахоты, посѣва и уборки хлѣба, время, въ продолженіе котораго участки могли быть огорожены и когда они должны быть открыты, опредѣлялись или обычаемъ, или постановленіемъ общинъ *). Мы не видимъ въ этихъ правилахъ однако никакихъ остатковъ общиннаго владѣнія,—мы думаемъ, что эти правила были удержаны не въ силу преданій объ общинномъ владѣніи землей, бывшемъ нѣкогда и жившемъ въ народномъ сознаніи, и не въ силу присущаго духу германцевъ стремленія къ общности, къ общинному землевладѣнію, но сохранились лишь благодаря экономическимъ условіямъ страны. Германія во все время существованія поземельныхъ общинъ находилась на той стадіи экономическаго развитія, когда господствовала и была единственно извѣстною и возможною трехпольная система хозяйства. Условія трехпольнаго хозяйства, при чрезполосности владѣнія, необходимо требуютъ, чтобы владѣльцы всѣхъ участковъ въ извѣстной полосѣ сѣяли или озимый, или яровой хлѣбъ, или оставляли поле подъ паромъ,—иначе вести хозяйство нельзя. При трехпольномъ хозяйствѣ треть поля оставляется подъ паромъ, и эта часть земли во время пара пропадала бы непроизводительно для крестьянъ, если ею не пользоваться въ это время для пастбища скота. Устроить отдѣльные маленькіе выгоны

*) Ibidem.

для отдѣльныхъ хозяевъ, разгородивъ свои участки, было естественно невозможно, и отсюда само собой вытекала необходимость сдѣлать поле, лежавшее подъ паромъ, общимъ выгономъ. Но разъ установился, силою экономической необходимости, обычай общихъ выгоновъ на толокѣ и жнивьяхъ, то изъ этого обычая само собою вытекали обязанности хозяевъ—не загораживать своихъ участковъ въ опредѣленное время и кромѣ того пахать, сѣять и убирать хлѣбъ въ опредѣленное время, дабы не препятствовать несвоевременной уборкой хлѣба сосѣдямъ пускать свой скотъ на жнивья и толоку. Въ тѣхъ поселеніяхъ (Hofanlasagen), которыя состояли изъ отдѣльныхъ дворовъ, причемъ каждый хозяинъ владѣлъ отдѣльнымъ участкомъ поля, луга, выгона и лѣса, окружавшихъ его дворъ, гдѣ не было чрезполосности владѣній, не было и необходимости въ подобныхъ стѣсненіяхъ со стороны общины,—каждый отдѣльный хозяинъ огораживалъ или окапывалъ свой участокъ, заводилъ на немъ, какіе хотѣлъ, сѣвообороты и не пускалъ скота сосѣдей.

Общая или нераздѣльная марка, находившаяся въ общемъ владѣніи всѣхъ членовъ общины, состояла изъ выгоновъ, выпусковъ, лѣсовъ, пустошей или другихъ угодій. Главную часть этой марки составляли выгоны и лѣса. Право пользованія этой общею маркой было общее для всѣхъ членовъ общины*).

Общинное пользованіе общинною маркой истекало, по нашему мнѣнію, не изъ сознанія пользы соединенія отдѣльныхъ хозяйствъ въ одно цѣлое и не изъ сознанной выгоды въ составленіи экономическаго союза, какъ это мы видимъ въ русскихъ общинахъ, но происходило лишь изъ невозможности раздѣлить эту землю въ индивидуальное владѣніе. Мы видѣли, что экономическія условія страны требовали общихъ выгоновъ. Точно такъ и лѣса: при ихъ недостаточности и при многочисленности крестьянъ, лѣса пришлось бы подѣлить на столь мелкіе участки, что они заключали бы въ себѣ по нѣскольку деревьевъ; притомъ же, не говоря уже о неудобствахъ произвести правильнымъ и справедливымъ образомъ подобный дѣлежъ лѣсовъ при разнокалиберныхъ деревьяхъ, участки эти оказались бы настолько мелки, что еслибъ они состояли въ индивидуальномъ владѣніи, то оберегать ихъ, огораживать и окапывать не было бы никакой возможности, поэтому они и оставались въ общемъ владѣніи и лишь часть ихъ перешла въ инди-

*) Ibidem, p. 304—310.

видуальное. Тѣмъ болѣе нельзя было раздѣлить рѣкъ и озеръ, каменоломень и другихъ угодій.

Еслибъ экономическая необходимость не заставляла держаться общиннаго пользованія, то духъ индивидуализма и обособленности, о которомъ мы говорили выше, свойственный нѣмецкому народу, тотчасъ проявился бы въ раздѣленіи земли въ отдѣльную индивидуальную собственность. Это заключеніе мы можемъ вывести изъ того, что коль скоро земля, находившаяся въ общей маркѣ, дѣлалась съ теченіемъ времени годною для земледѣлія или сѣнокосовъ, напримѣръ вслѣдствіе вырубки лѣсовъ и кустарниковъ съ выкорчевываніемъ пней или высыханія топей и болотъ, то эта земля раздѣлялась между членами общины. «Подобное стремленіе членовъ общины обратить полученные въ пользованіе участки въ свою собственность было всеобщимъ и повсемѣстнымъ въ Германіи», говоритъ Мауреръ*).

Другое существенное отличіе германскаго общиннаго владѣнія выгонами, лѣсами и другими угодьями отъ русскаго состояло въ томъ, что въ русскихъ общинахъ право пользованія угодьями было равно для всѣхъ, въ германскихъ же разные члены общины имѣли не одинаковое право участія въ общей маркѣ: напримѣръ, одинъ могъ посылать одну свинью на выгонъ, другой—двѣ, и т. д.; одинъ могъ рубить въ лѣсу извѣстное количество дровъ, другой—больше, третій меньше. Вначалѣ право участія въ общей маркѣ было составною принадлежностью крестьянскаго двора, и такъ какъ дворы дробились, вслѣдствіе наслѣдственныхъ раздѣловъ, на неравныя части, то на такія же неравныя части дробились и эти права. Со временемъ право участія въ пользованіи общею маркой перестало составлять принадлежность двора и стало составною частью или принадлежностью крестьянскаго владѣнія; но такъ какъ полевые и луговые участки отчуждались по частямъ, и притомъ не равнымъ, то права участія въ общей маркѣ отдѣльныхъ лицъ сдѣлались еще болѣе неравномѣрны. Наконецъ, мало-помалу крестьяне начали отчуждать свои права пользованія въ общей маркѣ отдѣльно отъ ихъ индивидуальной собственности, т.-е. отдѣльно отъ ихъ луговыхъ и полевыхъ участковъ, и кромѣ того по частямъ. Это совершенно видоизмѣнило природу пользованія общею маркой,—вмѣсто общиннаго владѣнія или общинной собственности, на общую марку явилось общее право собственности

*) Ibidem.

или общее владѣніе*). Разница между общиннымъ и общимъ владѣніемъ весьма существенная: при общинномъ владѣніи право собственности на имущество принадлежитъ общинѣ и общинники имѣютъ на него лишь право пользованія; при общемъ же владѣніи права собственности на имущество принадлежатъ отдѣльнымъ лицамъ и только части владѣній отдѣльныхъ лицъ не опредѣлены индивидуально въ натурѣ и не имѣютъ опредѣленныхъ границъ. Общинное владѣніе возникаетъ потому, что отдѣльныя лица понимаютъ и преслѣдуютъ выгоды совмѣстнаго пользованія и составляютъ экономическій союзъ. Общее владѣніе держится лишь вслѣдствіе того, что неудобно или невозможно подѣлить имущество, указать часть каждаго въ натурѣ, опредѣлить ее границами; но коль скоро является такая возможность, является и такой дѣлежъ и общее право собственности распадается на отдѣльныя права, независимыя другъ отъ друга. Общинное владѣніе есть результатъ духа общинности, тогда какъ общее владѣніе существуетъ и при индивидуалистическихъ стремленіяхъ, задерживаемыхъ лишь экономическими препятствіями. Въ силу этого, коль скоро экономическія условія позволяли германцамъ приступить къ дѣлежу общихъ марокъ, эти марки повсемѣстно раздѣлялись на отдѣльные участки и переходили въ индивидуальную собственность отдѣльныхъ лицъ.

Этотъ процессъ разложенія поземельныхъ общинъ въ Германіи начался еще въ XV в., продолжался въ XVI и XVII и окончательно совершился въ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ**). Но не только въ то время, когда права участія въ общей маркѣ перестали быть составною и неотъемлемою принадлежностію владѣнія пахотными и луговыми землями, даже раньше сего, владѣніе со стороны германскихъ общинъ ихъ общими марками болѣе подходитъ къ типу общаго владѣнія, чѣмъ къ типу общиннаго. Вслѣдствіе этого мы въ правѣ сказать, что въ устройствѣ и разложеніи германскихъ сельскихъ общинъ проявился духъ индивидуализма, какъ выраженіе характера германскихъ народовъ, а въ сохраненіи, устройствѣ и развитіи русскихъ общинъ и русскаго общиннаго землевладѣнія проявился духъ общности, свойственный народу русскому.

---

*) Ibidem, p. 61—68.

**) Ibidem, p. 40—51.

IX.

Кромѣ этого существеннаго различія въ устройствѣ и ходѣ развитія германскихъ общинъ, сравнительно съ русскими, между ними было и другое, не менѣе важное, различіе: германскія общины носили аристократическій характеръ, русскія же общины были чисто-демократическими учрежденіями. Въ Германіи не всѣ жившіе въ деревнѣ были полноправными членами общины,—масса лицъ не пользовалась полноправіемъ и не была членами общины. Чтобы быть членомъ общины, надо было, во-первыхъ, имѣть жительство въ деревнѣ, во-вторыхъ, имѣть движимое имущество и, въ-третьихъ, самому обработывать это имущество. Всѣ полноправные члены общины не только одни имѣли право участія въ пользованіи общинною маркой, но они одни завѣдывали и управляли общинными дѣлами, имѣли право голоса на сходахъ, могли избирать общинныхъ властей и быть избираемыми*).

Всѣ остальные, жившіе въ деревнѣ, крестьяне не имѣли никакого участія въ пользованіи общею маркой или имѣли самое ограниченное и ничтожное право, не считались членами общины, не имѣли участія въ общественныхъ дѣлахъ и права участвовать на сходѣ, избирать и быть избираемыми. Всѣ эти лица, жившія въ деревнѣ и не пользовавшіяся правами общиннаго гражданства, назывались бейзассами (Beisassen**); ихъ происхожденіе находится въ связи съ позднѣйшими поселеніями. При первомъ поселеніи жители деревни раздѣлили между собою дѣлимую часть марки и пользовались сообща нераздѣльною маркой; для того, чтобы пріобрѣсти право участія въ общей маркѣ, нужно было пріобрѣсти дворъ или недвижимое имущество, и кто не могъ этого сдѣлать, тотъ считался бейзассомъ. Къ этому классу относились также тѣ, которые имѣли сначала дворъ или имущество, но, обѣднѣвъ, потеряли ихъ. Бейзассы не имѣли никакого владѣнія или имѣли самое незначительное, и смотря по этому они носили разныя названія.

Бейзассы, помимо самаго ограниченнаго участія въ общей маркѣ, были стѣснены и относительно занятія ихъ промысла-

---

*) Ibidem, p. 120—127; B. II, p. 43, 77—78.

**) Мы потому употребляемъ нѣмецкое слово, что не находимъ въ русскомъ языкѣ слова, которое буквально переводило бы это понятіе; перевести же его не буквально, напримѣръ словомъ «затяглый», мы не рѣшаемся, потому что въ германской общинѣ не было понятія „тягла“.

ми, относительно пріобрѣтенія ими владѣнія, не имѣли никакого участія въ общинныхъ дѣлахъ и даже ихъ права гражданскія были ограничены. Въ другихъ мѣстахъ право общиннаго гражданства и право пользованія общею маркой зависѣло не отъ владѣнія недвижимымъ имуществомъ, а отъ рожденія отъ полноправныхъ гражданъ, или отъ происхожденія отъ древняго рода. Кто не имѣлъ подобнаго происхожденія, тотъ не былъ членомъ общины, не пользовался правомъ общиннаго гражданства и участія въ общей маркѣ, былъ бейзассомъ *).

Таковъ былъ аристократическій строй германскихъ общинъ, съ ихъ раздѣленіемъ жителей на отдѣльные другъ отъ друга классы, пользовавшіеся далеко не одинаковыми правами. Ничего подобнаго мы не видимъ въ русской общинѣ, гдѣ не было никакого раздѣленія на классы, гдѣ всѣ пользовались одинаковыми правами и гдѣ весь строй представляется чисто-демократическимъ. Правда, мы встрѣчаемъ въ XVI в. классы затяглыхъ людей: сюда относились бобыли, подворники или захребетники. Эти лица или имѣли свои дворы, или въ большинствѣ случаевъ были безземельны; ихъ экономическое положеніе, несомнѣнно, было хуже крестьянскаго, — они жили иногда по нѣскольку человѣкъ въ домѣ и работали въ домахъ крестьянъ въ качествѣ наемниковъ или занимались промыслами. Къ безземельнымъ членамъ общины относились и казаки. Существованіе въ общинѣ этихъ безземельныхъ лицъ на первый разъ, кажется, противорѣчитъ демократическому строю русской общины, но, всматриваясь внимательно въ причину появленія этихъ классовъ, мы видимъ, что эти лица дѣлались безземельными не потому, что имъ не давали земли, а потому, что они сами не хотѣли заниматься земледѣліемъ. Кромѣ земледѣлія въ деревнѣ были и другія занятія, дававшія средства къ жизни, какъ-то: звѣроловство, рыболовство, ремесла, которые были совершенно свободны. Такъ какъ на землѣ лежали главнымъ образомъ налоги, то эти лица по своей волѣ предпочитали заниматься другими занятіями, помимо земледѣлія, и этимъ они освобождались отъ большей части налоговъ и назывались *затяглыми*. Притомъ же затяглые были явленіемъ временнымъ; ихъ существованіе относится, главнымъ образомъ, къ XVI и съ XVII в. бобыли, подворники и захребетники

*) Maurer, B. I, p. 120—159.

исчезають *). Такъ какъ положеніе захребетниковъ и другихъ затяглыхъ людей обусловливалось ихъ доброю волей, а не исключительною привилегированностью извѣстнаго класса лицъ, и такъ какъ это положеніе было явленіемъ временнымъ, то мы въ правѣ сказать, что русская крестьянская община, во все время ея исторіи, представляется чисто демократическимъ учрежденіемъ безъ всякаго различія привилегированныхъ отъ непривилегированныхъ.

Нѣмецкій ученый Кейсслеръ приписываетъ причину этого различія германскихъ и русскихъ общинъ экономическимъ условіямъ: древнія русскія общины, по его мнѣнію, потому носили демократическій характеръ, что въ древней Россіи земли было много, недостатка въ ней не ощущалось, ея хватало не только на удовлетвореніе потребностей всѣхъ жившихъ въ общинѣ, но и для удовлетворенія всѣхъ вновь приходившихъ поселенцевъ, а потому и не было повода ограничивать права на имущество однихъ въ ущербъ другимъ. Однако изъ исторіи русской общины мы видѣли, что когда земли стало недостаточно для удовлетворенія всѣхъ потребностей, русскія общины не измѣнили своего демократическаго характера и прибѣгали для уравненія правъ къ передѣламъ. Кромѣ того, аристократизмъ германскихъ общинъ выражался не въ томъ только, что не всѣ имѣли право пользованія общимъ имуществомъ, но также и въ томъ, что не всѣ допускались въ общинныхъ дѣлахъ на сходы, въ выборныя должности, не всѣ пользовались одинаковыми правами, не были равны на судѣ и проч. Въ этихъ привилегіяхъ одного класса предъ другимъ недостатокъ земли—не причемъ.

Мы убѣждены поэтому, что причину различія строя германскихъ общинъ отъ русскихъ надо искать въ характерѣ народовъ: русскія общины были демократичны вслѣдствіе тѣхъ же причинъ, вслѣдстіе которыхъ на русской почвѣ не могъ никогда возникнуть и утвердиться аристократизмъ вообще. Русскій народъ былъ, есть и будетъ народомъ демократическимъ; всѣ попытки развить въ Россіи аристократизмъ оказывались и окажутся неудачными.

Въ русскихъ крестьянскихъ общинахъ, по всему вѣроятію, являлись попытки нѣкоторыхъ лицъ создать и укрѣпить за собою привилегированное положеніе, но народъ, по своей демократично-

*) Соколовскій: «Экономическій бытъ земледѣльч. нас. Россіи», стр. 13—17.— «Очеркъ исторіи сельской общины», стр. 122—126.—«Крестьяне на Руси».

сти, вступалъ въ борьбу съ этими лицами, и такъ какъ къ этой внутренней борьбѣ общинъ не примѣшивалось никакого посторонняго вліянія, то среди русской крестьянской общины привилегіи не могли создаться и развиться. Въ русской общинѣ могутъ появиться кулаки, преобладающее положеніе которыхъ основывается не на привилегіяхъ, а на матеріальныхъ средствахъ, на деньгахъ, но и то міръ всегда относится къ нимъ съ ненавистью и злобою, называетъ ихъ не иначе какъ міроѣдами и всегда готовъ стереть ихъ съ лица земли.

Вообще же, по поводу демократическаго характера русскихъ общинъ, нужно сказать, что такъ какъ русскій народъ, по своей нелюбви къ принципамъ холоднаго разсудка и эгоистическаго разсчета, не могъ положить въ основаніе экономическаго союза общины юридическихъ нормъ, а долженъ былъ положить начала нравственныя — начала совѣсти, проявившіяся, между прочимъ, въ справедливомъ распредѣленіи недвижимаго имущества между членами по мѣрѣ силъ и потребностей каждаго, то при этомъ, когда руководящимъ началомъ было естественное чувство совѣсти, само собою не могло развиться никакихъ привилегій однихъ въ ущербъ другимъ. Русскія общины были и суть нравственно-экономическіе союзы, а германскія общины—юридическо-экономическіе, въ основаніе которыхъ были положены юридическія нормы, выработанныя опытомъ и эгоистичнымъ разсудкомъ, освященныя временемъ и поддерживаемыя силою.

Этимъ существеннымъ отличіемъ германской общины отъ русской объясняются, между прочимъ, замкнутость и недоступность для постороннихъ германской общины и свободный доступъ въ древне-русскую. Для того, чтобы сдѣлаться членомъ общины въ Германіи, посторонній человѣкъ долженъ былъ пріобрѣсть дворъ или недвижимое имущество, съ которымъ было связано участіе въ общей маркѣ; впослѣдствіи, когда это право участія (въ пользованіи общею маркой) перестало быть неотъемлемою принадлежностію владѣнія недвижимымъ имуществомъ, для права быть членомъ общины достаточно было пріобрѣсть право участія въ пользованіи общею маркой. Другимъ условіемъ для вступленія въ члены общины было поселеніе въ деревнѣ и веденіе самостоятельнаго хозяйства, но кромѣ всего этого надо было быть принятымъ въ общину и внесть за это плату. Сначала не было формальныхъ приговоровъ о пріемѣ; но если кто поселялся въ общинѣ, то каждому изъ членовъ общины предоставлялось право

протестовать противъ принятія поселившагося въ члены общины, и такой протестъ дѣлалъ вступленіе его въ общину невозможнымъ. Впослѣдствіи установилось формальное принятіе въ общину и составленіе формальныхъ приговоровъ. Входная плата въ разныхъ общинахъ была различна и требовалась не только для вступленія въ члены общины, но и при вступленіи кого-либо въ общину въ качествѣ бейзасса; въ послѣднемъ случаѣ она была, очевидно, ниже, чѣмъ въ первомъ.

Первоначально доступъ въ члены общины былъ болѣе легокъ, но съ XV и XVI столѣтія общины стали затруднять вступленіе въ составъ ихъ новыхъ членовъ и даже препятствовать поселенію лицъ въ деревнѣ не на правахъ члена общины. Съ этою цѣлью входная плата возвышалась; въ нѣкоторыхъ общинахъ запрещалось продавать участки не членамъ общины, въ другихъ—участки должны быть предварительно предложены для продажи членамъ общины, которые имѣли право предпочтительной покупки, и т. п. Это стремленіе замкнуться въ самой себѣ и сдѣлаться по возможности недоступной для постороннихъ выразилось въ германской общинѣ также въ запрещеніи вывозить изъ общины и продавать постороннимъ продукты, добываемые на общей маркѣ: наприм., дрова и вообще лѣсъ, постройки на сносъ, навозъ, пометъ, сѣно, рыбу, плоды и т. п. Такіе продукты должны были потребляться въ общинѣ или, по крайней мѣрѣ, въ ней обрабатываться. Товары, приготовляемые изъ продуктовъ общей марки, тогда только могли быть вывозимы изъ деревни и продаваемы на сторонѣ, когда они были предварительно предложены членамъ общины для предпочтительной покупки, и безъ соблюденія этого правила община имѣла право выкупить эти товары. Разнаго рода ремесленники могли приготовлять только тѣ издѣлія, которыя потреблялись въ общинѣ, и на столько, на сколько было въ нихъ нужды. Затрудненіе было также и въ выселеніи членовъ изъ общины: въ нѣкоторыхъ общинахъ, чтобъ оставить общину, требовалось получить увольнительный актъ *).

Никакихъ подобныхъ стѣсненій мы не видимъ въ древней русской общинѣ,—какъ мы видѣли, въ ней каждый новый членъ принимался съ охотою и даже пользовался пособіемъ. Выходъ изъ общины также не былъ затруднителенъ; членъ ея, оставлявшій общину, долженъ былъ только заплатить причитавшіяся съ него

*) Maurer, B. I, p. 175—187, 313—327.

подати и повинности *) — и община не имѣла права его удерживать.

Такое различіе въ физіономіи германской общины отъ русской объясняется, по нашему мнѣнію, народнымъ характеромъ: на сколько русскій человѣкъ общителемъ и на сколько нѣмецъ сосредоточенъ въ себѣ самомъ, на столько же община нѣмца была замкнута, а община русская свободна и открыта для посторонняго. Сверхъ того русская община и германская были построены на совершенно разныхъ началахъ: русская община была экономическимъ союзомъ лицъ, для совмѣстнаго хозяйства съ цѣлью извлечь пользу изъ операціи; германская община была, напротивъ того, союзомъ лицъ, которыхъ только экономическое неудобство раздѣла земли въ натурѣ заставляло оставаться въ общинномъ владѣніи. Въ первую всякій новый членъ, приходя, приносилъ новыя силы и увеличивалъ общую прибыль союза не только абсолютно, но и относительно, а поэтому ему были рады, во второй же ничего не было похожаго на совмѣстное сплоченіе экономическихъ силъ для общихъ предпріятій и поэтому всякій новый членъ составлялъ бремя или тягость и его чуждались.

Главная же причина, почему германская община была замкнутой, а русская открытой, заключалась въ томъ, что германская община была юридико-экономическимъ союзомъ, а русская нравственно-экономическимъ. Въ основаніе германской общины были положены юридическія нормы, т. е. общественные принципы, выработанные разумомъ и эгоистическимъ разсчетомъ; при такомъ фундаментѣ общины, каждый членъ ея естественно будетъ дорожить правами, пріобрѣтенными и поддерживаемыми эгоистическими разсчетами, и не будетъ допускать никого посторонняго къ участію въ пользованіи этими правами. Отсюда является замкнутость юридическихъ корпорацій, и подобныя замкнутыя корпораціи могутъ возникать у народовъ, у которыхъ есть способность твердо держаться юридическихъ принциповъ и неуклонно слѣдовать имъ.

Русскій народъ не могъ создать изъ своей сельской общины замкнутой корпораціи. Не будучи въ состояніи положить въ основаніе своей общины юридическихъ нормъ, онъ положилъ въ ея основаніе начала нравственныя — справедливости; чувство же

*) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“, стр. 77—78.

справедливости не допускаетъ узкости и исключительности,—оно одинаково распространяется на своего и на чужаго. Вотъ почему русскіе крестьяне въ своихъ общинахъ поступались одинаково своими эгоистическими интересами какъ въ пользу своихъ сочленовъ, такъ и въ пользу постороннихъ.

X.

Изъ того, что германскія общины были юридическими корпораціями, а русскія—нравственными союзами, истекало ихъ различіе въ томъ, что первыя были принудительными союзами, а вторыя—добровольными.

Всякій союзъ, всякое общество, построенныя на юридическихъ нормахъ, ощущаютъ постоянную потребность увеличивать и измѣнять эти нормы: юридическія нормы могутъ обнимать собою лишь извѣстную часть случаевъ жизни; постоянно возникающіе новые своеобразные случаи не будутъ подходить подъ нихъ, а такъ какъ случаи жизни разнообразны и съ развитіемъ жизни общества разнообразятся все болѣе и болѣе, то отсюда проистекаетъ необходимость для того, чтобы цѣлесообразно нормировать жизнь, увеличивать юридическія положенія до огромнаго размѣра, въ виду того, чтобы каждая формула подробно обнимала всѣ особенности каждаго частнаго случая. Наоборотъ, въ обществѣ или союзѣ, основанныхъ на нравственныхъ началахъ, гдѣ чувство естественной справедливости составляетъ руководящую нить въ отношеніяхъ членовъ и даетъ отвѣтъ на всѣ возникающіе вновь случаи, разрѣшая ихъ своеобразно,—въ такомъ обществѣ или союзѣ нѣтъ никакой необходимости прибѣгать къ подробной регламентаціи отношеній. Кромѣ того весьма важное различіе между союзомъ юридическимъ и союзомъ нравственнымъ заключается въ томъ, что въ юридическомъ союзѣ исполненіе юридическихъ нормъ зависитъ, во-первыхъ, отъ уваженія къ историческимъ преданіямъ и, во-вторыхъ, оно можетъ и должно быть поддерживаемо принудительными мѣрами, т. е. наказаніями; въ нравственныхъ союзахъ условіе для исполненія нравственныхъ началъ есть велѣніе голоса совѣсти. Дѣйствительно, мы видимъ въ германскихъ общинахъ чрезвычайное обиліе юридическихъ правилъ, опредѣляющихъ чрезвычайно подробно и разнообразно отношенія членовъ общины и поддерживаемыхъ принудительными мѣрами; съ другой стороны—полное отсутствіе того и другаго въ русской общинѣ.

Права и обязанности членовъ германской общины были опредѣлены до мельчайшей подробности особыми постановленіями. Общины издавали подробныя постановленія, опредѣлявшія количество пользованія общинною маркой отдѣльныхъ членовъ и вводившія лѣсную и полевую полицію. Ограниченія права пользованія лѣсами состояли въ опредѣленіи размѣра лѣса (quantum'а) строеваго и даже не строеваго, которымъ могли пользоваться отдѣльные члены общины. Былъ учрежденъ особый контроль и безъ указанія со стороны общинныхъ властей, какія деревья можно было рубить, никто не смѣлъ рубить. Крестьянинъ для того, чтобы воспользоваться лѣсомъ, долженъ былъ доказать свою потребность въ немъ, а это привело къ учрежденію правильной деревенской построечной полиціи, которая наблюдала за тѣмъ, чтобы хозяева содержали свои постройки въ исправномъ видѣ, чтобъ отъ неисправнаго содержанія постройки преждевременно не разрушались.

За нарушеніе всѣхъ этихъ правилъ положены были наказанія. Право пользованія пастбищемъ скота на выгонахъ, толокахъ и жнивьяхъ были также въ подробности опредѣлены: опредѣлено было время, къ которому каждый хозяинъ долженъ былъ снять хлѣбъ съ поля; заведенъ былъ порядокъ, въ которомъ скотъ долженъ быть выгоняемъ на выгонъ, изъ того соображенія, чтобы выгонъ не сдѣлался негоднымъ для извѣстнаго рода животныхъ; было опредѣлено количество штукъ скота, какое могло быть выгоняемо на пастбище. Кто не имѣлъ права пользоваться пастбищемъ, тотъ вовсе не могъ имѣть скота: напримѣръ, бейзассы часто не могли имѣть другихъ животныхъ, кромѣ собаки, кошки и пѣтуха; а кто пользовался правомъ пастбища, тотъ не могъ имѣть своихъ собственныхъ пастуховъ, а долженъ былъ посылать свой скотъ пастись вмѣстѣ съ другими подъ присмотромъ общественныхъ пастуховъ *).

Точно такъ же, весьма подробно, были регламентированы и обязанности членовъ общины, даже такія, которыя по своему существу носятъ характеръ нравственныхъ обязанностей, напримѣръ обязанности взаимной помощи членовъ общины. Особенною оригинальною обязанностію была обязанность гостепріимства относительно проѣзжающихъ и проходящихъ постороннихъ лицъ: каждый проѣзжающій могъ, напримѣръ, снять и съѣсть три яблока,

---

*) Ibidem, B. I, p. 187—270.

три груши, три рѣпы, но никакъ не болѣе, могъ нарвать шапку орѣховъ, скосить для лошади два или три снопа травы на дорогѣ или выгонѣ, могъ поймать рыбы, но тутъ же ее сварить и съѣсть, а не увозить съ собою; если путешественникъ нарушалъ эти предписанія, то подвергался наказанію. Члены общины обязаны были помогать другъ другу; случаи взаимной помощи были опредѣлены подробнымъ образомъ — гдѣ, когда и при какихъ случаяхъ крестьянинъ долженъ былъ помогать другому; при этомъ до мелочей опредѣлялось, какъ велика должна быть помощь, сколько при этой помощи крестьянинъ долженъ былъ проѣхать, сколько могъ пройти пѣшкомъ. За неисполненіе всѣхъ этихъ правилъ относительно пользованія правами и отбыванія обязанностей члены общины подлежали суду и наказанію *).

Мы не встрѣчаемъ никакихъ подобныхъ обязательныхъ постановленій относительно правъ и обязанностей членовъ ни въ древней русской общинѣ, ни въ новой. Въ ней пользованіе лѣсами, наприм., въ началѣ было безгранично, но съ теченіемъ времени, при умноженіи населенія и при уменьшеніи лѣсовъ, пользованіе этимъ лѣсомъ, конечно, должно было ограничиться; однако русская община, руководствуясь не юридическими нормами, а нравственнымъ чувствомъ, рѣшала въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, кому сколько дать лѣса, и не прибѣгала къ узкимъ и стѣснительнымъ правиламъ, часто оказывающимся въ отдѣльныхъ случаяхъ несправедливыми. Точно также никто не опредѣлялъ и не предписывалъ членамъ общины обязанности взаимной помощи,—всѣ эти обязанности исполнялись и исполняются добровольно каждымъ членомъ общины; крестьянинъ, руководствуясь нравственнымъ чувствомъ и сознаніемъ взаимности интересовъ, помогаетъ своему сосѣду въ работѣ, когда это нужно, ссужаетъ его орудіями производства и т. п.

Такъ точно община, безъ всякихъ предписаній со стороны правительства или со стороны общинныхъ властей, приходила и приходитъ на помощь своему члену въ случаѣ обѣдненія его или пожара, болѣзни или другихъ несчастныхъ случаевъ. Въ русской общинѣ всѣ обязанности исполняются по доброй волѣ каждаго; стимуломъ къ исполненію обязанностей служатъ нравственное чувство и общественное мнѣніе членовъ общины. Мы не видимъ, въ древней русской общинѣ, чтобъ она наказывала своихъ

*) Ibidem, p. 328—378.

членовъ, да и въ новой общинѣ такіе случаи очень рѣдки; русская община была всегда союзомъ не принудительнымъ, какъ германская, а добровольнымъ, хотя въ новое время русскія общины, подъ вліяніемъ регламентаціи законодательства, и приняли характеръ болѣе принудительныхъ союзовъ.

Если союзъ построенъ на принудительныхъ началахъ, если жизнь общины управляется форменными предписаніями, поддерживаемыми страхомъ наказанія, то является неудобнымъ и даже невозможнымъ, чтобы вся власть въ союзѣ или общинѣ сосредоточивалась въ рукахъ общаго собранія или сельскаго схода. При такомъ условіи членамъ общины пришлось бы судить и наказывать самихъ себя, а это, при поползновеніи членовъ общины нарушать предписанія, повело бы къ распаденію общиннаго союза. Поэтому въ общинахъ, которыя имѣютъ характеръ юридическихъ корпорацій, является необходимость общему собранію выдѣлить изъ себя власть и отдать ее въ руки выборныхъ властей, дать этимъ властямъ самостоятельную компетенцію и подчиняться имъ. Въ союзахъ, основанныхъ на нравственныхъ началахъ, выборныя власти потребны лишь на столько, чтобы быть исполнителями воли общаго собранія или схода. Германскіе сельскіе старосты имѣли гораздо болѣе власти, чѣмъ старосты русскихъ общинъ: послѣдніе исполняютъ лишь волю сходовъ, тогда какъ старосты германскихъ общинъ имѣли самостоятельную компетенцію, не зависимую отъ власти схода. Въ рукахъ старосты въ германскихъ общинахъ были многія важныя права, напримѣръ: вся лѣсная, построечная, полевая полиція; онъ рѣшалъ вопросъ о томъ, имѣлъ ли членъ общины потребность въ лѣсѣ и слѣдуетъ ли ему отвести лѣсъ и т. п. *). Кромѣ власти старосты была еще и другая важная власть — власть общиннаго совѣта (Gemeindrath), который вѣдалъ всѣ текущія дѣла общины, такъ что на долю сельскаго схода предоставлялось рѣшеніе самыхъ важныхъ дѣлъ, наприм. распоряженіе общиннымъ имуществомъ въ его субстанціяхъ.—Общинный совѣтъ состоялъ изъ нѣсколькихъ лицъ, выбранныхъ общиною **). Въ русской общинѣ — ни въ древней, ни въ новой—мы не видимъ никакихъ общинныхъ совѣтовъ, никакой власти помимо сельскаго схода и исполнителя его воли—старосты.

*) Ibidem, B. II, p. 22—65.
**) Ibidem, p. 65—75.

Въ обсужденіи дѣлъ сельскаго схода въ германской и русской общинѣ была большая разница. Въ германскихъ общинахъ въ сельскій сходъ должны были являться члены общины подъ страхомъ наказанія за не явку *), въ русскихъ же общинахъ явка или неявка на сходъ предоставляется на волю каждаго лица общины, и это понятно само собою: германская община была принудительнымъ союзомъ, а русская—свободнымъ. Въ германскихъ общинахъ всѣ дѣла на сходѣ рѣшались по большинству голосовъ, причемъ меньшинство должно было подчиняться всякому рѣшенію большинства, даже несправедливому **); въ русскихъ общинахъ,—хотя по закону 19-го февраля 1861 года дѣла на сельскомъ сходѣ должны рѣшаться простымъ большинствомъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ двумя третями голосовъ,—на практикѣ бываетъ не такъ: дѣла на сходѣ почти всегда рѣшаются не большинствомъ, а единогласно. Обыкновенная форма мірскихъ приговоровъ слѣдующая: «мы (крестьяне такіе-то) на сельскомъ сходѣ, поговоря между собою, общимъ приговоромъ нашимъ, или единодушнымъ приговоромъ, постановили». — Изъ древнихъ актовъ видно, что въ древнихъ русскихъ общинахъ дѣла на сходахъ рѣшались не по большинству голосовъ, но единогласно; такъ въ грамотахъ, обращенныхъ къ общинамъ, постоянно встрѣчаются такія выраженія: «и вы бы межъ себя свѣстяся за одно» постановили или учинили ***). Если общество, союзъ или компанія построены на юридическихъ началахъ, то понятно, что въ такихъ обществахъ дѣла не могутъ быть рѣшаемы единогласно; при столкновеніи экономическихъ интересовъ единственный выходъ изъ затрудненія, дабы не породить анархіи или разложенія союза, это прибѣгнуть къ юридическому принципу—рѣшенію дѣла по большинству голосовъ. Но если община построена на нравственныхъ началахъ, то единогласное рѣшеніе возможно. Рѣшеніе дѣла по единодушному приговору всѣхъ членовъ собранія есть любимый славянскій принципъ; онъ проявлялся въ древнихъ вѣчахъ русскихъ городовъ ****), въ малороссійскихъ громадахъ, въ польскихъ сеймахъ.—Но понятно, что такъ какъ этотъ принципъ могъ примѣняться лишь въ обществахъ, гдѣ нѣтъ привилегій, то среди польскаго дворянства, значеніе котораго основывалось на привиле-

*) Ibidem, p. 85.
**) Ibidem, p. 86.
***) Бѣляевъ: „Крестьяне на Руси“, стр. 63 и др.
****) Сергѣевскій: „Вѣче и князь“.

гіяхъ и на подавленіи простаго народа, дѣла не могли быть рѣшаемы по совѣсти и принципъ единогласнаго рѣшенія повелъ къ анархіи въ сеймахъ. Равнымъ образомъ и принципъ древне-славянскаго вѣча оказался со временемъ несостоятельнымъ въ Новгородѣ, когда въ немъ развилась богатая буржуазія, проявлявшая инстинкты алчности и эгоизма, свойственные буржуазному классу. Въ русскихъ крестьянскихъ общинахъ, гдѣ нѣтъ ни привилегированнаго класса, ни класса богатыхъ капиталистовъ, подавляющихъ рабочій народъ силою своего капитала, принципъ древне-славянскаго вѣча примѣнялся и примѣняется во всей чистотѣ.

Мы говорили уже, что главною причиною разложенія германскихъ общинъ слѣдуетъ считать индивидуалистическія стремленія нѣмецкаго характера.

Процессъ разрушенія старыхъ поземельныхъ германскихъ общинъ можно назвать органическимъ, хотя къ органическимъ причинамъ разложенія присоединились и искуственныя, ускорившія этотъ процессъ. Къ этимъ искуственнымъ причинамъ Мауреръ относитъ: вліяніе правительства, вліяніе феодаловъ, вліяніе римскаго права, реформаціи и новой философіи *).

Оставляя въ сторонѣ вліяніе правительства и феодаловъ на разрушеніе старыхъ общинъ, мы коснемся вліянія трехъ послѣднихъ причинъ. Вліяніе римскаго права, реформаціи и новой философіи мы считаемъ органическими причинами разрушенія германскихъ общинъ въ томъ смыслѣ, что сила этого вліянія зависѣла отъ народнаго характера нѣмцевъ, отъ его психическихъ свойствъ. Римское право, построенное на началахъ личной воли, частнаго договора, легко привилось на германской почвѣ, потому что германскій народъ самъ по себѣ страшился построить общественныя отношенія на тѣхъ же началахъ: такъ, напримѣръ, римское право не знало общиннаго права собственности: по римскому праву отдѣльныя лица имѣютъ на общую вещь индивидуальныя права. Вліяніе реформаціи, по мнѣнію Маурера, состояло главнымъ образомъ въ томъ, что она взяла подъ свое покровительство индивидуальную свободу человѣка, и способствовало развитію индивидуалистическихъ стремленій **) человѣка; но такъ какъ стремленіе къ индивидуализму есть отличительное свойство германской расы, то, слѣдовательно, реформаторское движеніе отражало въ себѣ

*) Ibidem, p. 225—226.
**) Ibidem, p. 241—242.

стремленія народнаго духа. Лютеранская религія есть религія отвлеченнаго разума и въ основаніи ея положена личная свобода, независимое изслѣдованіе и пр. Православная религія, пришедшаяся по сердцу русскому человѣку, есть религія совѣсти и въ основаніе ея положено соборное начало. Легко понять, какая религія будетъ болѣе способствовать укрѣпленію и развитію общинной жизни. Между тѣмъ какъ новая нѣмецкая философія хотѣла построить всѣ общественныя отношенія на началахъ свободы индивидуализма, на началахъ личнаго договора *), сельская община была основана на инстинктивномъ стремленіи отдѣльныхъ лицъ подчинять свою личную волю волѣ общинъ. Въ этомъ отношеніи германская философія отражала въ себѣ міровоззрѣнія и стремленія нѣмецкаго народа, точно такъ, какъ оригинальная національно-русская философія славянофиловъ отражала міровоззрѣніе русскаго народа, а мы знаемъ, какъ много сдѣлали славянофилы для сохранія и развитія русской крестьянской общины.

XI.

Мы остановились такъ долго на сравненіи русскихъ общинъ съ германскими поземельными общинами потому, что послѣднія сохранялись дольше общинъ другихъ западно-европейскихъ народовъ; впрочемъ еще дольше имущественныя общины съ общими альменами сохранялись въ Швейцаріи, но изъ сочиненій Маурера и замѣчаній Кейслера **) можно видѣть, что швейцарскія общины сохраняли всѣ коренныя черты германскихъ общинъ.

Первобытныя поземельныя общины другихъ западно-европейскихъ народовъ разрушились очень рано, въ началѣ среднихъ вѣковъ, хотя сохранялись долго ихъ остатки ***). Къ сожалѣнію, мы мало имѣемъ свѣдѣній объ устройствѣ этихъ первобытныхъ общинъ, хотя изъ сохранившихся свѣдѣній видно, что онѣ представляютъ въ своей организаціи и въ отношеніи ихъ членовъ глубокое различіе съ древнею и новою русскими общинами. Изъ изслѣдованія Сокальскаго о древней англо-саксонской сельской общинѣ ****) можно видѣть, что община эта имѣла устройство

*) Ibidem, p. 243—247.
**) Keissler: „Zur Geschichte und Kritik....“, p. 51—56.
***) Emile de Laveley: „De la proprieté et de ses formes primitives“. Paris. 1874
****) „Англо-саксонская сельская община“. Харьковъ. 1872.

военно-аристократическое, съ раздѣленіемъ членовъ ея на классы благородныхъ и простолюдиновъ, пользовавшихся чрезвычайно неравномѣрными имущественными и гражданскими правами и даже съ рабскою зависимостью низшаго класса отъ высшаго.

Еще больше представляетъ трудностей сравненіе русской общины съ общинами не европейскихъ народовъ.

Наблюдая характеръ русскаго народа въ древней Россіи, мы замѣчаемъ въ немъ тѣ же коренныя черты, какія проявляются и среди современныхъ русскихъ людей вообще и русскихъ крестьянъ въ частности. Эти черты народнаго характера, которыя можно назвать raison d'être русской крестьянской общины, не умерли и не измѣнились. Измѣнятся ли онѣ въ будущемъ, мы не знаемъ: измѣнятся ли эмоціональныя свойства русскаго народа въ томъ смыслѣ, что русскій человѣкъ представитъ изъ себя западнаго европейца не только въ умственномъ развитіи, но и въ характерѣ, или развитіе русскаго характера пойдетъ своеобразнымъ образомъ, мы научнымъ образомъ рѣшить не можемъ. Мы думаемъ, однако, что въ настоящее время искуственное разрушеніе русской общины было бы величайшимъ преступленіемъ противъ жизни нашего народнаго организма.

Закономъ 19 февраля 1861 г. и послѣдующими узаконеніями дана возможность переходить отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Мы попросили бы всякаго, кричащаго о невозможности образованія пролетаріата въ Россіи, заглянуть въ нотаріальные архивы, чтобъ убѣдиться, какъ быстро въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ образовалось подворное или участковое владѣніе, происходитъ процессъ обезземеленія крестьянъ и переходъ земли въ руки самаго несимпатичнаго класса мужиковъ-капиталистовъ. Крестьянинъ продавшій землю, оторвавшійся отъ общины, своей естественной стихіи, — человѣкъ погибшій; если онъ живетъ въ деревнѣ, онъ проживаетъ не то трудомъ, не то милостынею, не то своего рода шантажемъ. Обезземелившіеся крестьяне, оставаясь жить въ деревнѣ — самый опасный и вредный въ деревнѣ народъ: они внушаютъ постоянныя опасенія поджечь, украсть и совершить какое-либо другое преступленіе; чувство страха, которое они внушаютъ, даетъ имъ хлѣбъ и водку. Грозить и пить на чужой счетъ, воровать лошадей, дѣлать всевозможныя непріятности сосѣдямъ и совершать другія преступленія — обыкновенный родъ поведенія этого класса.

Къ сожалѣнію, этотъ классъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ раз-

рушилось общинное землевладѣніе, дѣлается весьма многочисленнымъ, какъ это мы знаемъ по личнымъ наблюденіямъ, напримѣръ, въ Курской и Харьковской губерніяхъ. Приходитъ пролетарій въ городъ и здѣсь становится еще хуже: это уже не тотъ добрый русскій крестьянинъ, какимъ мы его знали прежде, который выходитъ на время, на заработки, въ городъ изъ своей общины. Вышедшій на время изъ своей общины связанъ съ нею преданіями, симпатіями, нравами, правами и обязанностями; онъ ни на одну минуту не перестаетъ быть членомъ своего міра, ни на одну минуту не можетъ представить себя выдѣленнымъ изъ того гнѣзда, откуда онъ вышелъ и куда все-таки онъ долженъ возвратиться: тамъ его мысли, тамъ его привязанности, тамъ ждетъ его судъ общественнаго мнѣнія, одобреніе или порицаніе, равнодушно относиться къ которымъ онъ не можетъ. Пролетарій, порвавшій всѣ связи съ общиною и ушедшій въ городъ, чувствуетъ себя безъ почвы, безъ корня, внѣ пространства и времени; кое-какъ онъ пробивается еще половымъ въ трактирѣ или извощикомъ, но чести, совѣсти вы у него не спрашивайте; его ждетъ обыкновенная дорога—скамья подсудимыхъ и Владимірка. Зайдите въ тюрьмы, разслѣдуйте крестьянъ-преступниковъ, и вы увидите въ большинствѣ случаевъ, что началомъ преступленія было обезземеленіе и разрывъ всѣхъ связей съ общиною. Какой же результатъ даетъ уничтоженіе общины?—Возвышеніе кулаковъ и умноженіе преступленій. Какъ противно слышать послѣ всего видѣннаго фразы: «въ Россіи нечего бояться образованія пролетаріата,—въ Россіи земли много». Бояться нужно разрыва русскаго крестьянина-общинника съ общиною.

Сохраняйте тѣ учрежденія, въ которыхъ народъ всегда искалъ и находилъ самъ себѣ спасеніе, и мало того, что сохраняйте,—объясняйте народу, смутно сознаваемые имъ, его инстинкты и потребности, дѣлайте ясными начертанные имъ самимъ пути его шествія. Не презирайте народа и его понятій: анализируйте ихъ, но относитесь къ нимъ съ уваженіемъ; смутно сознаваемое дѣлайте яснымъ, найденное практическимъ опытомъ—раціональнымъ, традиціонное—прогрессивнымъ. Но не то, къ сожалѣнію, оказывается на дѣлѣ: слышатся возгласы, представляющіе намъ вѣковое и излюбленное народомъ учрежденіе—какъ отжившее и негодное, желающіе изобразить намъ правду—какъ ядовитую отраву и сдѣлать плоды ея горькими—какъ полынь. Очень возможно, что эти крики уже находятъ себѣ отголоски и найдутъ еще болѣе

среди крестьянства; подъ такимъ вліяніемъ народъ, можетъ-статься, возненавидитъ свои преданія, свои понятія, съ которыми онъ сросся,—свою святую старину, свою дорогую общину. Кто станетъ отвергать, что наша родина переживаетъ кризисъ, и кто знаетъ, когда и чѣмъ онъ кончится?... Но нѣтъ: какія бы мрачныя и тяжелыя картины ни навѣвали намъ мысли о будущемъ, мы убѣждены, что воплощенная въ образѣ русской общины правда,—правда босая, загнанная и забитая,—переживетъ все, какъ пережила уже многое, переживетъ и откроетъ новый, невиданный еще путь для развитія русскаго народа, а можетъ-быть и для человѣчества.

К. Одарченко.

Боярская дума древней Руси.

Опытъ исторіи правительственнаго учрежденія въ связи съ исторіей общества.

ГЛАВА VIII *).

Согласно съ политическимъ характеромъ удѣльнаго князя и удѣльное управленіе было довольно точною копіей устройства древне-русской боярской вотчины.

Чтобъ облегчить себѣ изученіе боярской Думы, какою является она при удѣльныхъ и великихъ князьяхъ съ XIII и почти до конца XV в., надобно припомнить въ общихъ чертахъ механизмъ, посредствомъ котораго управлялось удѣльное княжество тѣхъ вѣковъ. Въ нашей исторической литературѣ этотъ механизмъ и особенно тѣ его колеса, которыя находились ближе къ князю, не привлекли къ себѣ всего вниманія, какого они заслуживаютъ по своему значенію въ исторіи нашего государственнаго устройства. Между тѣмъ именно эти ближайшія къ князю центральныя части административной машины удѣльнаго времени всего болѣе дѣлаютъ понятнымъ тотъ своеобразный характеръ, съ какимъ является изучаемое нами учрежденіе при князьяхъ XIV и XV в. Памятники того времени очень скудны и не воспроизводятъ съ достаточною полнотой существовавшаго въ удѣлахъ правительственнаго порядка; но въ московскомъ государственномъ управленіи долго сохранялись мелкія, иногда малозамѣтныя черты, унаслѣдованныя имъ отъ этого удѣльнаго порядка. Надобно внимательно всматриваться въ сложное и запутанное зданіе москов-

*) *Русская Мысль*, ноябрь 1880 г.

ской приказной администраціи, чтобы разглядѣть въ ней остатки этой старой правительственной кладки удѣльныхъ вѣковъ. Вотъ почему предлагаемая попытка изобразить управленіе удѣльнаго княжества не могла освободиться отъ мелочныхъ разысканій, которыя покажутся утомительными, и навѣрное не свободна ни отъ недомолвокъ, ни даже отъ значительныхъ обмолвокъ.

Администрація, дѣйствовавшая по удѣламъ, вездѣ имѣла одинаковыя основанія, различаясь въ большихъ и малыхъ княжествахъ развѣ только сложностью административнаго персонала. Она очень точно соотвѣтствовала характеру, какой сообщала колонизація удѣльному князю-вотчиннику, его удѣльному хозяйству и обществу, стоявшему подъ его управленіемъ. Наши привычныя понятія о центральномъ и мѣстномъ управленіи мало приложимы къ административному устройству удѣла. Въ немъ дѣйствовали рядомъ два порядка учрежденій, между которыми существовало отношеніе, далеко не похожее на то, какое мы привыкли представлять между органами центральнаго и мѣстнаго управленія. Одинъ изъ этихъ порядковъ, который можно назвать тогдашнимъ центральнымъ управленіемъ, составляло дворцовое вѣдомство; другимъ была администрація намѣстниковъ и волостелей, которая, по своему отношенію къ правительственному центру, далеко не походила на нынѣшнее областное управленіе. Но между обоими этими порядками существовалъ еще третій, посредствующій и смѣшанный, который не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ нынѣшнемъ управленіи: это—администрація частныхъ привилегированныхъ вотчинниковъ. Указанные три ряда учрежденій соотвѣтствовали тремъ разрядамъ, на которые дѣлились земли въ удѣльномъ княжествѣ по отношенію своему къ владѣльцу удѣла: первый рядъ вѣдалъ земли дворцовыя, второй — черныя, третій — земли служилыя.

Средоточіемъ перваго порядка удѣльныхъ учрежденій былъ *дворецъ* князя въ широкомъ смыслѣ этого слова: это было обширное хозяйственное вѣдомство, въ которомъ предметами управленія были, во-первыхъ, дворцовыя земли, т. е. села, деревни и различныя угодья съ предметами дворцоваго потребленія, потомъ дворцовые слуги и дѣловые люди съ ихъ разнообразными службами и издѣльями на дворецъ. Въ этомъ вѣдомствѣ надобно различать два главныя отдѣленія, между которыми довольно своеобразно распредѣлялись обозначенныя сейчасъ статьи княжескаго дворцоваго хозяйства: во-первыхъ, дворецъ, въ тѣсномъ смыслѣ,

который состоялъ подъ управленіемъ дворецкаго и назывался въ Москвѣ приказомъ *Большаго Дворца* въ отличіе отъ малыхъ дворцовъ, перенесенныхъ въ Москву изъ самостоятельныхъ прежде владѣній по присоединеніи ихъ къ Московскому государству, каковы были дворцы—Тверской, Смоленскій, Новгорода Великаго, Казанскій; во-вторыхъ, дворцовые *пути*. О вѣдомствѣ удѣльнаго дворецкаго еще можно составить приблизительное понятіе по тому, чѣмъ управлялъ сановникъ этого званія въ Московскомъ государствѣ позднѣйшаго времени. О дворцовыхъ путяхъ позднѣйшіе акты даютъ болѣе сбивчивое понятіе.

Сбивчивость здѣсь происходитъ отъ того, что этотъ административный терминъ имѣлъ въ разныя времена не одно и то же значеніе, а въ позднѣйшихъ памятникахъ эти разновременныя значенія его недостаточно различаются. Уже въ XVII в. первоначальный административный смыслъ этого слова былъ утраченъ и его пытались, кажется, замѣнить филологическимъ объясненіемъ, основаннымъ не болѣе какъ на догадкѣ. Въ дворцовой московской администраціи временъ Котошихина существовали еще ключники и стряпчіе, называвшіеся *путными:* судя по направленію рѣчи въ разсказѣ этого подъячаго, кажется, онъ думалъ, что они называются такъ потому, что бываютъ съ государемъ «въ походахъ». Но въ административной практикѣ того времени сохранялось еще болѣе древнее, хотя не первоначальное, а уже производное значеніе слова: тотъ же Котошихинъ замѣчаетъ, что путные ключники бываютъ не только въ походахъ съ государемъ, но «и по приказамъ по селамъ, по перемѣнамъ», т. е. ихъ назначали по очереди прикащиками дворцовыхъ селъ, а это назначеніе было не только должностью, но и кормленіемъ для назначеннаго. Потомъ извѣстенъ рядъ напечатанныхъ въ XV части *Древней Россійской Вивліоѳики* грамотъ, которыми три сановника, современники Котошихина, преемственно управлявшіе приказомъ Большаго Дворца, жаловались *дворечествомъ съ путемъ:* этотъ путь состоялъ въ томъ, что дворецкіе получали въ кормленіе нѣсколько дворцовыхъ слободъ и селъ съ извѣстными доходами въ городѣ Ярославлѣ и его уѣздѣ. Съ XV вѣка и до временъ Котошихина въ актахъ встрѣчаемъ нѣсколько указаній на то, что путями въ эти вѣка назывались дворцовыя волости, села и даже города, которые давались въ кормленіе въ видѣ жалованья или пенсіи лицамъ, занимавшимъ должности по дворцовому вѣдомству. Въ рукописной разрядной московскаго ар-

хива министерства иностранныхъ дѣлъ записанъ мѣстническій споръ 1572 г., гдѣ думный дворянинъ Р. В. Олферьевъ, доказывая свое родословное старшинство передъ соперникомъ кн. Литвиновымъ-Масальскимъ, писалъ въ челобитной, что его прадѣдъ Филиппъ служилъ у удѣльнаго князя Михаила Андреевича Верейскаго, «а былъ у него дворецкимъ, а было за нимъ княжаго жалованья Бѣлоозеро да Верея и иныя жалованья и государскія волости *въ путь*». По всей вѣроятности, въ словахъ Р. Олферьева слѣдуетъ видѣть намекъ на жалованныя его предку грамоты, можетъ-быть на одну такую грамоту, по содержанію очень похожую на указанные выше акты XVII в. о дворечествѣ съ путемъ. Въ незначительныхъ удѣлахъ, гдѣ было немного городовъ, иногда даже не больше одного, они по своей важности въ хозяйствѣ князей, кажется, принадлежали къ ихъ дворцовымъ имуществамъ. Есть нѣкоторыя косвенныя указанія, оправдывающія такое предположеніе. Когда удѣльные князья теряли свою политическую самостоятельность и переходили на службу въ Москву съ вотчинами, черныя тяглыя земли въ ихъ бывшихъ удѣлахъ обыкновенно сливались съ такими же землями Московскаго государства, а земли частныхъ вотчинниковъ иммедіатизовались, вступали въ непосредственную зависимость отъ московскаго правительства, освобождаясь отъ власти своихъ удѣльныхъ князей, такъ что послѣдніе безъ особеннаго пожалованія со стороны московскаго государя могли удержать за собой только дворцовыя земли въ своихъ бывшихъ вотчинахъ. Между тѣмъ въ маленькихъ княжествахъ—Стародубскомъ (на р. Клязьмѣ), Тарусскомъ, Одоевскомъ, Оболенскомъ, Воротынскомъ и Мезецкомъ—князья ихъ нѣкоторое время по переходѣ на московскую службу владѣли своими прежними стольными городами—Стародубомъ-Ряполовскимъ, Тарусой, Одоевомъ, Оболенскомъ, Воротынскомъ, Мещовскомъ. Далѣе, въ старинной родословной Кикиныхъ, также основанной на фамильныхъ актахъ и изданной въ *Симбирскомъ Сборникѣ* Валуева, находимъ извѣстіе, что одинъ изъ членовъ этой фамиліи служилъ сыну Донскаго, кн. Петру Дмитріевичу, былъ у него бояриномъ введеннымъ и горододержавцемъ, «держалъ безъ отнимки» Бѣлоозеро и даже главный городъ княжества—Дмитровъ, а подъ введеннымъ бояриномъ въ удѣлахъ, какъ увидимъ, чаще всего разумѣлся дворецкій. Значитъ, Кикинъ вѣдалъ Бѣлоозеро и Дмитровъ, какъ управитель дворцовыхъ имѣній своего князя. Бѣлоозеро съ Дмитровомъ и въ XVII в. принадлежали къ числу

дворцовыхъ городовъ *). И Филиппъ Олферьевъ, дворецкій, т. е. такой же введенный бояринъ, вѣроятно, въ силу этого вѣдалъ Бѣлоозеро и Верею, главные города Верейскаго удѣла. Въ жалованной грамотѣ на эту должность были, надобно думать, обозначены эти города вмѣстѣ съ другими дворцовыми имуществами, ему порученными, и при этомъ указаны тѣ изъ дворцовыхъ волостей, которыя назначались этому дворецкому въ *путь*, въ кормленіе за должность, а потомокъ его, не различая пути, жалованья отъ вѣдомства, написалъ кратко въ своей челобитной: «а было за нимъ жалованья Бѣлоозеро да Верея и иныя жалованья и *государскія волости въ путь*». Такое же значеніе имѣютъ и нѣкоторыя другія извѣстія о путяхъ, встрѣчающіяся въ актахъ XV и XVI в. Ими жаловали не однихъ дворецкихъ, но и людей занимавшихъ менѣе важныя дворцовыя должности. У того же удѣльнаго князя Михаила Андреевича служилъ въ половинѣ XV в. нѣкто Ѳеодоръ Константиновичъ, занимавшій какую-то должность въ верейской администраціи **). Онъ владѣлъ Волоцкой волостью въ Бѣлозерскомъ краю. Здѣсь у него былъ волостной староста, исполнявшій его хозяйственныя распоряженія; владѣлецъ совершалъ въ волости обычныя въ то время землевладѣльческія операціи съ крестьянами-арендаторами, переманивалъ ихъ къ себѣ съ чужихъ земель. Удѣльный князь въ грамотѣ этому владѣльцу пишетъ, чтобъ онъ не перезывалъ въ свою волость крестьянъ у Ѳерапонтова монастыря не въ установленный срокъ, и эту волость, въ которой Ѳедоръ Константиновичъ дѣйствовалъ какъ землевладѣлецъ, грамота удѣльнаго князя называетъ его *путемъ*: очевидно, она была пожалована ему въ пользованіе за какую-нибудь службу, не обозначенную въ актѣ. Путь, какъ жалованье, награда за службу, возвышалъ одно должностное лицо передъ другимъ, равнымъ ему по должности, но не дослужившимся до пути. Въ упомянутой выше разрядной книгѣ подъ 1588 г. встрѣчаемъ извѣстіе (оно есть и въ той части разрядной XVI в., которая напечатана въ *Симбирскомъ Сборникѣ* Валуева) о мѣстническомъ спорѣ стряпчаго съ ключемъ Елизара Старова, съ Истомой Безобразовымъ, который былъ постельничимъ. Котошихинъ свидѣтельствуетъ, что и постельничій и стряпчій съ ключемъ честію оба противъ окольничаго, слѣдовательно по должност-

*) А. Арх. Эксп. IV, стр. 351.
**) А. А. Э. I, № 48. I.

ной степени равны между собою. Но Безобразовъ былъ постельничій не простой, а *съ путемъ*, и разъ его посадили за столомъ выше стряпчаго съ ключемъ. Послѣдній, боясь потерки своей родословной или разрядной чести, билъ челомъ, что ему сидѣть ниже Истомы невмѣстно, «хотя,—прибавлялъ онъ въ своей жалобѣ царю,—Истома меня твоею милостію честнѣе путемъ». Мы не знаемъ, всѣ ли чины обширнаго дворцоваго вѣдомства, подобно дворецкому и постельничему, получали пути; знаемъ по крайней мѣрѣ, что бывали ловчіе и крайчіе съ путемъ; но есть основаніе думать, что и правителямъ дворцовыхъ городовъ давались земельныя пожалованія, совершенно сходныя по характеру съ путемъ верейскаго боярина Өедора Константиновича или московскаго дворецкаго XVII в. Въ XX книгѣ *Временника Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ* напечатанъ фамильный актъ дворянъ Еремѣевыхъ, изъ котораго узнаемъ, что великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ дмитровскаго намѣстника Ө. Я. Еремѣева, далъ ему «въ кормленіе» волость Бѣль Кушальскую съ селами и деревнями, съ крестьянами и со всѣми намѣстничьими доходами,—«что было подъ прежними намѣстниками нашими», прибавлено въ грамотѣ; но пожалованная волость находилась не въ уѣздѣ города Дмитрова, который самъ по себѣ уже служилъ кормленіемъ для своего намѣстника, а въ уѣздѣ Тверскомъ; притомъ кормить всякаго дмитровскаго намѣстника, очевидно, было особымъ, постояннымъ назначеніемъ этой Тверской волости, какъ въ XVII в. одни и тѣ же дворцовыя села и слободы Ярославскаго уѣзда служили путемъ для того сановника, которому поручался приказъ Большаго Дворца *).

Если пожалованіе, данное Еремѣеву, дѣйствительно было его путемъ, какъ оно кажется намъ, то актъ этого пожалованія показываетъ, что административный языкъ XV и XVI в. иногда смѣшивалъ путь съ кормленіемъ: это потому, что оба вида служебнаго вознагражденія были довольно похожи другъ на друга. Какъ въ путь, такъ и въ кормленіе давались села, волости и даже города, и давались, повидимому, совершенно на одинаковомъ правѣ. При Иванѣ III въ концѣ XV вѣка нѣкто Василій

*) Дата грамота Еремѣева (11 января 7015 г). воспроизведена въ спискѣ не точно: тогда уже не было въ живыхъ Ивана III, а сыну его, вел. князю Василію, не принадлежалъ Дмитровъ, отданный въ удѣлъ Васильеву брату, Юрію. О дворцовой волости Кушалинѣ и приселкѣ Бѣляхъ см. изданныя г. *Калачевымъ* Писц. Книги XVI в., I, отд. 2, стр. 75, 360 и 395.

Ознобиша пожалованъ былъ Гороховцемъ «въ кормленіе», а потомъ, по другой грамотѣ, Санничимъ (волостью Владимірскаго уѣзда) «въ путь»; но правительственныя права пожалованнаго въ той и другой волости опредѣлены въ грамотахъ почти дословно одинаково: землевладѣльцы, земли которыхъ находились въ обѣихъ волостяхъ, бояре или дѣти боярскіе, какъ и простые обыватели, «слуги и всѣ люди»—должны были чтить и слушать Ознобишу, а онъ ихъ вѣдаетъ и ходитъ у нихъ по старой пошлинѣ и т. д. *). Но можно отмѣтить и нѣкоторыя черты различія между кормленіемъ и путемъ. Въ путь обыкновенно давались дворцовыя земли, волости и села; кормленіемъ служили недворцовые города и волости. Кормленіе имѣло, несмотря на буквальный смыслъ термина, болѣе административный характеръ, а путь—характеръ болѣе владѣльческій; въ первомъ кормъ былъ слѣдствіемъ извѣстныхъ правительственныхъ обязанностей или отправленій кормленщика, а во второмъ—скорѣе наоборотъ. Въ этомъ смыслѣ путь иногда служилъ прибавкой къ административной должности, и безъ того дававшей кормъ чиновнику, какъ это видѣли мы въ актѣ Еремѣева. Поэтому путь является болѣе продолжительнымъ и прочнымъ видомъ административнаго пользованія, чѣмъ кормленіе, обыкновенно очень кратковременное; поэтому же и упомянутыя жалованныя грамоты XVII в. на дворечество съ путемъ точнѣе опредѣляютъ характеръ пути, говоря, что жалуемыя слободы съ доходами даются дворецкому «въ путь во владѣніе». Этимъ объясняется, почему древній административный языкъ иногда различалъ понятія кормленія, кормленщика, и пути, путника.

Внѣ административной сферы, въ частномъ общежитіи слово *путь* имѣло различныя, хотя иногда не вполнѣ ясныя, значенія. Въ поздней редакціи Русской Правды читаемъ, что за ударъ жердью или за толчокъ потерпѣвшимъ боярину, простолюдину или некрещенному варягу платится безчестіе «по ихъ пути»: здѣсь слово это, очевидно, значитъ состояніе, положеніе лица въ обществѣ **). Въ одной не изданной грамотѣ Троицкаго Сергіева монастыря (1615 г. по г. Вологдѣ) вкладчикъ Удачинъ, отдавая въ Троицкій Авнежскій монастырь свою пожню, прибавляетъ: «а прежъ сего *пути* никакого письма на ту пожню никому язъ

*) „Др. Росс. Вивл.“ XV, 10 и 12.—О Санничемъ см. А. А. Э. I, № 139, II.
**) Русск. Пр., изд. г. *Калачовымъ*, IV списокъ XVII вѣка, ст. 4. Ср. его же изслѣд. о Рус. Правдѣ, 1 изд., стр. 150.

не давывалъ». Наконецъ пайщикъ въ компаніи солеваровъ называлъ путемъ свою долю въ заведенномъ промыслѣ. Это промысловое значеніе пути близко подходитъ къ болѣе древнему административному значенію этого слова: названіемъ путей, означавшимъ въ вышеприведенныхъ актахъ жалованье за службу по дворцовому хозяйству, первоначально обозначались промысловыя вѣдомства этого хозяйства.

Великіе князья Василій Темный и Иванъ III, перечисляя въ духовныхъ грамотахъ областные города своихъ княжествъ, различаютъ въ административномъ составѣ городовой области или уѣзда волости, пути и села: городъ обыкновенно является въ этихъ грамотахъ съ своими «волостьми и съ путьми и съ селы». Какъ извѣстно, волости—административные округи, на которые раздѣлялся уѣздъ. Духовныя подъ селами разумѣютъ собственно дворцовыя села, разсѣянныя по разнымъ волостямъ и имѣвшія особое управленіе. Но что такое были пути? Великій князь Василій Дмитріевичъ въ своихъ духовныхъ упоминаетъ о Нерехтѣ съ варницами, бортниками и бобровниками и вслѣдъ за тѣмъ о переяславской волости Юлкѣ «также со всѣми людьми, котораго пути въ ней люди ни будутъ». Значитъ—по путямъ распредѣлены были разные дѣловые дворцовые люди, такъ часто упоминаемые въ княжескихъ духовныхъ XIV и XV в., всѣ эти бортники, бобровники, садовники, псари и т. п. Уже въ договорной грамотѣ сыновей Калиты (1341 г.) названы три пути: *сокольничій, конюшій и ловчій*. Въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ указанія на составъ и устройство каждаго изъ этихъ вѣдомствъ. Къ ловчему пути принадлежали государевы бобровники и псари, къ сокольничему — сокольники и другіе служители государевой птичьей охоты; въ конюшемъ вмѣстѣ съ лошадьми и конюхами вѣдались и государевы луга, разсѣянные по разнымъ уѣздамъ государства. Но кромѣ трехъ указанныхъ путей въ актахъ XVI в. встрѣчаемъ еще два: *стольничій* и *чашничій*. Уже въ XIV в. при дворахъ великихъ и значительныхъ удѣльныхъ князей являются въ штатѣ придворныхъ должностныхъ лицъ стольникъ и чашникъ. При московскомъ царскомъ дворѣ эти сановники не имѣли административнаго значенія. Но въ удѣльное время тотъ и другой управлялъ отдѣльнымъ дворцовымъ вѣдомствомъ, у того и другаго былъ свой путь. Уставная грамота, данная въ 1555 г. переяславскимъ рыболовамъ, говоритъ еще о «рыболовахъ и всѣхъ крестьянахъ стольнича пути»; но такъ какъ столь-

ничество въ это время уже было простымъ служебнымъ чиномъ, а не правительственною должностью, то управленіе дворцовыми рыболовами и рыбными ловлями стольнича пути сосредоточивалось въ рукахъ не стольника, а казначея съ товарищемъ, т. е. въ приказѣ Казеннаго Двора. Чашничій путь былъ департаментомъ дворцоваго пчеловодства; въ немъ вѣдались села и деревни дворцовыхъ бортниковъ, лѣсныхъ пчеловодовъ, вмѣстѣ съ бортными лѣсами. Всѣ эти вѣдомства, судя по указаніямъ актовъ, были точно разграничены между собою и обособлены отъ другихъ удѣльныхъ учрежденій. Изъ одной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря 1599 г. узнаемъ, что находившійся въ Муромскомъ уѣздѣ царскій лугъ Конюшъ-Островъ управлялся Конюшеннымъ приказомъ, а рыбныя ловли въ озеркахъ на этомъ островѣ состояли въ вѣдомствѣ приказа Большаго Дворца. По уставной грамотѣ 1506 г. переяславскіе рыболовы стольнича пути, живя особою слободой на посадѣ г. Переяславля, не зависѣли отъ переяславскаго намѣстника, не тянули ни въ чемъ съ черными городскими людьми, а тянули «въ поварню великаго князя», управлялись особымъ «волостелемъ стольнича пути», были подданы ему «судомъ и кормомъ»; по выраженію другой уставной грамоты 1555 г., и выбирали своего «старосту рыболовля», безъ котораго волостель не могъ судить никакого суда. Въ составѣ городскаго населенія Переяславля эта слобода была совершенно обособленнымъ административнымъ округомъ: о дѣвицѣ, выходившей изъ нея замужъ на сторону, говорили, что она выходила «изъ стольнича пути на посадъ или въ волость». Но на томъ же посадѣ Переяславля стояло 20 дворовъ сокольниковъ «сокольнича пути»: еще новый мірокъ въ административномъ составѣ города съ своимъ управленіемъ на мѣстѣ и съ особымъ пунктомъ прикрѣпленія въ центрѣ, при дворцѣ государя (сокольничимъ). Такъ посадъ небольшаго города, далеко не насчитывавшаго въ себѣ одной тысячи обывателей во второй половинѣ XVII в., раздѣленъ былъ въ XVI в. между тремя особыми вѣдомствами, которыя различались между собою не свойствомъ административныхъ отправленій, не родомъ правительственныхъ дѣлъ, а родомъ управляемыхъ лицъ.

Управленіе путей составляло особую административную систему, которая, исходя изъ княжескаго дворца, перерѣзывала областное управленіе намѣстниковъ и волостелей. По городамъ и сельскимъ волостямъ княжества разсѣяны были слободы, села и

деревни, приписанныя къ тому или другому пути, находившіяся въ очень слабой административной связи съ общимъ областнымъ управленіемъ или даже совершенно обособленныя отъ него. Каждый путь состоялъ изъ этихъ разкиданныхъ всюду клочковъ, иногда очень мелкихъ; московскій сокольничій вѣдалъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, дворцовыхъ сокольниковъ и на посадѣ г. Переяславля, и въ Авнежской волости Вологодскаго уѣзда, и вездѣ, гдѣ ни находились поселенія людей этого званія или промысла. Пути переплетались не только съ общимъ областнымъ управленіемъ, но и между собою. Въ Бортномъ стану (Переясл. уѣзда), который самымъ именемъ своимъ указываетъ на принадлежность чашничу пути, въ XVI в. Лихая-Слободка входила въ составъ ловчаго пути. Повельскій станъ былъ сельскимъ административнымъ округомъ Дмитровскаго уѣзда; въ немъ находилось село Куликово, по нѣкоторымъ признакамъ дворцовое, составлявшее съ своими многочисленными деревнями и пустошами особый сельскій округъ подъ высшимъ управленіемъ великокняжескаго дворецкаго; но среди этихъ деревень замѣшались двѣ деревни сокольнича пути и одна псарская, слѣдовательно принадлежавшая ловчему пути. Несмотря на свою разбросанность, поселенія того или другаго пути соединялись въ особыя волости, которыми управляли особые волостели стольнича, чашнича или иного пути, отличные отъ обыкновенныхъ непутныхъ; эти путные управители дѣйствовали посредствомъ выборныхъ старостъ отдѣльныхъ путныхъ селъ и слободъ, бортныхъ, рыболовлихъ и др. Отсюда—необычайная дробность удѣльнаго управленія, увеличивавшаяся еще тѣмъ, что среди самаго путнаго округа появлялись въ свою очередь селенія совсѣмъ другихъ вѣдомствъ: въ волосткѣ чашнича пути Славцовѣ (Владимір. уѣзда), выдѣлявшейся изъ мѣстной уѣздной администраціи подъ управленіемъ путнаго великокняжескаго волостеля, въ 1504 году встрѣчаемъ три деревни митрополита, не имѣвшія ни въ чемъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ, никакого отношенія ни къ путной, ни къ уѣздной администраціи *). Въ этой дробности управленія удѣльнаго времени, унаслѣдованной потомъ администраціей Московскаго государства, сказывался древній административный взглядъ, столь непохожій на развившійся позднѣе. Позднѣйшее

---

*) Грам. Тр.-Серг. мон. по г. Переяславлю 1071 г. А. И. I, № 295. А. Эксп., № 215 и 139. *О. Горчакова*: «О зем. влад. митр.», прилож. стр. 42.

управленіе стремилось сосредоточить въ извѣстномъ вѣдомствѣ все населеніе, но только по нѣкоторымъ административнымъ дѣламъ; древнее, напротивъ, сосредоточивало въ немъ всѣ дѣла, но не всего населенія, а какой-либо его части. Первое административно дробило лица, централизуя общество, если можно такъ выразиться; второе, дробя общество, щадило лице, представляя его недѣлимой единицей со всѣми его многообразными житейскими отношеніями. Въ такомъ порядкѣ было одно удобство, исчезнувшее въ позднѣйшей администраціи при большей сложности людскихъ отношеній: административная сосредоточенность управляемаго лица позволяла ему хорошо знать, куда обращаться съ своими дѣлами.

Итакъ, путями были дворцовыя вѣдомства, управлявшія эксплуатаціей принадлежавшихъ княжескому дворцу хозяйственныхъ угодій. Пути можно было бы назвать промысловыми регаліями, еслибы право эксплуатаціи путныхъ угодій въ княжествѣ принадлежало исключительно княжескому дворцу. Но акты удѣльнаго и московскаго времени не указываютъ на такую исключительность: промысловыя угодья являются простою принадлежностью земельной собственности и князь удѣльный или великій, передавая свою землю въ руки частнаго собственника, обыкновенно вмѣстѣ съ нею передавалъ и право пользованія находившимися на ней промысловыми угодьями, передавалъ ее, по обычному выраженію грамотъ, «и съ лѣсомъ, и со всѣми угодьи». Такъ Иванъ IV промѣнялъ боярину кн. Кубенскому упомянутое выше село Куликово со всѣми деревнями, между которыми были двѣ сокольнича пути, и передача послѣднихъ не оговорена въ актѣ ничѣмъ, что показывало бы, что передавалась хозяйственная статья, составлявшая особенное и исключительное право казны. По актамъ XV и XVI в. борти встрѣчаются и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, которые владѣютъ ими на одинаковомъ правѣ съ прочими своими землями, а изъ Уложенія царя Алексѣя знаемъ, что частныя лица владѣли на правѣ собственности бобровыми гонами, бортными ухожьями и другими угодьями не только въ своихъ, но и въ чужихъ, даже «государевыхъ», лѣсахъ. Великая княгиня Марья Ярославна въ льготной грамотѣ 1453 г. на деревни Киржацкаго монастыря, въ Переяславскомъ уѣздѣ, пишетъ, что въ бортное дубье, какое есть на тѣхъ монастырскихъ земляхъ, чашникъ княгининъ и староста бортный не вступаются. Это не значитъ, что мона-

стырь не могъ пользоваться своимъ бортнымъ дубьемъ безъ особаго пожалованія права на то со стороны удѣльнаго правительства: отсюда видно только, что монастырскія деревни находились въ округѣ дворцовыхъ бортниковъ, съ которымъ онѣ до пожалованія ихъ монастырю составляли одно административное и хозяйственное цѣлое, и теперь надобно было опредѣлить отношеніе прежняго начальства, чашника и старосты округа, къ бортному угодью, отошедшему вмѣстѣ съ деревнями къ новому владѣльцу. Въ княжескомъ хозяйствѣ бортничество было такимъ же путемъ, какими были рыбныя ловли и луга, а эти статьи не были княжескими регаліями ни въ удѣльное время, ни послѣ. Но въ особенныхъ случаяхъ, при переходѣ казенной земли въ частныя руки, право на нѣкоторыя угодья отдѣлялось отъ права на землю. Изъ одной неизданной грамоты Троицкаго Сергіева монастыря (по г. Мурому) узнаемъ, что въ 1566 году отведены были Краснослѣповымъ въ обмѣнъ на ихъ суздальскую вотчину казенныя деревни въ Муромскомъ уѣздѣ, но съ условіемъ—въ государевы оброчныя и откупныя угодья не вступаться, государевъ бортный лѣсъ, находившійся въ переданныхъ Краснослѣповымъ деревняхъ, «бортное деревье» по полямъ, заполицамъ и лѣсамъ, съ пчелами и безъ пчелъ, беречь, не сѣчь его и не поджигать и пчелъ не выдирать, чтобы тотъ государевъ бортный лѣсъ не запустѣлъ; за порчу этого лѣса назначенъ былъ штрафъ въ пользу государя. Какъ видно изъ акта, мѣняли землю на землю, такъ чтобы вотчинники получили ровно столько же десятинъ пашни и сѣнокоса, сколько значилось въ ихъ прежней вотчинѣ; но въ послѣдней не было такого бортнаго лѣса, такихъ разработанныхъ и доходныхъ угодій, какія находились въ вымѣненныхъ Краснослѣповыми муромскихъ деревняхъ, и мѣна не была бы равномѣрна, еслибы вмѣстѣ съ землей имъ уступили и эти угодья. Правда, доходныя угодья, принадлежавшія частнымъ землевладѣльцамъ, не были свободны отъ налоговъ. Вообще на земли владѣльческія и черныя крестьянскія падали разные путные сборы и повинности, которые взимались администраціей того или другаго пути, смотря по роду налога или подлежавшаго ему угодья. На эти налоги косвенно указываютъ льготныя грамоты XV и XVI вѣковъ, освобождавшія отъ нихъ нѣкоторыя привилегированныя земли. Въ договорѣ сыновей Калиты рядомъ съ конюшимъ путемъ упомянуто о правѣ князя «кони ставити», т. е. ставить ихъ на

обывательскій кормъ; изъ льготныхъ грамотъ видно, что на Конюшенный приказъ ясельничіе сбирали съ непривилегированныхъ землевладѣльцевъ туковыя деньги, крестьяне кормили государева коня, косили сѣно на государевыхъ лугахъ, ловчіе съ государевыми бобровниками и псарями, проѣзжая по частнымъ землямъ на свое дѣло, брали у крестьянъ кормы себѣ и собакамъ, брали людей и подводы на медвѣжьи и лисьи поля, въ пользу стольнича пути взималось «сзовое», сборъ съ рыбныхъ ловель, и т. под. Но все это не сообщало путямъ характера регалій: угодья и доходные сельскіе промыслы подлежали путнымъ налогамъ и повинностямъ наравнѣ съ другими доходными статьями городскаго и сельскаго хозяйства. Хлѣбопашество не было регаліей; однако съ хлѣба въ землѣ или на корню казна взимала, какъ извѣстно, пошлину или подать, «доколѣ рожь изъ земли выйдетъ», или «по кои мѣста была рожь въ земли», по выраженію актовъ XVI вѣка. Въ позднѣйшее время встрѣчаемъ одну любопытную регалію, которая въ удѣльномъ княжескомъ хозяйствѣ вошла бы въ вѣдомство ловчаго пути: въ интересѣ царской зимней и лѣтней звѣриной потѣхи «отъ Москвы верстъ по 30 на всѣ стороны никому въ своихъ лѣсахъ и угодьяхъ звѣрей ловить и бить» не было велѣно подъ жестокимъ наказаніемъ и пенею; здѣсь лѣса, гдѣ водились звѣри, считались заповѣдными и запрещено было рубить такой лѣсъ «про свой обиходъ». Изъ извѣстныхъ доселѣ актовъ, если не ошибаемся, не видно, чтобы существовали въ удѣльныхъ княжескихъ хозяйствахъ подобныя мѣстныя регаліи, какою было царское право охоты въ подмосковныхъ лѣсахъ, описанное приведенными сейчасъ словами Котошихина *).

Такъ администрація каждаго пути слагалась изъ двухъ главныхъ отправленій: она завѣдывала эксплуатаціей извѣстнаго хозяйственнаго угодья на дворцовыхъ земляхъ князя и взиманіемъ извѣстныхъ налоговъ и повинностей, падавшихъ на недворцовыя земли, если онѣ не были освобождены отъ того особыми льготными грамотами. Наши историческіе памятники не даютъ удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, имѣли ли пути административную связь между собою, напримѣръ, были ли они всѣ, какъ отдѣленія дворцоваго хозяйства, подчинены дворецкому, какъ главному управителю дворца. Администрація Мо-

*) А. А. Э. I, №№ 53, 21 и 215. А. И. I, № 74. «Уложеніе», X, 214, 239—243. *Котош.*, стр. 69.

сковскаго государства, какъ извѣстно, была развитіемъ удѣльной и нѣкоторыя учрежденія первой остаются для насъ непонятными только потому, что мы не видимъ корней ихъ въ послѣдней. Пути удѣльнаго времени преобразились потомъ въ московскіе приказы и въ исторіи этихъ приказовъ можно найти нѣкоторыя указанія на сравнительное значеніе и административныя отношенія старыхъ путей. Въ началѣ XVII в. еще существовали особые приказы Сокольничій и Ловчій. При царѣ Михаилѣ, какъ показываютъ записныя книги Московскаго стола Разряднаго приказа, счетъ «ловчаго пути» кречетниковъ, сокольниковъ, псарей и другихъ людей не только ловчаго, но и сокольничаго пути ведетъ и роспись имъ въ Разрядъ для годовой смѣты подаетъ приказъ Большаго Дворца. При царѣ Алексѣѣ, во времена Котошихина, вѣдомства обоихъ старыхъ путей разбиты и по частямъ входили въ составъ другихъ приказовъ: сокольничій съ его соколами и кречетами, со всею птичьей потѣхой царя подчиненъ былъ приказу Тайныхъ Дѣлъ, а ловчій съ звѣриной охотой—Конюшенному приказу. Но должности ловчаго и сокольничаго не исчезли. Извѣстный боярскій послужной списокъ, сообщенный Шереметевыми и и напечатанный въ «Древней Россійской Вивліоѳикѣ», указываетъ на ходъ постигшей ихъ въ XVII в. перемѣны. Вступленіе боярина конюшаго Бориса Годунова на царскій престолъ заставило его преемниковъ отмѣнить эту первую «чиномъ и честію» должность въ государствѣ и Конюшеннымъ приказомъ съ тѣхъ поръ управлялъ товарищъ конюшаго боярина, ясельничій. Въ 1654 г. стольникъ и московскій ловчій Аѳ. И. Матюшкинъ назначенъ былъ ясельничимъ; тогда, вѣроятно, соединились оба приказа, Конюшенный и Ловчій; въ письмахъ своихъ къ Матюшкину 1657 г. царь Алексѣй вмѣстѣ съ распоряженіями по охотѣ даетъ ему приказанія и какъ начальнику Конюшеннаго приказа. Потомъ обѣ должности опять раздѣлились и Матюшкинъ, переставъ быть ясельничимъ, остался ловчимъ. Нельзя сказать рѣшительно, раздѣлились или нѣтъ соединившіеся при немъ приказы: Котошихинъ, который пишетъ объ этомъ соединеніи, бѣжалъ изъ отечества въ томъ самомъ 1664 г., когда по упомянутому послужному списку Матюшкинъ пересталъ быть ясельничимъ, и потому Котошихинъ могъ не знать, что сталось послѣ этого съ соединенными при немъ приказами. Кажется, они уже не раздѣлялись. И въ XVI столѣтіи должности сокольничаго и ловчаго соединялись въ одномъ лицѣ, хотя каждая изъ нихъ стояла во главѣ особаго приказа.

Такъ было и при Матюшкинѣ, который вмѣстѣ съ звѣриной охотой завѣдывалъ и птичьей. Администрація послѣдней при немъ поручена была приказу Тайныхъ Дѣлъ; но Матюшкинъ не сидѣлъ въ этомъ приказѣ, хотя изъ писемъ царя къ нему видно, что черезъ него передавались иногда этому приказу царскія распоряженія. Съ другой стороны, изъ переписки царя съ Матюшкинымъ и помощникомъ его, В. Я. Голохвастовымъ, а также изъ знаменитаго «Урядника сокольничья пути» можно видѣть, что на Матюшкинѣ, помимо хозяйственной и судебной администраціи охоты, лежало множество собственно техническихъ охотничьихъ дѣлъ, особенно когда ловчій, завѣдывавшій прежде одной царскою псарней, теперь долженъ былъ, по выраженію царя, «промышлять и птицами». Можно думать поэтому, что за ловчимъ-сокольничимъ осталась теперь эта техническая часть охотничьяго дѣла, а остальное перешло въ вѣдомство названныхъ приказовъ. Подобное превращеніе испытали и вѣдомства чашника и стольника. Изъ извѣстной книги объ «уложенной службѣ съ вотчинъ и помѣстій» 1556 года (не раньше) видно, что въ половинѣ XVI в. эти вѣдомства еще носили старыя удѣльныя названія чашнича и стольнича пути; область каждаго изъ нихъ дѣлилась на части, называвшіяся по именамъ городовъ или уѣздовъ, въ которыхъ находились земли и поселенія, принадлежавшія тому и другому пути: такъ былъ стольничъ путь Костромской, Переяславскій. Отдѣльными путными слободами и волостями правили путные волостели, пока эти округи не были отданы «въ откупъ», т. е. не получили земскаго самоуправленія, замѣнившаго волостелей излюбленными старостами, а волостелинъ кормъ—оброкомъ въ казну, которымъ земскія общества откупались отъ намѣстниковъ и волостелей. Старыя названія обоихъ путей сохраняются по привычкѣ едва ли не до царствованія Алексѣя Михайловича; но во главѣ самыхъ вѣдомствъ со второй половины XVI в. уже нѣтъ чашника и стольника, а являются учрежденія, которыхъ не было замѣтно въ удѣльное время. Въ XVI в. стольникъ уже не имѣлъ административнаго значенія, не былъ начальникомъ особаго вѣдомства по дворцовому управленію, сталъ простымъ званіемъ или служебнымъ чиномъ. Чашникъ не сталъ такимъ чиномъ, но и не остался начальникомъ вѣдомства государевыхъ питей: онъ просто оберъ-шенкъ, государю пить подноситъ, какъ замѣчено о немъ въ запискѣ о царскомъ дворѣ 1610—1613 г., и съ такимъ значеніемъ чашникъ является въ актахъ при ца-

ряхъ Борисѣ и Михаилѣ, стоя на лѣствицѣ московской придворной іерархіи выше думныхъ дворянъ. При царѣ Алексѣѣ и даже, если не ошибаемся, въ послѣдніе годы царствованія Михаила незамѣтно постояннаго спеціальнаго чашника: при торжественныхъ столахъ во дворцѣ чашники являются, какъ и стольники, десятками, или же дворцовая разрядная записка просто замѣчаетъ, что «чашничали и ѣсть ставили стольники по списку». Въ одно время съ такимъ измѣненіемъ должностей чашника и стольника измѣнилась и администрація путей, которыми они прежде управляли: чашничій путь преобразился въ Сытный дворецъ, а стольничій раздѣлился на два дворца, Кормовой и Хлѣбенный. Каждый изъ этихъ дворцовъ управлялся особымъ приказомъ, во главѣ котораго стоялъ не чашникъ или стольникъ, а степенной ключникъ, дѣйствовавшій черезъ помощниковъ своихъ—путныхъ ключниковъ и стряпчихъ. Такъ было при Котошихинѣ; но изъ разсказа лѣтописи объ учрежденіи Опричнины знаемъ, что Грозный потребовалъ между прочимъ, чтобы на дворцахъ Сытномъ, Кормовомъ и Хлѣбенномъ были особые опричные ключники, подключники и проч., слѣдовательно порядокъ, описываемый Котошихинымъ, существовалъ уже за сто лѣтъ до него *).

Эти мелкія подробности царскаго дворцоваго управленія имѣютъ нѣкоторую историческую цѣну, показывая, какъ пытались перестроить дворцовое, т. е. центральное, управленіе удѣльнаго времени, чтобы согласить его съ новыми государственными понятіями и учрежденіями, а при этой перестройкѣ вскрылись нѣкоторыя основанія удѣльнаго порядка. Доходы, какіе получалъ государь съ своихъ хозяйственныхъ угодій, съ путей, считались дворцовыми, шли «на мой дворецъ», по обычному выраженію государевыхъ жалованныхъ грамотъ XVI в. сидѣвшимъ на дворцовыхъ земляхъ промышленникамъ. И въ удѣльное время этотъ дворецъ представлялъ собою нѣчто цѣлое, только не административное: части его, отдѣльныя вѣдомства, связывались другъ съ другомъ общими хозяйственными задачами, надзоромъ одного верховнаго хозяина-князя, но не административнымъ подчиненіемъ главному управителю дворца; пути не были подчинены дворецкому. Вотъ сообра-

*) А. Ист. II, № 355. Др. Росс. Вивл. XX, 110, 117, 124 и 37. Письма ц. Алексѣя М., изд. г. *Бартеневымъ*, стр. 51, 57 и 50. Арх. ист.-юр. свѣд. г. *Калачева*, кн. 3, отд. 2, стр. 27—80. А. А. Э. I, стр. 264; II, № 27. Кн. Разр. I, 565; ср. Др. Р. Вивл., XX, 275. Дворц. Разр. II, 727; III, 503 и 1071. Карамз., IX, прим. 137; ср А. И. I, № 171.

женія, которыя приводятъ къ такому отвѣту на поставленный выше вопросъ. Въ XVI и въ началѣ XVII в. дворецкій не только не былъ единственнымъ, но не былъ и первымъ изъ высшихъ сановниковъ по дворцовому управленію: первымъ сановникомъ по «чину и чести» своей должности былъ управитель одного изъ путей удѣльнаго времени, конюшій бояринъ; дворецкій занималъ уже второе мѣсто. Этимъ, можетъ-быть, объясняется та черта московской придворной іерархіи, что должность дворецкаго иногда ввѣрялась лицамъ, не имѣвшимъ ни перваго, ни даже втораго служебнаго чина, не ставшимъ еще ни боярами, ни окольничими, чего, если не ошибаемся, не бывало съ управителями Конюшеннаго приказа, назначавшимися всегда изъ бояръ: такъ кн. Ѳ. И. Хворостинину, назначенному на должность дворецкаго въ 1577 г., окольничество сказано было только въ 1584 г. *). Притомъ, еслибы въ удѣльное время пути были подчинены дворецкому, то, зная, какъ крѣпко держалась московская приказная администрація стараго административнаго преданія, можно было бы ожидать, что, при обнаружившемся въ ней потомъ стремленіи къ сосредоточенію вѣдомствъ, развившіеся изъ путнаго управленія приказы сохранятъ свое старое, насиженное положеніе въ приказной системѣ, останутся въ подчиненіи дворецкому, управителю приказа Большаго Дворца. Не то однако встрѣчаемъ на дѣлѣ. Старымъ путямъ, повидимому, затруднялись найти мѣсто въ новомъ административномъ порядкѣ,—ихъ то соединяли одинъ съ другимъ, то разбивали, вводя по частямъ въ составъ другихъ вѣдомствъ. Въ XVI в. Рыбная слобода въ Переяславлѣ подчинена была Казенному приказу, а другія дворцовыя рыбныя ловли стольнича пути являются въ вѣдомствѣ Большаго Дворца. То же было съ путями ловчимъ и сокольничимъ въ XVII вѣкѣ: они были какъ-то распредѣлены между приказами Конюшеннымъ, Тайныхъ Дѣлъ и Большаго Дворца, причемъ продолжала существовать и должность ловчаго-сокольничаго. Поэтому, если при Котошихинѣ Большому Дворцу вмѣстѣ съ дворами Сытнымъ, Хлѣбеннымъ и Кормовымъ подчинены были бобровые гоны, рыбныя угодья и бортныя ухожья, т. е. доходныя статьи, а не цѣлыя вѣдомства прежнихъ путей ловчаго, стольничаго и чашничаго, то можно думать, что это подчиненіе не перешло по наслѣдству отъ удѣльнаго порядка, а установилось уже въ то время, когда новыя правительственныя

*) „Др. Росс. Вивл.“, XX, 55, 61 и 84.

потребности заставили московскую администрацію стягиваться, сосредоточивать вѣдомства, сливать одни приказы съ другими или подчинять одни другимъ по сродству управляемыхъ ими дѣлъ. Такое стремленіе совсѣмъ чуждо удѣльной администраціи и ни въ чемъ не видно его слѣдовъ; напротивъ, тамъ вездѣ—и въ центральномъ, и въ областномъ управленіи—замѣтна наклонность дробить власть и управленіе, обособляя вѣдомства и правительственные округи въ независимыя учрежденія, несмотря на ихъ взаимную административную или географическую близость.

Но если дворецкій не былъ высшимъ управителемъ всего дворцоваго хозяйства, то, значитъ, въ его управленіи сосредоточивался какой-нибудь спеціальный кругъ дѣлъ по этому хозяйству. Этотъ первоначальный кругъ дѣлъ замѣтно отдѣлялся отъ позднѣйшей примѣси даже въ XVII в., когда вѣдомство приказа Большаго Дворца является такимъ сложнымъ и обнимаетъ собою земли и доходы едва ли не всѣхъ старинныхъ путей кромѣ конюшаго. По описанію Котошихина, въ вѣдомствѣ дворецкаго, кромѣ трехъ названныхъ дворовъ—Сытеннаго, Хлѣбеннаго и Кормоваго, находился еще четвертый—Житенный, куда поступалъ хлѣбъ «изъ царскихъ дворцовыхъ селъ и изъ понизовыхъ городовъ и съ поль, что сѣется на царя». Въ актахъ этотъ Житенный или Житничный дворъ является уже во второй половинѣ XVI вѣка; но любопытно, что ни лѣтопись въ разсказѣ объ учрежденіи Опричнины, ни записка 1610—13 гг. о царскомъ дворѣ рядомъ съ тремя названными дворами не упоминаютъ объ этомъ четвертомъ. Въ разсказѣ Котошихина объ этихъ дворахъ есть черта, которая объясняетъ это молчаніе: Житенный дворъ управлялся дворяниномъ и подъячимъ, но на немъ одномъ не было особаго приказа, какіе съ степенными ключниками во главѣ находились на трехъ другихъ дворахъ «для записки приходу и расходу и межъ дворовыми людьми для сыску и расправы». Это значитъ, что первые три двора преобразованы въ отдѣленія приказа Большаго Дворца изъ особыхъ самостоятельныхъ учрежденій, изъ путей чашничаго и стольничаго, а четвертый всегда непосредственно подчиненъ былъ дворецкому. Когда кругъ дѣлъ приказа Большаго Дворца сталъ слишкомъ сложенъ и широкъ, какимъ описываетъ его Котошихинъ, была сдѣлана попытка выдѣлить изъ него первоначальное вѣдомство дворецкаго въ особое учрежденіе: такъ возникъ Хлѣбный приказъ. Котошихинъ говоритъ о немъ не совсѣмъ ясно, замѣчая, что въ этомъ приказѣ

дворянинъ съ дьякомъ «вѣдаютъ городы и волости, и села, и кабаки и таможни съ доходы и съ податьми послѣ боярина Н. И. Романова». Здѣсь не указано, какіе именно города и волости подчинены были этому новому приказу и какое отношеніе имѣлъ къ нему бояринъ Романовъ. Этотъ бояринъ пожалованъ былъ въ дворецкіе вмѣстѣ со многими другими въ 1645 г., въ началѣ царствованія его племянника Алексѣя Михайловича, и умеръ въ 1655 г. Тогда званіе дворецкаго носили разные сановники по обширному дворцовому вѣдомству (напримѣръ, оружейничій, начальникъ Оружейнаго приказа, также управляющій Казанскимъ Дворцомъ и др.); но главнымъ и въ собственномъ смыслѣ дворецкимъ былъ тотъ, кто управлялъ приказомъ Большаго Дворца. Н. И. Романовъ, кажется, никогда не былъ этимъ дворецкимъ: съ начала царствованія Алексѣя до 1651 г. имъ былъ князь А. М. Львовъ, а за нимъ до конца 1655 г. извѣстный своею дѣятельностію въ Малороссіи В. В. Бутурлинъ *). Вѣроятно, бояринъ Романовъ былъ первымъ начальникомъ Хлѣбнаго приказа, образовавшагося въ дворцовомъ вѣдомствѣ, и Котошихинъ хотѣлъ сказать, что новое учрежденіе продолжало дѣйствовать и послѣ Романова, хотя управлялось уже не бояриномъ, а дворяниномъ; въ 1679 г. оно было присоединено къ приказу Большаго Дворца, изъ котораго и выдѣлилось. Впрочемъ, въ разсказѣ Котошихина есть черта, позволяющая объяснить происхожденіе и значеніе этого приказа: въ городахъ и волостяхъ ему подвѣдомственныхъ «устроены пашни на царя, а что того хлѣба въ году ни уродится, отдаютъ на Москвѣ на Житенной дворъ». Съ московскимъ объединеніемъ Руси въ вѣдомствѣ московскаго приказа Большаго Дворца скопилось множество дворцовыхъ городовъ, волостей и селъ; при Котошихинѣ однихъ городовъ было больше 40. Со многихъ изъ этихъ дворцовыхъ имуществъ, если не съ большей части, дворецъ получалъ доходъ деньгами. Но первоначально дворецкій вѣдалъ только такіе города, волости и села, при которыхъ находилась княжеская запашка и доходъ съ которыхъ получался натурой, хлѣбомъ. Теперь, когда это основное вѣдомство дворецкаго, такъ сказать, затерялось въ приказѣ Большаго Дворца среди разнообразныхъ административныхъ пристроекъ, попытались выдѣлить изъ него

*) „Др. Росс. Вивл.", XX, 103, 108, 110 и 284; XV, 218 и 223. Дополн. къ III т. Дв. Разр. 19. См. имена правителей приказовъ 1654 г. у Олеарія въ изданіи 1656 г. кн. III, гл. 17.

земли, гдѣ существовали царскія пашни, и для управленія ими создали особый Хлѣбный приказъ *). Основываясь на сказанномъ, можно обозначить тотъ спеціальный кругъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ дворецкій удѣльнаго времени, и указать, чѣмъ онъ отличался отъ дворцовыхъ путей. Кромѣ дворовыхъ слугъ дворецкій вѣдалъ дворцовыя земли съ жившими на нихъ крестьянами и несвободными людьми. Начальники путей также вѣдали крестьянскія поселенія съ ихъ пашнями, но только тогда, когда они служили орудіемъ эксплуатаціи того или другаго путнаго угодья, принадлежавшаго дворцу. Раздѣльная черта здѣсь проводилась свойствомъ княжескаго дохода: съ земель, управляемыхъ дворецкимъ, этотъ доходъ шелъ земледѣльческими произведеніями, а съ путей — продуктами угодій или промысловъ, медомъ, рыбой, мѣхами и пр. На земляхъ вѣдомства дворецкаго были устроены княжескія дворцовыя пашни, поля, засѣваемыя на князя; люди, жившіе на путныхъ земляхъ, пахали только на себя. Говоря короче, дворецкій завѣдывалъ дворцовымъ хлѣбопашествомъ, а управители путей—дворцовыми промыслами.

Въ такомъ видѣ является центральное, или, говоря точнѣе, дворцовое управленіе въ значительномъ княжествѣ XIV и XV в. Другой правительственный порядокъ простирался на все, что не было прямо приписано къ княжескому дворцу: это были земли тяглыхъ или черныхъ людей, городскихъ и сельскихъ, и потомъ земли частныхъ владѣльцевъ, церковныхъ и свѣтскихъ. Это — сфера областнаго управленія. Къ нему относились въ литературѣ съ бóльшимъ вниманіемъ и потому оно болѣе извѣстно. Чтобъ обозначить характеръ дѣйствовавшихъ здѣсь правительствен. отношеній, можно не прибѣгать къ тѣмъ мелочнымъ розысканіямъ, микроскопическимъ наблюденіямъ надъ непрямыми и большею частію позднѣйшими свидѣтельствами, безъ которыхъ нельзя обойтись при изображеніи устройства центральнаго или дворцоваго управленія удѣльнаго времени.

Стараясь понятнѣе выразить характеръ административнаго устройства княжества этого времени, иногда увлекаются сообра-

*) Такой отвѣтъ можно дать на вопросъ Неволина (Полн. Собр. соч., VI, 153): „Хлѣбный приказъ не былъ ли одно и то же съ приказомъ, который завѣдывалъ Житнымъ дворомъ?“ На этомъ дворѣ не было особаго приказа, потому что не было „расправы дворцовыхъ людей“. Это не было хозяйственно-судебное учрежденіе, какъ другіе дворы, а простое передаточное мѣсто между дворцовыми пашнями и Хлѣбеннымъ дворомъ; такимъ остался Житный дворъ и по учрежденіи Хлѣбнаго приказа.

женіемъ, что въ кругу своихъ дворцовыхъ земель и угодій князь былъ вполнѣ частнымъ владѣльцемъ-вотчинникомъ, а не государемъ, тогда какъ въ отношеніяхъ его къ другимъ частнымъ землевладѣльцамъ и къ черпымъ тяглымъ людямъ замѣтны уже государственныя черты: здѣсь онъ является съ физіономіей государя въ настоящемъ политическомъ смыслѣ этого слова, хотя частновладѣльческій характеръ вотчинника не исчезалъ и здѣсь. Если взглянуть на явленія просто и прямо, не сквозь позднѣйшія опредѣленія и термины государственнаго права, то разница въ характерѣ между дворцовымъ и областнымъ управленіемъ удѣльнаго времени представится вовсе не столь значительной; можно будетъ даже признать, что въ обѣихъ половинахъ своего княжества, въ дворцовой и недворцовой, князь одинаково былъ и владѣльцемъ съ понятіями и пріемами частнаго вотчинника, и верховнымъ правителемъ, законодателемъ и судьей, установителемъ общественнаго порядка, и блюстителемъ своего и общаго блага, хотя и не выражалъ этихъ отправленій и задачъ своей власти такою терминологіей. Но эти государственныя функціи онъ совершалъ не одинаково въ своихъ дворцовыхъ владѣніяхъ и въ тѣхъ, которыя не были приписаны къ его дворцу. Чтобы съ нѣкоторою точностью обозначить, чѣмъ отличалась одна сфера дѣйствія княжеской власти отъ другой, надобно обратиться не къ терминамъ государственнаго права, а къ пріемамъ, къ хозяйственной практикѣ русскаго землевладѣнія. Искомая разница не та, какую можно провести между владѣльцемъ съ государственными правами и государемъ съ владѣльческими привычками, а очень похожа на ту, какая дѣйствительно существовала въ вотчинѣ древнерусскаго землевладѣльца XV в. между боярской запашкой и землей, которую онъ отдавалъ въ оброчное пользованіе другимъ людямъ. Дворцовыя имущества княжескій дворецъ эксплуатировалъ самъ на собственное содержаніе; остальныя владѣнія свои князь отдавалъ эксплуатировать другимъ лицамъ, боярамъ и слугамъ вольнымъ. Механизмомъ, посредствомъ котораго совершалась хозяйственная эксплуатація дворцовыхъ владѣній, и было то, что мы называемъ центральнымъ управленіемъ въ княжествѣ удѣльнаго времени, и мы видѣли, какой это былъ по своей конструкціи сложный и дробный механизмъ при видимой простотѣ своихъ отправленій. Все остальное, чего дворецъ не эксплуатировалъ самъ, предоставлено было мѣстному управленію. Органы этого мѣстнаго управленія, намѣстники и волостели съ

ихъ тіунами и доводчиками, были правительственными арендаторами у князя-хозяина, подобно тому, какъ перехожіе крестьяне были поземельными арендаторами у вотчинника XV в. Сходство аренды того и другаго рода простиралось даже на ея условія. Извѣстно, что въ древнерусскомъ землевладѣніи до прикрѣпленія крестьянъ господствовалъ обычай отдавать землю въ наемъ *исполу*, и господствовалъ въ такой степени, что крестьянинъ-наниматель звался половникомъ даже и въ томъ случаѣ, когда обязывался по контракту платить землевладѣльцу за пользованіе его землей гораздо меньше половины валоваго дохода съ арендуемаго участка. Великій князь московскій Семенъ Гордый, отказывая свой удѣлъ женѣ, въ духовной дѣлаетъ распоряженіе объ областномъ управленіи, чтобы бояре великаго князя, которые останутся на службѣ у его княгини и будутъ править волостями, отдавали ей *половину* дохода съ управляемыхъ ими округовъ. Князь передавалъ такому правительственному арендатору, намѣстнику или волостелю, всѣ права своей власти на арендуемый участокъ территоріи, какія были необходимы для правительственной его эксплуатаціи, судъ и расправу, прямые и косвенные налоги, всѣ тогдашнія средства правительственной заботы объ общемъ благѣ и общественномъ порядкѣ. Если измѣрить широту власти, какой обыкновенно пользовался тогда областной администраторъ, и припомнить, что онъ обыкновенно самъ создавалъ и весь штатъ подчиненныхъ ему орудій управленія изъ своихъ же дворовыхъ людей и что до половины XV вѣка со стороны такъ называемаго нами центральнаго княжескаго правительства почти незамѣтно попытокъ регулировать и подчинить постоянному контролю дѣйствія областной администраціи; тогда и самое дворцовое вѣдомство представится намъ своего рода областью, одною изъ единицъ мѣстнаго административнаго дѣленія, болѣе обширной и важной для князя, чѣмъ другія единицы, но изолированной отъ нихъ и обнаруживавшей мало дѣйствительнаго на нихъ вліянія. Въ этомъ отношеніи намѣстникъ удѣльнаго времени вовсе не былъ похожъ на своихъ административныхъ преемниковъ, воеводу и губернатора: послѣдніе служили звеньями административной цѣпи, связывавшей область съ правительственнымъ центромъ; первый, напротивъ, разрывалъ эту цѣпь, изолируя область отъ центра. Такимъ образомъ областное управленіе удѣльнаго княжества XIV—XV в. нельзя подвести ни подъ одинъ изъ двухъ административныхъ порядковъ, господствовавшихъ въ послѣдующее

время: это не была ни система централизаціи, ни система мѣстнаго самоуправленія; кажется, всего лучше характеризовать этотъ порядокъ, назвавъ его *локализаціей* управленія.

Въ этомъ можно видѣть дѣйствительную особенность, отличавшую удѣльное управленіе отъ позднѣйшаго государственнаго. Со временемъ, когда вмѣстѣ съ правительственными задачами становились сложнѣе и пріемы управленія, образовались постоянныя связи, соединявшія мѣстную администрацію съ правительственнымъ центромъ. Эти связи, большею частію, обозначились уже въ то время, когда устанавливался на мѣсто удѣльнаго московскій государственный порядокъ. Но тогда и центральное управленіе существенно измѣнилось въ своемъ характерѣ, вышедши далеко за предѣлы дворцоваго вѣдомства. Впрочемъ, изложенное выше описаніе удѣльнаго управленія изображаетъ послѣднее въ первоначальномъ и чистомъ, такъ сказать, математическомъ, его видѣ. Въ сохранившихся памятникахъ, большею частію очень близкихъ ко времени торжества московскаго государственнаго порядка, удѣльная администрація обыкновенно является уже съ нѣкоторою примѣсью: въ ней можно замѣтить одну черту, которая проходила связующею нитью между областью и дворцовымъ центромъ, противодѣйствуя указанной выше локализаціи управленія, хотя она сама выходила прямо изъ этой послѣдней. Эта своеобразная нить сплеталась изъ землевладѣльческой привилегіи.

Князь правилъ съ двумя классами, господствовавшими въ обществѣ, военно-служилымъ и духовнымъ. Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалась частная поземельная собственность и землевладѣніе все болѣе становилось главнымъ экономическимъ средствомъ обезпеченія ихъ общественнаго положенія. Привилегіи, бывшія послѣдствіемъ ихъ господствующаго положенія въ обществѣ, теперь также переносились на эту экономическую основу, становились опорой главнаго хозяйственнаго ихъ интереса, какъ прежде, когда землевладѣніе не было еще такимъ интересомъ; онѣ цѣплялись за операціи съ движимымъ имуществомъ, преимущественно за главную статью домашняго и промышленнаго хозяйства въ древней Руси,—рабовладѣніе: привилегированный рабовладѣлецъ X и XI в. теперь превратился въ привилегированнаго землевладѣльца. Привилегіи эти состояли въ томъ, что князь передавалъ землевладѣльцу правительственную власть, похожую по своему составу на ту, какой облекалъ онъ

областнаго правителя, именно право суда и налоговъ въ извѣстной мѣрѣ. Привилегированная вотчина сохраняла лишь слабую зависимость отъ управителя административнаго округа, въ которомъ она находилась; эта зависимость обыкновенно ограничивалась тѣмъ, что мѣстный управитель удерживалъ за собой право судить подвластное вотчиннику населеніе въ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ, часто даже только въ дѣлахъ о душегубствѣ. Какъ извѣстно, власть намѣстника города простиралась въ полномъ своемъ объемѣ не на весь уѣздъ этого города, а только на подгородные станы; всѣ остальныя сельскія волости управлялись до введенія земскихъ учрежденій XVI в. своими особыми волостелями независимо отъ намѣстника; обыкновенно, но не всегда, только важнѣйшія уголовныя дѣла по этимъ волостямъ и чаще всего только дѣла о душегубствѣ были подсудны намѣстнику. Такимъ образомъ вотчина привилегированнаго землевладѣльца становилась въ административномъ составѣ своего правительственнаго округа тѣмъ же самымъ, чѣмъ была сельская волость въ административномъ составѣ своего уѣзда. Мѣстное управленіе, разбившееся, подъ вліяніемъ удѣльной наклонности дробить власть, на городскіе и сельскіе округи намѣстниковъ и волостелей съ указаннымъ выше отношеніемъ къ центру, локализовалось еще болѣе благодаря землевладѣльческой привилегіи: привилегированная вотчина сама становилась административнымъ округомъ, волостью въ волости. Предоставляя землевладѣльцу правительственную власть надъ людьми его вотчины, удѣльное управленіе совершенно послѣдовательно освобождало самихъ такихъ волостелей-вотчинниковъ съ ихъ правительственными помощниками, прикащиками, отъ подсудности мѣстной власти: въ искахъ, напримѣръ, на нихъ они судились княземъ или его «бояриномъ введеннымъ», обыкновенно тѣмъ изъ бояръ, который управлялъ княжескимъ дворцомъ, т. е. дворецкимъ. Вслѣдствіе этого въ правительственномъ округѣ намѣстника или волостеля съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія привилегированнаго землевладѣнія, появлялось все болѣе земель, куда, по выраженію жалованныхъ грамотъ, «намѣстницы мои и ихъ тіуни не всылаютъ дворянъ своихъ (или не въѣзжаютъ сами) ни по что». Этимъ же объясняется, почему впослѣдствіи, когда въ московскомъ управленіи выступила цѣлая система приказовъ, носившихъ характеръ настоящихъ центральныхъ учрежденій, привилегированные землевладѣльцы и между ними монастыри вѣ-

дались по своимъ землевладѣльческимъ дѣламъ въ Дворцовомъ приказѣ: въ удѣльное время, прежде чѣмъ сложилась эта система центральнаго управленія, отдѣльная отъ дворцоваго вѣдомства, значеніе центральнаго правительства имѣло преимущественно это послѣднее вѣдомство.

Значитъ, дальнѣйшая локализація удѣльнаго управленія путемъ привилегіи вызвала и реакцію противъ себя, повела къ тому, что извѣстный слой областнаго общества и извѣстный кругъ мѣстныхъ общественныхъ отношеній ускользали изъ-подъ рукъ областной администраціи и привязывались прямо къ княжескому дворцу, какъ средоточію центральнаго управленія. Но такая же реакція возникала и съ другой стороны, хотя изъ того же источника, землевладѣльческой привилегіи. Оба Судебника, говоря объ областномъ управленіи, различаютъ намѣстниковъ и волостелей «съ боярскимъ судомъ» и мѣстныхъ правителей «безъ боярскаго суда». Этотъ терминъ толкуютъ двояко: одни думаютъ, что намѣстникъ или волостель съ боярскимъ судомъ имѣлъ кромѣ обычныхъ составныхъ частей власти областнаго правителя еще право такого суда, какой производили въ Москвѣ бояре, назначенные великимъ княземъ управителями по центральной администраціи («бояре введенные», значеніе которыхъ объяснимъ далѣе, говоря о составѣ боярской Думы удѣльнаго времени); другіе утверждаютъ, что «боярскимъ судомъ» назывался судъ областныхъ правителей, подобный суду бояръ въ ихъ вотчинахъ. Оба мнѣнія отмѣчаютъ дѣйствительныя черты явленія, но недостаточно ясно и полно, и указываютъ послѣдствія, не указывая ихъ причины; остается не разъясненнымъ, почему назывался этимъ терминомъ такой спеціальный судъ, какимъ былъ «боярскій», и притомъ судъ, дѣла котораго именно не входили въ составъ обычной юрисдикціи бояръ-вотчинниковъ. Судебникъ 1550 г. очень точно опредѣляетъ составъ этого суда: «А судъ боярской тотъ: которому намѣстнику дано съ судомъ съ боярскимъ, и ему давати полныя и докладныя (грамоты на холопство), а правыя и бѣглыя давати съ докладу, а безъ докладу правыя и бѣглыя не дати». Статья эта излагаетъ уже ограниченіе объема боярскаго суда, въ который первоначально входили, надобно думать, и тѣ дѣла о холопствѣ, рѣшеніе которыхъ излагалось въ правыхъ и бѣглыхъ грамотахъ и которыя по этой статьѣ окончательно рѣшались не областнымъ правителемъ, а по его докладу центральными учрежденіями. Кажется, точнѣе будетъ такое опредѣленіе

«боярскаго суда», что это былъ судъ по боярскимъ дѣламъ, т. е. въ терминѣ этомъ заключается указаніе на объектъ суда, а не на судью, который производилъ этотъ судъ. «Боярскимъ» назывался судъ по дѣламъ о холопствѣ. Эти дѣла были первоначальнымъ и существеннымъ содержаніемъ привилегированнаго русскаго землевладѣнія, такъ какъ рабовладѣніе было юридической и экономической основой боярской вотчины. Частное привилегированное землевладѣніе въ древней Руси развилось изъ рабовладѣнія. Вотчина частнаго владѣльца юридически и экономически зарождалась изъ того, что рабовладѣлецъ сажалъ на землю для ея хозяйственной эксплуатаціи своихъ холоповъ; земля прикрѣплялась къ лицу, становилась его личною собственностью посредствомъ того, что къ ней прикрѣплялись люди, лично ему крѣпкіе, составлявшіе его собственность; холопъ становился юридическимъ проводникомъ права владѣнія на землю и экономическимъ орудіемъ хозяйственной эксплуатаціи вотчины. На языкѣ древнерусскаго гражданскаго права «бояринъ» отъ временъ Русской Правды и вплоть до указовъ Петра Великаго значилъ не то, что при дворѣ древнерусскаго князя и московскаго царя: здѣсь онъ былъ высшимъ служилымъ чиномъ, а тамъ—частнымъ привилегированнымъ землевладѣльцемъ; холопъ назывался «боярскимъ», село—«боярскимъ селомъ», работа на пашнѣ землевладѣльца—«боярскимъ дѣломъ», «боярщиной», независимо отъ того, носилъ ли землевладѣлецъ званіе боярина при дворѣ или нѣтъ. На сельскомъ холопѣ выработалась прежде всего и вотчинная власть древнерусскаго землевладѣльца, который иногда съ успѣхомъ распространялъ ея рабовладѣльческія права и пріемы и на вольнонаемныхъ крестьянъ, какъ видно изъ того полусвободнаго состоянія, въ какомъ является «ролейный закупъ», вольнонаемный рабочій-земледѣлецъ на землѣ частнаго владѣльца по Русской Правдѣ. Вотъ почему судъ по указаннымъ въ Судебникахъ дѣламъ о холопствѣ получилъ названіе «боярскаго суда». Суду областныхъ правителей Судебники противополагаютъ судъ княжескій, судъ центральныхъ органовъ княжеской власти, слѣдовательно судъ надъ привилегированными лицами, изъятыми изъ подсудности намѣстникамъ и волостелямъ. Надобно думать, что первоначально въ удѣльномъ управленіи, любившемъ дробить власть и обособлять ея части, и указанныя дѣла о холопствѣ вполнѣ принадлежали всѣмъ безъ различія намѣстникамъ и волостелямъ, которые всѣ были управителями «съ боярскимъ судомъ». Но съ

развитіемъ боярскихъ землевладѣльческихъ привилегій и «боярскій судъ» намѣстниковъ и волостелей подвергся ограниченію: онъ остался за нѣкоторыми высшими или наиболѣе довѣренными областными правителями, а для остальныхъ введенъ былъ «докладъ», контроль или ревизія со стороны центральнаго правительства, какъ тогда понимали контрольный и ревизіонный порядокъ дѣлопроизводства. Этимъ можно объяснить то мѣсто жалованной грамоты 1494 г., гдѣ великій князь Иванъ III, освобождая игумена Троицкаго Сергіева монастыря съ людьми монастырскихъ селъ въ Бѣжецкомъ уѣздѣ отъ подсудности бѣжецкимъ намѣстникамъ, говоритъ, что эти намѣстники «игуменова прикащика ни моимъ судомъ великаго князя, ни боярскимъ судомъ не судятъ ихъ (монастырскихъ) людей» *). Эта слишкомъ сжато выраженная формула значитъ, что намѣстники не судятъ игуменова прикащика судомъ, какимъ судились привилегированныя лица и который принадлежалъ князю, а людей монастырскихъ не судятъ боярскимъ судомъ, какому подлежали дѣла о холопствѣ; здѣсь судъ надъ монастырскими крестьянами названъ уже «боярскимъ судомъ», т. е. судомъ по дѣламъ о холопствѣ, какъ потомъ дѣла о крестьянахъ являются въ вѣдѣніи Холопьяго приказа. Значитъ, вслѣдъ за дѣлами о привилегированныхъ землевладѣльцахъ къ центральному правительству стали стягиваться и дѣла объ ихъ людяхъ, холопяхъ и крестьянахъ, ускользая изъ-подъ юрисдикціи областныхъ управителей или подчиняя ее надзору центральной власти. Изучая дѣятельность боярской Думы при князѣ удѣльнаго времени, мы увидимъ, что весь кругъ развивавшихся поземельныхъ отношеній прикрѣпился къ центру, составивъ главный предметъ его правительственныхъ заботъ. Такъ, княжеское правительство выступало постепенно изъ тѣсной сферы дворцовыхъ дѣлъ, дворцоваго хозяйства: землевладѣльческая привилегія была причиной ограниченія не только территоріальнаго пространства, но и политическаго объема власти областнаго управителя; она не только сообщала дворцовому вѣдомству первыя черты характера центральнаго правительства, но и противодѣйствовала удѣльной локализаціи мѣстнаго управленія, сообщая намѣстнику и волостелю, правительственному арендатору князя, характеръ мѣстнаго органа центральнаго правительства, который стоитъ подъ нѣкоторымъ надзоромъ послѣдняго.

---

*) А. Арх. Э. I, № 131.

Изученіе характера удѣльнаго княжескаго владѣнія привело насъ выше къ мысли, что оно сложилось по юридическому типу частной земельной вотчины. Разсматривая политическое устройство княжества удѣльнаго времени, находимъ въ этомъ устройствѣ такое же сходство съ хозяйственнымъ управленіемъ той же боярской вотчины: дворцовое вѣдомство удѣльнаго княжества соотвѣтствовало «дворцу» боярской вотчины съ его боярской запашкой и принадлежавшими дворцу слугами, областное управленіе — боярскимъ землямъ, сдаваемымъ въ аренду обыкновенно крестьянамъ, съ завѣдывавшими этимъ населеніемъ прикащиками; наконецъ, земли частныхъ привилегированныхъ землевладѣльцевъ нѣкоторыми чертами своего положенія въ княжествѣ напоминали тѣ участки въ составѣ крупной древнерусской вотчины, которые отдавались во владѣніе «дворянамъ», прикащикамъ или тіунамъ и тому подобнымъ дворовымъ «слугамъ» вотчинника за ихъ службу.

В. Ключевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КЕСАРЬ.

РОМАНЪ

Георга Эберса.

Глава первая.

Утренній сумракъ разсѣялся. Солнце перваго декабря 129-го года по Рождествѣ Спасителя показалось надъ горизонтомъ, но оно было задернуто млечно-бѣлымъ туманомъ, поднимавшимся съ моря. Было холодно.

Казій, гора средней вышины, возвышается на узкомъ полуостровѣ между южною Палестиной и Египтомъ и съ сѣверной стороны омывается моремъ, которое сегодня не блеститъ, какъ обыкновенно, яркою лазурью. Темно-синими, почти черными, кажутся дальнія его волны, ближайшія же окрашены совершенно иначе,—мутной, зеленовато-сѣрою полосой примыкаютъ къ своимъ сосѣднимъ съ горизонтомъ сестрамъ, какъ пыльный дернъ къ темной поверхности лавы.

Сѣверо-восточный вѣтеръ, поднявшійся послѣ солнечнаго восхода, подулъ сильнѣе; млечно-бѣлая пѣна показалась на вершинахъ волнъ, но сегодня онѣ не разбивались съ дикою силой о подножіе горы, а лѣниво катились къ нему съ необозримо-длинными, искривленными хребтами, будто вылитыя изъ тяжелаго расплавленнаго свинца. Порой, однако, взлетали вверхъ свѣтлыя, прозрачныя брызги, когда поверхности волны касались легкія крылья чаекъ, которыя безпокойно, будто гонимыя страхомъ, съ пронзительнымъ крикомъ, стаями носились надъ водой.

Три человѣка медленно спускались по дорогѣ, ведущей съ вершины горы къ ея подножію, но только старшій изъ нихъ, шедшій впереди, обращалъ вниманіе на небо, на море, на стаи

чаекъ и на величественную, лежавшую у ногъ его, равнину. Порой онъ останавливался и едва замедлялъ шагъ, какъ оба его спутника дѣлали то же. Картина, открывавшаяся передъ нимъ, казалось, приковывала его взоры и оправдывала то удивленіе, съ которымъ онъ, время отъ времени, покачивалъ своей, слегка наклоненной впередъ и украшенной сѣдинами, головой. Узкая пустынная полоса, раздѣляя двѣ водныя массы, тянулась передъ нимъ къ западу и терялась въ безбрежной дали. По этой естественной гати медленно подвигался караванъ. Мягкія ноги верблюдовъ беззвучно опускались на песчаную дорогу. Всадники ихъ, обернутые въ бѣлые плащи, казалось, спали, а погонщики грезили. Сѣрые орлы на окраинѣ дороги оставались неподвижны при ихъ приближеніи.

Влѣво отъ низменности, по которой тянулась дорога изъ Сиріи въ Египетъ, лежало матовое, сливавшееся съ сѣрыми облаками, море, а вправо, среди пустыни, виднѣлось что-то странное и живописное, концовъ чего на востокѣ и на западѣ не могъ достигнуть глазъ и что походило то на снѣжную равнину, то на стоячую воду, то на тростниковую чащу.

Старшій изъ путниковъ безпрестанно глядѣлъ на небо и въ туманную даль, второй—рабъ, несшій на широкомъ плечѣ своемъ одѣяла и плащи—не спускалъ глазъ съ своего господина, а третій—свободнорожденный юноша—шелъ опустивъ на землю усталый и разсѣянный взоръ. Тропинка, ведущая съ вершины горы къ берегу, пересѣкалась широкой улицей, въ концѣ которой виднѣлось величественное зданіе храма. На нее-то и вступилъ бородатый путникъ. Но, пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился, бросилъ недовольный взглядъ въ сторону, пробормоталъ нѣсколько непонятныхъ словъ, повернулъ назадъ и быстрыми шагами, достигнувъ только-что покинутаго пути, пошелъ по направленію къ морю.

Юный его спутникъ слѣдовалъ за нимъ, не поднимая глазъ и не прерывая своихъ мечтаній, какъ будто онъ былъ его тѣнью; рабъ, однако, вскинулъ свою коротко остриженную русую голову и тонкая улыбка, показалась на его губахъ, когда онъ увидалъ на лѣвой сторонѣ улицы издохшаго чернаго козленка, а подлѣ него старую египтянку, которая, при приближеніи мужчинъ, скрыла подъ темно-синимъ покрываломъ свое морщинистое лицо.

«Такъ вотъ оно что»,—прошепталъ рабъ и кивнулъ, цѣлуя воздухъ вытянутыми губами, черноголовой дѣвочкѣ, сидѣвшей у

ногъ старухи. Но дѣвочка и не замѣтила этой нѣмой ласки: глаза ея, какъ прикованные, слѣдовали за путниками и особенно за молодымъ человѣкомъ. Когда они удалились настолько, что голосъ ея уже не могъ быть ими услышанъ, дѣвочка, содрогнувшись всѣмъ тѣломъ, будто она встрѣтила духа пустыни, полушепотомъ спросила:

— Бабушка, кто это?

Старуха приподняла покрывало и приложила костлявую руку къ губамъ внучки.

— Это онъ,—боязливо прошептала она.

— Кесарь?

Многозначительный кивокъ былъ отвѣтомъ старухи. Дѣвочка со страстнымъ любопытствомъ прижалась къ ней, далеко вытянула впередъ смуглую головку, чтобы лучше видѣть, и тихо спросила:—«Молодой?»

— Дурочка!... Тотъ, что впереди, сѣдобородый.

— Этотъ?... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы молодой былъ кесаремъ.

Дѣйствительно, человѣкъ, шедшій молча впереди своихъ спутниковъ, былъ римскій императоръ Адріанъ. Появленіе его, казалось, оживило пустыню, ибо едва онъ приблизился къ тростнику, какъ съ пронзительнымъ крикомъ поднялись оттуда чибисы, а за песчанымъ холмомъ, на краю широкой улицы, покинутой Адріаномъ, показались два человѣка въ жреческихъ одеждахъ. Оба они принадлежали къ храму казійскаго Ваала, небольшому, обращенному къ морю и выстроенному изъ прочнаго камня, зданію, которое вчера посѣтилъ императоръ.

— Не ошибся ли онъ дорогой?—спросилъ одинъ изъ жрецовъ другаго на финикійскомъ языкѣ.

— Врядъ ли,—отвѣчалъ тотъ.—Масторъ разсказывалъ, что онъ даже въ темнотѣ находитъ путь, по которому разъ прошелъ.

— А онъ однако болѣе смотритъ на облака, нежели на землю.

— Но вѣдь онъ обѣщалъ намъ вчера....

— Опредѣленнаго онъ не сказалъ ничего,—перебилъ другой.

— Однако, я явственно слышалъ, какъ онъ крикнулъ при прощаніи: «Можетъ-быть я возвращусь и спрошу вашего оракула».

— Можетъ быть!...

— Мнѣ даже кажется, будто онъ сказалъ: «вѣроятно».

— Кто знаетъ, какое знаменіе явилось ему тамъ, наверху, и гонитъ его теперь. Онъ направляется къ прибрежному лагерю.

— Но въ нашей праздничной залѣ ждетъ приготовленная для него трапеза.

— Ну, онъ и внизу найдетъ, въ чемъ нуждается. Пойдемъ! Сегодня отвратительное утро,—я весь замерзъ.

— Погоди еще немного. Посмотри-ка!

— Что такое?

— У него нѣтъ даже шляпы на сѣдыхъ кудряхъ.

— Еще никто не видалъ его путешествующимъ съ покрытою головой.

— Да и сѣрый плащъ на немъ вовсе не имѣетъ царственнаго вида.

— Во время трапезы онъ всегда облекается въ пурпуръ.

— Знаешь ты, кого мнѣ напоминаетъ его походка и внѣшность?

— Ну?

— Нашего покойнаго верховнаго жреца Авиваала: онъ выступалъ такъ же величественно и задумчиво и носилъ такую же бороду, какъ кесарь.

— Да, именно... И такой же пытливый, задумчивый взглядъ.

— Онъ тоже часто смотрѣлъ вверхъ. Даже широкій лобъ тотъ же у обоихъ... Впрочемъ, носъ Авиваала былъ болѣе согнутъ, а волосы его были менѣе кудрявы.

— Уста нашего учителя всегда выражали серьезность и достоинство, между тѣмъ какъ губы Адріана, что бы онъ ни говорилъ и ни слушалъ, то и дѣло подергиваются, будто онъ желаетъ насмѣхаться.

— Посмотри, вотъ, онъ обратился къ своему любимцу... Антонію. Такъ, кажется, зовутъ этого миловиднаго юношу?

— Антиной, а не Антоній. Въ Виѳиніи, говорятъ, онъ отыскалъ его.

— Какой красавецъ!

— Безподобный красавецъ!... Какой ростъ, какое лицо!... Но я, впрочемъ, не желалъ бы, чтобъ онъ былъ моимъ сыномъ.

— Любимецъ кесаря?

— Именно потому. У него и теперь такой видъ, будто онъ всѣмъ уже насладился и ничему не можетъ болѣе радоваться.

У самаго берега моря, на небольшой площадкѣ, защищенной отъ восточнаго вѣтра ноздреватыми скалами, стояло нѣ-

сколько палатокъ. Между ними пылали костры, вокругъ которыхъ тѣснились римскіе солдаты и императорскіе слуги. Полунагіе мальчишки, дѣти живущихъ въ этой пустынѣ рыбаковъ и погонщиковъ верблюдовъ, суетились тамъ и здѣсь, поддерживая пламя сухимъ тростникомъ и увядшими вѣтвями вереска; но какъ высоко ни поднималось пламя, дымъ однако не уносился подъ небеса, а гонимый туда и сюда внезапными порывами вѣтра, какъ распуганное стадо барановъ, разстилался маленькими тучками надъ поверхностью почвы. Казалось, ему было страшно подняться въ сѣрый, непривѣтливый и влажный воздухъ.

Наиболѣе просторная изъ палатокъ, передъ которой взадъ и впередъ по-парно прохаживались четыре, приставленныхъ для караула, римскихъ солдата, была широко открыта со стороны моря. Рабы, выходившіе черезъ широкія двери ея наружу, должны были обѣими руками придерживать на своихъ стриженыхъ головахъ доски, на которыхъ стояли серебряныя и золотыя блюда, тарелки, ковши и кубки съ остатками ѣды, чтобы вѣтеръ не сдулъ ихъ на землю.

На низкомъ ложѣ, во внутренности палатки, лишенной всякихъ украшеній, у ея правой, колеблемой бурею, стѣны лежалъ императоръ. Безкровныя губы его были плотно стиснуты, руки скрещены на груди и глаза на половину закрыты. Но Адріанъ не спалъ, потому что иногда ротъ его открывался и начиналъ двигаться, будто испытывая вкусъ какого-нибудь яства. Порой онъ поднималъ длинныя, сплошь покрытыя маленькими морщинками и голубоватыми жилками вѣки, и устремлялъ взглядъ на небо или опускалъ его на средину палатки.

Тамъ, на окаймленной голубымъ сукномъ шкурѣ огромнаго медвѣдя, лежалъ любимецъ Адріана, Антиной. Красивое чело его покоилось на искусно сохраненной головѣ убитаго его повелителемъ звѣря, правая нога свободно качалась на воздухѣ, подпертая согнутою у колѣна лѣвой, а руки были заняты молосскою собакой кесаря, которая, положивъ свою умную голову на высокую, обнаженную грудь юноши, часто тянулась къ его губамъ, чтобы доказать ему свою привязанность. Но Антиной не допускалъ ее до этого и, смѣясь, сжималъ тогда руками морду животнаго или закутывалъ ему голову концомъ бѣлаго паллія, свалившагося у него съ плечъ.

Собакѣ, казалось, игра эта приходилась по вкусу; но когда Антиной вдругъ крѣпко затянулъ ткань вокругъ ея головы, она,

напрасно силившись освободиться изъ стѣсняющаго ея дыханіе покрова, громко завыла и этотъ жалобный звукъ заставилъ кесаря перемѣнить положеніе и бросить на того, кто лежалъ на медвѣдѣ, недовольный взглядъ. Только взглядъ,—ни одного слова порицанія. Вскорѣ однако измѣнилось и выраженіе глазъ Адріана: они съ такимъ любовнымъ вниманіемъ остановились на фигурѣ юноши, какъ будто она была высокимъ произведеніемъ искусства, на которое нельзя достаточно налюбоваться. И дѣйствительно, такимъ создали небожители тѣло этого смертнаго. Чудесно нѣжна и вмѣстѣ мощна была каждая мышца этой шеи, этой груди, этихъ рукъ и ногъ. Правильнѣе не могъ быть выточенъ ни одинъ человѣческій ликъ.

Антиной, замѣтивъ, что повелитель его обратилъ вниманіе на забаву съ собакой, выпустилъ изъ рукъ голову колосса и поднялъ на императора свои большіе, но мало-оживленные, глаза.

— Что ты тамъ дѣлаешь?—ласково спросилъ Адріанъ.

— Ничего,—прозвучалъ отвѣтъ.

— *Ничего* не дѣлать нельзя. Если кто-либо и думаетъ, что этого достигъ, такъ онъ по крайней мѣрѣ мыслитъ, что не занятъ, а мыслить—это уже многое.

— Я совсѣмъ не могу мыслить.

— Всякій можетъ, и если ты не думалъ сейчасъ, то ты игралъ.

— Да, съ твоею собакой.

Сказавъ это, Антиной спустилъ ноги на землю, отстранилъ отъ себя животное и подперъ обѣими руками свою кудрявую голову.

— Ты утомленъ?—спросилъ его императоръ.

— Да.

— Мы оба провели безъ сна одинаковую часть ночи и я, который такъ много старше тебя, еще чувствую себя бодрымъ.

— Не ты ли говорилъ только вчера, что старые солдаты болѣе всего пригодны для ночной службы?

— Конечно,—отвѣчалъ, кивнувъ головою, кесарь,—въ твои годы живется трижды скорѣе, чѣмъ въ мои, и потому нуженъ вдвое болѣе долгій сонъ. Ты въ правѣ быть усталымъ. Впрочемъ, черезъ три часа послѣ полуночи мы взобрались на гору, а какъ часто пиршество кончается позднѣе.

— Тамъ, наверху, было такъ холодно и пасмурно.

— Только послѣ солнечнаго восхода.

— Прежде ты этого не замѣчалъ, потому что былъ занятъ своими звѣздами.

— А ты однимъ собой, - это правда.

— Нѣтъ, я думалъ и о твоемъ здоровьѣ, когда передъ восходомъ Геліоса воздухъ сталъ холодѣть.

— Мнѣ нужно было дождаться его появленія.

— Развѣ ты и по тому, какъ встаетъ солнце, узнаешь грядущее?

Адріанъ удивленно взглянулъ на своего собесѣдника, покачалъ отрицательно головой, посмотрѣлъ на кровлю палатки и послѣ продолжительнаго молчанія отрывисто произнесъ:

— День—это только настоящее, изъ мрака же поднимается будущее. Въ земляной глыбѣ развивается зерно, изъ черной тучи льется дождь, изъ материнскаго лона выходятъ новыя поколѣнія. Сонъ освѣжаетъ утомленные члены. Къ чему ведетъ мрачная смерть? Кто можетъ это сказать?

Послѣ этихъ словъ императоръ долго сидѣлъ погруженный въ глубокое раздумье.

Юноша первый прервалъ молчаніе.

— Но если солнечный восходъ,—сказалъ онъ,—не можетъ открыть тебѣ будущаго, зачѣмъ же ты часто прерываешь по ночамъ свой покой и всходишь на горы, чтобы видѣть его?

— Зачѣмъ?... Зачѣмъ?—медленно произнесъ Адріанъ, задумчиво погладивъ свою сѣдѣющую бороду, и продолжалъ потомъ, какъ бы обращаясь къ самому себѣ:—Разумъ не находитъ на этотъ вопросъ отвѣта, уста напрасно ищутъ словъ... Да еслибъ я и зналъ, какъ выразиться,—развѣ кто-нибудь понялъ бы меня изъ этого сброда? Лучше всего пояснить это примѣрами. Всякій, кто причастенъ жизни — зритель на міровой аренѣ. Кто желаетъ быть великъ на подмосткахъ театра, тотъ взлѣзаетъ на котурнъ; а развѣ гора—не высшая подставка, которую человѣкъ можетъ найти для своей подошвы? Этотъ Казій—только холмъ, но я стоялъ на болѣе высокихъ вершинахъ и, какъ Юпитеръ на своемъ Олимпѣ, видалъ облака подъ собою.

— Тебѣ не нужно всходить на горы, чтобы чувствовать себя богомъ,—воскликнулъ Антиной,—божественнымъ называютъ тебя люди. Ты повелѣваешь—и міръ долженъ повиноваться. Конечно, имѣя гору подъ собою, чувствуешь себя ближе къ небу, чѣмъ въ долинѣ, но....

— Но что?

— Я не рѣшаюсь высказать, что мнѣ пришло на умъ.

— Да ну, говори же!

— Ты знаешь, была маленькая дѣвочка. Когда я бралъ ее къ себѣ на плечи, она поднимала ручки высоко, высоко и говорила: «я большая!» Ей думалось тогда, что она выше меня, а вѣдь это была только маленькая Пантэ.

— Да, въ ея собственномъ воображеніи она была велика; въ этомъ и лежитъ разгадка: для каждаго вещь только то, за что онъ ее считаетъ. Правда, меня называютъ божественнымъ, но я сто разъ на день чувствую всю ограниченность человѣческихъ силъ и человѣческой природы, за предѣлами которой я не могу ничего видѣть. На вершинѣ горы я этого не ощущаю. Тамъ мерещется мнѣ, что я дѣйствительно великъ, потому что ничто на землѣ—ни вблизи, ни вдали—не превышаетъ меня. И когда тамъ передъ моими взорами исчезаетъ ночь, когда блескъ юнаго солнца снова рождаетъ для меня вселенную, возвращая моему воображенію все, что только сейчасъ было объято мракомъ, дыханіе мое становится вольнѣе и глубже и легкія съ наслажденіемъ втягиваютъ болѣе чистый и легкій воздухъ поднебесья. Тамъ, наверху, среди ничѣмъ не нарушаемой тишины, ни одно воспоминаніе о томъ, что дѣлается здѣсь, внизу, не достигаетъ меня; я чувствую себя однимъ цѣлымъ съ великой, открывающейся предо мною, природой. Приливаютъ и отливаютъ морскія волны, нагибаются и выпрямляются вершины лѣсныхъ деревьевъ, туманы, испаренія и облака поднимаются вверхъ и разносятся во всѣ стороны бушующими вѣтрами—и я чувствую себя тамъ, наверху, до такой степени слившимся со всѣмъ твореніемъ, которое меня окружаетъ, что мнѣ иногда кажется, будто имъ движитъ *мое* дыханіе. Какъ журавлей и ласточекъ, такъ и меня тянетъ куда-то вдаль, и гдѣ же дозволено глазу болѣе, чѣмъ на вершинѣ горы, видѣть или, по крайней мѣрѣ, предугадывать недостижимую цѣль? Безграничная даль, которой ищетъ душа, здѣсь какъ будто принимаетъ постижимую чувствами форму и взоръ касается ея предѣловъ. Свободнѣе, шире, а не только выше, чувствуетъ себя тамъ все мое существо и исчезаетъ та тоска, которая неразлучна со мной, какъ только я возвращаюсь къ жизненной суетѣ и заботы о государствѣ требуютъ моихъ силъ.... Но этого ты не понимаешь, мальчикъ!... Это—все вещи, которыми я не дѣлился ни съ однимъ смертнымъ.

— Но мнѣ ты не колеблешься открыть ихъ? — воскликнулъ Антиной, который, совершенно поворотившись къ императору и широко открывъ глаза, не проронилъ ни одного изъ сказанныхъ имъ словъ.

— Тебѣ? — спросилъ Адріанъ и улыбка, похожая на насмѣшку, заиграла на его губахъ.—Отъ тебя у меня такъ же мало тайнъ, какъ отъ амура Праксителя въ моей рабочей въ Римѣ.

Изъ сердца юноши кровь хлынула къ щекамъ и окрасила ихъ яркимъ пурпуромъ.

Императоръ замѣтилъ это.

— Ты для меня болѣе чѣмъ произведеніе искусства,—ласково поправился онъ. — Мраморъ не можетъ краснѣть. Во времена великаго Аѳинянина красота правила жизнью, но ты доказываешь мнѣ, что богамъ угодно воплощать ее и въ нашемъ нынѣшнемъ мірѣ. Твой обликъ примиряетъ меня со всѣми противорѣчіями бытія. Я люблю тебя; но какъ же я могу требовать, чтобы ты понималъ меня? Твое чело не было создано для размышленій. Или ты развѣ понялъ что-нибудь изъ моихъ словъ?

Антиной подперъ верхнюю часть тѣла лѣвою рукой и, поднявъ кверху правую, рѣшительно крикнулъ:—Да!

— Что же?—спросилъ кесарь.

— Мнѣ знакома тоска.

— Тоска по чемъ?

— По многому.

— Назови хоть что-нибудь.

— Наслажденіе, за которымъ не слѣдовало бы разочарованія.... Я такого не знаю.

— Это ты раздѣляешь со всею римскою молодежью. Та впрочемъ, обыкновенно не думаетъ о послѣдствіяхъ... Дальше!

— Я не смѣю.

— Кто же мѣшаетъ тебѣ говорить со мною откровенно?

— Ты самъ мнѣ это запретилъ.

— Я?

— Да, ты... Ты не велѣлъ мнѣ упоминать тебѣ о моей родинѣ, о матери, о всѣхъ моихъ.

Лобъ кесаря нахмурился.

— Я—твой отецъ,—строго произнесъ онъ,—и мнѣ должна принадлежать вся твоя душа.

— Она твоя,—отвѣчалъ юноша, снова опустился на медвѣжій мѣхъ и плотно натянулъ на плечи паллій, потому что по-

рывъ холоднаго вѣтра ворвался въ отворившуюся дверь палатки, черезъ которую въ эту минуту входилъ къ своему повелителю Флегонъ, тайный секретарь императора. За нимъ слѣдовалъ рабъ съ нѣсколькими запечатанными свитками подъ мышкой.

— Угодно ли тебѣ, кесарь, пробѣжать вновь полученныя бумаги и письма?—спросилъ чиновникъ, прекрасно убранные волосы котораго были теперь растрепаны морскимъ вѣтромъ.

— Да... А потомъ мы занесемъ на память то, что мнѣ удалось наблюсти въ теченіе этой ночи. Таблицы съ тобой?

— Я велѣлъ разложить ихъ въ палаткѣ, приготовленной для работы.

— Буря все усиливается?

— Вѣтеръ, кажется, дуетъ одновременно и съ востока, и съ сѣвера. Море поднимается очень высоко и переѣздъ императрицы будетъ не веселъ.

— Когда она выѣхала?

— Около полуночи былъ поднятъ якорь. Судно, которое везетъ ее изъ Александріи, прекрасно, но сильно качается изъ стороны въ сторону.

Адріанъ при этихъ словахъ громко и рѣзко засмѣялся.

— Это ей перевернетъ сердце и желудокъ сверху внизъ!—воскликнулъ онъ.—Я бы желалъ при этомъ присутствовать. Впрочемъ, нѣтъ, клянусь всѣми богами, не желалъ бы. Сегодня она навѣрное забудетъ нарумяниться. И кто же устроитъ ея прическу, если женщинъ ея постигнетъ та же судьба? Сегодня мы еще пробудемъ здѣсь. Если я увижу ее немедленно послѣ ея пріѣзда въ Александрію, то, навѣрное, найду только желчь и уксусъ.

Сказавъ это, Адріанъ поднялся съ своего ложа, послалъ Антиною привѣтствіе рукой и вышелъ изъ палатки въ сопровожденіи своего секретаря.

При разговорѣ властителя міра съ своимъ любимцемъ присутствовалъ, скрываясь въ глубинѣ палатки, уроженецъ Азигіи, Масторъ. Онъ былъ не болѣе какъ рабъ и на него поэтому обращали такъ же мало вниманія, какъ на молосскую собаку, которая послѣдовала за Адріаномъ, или на подушки, служившія императору изголовьемъ.

Красиво, стройно сложенный мужчина крутилъ нѣкоторое время концы своихъ длинныхъ, рыжеватыхъ, усовъ, проводилъ рукой по круглому, хорошо выстриженному, затылку, стягивалъ

хитонъ на груди, блестѣвшей особенно яркою бѣлизной, и не сводилъ при этомъ глазъ съ Антиноя, который послѣ ухода кесаря отвернулся въ другую сторону и спряталъ лицо свое вмѣстѣ съ закрывавшими его руками въ густой мѣхъ на головѣ медвѣдя.

Мастору хотѣлось заговорить съ юношей, но онъ не рѣшался окликнуть его, не зная, какимъ образомъ тотъ отнесется къ его словамъ. Иногда Антиной какъ будто любилъ его слушать и разговаривалъ съ нимъ какъ съ другомъ, иногда же онъ отталкивалъ его такими жесткими словами, какъ какой-нибудь зазнавшійся выскочка самаго низшаго изъ своихъ слугъ. Наконецъ, рабъ собрался съ духомъ и назвалъ юношу по имени, предпочитая скорѣе выслушать нѣсколько грубыхъ словъ, чѣмъ погребсти въ себѣ самомъ уже сложившуюся въ слова горячо прочувствованную мысль, какъ бы ничтожна она ни была.

Антиной нѣсколько приподнялъ голову и отнялъ руки отъ лица.

— Что тебѣ?—печально спросилъ онъ.

— Я только хотѣлъ сказать тебѣ, —началъ язигъ,—что я знаю, кто была та маленькая дѣвочка, которую ты ставилъ себѣ на плечи. Это была, не правда ли, твоя сестрица, о которой ты мнѣ разсказывалъ недавно?

Тотъ, къ кому относились эти слова, кивнулъ головой, снова спряталъ ее себѣ въ ладони и плечи его стали такъ судорожно двигаться вверхъ и внизъ, что Мастору показалось, будто онъ плачетъ.

Нѣсколько минутъ длилось опять молчаніе.

— Ты знаешь,—снова заговорилъ рабъ, ближе подходя къ Антиною,—у меня дома сынокъ и дочка и я люблю слушать разсказы о маленькихъ дѣвочкахъ. Мы теперь одни, вдвоемъ, и если это тебѣ облегчаетъ сердце...

— Нѣтъ, оставь меня,—я тебѣ уже десять разъ разсказывалъ о своей матери и о маленькой Пантэ,—отвѣчалъ Антиной, силясь казаться спокойнымъ.

— Ну, такъ сдѣлай это сегодня въ одиннадцатый разъ,—просилъ рабъ.—Я вѣдь могу говорить о близкихъ мнѣ, сколько мнѣ хочется, и въ лагерѣ, и на кухнѣ. А ты?... Ну-ка, какъ звали собачку, которой маленькая Пантэ сдѣлала красную шапочку?

— Мы прозвали ее Каллистой,—вскричалъ Антиной, отирая рукою слезы.—Отецъ терпѣть ее не могъ, но мы всегда надѣя-

лись на защиту матери. Я былъ ея любимцемъ и мнѣ стоило только обнять ее, посмотрѣть ей съ умоляющимъ видомъ въ глаза, чтобъ она согласилась на все, о чемъ бы я ее ни попросилъ.

Радостный лучъ блеснулъ изъ утомленныхъ глазъ юноши: онъ вспомнилъ о цѣломъ рядѣ наслажденій, за которыми не послѣдовало разочарованія.

Глава вторая.

Одинъ изъ дворцовъ, построенныхъ въ Александріи царями династіи Птоломеевъ, былъ расположенъ на мысѣ Лохіи, который на подобіе пальца, указывающаго на сѣверъ, вдается въ голубое море, образуя восточную границу обширной гавани. Хотя въ этой гавани и никогда не было недостатка въ многочисленныхъ судахъ, но теперь она была особенно переполнена, а вымощенная полированными плитами улица, соединявшая омываемый моремъ дворцовый кварталъ города, Бруxіумъ, съ мысомъ, была до такой степени запружена любопытными гражданами, пѣшими и въ повозкахъ, что послѣдніе должны были останавливаться, не достигнувъ гавани, назначенной для императорскихъ судовъ.

И дѣйствительно, пристань представляла въ этотъ день много необычайнаго. Подъ защитой высокихъ насыпей стояли тамъ великолѣпныя триремы, галеры, барки и ластовыя суда, которыя привезли въ Александрію супругу Адріана и свиту царственной четы. Огромное судно съ высокою каютой на задней половинѣ палубы и головой волчицы на длинномъ, смѣло поднятомъ, носу возбуждало наибольшее любопытство. Оно все было сдѣлано изъ кедроваго дерева и носило названіе «Сабина». Молодой горожанинъ указалъ пальцемъ на это имя, вырѣзанное золотыми буквами на звѣздѣ по срединѣ корабля, и толкнулъ локтемъ своего товарища.

— У Сабины голова волчицы,—сказалъ онъ смѣясь.

— Павлиная была бы болѣе у мѣста,—отвѣчалъ другой.— Ты видѣлъ ее вчера, когда она въѣзжала къ Кесареумъ?

— Къ несчастію, да,—воскликнулъ первый, но тотчасъ же замолчалъ, замѣтивъ прямо за собой римскаго ликтора, который несъ на лѣвомъ плечѣ красиво связанный пучокъ вязовыхъ прутьевъ и съ тростью въ правой рукѣ, стараясь при помощи

товарищей раздвинуть толпу и очистить мѣсто для слѣдовавшей за ними шагомъ колесницы своего начальника, императорскаго префекта, Тиціана.

— Удивительный народъ!—проговорилъ префектъ, слышавшій дерзкія слова гражданъ, обращаясь къ стоявшему рядомъ съ нимъ чиновнику и быстро перекидывая конецъ своей тоги, которая сложилась въ новыя складки. — Сердиться на него я не въ состояніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ охотнѣе проѣхался бы отсюда до Канона на остріи ножа, чѣмъ на языкѣ какого-нибудь александрійца.

— Слышалъ ты, какъ какой-то толстякъ прежде отзывался о Верѣ?

— Да, ликторъ хотѣлъ схватить его, но строгостью съ ними ничего не сдѣлаешь. Еслибъ имъ пришлось платить хотя бы одну сестерцію за каждое язвительное слово, то повѣрь мнѣ, Понтій, городъ скоро бы обѣднѣлъ, а казна сдѣлалась бы богаче сокровищницы стараго Гигеса изъ Сардъ.

— Такъ пусть себѣ богатѣютъ! — отозвался собесѣдникъ префекта, главный архитекторъ города, мужчина лѣтъ тридцати, съ умными глазами, энергично глядѣвшими изъ-подъ высокихъ бровей.—Они умѣютъ работать, а потъ сблонъ,—продолжалъ онъ, крѣпко сжимая свитокъ, который держалъ въ рукѣ. — Въ трудѣ они помогаютъ другъ другу, а въ покоѣ кусаются, какъ бѣшеные кони у одной привязи. Волкъ — красивый звѣрь, а только выбей ему зубы и онъ станетъ отвратительною собакой.

— Будто моими устами сказано!—воскликнулъ префектъ.— Но вотъ мы, наконецъ, и пріѣхали. Вѣчные боги! не думалъ я, чтобы дѣла были такъ плохи. Издалека дворецъ все-таки казался еще довольно величественнымъ.

Тиціанъ и архитекторъ сошли съ колесницы. Первый приказалъ ликтору позвать дворцоваго управителя и принялся вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ осматривать прежде всего ворота, ведущіе во дворецъ. Съ своими двойными колоннами, подпиравшими высокій фронтонъ, они имѣли довольно красивый видъ, но тѣмъ не менѣе отнюдь не представляли утѣшительнаго зрѣлища, такъ какъ штукатурка во многихъ мѣстахъ отвалилась отъ стѣнъ, капители на мраморныхъ колоннахъ были поломаны, а двери, окованныя металломъ, криво висѣли на петляхъ.

Понтій зоркимъ взглядомъ вымѣрилъ каждую часть воротъ и затѣмъ прошелъ вмѣстѣ съ префектомъ на первый дворъ

дворца, гдѣ во времена Птоломеевъ помѣщались палатки посланниковъ, царскихъ секретарей и дежурныхъ чиновниковъ.

Здѣсь вошедшимъ представилось неожиданное препятствіе. Изъ домика привратника были протянуты веревки поперекъ вымощеннаго пространства, на которомъ кое-гдѣ зеленѣла трава и цвѣлъ высокій репейникъ. На веревкахъ висѣло сырое бѣлье всякой величины и формы.

— Превосходное помѣщеніе для императора! — со вздохомъ замѣтилъ Тиціанъ, пожимая плечами, и остановилъ ликтора, уже поднявшаго фасціи, чтобы сбросить веревки.

— Не такъ плохо, какъ кажется, — сказалъ рѣшительно зодчій.—Привратникъ! Эй, привратникъ!... Гдѣ же торчитъ этотъ бездѣльникъ?

Ликторъ поспѣшилъ во внутренность дворца, Понтій же направился къ дому привратника и остановился, пробравшись въ согнутомъ положеніи среди мокраго бѣлья. Нетерпѣніе и досада отражались на его чертахъ съ той самой минуты, какъ онъ вошелъ въ ворота дворца. Но вдругъ мужественное лицо его озарилось улыбкой.

— Тиціанъ, потрудись подойти поближе! — позвалъ онъ въ полголоса префекта.

Пожилому сановнику, высокая фигура котораго на цѣлую голову превосходила ростъ архитектора, не легко было съ согнутою спиной прокладывать себѣ путь подъ веревками. Онъ однако добродушно подчинился этому неудобству.

— Я начинаю уважать дѣтскія рубашонки! — крикнулъ онъ Понтію, тщательно избѣгая зацѣпить за бѣлье. — Подъ ними все-таки можно пролѣзть, не сломавъ себѣ спиннаго хребта. Ого, да это очаровательно!

Это послѣднее восклицаніе относилось къ зрѣлищу, дѣйствительно довольно своеобразному, которымъ зодчій приглашалъ полюбоваться префекта.

Фасадъ привратницкой былъ совершенно закрытъ плющомъ, который, проникая также въ окно и дверь жилища, окружалъ ихъ роскошными гирляндами. Среди этой яркой зелени висѣло множество клѣтокъ со скворцами, дроздами и другими пѣвчими птичками. Широкая дверь домика была отворена настежъ и открывала видъ на довольно просторную, ярко раскрашенную комнату. Въ глубинѣ ея виднѣлась глиняная модель Аполлона

художественной работы. Вокругъ статуи были развѣшены по стѣнѣ цитры и лиры различной величины и формы.

Посреди комнаты, прямо противъ отворенной двери, стоялъ столъ, на которомъ помѣщались: высокій насѣстъ съ нѣсколькими гнѣздами, полными щеглятъ и зеленою травкой, натыканной между жердочками, кружка для вина и кубокъ слоновой кости съ тонкою фигурною рѣзьбой. Подлѣ нихъ на каменной плитѣ стола покоилась рука старушки, спокойно заснувшей въ своемъ креслѣ. Несмотря на маленькіе сѣдые усики на верхней ея губѣ и густую краску, разлитую по лбу и щекамъ, она имѣла ласковый и добрый видъ. Къ тому же ей, вѣроятно, снилось что-либо очень пріятное, такъ какъ положеніе ея рта и глазъ, изъ которыхъ одинъ былъ полуоткрытъ, а другой плотно зажмуренъ, придавали ея лицу игривое и веселое выраженіе.

На колѣняхъ у нея спалъ сѣрый котъ, а рядомъ съ нимъ, какъ будто раздоръ былъ совершенно чуждъ этому жилищу, не только не поражавшему запахомъ нищеты, но наполненному какимъ-то особеннымъ благоуханіемъ,—дремала маленькая мохнатая собачонка, снѣжная бѣлизна которой обличала заботливость хозяйки. Двѣ такія же собачонки лежали растянувшись на половикѣ у ногъ старухи и крѣпко спали, подобно ей.

Архитекторъ пальцемъ указалъ подошедшему префекту на эту идиллическую сцену.

— Еслибы съ нами былъ живописецъ,—прошепталъ онъ,—какая прелестная вышла бы картинка!

— Очаровательная!—согласился Тиціанъ.—Только этотъ пурпуръ на лицѣ кажется мнѣ нѣсколько подозрительнымъ, если принять въ соображеніе величину стоящей подлѣ нея кружки.

— Но видалъ ли ты что-нибудь болѣе мирное, ласковое и спокойное?

— Такъ, вѣроятно, спала Бавкида, когда Филемонъ позволялъ себѣ маленькія отлучки изъ дому. Или, можетъ-быть, этотъ нѣжный супругъ былъ вѣчнымъ домосѣдомъ?

— Думаю, что да. Но вотъ, кажется, миръ и нарушенъ.

Близость двухъ друзей разбудила одну изъ собачонокъ. Она тявкнула и тотчасъ же вскочили обѣ ея товарки и вмѣстѣ съ нею залились дружнымъ лаемъ. Сама любимица старухи соскочила съ ея колѣней. Но на хозяйку и кота шумъ этотъ не произвелъ однако ни малѣйшаго впечатлѣнія и оба продолжали спать невозмутимымъ сномъ.

— Вотъ такъ сторожъ!—засмѣялся архитекторъ.

— А эту фалангу собачонокъ, охраняющихъ кесарскій дворецъ, можно уложить на мѣстѣ однимъ ударомъ,—прибавилъ префектъ.—Но тише!... Достойная матрона просыпается.

Собачій лай дѣйствительно, наконецъ, потревожилъ старуху. Она нѣсколько выпрямилась, протянула руки кверху, но, пробормотавъ что-то нараспѣвъ, снова опустилась на кресло.

— Неподражаемо! — воскликнулъ префектъ.—Ты слышалъ, Понтій? «Ей, веселѣй!»—крикнула она сквозь сонъ... Интересно бы знать, какимъ представляется это созданіе, когда не спитъ.

— А мнѣ было бы жаль заставить старуху покинуть свое гнѣздо,—сказалъ архитекторъ, развертывая планъ дворцовыхъ построекъ.

— Ты и не прикоснешься къ этому домику!—горячо замѣтилъ префектъ.—Я знаю Адріана. Онъ любитъ оригинальныхъ людей и оригинальныя вещи и я ручаюсь, что онъ по-своему подружится съ старухой... А, вотъ, наконецъ, и управитель этого дворца!

Префектъ не ошибся. Вблизи раздались шаги ожидаемаго. Уже изъ нѣкотораго отдаленія слышалось пыхтѣніе торопящагося человѣка, который, приближаясь, сорвалъ перетянутыя черезъ дворъ веревки вмѣстѣ съ висѣвшимъ на нихъ бѣльемъ, прежде чѣмъ Тиціанъ успѣлъ воспрепятствовать этому.

Когда такимъ образомъ рухнулъ занавѣсъ, отдѣлявшій пришедшаго отъ представителя императора и его спутника, онъ поклонился первому такъ низко, какъ только позволила ему непомѣрная тучность тѣла; но быстрая ходьба, подвигъ, совершенный имъ надъ веревками, и удивленіе при видѣ во ввѣренномъ его попеченію зданіи перваго сановника Египта—до такой степени отняли у него и безъ того не щедрое дыханіе, что онъ оказался не въ состояніи даже выговорить обычнаго привѣтствія.

Тиціанъ впрочемъ и не оставилъ ему на это времени. Выразивъ свое сожалѣніе о плачевной участи лежащаго на землѣ бѣлья и сообщивъ чиновнику имя и славную извѣстность своего друга Понтія, онъ увѣдомилъ его въ короткихъ словахъ, что императоръ желаетъ поселиться на нѣкоторое время въ охраняемомъ имъ дворцѣ, что онъ, Тиціанъ, знаетъ о его неисправномъ положеніи и пріѣхалъ, чтобы съ архитекторомъ и съ нимъ посовѣтоваться о томъ, что можетъ быть сдѣлано въ теченіе нѣсколькихъ дней для приведенія заброшеннаго зданія въ возможный для принятія Адріана видъ и для исправленія, по крайней мѣрѣ, бросающихся

въ глаза недостатковъ. Онъ же, управитель, потрудится поэтому провести ихъ теперь по заламъ дворца.

— Сейчасъ, сію минуту!—отвѣчалъ грекъ, разжирѣвшій въ теченіе долгихъ лѣтъ спокойной жизни.—Я бѣгу принести ключи.

Съ новымъ пыхтѣніемъ управитель удалился, взбивая по дорогѣ быстрыми движеніями своихъ короткихъ и толстыхъ пальцевъ правую сторону еще густыхъ волосъ.

Понтій посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

— Позови его назадъ, Тиціанъ!—сказалъ онъ.—Его видно потревожили во время завивки кудрей. Только одна сторона была готова, когда онъ былъ отозванъ ликторомъ. Ручаюсь головой, онъ заставитъ завить себѣ другую прежде, нежели воротится. Я знаю моихъ грековъ.

— Оставь его,—отвѣчалъ Тиціанъ.—Если ты правильно судишь о немъ, онъ только тогда станетъ отвѣчать на наши вопросы безъ задней мысли, когда будетъ завита и другая половина его головы. Мнѣ также хорошо знакомъ характеръ эллиновъ.

— Лучше, чѣмъ мнѣ,—съ убѣжденіемъ въ голосѣ отозвался архитекторъ.—Государственные мужи дѣйствительно работаютъ надъ людьми, какъ мы надъ безжизненными массами. А замѣтилъ ли ты, какъ поблѣднѣлъ этотъ толстякъ, когда ты заговорилъ о тѣхъ немногихъ дняхъ, которые остаются до прибытія кесаря? Хорошо, должно-быть, выглядитъ тамъ, внутри... Каждый часъ дорогъ и мы уже слишкомъ долго промедлили здѣсь.

Префектъ наклоненіемъ головы согласился съ архитекторомъ и послѣдовалъ за нимъ во внутренность зданія.

Какъ величественно, какъ художественно было расположеніе этого огромнаго строенія, по которому повелъ римлянъ, украшенный теперь со всѣхъ сторонъ великолѣпными кудрями, архитекторъ Керавнъ!

Дворецъ былъ расположенъ на искуственномъ холмѣ, на самой рединѣ Лохіадскаго мыса. Изъ оконъ и съ высокихъ балконовъ можно было окинуть взоромъ улицы и площади, дома, дворцы и общественныя зданія всемірнаго города и его кишащую кораблями гавань. Роскошный, разнообразный и пестрый видъ представлялся съ полуострова на западъ и югъ, а передъ смотрящимъ съ дворцоваго балкона на востокъ и сѣверъ открывалось никогда не утомляющее зрѣлище безконечнаго моря, ограниченнаго лишь однимъ небеснымъ сводомъ.

Когда Адріанъ съ Казійской горы отправилъ съ гонцомъ приказаніе своему префекту Тиціану приготовить для пріема его именно это зданіе, онъ хорошо зналъ, какія выгоды можетъ извлечь изъ его прекраснаго положенія. Привести же въ надлежащій видъ запущенную внутренность дворца, заброшеннаго уже со временъ паденія Клеопатры,—это было дѣло его чиновниковъ.

Восемь, можетъ-быть девять дней давалъ онъ имъ, немного болѣе недѣли, срока. И въ какомъ же положеніи нашли это полуразвалившееся, разграбленное жилище, нѣкогда блиставшее такою роскошью, Тиціанъ и Понтій, у котораго на лбу выступилъ крупный потъ,—такъ много пришлось ему осматривать, изслѣдовать, чертить и мѣрить!

Колонны и лѣстницы во внутреннихъ покояхъ сохранились довольно хорошо, но въ открытые потолки огромныхъ залъ для пиршества и собраній уже давно проникалъ дождь; великолѣпные мозаическіе полы во многихъ мѣстахъ покоробились и потрескались, а кое-гдѣ среди залы, галлереи или окруженнаго колоннадой двора виднѣлись даже зеленыя лужайки. Уже Октавіанъ-Августъ, Тиверій, Веспасіанъ, Титъ и цѣлый рядъ префектовъ заставляли тщательно выламывать прекраснѣйшія мозаическія картины и перевозить въ Римъ или въ провинцію, чтобы тамъ отдѣлывать ими свои городскіе или загородные дома.

Та же участь постигла и лучшія статуи, которыми за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ украсили этотъ дворецъ покровители искусствъ, Лагиды, имѣвшіе въ Брухіумѣ на ряду съ нимъ и другіе, еще болѣе величественные.

Посреди обширной мраморной залы стоялъ, соединявшійся съ превосходнымъ городскимъ водопроводомъ, чудесно отдѣланный фонтанъ. Сквозной вѣтеръ свободно проникалъ сюда чрезъ многочисленныя отверстія и въ ненастные дни расплескивалъ воду по всему полу, лишенному своихъ мозаическихъ украшеній, которыя теперь, куда бы ни ступила нога, замѣнялись ослизлымъ и влажнымъ слоемъ темно-зеленой растительной ткани.

— Добрались до конца!—скорѣе просопѣлъ, нежели проговорилъ дворцовый управитель Керавнъ, прислоняясь къ одной изъ колоннъ этой залы и вытирая лобъ.

Слова эти такъ звучали, какъ будто онъ думалъ о собственномъ концѣ, а не о концѣ дворца, и съ насмѣшкою надъ нимъ отзывался голосъ архитектора, который немедленно отвѣчалъ со свойственною ему рѣшительностью:

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ мы можемъ отсюда тотчасъ же приступить ко вторичному осмотру...

Керавнъ не возражалъ, но при мысли о множествѣ ступенекъ, на которыя снова придется взбираться, лицо его приняло выраженіе приговореннаго къ смерти.

— Необходимо ли, чтобъ и я присутствовалъ при твоей дальнѣйшей работѣ, которая, вѣроятно, будетъ заключаться въ обзорѣ деталей?—спросилъ Тиціанъ у архитектора.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ послѣдній,—конечно, съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты потрудился сейчасъ же вникнуть въ мой планъ, одобрить въ общемъ мои предположенія и уполномочить меня свободно распоряжаться людьми и средствами въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

— Согласенъ!—воскликнулъ префектъ.—Я знаю, что Понтій не употребитъ ни одного человѣка и ни одной сестерціи болѣе, чѣмъ потребуетъ поставленная ему цѣль.

Архитекторъ молча поклонился.

— Во-первыхъ,—продолжалъ Тиціанъ,—считаешь ли ты возможнымъ выполнить свою задачу въ теченіе восьми дней и девяти ночей?

— Въ случаѣ крайности, можетъ быть; но еслибы въ моемъ распоряженіи было еще четыре дня, то непремѣнно.

— Это значитъ, что слѣдовало бы отдалить прибытіе Адріана на четырежды двадцать четыре часа?...

— Вышли ему на встрѣчу въ Пелузій людей, способныхъ заинтересовать его,—напримѣръ, астронома Птоломея и софиста Фаворина, которые ожидаютъ его здѣсь. Они съумѣютъ удержать тамъ кесаря.

— Мысль не дурна! Посмотримъ... Но кто же можетъ предугадывать настроеніе духа императрицы? Во всякомъ случаѣ считай, что передъ тобой только восемь дней.

— Хорошо.

— Гдѣ же думаешь ты помѣстить Адріана?

— Пригодны, собственно говоря, только незначительныя части этого стараго зданія.

— Въ этомъ я, къ несчастію, убѣдился самъ,—произнесъ префектъ съ удареніемъ и продолжалъ, обращаясь къ управителю, но не строго выговаривая, а тономъ сожалѣнія:—Мнѣ кажется, Керавнъ, твоя обязанность была уже ранѣе увѣдомить меня объ упадкѣ этого дворца.

— Я уже жаловался,—проговорилъ тотъ,—но мнѣ отвѣчали на мое донесеніе, что въ казнѣ не имѣется свободныхъ денегъ.

— Мнѣ ничего неизвѣстно объ этомъ! — воскликнулъ Тиціанъ.—Когда отправилъ ты свое донесніе въ префектуру?

— Это было при твоемъ предшественникѣ, Гатеріи Непотѣ.

— Такъ!—протяжно произнесъ префектъ.—Тогда бы я на твоемъ мѣстѣ повторялъ свое донесеніе ежегодно и уже во всякомъ случаѣ при вступленіи въ должность новаго префекта... Но теперь не время говорить о старыхъ упущеніяхъ. Во время пребыванія здѣсь кесаря я, можетъ-быть, пришлю тебѣ на подмогу одного изъ моихъ чиновниковъ.

Тиціанъ безцеремонно повернулся затѣмъ спиной къ управителю.

— Ну, мой Понтій,—обратился онъ къ архитектору,—какую часть дворца избираешь ты для передѣлки?

— Внутреннія залы и комнаты сохранились еще лучше другихъ.

— Но о нихъ-то мы должны всего менѣе думать! — воскликнулъ Тиціанъ.—Кесарь всѣмъ довольствуется въ лагерѣ, но комнаты ему надо устроить тамъ, гдѣ есть свѣжій воздухъ и обширный кругозоръ.

— Въ такомъ случаѣ изберемъ западную амфиладу. Подержи-ка планъ, мой благородный другъ!—обратился архитекторъ къ Керавну.

Управитель повиновался, архитекторъ же пальцемъ провелъ по воздуху надъ лѣвою стороной чертежа.

— Вотъ западный фасадъ дворца,—сказалъ онъ,—съ котораго открывается видъ на гавань. Съ юга входишь сперва въ высокій перистиль, который можетъ быть обращенъ въ пріемную. Его окружаютъ комнаты для рабовъ и тѣлохранителей. Слѣдующіе меньшіе покои подлѣ главной галлереи мы предназначили для чиновниковъ и секретарей, а въ этой огромной гипетральной залѣ,—въ той, гдѣ музы,—Адріанъ будетъ давать аудіенціи и тамъ же могутъ собираться гости, которыхъ онъ допускаетъ къ своему столу въ широкомъ перистилѣ. Небольшія, хорошо сохранившіяся комнаты по сторонамъ длиннаго прохода, ведущаго въ жилище управителя, будутъ заняты пажами, секретарями и другими приближенными къ кесарю слугами, а вотъ этотъ длинный покой, выложенный порфиромъ и зеленымъ мраморомъ съ

бронзовыми украшеніями, я полагаю, понравится Адріану какъ рабочая и опочивальня.

— Превосходно!—воскликнулъ Тиціанъ.—Мнѣ бы хотѣлось показать твой планъ императрицѣ.

— Тогда мнѣ вмѣсто восьми дней понадобится столько же недѣль,—спокойно отвѣчалъ Понтій.

— Ты правъ!—со смѣхомъ согласился префектъ.—Но скажи-ка мнѣ, Керавнъ, почему именно въ лучшихъ комнатахъ недостаетъ дверей?

— Онѣ были изъ драгоцѣннаго дерева и ихъ пожелали имѣть въ Римѣ.

— Дѣйствительно, мнѣ тамъ попадались нѣкоторыя изъ нихъ,—пробормоталъ Тиціанъ.

— Твоимъ столярамъ работы будетъ по горло, Понтій.

— Скорѣе торговцы коврами должны радоваться. Гдѣ придется, мы завѣсимъ двери тяжелыми портьерами.

— А что же выйдетъ изъ этого сыраго жилища лягушекъ, которое, если не ошибаюсь, должно по твоему плану примыкать къ столовой?

— Садъ, наполненный лиственными растеніями.

— Это не дурно. Но эти поломанныя статуи?

— Худшія, понятно, будутъ вынесены вонъ.

— Но стоитъ ли Аполлонъ съ девятью музами въ помѣщеніи, предназначенномъ тобой для аудіенцій?

— Да.

— Эти статуи, кажется, сохранились довольно порядочно?

— Такъ себѣ.

— Ураніи совсѣмъ не существуетъ,—замѣтилъ управитель, продолжая держать передъ собою планъ.

— Куда же она дѣвалась?—спросилъ Тиціанъ нѣсколько разсерженнымъ голосомъ.

— Твоему предшественнику, префекту Гатерію Непоту, она особенно понравилась и онъ увезъ ее съ собою въ Римъ,—отвѣчалъ тотъ.

— И надо же было ему увезти именно Уранію!—съ досадой воскликнулъ префектъ.—Она-то ужь никакъ не можетъ отсутствовать въ пріемной императора-астронома. Что тутъ теперь дѣлать?

— Будетъ затруднительно подобрать готовую Уранію одной величины съ другими музами, да намъ нѣтъ и времени для поисковъ,—придется изготовить новую.

— Въ восемь-то дней?

— И столько же ночей.

— Но, помилуй, вѣдь прежде чѣмъ мраморъ....

— Кто же думаетъ о немъ!... Папіасъ сдѣлаетъ намъ музу изъ соломы, полотна и гипса,—я знаю это колдовство,—а чтобы другія не отличались черезчуръ отъ своей новорожденной сестрицы, ихъ также покроютъ бѣлою краской.

— Отлично! Но зачѣмъ же ты избираешь для этого какого-то Папіаса, когда вѣдь можно обратиться къ Гармодію?

— Гармодій серьезно относится къ искусству, и прежде чѣмъ онъ покончитъ свои наброски, императоръ уже будетъ здѣсь. Папіасъ же съ своими тридцатью помощниками сдѣлаетъ все, что ему ни закажешь, лишь бы только платились хорошія деньги. Впрочемъ, его послѣднія работы, въ особенности эта прелестная Гигея, изваянная имъ для еврея Досиѳея, и бюстъ Плутарха, помѣщенный въ Кесареумѣ, поставили меня въ тупикъ,—такъ много въ нихъ красоты и силы. Но кто же можетъ отличить, что принадлежитъ ему и что его ученикамъ? Однимъ словомъ, онъ знаетъ, какъ работать, и если обѣщать ему достаточное вознагражденіе, онъ способенъ въ пять дней вырѣзать изъ мрамора цѣлое морское сраженіе.

— Ну, такъ поручи дѣло Папіасу. Но еще одно: что ты думаешь сдѣлать съ этими несчастными, изуродованными полами?

— Гипсъ и краска должны ихъ вылѣчить,—отвѣтилъ Понтій.—Гдѣ это не удастся, мы, по восточному обычаю, положимъ ковры. Милостивая Ночь, какъ скоро начинаетъ темнѣть! Дай-ка мнѣ планъ, Керавнъ, а самъ позаботься о факелахъ и лампахъ, потому что какъ нынѣшній, такъ и слѣдующій дни будутъ заключать двадцать четыре хорошо вымѣренныхъ часа. У тебя, Тиціанъ, я попрошу съ дюжину надежныхъ рабовъ; они мнѣ понадобятся для посылокъ. Ну, что же ты стоишь, любезный? Давай свѣта, говорю я тебѣ! Полжизни могъ ты безъ зазрѣнія совѣсти предаваться покою и столько же лѣтъ невозмутимаго блаженства ожидаютъ тебя послѣ отъѣзда императора...

Управитель при этихъ словахъ молча направился къ выходу, но архитекторъ не пожертвовалъ окончаніемъ своей тирады.

— Если ты до тѣхъ поръ не задохнешься въ собственномъ жиру! — крикнулъ онъ ему въ слѣдъ.—Желательно бы знать, нильская ли тина или кровь течетъ въ жилахъ этого чудовища?

— Это для меня безразлично,—возразилъ префектъ,—только бы твое одушевленіе не измѣнило тебѣ до окончанія работъ. Не утомляйся слишкомъ въ началѣ и не требуй отъ своихъ силъ невозможнаго,—Римъ и вселенная еще ожидаютъ отъ тебя великаго... Итакъ, значитъ, я могу совершенно спокойно написать кесарю, что все на Лохіи будетъ готово къ его пріѣзду, а тебѣ на прощаніи воскликнуть: отчаяваться безумно, если только есть Понтій и Понтій не отказывается помочь!

Глава третья.

Ликторамъ, ожидавшимъ подлѣ колесницы его возвращенія, префектъ приказалъ немедленно вернуться къ нему въ домъ и выслать оттуда архитектору Понтію нѣсколькихъ наиболѣе надежныхъ рабовъ его, хорошо знакомыхъ съ мѣстностью и жителями Александріи, а вмѣстѣ съ тѣмъ привезти для него же въ старый дворецъ на Лохіи покойное ложе съ покрывалами и подушками и обѣдъ съ хорошимъ виномъ. Покончивъ съ этими распоряженіями, Тиціанъ вступилъ на колесницу и, минуя Брухіумъ, отправился вдоль по морскому берегу къ великолѣпному зданію Кесареума.

Онъ подвигался къ своей цѣли медленно, такъ какъ все гуще и гуще становилась толпа любопытныхъ гражданъ, со всѣхъ сторонъ окружавшихъ громадное строеніе.

Уже издалека префектъ увидалъ яркій свѣтъ, разливавшійся отъ воротъ дворца. Два огненные столба поднимались къ небу съ огромныхъ сковородъ съ зажженною на нихъ смолою. Два стройныхъ обелиска украшали высокія, обращенныя къ морю, ворота Кесареума и на нихъ еще только зажигались лампы, утвержденныя какъ на самыхъ остріяхъ, такъ и на каждой изъ сторонъ пирамидальныхъ колоннъ.

«И это все въ честь Сабины!—подумалъ префектъ.—Надо сказать правду, все удается, за что ни примется Понтій, и надзоръ—дѣло совершенно лишнее тамъ, гдѣ онъ распоряжается».

Успокоенный этимъ соображеніемъ, Тиціанъ миновалъ ворота храма, воздвигнутаго Октавіаномъ Юлію кесарю, и, проѣхавъ далѣе, велѣлъ возницѣ остановить коней у разукрашеннаго въ египетскомъ вкусѣ входа, который велъ въ Кесареумъ со стороны Брухіума и Птоломеевскихъ садовъ. Зданіе этого дворца, построеннаго жителями Александріи для Тиверія, было еще зна-

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними [illegible]томъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

щей окружали огонь съ молотами и щипцами въ неподвижныхъ рукахъ. Другая печь состояла изъ громаднаго серебрянаго гнѣзда, въ которомъ также пылали древесные уголья; надъ нимъ съ распростертыми крыльями парила, похожая на орла, вылитая изъ бронзы, птица—фениксъ. Множество лампъ освѣщало, кромѣ того, это, богато-снабженное изящными креслами, ложами и столами, вазами и статуями, пространство, которое было, безспорно, слишкомъ велико по числу собранныхъ въ немъ людей.

Для такихъ пріемовъ предназначено было префектомъ и Понтіемъ другое, болѣе уютное, помѣщеніе, но императрица почему-то предпочла ему эту огромную залу. Чувство неловкости, даже смущенія, вовсе не свойственное знатному, пожилому сановнику, охватило префекта, когда ему пришлось отыскивать глазами, разбросанныя по громадному пространству, группы людей и слышать тихій, сдержанный говоръ, невнятный шепотъ и глухой, чуть слышный, смѣхъ вмѣсто плавно и свободно льющейся изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи. Ему представилось на минуту, что онъ вступилъ въ самое жилище вѣчно шепчущей клеветы, а между тѣмъ ему была хорошо извѣстна причина, почему никто не осмѣливался говорить здѣсь свободно и повышая голосъ. Всякое громкое слово болѣзненно отзывалось на слуховомъ органѣ императрицы; чистые звуки свѣжаго голоса казались ей чѣмъ-то отвратительнымъ, хотя никто не обладалъ такимъ громкимъ и далеко слышнымъ груднымъ голосомъ, какъ собственный ея супругъ, не привыкшій сдерживать его дома для своей жены.

Сабина сидѣла на возвышенномъ сѣдалищѣ, болѣе походившемъ на ложе, нежели на стулъ; ноги ея, свѣсившіяся внизъ, покоились на мягкой, мохнатой шкурѣ дикаго зубра и обложены были по колѣна мягкими шелковыми подушками. Голова ея была круто поднята кверху и казалось непонятнымъ, какъ могла тонкая шея Сабины удерживать ее въ такомъ положеніи со всею тяжестью жемчужныхъ и алмазныхъ нитей, вплетенныхъ въ высокіе ряды цилиндрическихъ локоновъ ея красновато-русыхъ волосъ. Худое лицо императрицы казалось крошечнымъ отъ обилія естественныхъ и искуственныхъ украшеній, нагроможденныхъ такимъ образомъ надъ лбомъ ея и теменемъ. Красивымъ лицо это не могло быть даже и смолоду; оно было однакожъ правильно и тонко очерчено и, несмотря на морщинки, проглядывавшія изъ-за густаго слоя румянъ и бѣлилъ, Тиціанъ

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними автоматомъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

щей окружали огонь съ молотами и щипцами въ неподвижныхъ рукахъ. Другая печь состояла изъ громаднаго серебрянаго гнѣзда, въ которомъ также пылали древесные угольи; надъ нимъ съ распростертыми крыльями парила, похожая на орла, вылитая изъ бронзы, птица—фениксъ. Множество лампъ освѣщало, кромѣ того, это, богато-снабженное изящными креслами, ложами и столами, вазами и статуями, пространство, которое было, безспорно, слишкомъ велико по числу собранныхъ въ немъ людей.

Для такихъ пріемовъ предназначено было префектомъ и Понтіемъ другое, болѣе уютное, помѣщеніе, но императрица почему-то предпочла ему эту огромную залу. Чувство неловкости, даже смущенія, вовсе не свойственное знатному, пожилому сановнику, охватило префекта, когда ему пришлось отыскивать глазами, разбросанныя по громадному пространству, группы людей и слышать тихій, сдержанный говоръ, невнятный шепотъ и глухой, чуть слышный, смѣхъ вмѣсто плавно и свободно льющейся изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи. Ему представилось на минуту, что онъ вступилъ въ самое жилище вѣчно шепчущей клеветы, а между тѣмъ ему была хорошо извѣстна причина, почему никто не осмѣливался говорить здѣсь свободно и повышая голосъ. Всякое громкое слово болѣзненно отзывалось на слуховомъ органѣ императрицы; чистые звуки свѣжаго голоса казались ей чѣмъ-то отвратительнымъ, хотя никто не обладалъ такимъ громкимъ и далеко слышнымъ груднымъ голосомъ, какъ собственный ея супругъ, не привыкшій сдерживать его дома для своей жены.

Сабина сидѣла на возвышенномъ сѣдалищѣ, болѣе походившемъ на ложе, нежели на стулъ; ноги ея, свѣсившіяся внизъ, покоились на мягкой, мохнатой шкурѣ дикаго зубра и обложены были по колѣна мягкими шелковыми подушками. Голова ея была круто поднята кверху и казалось непонятнымъ, какъ могла тонкая шея Сабины удерживать ее въ такомъ положеніи со всею тяжестью жемчужныхъ и алмазныхъ нитей, вплетенныхъ въ высокіе ряды цилиндрическихъ локоновъ ея красновато-русыхъ волосъ. Худое лицо императрицы казалось крошечнымъ отъ обилія естественныхъ и искуственныхъ украшеній, нагроможденныхъ такимъ образомъ надъ лбомъ ея и теменемъ. Красивымъ лицо это не могло быть даже и смолоду; оно было однакожъ правильно и тонко очерчено и, несмотря на морщинки, проглядывавшія изъ-за густаго слоя румянъ и бѣлилъ, Тиціанъ

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними автоматомъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

щей окружали отонь съ молотами и щипцами въ неподвижныхъ рукахъ. Другая печь состояла изъ громаднаго серебрянаго гнѣзда, въ которомъ также пылали древесные уголья; надъ нимъ съ распростертыми крыльями парила, похожая на орла, вылитая изъ бронзы, птица—фениксъ. Множество лампъ освѣщало, кромѣ того, это, богато-снабженное изящными креслами, ложами и столами, вазами и статуями, пространство, которое было, безспорно, слишкомъ велико по числу собранныхъ въ немъ людей.

Для такихъ пріемовъ предназначено было префектомъ и Понтіемъ другое, болѣе уютное, помѣщеніе, но императрица почему-то предпочла ему эту огромную залу. Чувство неловкости, даже смущенія, вовсе не свойственное знатному, пожилому сановнику, охватило префекта, когда ему пришлось отыскивать глазами, разбросанныя по громадному пространству, группы людей и слышать тихій, сдержанный говоръ, невнятный шепотъ и глухой, чуть слышный, смѣхъ вмѣсто плавно и свободно льющейся изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи. Ему представилось на минуту, что онъ вступилъ въ самое жилище вѣчно шепчущей клеветы, а между тѣмъ ему была хорошо извѣстна причина, почему никто не осмѣливался говорить здѣсь свободно и повышая голосъ. Всякое громкое слово болѣзненно отзывалось на слуховомъ органѣ императрицы; чистые звуки свѣжаго голоса казались ей чѣмъ-то отвратительнымъ, хотя никто не обладалъ такимъ громкимъ и далеко слышнымъ груднымъ голосомъ, какъ собственный ея супругъ, не привыкшій сдерживать его дома для своей жены.

Сабина сидѣла на возвышенномъ сѣдалищѣ, болѣе походившемъ на ложе, нежели на стулъ; ноги ея, свѣсившіяся внизъ, покоились на мягкой, мохнатой шкурѣ дикаго зубра и обложены были по колѣна мягкими шелковыми подушками. Голова ея была круто поднята кверху и казалось непонятнымъ, какъ могла тонкая шея Сабины удерживать ее въ такомъ положеніи со всею тяжестью жемчужныхъ и алмазныхъ нитей, вплетенныхъ въ высокіе ряды цилиндрическихъ локоновъ ея красновато-русыхъ волосъ. Худое лицо императрицы казалось крошечнымъ отъ обилія естественныхъ и искуственныхъ украшеній, нагроможденныхъ такимъ образомъ надъ лбомъ ея и теменемъ. Красивымъ лицо это не могло быть даже и смолоду; оно было однакожь правильно и тонко очерчено и, несмотря на морщинки, проглядывавшія изъ-за густаго слоя румянъ и бѣлилъ, Тиціанъ

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними автоматомъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

щей окружали огонь съ молотами и щипцами въ неподвижныхъ рукахъ. Другая печь состояла изъ громаднаго серебрянаго гнѣзда, въ которомъ также пылали древесные уголья; надъ нимъ съ распростертыми крыльями парила, похожая на орла, вылитая изъ бронзы, птица—фениксъ. Множество лампъ освѣщало, кромѣ того, это, богато-снабженное изящными креслами, ложами и столами, вазами и статуями, пространство, которое было, безспорно, слишкомъ велико по числу собранныхъ въ немъ людей.

Для такихъ пріемовъ предназначено было префектомъ и Понтіемъ другое, болѣе уютное, помѣщеніе, но императрица почему-то предпочла ему эту огромную залу. Чувство неловкости, даже смущенія, вовсе не свойственное знатному, пожилому сановнику, охватило префекта, когда ему пришлось отыскивать глазами, разбросанныя по громадному пространству, группы людей и слышать тихій, сдержанный говоръ, невнятный шепотъ и глухой, чуть слышный, смѣхъ вмѣсто плавно и свободно льющейся изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи. Ему представилось на минуту, что онъ вступилъ въ самое жилище вѣчно шепчущей клеветы, а между тѣмъ ему была хорошо извѣстна причина, почему никто не осмѣливался говорить здѣсь свободно и повышая голосъ. Всякое громкое слово болѣзненно отзывалось на слуховомъ органѣ императрицы; чистые звуки свѣжаго голоса казались ей чѣмъ-то отвратительнымъ, хотя никто не обладалъ такимъ громкимъ и далеко слышнымъ груднымъ голосомъ, какъ собственный ея супругъ, не привыкшій сдерживать его дома для своей жены.

Сабина сидѣла на возвышенномъ сѣдалищѣ, болѣе походившемъ на ложе, нежели на стулъ; ноги ея, свѣсившіяся внизъ, покоились на мягкой, мохнатой шкурѣ дикаго зубра и обложены были по колѣна мягкими шелковыми подушками. Голова ея была круто поднята кверху и казалось непонятнымъ, какъ могла тонкая шея Сабины удерживать ее въ такомъ положеніи со всею тяжестью жемчужныхъ и алмазныхъ нитей, вплетенныхъ въ высокіе ряды цилиндрическихъ локоновъ ея красновато-русыхъ волосъ. Худое лицо императрицы казалось крошечнымъ отъ обилія естественныхъ и искуственныхъ украшеній, нагроможденныхъ такимъ образомъ надъ лбомъ ея и теменемъ. Красивымъ лицо это не могло быть даже и смолоду; оно было однакожь правильно и тонко очерчено и, несмотря на морщинки, проглядывавшія изъ-за густаго слоя румянъ и бѣлилъ, Тиціанъ

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними автоматомъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

щей окружали огонь съ молотами и щипцами въ неподвижныхъ рукахъ. Другая печь состояла изъ громаднаго серебрянаго гнѣзда, въ которомъ также пылали древесные уголья; надъ нимъ съ распростертыми крыльями парила, похожая на орла, вылитая изъ бронзы, птица—фениксъ. Множество лампъ освѣщало, кромѣ того, это, богато-снабженное изящными креслами, ложами и столами, вазами и статуями, пространство, которое было, безспорно, слишкомъ велико по числу собранныхъ въ немъ людей.

Для такихъ пріемовъ предназначено было префектомъ и Понтіемъ другое, болѣе уютное, помѣщеніе, но императрица почему-то предпочла ему эту огромную залу. Чувство неловкости, даже смущенія, вовсе не свойственное знатному, пожилому сановнику, охватило префекта, когда ему пришлось отыскивать глазами, разбросанныя по громадному пространству, группы людей и слышать тихій, сдержанный говоръ, невнятный шепотъ и глухой, чуть слышный, смѣхъ вмѣсто плавно и свободно льющейся изъ устъ собесѣдниковъ рѣчи. Ему представилось на минуту, что онъ вступилъ въ самое жилище вѣчно шепчущей клеветы, а между тѣмъ ему была хорошо извѣстна причина, почему никто не осмѣливался говорить здѣсь свободно и повышая голосъ. Всякое громкое слово болѣзненно отзывалось на слуховомъ органѣ императрицы; чистые звуки свѣжаго голоса казались ей чѣмъ-то отвратительнымъ, хотя никто не обладалъ такимъ громкимъ и далеко слышнымъ груднымъ голосомъ, какъ собственный ея супругъ, не привыкшій сдерживать его дома для своей жены.

Сабина сидѣла на возвышенномъ сѣдалищѣ, болѣе походившемъ на ложе, нежели на стулъ; ноги ея, свѣсившіяся внизъ, покоились на мягкой, мохнатой шкурѣ дикаго зубра и обложены были по колѣна мягкими шелковыми подушками. Голова ея была круто поднята кверху и казалось непонятнымъ, какъ могла тонкая шея Сабины удерживать ее въ такомъ положеніи со всею тяжестью жемчужныхъ и алмазныхъ нитей, вплетенныхъ въ высокіе ряды цилиндрическихъ локоновъ ея красновато-русыхъ волосъ. Худое лицо императрицы казалось крошечнымъ отъ обилія естественныхъ и искуственныхъ украшеній, нагроможденныхъ такимъ образомъ надъ лбомъ ея и теменемъ. Красивымъ лицо это не могло быть даже и смолоду; оно было однакожъ правильно и тонко очерчено и, несмотря на морщинки, проглядывавшія изъ-за густаго слоя румянъ и бѣлилъ, Тиціанъ

при видѣ его подумалъ, что художникъ, которому поручено было за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изобразить императрицу въ образѣ Venus victrix, могъ бы, пожалуй, сохранить въ лицѣ богини нѣкоторое сходство съ царственнымъ оригиналомъ. Только совершенно лишенные рѣсницъ глаза этой матроны казались чрезвычайно малы, несмотря на темные искуственные обводы около нихъ, а на худой и тонкой шеѣ ея рѣзко выступали натянутыя сухожилья.

Глубоко склонясь передъ императрицей, Тиціанъ хотѣлъ дотронуться до ея правой, унизанной кольцами, руки, но Сабина быстро отдернула ее, будто опасаясь, что прикосновеніе друга и родственника ея мужа можетъ испортить эту, тщательно выхоленную, но ни къ чему не пригодную, игрушку, и спрятала обѣ руки въ складки своего верхняго плаща. На сердечное привѣтствіе префекта она отвѣтила однако, на сколько могла, любезно.

Тиціана, который въ прежнія времена въ Римѣ бывалъ во дворцѣ чуть ли не ежедневно, она видѣла теперь въ Александріи въ первый разъ. Вчера еле живую, измученную морскимъ переѣздомъ, ее перенесли въ Кесареумъ въ закрытыхъ носилкахъ, а сегодня утромъ она отказалась принять его, потому что находилась въ полномъ распоряженіи своихъ докторовъ, купальщицъ и художниковъ по части уборки волосъ.

— Какъ переносишь ты жизнь въ этой странѣ?—спросила она тѣмъ тихимъ и беззвучнымъ голосомъ, въ которомъ вѣчно слышался какъ бы намекъ на то, что разговоръ—вообще дѣло тяжелое и безполезное. Въ полдень здѣсь нестерпимо жжетъ солнце, а къ вечеру становится такъ холодно, такъ ужасно холодно!...

При этихъ словахъ Сабина еще плотнѣе закуталась въ свой верхній плащъ.

— А я надѣялся, что намъ удалось совершенно притупить для тебя и безъ того не слишкомъ острыя стрѣлы египетской зимы,—отвѣчалъ префектъ, указывая на пылавшіе среди покоя уголья.

— Все такъ же молодъ, все та же картинная рѣчь, все тотъ же поэтъ!—вяло промолвила императрица.—Часа два тому назадъ я видѣла твою жену. Ей, кажется, не слишкомъ полезенъ климатъ Африки. Я испугалась сама при видѣ бывшей красавицы, матроны Юліи. Право, у ней нехорошій видъ.

— Время, увы, обычный врагъ женской красоты.

— Большею частью—да, но истинная красота нерѣдко противостояла нападкамъ времени.

— Ты сама живое доказательство тому, что утверждаешь!

— То-есть, по-твоему, я старѣю?

— Нѣтъ, по-моему, ты умѣешь оставаться прекрасной.

— Поэтъ!—пробормотала императрица и тонкая нижняя губа ея некрасиво дрогнула.

— Государственныя дѣла не уживаются съ служеніемъ музамъ.

— Но того, кому предметы кажутся прекраснѣе, чѣмъ они въ дѣйствительности, или кто, по крайней мѣрѣ, даетъ имъ болѣе пышныя названія, чѣмъ они заслуживаютъ,—того я называю поэтомъ, мечтателемъ, льстецомъ,—какъ придется.

— Скромность отвергаетъ даже вполнѣ заслуженную дань удивленія.

— Не понимаю, къ чему это глупое словопреніе!—вздохнувъ, проговорила утомленная Сабина, глубже опускаясь въ свои подушки.—Ты записался въ ученики къ этимъ риторамъ въ здѣшнемъ музеѣ, а я нѣтъ. Посмотри, вонъ, тамъ, сидитъ софистъ Фаворинъ. Онъ можетъ-быть въ эту минуту доказываетъ астроному Птоломею, что звѣзды—только кровавыя пятна въ нашихъ глазахъ, которыя мы только по привычкѣ переносимъ на небо. Флоръ, историкъ, записываетъ, быть-можетъ, это замѣчательное разсужденіе, поэтъ Панкратъ воспѣваетъ блестящую мысль философа, а грамматикъ... Впрочемъ, какая роль выпадаетъ въ этомъ случаѣ на долю грамматика—это ты долженъ знать лучше меня. Какъ его зовутъ?

— Аполлоніемъ.

— Это тотъ самый, которому Адріанъ придалъ прозвище Темнаго?... Чѣмъ труднѣе понимать рѣчи этихъ господъ, тѣмъ выше они цѣнятся.

— За тѣмъ, что покоится въ морской глубинѣ, приходится нырять, а то, что плаваетъ на поверхности воды, то и безъ насъ прибивается волнами къ берегу и становится игрушкою дѣтей. Аполлоній—великій ученый.

— Въ такомъ случаѣ мужъ мой долженъ былъ бы оставить его спокойно заниматься своими учениками и книгами. Онъ пожелалъ, чтобъ я пригласила этихъ людей къ своему столу. Съ Флоромъ и Панкратомъ я бы еще помирилась, но другіе...

— Отъ Фаворина и Птоломея я могъ бы легко освободить тебя: отправь ихъ на встрѣчу кесарю.

— Съ какою цѣлью?

— Чтобы занять его дорогой.

— Онъ возитъ свою игрушку съ собою,—промолвила императрица и губы ея сложились въ презрительную улыбку, а лицо приняло недовольное и грустное выраженіе.

— Художественный глазъ его наслаждается изящными, прекрасными формами Антиноя, которыя я еще не удостоился созерцать.

— И ты сгораешь нетерпѣніемъ увидѣть это чудо?

— Признаюсь, да.

— А между тѣмъ ты желаешь отсрочить свиданіе съ императоромъ?—спросила Сабина и изъ маленькихъ глазъ ея сверкнулъ пытливый, недовѣрчивый взглядъ.—Зачѣмъ хочется тебѣ отдалить прибытіе моего мужа?

— Нужно ли мнѣ говорить тебѣ,—возразилъ Тиціанъ съ живостью,—какую радость испытываю я при мысли снова послѣ четырехлѣтней разлуки увидать моего повелителя и друга съ юношескихъ лѣтъ, величайшаго и мудрѣйшаго изъ людей? Чего бы я не далъ, чтобъ онъ былъ уже здѣсь! И, несмотря на это, я всей душой желаю, чтобъ онъ пріѣхалъ не черезъ восемь, а только черезъ четырнадцать дней.

— Что же случилось?

— Верховой привезъ мнѣ сегодня письмо, въ которомъ императоръ объявляетъ о своемъ желаніи остановиться не здѣсь, въ Кесареумѣ, а въ старомъ дворцѣ на Лохіи.

Глубокія складки покрыли при этихъ словахъ лобъ Сабины, а взоръ ея мрачно и безжизненно опустился къ ней на колѣни.

— Это потому, что я живу здѣсь!—проговорила она задыхающимся голосомъ и какъ-то странно втягивая въ себя нижнюю губу.

Тиціанъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ произнесенныхъ императрицею словъ.

— Тамъ,—продолжалъ онъ весело,—Адріанъ найдетъ тотъ далекій кругозоръ, который онъ такъ любилъ съ самаго дѣтства. Но дѣло въ томъ, что эта старая постройка пришла въ совершенный упадокъ и требуетъ окончательной передѣлки. Хотя мы съ нашимъ знаменитымъ архитекторомъ Понтіемъ уже начали

принимать мѣры къ тому, чтобъ обратить, по крайней мѣрѣ, часть зданія въ возможное и мало-мальски достойное Адріана жилище, остающагося намъ времени, однако, такъ мало....

— Я желаю видѣть своего супруга здѣсь чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! — рѣзко перебила императрица рѣчь префекта и, повернувшись направо, къ колоннадѣ, окаймлявшей эту часть залы, крикнула: «Веръ!»

Голосъ ея былъ однако слишкомъ слабъ, чтобы пролетѣть такое значительное пространство.

— Пожалуйста, позови ко мнѣ Вера, претора Люція-Аврелія Вера,—сказала она, обращаясь къ префекту.

Тиціанъ немедленно повиновался этому приказанію.

Уже при вступленіи своемъ въ залу онъ обмѣнялся дружественными привѣтствіями съ человѣкомъ, котораго въ настоящее время требовала къ себѣ императрица. Теперь онъ долженъ былъ близко подойти къ претору прежде, чѣмъ тому удалось обратить на него свое вниманіе. Веръ составлялъ средоточіе небольшой группы мужчинъ и женщинъ, которые съ жадностью ловили его слова.

То, что онъ имъ въ полголоса разсказывалъ, было, вѣроятно, очень забавно, такъ какъ слушатели съ трудомъ могли удерживать смѣхъ, боясь, чтобъ онъ не превратился въ тотъ потрясающій стѣны хохотъ, который такъ ненавидѣла императрица.

Въ ту самую минуту, когда префектъ приблизился къ этому веселому кружку, молодая дѣвушка, съ хорошенькою головкой, увѣнчанной цѣлою горой мелкихъ круглыхъ кудрей, съ шутливо-сердитымъ видомъ ударила Вера по рукѣ.

— Нѣтъ, это ужь слишкомъ дерзко,—сказала она.—Если ты будешь продолжать такъ, то впредь, какъ только ты со мною заговоришь, я буду затыкать себѣ уши. Это такъ же вѣрно, какъ то, что мое имя Бальбилла....

— И что я происхожу отъ самого царя Антіоха,—съ поклономъ договорилъ Веръ.

— Ты неисправимъ, — засмѣялся префектъ, кивая насмѣшнику головой.—Сабина желаетъ съ тобой говорить.

— Сейчасъ, сейчасъ!—отвѣтилъ Веръ.—Мой разсказъ, во-первыхъ, сущая правда, а во-вторыхъ—вы обязаны ему тѣмъ, что избавились отъ необходимости слушать этого скучнаго грамматика, которому оставалось только припереть къ стѣнѣ моего остроумнаго друга Фаворина, что онъ и дѣлаетъ теперь. Але-

ксандрія твоя мнѣ нравится, Тиціанъ, хотя ей, конечно, недостаетъ многаго, чтобы быть такою столицей, какъ Римъ. Люди здѣсь еще не разучились удивляться. Ихъ есть еще возможность чѣмъ-либо изумить. Сегодня, когда я выѣзжалъ прогуляться....

— Скороходы твои съ розами въ волосахъ и крыльями за плечами летѣли, говорятъ, передъ тобою, подобно вѣстникамъ любви.

— Въ честь прекрасныхъ женщинъ Александріи.

— Такъ же, какъ въ Римѣ въ честь римлянокъ и въ честь аѳинянокъ въ Аѳинахъ,—перебила его Бальбилла.

— Скороходы претора бѣгаютъ быстрѣе пареянскихъ коней, — воскликнулъ дворецкій императрицы. — Онъ назвалъ ихъ именами вѣтровъ.

— Именами, которыхъ они вполнѣ достойны, — прибавилъ Веръ. — Ну, теперь пойдемъ, Тиціанъ!

Онъ дружески взялъ подъ руку префекта, приходившагося ему родственникомъ, и направился вмѣстѣ съ нимъ къ креслу императрицы.

— Если я заставляю ждать ее, то это для блага кесаря,— шепнулъ преторъ ему на ухо, приближаясь къ Сабинѣ.

Софистъ Фаворинъ, разговаривавшій, въ другомъ углу залы, съ астрономомъ Птоломеемъ, грамматикомъ Аполлоніемъ и поэтомъ-философомъ Панкратомъ, остановилъ свой взглядъ на проходившихъ мимо него сановникахъ.

— Красивая пара!—сказалъ онъ.—Одинъ—олицетвореніе великаго Рима, повелѣвающаго міромъ, другой—съ своею фигурою Гермеса....

— Другой,—перебилъ грамматикъ софиста съ важностью и негодованіемъ во взорѣ,—другой—олицетвореніе дерзости, доведенной до безумія любви къ роскоши, и постыдно испорченный столицей. Это—безпутный женскій герой...

— Я не стану защищать ему подобныхъ, — прервалъ его въ свою очередь Фаворинъ своимъ мягкимъ, благозвучнымъ голосомъ и съ тою прелестью греческой интонаціи, которая восхищала даже грамматика. — Дѣла его и жизнь, безъ сомнѣнія, достойны всякаго порицанія, но ты долженъ будешь согласиться со мною, что все существо его проникнуто очарованіемъ эллинской красоты, что хариты цѣловали его при вступленіи въ жизнь и что онъ, осуждаемый строгимъ ученіемъ нравственности, за-

служиваетъ быть увѣнчаннымъ славою и лавромъ поклонниками вѣчно-юной красоты.

— Для художника, ищущаго модели, это, конечно, хорошее пріобрѣтеніе.

— А вѣдь аѳинскіе судьи оправдали Фрину потому, что она была прекрасна.

— И поступили несправедливо.

— Врядъ ли это такъ съ точки зрѣнія боговъ, совершеннѣйшія созданія которыхъ заслуживаютъ, я думаю, поклоненія.

— И въ красивѣйшихъ сосудахъ бываетъ иногда заключенъ ядъ.

— Но тѣло и душа всегда однакожь гармонируютъ другъ съ другомъ въ извѣстной мѣрѣ.

— Значитъ, ты осмѣлишься физически прекраснаго Вера назвать и прекраснымъ нравственно?

— Нѣтъ; но испорченный Люцій-Аврелій Веръ вмѣстѣ съ тѣмъ самый веселый, самый очаровательный изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ римлянъ. Совершенно чуждый злобы и заботъ, онъ мало интересуется какимъ бы то ни было нравственнымъ ученіемъ; онъ стремится обладать всѣмъ, что только ему нравится, а потому и самъ старается нравиться другимъ.

— Ну, по отношенію ко мнѣ старанія его остались напрасны.

— А я такъ положительно подчиняюсь его вліянію.

Послѣднія слова какъ грамматика, такъ и софиста были произнесены громче, чѣмъ обыкновенно говорилось въ присутствіи императрицы.

Сабина, только-что разсказавшая претору о томъ, какое жилище избралъ себѣ ея супругъ, тотчасъ же передернула плечами и ротъ ея судорожно искривился, будто отъ ощущенія боли; Веръ же съ видомъ неодобренія обратилъ къ разговаривавшимъ свое красивое и, при всей правильности и тонкости чертъ, вполнѣ мужественное лицо.

Большіе, блестящіе глаза Вера встрѣтились при этомъ съ враждебнымъ взглядомъ грамматика. Всякое заявленіе отвращенія къ его особѣ было для Вера невыносимо. Онъ нетерпѣливо провелъ рукою по своимъ чернымъ, какъ вороново крыло, и лишь на вискахъ слегка посѣдѣвшимъ, волосамъ, которые, не будучи курчавы, обрамляли его лицо мягкими, шелковистыми локонами.

— Отвратительное созданіе этотъ пустозвонъ!—сказалъ онъ, не обращая вниманія на вопросы Сабины объ его мнѣніи относительно послѣдняго распоряженія ея супруга.—У него дурной глазъ, который грозитъ бѣдою намъ всѣмъ, а его голосъ, громкій какъ труба, мнѣ столь же невыносимъ, какъ и тебѣ. Неужели мы должны каждый день выносить за столомъ его присутствіе?

— Этого желаетъ Адріанъ.

— Въ такомъ случаѣ я уѣзжаю въ Римъ,—возразилъ Веръ.— Жена моя и безъ того соскучилась по дѣтямъ, а мнѣ, какъ претору, приличнѣе быть на берегахъ Тибра, чѣмъ на берегахъ Нила.

Слова эти были произнесены такъ же равнодушно, какъ будто дѣло шло о предстоящемъ ужинѣ, а между тѣмъ они, повидимому, очень взволновали императрицу. Голова ея, которая во время разговора съ Тиціаномъ казалась почти неподвижной, затряслась теперь съ такою силой, что жемчугъ и каменья, вплетенные въ ея волосы, застучали другъ о друга. Потомъ въ теченіе нѣсколькихъ секундъ она упорно смотрѣла внизъ и, когда Веръ нагнулся, чтобы поднять брилліантъ, выпавшій изъ ея прически, быстро проговорила:

— Ты правъ. Аполлоній невыносимъ. Вышлемъ его на встрѣчу мужу.

— Тогда я останусь!—воскликнулъ Веръ, довольный какъ капризный мальчикъ, котораго желанія исполнили.

— Вѣтренникъ!—прошептала Сабина и, смѣясь, погрозила ему пальцемъ.—Покажи мнѣ этотъ камень! Это—одинъ изъ самыхъ крупныхъ и лучшихъ... Можешь оставить его себѣ.

Часъ спустя, Веръ вмѣстѣ съ префектомъ оставляли залу.

— А вѣдь ты, самъ того не зная, оказалъ мнѣ большую услугу, братецъ,—сказалъ Тиціанъ своему спутнику.—Не можешь ли ты устроить, чтобъ астронома Птоломея и софиста Фаворина также отправили вмѣстѣ съ грамматикомъ на встрѣчу императору въ Пелузій?

— Нѣтъ ничего легче,—отозвался преторъ.

Въ тотъ же самый вечеръ дворецкій префекта принесъ архитектору Понтію извѣстіе, что для окончанія работъ онъ можетъ располагать не восемью или девятью днями, а цѣлыми двумя недѣлями.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Польскій вопросъ.

I.

Письмо А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой *).

Милостивая государыня

Александра Осиповна!

Можете ли вы себѣ представить положеніе непріятнѣе моего? Вамъ извѣстно мое всегдашнее глубокое отвращеніе отъ всякаго политическаго вопроса, а я теперь затравленъ, заѣденъ политикою. Куда ни выѣду, куда ни повернусь, въ мужское или дамское общество, все рѣчь одна: «Каковъ Ламартинъ или Ледрю-Роллень, и что прусаки, и что Познань?» Просто навожденіе! Меня беретъ злость. Еслибы вы, молодцы, думаю я, ходили въ зипунѣ да въ косовороткѣ, вы бы думали о своихъ домашнихъ да семейнымъ дѣлахъ, а не о вздорѣ, до котораго вамъ дѣла нѣтъ, и сами были бы умнѣе, и мнѣ бы не надоѣдали. Видно ужь таково вдохновеніе кургузаго фрака. Но вотъ что еще досаднѣе: мнѣ до того прожужжали уши политикою, что дома мнѣ отъ нея покоя нѣтъ. По цѣлымъ часамъ о ней думаетъ голова противъ воли ума. Пробовалъ я самъ себя отчитывать разными самыми кроткими книгами (какъ, напр., Лассена о клинообразныхъ надписяхъ)—и все не въ прокъ. Рѣшился на самое геройское средство—написать за одинъ разъ всѣ мои мысли, да и раздѣлаться съ ними навсегда. Примите милостиво мои мечты.

*) Это письмо А. С. Хомякова сообщено въ редакцію журнала *Бесѣда* съ разрѣшенія сына А. С., Дмитрія Алексѣевича, въ 1871 г. покойнымъ Василіемъ Алексѣевичемъ Елагинымъ, но не было напечатано по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ; потомъ оно было вторично, по нашей просьбѣ, передано намъ въ вѣрной копіи почтеннымъ издателемъ журнала *Русскій Архивъ*, Петромъ Ивановичемъ Бартеневымъ.

чительно увеличено его преемниками и занимало теперь громадное пространство. Священная роща отдѣляла его отъ храма Юлія, съ которымъ онъ сообщался длинною крытою колоннадой.

У главнаго входа стояло нѣсколько запряженныхъ колесницъ и толпились вокругъ носилокъ бѣлые и черные рабы въ ожиданіи своихъ господъ. Здѣсь ликторы оттѣсняли любопытную толпу, тамъ разговаривали, прислонясь къ колоннѣ, мѣстные офицеры, а за воротами выстраивался, при звукѣ трубы, римскій караулъ, ожидавшій приближающейся смѣны.

Все это почтительно разступилось передъ колесницей префекта. Проходя чрезъ ярко освѣщенныя галлереи и залы Кесареума, переполненныя произведеніями искусствъ, статуями, картинами и собраніями рукописей, Тиціанъ вспомнилъ, сколько труда и заботъ потратилъ онъ въ теченіе мѣсяцевъ на то, чтобы при содѣйствіи Понтія превратить этотъ дворецъ, заброшенный со времени похода Тита на Іудею, въ жилище вполнѣ достойное императора Адріана.

Въ настоящее время императрица занимала предназначенные для ея супруга и отдѣланные со всевозможною роскошью покои и Тиціанъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что невозможно будетъ перевезти Сабину, узнавшую объ ихъ существованіи, въ сравнительно болѣе бѣдный дворецъ на Лохіи.

Приближаясь къ красивой залѣ, приготовленной для торжественныхъ пріемовъ императора, онъ встрѣтилъ дворецкаго Сабины, взявшагося немедленно ввести его въ комнаты своей госпожи.

Открытый въ лѣтнее время сводъ покоя, въ которомъ префектъ долженъ былъ найти императрицу, теперь, въ виду наступающихъ дождей александрійской зимы и вслѣдствіе того, что Сабина даже въ жаркую пору жаловалась на стужу, былъ защищенъ висѣвшимъ на цѣпяхъ мѣднымъ щитомъ, оставлявшимъ въ потолкѣ широкія отверстія для входа и выхода воздуха.

Пріятная теплота и полная благоуханія атмосфера обдали Тиціана, когда дворецкій отворилъ передъ нимъ высокія, рѣзныя двери. Теплота эта распространялась отъ двухъ печей, весьма оригинально устроенныхъ посреди роскошной залы. Одна изъ нихъ представляла собою кузницу Вулкана. Ярко пылавшіе угли лежали передъ мѣхами, которые черезъ короткіе, правильные промежутки времени приводились въ движеніе стоявшимъ за ними автоматомъ, между тѣмъ какъ фигуры божества и его товари-

цогство Варшавское и часть Литвы, не говорящія по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетъ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ и т. п. Даже отсутствующіе могутъ быть допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ: въ Польшѣ по-польски, въ Литвѣ по-литовски (совершенно непонятно для поляковъ), въ Галичѣ по-галицки (т. е. по-русски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. То же право должно быть распространено на словянъ Лузаціи и Шлезіи; то же право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ венгерскимъ на словянъ, хорватовъ, словаковъ, руснаковъ и другихъ. Такимъ образомъ будущая суть словянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими; а кажется роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса.

Россія надѣется, что это предложеніе будетъ принято и приведено въ скорое исполненіе: она готовитъ списки всеобщіе къ половинѣ іюня нашего стиля.

До тѣхъ поръ границы ея (т. е., до рѣшенія вопроса), или лучше сказать границы, ввѣренныя трактатами ея храненію, должны быть неприкосновенны.

Если же, несмотря на это предложеніе, кто-нибудь осмѣлится своевольно или насильно, предупреждая голосъ народа, вторгнуться въ предѣлы, охраняемые государемъ, того встрѣтитъ сила Россіи. За насъ будетъ честность нашего намѣренія, правота нашего дѣла, Богъ и даже совѣсть нашихъ враговъ.

Такое объявленіе могло бы быть сообщено всѣмъ правительствамъ и народамъ и напечатано во всѣхъ газетахъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни уступки, ибо исполняется только намѣреніе покойнаго государя, и тутъ же смѣлый вызовъ на бой. Это было бы громовымъ ударомъ, который ошеломилъ бы весь міръ. Всѣ будутъ сбиты съ толку: ни одна собака не осмѣлится брехнуть на государя, и врагамъ останется только мол-

чать или хвалить, хотя бы имъ пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Вѣроятныя послѣдствія. При уничтоженіи аристократическаго вліянія и уменьшеніи городоваго вліянія въ Польшѣ, въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по сродству языка и особенно по духовному сродству) было бы или за насъ, или, по крайней мѣрѣ, за отдѣльное существованіе, и этимъ самымъ старая, клерикально-аристократическая Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ—то же, или почти то же, вслѣдствіе употребленія литовскаго языка.

Вѣрныя послѣдствія. Государь нашъ сталъ бы выше всей Европы. Предлогъ къ войнѣ устраненъ: Франція задохнулась бы въ своемъ банкротствѣ; Германія запуталась бы въ вопросахъ о Данцигѣ и въ своихъ неразрѣшимыхъ задачахъ. Мадьяры и словяне принялись бы драться черезъ двѣ недѣли и отвлекли бы всѣхъ западныхъ словянъ. Частный вопросъ о Польшѣ потерялся бы въ вопросѣ общемъ, міровомъ, и русскій царь, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, былъ бы рѣшителемъ и законодателемъ всего европейскаго движенія.

Часть практическая проста. Добросовѣстное заготовленіе списковъ, запрещеніе всѣхъ манифестацій для сохраненія порядка и объявленіе, что всякій безпорядокъ будетъ наказанъ какъ преступленіе противъ законовъ, противъ государя и противъ народа, сильная охрана границъ, строгая казнь противъ зажигателей и разбойниковъ, изгнаніе заговорщиковъ и освобожденіе ихъ имѣній, если они дворяне, и передача имѣній ближайшимъ родственникамъ въ городахъ и тому подобное. Дальше моего ума не хватаетъ.

Виноватъ,—замечтался. Простите великодушно. Общій недугъ заразителенъ; но за то я отъ него отдѣлался разомъ. Дружба ваша, которою я горжусь, извинитъ длину этого скучнаго письма ради почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Алексѣй Хомяковъ.

М. 21-го 1848 г.
Москва.

II.

Нѣсколько словъ по поводу письма А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой.

Иначе и не могъ думать Хомяковъ о польскомъ вопросѣ, — онъ жилъ духомъ въ истинѣ соборной церкви Христовой, а не внѣ ея. Его мысль стояла на высотѣ нравственнаго идеала этой истины и съ этой высоты обозрѣвалъ онъ всѣ явленія жизни человѣка и человѣчества.

По слову этой истины, *душа человѣка дороже цѣлаго міра*, ибо есть *храмъ Духа Святаго*. Силою этого слова, поднявшаго жизнь человѣческой души надъ внѣшними, преходящими, условными цѣлями и пользами политическими, государственными и т. п., во имя которыхъ часто посягаютъ на нее,—освящены и неприкосновенность личности человѣка, и свобода развитія и дѣятельности всѣхъ ея индивидуальныхъ творческихъ силъ.

Этимъ же словомъ, поставившимъ душу человѣка надъ всѣми сокровищами міра и освятившимъ ее, освящена еще и другая душа, слагающаяся изъ взаимнодѣйствія нравственныхъ личностей, развивающаяся подъ историческими и естественными вліяніями, — *народная душа*, *народная личность* съ ея индивидуальными творческими силами (народность).

Та же истина, освятившая самобытность и свободу личностей, человѣка и народовъ, произнесла: *да вси они едино будутъ*.

«*Свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ, свобода въ гармоніи ея проявленій*», согласно выраженію Ю. Ѳ. Самарина, въ его предисловіи къ III тому сочиненій Хомякова, братство полноправныхъ людей и народовъ, живущихъ свободною, самобытною жизнью—вотъ идеалъ, къ которому стремился душой Хомяковъ, въ который онъ вѣровалъ. Прибавимъ — это и нашъ идеалъ. Хомякову была дорога самобытная нравственная личность каждаго изъ народовъ, но дороже и ближе его сердцу была самобытность и полноправность каждаго изъ славянскихъ народовъ, какъ потому, что это—родственные намъ народы, такъ и потому, что это народы угнетенные, подавленные хищническими силами, стремящимися стереть съ лица земли ихъ самобытность, а съ нею, такъ сказать, и ихъ самихъ. Не только не исключалъ онъ изъ этого числа поляковъ, но глубоко соболѣзновалъ ихъ печальной участи, какъ сильно подпавшихъ вліянію чуждыхъ и враждебныхъ славянскому міру стихій. Онъ былъ увѣренъ, что придетъ

пора, когда съ воскресеніемъ самобытной, свободной русской жизни воскреснетъ и весь славянскій міръ, какъ *тѣсный братскій* союзъ равноправныхъ, свободныхъ братій славянской семьи, и въ этомъ союзѣ польскій народъ, стряхнувъ съ себя все недоброе, все чуждое его славянской природѣ, разрушившее его государство, вступитъ въ родную ему семью славянъ, какъ полноправный, высоко-даровитый, любящій и любимый братъ. Такое слово Хомякова, воодушевленное искреннимъ, сильнымъ чувствомъ, мы знаемъ не по слуху, а слышали его сами и оно глубоко запало намъ въ душу.

Придетъ пора: минетъ неправда, исчезнутъ искуственныя тенета, которыя стягиваютъ въ неестественное единство разнохарактерныя народности, заставляя ихъ жить чуждою ихъ индивидуальной природѣ жизнью, и откроется правда въ жизни человѣчества, какъ великой семьи объединенныхъ братскимъ союзомъ народовъ.

Скажутъ можетъ-быть: Все это такъ, но слишкомъ идеально. Это—утопія и, по меньшей мѣрѣ, крайне непрактично, а ужь въ приложеніи къ свободѣ польскаго народа и политически-невозможно, и не желательно, какъ дѣло опасное, потому-то и потому, и т. д.

Но развѣ непрактичность идеальной истины въ смыслѣ немедленнаго осуществленія ея въ жизни разрушаетъ хоть на волосъ ея правду? Правда, неудовлетворимая въ данное время и при данныхъ условіяхъ, перестаетъ ли быть правдою и какъ таковая обязательною, и не должна ли управлять цѣлями дѣйствій человѣка?

И что можетъ быть непрактичнѣе идеала христіанина, по трудности воплощенія этого идеала въ жизнь? Этотъ идеалъ всецѣло въ заповѣди Христа: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» и—«любите другъ друга любовію, какою Я возлюбилъ васъ». Выполнимо ли это? Развѣ можетъ человѣкъ любить любовію равносильною божественной любви? Развѣ можетъ онъ быть совершенъ, какъ Богъ? При такомъ словѣ Сына Божія всѣ практичные и искренніе люди должны бы были заткнуть уши и закричать: «Это—утопія, это непрактично!» Тѣмъ не менѣе обязательная правда этого идеала непреложнѣе и тверже всѣхъ основъ міра. Ею поставлена нравственная цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ всѣми силами своего духа, и такое стремленіе составляетъ все достоинство и всю красоту человѣческой жизни.

Обязательность нравственнаго идеала и практическая трудность осуществленія его—двѣ могущественныя силы, которыя ведутъ борьбу между собою и, стремясь овладѣть волею человѣка, разрываютъ ее, такъ сказать, на-двое. Стремленіе къ правдѣ, въ которой сущность природы духа, и сознаніе неудовлетворимости этой незаглушаемой жажды правды—страшная дилема.

Какъ рѣшаютъ ее?

Многіе поканчиваютъ дѣло сразу, съ дерзостью меча, разсѣкшаго Гордіевъ узелъ. «Невыполнимо требованіе нравственнаго идеала,—говорятъ они,—значитъ, идеалъ этотъ утопія, чуть-чуть не созданіе больнаго мозга, и обращаются къ нему спиной, а затѣмъ уже и весь идеальный міръ для нихъ становится юродствомъ. «Практика—вотъ моя религія,—продолжаютъ они;—требованіе минуты—вотъ руководящій голосъ; цѣль, къ которой тянетъ непосредственно осязаемый фактъ—вотъ мое божество», и въ честь этого божества безпощадно закалаютъ они множество человѣческихъ жертвъ. Но, позволимъ себѣ замѣтить, эта практическая цѣль, божество практики, пока она еще не достигнута, пока она еще не обратилась въ дѣйствительный фактъ,—еще только мыслится, въ своемъ родѣ еще идеальна, и, несмотря на всѣ разсчеты хитраго ума, можетъ не осуществиться, можетъ-быть даже и неосуществима,—въ нее еще вѣруется. Разница между практикомъ и тѣмъ, кого онъ называетъ утопистомъ,—въ различіи ихъ идеаловъ, въ различіи ихъ вѣрованій. И для рѣшительнаго практика существуетъ божество, но только почти всегда противуположное Богу чистой правды. Конечно, для практика, ставящаго себѣ временныя цѣли, не обращая вниманія, противорѣчатъ онѣ закону правды или нѣтъ, временный успѣхъ и довольство несравненно скорѣе обезпечены, чѣмъ для его противника; но за то и дѣло его, большею частію, эфемерно. При прогрессивномъ шествіи человѣчества къ воплощенію правды въ жизни, то, что создано такимъ дѣломъ, или исчезаетъ совершенно съ лица земли, или остаются не безплодными только тѣ послѣдствія его, которыя, вопреки самому дѣлателю, служатъ къ воцаренію истины, отвергнутой имъ. Таковъ законъ и сила правды, положенные въ основы жизни.

Дѣятели этого разряда, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за себя искренность ихъ убѣжденій и опредѣленностію характера своей дѣятельности образуютъ все-таки силу, которая заставляетъ ярче выступать нравственный идеалъ, отброшенный ими, и удесяте-

ряютъ, во всякомъ случаѣ, рано или поздно побѣдоносную энергію подвижниковъ чистой правды.

Но существуютъ другіе дѣятели, которые признаютъ, какъ имъ самимъ кажется, красоту и правду нравственнаго идеала, не отрицаютъ его обязательной силы; но только онъ для нихъ имѣетъ значеніе чисто-внѣшняго *закона*, установленнаго какою-то, внѣ ихъ существующею, властью, предъ которой они не смѣютъ не преклониться,—значеніе какого-то *предписанія*, откуда-то полученнаго. Они предъ нимъ благоговѣютъ и боятся не исполнить его приказаній, пока, впрочемъ, такое исполненіе на ихъ взглядъ возможно и, главное, удобно. При малѣйшемъ практическомъ затрудненіи, особенно когда внѣшній реальный фактъ, требующій иного, бросается имъ въ глаза, тѣснитъ ихъ со всѣхъ сторонъ, манитъ ихъ блескомъ успѣха или грозитъ карой за непокорность себѣ,— они безъ борьбы, быстро отступаютъ, ловко обходятъ повелѣнія нравственнаго закона и даже нерѣдко, надѣвъ личину служенія правдѣ, обманывая и себя и другихъ, рабски идутъ туда, куда влечетъ потокъ сплетеній всѣхъ случайностей дѣйствительности. Въ нихъ нѣтъ той внутренней силы, въ которой коренится нравственный идеалъ, столько же живой и реальный, какъ и всѣ прочія силы природы; въ нихъ нѣтъ той нравственной мощи, которую они могли бы противупоставить силамъ внѣшней жизни, овладѣть ими и направить ихъ къ нравственнымъ цѣлямъ. Это люди измѣны, низкаго слабодушія,—тѣ, про которыхъ говорится, что они «ни Богу—свѣчка, ни чорту—кочерга»; это люди безъ внутренней силы, безъ содержанія,—тѣ, про кого сказано въ книгѣ Откровенія: такъ какъ ты «ни теплъ, ни студенъ, изблевати ти отъ устъ моихъ имамъ» *).

Много званныхъ къ воздѣлыванію почвы жизни для насажденія въ ней правды, но мало избранныхъ. Только въ душѣ этихъ избранныхъ живетъ всецѣло нравственный идеалъ во всей своей чистотѣ, какъ внутренняя сила. Воплощаясь въ ихъ дѣятельности, она становится живою дѣйствительностью. Никакія внѣшнія препятствія, никакія страданія не въ силахъ истощить ихъ нравственной энергіи; они зорко видятъ всѣ возможности къ осуществленію живущей въ нихъ правды и усматриваютъ открытый путь для нея тамъ, гдѣ другія видятъ только препоны. Побѣжденные противодѣйствующими имъ силами на одномъ

*) Апок. глава Г, зач. ĩ.

пути, они открываютъ себѣ новый, расширяютъ его и успѣхомъ своимъ колеблютъ основанія даже тѣхъ препятствій, которыхъ не могли одолѣть на прежнемъ. Вѣрные до гробовой доски своему идеалу, не измѣнивъ ему ни на одно мгновеніе, они умираютъ добрыми подвижниками. Пусть не осилили они многаго, пусть издѣвается надъ ними самодовольная, близорукая практика, отказавшаяся отъ всякой правды, нагромоздившая множество ложныхъ боговъ,—ихъ дѣло не осталось безплоднымъ: неустанною, полною вѣры въ правду, дѣятельностію ихъ уже разбиты пьедесталы этихъ идоловъ и цѣлыя массы людей не сожигаютъ уже суевѣрныхъ жертвъ въ честь и славу этихъ ложныхъ, когда-то славимыхъ, божествъ. Пусть эти доблестные подвижники не окончили своего дѣла, но они приготовили поле для множества иныхъ и, можетъ-быть, болѣе ихъ сильныхъ дѣятелей, которыхъ энергія воспламенена ихъ духомъ и подвигомъ. Они—тѣ живыя силы, которыя уничтожаютъ противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью. Въ энергіи дѣятельнаго стремленія ихъ къ недосягаемой правдѣ воплощается ея животворящая сила и въ личности человѣка, одушевленнаго нравственнымъ идеаломъ, живетъ она реальною жизнью. Это и передовые борцы за свободу личности человѣка и личности народной, безъ которыхъ немыслима никакая правда на землѣ; каждый шагъ ихъ въ этой борьбѣ — непремѣнная побѣда, какъ ни скрывалась бы она даже отъ ихъ собственныхъ взоровъ, и полный успѣхъ ихъ дѣла несомнѣненъ въ будущемъ. Причина тому проста и естественна: работа ихъ направлена къ тѣмъ же цѣлямъ, къ которымъ направлены и всѣ живыя силы человѣчества.

А. С. Хомяковъ принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи: нравственный идеалъ, имъ исповѣданный, былъ для него живою, реальною силою. Онъ имъ жилъ и работалъ на него неутомимо всѣми силами своего ума и своего слова, вдохновляемый вѣрою въ окончательное торжество правды.

Была ли мечтою эта вѣра и несбыточными упованія ея?— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ,—ходъ исторической жизни человѣческой оправдываетъ ихъ и утверждаетъ несомнѣнность реализаціи ихъ въ жизни человѣчества.

Въ нашей небольшой статейкѣ, имѣющей цѣлью только освѣтить, съ точки міросозерцанія Хомякова, его принципіальный взглядъ на то, какъ мы должны относиться къ польскому народу,—взглядъ, въ высшей степени намъ сочувственный,—мы не

будемъ слѣдить за развитіемъ жизни человѣчества, несомнѣнно идущей впередъ къ полнѣйшему раскрытію всего разнообразія силъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка и въ природѣ различныхъ народовъ, и къ гармоніи ихъ свободныхъ творческихъ проявленій. Мы укажемъ только на то, что всѣ силы человѣчества въ его историческомъ развитіи устремлены на осуществленіе въ жизни того нравственнаго начала, которое съ такою яркостью выяснилъ Хомяковъ и которому служилъ онъ неизмѣнно своимъ словомъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ право человѣка на свободу совѣсти и мысли и на свободное самоопредѣленіе было сознано и провозглашено и къ высвобожденію личности его отъ всѣхъ бытовыхъ формъ, стѣснявшихъ свободу человѣка и унаслѣдованныхъ отъ прежнихъ вѣковъ, устремились всѣ живыя силы западныхъ просвѣщенныхъ народовъ. Послѣ цѣлаго ряда политическихъ переворотовъ и могущественнѣйшаго изъ нихъ во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, свобода и неприкосновенность личности каждаго человѣка и равноправіе всѣхъ людей, къ какой бы національности они ни принадлежали, стали догмами передоваго человѣка. Но эти догмы, исходя изъ борьбы за свободу мысли, самаго космополитическаго элемента внутренней жизни человѣка, съ космополитическою же властію Римской церкви, и будучи результатами раціоналистическаго развитія человѣческаго сознанія, могли опредѣлить и опредѣлили личность человѣка въ ея космополитическомъ значеніи—и утвердили только юридическую, гражданскую полноправность и юридическую, гражданскую равноправность всѣхъ людей. При космополитическомъ пониманіи личности человѣка и государство получило космополитическій характеръ. Понятое въ этомъ смыслѣ государство, такъ сказать, уполномочивалось не признавать права на существованіе за тѣмъ, что мы называемъ народностью, лишь бы были гарантированы имъ гражданская свобода и юридическое полноправіе его гражданъ. Для этой цѣли оно имѣло право не обращать вниманія на голоса различныхъ народностей, замежеванныхъ въ предѣлы одного и того же государства, требовавшихъ правъ на индивидуальное, самобытное самоопредѣленіе. Космополитическія государства могли, вступая другъ съ другомъ въ соглашеніе, опредѣлять свои границы, не соображаясь съ желаніями народовъ, и разрѣзывать живые организмы этихъ народовъ, руководясь иными соображеніями.

Но личность человѣка не исчерпывается космополитическою стороною ея жизни,—она имѣетъ плоть и кровь и одарена инди-

видуальною самобытностью и творческими силами, отмѣченными опредѣленнымъ, общимъ имъ характеромъ. Ей недостаточно только огражденія ея отвлеченно-человѣческихъ правъ,—для нея необходима нравственная возможность и матеріальная обезпеченность прилагать присущія ей живыя силы къ дѣлу, направлять ихъ къ ея индивидуальнымъ цѣлямъ и пользоваться всѣми плодами своихъ трудовъ. Человѣкъ есть индивидуально-творческая разумная сила; она вся въ его трудѣ. Матеріальный или духовный трудъ человѣка и результаты, плоды этого труда, суть воплощенія нравственной личности человѣка. Поэтому гарантія правъ человѣка на свободу труда и на средства трудиться во всю полноту своихъ индивидуальныхъ силъ и гарантія правъ его на плоды его труда составляютъ обезпеченіе для него возможности пользоваться не только законною свободою полноправнаго гражданина государства, но и человѣка вообще.

Но живая личность человѣка не можетъ оставаться равнодушною къ той средѣ людей, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, немыслима внѣ ея. Она можетъ развить свои силы во всю ихъ полноту только среди родственныхъ ей по характеру нравственныхъ силъ, среди людей сочувствующихъ ей и съ нею гармонирующихъ, въ средѣ народности, къ которой она принадлежитъ. Право на неприкосновенность живой личности человѣка необходимо влечетъ за собою право на неприкосновенность и живой личности народа, съ которымъ она органически связана.

Право человѣка на обезпеченность свободнаго труда и право народа на самоопредѣленіе, согласно своимъ народнымъ стихіямъ, соединены неразрывно.

Самоопредѣленіе личности человѣка въ свободѣ самостоятельнаго, обезпеченнаго труда и самоопредѣленіе личности народной въ свободѣ развитія своихъ индивидуальныхъ стихій—вотъ два требованія, которыя владычно поставлены живыми силами человѣчества на современной ступени его развитія. Отъ выполненія ихъ нѣтъ возможности уклоняться въ наше время въ дѣлѣ прочнаго устроенія жизни народной, ибо все, что противорѣчитъ имъ, рано или поздно рушится неминуемо.

Къ удовлетворенію перваго требованія направлены всѣ стремленія и движенія, называемыя соціальными, и положительныя и отрицательныя, и созидательныя и разрушительныя. О нихъ мы не будемъ здѣсь упоминать, но остановимся на второмъ требованіи.

Право народовъ на индивидуальное, свободное, самобытное самоопредѣленіе, въ наше время, не есть уже только выводъ какой-нибудь отвлеченной теоріи, не составляетъ предмета неосуществимыхъ мечтаній, а частію уже стало живымъ фактомъ. Оно не есть только, не имѣющая для себя никакой правовой опоры, цѣль стремленій народностей, у которыхъ отнята возможность жить самостоятельною, свободною жизнью, но уже стало правомъ. признаннымъ вообще въ принципѣ международными актами, которыми, на основаніи общей подачи голосовъ, создано государство Италіи, соединены воедино Придунайскія княжества и т. д. Принципомъ народности руководились государства Европы при рѣшеніи народныхъ и международныхъ вопросовъ съ 1850 до 1871 г., до той поры, когда торжествующій германскій князь, послѣ побѣднаго торжества надъ Франціей, объявилъ, что верховными судьями народовъ и строителями государствъ должны быть, какъ и въ средніе вѣка, желѣзо и кровь, а право—на остріи меча.

Пусть мечтаетъ Германія, что можетъ возобновить и упрочить этотъ обветшалый и ненавистный для XIX вѣка принципъ, и въ политикѣ слѣдуетъ системѣ насильственныхъ захватовъ для упроченія гегемоніи германскаго племени надъ сосѣдними слабыми славянскими народностями и гегемоніи Пруссіи надъ всѣмъ нѣмецкимъ племенемъ,—Пруссіи, владѣвшей до того времени преимущественно не нѣмецкою почвой, а польской, и господствовавшей надъ народомъ, составленнымъ, въ огромной массѣ, изъ элементовъ не нѣмецкаго происхожденія. Дѣло Германіи непрочно,—она скопляетъ на головы своихъ народовъ громы исторической Немезиды. Нельзя пятить человѣчество назадъ. Сознаніе народовъ, угнетенныхъ чужеземнымъ игомъ, уже окрѣпло и набирается силъ, а энергія ихъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Намъ ли, русскимъ, идти по слѣдамъ этой запоздалой политики, утверждающей свою силу на заговорѣ противъ народовъ, насиліи, коварствѣ, да на пушкахъ и штыкахъ? Всякій шагъ нашъ на этомъ пути приноситъ неисчислимыя выгоды врагамъ нашимъ, а намъ и славянству—одно зло, обливаетъ наше сердце горечью сожалѣнія о безплодности совершенныхъ нами подвиговъ, вырываетъ изъ рукъ нашихъ лучшіе плоды понесенныхъ нами великихъ трудовъ. Какая была намъ польза, напр., отъ знаменитаго, такъ-называемаго, священнаго союза?—Онъ сдѣлалъ насъ жертвою политики Меттерниха, отдавъ въ плѣнъ и на службу Германіи, и связалъ насъ по рукамъ и ногамъ....

Пусть трепещутъ передъ принципомъ національности, какъ принципомъ революціоннымъ, потрясающимъ основы ихъ государственной жизни, такія государства, какъ Австрія и Турція, и такія, которыхъ крѣпость и величіе основаны на насильственныхъ захватахъ и примучиваніи народностей, сознавшихъ свое право на самобытную самостоятельность,—принципъ этотъ для Россіи не только не заключаетъ въ себѣ ничего революціоннаго, разрушительнаго, но, твердо проведенный ею въ ея внутренней и внѣшней политикѣ, служитъ залогомъ и условіемъ ея внутренняго спокойствія, внѣшней силы и величія. Понятіе о революціонности политическаго принципа—относительное понятіе. Принципъ монархическій—консервативный принципъ для Европы и революціонный для республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ и наоборотъ.

Русскому ли государству, крѣпкому преимущественно внутреннимъ единствомъ многомилліоннаго русскаго народа, широко раскинувшагося по обширной своей территоріи, бояться внутреннихъ бурь, порождаемыхъ принципомъ національности въ политикѣ? Откуда возьмутся такія бури? Не отъ сепаратистскихъ ли (да и слово-то это не русское) стремленій литовскихъ племенъ, находящихся подъ игомъ польской богатой шляхты, или племенъ финскихъ, подъ игомъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ по происхожденію бароновъ и бюргеровъ, когда эти племена только и думаютъ о томъ, чтобъ освободиться изъ-подъ такихъ властелиновъ и всѣми своими нравственными силами тяготѣютъ къ русскому народу?

А Польша?... Развѣ не жива въ польскомъ народѣ памятъ объ утраченной имъ самостоятельности, развѣ не стремится онъ къ возстановленію своего государства?—Конечно, такъ, и не можетъ быть иначе. Но мы утверждаемъ и объяснимъ немного ниже, что частію отъ самихъ насъ зависитъ—эти, во всякомъ случаѣ честныя, стремленія обратить изъ враждебныхъ къ намъ въ дружественныя. Мы, не обинуясь, называемъ эти стремленія честными: не почли ли бы мы нашею доблестью чувствовать то же, что чувствуетъ теперь полякъ, и стремиться къ тому же, къ чему стремится онъ, еслибы насъ постигла та же участь, какая постигла польскій народъ?... Жаль, если найдутся русскіе, которымъ нужно объяснять такую азбучную истину нравственности и справедливости.

Допустивъ, что все сказанное нами выше справедливо, въ чемъ мы не сомнѣваемся, Россія можетъ, приготовясь какъ слѣдуетъ, устроивъ умною, осторожною, дальновидною политикой возможность къ тому и удобство и улучивъ благопріятную минуту,—смѣ-

ло поднять знамя народности въ международной политикѣ. Такая политика пойдетъ по тому направленію, по которому движутся, возрастая въ могуществѣ, всѣ живыя силы человѣчества, стремящіяся разрушить и на самомъ дѣлѣ разрушающія всѣ искуственныя тенета, которыми онѣ опутаны. Успѣхъ такой политики несомнѣненъ. Подъ ея знамя соберутся всѣ чаянія, всѣ упованія угнетенныхъ народностей; она найдетъ себѣ массы друзей и во враждебныхъ ей государствахъ; ее окружатъ почетъ и сочувствіе всѣхъ лучшихъ, благородныхъ умовъ Европы, къ какой бы онѣ народности ни принадлежали. Ей на помощь готовы силы тѣхъ угнетенныхъ чужеплеменнымъ игомъ народностей, которыя ждутъ только средоточной, могущественной силы, на которую могли бы онѣ опереться, чтобы возстать на враговъ, желающихъ подавить и стереть ихъ народную самобытную личность.

Такая политика опасна и разрушительна, повторяемъ, для тѣхъ только государствъ, которыхъ основы затрещатъ отъ нея, и созидательна для Россіи. При торжествѣ и побѣдѣ принципа этой политики, если только онъ будетъ проведенъ *безкорыстно*, *честно*, безъ всякихъ постороннихъ затаенныхъ цѣлей, противорѣчащихъ ему, откроется и воскреснетъ къ самобытной и самостоятельной жизни цѣлый новый міръ славянскихъ народовъ,—міръ, закаленный въ борьбѣ и укрѣпившій ею свое народное сознаніе. Весь этотъ воскресшій міръ неминуемо окружитъ насъ своею любовью и соединится съ нами въ братскій тѣсный союзъ, уже по одному тому, что только опираясь на силы русскаго народа, этого могущественнаго брата своего, можетъ онъ охранить отъ враговъ свои слабыя силы, развить ихъ и укрѣпить во всю ихъ ширь. Изъ дружной нравственной работы славянскихъ народовъ, братски соединившихъ свои силы, возстанетъ и разовьется собирательная общеславянская личность, новая, взлелеянная страданіями, воспитанная и укрѣпленная честною борьбой, нравственная, живая сила въ человѣчествѣ.

Уклонится ли русскій народъ отъ великаго призванія, на которое указываютъ ему условія, созданныя для него историческими судьбами народовъ?

Русскому ли народу, очистясь отъ грѣховъ, наложенныхъ на него ходомъ его исторіи и еще лежащихъ на немъ, не взойти на высшую ступень надеждъ современнаго человѣчества, не встать во главѣ чаяній угнетенныхъ чужеземнымъ игомъ народностей

и не быть въ передовыхъ рядахъ двигателей человѣчества къ осуществленію высокихъ нравственныхъ цѣлей?

Мы сказали: «очистясь отъ грѣховъ», и настаиваемъ на этомъ, ибо только достойному выпадаетъ славный жребій стать живою силой въ нравственномъ движеніи всего человѣчества къ великой его цѣли. Объ этомъ свидѣтельствуетъ вся исторія человѣчества.

Достойны ли мы такого призванія, готовы ли мы на такое дѣло?

Мы не будемъ здѣсь отвѣчать на этотъ сложный вопросъ; замѣтимъ только: великія нравственныя дѣла совершаетъ лишь тотъ народъ, который силенъ разумѣніемъ, богатъ энергіей, доблестенъ, самостоятеленъ и свободенъ въ своихъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ.

Знамя народности въ международныхъ вопросахъ вызоветъ, конечно, энергическихъ противниковъ себѣ. Но за этимъ знаменемъ — нравственная сила, которая удесятеряетъ матеріальное могущество представителей и защитниковъ его; она есть сила созидающая, консервативная для нихъ, но революціонная для ихъ противниковъ, изъ-подъ ига которыхъ рвутся освободиться народности, угнетенныя ими, ожидая только минуты и случая сбросить съ себя это иго. Но эта великая сила всецѣло основывается на довѣріи къ тому, кто облекается въ оружіе освободителя, на вѣрѣ не столько въ его матеріальное имущество, сколько въ безкорыстіе и честность его цѣлей и слова, въ непоколебимую его устойчивость на избранномъ имъ пути.

Россія, ходомъ историческихъ судебъ, волей-неволей поставлена на этотъ путь: ее все болѣе и болѣе облегаютъ и съ запада и съ юга черныя, грозныя тучи, готовыя разразиться надъ славянскимъ міромъ; натягиваются тяжелыя цѣпи исконными врагами славянскихъ народовъ, въ которыхъ должны изнемочь послѣдніе и задохнуться отъ тяжкаго гнета надъ ними и въ которыхъ, мечтаютъ, должна подорваться и мощь русскаго народа, опутанная и стиснутая съ разныхъ сторонъ. Можетъ, затѣвается и худшее, злѣйшее дѣло: замышляются, съ распространеніемъ владычества и вліянія Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, съ насильственнымъ распространеніемъ и усиліемъ, какъ тамъ, такъ и въ средѣ австрійскихъ православныхъ славянъ, католичества и съ созданіемъ великой католической славянской державы,—раздѣленіе всего славянскаго міра на двѣ безпощадно-враждебныя другъ другу половины и братоубійственная борьба ихъ между собою, разожжен-

ная религіознымъ фанатизмомъ,—борьба неукротимая, безъисходная, поддержанная пушками и штыками другихъ западныхъ государствъ, распаленныхъ адскими, хищническими своими инстинктами... Слѣпой только этого не видитъ.

Время приспѣваетъ страшное. Одинъ исходъ—поднятіе знамени народности въ политикѣ и увѣренность всѣхъ въ полной искренности, безкорыстности и честности съ нашей стороны въ этомъ отношеніи, — въ политикѣ, неуклонно при этомъ направленной къ освобожденію славянскихъ народовъ, такой, которая была бы для нихъ залогомъ дѣйствительной свободы ихъ послѣ ихъ освобожденія.

Пользуемся ли мы такимъ довѣріемъ, можемъ ли мы имъ пользоваться, еслибы наша политика и пошла такимъ путемъ?

Россія велика силами, — вела нѣсколько освободительныхъ войнъ и окончила ихъ съ успѣхомъ, и не только безъ корысти, но даже съ ущербомъ для себя. Несмотря на это, полнаго довѣрія къ намъ, надо это признать, нѣтъ; причинъ тому не мало. Не говоря о всѣхъ ихъ, укажемъ только на двѣ — на наше внутреннее настроеніе и на польскій вопросъ. Не останавливаясь на первомъ, обратимъ вниманіе читателя на послѣднее, на польскій вопросъ.

Польскій вопросъ — ахиллесова пята въ нашей внутренней и нашей внѣшней политикѣ. Въ нашемъ международномъ положеніи, въ вопросѣ о нашемъ государственномъ могуществѣ этотъ вопросъ бросаетъ насъ въ руки враговъ нашихъ и всего славянства, подчиняетъ нашу политику ихъ политикѣ, заставляетъ насъ идти вслѣдъ ихъ побѣдной колесницы, вырываетъ у нашего народа лучшіе плоды его честныхъ, освободительныхъ подвиговъ.

Польскій вопросъ туманитъ и мутитъ не мало русскихъ умовъ, заставляя ихъ, въ подражаніе нѣмцамъ, призывать русскій народъ и даже приступать къ дѣлу несвойственному русской природѣ,—совершать упорно, систематически, хладнокровно одно изъ величайшихъ злодѣяній, насильственно уничтожать нравственную личность, индивидуальность другаго народа, его душу,—насильственно *руситъ* поляковъ. А къ этому взывали нѣкоторые публицисты, распаленные государственнымъ и въ то же время какимъ-то инквизиціоннымъ жаромъ, вѣруя единственно въ насиліе, какъ въ нѣкое божество, способное что-то творить. За этими публицистами, съ ихъ голоса, вопили то же самое многіе,

большею частію, безсознательно. Всѣмъ этимъ господамъ можно сказать: не знаете вы, какого вы духа или, точнѣе, какого народа вы дѣти. Духъ русскаго народа, хотя и незамѣтно для васъ самихъ, живетъ въ васъ, а русскій народъ по преимуществу человѣченъ. Человѣчность — основная черта его характера, его души: онъ не рукоплещетъ казни какихъ бы ни было преступниковъ; онъ не переноситъ хладнокровно зрѣлища страданій; онъ—великій христіанинъ въ глубинѣ своихъ инстинктовъ. Онъ измѣняетъ этому свойству своей природы только въ минуты особенно страстныхъ порывовъ своей души. Русскій человѣкъ одаренъ прекрасною, честною неспособностью сознательно, преднамѣренно, систематически губить, стирать чужую нравственную личность, и вы сами, господа, на себѣ доказали послѣднее.

Польскій вопросъ вызываетъ оскорбительныя угрозы намъ со стороны всѣхъ, кто только найдетъ нужнымъ насъ пугнуть, заставляетъ насъ смущаться демонстраціями и затѣями клерикаловъ, польскихъ магнатовъ, отрѣшенныхъ исторіей отъ своего народа и одуренныхъ происками іезуитской внутренней политики Австріи, которая манитъ ихъ запоздалой, несбыточной надеждой стать во главѣ западнаго славянскаго міра и тамъ обрѣсти то, что потеряли въ своемъ отечествѣ; наконецъ, польскій вопросъ, кривя нашу народную совѣсть, подрываетъ довѣріе многихъ изъ родственныхъ намъ славянъ, видящихъ въ насъ союзниковъ ихъ враговъ и, будто бы, безпощадныхъ угнетателей одного изъ славянскихъ народовъ. Вопросъ польскій долженъ быть рѣшенъ, во что бы то ни стало, радикально; къ такому рѣшенію должно быть приступлено немедля и это рѣшеніе должно быть, по возможности, таково, чтобы никто не могъ произвольно и ложно истолковать его смыслъ.

Конечно, рѣшеніе этого вопроса, изложенное Хомяковымъ въ его письмѣ, напечатанномъ нами, можетъ-быть возможное въ то время, когда оно писалось, немыслимо въ настоящую минуту. Мы и печатали это письмо не съ цѣлью предлагать подобное рѣшеніе, но съ цѣлью выяснить принципіальный взглядъ Хомякова на то, какъ должна относиться Россія къ Польшѣ.

Польскій вопросъ можетъ быть рѣшенъ трояким образомъ. Необходимо: или 1) уничтожить польскую народность такъ, чтобы въ польскомъ народѣ не осталось и слѣда чего-нибудь польскаго; или 2) возстановить государство польское, отдѣливъ его отъ

Россіи; или 3) охранивъ, по возможности, польскую народность отъ всѣхъ разлагающихъ ее вліяній, привлечь къ намъ надежду и любовь польскаго народа.

Первое—невозможно по существу и по внѣшнимъ условіямъ. Нѣтъ возможности ни отнять у польскаго народа память о быломъ, ни вытѣснить его съ польской почвы въ Привислянскомъ краѣ заселеніемъ ея русскими, ни отдать все, такъ-называемое, царство Польское или часть его нѣмцамъ, что, кажется, и замышляли разные наши близорукіе политики-патріоты. Отдать Германіи часть русской Польши значило бы усилить врага славянъ и дать ему возможность ворваться въ предѣлы Россіи и укрѣпиться на почвѣ, теперь намъ принадлежащей.

Второе—невозможно теперь для насъ и гибельно для польскаго народа. Государство польское сдѣлалось бы въ скоромъ времени добычей сперва хищныхъ похотей магнатовъ польскихъ,—похотей, погубившихъ старую Польшу,—вмѣстѣ съ тѣмъ іезуитской Австріи, а потомъ и нѣмцевъ.

Возможно и должно быть всѣми мѣрами приведено въ исполненіе *третье*. Освобожденное нами польское крестьянство—такъ называемое на языкѣ польскихъ аристократовъ и польской шляхты быдло—за насъ, нашъ другъ теперь; отъ насъ, русскихъ, зависитъ закрѣпить эту дружбу прочно. Торговое сословіе, какъ слышно, довольно послѣднимъ тарифомъ и, значительно разбогатѣвъ въ послѣднее время, при дальнѣйшемъ покровительствѣ съ нашей стороны его интересамъ, не отдѣлитъ ихъ отъ нашихъ, если не будетъ оскорбляемо въ своемъ національномъ чувствѣ. То же можно сказать вообще и о городскомъ, ремесленномъ населеніи, при покровительствѣ съ нашей стороны его выгодамъ. Въ нашъ практическій вѣкъ, когда экономическія выгоды впереди всего, не могутъ эти практически трудящіеся люди увлечься никакими мечтами, какъ бы очаровательны эти мечты ни были.

Что касается такъ называемой интеллигенціи польской, то замѣтно въ ней несомнѣнное желаніе сблизиться съ нами, оставя всякія несбыточныя, по существу своему, мечты о когда-то бывшихъ историческихъ границахъ. Она понимаетъ положеніе Польши въ сосѣдствѣ съ могущественною Германіей. Ни одинъ привислянскій полякъ, сколько намъ извѣстно, не принялъ участія въ празднованіи пятидесятилѣтія польской революціи. Нѣкоторые органы польской печати и краковская историческая школа смот-

рятъ на польскій вопросъ трезво. Эти представители польской мысли не живутъ, навсегда погребенными, иллюзіями, кореняющимися въ преданіяхъ старины, но, оставаясь на реальной почвѣ, уже хорошо видятъ, откуда—конечная гибель польской народности. Много поляковъ и не только въ нашей Польшѣ, но и въ Австріи, какъ видно изъ весьма важной, по своему содержанію, брошюры Петрашевскаго, къ сожалѣнію, почти неизвѣстной русской публикѣ, отлично ясно понимаютъ, чѣмъ имъ грозитъ Германія. Десятки тысячъ такихъ поляковъ образуютъ общество, имѣющее цѣлью сближеніе поляковъ съ Россіей и защиту польской національности отъ замысловъ Германіи*). Засѣданія этихъ обществъ происходятъ и у насъ въ Россіи. Члены ихъ убѣждены, что въ предѣлахъ Россіи польскій народъ скорѣе можетъ сохранить свою національность. Такъ, въ одномъ изъ засѣданій такого общества, бывшемъ 14 августа 1879 года, было постановлено о необходимости оставаться подъ гегемоніей Россіи и отдѣлясь отъ партій держащихся противнаго мнѣнія, склонять ихъ на свою сторону. А католицизмъ поляковъ и духъ католической невѣротерпимости?... Но поляки молодаго поколѣнія воспитались въ совершенно другомъ духѣ и значеніе католицизма совершенно падаетъ или даже совсѣмъ упало въ своемъ значеніи для нихъ. Они католичествуютъ не ради католицизма, а потому, что считаютъ его, между прочимъ, знаменемъ, вокругъ котораго собираются національныя польскія стремленія, и какъ бы щитомъ, защитою отъ пугающихъ ихъ, какъ призракъ или кошемаръ, сильныхъ, будто бы, стремленій русскихъ къ національному обезличиванію Польши. Объ этомъ свидѣтельствуютъ почти всѣ знающіе польское новое поколѣніе.

Не будетъ ли лежать на насъ тяжелый грѣхъ передъ всѣмъ славянскимъ міромъ и передъ нами самими, если мы, не изучивъ безпристрастно современнаго состоянія польскаго общества и народа, не выработавъ трезваго взгляда на польскій вопросъ, небрежно отнесемся къ этимъ зародившимся начаткамъ сближенія съ нами роднаго намъ славянскаго народа и отвернемся отъ нихъ, оттолкнувъ, протягиваемыя къ намъ, руки нашихъ братьевъ, изнывающихъ въ тоскѣ? Раздоръ съ польскимъ народомъ грозитъ бѣдами всему славянскому міру и тяжкими послѣдствіями для

*) Брошюра Петрашевскаго: «Посланіе къ французскимъ и славянскимъ историкамъ, публицистамъ, политикамъ и литераторамъ», неизвѣстная многимъ изъ нашего общества, и болѣе распространенная брошюра Шигарина: «Что нужно для нашего сближенія съ поляками».

русскаго народа. Неужели не подадимъ братской руки братскому народу, потерявшему спокойствіе ума отъ страшной судьбы, постигшей его отчизну, мечущемуся какъ больной въ своей постелѣ, когда видимъ признакъ, что онъ желаетъ мириться съ нами?

Мы не только не имѣемъ нравственнаго права отвернуться отъ такого желанія, но должны идти ему на встрѣчу, вызывать его всѣми возможными для насъ способами. Мы торжествуемъ и во власти, а поляки подавлены и унижены судьбою. Легче побѣдителю протянуть руку побѣжденному, чѣмъ послѣднему—первому. Высокомѣріе въ торжествующемъ побѣдителѣ ненавистно и презрѣнно; но честна благородная гордость въ побѣжденномъ. Слѣдуетъ принять въ разсчетъ и природу поляка, и его положеніе. Онъ запальчивъ и способенъ къ сильнымъ увлеченіямъ, за которыя и расплатился тяжко, а несказанное горе видѣть отчизну на краю конечной гибели надломило его нравственныя силы и сдѣлало его раздражительнымъ и крайне щекотливымъ. Надо щадить благородную гордость поляка своею національностью—единственное для него утѣшеніе въ его безпримѣрномъ несчастіи. Для этого нѣтъ надобности въ особомъ великодушіи,—достаточно простаго человѣческаго чувства. Да будутъ прокляты тѣ, русскіе ли, поляки ли, которые раздуваютъ или вызываютъ въ насъ высокомѣрныя, враждебныя чувства въ отношеніи родственнаго намъ и побѣжденнаго народа, разжигаютъ злобу двухъ родственныхъ племенъ и мѣшаютъ дѣлу ихъ примиренія, смѣшивая во едино всѣхъ поляковъ галиційскихъ, всѣ партіи польскія и даже такихъ съумасшедшихъ, какъ авторъ брошюры «Польши и Габсбурга», о которой говоритъ г. Шигаринъ въ упомянутой нами брошюрѣ: «Что нужно для нашего сближенія съ поляками». Мы, конечно, далеки отъ того, чтобы совѣтовать—опрометчиво питать разныя несбыточныя мечты польщизны вообще, а особенно несогласимыя съ спокойствіемъ, крѣпостью и пользами нашего государства: такіе замыслы встрѣтятъ и съ нашей стороны, само собою разумѣется, энергическій отпоръ. Мы утверждаемъ только, что *та часть Польши, которая замежевана въ границы Россіи, должна оставаться въ этихъ границахъ, подъ властью русскаго государства; но, при этомъ, польская народность, въ предѣлахъ ея этнографическаго распредѣленія, должна пользоваться полною неприкосновенностью ея національности и свободы ея духовнаго и бытоваго творчества и развитія. Само собою разумѣется, что всякія попытки, откуда бы онѣ ни исходили, ополячивать людей не*

польскаго происхожденія должны быть пресѣкаемы въ самомъ ихъ началѣ. Такимъ образомъ, подъ охраною русской власти, часть польской народности, взятая нами подъ нашъ *временный интердиктъ*, какъ выражается Хомяковъ, соблюдется ко дню, когда воскреснетъ славянскій міръ къ самостоятельной, обезпеченной въ своей свободѣ, жизни, когда настанетъ пора, независимой государственной жизни для Польши. Мы передадимъ тогда польскій народъ въ семью славянскихъ народовъ, какъ охраненнаго нами, здороваго, примиреннаго со всѣми, высоко даровитаго, полноправнаго, великаго ихъ и нашего брата.

Что таковы наши желанія, намѣренія и цѣль, въ томъ необходимо увѣрить поляковъ, которыхъ недовѣріе къ намъ понятно, увѣрить и весь славянскій міръ рядомъ государственныхъ актовъ, гарантирующихъ для польскаго народа, въ его этнографическихъ предѣлахъ, неприкосновенность свободнаго развитія его національныхъ элементовъ и предоставляющихъ ему самоуправленіе, не противорѣчащее его разумнымъ желаніямъ и совмѣстное съ государственнымъ строемъ Россіи.

Но въ основаніе такого дѣла должно положить безпристрастную разработку всѣхъ подробностей польскаго вопроса. Необходимо съ возможною точностью познакомиться со всѣми польскими партіями, вполнѣ узнать, что онѣ думаютъ, какія политическія теоріи создали онѣ для себя. Такихъ партій нѣсколько. Г. Шигаринъ въ своей брошюрѣ говоритъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ особенные оттѣнки, зависящіе отъ различныхъ мѣстностей. Привислянскіе, сѣверо-западные и юго-западные поляки представляютъ собою три совершенно различныхъ видоположенія. Близкое знакомство со всѣми этими партіями выяснитъ состояніе вопроса о примиреніи, а взаимный обмѣнъ мыслей съ ними разсѣетъ много тумановъ, предразсудковъ, гибельныхъ иллюзій и избавитъ отъ многихъ недоразумѣній и ошибочныхъ дѣйствій съ нашей и ихъ стороны.

Затѣмъ мы должны будемъ подать руку на общее дѣло тѣмъ изъ польскихъ партій, которыя поняли подобно той, представители которой собирались 14 августа 1879 г. въ Вильно, необходимость остаться подъ гегемоніей Россіи, и вмѣстѣ съ ними дружно вступить въ литературную борьбу съ ихъ и нашими противниками, если только откроется на то возможность безъ всякихъ опасеній для нихъ и на условіяхъ достаточной свободы слова.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ безотлагательно приступить къ этому, въ предѣлахъ, конечно, возможнаго. Пора намъ и полякамъ устранять отъ себя тяжелыя воспоминанія о кровавыхъ временахъ ожесточенной борьбы и покончить съ взаимными обидами, клеветами, взаимными раздраженіями и озлобленіями, — общій врагъ нашъ у воротъ.

Спокойнымъ, честнымъ, проникнутымъ чувствомъ уваженія другъ къ другу, объясненіямъ русскихъ съ поляками,—объясненіямъ, способнымъ привести къ взаимному ихъ примиренію,—открываемъ мы страницы нашего журнала.

Ред.

III.

Нѣчто о русско-польскомъ вопросѣ въ нашей журналистикѣ.

Suum cuique.

За послѣднее время все чаще и чаще стали встрѣчаться въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ статьи по такъ-называемому «польскому вопросу», но во всей этой «литературѣ» весьма мало такого, на чемъ стоило бы остановиться, и дѣло, которое берутся объяснить всѣ эти статьи, впередъ не подвигается ни на шагъ. А дѣло-то такого рода, что имъ, право, необходимо заняться серьезно.

Стала именно съ нѣкоторыхъ поръ носиться въ воздухѣ мысль о необходимости примиренія, сближенія двухъ славянскихъ народностей, которыя судьбою принуждены жить вмѣстѣ и только проигрываютъ отъ той вражды, съ какою до сихъ поръ одна къ другой относились. По этому-то поводу и возникла вся эта газетная литература, но выходитъ какъ разъ такъ, что люди, наиболѣе способные содѣйствовать примиренію, большею частью молчатъ, а на сцену выступаютъ чаще всего люди, ставящіе себѣ задачей доказывать, что примиреніе невозможно, или предлагающіе такія условія для этого примиренія, которыя ясно свидѣтельствуютъ только о нежеланіи этихъ людей идти на дѣйствительное сближеніе съ поляками. Мы, русскіе, слишкомъ мало вообще знаемъ Польшу и поляковъ прежнихъ и теперешнихъ, чтобы безъ предварительной подготовки рѣшать столь сложный вопросъ, какимъ является вопросъ польскій,—и рѣшать его въ смыслѣ умиротворенія, сближенія,—и потому большею частью молчимъ, не зная, что сказать, когда принципіально и сочувствуемъ этому

стремленію и когда бы даже желали всѣмъ сердцемъ рѣшенія вопроса въ смыслѣ тѣснѣйшей дружбы съ поляками,—вотъ и говорятъ за насъ такіе люди, которые относятся съ какою-то стихійною ненавистью ко всему польскому. Для враждебныхъ или недовѣрчивыхъ рѣчей матеріалъ всегда готовъ подъ руками; довольно нѣсколько общихъ мѣстъ объ историческомъ характерѣ польской шляхты и польскихъ ксендзовъ, да нѣсколько соображеній насчетъ того, сколько-де намъ зла надѣлали поляки,—и пойдутъ тутъ ссылки на 1612, 1812, 1830, 1863 гг., а какъ самый убѣдительный аргументъ—приберегаются двѣ-три выписки изъ крайнихъ польскихъ газетъ заграничныхъ, ругающихъ Россію. И пойдутъ статьи съ припѣвами, если не *vae victis,* то *caveant consules*,—статьи, которымъ въ пріемѣ не отказываютъ ни *Московскія Вѣдомости*, ни *Новое Время*, ни *Кіевлянинъ*, ни покойные *Берегъ* съ *Россіей* и т. п. *Caveant consules!* — восклицаетъ, напримѣръ, *Кіевлянинъ*,—держите ухо востро, не поддавайтесь полякамъ, приходящимъ къ вамъ съ словами мира. *Caveant consules*!—вторитъ ему *Новое Время* (№ 1756), усматривающее лихія козни въ «обращеніи польскихъ демократовъ (здѣсь *Новое Время* ставитъ въ скобкахъ «знаки ?!) къ свободномыслящимъ россіянамъ», выцокавшее гдѣ-то «недвусмысленныя угрозы новымъ возстаніемъ Польши», посылающее по извѣстному адресу «неугомонный польскій духъ.... маленькихъ польскихъ хвастуновъ» и заключающее свои разсужденія такою тирадой: «настолько у насъ гордости и силы хватитъ, чтобы имѣть право сказать этимъ союзникамъ: убирайтесь прочь!» Задоръ, нетерпимость, самомнѣніе — необходимая принадлежность такихъ статей, которыя не могутъ обойтись безъ *латинства*, вмѣсто общепринятаго *католицизма*, и которыя, лишь дѣло заходитъ о польскихъ революціяхъ или возстаніяхъ, сейчасъ же деградируютъ ихъ на степень простыхъ *бунтовъ*. Понятно, что чтеніе подобныхъ литературныхъ упражненій не особенно можетъ расположить поляковъ къ примиренію съ нами: тѣмъ изъ нихъ, которые склонны къ сближенію, остается молчать, а ихъ непримиримые тычутъ имъ въ глаза статьями нашихъ публицистовъ.

Но я не къ тому повелъ свою рѣчь. Я ставлю другой вопросъ: насколько именно вѣрно представляютъ намъ самое дѣло авторы подобныхъ статей, — другими словами, знаютъ ли они тѣ въ дѣйствительности нынѣ существующія отношенія, которыя прежде всего необходимо принимать въ разсчетъ при

рѣшеніи нашего вопроса? На это, я полагаю, мы въ правѣ отвѣтить только отрицательно.

Я думаю прежде всего, что въ статьяхъ о русско-польскомъ вопросѣ рѣчь должна идти почти исключительно о полякахъ, живущихъ въ Россіи вообще и въ частности въ той части этнографической Польши, которая соединена съ Россіей, т. е. въ царствѣ Польскомъ (которое наши полонофаги упорно называютъ всегда и вездѣ Привислянскимъ краемъ и иначе называть не хотятъ). О нихъ-то какъ разъ менѣе всего говорятъ наши публицисты, гораздо охотнѣе повѣствуя о томъ, что творится въ Галиціи, благо она доставляетъ достаточное количество матеріала, удобнаго для писанія на тему о непримиреніи. Задумали поляки праздновать въ Краковѣ юбилей Крашевскаго,—раздается въ извѣстной части нашей прессы: *caveant consules!* Устроили галицкіе поляки рядъ овацій пріѣхавшему въ Галицію австрійскому императору,—опять готово *caveant consules!* Собрались они и познанчики почтить своихъ героевъ 1830 г. въ пятидесятилѣтнюю годовщину повстанія,—снова и снова все то же *caveant consules!* Нѣтъ спора, что нѣкоторыя изъ этихъ событій такъ или иначе могутъ влiять на наши отношенія въ русской Польшѣ,—нѣтъ спора, что въ галиційскихъ манифестаціяхъ прошлаго года можно видѣть отраженіе враждебной намъ общей политики Австріи, съ которою мы должны считаться и въ нашемъ вопросѣ; но исчерпываютъ ли такія событія, какъ юбилей Крашевскаго, поѣздка Франца-Іосифа по Галиціи, празднованіе пятидесятилѣтія революціи 1830 г.,—исчерпываютъ ли они всю польскую жизнь и слѣдуетъ ли ихъ выдвигать на первый планъ, когда заходитъ рѣчь о нашихъ отношеніяхъ къ полякамъ, живущимъ въ Россіи? Слѣдуетъ ли также, передавая извѣстія о подобныхъ событіяхъ, прибавлять: *haec fabula docet* и т. д., въ смыслѣ невозможности примиренія съ поляками? Въ нашихъ газетахъ извѣстнаго пошиба это дѣлается сплошь и рядомъ.

Я только въ одномъ отношеніи признаю важность всего, дѣлающагося въ Галиціи, для рѣшенія *нашего* вопроса, но съ этой стороны никто за дѣло взяться не хочетъ: важно было бы изучить польское общество въ Галиціи и, пожалуй, вообще за границей, цѣли и стремленія отдѣльныхъ въ немъ партій, ихъ взаимныя отношенія, отраженіе общественной мысли въ періодической прессѣ и т. д.,—важно было бы это потому, что мы знали бы тогда, какое вліяніе вообще могутъ имѣть на нашихъ поляковъ

поляки Австріи, Пруссіи и эмигрировавшіе, и въ чемъ первые похожи или непохожи на послѣднихъ. Между тѣмъ по всему этому у насъ существуетъ полнѣйшее невѣжество: тѣ, которые судятъ и рядятъ о теперешнихъ полякахъ вообще по заграничнымъ, и послѣднихъ-то знаютъ большею частью только по случайнымъ газетнымъ извѣстіямъ. Знать обстоятельно то, на что мы сейчасъ указали, гораздо полезнѣе, чѣмъ заниматься высшею политикой и переворачивать всѣ дипломатическія отношенія европейскихъ государствъ за послѣдніе годы для рѣшенія вопроса, можемъ ли мы теперь мириться съ поляками. Всѣ и безъ того хорошо знаютъ, какое вообще вліяніе имѣли или должны были бы имѣть на нашу и австрійскую политику крупнѣйшія событія послѣднихъ лѣтъ, каковы—объединеніе Германіи и начало освобожденія балканскихъ славянъ отъ турецкаго ига, но это знаніе нисколько не поможетъ намъ разрѣшить *нашъ*, русско-польскій, вопросъ, хотя бы мы самымъ точнымъ образомъ опредѣлили отношеніе поѣздки Франца-Іосифа и юбилея 1830 г. къ общей австрійской политикѣ и къ чаяніямъ заграничныхъ поляковъ.

Итакъ, по моему мнѣнію, мы слишкомъ много говоримъ по поводу нашего вопроса объ общей политикѣ, о заграничныхъ полякахъ, о чисто-внѣшнихъ событіяхъ, мало зная положеніе дѣлъ въ той же Галиціи и, пожалуй, еще менѣе будучи знакомы съ самою интересною для насъ частью старой Польши, съ царствомъ. Да и откуда намъ знать о послѣднемъ? Въ нашихъ столичныхъ газетахъ нерѣдки, правда, корреспонденціи изъ Варшавы, но въ нихъ вы найдете извѣстія о погодѣ, о состояніи мостовыхъ и тротуаровъ, о какой-либо конской выставкѣ, о крупной кражѣ, о криминальномъ казусѣ, о торговыхъ дѣлахъ, о торжественномъ обѣдѣ въ русскомъ клубѣ — вотъ и все. Да большаго и найти нельзя: варшавскіе корреспонденты—русскіе, не знающіе польскаго общества, чиновники, на все смотрящіе съ казенной точки зрѣнія, или особаго рода публицисты, полагающіе, что ихъ миссія — утирать носъ полякамъ при каждомъ удобномъ случаѣ. Отъ такихъ корреспондентовъ, конечно, ничего не узнаешь, и особенно о русско-польскихъ отношеніяхъ въ царствѣ: вопросъ этотъ они обходятъ, о препятствіяхъ къ сближенію съ нами поляковъ въ характерѣ значительной части здѣшнихъ русскихъ дѣятелей обязательно умалчиваютъ, а вотъ если есть возможность какого-либо «полячка» изобличить, то это съ большимъ удовольствіемъ.—Обратимся къ мѣстной прессѣ.

Но мѣстная пресса—подъ игомъ цензуры, и очень-очень строгой цензуры, которая только весьма недавно немножечко ослабила стискиваніе печати своими ежовыми рукавицами (объ этомъ см. № 25 газеты *Молва* за нынѣшній годъ). «Варшавскою цензурою,—читаемъ мы въ № 10 газеты *Порядокъ*,—преслѣдовалась не только всякая свѣжая мысль, мало-мальски уклоняющаяся отъ общепринятой рутины, но даже форма и способъ выраженія преслѣдовались безъ всякаго основанія и даже въ противность государственному интересу, по личному вкусу и разумѣнію, слѣдовательно—по произволу, цензоровъ. Отъ этого произвола литература не могла себя оградить ничѣмъ; *онъ лишалъ ее даже свободы заимствованія идей и фактовъ изъ современной жизни русскаго общества*.... Относительно русской печати установилось въ Варшавѣ правило, что далеко не все, напечатанное въ Россіи о полякахъ или по польскому вопросу, можетъ быть переводимо въ Варшавѣ. *Не разрѣшалось переводить извлеченія изъ мѣсячныхъ обозрѣній русскихъ журналовъ*...., *для Варшавы плоды русской мысли были запретными плодами*». Хороша, мимоходомъ сказать, почва для сближенія и хороши условія, въ которыя поставленъ русскій, который, не живя въ царствѣ Польскомъ, берется разрѣшить русско-польскій вопросъ! Людямъ подобросовѣстнѣе приходится молчать, менѣе осмотрительные и не пытаются проникнуть въ эту *terram incognitam:* они даже не замѣчаютъ существующаго неудобства, но, «пыль вѣковъ отъ хартій отряхнувъ», начинаютъ припоминать дѣянья старины глубокой», и лишь рѣчь заходитъ о «кичливыхъ ляхахъ», живущихъ въ Россіи, какъ начинаютъ шелестѣть газетными листами, ища въ нихъ свѣженькихъ извѣстій о какой-либо польской демонстраціи, когда хотятъ постигнуть, что творится въ польскомъ заграничномъ мірѣ. Мы уже видѣли, какую службу служатъ нашимъ публицистамъ извѣстной категоріи газетныя извѣстія,—посмотримъ теперь, къ чему многіе изъ нихъ для рѣшенія русско-польскаго вопроса считаютъ нужнымъ залѣзать въ хартіи, покрытыя вѣковою пылью, т. е., говоря проще, въ гимназическіе учебники исторіи.

Ахъ, тамъ очень просто разрѣшено все! Будемъ о настоящемъ судить по прошлому, а въ прошломъ вѣдь была Польша, заправлявшаяся одною шляхтой да ксендзами,—значитъ, и теперь она такая. Какъ это ни странно, но наши полонофобы и полонофаги не иначе смотрятъ на современную Польшу, какъ го-

ворится въ учебникахъ исторіи о тѣхъ временахъ, когда въ Польшѣ, дѣйствительно, съ паденіемъ государственной власти, упадкомъ городовъ, закрѣпощеніемъ поселянъ, побѣдой католической реакціи надъ иновѣріемъ и свободомысліемъ,—утвердилась власть дворянства и духовенства на угнетеніе народа и на погибель государства. Дѣло въ томъ, что подъ поляками во многихъ статьяхъ нашихъ газетъ разумѣется только шляхетство, проникнутое клерикальными тенденціями. Но возможно ли, спросимъ мы, чтобы *не начали и въ Польшѣ, подобно тому, какъ и въ иныхъ странахъ Европы*, падать феодально-католическія основы общественной и умственной жизни, чтобъ и здѣсь не появились въ общественной дѣятельности люди иного, чѣмъ шляхта, соціальнаго слоя и иныхъ, нежели ксендзы, воззрѣній?—Конечно, невозможно, немыслимо; но тѣ публицисты, о которыхъ мы говоримъ, этого не знаютъ: *Новое Время* въ выраженіи «польскій демократъ» видитъ какую-то *contradictionem in adjecto* и ставитъ при немъ знакъ вопросительный и знакъ восклицательный; другіе, не лучше зная дѣло, утверждаютъ, что если въ Польшѣ и возможенъ прогрессъ въ направленіи антиаристократическомъ и антиклерикальномъ, то только при помощи русскихъ, которые давно и создали бы тамъ новую породу людей, не мѣшай этому коварные галицкіе поляки. Согласенъ, что мы (т. е. не всѣ, конечно) могли бы содѣйствовать такому прогрессу въ Польшѣ, но, право, кромѣ галицкихъ поляковъ здѣсь еще коекто виноватъ, а кто больше—судить трудно. Я, впрочемъ, не касаюсь этого вопроса по существу и ограничусь лишь еще выдержкой изъ № 10 газеты *Порядокъ*: «Варшавская цензура,—говорится тамъ именно,—относится съ одинаковымъ недовѣріемъ ко всѣмъ направленіямъ польской печати Привислянскаго края... Въ невыгодномъ положеніи находится и такъ-называемая «молодая» печать болѣе радикальнаго пошиба, *поставившая себѣ задачей бороться открыто съ шляхетскими и клерикальными тенденціями*. Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе внутреннихъ осложненій въ политикѣ Россіи, *эта молодая печать заподозрѣвается въ соціализмѣ и нигилизмѣ*. Отъ бывшаго начальника края, графа Коцебу, исходило представленіе о закрытіи одного изъ такихъ органовъ печати, а именно газеты *Nowiny*. Главное управленіе по дѣламъ печати не могло согласиться съ мнѣніемъ графа Коцебу и отстояло газету....»

Наши полонофаги игнорируютъ, большею частью, существованіе этой молодой печати и представляемой ею, если можно такъ въ данномъ случаѣ выразиться, партіи. Они все еще толкуютъ о шляхетствѣ и «латинствѣ», какъ будто ими исчерпывается все содержаніе современной польской жизни. Вотъ вамъ, господа, и такіе люди, у которыхъ уже нѣтъ ни сословныхъ, ни вѣроисповѣдныхъ препятствій для сближенія съ русскими,— конечно, съ русскими, не считающими перехода поляковъ въ православіе, усвоенія ими кириллицы, стараго стиля и богослуженія на церковно-славянскомъ языкѣ за *conditio sine qua non* сближенія. Въ томъ-то и бѣда, однако, что ратующіе противъ поляковъ публицисты сами большею частью не доросли до точки зрѣнія польской молодой печати, оставаясь большею частью либо фанатиками самаго допотопнаго свойства, либо шовинистами новѣйшей формаціи, и въ лучшемъ только случаѣ будучи людьми искренне заблуждающимися, но лишенными сокрушительныхъ инстинктовъ. Противъ одного фанатизма они выставляютъ другой, противъ одного шовинизма другой шовинизмъ,—такъ гдѣ же тутъ думать о сближеніи?... Мало того, наши публицисты какъ бы не могутъ понять иного, чѣмъ ихъ, отношенія къ дѣлу: въ рѣшительномъ и искреннемъ желаніи примиренія они готовы видѣть чуть не измѣну національности, какую-то двуличную игру, ни къ чему не ведущее сидѣнье между двумя стульями. Прочтите, наприм., характеристику г. Спасовича, набросанную г. Кояловичемъ въ статьѣ *Новаго Времени*,—статьѣ сравнительно умѣренной и даже допускающей возможность примиренія. «Г. Спасовичъ,—говорится тамъ,—во всю жизнь свою осуществлялъ идеалъ, для всѣхъ повидимому невѣроятный и неосуществимый. Онъ всею своею жизнью доказываетъ, что въ одномъ лицѣ,—въ его, именно лицѣ,—можетъ совмѣщаться и русскій, и польскій человѣкъ. Онъ и русскій профессоръ, и польскій ораторъ публичныхъ лекцій; онъ и русскій писатель, и польскій писатель; онъ русскій весьма извѣстный присяжный повѣренный, принимающій близко къ сердцу высокія блага русской цивилизаціи, и въ то же время онъ ревностный защитникъ даже интересовъ латинства (?). При одномъ имени этого дѣятеля невольно возникаетъ воспоминаніе объ Янусѣ.... Это очень смѣло,—говоритъ ниже г. Кояловичъ,—но бываетъ, кромѣ того, и очень трагично: г. Спасовичъ былъ-де жестоко отвергнутъ, жестоко, съ невѣроятнымъ цинизмомъ былъ осужденъ за совмѣщеніе въ себѣ русскаго и

польскаго человѣка». Дѣло идетъ о неприличной выходкѣ польскаго шовиниста, г. Лиске, въ отвѣтъ на примирительную рѣчь г. Спасовича во время празднованія юбилея Крашевскаго. Но что это доказываетъ?—Г. Спасовича осудилъ непримиримый полякъ, но и не особенно склонный къ примиренію русскій его также осуждаетъ,—больше ничего все это и не доказываетъ. Противъ *возможности* и *вѣроятности* дѣятельности г. Спасовича это аргументъ плохой. Пока обѣ стороны будутъ держаться за обветшалыя знамена, примиренія быть не можетъ, а г. Спасовичъ потому и не милъ обѣимъ сторонамъ, что бросилъ старыя знамена ради одного новаго, подъ которымъ, по его мнѣнію, могли бы сойтись обѣ стороны. Мы именно говоримъ о соединеніи «польскихъ демократовъ» со «свободномыслящими россіянами», заимствуя эти выраженія у шовинистическаго *Новаго Времени*, которое напрасно только говоритъ объ этомъ сближеніи иронически. Возможно ли здѣсь сближеніе, наши публицисты большею частью и не думаютъ разсматривать: игнорируя существованіе поляковъ безъ шляхетскихъ и клерикальныхъ тенденцій, не обращая вниманія на варшавскую молодую прессу, они, равнымъ образомъ, и «свободномыслящихъ россіянъ» знать не хотятъ, какъ тоже своего рода ренегатовъ. Для фанатиковъ и шовинистовъ польщизны точно также должны явиться ренегатами всѣ редакторы, сотрудники и подписчики «молодой» прессы, которая проповѣдуетъ, напримѣръ, такія неслыханныя вещи (см. проспектъ еженедѣльной газеты *Prawda* на 1881 г.): «Намъ говорили, что мы единый народъ народовъ, какіе-то особенные избранники, миссія которыхъ—распространеніе истиннаго просвѣщенія между всѣмъ человѣчествомъ; въ дѣйствительности же мы, чего никогда не слѣдуетъ забывать, только очень небольшой народъ, и вмѣсто того, чтобы мечтать о какомъ-то духовномъ предводительствѣ націями, мы должны болѣе всего думать, какъ бы только не отстать отъ другихъ».

Мы особенно настаивали на существованіи среди поляковъ новаго направленія потому, что, по нашему мнѣнію, только на этой почвѣ возможно начало сближенія. Во-первыхъ, какъ для русскихъ, такъ и для поляковъ, съумѣвшихъ отказаться отъ національнаго консерватизма и романтизма, число спорныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію и разрѣшенію, значительно уменьшается, тогда какъ ультранаціоналисты обоихъ племенъ своею полемикой способны плодить эти спорные вопросы до безконеч-

ности. Во-вторыхъ, люди новаго направленія могутъ дотолковаться до общихъ принциповъ, которые должны быть приложены къ рѣшенію этихъ вопросовъ, чего уже никакъ не могутъ сдѣлать непримиримые, изъ которыхъ у каждой стороны такіе принципы, что они совершенно исключаютъ собою принципы противной стороны. Въ-третьихъ, люди, исповѣдующіе одни и тѣ же убѣжденія, съумѣютъ вести переговоры безъ раздраженія и съ уваженіемъ другъ къ другу, не подымая крика изъ-за какихъ-либо пустяковъ, изъ-за промаха или безтактнаго шага своихъ противниковъ, какъ это, то и дѣло, случается въ теперешнихъ газетныхъ статьяхъ. Наконецъ, при нашемъ предположеніи невозможно было бы и незнаніе того, чего именно хочетъ противная сторона. Какъ намъ мириться,—восклицаютъ теперь весьма многіе,—какъ намъ мириться, если мы ради этого должны отдать полякамъ земли съ русскимъ населеніемъ, отказаться отъ національнаго единства, отдать свою азбуку и т. п.? Но кто всего этого требуетъ?—Потребуютъ этого, положимъ, какіе-либо политики-фантазёры да люди, живущіе традиціей границъ 1772 г. и національною романтикой, которой всегда даетъ обильную пищу иностранное владычество, но это—*непримиримые*, съ ними и толковать нечего, потому что ничего изъ этого не выйдетъ, какъ ничего не выйдетъ хорошаго и изъ разговоровъ «россіянъ несвободномыслящихъ», которые готовы стереть съ лица земли польскую національность, обрусить всѣхъ жителей царства и перелить весь польскій типографскій шрифтъ въ русскій гражданскій алфавитъ. Это—все люди отпѣтые: и тѣ, и другіе, вмѣсто элементарной формулы справедливости: *каждому свое*, признаютъ только одинъ принципъ: *мнѣ все*, *другимъ ничего*; имъ непонятно мудрое изреченіе: «не дѣлай другимъ того, чего ты не желалъ бы, чтобы дѣлали тебѣ другіе»; они—или руссификаторы въ царствѣ Польскомъ, или полонизаторы въ Галиціи, ибо для нихъ не существуетъ одинаковаго для каждой національности права на существованіе. Кажется, видно, о чемъ тутъ идетъ дѣло, но голую правду однако считаютъ нужнымъ маскировать. Такъ, извѣстный проектъ денаціонализировать польское простонародье, поставить его въ невозможность пріобщаться культурной жизни при посредствѣ роднаго языка, давши этому простонародью особую школу, которая обучала бы польской грамотѣ на русскомъ алфавитѣ и не научала бы читать настоящихъ польскихъ книгъ,—такой даже проектъ прикрывался соображеніями очень съ виду

благопристойными: нужно, видите ли, было уже освобожденныхъ и надѣленныхъ землею польскихъ хлоповъ окончательно вырвать изъ-подъ всякаго вліянія пановъ, дозволить имъ развиваться самостоятельно, не заражаясь шляхетско-клерикальными мотивами польской литературы, и т. д. Прожектеры забывали только, что всякое посягательство на народный языкъ скорѣе мѣшаетъ духовному освобожденію, чѣмъ ему помогаетъ, и что не вся же польская литература наполнена однѣми шляхетскими и клерикальными тенденціями. А можетъ-быть они и не забывали этого и вовсе серьезно не думали вызывать къ дѣйствительно *независимой* общественной жизни новые слои народа. Вѣроятнѣе всего, что здѣсь было нѣчто иное. Но рѣчь у насъ теперь не объ этомъ: возвращаемся къ нашимъ публицистамъ.

До сихъ поръ мы обвиняли ихъ главнымъ образомъ въ незнаніи, въ незнакомствѣ съ тѣми явленіями дѣйствительности, которыя было бы необходимо прежде всего принимать въ разсчетъ, разсматривая, есть ли въ наличности какія-либо условія для прочнаго примиренія съ поляками. Намъ кажется, что они не такъ, какъ слѣдуетъ, берутся за дѣло и что въ результатѣ отъ такихъ пріемовъ возможны только накопленія спорныхъ вопросовъ, отсутствіе всякихъ общихъ принциповъ для ихъ разрѣшенія, взаимное раздраженіе спорящихъ сторонъ и полное непониманіе другъ друга. Поэтому нельзя не обратить вниманія и на тонъ, въ какомъ ведется полемика между нѣкоторыми публицистами. Не корите,—дали бы мы имъ такой совѣтъ,—не корите поляковъ за ихъ дѣйствія въ Галиціи, какъ за *дѣйствія, намъ враждебныя*, а объясняйте *принципіально* неправду этихъ дѣйствій (т.-е. насильственной полонизаціи русиновъ), называя своимъ именемъ и ту неправду, которую дѣлаемъ мы въ томъ же направленіи. Не говорите имъ, что мы-де сильнѣе васъ, что наша новѣйшая литература богаче и содержательнѣе вашей, что мы имѣемъ болѣе историческихъ правъ на спорныя земли, а потому мы, а не вы, должны господствовать; но развивайте передъ ними тѣ выгоды, которыми и они, и мы будемъ пользоваться при сближеніи,—ту пользу, которую можетъ оно принести и для нашей, и для ихъ литературы, а по отношенію къ спорнымъ землямъ указывайте на принципъ національности, который они должны такъ же уважать въ областяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ и мы—тамъ, гдѣ населеніе польское. Не ссылайтесь безпрестанно на факты, свидѣтельствующіе о теперешнихъ натянутыхъ и даже

враждебныхъ отношеніяхъ между русскими и поляками, какъ на аргументъ невозможности примиренія: самая мысль о примиреніи именно потому-то и имѣетъ свой смыслъ, что нужно же положить конецъ враждѣ, о которой вы такъ охотно говорите. Указывайте лучше на признаки новаго, на признаки начинающагося сближенія: старое намъ давно извѣстно и мы хотимъ отъ него избавиться. Разсказывайте, какія условія препятствуютъ тому, что примиреніе подвигается туго, и не забывайте при этомъ тотъ исключительный режимъ, которому до сихъ поръ подчинены поляки, и тѣ препятствія къ сближенію, которыя заключаются въ характерѣ дѣятельности многихъ русскихъ, имѣющихъ оффиціальное или неоффиціальное отношеніе къ Польшѣ. Имѣйте въ виду, что примиреніе не свалится съ неба совсѣмъ готовымъ, а что для него нужно подготовить почву и заняться этимъ слѣдуетъ намъ же самимъ. Работайте же надъ тѣмъ, чтобы найти справедливое рѣшеніе вопроса,—надъ тѣмъ, чтобъ убѣдить нашихъ соотечественниковъ въ необходимости такого рѣшенія,—надъ тѣмъ, чтобъ и другая сторона начала внимательно прислушиваться къ нашему голосу и относиться къ намъ съ уваженіемъ. Не подымайте поэтому въ полемикѣ съ поляками всякой старой дребедени, способной лишь запутывать самые простые вопросы и давать полякамъ право упорствовать въ своемъ старомъ предубѣжденіи противъ насъ. А главное—изучайте вопросъ, давайте обществу дѣйствительное знаніе о состояніи вопроса. Что же касается до хорошихъ результатовъ, то ихъ можно уже предвкушать и теперь.

Существуетъ не мало фактовъ, свидѣтельствующихъ, что поляки царства Польскаго, не пріученные за послѣднее время къ особенно хорошему обращенію, умѣютъ цѣнить всякое безпристрастное къ нимъ отношеніе со стороны отдѣльныхъ ли русскихъ, живущихъ въ Польшѣ, со стороны ли нашей столичной прессы. Грустно поэтому, что такъ рѣдки вообще проявленія безпристрастія къ полякамъ съ нашей стороны, что въ Польшѣ много русскихъ, которые ставятъ себѣ въ заслугу непопулярность среди мѣстнаго населенія, и что въ нашей прессѣ такъ часто появляются задирательныя статейки. Грустно и то, что въ Варшавскомъ университетѣ существуетъ рознь между польскими и русскими профессорами: сколько намъ извѣстно, большая часть и тѣхъ, и другихъ относятся къ числу ультранаціоналистовъ или смотрятъ на себя какъ на чиновниковъ и совершенно индифферентно от-

носятся къ дѣлу, которое не входитъ въ кругъ ихъ прямыхъ обязанностей. Между тѣмъ, какъ мы слышали, польская молодежь относится съ довѣріемъ къ тѣмъ изъ русскихъ профессоровъ, которые приходятъ къ ней съ правдивымъ словомъ науки, безъ всякой задней мысли навязать ей извѣстныя, считающіяся почему-то специфически-русскими, воззрѣнія. Мы думаемъ, что русскій университетъ въ Варшавѣ могъ бы сослужить великую службу дѣлу сближенія, еслибы рѣшительнѣе вносилъ въ польскую среду обновляющую струю обновленной русской науки, и только одну эту струю: при извѣстномъ консерватизмѣ большинства польскихъ ученыхъ, сочувствіе молодежи въ данномъ случаѣ не всегда было бы на сторонѣ *своихъ* профессоровъ, но никогда съ польскимъ консерватизмомъ, имѣющимъ все-таки за себя національный характеръ и историческую основу, не выдержать конкурренціи и чисто-русскому консерватизму, такъ-сказать чужому и безпочвенному въ Польшѣ. Но я опять уклонился въ сторону и возвращаюсь снова къ нашимъ публицистамъ, съ которыми еще не все кончено*).

Я имѣю теперь въ виду вотъ какую сторону дѣла, составляющую, можетъ-быть, даже исходный пунктъ во всемъ вопросѣ. Это—страхъ передъ разливомъ германизма, передъ тѣмъ вѣчнымъ *Drang nach Osten,* который долженъ былъ только усилиться съ основаніемъ Германской имперіи. Дѣло въ томъ, что полякамъ серьезно можетъ грозить онѣмеченіе, сдѣлавшее уже громадные успѣхи въ великомъ княжествѣ Познанскомъ; поляки ищутъ поэтому союзника, ищутъ опоры во всемъ славянскомъ мірѣ, а такъ какъ въ послѣднемъ самую выдающуюся роль играетъ Россія, то союзъ съ нею является гарантіей ихъ національнаго существованія. Съ другой стороны, и для насъ выгоднѣе на своей западной границѣ имѣть націю дружественную, а не враждебную, въ виду возможности столкновенія съ Германіей, не говоря уже о томъ, что совсѣмъ ужь невыгодно было бы превращеніе поляковъ въ нѣмцевъ и вообще усиленіе нѣмецкаго элемента въ царствѣ Польскомъ. Разсчетъ простой и ясный, и если даже оставить въ сторонѣ принципіальную точку зрѣнія и разсматри-

---

*) Это отступленіе я позволилъ себѣ по поводу слѣдующаго мѣста въ статьѣ г. Кояловича, въ № 1733 *Новаго Времени*, на которую мнѣ часто приходилось уже ссылаться: «въ особенности на этомъ пути (т. е. примиренія) должны были бы сойтись и дѣйствовать за одно русскіе и польскіе ученые въ Варшавскомъ университетѣ».

вать вопросъ практически, то наши обрусители должны были бы принять въ соображеніе, что обрусить мы не обрусимъ, а поможемъ только дѣлу германизаціи своими мѣрами, направленными противъ національнаго языка: расшатайте польскую національность—и она скорѣе станетъ добычей германизма, а не нашею, потому что нѣмецъ умѣетъ эту штуку дѣлать, а мы нѣтъ. Какъ же смотрятъ на это дѣло нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ?— Странное опять недоразумѣніе: поляковъ нѣкоторые упрекають въ томъ, что они не противодѣйствуютъ германизаціи,—и упрекаютъ въ этомъ, требуя въ то же самое время такихъ мѣръ, которыя какъ разъ на руку нѣмцамъ. Поляки не противодѣйствуютъ германизаціи!... А что мы противъ нея дѣлаемъ въ Польшѣ?... Но пусть отвѣтитъ за насъ г. Кояловичъ, въ статьѣ котораго о польскомъ вопросѣ, вообще не вполнѣ безпристрастной, есть мѣста совершенно безпристрастныя, въ родѣ слѣдующаго: «мы, русскіе, искренне можемъ покаяться передъ поляками въ нашемъ большомъ историческомъ грѣхѣ, *что всегда мы содѣйствовали онѣмеченію Польши*». Еслибы да всѣ наши публицисты такъ думали, а то многіе держатся такого мнѣнія, что та же самая фатальная ошибка польской интеллигенціи, которая привела Польшу къ политической смерти, и нынѣ ведетъ ее къ смерти національной, что сами поляки, и одни только они, виноваты, если дни ихъ существованія сочтены (какъ думаютъ тѣ же публицисты), что въ этомъ—исполненіе приговора нѣкоего неземнаго суда.... И, что странно, какое-то злорадство слышится въ этомъ мнѣніи,—злорадство, которое здѣсь не у мѣста, не говоря уже о томъ, что само по себѣ оно нехорошо. Вмѣсто того, чтобы видѣть въ нѣмцѣ общаго противника и обдумать вмѣстѣ, какъ бы противъ него устоять, наши полонофаги готовы въ данномъ случаѣ чуть не славить нѣмца, какъ исполнителя велѣній судьбы, карающей Польшу за то, что она не любитъ насъ. Тутъ ужъ все, что можетъ произвести ослѣпленіе страстью: и непониманіе собственныхъ интересовъ, требующихъ, чтобы Польша уцѣлѣла передъ напоромъ германизма, и забвеніе собственныхъ грѣховъ, сваливаемыхъ нерѣдко съ больной головы на здоровую, а что важнѣе всего, такъ это—возбужденіе совершенно законнаго негодованія поляковъ. Сказать: «вы погибнете, туда вамъ и дорога, а мы спасать васъ и не подумаемъ», сказать это—какое безчеловѣчіе, какая жесткость сердца, какое «высокое проявленіе христіанской любви»!

Пора кончить. Цѣлью нашей замѣтки не было разсмотрѣніе русско-польскаго вопроса во всей его сложности, не былъ и отчетъ о состояніи его въ нашей журналистикѣ: мы хотѣли указать только на нѣкоторыя изъ тѣхъ отрицательныхъ качествъ, коими отличается большая часть газетныхъ статей, касающихся вопроса. Многія мы обошли молчаніемъ, но и изъ того, что сказано, можно видѣть, какъ неудовлетворительно ставится «вопросъ о примиреніи» въ нашей текущей журналистикѣ. Наше мнѣніе то, что, къ сожалѣнію, чаще всего говорятъ объ этомъ предметѣ люди, которые менѣе всего способны быть примирителями: наше мнѣніе то, что къ рѣшенію вопроса подходятъ не съ той стороны, съ которой слѣдовало бы подходить, то ограничиваясь соображеніями высшей политики, то занимаясь исключительно заграничными поляками, то роясь въ исторіи, чтобы выискивать факты, свидѣтельствующіе о нашей исконной враждѣ, то, наконецъ, пуская въ ходъ какое-то злорадство фанатизма по поводу некрасиваго настоящаго Польши, или съ шовинистическимъ гаерствомъ хвастаясь нашимъ превосходствомъ передъ поляками. Жаль поэтому, очень жаль, что людямъ иного склада приходится большею частью молчать: сначала молчали по пезависящимъ, какъ говорится, обстоятельствамъ, а теперь молчатъ потому, что въ большинствѣ случаевъ не знаютъ, да и не могли иногда узнать дѣйствительнаго положенія дѣлъ. Гдѣ же вопросу подвигаться къ своему разрѣшенію, когда одни изъ насъ всячески тормозятъ дѣло, а другіе его впередъ не двигаютъ? Есть, конечно, исключенія, но ихъ слишкомъ мало.

Будемъ же винить самихъ себя, что, уступая голосъ въ столь важномъ дѣлѣ лицамъ, поставившимъ себѣ задачей тормозить это дѣло, мы до сихъ поръ не достигли полнаго довѣрія поляковъ къ нашимъ примирительнымъ стремленіямъ: не одни поляки виноваты въ своей сдержанности по отношенію къ намъ. И тогда даже, когда у насъ уже не будетъ серьезныхъ поводовъ упрекать самихъ себя, пусть лучше не отъ насъ сыпятся упреки на головы тѣхъ польскихъ публицистовъ, которые не захотятъ понять или не съумѣютъ справедливо оцѣнить той безпристрастной правды, которую мы должны высказывать, если искренне желаемъ примиренія: вѣдь упреки не приведутъ къ нему, приведетъ только слово убѣжденія; судъ же надъ ними да произнесутъ ихъ собственные соплеменники, которые рано или поздно поймутъ, гдѣ правда и гдѣ упорство, какъ и мы понимаемъ,

когда у нашихъ публицистовъ правда прихрамываетъ, а упорство держится слишкомъ ужь непоколебимо.

И сколь бы отдаленною ни казалась возможность окончанія всѣхъ нашихъ старыхъ счетовъ съ поляками, мы не должны бросать дѣло, памятуя мудрое слово поэта:

Chociaż nie skończysz, ciągle rób:
Ciebie, nie dzieło porwie grób*).

В. Р. К.

*) Хотя ты и не окончишь, все-таки работай:
Тебя вѣдь, а не дѣло унесетъ могила.

Новая книга: «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лонгобардской Италіи», *г. Виноградова.*

«Въ ряду основныхъ фактовъ, около которыхъ группируются важнѣйшія событія исторіи западной Европы, феодализмъ,—говоритъ г. Виноградовъ,—занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ». Изслѣдованіе, посвященное вопросу объ образованіи феодализма, не нуждается поэтому въ оправданіи. Изученіе этого явленія въ Лонгобардіи представляетъ особыя преимущества, такъ какъ въ этой странѣ исторія «зависитъ» отъ смѣшенія романскаго и германскаго элементовъ. Авторъ много работалъ надъ рукописными матеріалами, хранящимися въ различныхъ архивахъ Италіи, и прекрасно знакомъ со всею обширною литературой предмета.

Г. Виноградовъ, согласно Гизо, видитъ сущность феодализма въ соединеніи верховной власти съ землевладѣніемъ, въ замѣнѣ полной земельной собственности условною и въ установленіи вассальной іерархіи между государями-помѣщиками. Феодализмъ отличается территоріальною окраской политическихъ отношеній и политическою окраской земельныхъ отношеній. Авторъ указываетъ на разнообразіе мнѣній о происхожденіи и значеніи феодализма и объясняетъ это различіе во взглядахъ ученыхъ не только сознательными или безсознательными симпатіями къ германской или романской расѣ, къ единству или децентрализаціи, къ общинѣ или личному землевладѣнію (къ индивидуальнымъ формамъ землевладѣнія,—неправильно выражается г. Виноградовъ), но и различіемъ методологическихъ пріемовъ. Почтенный авторъ высказываетъ черезчуръ рѣзкій, по нашему мнѣнію, приговоръ надъ сравнительнымъ методомъ, заявляя, что онъ *совершенно не годится для изслѣдованія сложныхъ культурныхъ и политическихъ явленій.* Самъ же г. Виноградовъ говоритъ на слѣдующей страницѣ, что «сравнительный методъ можетъ послужить въ поправкѣ и повѣркѣ раздѣльнаго изученія эпохъ и народовъ».

Въ ясной и отчетливой первой главѣ своего сочиненія г. Виноградовъ объясняетъ образованіе колоната въ Римской имперіи. Нужно быть спеціалистомъ, чтобы вообще разбирать замѣчательный трудъ молодаго ученаго. Мы замѣтимъ только, что онъ допускаетъ иногда нѣкоторую неточ-

ность юридическихъ терминовъ и даже противорѣчіе. На страницѣ 30, напримѣръ, сказано, что колонатамъ обоего вида «одинаково принадлежала свобода *пассивная*, ограждающая личность отъ насилія и обезпечивающая за нею право на пользованіе извѣстными предметами». За то, продолжаетъ авторъ, они въ весьма неодинаковой степени обладали «*активной* свободой, правомъ распоряжаться собою и своимъ имуществомъ». Что разумѣетъ г. Виноградовъ подъ словомъ *распоряжаться*? — Очевидно, полную собственность, потому что я распоряжаюсь предметомъ и при пользованіи имъ. Это, разумѣется, мелочи, имѣющія однако нѣкоторое значеніе въ изслѣдованіи, посвященномъ «Отношеніямъ», юридическаго характера.

Образованіе колоната существенно подготовило процессъ средневѣковой феодализаціи. Приведеніе многочисленнаго класса свободныхъ людей въ юридическую зависимость отъ землевладѣльцевъ должно было ослабить ихъ связь съ государствомъ и содѣйствовать политическому подчиненію тѣмъ же землевладѣльцамъ. Въ слѣдующей главѣ своего обширнаго труда г. Виноградовъ говоритъ о господствѣ остготовъ и лонгобардскомъ завоеваніи, въ третьей—о политическомъ строѣ Лонгобардскаго королевства, въ четвертой—объ его общественномъ строѣ, въ пятой—о формахъ землевладѣнія въ Лонгобардской Италіи IX и X вѣковъ, въ шестой—о распредѣленіи землевладѣнія въ той же странѣ и въ ту же эпоху и въ послѣдней—о политической жизни изучаемой страны. Можно, пожалуй, замѣтить, что авторъ не строго придерживается имъ самимъ принятой классификаціи матеріала, что, говоря *о политической жизни*, онъ вынужденъ говорить и объ *общественныхъ классахъ*, и такимъ образомъ самъ приводитъ доказательство невозможности разъединенія этихъ сторонъ народной жизни. Г. Виноградовъ отдѣляетъ экономическія причины въ процессѣ феодализаціи отъ политическихъ, даже противополагаетъ ихъ, *хотя бы въ основѣ экономическихъ условій и лежали первоначальныя политическія обстоятельства*. «Важно, — говоритъ авторъ, — что обстоятельства эти дѣйствовали не непосредственно, а по своему давленію на хозяйства». Но въ такомъ случаѣ какже можно *противополагать* однѣ причины другимъ? Спорадическое распространеніе культуры объясняется,—утверждаетъ самъ г. Виноградовъ,—въ значительной степени политическимъ бытомъ. Не только пустыри и лѣса, но даже *болота* являлись послѣдствіемъ сосредоточенія земельной собственности въ немногихъ рукахъ (стр. 259). Съ другой стороны (мы опять цитируемъ г. Виноградова), «вслѣдствіе экономической разрозненности промышленныхъ центровъ и торговыхъ артерій, недостаточности главнаго средства обмѣна капитала *), затруднительности сообщеній даже между смежными областями,—Италія X вѣка является въ

*) Капиталъ—вовсе *не средство обмѣна*: г. Виноградовъ смѣшиваетъ его *съ деньгами*.

экономическомъ отношеніи скопленіемъ частицъ, которыя не связаны между собою органически и не расчленены сообразно своимъ естественнымъ различіямъ и въ преслѣдованіи удобнѣйшихъ для достиженія цѣлей». Въ сочиненіи г. Виноградова можно найти много драгоцѣнныхъ данныхъ именно въ доказательство невозможности противополагать экономическія причины политическимъ.

И романскій, и германскій элементы,—заключаетъ г. Виноградовъ,—участвуютъ въ образованіи феодальнаго порядка: одинъ подготовляетъ общественное строеніе феодальной Италіи, другой создаетъ ее въ политическомъ отношеніи. Германцы нашли въ Италіи всѣ элементы для господства землевладѣльческой аристократіи и быстро восприняли и развили ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они нашли могущественную и утонченно устроенную политическую власть. Но они находились въ томъ историческомъ возрастѣ, когда народъ можетъ дѣятельно участвовать только въ простѣйшихъ формахъ государственной жизни. «Усѣвшись на мѣстахъ, и франкское, и лонгобардское племя начали снова распадаться на простѣйшія политическія части, причемъ нельзя было вернуться просто къ прежнимъ общиннымъ дѣленіямъ, а приходилось считаться съ создавшеюся, вслѣдствіе завоеванія, землевладѣльческою и должностною аристократіей». Разложеніе сельской общины, по мнѣнію г. Виноградова, не имѣетъ особеннаго значенія въ исторіи Лонгобардской Италіи, а видоизмѣненіе военной системы и секуляризація церковныхъ имуществъ только ускорили процессъ, но не обусловили его.

Богатое содержаніемъ сочиненіе г. Виноградова, вѣроятно, вызоветъ не мало возраженій. Оно займетъ почетное мѣсто въ нашей исторической литературѣ.

В. Гольцевъ.

НА РУБЕЖѢ.

Фраза избитая, что мы живемъ въ переходномъ, относительно прежнихъ порядковъ, революціонномъ состояніи, но фраза справедливая и какъ-никакъ, а приходится ставить ее въ заголовкѣ каждый разъ, когда рѣчь зайдетъ объ явленіяхъ и фактахъ современной обстановки. Отличительный признакъ переходной эпохи—«сведеніе счетовъ» за много, много лѣтъ назадъ.... Человѣку болѣе или менѣе свойственно жить спустя рукава, жить безъ оглядки на прошедшее, безъ заботы о будущемъ, вполнѣ отдаваясь спокойному и удовлетворительному настоящему, по слову Писанія: «довлѣетъ дневи злоба его». Но въ жизни каждаго человѣка бываютъ минуты, когда положеніе становится серьезнѣе и сложнѣе, когда случайный, обыкновенно непредвидѣнный толчокъ будитъ и тревожитъ сибарита, когда приходится «сводить счеты». Тяжела эта минута для человѣка: то онъ раскаивается и себя самого язвитъ укоромъ, то кидается во всѣ стороны, то предается апатіи и отчаянію въ безвыходности положенія, то, полный надеждъ, съ гордымъ сознаніемъ своей силы кидается въ безвѣстную, манящую даль будущаго. Переживаютъ болѣзненно, но съ успѣхомъ, эти «минуты сведенія счетовъ» только натуры сильныя и мыслящія, которыя безжалостно, но осмотрительно провѣрятъ свое прошедшее, извлекая изъ него уроки для будущаго и путеводную нить въ настоящемъ. Въ великія историческія минуты жизни то же самое бываетъ съ народами: и имъ приходится сводить счеты; и они страдаютъ и томятся тяжестью своего переходнаго положенія; и ихъ дальнѣйшая судьба зависитъ отъ того, насколько безжалостно и осмотрительно провѣрятъ они свое прошедшее и настоящее, чтобы воспользоваться уроками прожитой жизни...

Переходная эпоха началась у насъ съ отмѣны крѣпостнаго права. Великая и благодѣтельная реформа тѣмъ именно и важна, что она расшатала все старое, что она заставила «свести счеты» и выйти на новый путь свободы и культуры.

Распаталось «шляхетное» дворянство: оно обнищало, таетъ и исчезаетъ, — скоро отъ него останутся «послѣдніе могиканы», а мѣсто его займетъ особое «землевладѣльческое сословіе», элементы котораго сплачиваются изъ всѣхъ слоевъ общества, но прежніе «вотчинники» Русской земли остаются въ ничтожномъ и безсильномъ меньшинствѣ. Съ старымъ дворянствомъ исторія сводитъ счеты не за то, что оно было рабовладѣльцемъ и крѣпостникомъ: это—первородный грѣхъ, который лежитъ на привилегированномъ сословіи всѣхъ народовъ и эпохъ,—но за то, что оно изжило свой вѣкъ царскимъ холопомъ или грубымъ и лѣнивымъ сибаритомъ. Были въ средѣ русскаго дворянства люди, имена которыхъ съ уваженіемъ вспоминаетъ исторія за истинныя заслуги государю и Россіи; но въ общей массѣ русское дворянство нигдѣ не заявляло себя ни чувствомъ земской независимости, ни даже стремленіемъ къ расширенію и защитѣ своихъ сословныхъ правъ. Съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ мученичества оно ложилось на плаху по прихоти уморазстроеннаго Грознаго царя; оно присягало Сигизмунду, Владиславу и Тушинскому вору; оно всегда и вездѣ заявляло, что ему нуженъ царь, раздающій вотчины и посылающій по городамъ на кормленіе... И ничего болѣе!... Послѣ того, какъ Петръ III освободилъ дворянство отъ обязательной службы, а Екатерина II, вмѣстѣ съ дворянскою грамотой, предоставила ему права широкаго сословнаго самоуправленія или, лучше сказать, самоуправства въ губерніи и уѣздѣ,—скопило ли дворянство въ своихъ рукахъ хоть малый запасъ матеріально-нравственной силы, чтобы противостоять всякому удару извнѣ или, по крайней мѣрѣ, перенести его, не подвергаясь конечной гибели?—Къ несчастію, нѣтъ. А вѣдь средства были: дворянство сосредоточивало въ своихъ рукахъ и власть, и рабочую силу. Оказалось, что дворянинъ по-прежнему считалъ службу и жалованье исключительною своей професcіей и къ ней только приготовлялъ своихъ дѣтей. Въ отставкѣ дворянинъ умѣлъ жить единственно «въ свое удовольствіе», смотря по размѣру средствъ и личнаго пониманія; серьезной сельско-хозяйственной и промышленной дѣятельности, которая одна могла скопить въ рукахъ дворянства этотъ «запасъ нравственно-матеріальныхъ силъ»,—дворянство въ общей массѣ не обнаружило. Даже порученное ему правительствомъ мѣстное самоуправленіе не развило въ дворянствѣ политическаго такта. Въ предводители шли или веселые охотники пожить на широкую ногу, растрачивавшіе свое достояніе, а иногда прихватывавшіе и изъ дворянскихъ суммъ, но совершенно чуждые всякому дѣлу и не имѣвшіе понятія о своихъ служебно-сословныхъ обязанностяхъ,—или честолюбцы, желавшіе получить крестъ и чинъ, чтобы пробраться болѣе скорымъ и прямымъ путемъ на высшія государственныя должности, съ радостью готовые промѣнять защиту всевозможныхъ дворянскихъ интересовъ на улыбку и привѣтливый взглядъ его превосходительства... Въ члены губернскихъ и уѣздныхъ правительственныхъ инстанцій дворянство выбирало изъ своей среды не до-

стойныхъ, а захудалыхъ, бѣдныхъ, хотя бы и совершенно негодныхъ людей, возобновивъ, такимъ образомъ, отъ своего имени систему кормленій. Понятно, что такое самоуправленіе не заключало въ себѣ никакой жизненной силы и вскорѣ совершенно подпало вліянію и распоряженію губернаторовъ, произвольно смѣщавшихъ, устранявшихъ и предававшихъ суду лицъ, избранныхъ дворянствомъ, за исключеніемъ предводителей. Нельзя сказать, чтобы правительство послѣ уничтоженія крѣпостнаго права оставило дворянство на жертву обстоятельствъ, не сдѣлавши для него ничего.

Вновь учрежденныя должности въ мѣстномъ самоуправленіи, основанныя на цензѣ имущественномъ и образовательномъ, должны были перейти, на первыхъ порахъ, по всѣмъ разсчетамъ, въ руки дворянъ, совмѣщавшихъ оба эти условія въ несравненно большей степени, нежели лица изъ другихъ сословій; уѣздный предводитель поставленъ во главѣ земскаго самоуправленія и вліяніе его въ уѣздѣ такъ обширно, что никакого дальнѣйшаго расширенія и представить себѣ нельзя. На первыхъ порахъ, дѣйствительно, дворянство получило преобладающій голосъ въ земскомъ собраніи; въ предсѣдатели и члены земскихъ управъ были выбраны дворяне, ибо другія сословія еще вѣрили въ традицію, что вести канцелярское дѣло и вступать въ сношеніе съ губернскими и уѣздными властями привыкъ только служилый дворянинъ, а купцу или крестьянину это не подъ силу. Начало было сдѣлано: была минута, когда дворянство могло овладѣть положеніемъ и изъ похороненной сословной силы сдѣлаться силой земской, живой и могущественной. Что же сдѣлало дворянство въ эту минуту?—Земство началось тѣмъ, что во главѣ его встала аристократическая партія и примкнувшая къ ней средне-дворянская интеллигенція, сейчасъ же потребовавшія отъ правительства расширенія предоставленныхъ земству правъ. Движеніе это понятно: когда связанному человѣку нѣсколько поослабить врѣзавшіеся въ тѣло его ремни, то прежде всего онъ расправляетъ свои члены, чтобъ ему было еще вольготнѣе. Но ни аристократія, ни интеллигенція не устояли, хотя участіе ихъ, въ особенности послѣдней, въ земскомъ дѣлѣ было замѣтно и выдвинуло нѣсколькихъ дѣятелей, принесшихъ въ своей мѣстности значительную пользу въ смыслѣ развитія массы и облегченія ея отъ натуральныхъ повинностей. Время показало, что въ этой связи верхнихъ слоевъ съ массой земства нѣтъ ничего сознательно-прочнаго и политически-устойчиваго; что для однихъ это было легкое фрондерство, съ цѣлію сорвать свою злобу на правительствѣ, освободившемъ крестьянъ, а для другихъ—искреннее и честное увлеченіе, котораго, впрочемъ, хватило очень не надолго и которое до *настоящаго дѣла* никогда не доходило. Земскіе дѣятели первой эпохи... гдѣ они?—Большинство живыхъ перешло на государственную службу, а меньшинство грустно удалилось съ поля дѣйствія, подъ тѣмъ предлогомъ, что ничего не подѣлаешь. Но если весьма многіе говорили и писали, то

многіе ли пробовали *дѣлать?*... Суть земскаго дѣла—не въ рѣчахъ и словахъ, которыя имѣютъ смыслъ только какъ возбуждающій и двигающій впередъ стимулъ живой, разумной и истинной дѣятельности, но никоимъ образомъ не могутъ составить *конечной цѣли;* суть земскаго дѣла—въ черной работѣ исполнительныхъ органовъ земства, которая въ глазахъ массы придаетъ непосредственную цѣну и самому учрежденію, и его проводникамъ. Но для этой черной работы аристократія была слишкомъ богата и избалована, а средне-дворянская интеллигенція слишкомъ щепетильна, самолюбива и не пріучена къ настоящей, практической, дѣятельности. Между тѣмъ ни та, ни другая сторона не обнаружила необходимой доли *самопожертвованія*, которая заставляетъ принять и переносить всѣ невзгоды и лишенія даннаго положенія во имя политической *самозащиты*, чтобы не потерять въ будущемъ почвы подъ ногами и занять подобающее мѣсто въ средѣ обновленныхъ и активныхъ элементовъ народнаго склада. Точно такъ же, какъ въ судьи и исправники, дворянство, сначала преобладавшее на земскихъ собраніяхъ, проводило въ предсѣдатели и члены управъ своихъ бѣдныхъ и захудалыхъ членовъ и устраивало, вмѣсто дворянскаго, *земское* кормленіе. Но это земское кормленіе не могло имѣть успѣха. Другія сословія, увидѣвши на дѣлѣ, что занятія въ земской управѣ, заключающіяся главнымъ образомъ въ полученіи жалованья и подписи бумагъ, заготовленныхъ канцеляріей, вовсе не составляютъ такой мудрости, которая доступна только служилому дворянину,—сейчасъ же сообразили, что земскій пирогъ испеченъ не для одного дворянскаго рта, а между тѣмъ онъ настолько лакомъ, что пренебрегать имъ не слѣдуетъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ успѣлъ сложиться, хотя непрочный и зависящій отъ тысячи случайностей, кружокъ благомыслящихъ людей, поддерживающій испытанныхъ и достойныхъ дѣятелей,—земство обратилось въ сословную борьбу изъ-за удовлетворенія матеріальнаго аппетита гласныхъ, избираемыхъ и избирателей. Въ этой борьбѣ дворянство не выиграетъ, ибо оно—въ меньшинствѣ; да и выигрышъ въ этой борьбѣ—не желательный, позорный. Гдѣ же тотъ уголъ, въ которомъ еще можетъ собраться сознательная и сохранившая въ себѣ жизненныя силы дворянская интеллигенція, чтобъ удержать за собой доступное поле дѣйствія?... У дворянства остался одинъ паліативъ, да и то созданный для него правительствомъ: это — должность уѣзднаго предводителя въ томъ смыслѣ, какъ она поставлена дѣйствующими узаконеніями. При извѣстной долѣ благонамѣренности и энергіи, предводитель, въ рукахъ котораго сосредоточены всѣ нити мѣстнаго управленія, какъ земскаго, такъ и правительственнаго, можетъ пріобрѣсти такое нравственное вліяніе, чтобы собрать около себя изъ всѣхъ слоевъ общества кружокъ благомыслящихъ людей, преданныхъ честному и полезному дѣлу, а не погонѣ за удовлетвореніемъ исключительно личныхъ, матеріальныхъ аппетитовъ. Еслибы лучшая часть дворянства сознала всю

неотложность и важность подобной задачи, еслибы въ каждомъ уѣздѣ дворянство нашло человѣка съ политическимъ тактомъ и готоваго, до извѣстной степени, на самопожертвованіе во имя требованій цивилизаціи и блага родины, то необходимое очищеніе современной жизни отъ разлагающихъ ее элементовъ пошло бы правильно и прочно—*съ низу*. Но и здѣсь помѣха: должность предводителя—*безвозмездная*, а дворянство обнищало. Въ настоящее время выборъ предводителя въ каждомъ уѣздѣ представляетъ громадное затрудненіе: нерѣдко встрѣчается, что люди достойные не имѣютъ средствъ, а люди со средствами не представляютъ достоинствъ. Слѣдовательно и этимъ палліативомъ въ данную минуту не можетъ воспользоваться дворянство, еслибъ оно даже захотѣло и съумѣло,—не можетъ «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ». По привычкѣ ожидать всего съ верху, дворянство до сихъ поръ убѣждено, что учрежденіе должностей гдѣ съ политической точки зрѣнія дворянство могло возстановить свое значеніе, не пополняетъ всей той доли помощи, которую въ правѣ оно было ожидать отъ правительства, что требуется еще поддержка *матеріальная*. Способъ этой матеріальной поддержки видятъ обыкновенно въ устройствѣ поземельныхъ банковъ для дворянъ по иниціативѣ и съ помощью государства и ропщутъ на одновременное закрытіе опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ, которые могли бы сейчасъ же дать капиталъ, необходимый для перехода отъ крѣпостнаго хозяйства къ вольнонаемному. Но вѣдь это—фраза можетъ-быть успокоительная и дѣйствительно привлекательная для обѣднѣвшаго и ропщущаго сословія, но въ сущности не имѣющая никакого значенія. Я не буду говорить о томъ, насколько такая претензія на матеріальное пособіе тому или другому сословію со стороны правительства справедлива; не буду говорить о настоятельной необходимости закрытія прежнихъ кредитныхъ установленій, въ силу неизбѣжныхъ государственныхъ и финансовыхъ соображеній того времени, и о затруднительности въ самый моментъ перелома открыть государственное кредитное учрежденіе, требующее громаднаго оборотнаго капитала въ пользу одного сословія подъ гарантіей цѣлаго государства. Я спрошу только, какая была бы польза для дворянства, еслибы правительство, на первыхъ же порахъ, открыло для него поземельный банкъ?—Для того, чтобы разомъ и съ успѣхомъ перейти отъ крѣпостнаго хозяйства къ вольнонаемному труду, нужно было, чтобы мгновенно измѣнились и самъ стоящій во главѣ хозяинъ, и мѣстныя условія той промышленности, которую онъ велъ; а этого не въ силахъ было сдѣлать не только правительство, но и само дворянство: здѣсь требовалось содѣйствіе иной, могущественной, стихійной, силы, которая на языкѣ человѣческомъ называется *временемъ*. Опытъ доказалъ неоспоримо, что на первыхъ порахъ одинъ *капиталъ* или матеріальная помощь не въ состояніи были поднять общій уровень дворянскаго благосостоянія. Выкупная ссуда —единственная форма, въ которой правительство имѣло право оказать и дѣйствительно оказало матеріальную помощь дворянству — за

немногими исключеніями пошла на расплату старыхъ долговъ и на продолженіе жизни въ прежнихъ размѣрахъ, несоотвѣтствующей наличнымъ доходамъ, а не на улучшеніе хозяйства. Гораздо позже, когда сѣть желѣзныхъ дорогъ покрыла Россію и время до нѣкоторой степени сгладило тяжелыя условія внезапнаго перелома въ хозяйствѣ, въ самыхъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ возникли поземельные банки; но оказалось, что условія нашего хозяйства не выдерживаютъ тягости долгосрочнаго кредита и залогъ имѣнія въ банкѣ почти равносиленъ его отчужденію. Слѣдовательно, если правительство на первыхъ же порахъ не открыло для дворянства обще-русскаго государственнаго поземельнаго банка, то оно этимъ только спасло его отъ вящаго раззоренія.

Вслѣдъ за дворянствомъ расшаталось и тѣсно связанное съ нимъ купечество. До Петра Великаго торговое и посадское сословіе въ городахъ было совершенно безправно: съ него правились повинности въ пользу царской казны и надъ нимъ, главнымъ образомъ, разыгрывались произволъ и лихоимство воеводъ. Живя въ постоянной опасности и не увѣренное въ завтрашнемъ днѣ, сословіе это цѣлью своей избрало накопленіе глубоко запрятаннаго сундука, а своимъ нравственнымъ содержаніемъ выработывало смѣлость и хитрость, граничащую съ плутовствомъ, ибо безъ этихъ двухъ качествъ существованіе было невозможно. Такую оцѣнку русскаго торгующаго сословія всегда заявляли имѣвшіе съ нимъ дѣла иностранцы, да и въ самомъ сознаніи народномъ не сложилось пословицы о купеческой честности и доброжелательствѣ ближнему. Это безправное и нравственно-неразвившееся сословіе Петръ желалъ сдѣлать самостоятельнымъ и культурнымъ, отводя ему приличное мѣсто въ общемъ политическомъ народномъ организмѣ. Въ 1724 году выработана была инструкція магистратомъ объ учрежденіи гильдій и цеховъ по городамъ, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Магистратъ имѣетъ правдиво, честно и чинно себя держать, дабы въ *такой знатности и почтеніи* были, какъ и въ другихъ государствахъ». Но эта задача, поставленная Петромъ, осталась, какъ и многія другія, только руководящей идеей для будущаго, осуществленіе которой оказалось не по плечу не только Россіи эпохи преобразованія, но и позднѣйшей. «Правдиво, честно и чинно» купечество и послѣ записки въ гильдію и устройства магистратовъ себя не держало, а потому такой «знатности и почтенія», какъ въ другихъ государствахъ, не пріобрѣло. Замѣчательно, что не только въ прежнее время, отъ Петра до новаго Городоваго Положенія, но и въ настоящую минуту городское самоуправленіе шло и идетъ сравнительно еще хуже, чѣмъ прежнее дворянское и земское. Выборы въ городскіе головы въ значительныхъ городахъ обратились въ личную распрю сословій и партій, вслѣдствіе чего кандидатами являются постоянно люди безличные, угодливые, неспособные ни къ какой инниціативѣ; а городскіе гласные къ своимъ обязанностямъ относятся еще холоднѣе, чѣмъ земскіе, такъ что засѣданія думы по важнѣй-

шимъ вопросамъ городскаго хозяйства по нѣскольку разъ не составляются. Въ небольшихъ городахъ городское самоуправленіе точно также обратилось въ кормленіе, гдѣ взявшая перевѣсъ партія раздаетъ мѣста съ жалованьемъ своимъ родственникамъ и близкимъ. Итакъ, относительно способности и стремленія къ самоуправленію городское сословіе оказывается еще ниже дворянскаго,—оно еще менѣе къ нему привыкло и въ среднемъ уровнѣ стоитъ ниже по образованію. Но можетъ-быть это только непривычка,—можетъ-быть городское сословіе въ ближайшую эпоху накопило тотъ запасъ «матеріально-нравственной силы», котораго недостаетъ дворянству?... Если купечество не смогло, отчасти по своей винѣ, отчасти по винѣ обстоятельствъ, достигнуть до сихъ поръ такой знатности и почтенія, какъ въ другихъ государствахъ, то оно крѣпко усвоило себѣ стремленіе къ пользованію тѣми палліативными пособіями, къ которымъ вынужденъ былъ прибѣгать Петръ на первыхъ порахъ, чтобы создать до его времени неустановившуюся у насъ промышленность. Петръ давалъ субсидіи отъ правительства фабрикантамъ если не деньгами, которыхъ у него не было, то крестьянами, рабочею силой. Съ его легкой руки наше купечество привыкло всего ожидать отъ правительства. Какъ дворянинъ считалъ и считаетъ себя въ правѣ жить на счетъ государства, получая отъ него жалованье, такъ купецъ считалъ и считаетъ себя въ правѣ устраивать свои дѣла на счетъ того же государства. Если промышленнику нужно поставить новый заводъ или если старое дѣло запутается, прежде всего онъ обращается съ ходатайствомъ къ правительству, и если онъ человѣкъ сильный и съ связями, то получаетъ. Если же у фабрикантовъ уменьшаются доходы отъ какой бы то ни было причины, то они просятъ о повышеніи тарифа. Эта постоянная надежда на внѣшнюю помощь правительства и неумѣнье самому стать твердо на ноги обезличило русское купечество и сдѣлало изъ него тоже холоповъ, но только не царскихъ, а барскихъ. Въ эпоху ближайшую къ Петру русскіе капиталисты обдѣлывали свои дѣла въ прихожихъ разныхъ вельможъ и вмѣсто «знатности и почтенія» заслужили такое обращеніе, которое въ глазахъ богатаго дворянства и крупнаго чиновничества чуть не равняло ихъ съ крѣпостными. Но купеческое и торгующее сословіе вознаградило себя съ другой стороны. Точно такъ же, какъ дворянинъ-баринъ жилъ мужикомъ, фабрикантъ и купецъ жили, въ свою очередь, бариномъ. Деньги, которыя всякими путями рабовладѣлецъ извлекалъ безъ затраты личнаго труда отъ своихъ крѣпостныхъ и затѣмъ проживалъ со всею беззаботностью гулящаго и обезпеченнаго сибарита, тоже всякими путями текли въ карманъ кулака-капиталиста и на долгое время погребались въ его завѣтномъ сундукѣ. Такъ вездѣ творила свое возмездіе Немезида по распредѣленію богатствъ. Во время послѣдняго перелома капиталистъ былъ въ самомъ счастливомъ положеніи,—онъ одинъ представлялъ *силу*. Дворянство потеряло и политическое преобладаніе, и матеріальное благосостояніе, осно-

ванное исключительно на крѣпостномъ правѣ; освобожденное крестьянство, въ особенности на первыхъ порахъ, представляло такую же безпомощную и необразованную массу, какъ и въ эпоху ближайшую къ освобожденію,— массу рабочихъ рукъ, продающихъ свой трудъ капиталу. А капиталъ этотъ былъ сосредоточенъ въ рукахъ фабриканта и купца. Всѣ послѣдующія событія никому не приносили выгоды, кромѣ промышленно-торговаго сословія. Дворянинъ съ горя пускалъ ребромъ послѣднюю выкупную ссуду, освобожденный крестьянинъ съ радости отрывалъ нѣсколько зарытыхъ на черный день рублей и покупалъ женѣ платокъ, а себѣ сапоги и самоваръ,—наживались купецъ и промышленникъ. Настала желѣзнодорожная, акціонерная и банковая горячка: учредителемъ, снимавшимъ сливки и получившимъ барыши, не рискуя никакими потерями, являлся купецъ. Запутывались финансы и падалъ нашъ рубль, — выигрывали только купецъ и фабрикантъ, ибо чрезъ это расширялись обороты заграничнаго отпуска нашего сырья, и, пользуясь затрудненіями ввоза иностранныхъ издѣлій, равносильными всякому запретительному тарифу, открывалась возможность сбывать внутреннія произведенія по самой дорогой цѣнѣ и, слѣдовательно, получать несравненно большіе барыши даже при уменьшеніи потребленія. Разыгрывалась внѣшняя война,—купецъ и фабрикантъ удовлетворяли громадному запросу на предметы, необходимые для ея веденія. Однимъ словомъ, все, что ложилось бѣдою на плечи другихъ сословій, все это купцу и фабриканту давало барышъ и пріумножало ихъ капиталъ. Статистическія данныя изъ года въ годъ заявляли расширеніе торговли и промышленности, что̀ вообще неправильно смѣшиваютъ съ увеличеніемъ народнаго благосостоянія. Дѣятельность внутренней и внѣшней торговли возрастала; банки росли какъ грибы; обороты ихъ шли въ гору съ быстротой, неизвѣстной въ другихъ государствахъ; гильдейскихъ свидѣтельствъ и свидѣтельствъ на мелочной торгъ изъ года въ годъ выдавалось все болѣе и болѣе... Какъ не убѣдиться, что промышленность и торговля укоренялись въ Россіи, что́ капиталъ забиралъ силу и ему принадлежало будущее!.. Теперь кулакъ-капиталистъ не въ загонѣ и не стоитъ въ передней у барина,—ему почетъ и первое мѣсто.

Государственный банкъ и его конторы ни для кого, кромѣ купцовъ, не растворяютъ своихъ гостепріимныхъ дверей: запутавшійся коммерческій банкъ всегда можетъ разсчитывать на безграничный тамъ переучетъ; правительственныя субсидіи выдаются только желѣзнодорожникамъ и крупнымъ коммерсантамъ; проѣзжающіе министры и губернаторы по преимуществу чествуютъ и ублажаютъ купца и капиталиста, благодушествуя подъ вліяніемъ роскошнаго его угощенія; теперь онъ съ высоты величія смотритъ на все окружающее,—онъ полонъ сознанія своей силы и гордится тѣмъ, что онъ «руськой», хотя право его на это народное названіе заключается въ томъ только, что онъ никогда не брилъ бороды, ставилъ мѣстную свѣчу московскимъ угодникамъ и полонъ расовой нена-

висти ко всему иноземному и образованному. «Зиждители» мечтають, какъ бы на консервативномъ устоѣ кулака-капиталиста основать «россійское буржуазное государство», такъ что озлобленный, но искренне любящій свою родину сатирикъ, желая охарактеризовать смыслъ совершающейся тихой, внутренней, но упорной и рѣшающей борьбы за существованіе между отдѣльными группами и сословіями, произнесъ свой мѣткій сарказмъ: «чумазый идетъ!»...

Но, нѣтъ, капиталистъ нашъ расшатанъ нисколько не меньше другихъ сословій, дѣйствительной силы за нимъ не стоитъ, а его настоящее благополучіе есть только временный и преходящій призракъ. Въ отвѣтъ на это, мнѣ скажутъ: а цифры?—Онѣ не обманываютъ, имъ нельзя не вѣрить... Правда; но прежде всего надо научиться понимать ихъ. Для этого я позволю себѣ небольшое, необходимое, отступленіе, вызываемое тѣми сбивчивыми понятіями, которыя до сихъ поръ держатся у насъ въ обществѣ, незнакомомъ съ элементарными понятіями политической экономіи.

Прислушиваясь къ желаніямъ, выражаемымъ у насъ обществомъ, можно легко убѣдиться, что всѣ они, въ концѣ концовъ, сливаются въ требованіи кредита и банковыхъ операцій. Земство, города, дворянство, купечество, отдѣльные кружки — всѣ толкуютъ и ходатайствуютъ только объ учрежденіи банковъ. Общество наше, въ своей наивности, убѣждено, что стóитъ только въ какой-нибудь глуши устроить банкъ и—сейчасъ же для нея настанетъ эпоха цвѣтущей промышленности. «Посмотрите на купечество,—говорятъ эти банкопоклонники,—у него дѣла идутъ прекрасно, а вѣдь оно только и держится банками». Въ томъ-то и бѣда, что дѣйствительно наше купечество только и держится банками. Чтобъ объяснить значеніе банковъ вообще, я позволю себѣ привести слѣдующій наглядный разсчетъ. Положимъ, что въ данной мѣстности сбывается 1.000 п. товару и оборотъ этого сбыта достигаетъ до цифры въ 10.000 рублей; положимъ, что весь этотъ сбытъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ купецъ А, какъ монополистъ, и получаетъ чистой прибыли 2.000 р. Вступить съ нимъ въ конкурренцію никто не можетъ, потому что у другихъ жителей той мѣстности нѣтъ капитала. Если тамъ откроется банкъ, то что произойдетъ?—Явятся новые предприниматели, положимъ В и С, которые успѣютъ захватить въ свои руки—В 100 пуд. товару съ оборотомъ на 1.000 р., а С 400 пуд. съ оборотомъ на 4.000 р.; слѣд. торговля осталась въ томъ же положеніи и доставила населенію тѣ же 1.000 п. за 10.000 р., но вмѣсто того, чтобъ одинъ А получилъ барышъ въ 2.000 р., его раздѣлили между собой А, В и С, сообразно количеству проданнаго товара, и кромѣ того банкъ совершилъ оборотъ на 5.000 р., уплативши вкладчикамъ капитала процентъ за ссуду, полученный банкомъ отъ В и С, занявшихъ тамъ деньги на производство торговли. Но этого мало: конкурренція понижаетъ цѣну, установленную монополистомъ, и слѣд. за

10.000 рублей населеніе при конкурренціи можетъ купить не 1.000, а напримѣръ 1.200 п. товару, и слѣд. можетъ спокойно появиться еще четвертый предприниматель—D, который, занявши у банка деньги, поставитъ эти требуемые увеличившимся сбытомъ 200 пудовъ. Вотъ единственная роль банка: *при правильномъ ходѣ установившейся промышленности, банкъ способствуетъ болѣе равномѣрному распредѣленію прибылей между капиталистами и предпринимателями и, облегчая взаимную между ними конкурренцію, содѣйствуетъ удешевленію процентовъ за заемъ капитала и самыхъ продуктовъ, а чрезъ это возростанію производства.* Но чтобы банкъ, подобно жезлу волшебницы, вызывалъ и создавалъ новыя промышленныя условія и ставилъ на ноги такую отрасль, которая до него держаться сама собой не могла или даже вовсе на свѣтъ не появлялась, — объ этомъ пока еще никто не помышлялъ, если онъ имѣетъ хоть малѣйшую практическую опытность въ дѣлахъ. Изъ сказаннаго очевидно, что банкъ не есть условіе для возникновенія промышленности, а пособіе или орудіе для болѣе повсемѣстнаго и правильнаго ея распредѣленія. Но банкъ, какъ большинство орудій, есть орудіе обоюдоострое. Чтобы пояснить это, продолжимъ нѣсколько далѣе приведенный нами примѣръ. Въ природѣ всякаго человѣка лежитъ стремленіе къ постепенному расширенію избраннаго имъ дѣла. Предприниматели A, B, C и D, пользуясь благопріятными обстоятельствами, заготовили не 1.200, а 2.000 п. товара, т. е. заготовили не по разсчету сбыта, а на *спекуляцію*, ибо всякое заготовленіе товара сверхъ обычной нормы (Ueberproduction) можно назвать спекуляціей. Это спекулятивное заготовленіе можетъ кончиться *удачно*, если тотъ же рынокъ поглотитъ избытокъ заготовленныхъ товаровъ вслѣдствіе увеличившагося спроса или если откроются новые рынки,—или *неудачно*, если сбытъ задерживается, происходитъ застой торговли и, вслѣдствіе того, промышленный кризисъ, выражающійся банкротствами и роспускомъ фабричныхъ рабочихъ. Слѣдовательно опасная и вредная сторона банка состоитъ въ поощреніи спекуляціи и увеличеніи опасности промышленнаго кризиса, скрывающейся до извѣстной поры подъ обманчивымъ видомъ возрастанія банковыхъ оборотовъ. Поэтому, еслибы банки наши существовали давно и, въ теченіе длиннаго ряда годовъ, несмотря на временныя колебанія, обнаруживали постоянную наклонность къ расширенію своихъ оборотовъ, то заключеніе о ростѣ промышленности и торговли не подлежало бы сомнѣнію. Но какъ банки наши, что называется, существуютъ безъ году недѣлю, то, при такомъ краткомъ періодѣ, нѣтъ никакого основанія рѣшить, что скрывается подъ ихъ результатами—естественный ли приростъ промышленности и торговли, или обманчивое и грозящее бѣдой поощреніе спекуляціи.

Точно также нѣтъ ничего утѣшительнаго и въ умноженіи числа выдаваемыхъ свидѣтельствъ на торговлю и промыселъ. Число торгующихъ не выражаетъ нисколько размѣра оборотовъ; напротивъ, настоящій упа-

докъ у насъ промышленности и обѣдненіе народа способствуютъ появленію мелочной торговли и кулачества. Фактъ повсемѣстный, что состоятельные крестьяне, пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ обѣднѣвшихъ, предпочитаютъ отказаться отъ земледѣлія и принимаются за болѣе прибыльный промыслъ скупки по мелочамъ крестьянскихъ продуктовъ за возможно пониженную цѣну, пользуясь мѣстною возможностью производить сдѣлку при обстоятельствахъ самыхъ невыгодныхъ для продавца.

Итакъ, утѣшительныя цифры, если разобрать ихъ какъ слѣдуетъ, не представляютъ вовсе доказательствъ блестящаго положенія. А между тѣмъ другой порядокъ фактовъ, неопровержимыхъ и не поддающихся никакому разностороннему объясненію, свидѣтельствуетъ противное. Внѣшняя наша торговля съ Европою, состоящая, главнымъ образомъ, въ отпускѣ сырья, въ настоящемъ году упала вслѣдствіе конкурренціи Америки; и въ литературѣ недавно былъ поднятъ и обсуждаемъ вопросъ, на сколько постоянною опасностью представляется эта конкурренція, какъ скоро американцы нашли способъ доставлять хлѣбъ въ Европу дешевле нашего; кромѣ того, быстрое паденіе земледѣлія и скотоводства у крестьянъ, въ особенности у кочевыхъ инородцевъ, вслѣдствіе голода за послѣдніе годы, надолго устранитъ насъ изъ ряда поставщиковъ для Европы сырья. Къ этому присоединяется еще и то, что число такихъ поставщиковъ безпрестанно увеличивается и требованія на сырье измѣняются: такъ, австралійское сало вытѣсняетъ наше, сельскохозяйственное благосостояніе освобожденныхъ славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ сократитъ наши хлѣбные отпуски на югъ Европы; ленъ замѣняется джутомъ, льняное сѣмя—сѣменами другихъ масличныхъ растеній и минеральными маслами, смола и деготь—перегонкою остатковъ нефти и пр.

Внѣшняя торговля издѣліями съ Востокомъ не расширяется, несмотря на наши побѣды и близкое сосѣдство, потому что, по условіямъ у насъ труда, знаній и предпріимчивости, мы не можемъ продавать такъ же дешево, какъ иностранцы. Привозъ изъ-за границы продуктовъ, не добываемыхъ въ Россіи и необходимыхъ для внутренняго фабричнаго производства, затрудняется паденіемъ курса. Слѣдовательно, наша промышленность и торговля могутъ разсчитывать только на расширеніе внутреннихъ оборотовъ. Размѣръ внутреннихъ оборотовъ зависитъ не отъ размѣра купеческихъ капиталовъ и не отъ увеличенія предпріимчивости, а отъ запроса, т. е. отъ экономическаго положенія потребителей. Если вся остальная масса потребителей—крестьяне, дворянство, чиновники—постепенно бѣднѣютъ и не могутъ покупать ничего, кромѣ самаго необходимаго, то капиталъ—не сила, а мертвый лежень, который для своего оживленія долженъ уходить изъ страны. Между тѣмъ факты послѣдняго времени говорятъ краснорѣчиво, что, вслѣдствіе всеобщаго обѣдненія, потребленіе сокращается и промышленность не растетъ,—другими словами, находится въ состояніи кризиса и упадка. Число ремесленниковъ ограничивается до такой сте-

пени, что скоро надо будетъ отсылать самыя простыя вещи для починки въ столицы или губернскіе города; фабричная и заводская промышленность не только не увеличивается, но по многимъ отраслямъ идетъ внизъ; цѣлыя необходимыя отрасли производства, какъ, напримѣръ, металлическаго и химическаго, не могутъ установиться; ярмарки въ прошломъ году прошли скверно; едва зародившіеся банки шатаются; число банкротствъ за послѣдніе годы неизмѣримо выше и чаще, нежели когда-нибудь. Это ли признаки, что промышленно-торговое сословіе воспользовалось благопріятными условіями своего положенія и по крайней мѣрѣ положило начало скопленію того запаса нравственно матеріальной силы, которое должно дать ему безспорное преобладаніе, какъ самому живущему и культурному элементу народнаго организма?!...

Нѣтъ, расшаталось и промышленно-торговое сословіе наравнѣ съ остальными, и съ нимъ сводитъ свои счеты исторія. На что оно употребило свой капиталъ послѣ освобожденія крестьянъ?—Часть этого капитала пошла на пріобрѣтеніе недвижимой собственности изъ рукъ обѣднѣвшихъ дворянъ, но здѣсь купцы явились еще болѣе близорукими и вредными для страны хозяевами, нежели сами дворяне. Купцы сплошь вырубаютъ вѣковые лѣса; они сдаютъ землю за возможно высшую аренду, не заботясь, что чрезъ нѣсколько времени почва будетъ выпахана; они всѣми мѣрами стараются съ барышомъ извлечь изъ земли затраченный на нее капиталъ, чтобы хищническое свое хозяйство перенести на другую дачу. Крупные фабриканты и капиталисты освобождаютъ свои деньги, чтобы поскорѣе воспользоваться большею наживой въ биржевой игрѣ, желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и акціонерныхъ предпріятіяхъ, или играютъ въ монополію въ торговлѣ необходимыми предметами потребленія, пользуясь громаднымъ перевѣсомъ личныхъ капиталовъ; а болѣе мелкіе кулаки ударились или въ винную торговлю, или въ мелочное скупничество на мѣстахъ, пользуясь бѣдностью и крайнимъ положеніемъ продавцовъ. Итакъ, когда баринъ обѣднѣлъ и сталъ безполезенъ для купца, купецъ, по старой привычкѣ, прежде всего перенесъ свою эксплуатацію на народъ. Но здѣсь уже Немезида не на сторонѣ кулака-капиталиста. Притомъ же это вѣдь и непрочно: всякая эксплуатація ведетъ къ конечному раззоренію эксплуатируемыхъ, а съ раззореніемъ послѣднихъ, само собой разумѣется, прекращается и эксплоатація, за неимѣніемъ матеріала. Между тѣмъ въ это благопріятное время устройства желѣзныхъ дорогъ, удешевленія кредита и легкости образованія акціонерныхъ предпріятій, подумало ли русское торгово-промышленное сословіе поставить нашу торговлю и промышленность на твердую, культурно-національную ногу? Приложило ли оно свои капиталы ко введенію улучшеннаго сельскаго хозяйства на дешево пріобрѣтенныхъ земляхъ, къ усовершенствованію обработки льна, винограда, красильныхъ и другихъ продуктовъ, растущихъ въ Россіи безъ всякаго примѣненія раціональной культуры и обработки? Взялось ли оно

за разработку минеральныхъ нашихъ богатствъ? Постаралось ли оно солидарными и прочными усиліями сколько-нибудь сократить свою зависимость отъ иностранцевъ и упрочить за собой ближайшіе внѣшніе рынки, съ которыхъ вытѣсняютъ его отдаленные производители другихъ странъ?— Ни мало!... Поэтому «той знатности и почета», того политическаго вліянія и того прочнаго положенія, какое занимаетъ среднее сословіе въ другихъ государствахъ, наше торгово-промышленное сословіе не заслужило и получить не можетъ. Не туго-набитою мошной и не стоящимъ въ изголовьи сундукомъ, не скопидомствомъ и способностью всякими средствами прибавлять четвертакъ къ четвертаку—купило этотъ почетъ и это значеніе среднее сословіе на Западѣ: у него цѣлая исторія борьбы за свои права; оно не было барскимъ холопомъ и не ждало субсидій и приказаній отъ правительства; оно прошло суровую и длинную школу труда личнаго и семейнаго чрезъ нѣсколько поколѣній, прежде чѣмъ стать на ту высоту, на которой оно стоитъ въ настоящее время; въ сферу промышленности оно вносило не биржевую спекуляцію, не безнравственное спаиваніе народа и не игру въ монополію, а народную, культурно-историческую дѣятельность, которая обогащаетъ не только самого капиталиста, но цѣлую націю, возбуждая и разрабатывая ея производительныя силы, призывая на помощь науку и двигая впередъ образованіе и матеріальное довольство страны. Вотъ когда наше промышленно-торговое сословіе встанетъ на этотъ путь, тогда скатертью ему дорога. Оно безспорно и достойно пріобрѣтетъ знатность, почетъ и политическое значеніе, на которые указывалъ ему еще за 250 лѣтъ великій преобразователь Русской земли.

Расшаталось и освобожденное крестьянство. Литературѣ принадлежитъ честь, что она совершенно вѣрно подмѣтила одну изъ главныхъ причинъ распространенной между крестьянами бѣдности въ непосильномъ обремененіи ихъ повинностями. Литература довела этотъ вопросъ до конца и побудила правительство обратить на него вниманіе и принять нѣкоторыя мѣры къ облегченію крестьянскаго населенія. Но видѣть въ крестьянской бѣдности одну эту причину можетъ только писатель, видящій крестьянина издалека, гдѣ онъ прежде всего представляется идеальнымъ, страдающимъ и угнетеннымъ братомъ. Для насъ, мѣстныхъ жителей, съ нимъ живущихъ, такой односторонній взглядъ есть признакъ или близорукости, или тенденціознаго, благороднаго, но все-таки несправедливаго увлеченія. Крестьянская среда, оставшись въ такой же мѣрѣ необразованною, какъ и прежде, не можетъ подняться выше общаго уровня массы съ такимъ характеромъ. Необразованный человѣкъ вездѣ имѣетъ весьма мало потребностей, по природѣ лѣнивъ и трудится только тогда, когда ему надо какъ-нибудь удовлетворить первымъ своимъ нуждамъ; и у насъ крестьянинъ лежитъ или, за неимѣніемъ другихъ развлеченій, предается пьянству, какъ скоро онъ выработалъ на свое пропитаніе и на уплату повинностей. Конечно, одна мѣстность не похожа на другую; но вообще у кресть-

янъ, за немногими исключеніями, поля обработаны плохо, покосы не расчищены, канавъ не прорыто, огородовъ не заведено, скотъ содержится крайне плохо—не только по недостатку корма, но и по нерадѣнію, молочное хозяйство ведется изъ рукъ вонъ небрежно и неопрятно, такъ что половина молока пропадаетъ даромъ собственно по этой причинѣ. Во многихъ мѣстностяхъ въ теченіе всей длинной зимы крестьяне, не занимающіеся какою-нибудь кустарной или лѣсною промышленностью, буквально ничего не дѣлаютъ; они и могли бы найти работу на сторонѣ, но не ищутъ. Причиною этому,—кромѣ двухъ приведенныхъ выше и въ особенности неразвитости, — та деморализація, которая въ послѣднее время такъ усилилась между крестьянами: вся эта масса крестьянъ изъ-подъ самой суровой и мелочной опеки предоставлена была на собственный произволъ; у нихъ на самомъ дѣлѣ не существуетъ ни управленія, ни суда, ни порядка, а какое-то безобразіе, о которомъ я говорилъ въ предыдущей статьѣ, въ свою очередь вызывающее и поддерживающее эту деморализацію. Неумолимая исторія и съ крестьяниномъ сводитъ свои счеты за его пассивное долготерпѣніе,—за то, что онъ безпрекословно приноровился къ режиму палки и произвола и сжился съ нимъ,—за то, что онъ, подобно животному, цѣловалъ руку, наносящую ему побои,—за то, что этотъ режимъ онъ впиталъ въ плоть и кровь и, лишь только выходилъ изъ рядовъ крѣпостныхъ, самъ являлся несравненно худшимъ деспотомъ и терзалъ неистово тѣхъ, съ кѣмъ дѣлилъ свои дѣтскія игры. Но этого мало: съ крестьяниномъ, какъ съ ближайшимъ производителемъ, сводитъ счеты земля, почва, за хищническое хозяйство всего русскаго народа,—она перестаетъ родить при малѣйшихъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Но больше всего и безнадежнѣе всего расшатался чиновникъ. Пока общество изображало собой спокойный, недвижный, ничего не сознающій и совершенно подавленный сырой матеріалъ, его дисциплинарно-машинное управленіе было совершенно достаточно. Собственно говоря, и управлять въ то время было не чѣмъ и не за чѣмъ: вся эта огромная масса, какъ глыба пластичной тины, замерла и изъ нея можно было безнаказанно и удобно лѣпить всевозможные прихотливые узоры. Но когда съ высоты престола на эту заснувшую массу повѣяло воскрешающимъ призывомъ къ свободѣ, когда мысль пробудилась и вернулось сознаніе, когда глыба глины вздохнула и ожила, какъ нѣкогда статуя Пигмаліона, — старые пріемы не у мѣста: что прежде сдерживало и заставляло молчать и не просыпаться, то теперь возбуждаетъ и производитъ безпорядокъ. И съ чиновникомъ сводитъ счеты исторія за то, что не обращалъ онъ вниманія на потребности страны и былъ глухъ къ покорнымъ, но неотложнымъ ходатайствамъ управляемыхъ,—за то, что на народъ онъ смотрѣлъ какъ на безотвѣтный матеріалъ и изъ угла своей канцеляріи производилъ надъ нимъ ломку съ верху до низу, по измышленію и произволу всякаго, желающаго заявить о себѣ и выслужиться, карьериста.

Среди этого всеобщаго шатанія потеряло почву народившееся молодое поколѣніе. Положеніе его нельзя сравнивать съ тѣмъ, которое когда-то переживали въ свою очередь мы сами. Мы жили въ печальное и безотрадное, но спокойное и опредѣленное время; мѣсто и дѣятельность были указаны каждому въ одной изъ тѣхъ твердостоявшихъ и рѣзко отдѣлившихся исторической жизнію группъ, къ которой вновь вступающій принадлежалъ по рожденію; образованіе было удѣломъ только привилегированныхъ сословій — дворянства и богатаго купечества; въ гимназіяхъ и тѣмъ болѣе въ университетахъ появлялось только меньшинство лицъ изъ духовнаго званія и изъ чиновниковъ, да и то преимущественно въ числѣ казенныхъ воспитанниковъ, обезпеченныхъ обязательною службой. По окончаніи курса молодой человѣкъ, котораго ничто не вызывало на размышленіе объ окружающей средѣ, занималъ, безъ всякихъ тревогъ и хлопотъ, болѣе или менѣе удачное положеніе и продолжалъ жить цѣльною жизнью со всѣмъ обществомъ, постепенно покрываясь той тиной, которую отлагало общество, и съ тѣмъ наружнымъ спокойствіемъ, которое на языкѣ цивилизаціи называется отсутствіемъ движенія, застоемъ, растительнымъ прозябаніемъ. Лишь изрѣдка гибель неуживавшейся въ этой средѣ натуры, уходившей или въ тоскливо-фанатическій, но безплодный идеализмъ, приводившій къ полной апатіи или въ болѣзненную привычку къ пьянству и разгулу, — напоминала, что въ человѣческомъ организмѣ есть стремленія и задачи, неудовлетворяемыя средой. Совсѣмъ иначе встрѣчаетъ жизнь современнаго молодаго человѣка: процентъ получившихъ образованіе несравненно больше, жизнь движется быстро и не только вызываетъ на размышленіе, но безпрестанно тревожитъ и задаетъ вопросы; исторически сложившіяся группы расшатались и все, что въ нихъ было ложнаго и патологическаго, выступило наружу; присущее молодой, не испорченной жизненными сдѣлками, природѣ чувство правды и искренности мѣшаетъ пристать туда, откуда сами старые дѣятели, въ которыхъ не умерло чувство человѣческаго достоинства, рвутся вонъ — изъ этой среды сословной распри за жалованье, погони за наживой, либеральной фразы на-показъ и ловкаго обдѣлыванія своихъ чисто-личныхъ интересовъ на дѣлѣ, обмана во всѣхъ его видахъ и ступеняхъ. Это—съ нравственной стороны; но не лучше и съ матеріальной. Въ спокойное время вновь приходящіе дѣятели безъ особенныхъ личныхъ усилій размѣщаются на новыя мѣста, создаваемыя естественнымъ приростомъ запроса; въ минуту тревоги и разстройства народной дѣятельности во всѣхъ ея отрасляхъ этихъ новыхъ мѣстъ не создается, вездѣ рады отпустить и наличныя рабочія силы, которыя содержать нечѣмъ, борьба за существованіе обостряется и старое поколѣніе, плотно усѣвшееся на насиженныхъ мѣстахъ, не уступаетъ вновь прибывшимъ. Молодому человѣку, кончившему курсъ въ университетѣ, въ настоящее время гораздо труднѣе, нежели было прежде, пристроиться къ мѣсту и положе-

нію, сколько-нибудь соотвѣтствующему затратѣ времени и труда на образованіе. А между тѣмъ, среди этого шатанія и разлада, народилось и растетъ что-то новое, отъ котораго отпала старая шелуха исторической неправды, гдѣ молодыя силы найдутъ успокоеніе, куда онѣ войдутъ и какъ званные, и какъ избранные.... Не зная, куда пристать, не видя подъ ногами твердой почвы и матеріально не обезпеченное, молодое поколѣніе нетерпѣливо волнуется.... Язычникъ былъ правъ, поклоняясь кумиру, прежде чѣмъ возсіялъ свѣтъ христіанскаго ученія; но съ той минуты взволновалось все молодое, свѣжее и сильное духомъ, отрекаясь отъ заблужденія: несмотря на проповѣдь любви и смиренія, христіане первыхъ вѣковъ не мирились съ языческимъ строемъ и съ ненавистью смотрѣли на заблудшихъ сторонниковъ исторической старины. Вы ихъ не осуждаете, во имя правды христіанской религіи,—не бросайте же камнемъ въ волнующееся молодое поколѣніе, ради свѣтлаго будущаго родной страны. Еслибъ оно ничѣмъ не напоминало о себѣ и не рвалось впередъ, то нечего было бы и говорить о молодомъ поколѣніи, тогда существовало бы только различіе въ возрастахъ....

Таково переходное время, которое мы переживаемъ; незамѣтно и постепенно, но все разрастаясь, тучи его сдвигались надъ нашими головами и начинаютъ разрѣжаться. Періодическій голодъ отъ истощенія почвы хищническимъ хозяйствомъ и упадкомъ скотоводства; появленіе вредныхъ насѣкомыхъ, истребляющихъ жатву вслѣдствіе тѣхъ же причинъ; повальныя болѣзни, вслѣдствіе недостатка питанія и дурныхъ условій жизни; разстройство и неправильный ходъ внутренней торговли и промышленности, не имѣющей никакихъ прочныхъ основъ и перебивающейся изо дня въ день; паденіе денежныхъ знаковъ и дороговизна, дѣлающая жизнь невозможною для бѣднаго человѣка; дефицитъ въ государственномъ хозяйствѣ и постепенное уменьшеніе государственныхъ доходовъ вслѣдствіе обѣдненія страны; деморализація или повсемѣстное спокойное и безпричинное самоубійство, доказывающее, что жизнь потеряла цѣну въ глазахъ людей, обладающихъ не исключительно животными аппетитами; преступныя попытки, какъ симптомъ назрѣвающихъ внутри народнаго организма болѣзненныхъ отложеній.... все соединилось, чтобы положеніе наше сдѣлать серьезнымъ и вызывающимъ на отпоръ единодушною дѣятельностью цѣлаго общества.... Стоимъ на рубежѣ!...

Кого же намъ винить и гдѣ исходъ?

Винить некого! Если винить высшее правительство, то оно виновато только въ одномъ томъ, что мы живемъ и жалуемся на него, обезпеченые въ спокойномъ и болѣе свѣтломъ будущемъ, а не погибаемъ въ потокахъ крови и грабежа, — мы или наши дѣти, разница въ этомъ не велика,—среди внутренней смуты, изъ которой не можетъ выйти ничего, кромѣ болѣе продолжительнаго, подавляющаго, безнравственнаго и враждебнаго всякому образованію и развитію цезаризма. Если винить обще-

ство, то виноваты всѣ мы, и виноваты не лично, а тѣмъ врожденнымъ человѣку несовершенствомъ, которое для очищенія и прогресса требуетъ опыта историческихъ ошибокъ и страданія переходныхъ эпохъ. Исторія сводитъ свои счеты съ прошедшимъ не для розыска и казни виновныхъ, а для того, чтобы вывести заблудшихъ на путь правды и блага, если сохранились въ нихъ жизненныя силы.

Гдѣ исходъ?—Въ той таинственной, но могучей живучести народныхъ организмовъ, способныхъ къ развитію, которая изъ кризисовъ исторической жизни выводитъ ихъ обновленными и цвѣтущими полнотою жизненныхъ силъ, подобно не испорченному организму, перенесшему тяжкую болѣзнь. Усиленно работала противъ болѣзни натура отдѣльнаго человѣка, превозмогла болѣзнь, и съ тою же напряженной энергіей возвращаетъ она утраченныя силы. Такъ и въ народѣ. Перемогала Россія бѣду, грозившую ей не въ одну смутную эпоху, и выходила болѣе могущественною и цивилизованною,—переможетъ ее и теперь. Но и старая Русь, въ смутное время, не сидѣла сложа руки, дожидаясь, пока время сдѣлаетъ свое дѣло: она энергически помогала образоваться тому новому, отъ котораго отпала старая шелуха исторической неправды и гдѣ лежитъ залогъ выздоровленія; она выдвигала впередъ народившееся молодое поколѣніе, передѣлывала отжившій строй согласно новымъ требованіямъ земскаго устройства и общественному голосу пробудившейся страны.

Въ томъ новомъ, которое зародилось на нашихъ глазахъ, нѣтъ ни родовитаго потомка древней дворянской семьи, ни чумазаго, ни подлаго человѣка дореформенной эпохи; въ немъ созрѣваетъ безсословная, заморенная, земская семья русскаго народа, во главѣ которой должна стать молодая русская интеллигенція. Она народилась, но она не находитъ ни почвы, ни мѣста для дѣятельности. Поступите же, какъ училъ величайшій русскій геній! Онъ, созидая цивилизованную, занявшую такое видное положеніе среди историческихъ народовъ, Россію, всего Россійскаго государства нужныхъ людей «разсыпанную храмину во едино собиралъ». И теперь слѣдуетъ собрать «разсыпанную храмину» безсословной русской интеллигенціи, молодой и возрастомъ, и духомъ,—лучшихъ людей, преданныхъ великому преобразовательному дѣлу августѣйшаго продолжателя Петра. Пусть эти люди встанутъ во главѣ мѣстнаго порядка и управленія и замѣнятъ честною дѣятельностью эту безобразную погоню за жалованьемъ.

Я, конечно, не подумаю принимать на себя смѣлость указывать способъ практическаго примѣненія такой важной мѣры; но не могу не привести нѣкоторыхъ мѣръ, которыя мнѣ представляются полезными съ практической точки зрѣнія:

1. Отмѣна права крестьянъ избирать на своихъ съѣздахъ вмѣсто себя лицъ изъ другихъ сословій (духовенства и крупныхъ землевладѣльцевъ): Опытъ показалъ, что этою привилегіей пользуются исключительно въ

собственныхъ своихъ видахъ лица, почему-либо не избранныя на съѣздъ землевладѣльцевъ, и пользуются благодаря апатіи крестьянъ и разнымъ косвеннымъ путямъ. Конечно, благодаря этому, возвращались въ земскіе гласные люди полезные и радѣвшіе о крестьянскихъ нуждахъ, вытѣсненные преобладающимъ отсталымъ большинствомъ; но большею частью проходили интриганы, не стѣснявшіеся въ средствахъ. Притомъ главная суть не въ примѣненіи, а въ самомъ принципѣ. Статья эта внесена была въ Положеніе, очевидно, въ надеждѣ, что крестьяне, сознавая свой недостатокъ въ образованіи и непривычку къ дѣламъ, обратятся сами къ интеллигентнымъ людямъ, способнымъ и желающимъ проводить насущныя ихъ нужды и интересы въ земскомъ собраніи. Этого не случилось,—сами крестьяне не обращались и если выбирали, то только тѣхъ, кто предлагалъ себя самъ и притомъ съ большими или меньшими о томъ хлопотами и подготовкою. Слѣдовательно, ожиданіе законодателя не сбылось. Между тѣмъ опытъ показалъ, что свои собственныя нужды и интересы никто такъ не знаетъ и не умѣетъ такъ отстоять, какъ гласные изъ самихъ крестьянъ. Слѣдовательно, для справедливаго и равномѣрнаго хода земскаго дѣла необходимо, чтобы крестьяне независимо и нераздѣльно пользовались предоставленнымъ имъ правомъ представительства и сами учились быть дѣятельными его членами, не полагаясь на опекуновъ изъ другихъ сословій.

2. Исключить изъ числа гласныхъ словомъ закона волостныхъ старшинъ, занимающихъ эту должность при настоящей ея обстановкѣ, и лицъ производящихъ раздробительную продажу питіями (кабатчиковъ): первые оффиціальнымъ своимъ положеніемъ поставлены въ слишкомъ зависимое положеніе, а вторые принадлежатъ безусловно къ числу тѣхъ міроѣдовъ, которымъ не должно быть отводимо мѣста тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о дѣйствительныхъ интересахъ того края, который они развращаютъ и обираютъ.

3. Гдѣ онъ существуетъ, тамъ повысить, а гдѣ его нѣтъ, тамъ ввести образовательный цензъ для всѣхъ должностей городскаго и земскаго самоуправленія.

4. Верховенство въ уѣздѣ предоставить лицу, получившему непремѣнно университетское или другое какое высшее образованіе, не стѣсняясь предѣлами уѣзда и губерніи, и избираемому не однимъ дворянскимъ сословіемъ уѣзда, а тѣмъ же избирательнымъ съѣздомъ землевладѣльцевъ, на которыхъ возложенъ выборъ гласныхъ, съ тѣмъ, что земство, если пожелаетъ, можетъ назначить ему вознагражденіе за службу.

Я полагаю такимъ образомъ очистить для интеллигенціи на первый разъ довольно мѣстъ, занимаемыхъ въ настоящее время безъ пользы, если не со вредомъ для дѣла; я полагаю, можно тогда разсчитывать, что составится и поддержится во всякомъ уѣздѣ кружокъ благомыслящихъ людей, которые будутъ дѣйствовать солидарно, и, привлекая къ себѣ другихъ, земскую и городскую службу передастъ въ болѣе честныя и дѣло-

выя руки. На сколько выиграетъ отъ этого общее благосостояніе и прекратится то растатанное положеніе, которое поддерживается главнымъ образомъ неурядицей во всемъ строѣ мѣстной жизни, стянутой у насъ въ рукахъ управленія,—предоставляю судить читателю.

Впрочемъ, повторяю, какъ практически «собрать во едино» и поставить во главѣ общественнаго управленія и порядка до сихъ поръ разсыпанное и стоящее не у дѣлъ интеллигентное меньшинство, я рѣшить не берусь. Но, на сколько научила меня практическая опытность и продолжительное наблюденіе всего, на глазахъ моихъ совершавшагося, я убѣжденъ, что только въ этомъ—якорь спасенія. Впрочемъ, этого и доказывать нечего: это — историческая аксіома, оспаривать которую нѣтъ никакой возможности.

Когда это сбудется, тогда мы можемъ смѣло и надежно сказать: впередъ, молодыя силы! Не вреднымъ самоуправленіемъ, не нелѣпой и безплодною борьбой съ вѣковыми устоями нашей исторической жизни, не преступнымъ и возбуждающимъ всеобщее негодованіе терроризмомъ, но честною службой Царю и отечеству, трудомъ и самопожертвованіемъ во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности на пользу не только личную, но и общую,— достигните вы того обновленія, котораго должно желать и искать молодое поколѣніе, достойное своей страны. А себѣ самимъ, людямъ, чья пѣсня спѣта, чей подвигъ и задачу оцѣнитъ потомство, мы можемъ спокойно и во-время повторить слова поэта:

Нашъ вѣкъ прошелъ. Пора намъ, братья!
Иные люди въ міръ пришли,
Иныя чувства и понятья
Они съ собою принесли....
Быть-можетъ, вѣруя упорно
Въ преданья юности своей,
Мы леденимъ, какъ вихрь тлетворный,
Жизнь обновленную людей;
Быть-можетъ.... истина не съ нами!
Нашъ умъ ее уже неймéтъ
И ослабѣвшими очами
Глядитъ назадъ, а не впередъ,
И свѣта истины не видитъ,
И вопіетъ: «спасенья нѣтъ!»
И можетъ-быть иной пріидетъ
И скажетъ людямъ: вотъ гдѣ свѣтъ!...

Н. Колюпановъ.

Январь 1881 г.
С. Городище.

Программа для собиранія свѣдѣній о русскомъ расколѣ или сектантствѣ.

ДВА СЛОВА ЧИТАТЕЛЮ.

Все сильнѣе, все замѣтнѣе обнаруживается въ нашемъ обществѣ стремленіе ближе и тѣснѣе сойтись съ народомъ, узнать его, изучить, понять,—понять ту многомилліонную массу сѣраго люда, что несетъ на своихъ плечахъ всю тяжесть современнаго строя, современной цивилизаціи,

Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться страстямъ и мечтамъ.

Изучаютъ общину, изучаютъ артели, кустарные промыслы, изучаютъ юридическіе обычаи народа. Изученіе это производится при посредствѣ особыхъ программъ, обращающихъ вниманіе изслѣдователя на болѣе важныя, выдающіяся стороны этихъ вопросовъ.

Наконецъ начинаютъ обращать вниманіе и на расколъ или сектантство. Въ прошломъ году въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* былъ напечатанъ намѣченный нами проектъ программы для изученія раскола. Будучи отпечатанъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, проектъ этотъ получилъ весьма незначительное распространеніе. Между тѣмъ въ обществѣ интересъ къ этому вопросу, несомнѣнно, растетъ все болѣе и болѣе. За послѣднее время нами полученъ былъ цѣлый рядъ заявленій разныхъ лицъ о желаніи ихъ начать изученіе сектантства при помощи нашей программы. Эти лица просили или снабдить ихъ программами, или указать, гдѣ бы можно было пріобрѣсти ихъ.

Это обстоятельство заставило насъ дополнить, измѣнить или, вообще, переработать составленный прежде проектъ программы и дать ему возможно болѣе широкое распространеніе. Редакція *Русской Мысли* обязательно предложила намъ страницы своего журнала и, по отпечатаніи, выразила готовность пустить эту программу въ видѣ особыхъ оттисковъ.

Теперь не проходитъ мѣсяца безъ того, чтобы въ журналахъ не появилось статьи о расколѣ или сектантствѣ. Публика прилежно читаетъ

и перечитываетъ эти статьи, но, увы, чаще всего изъ этого чтенія выносится лишь одно чувство—чувство неудовлетворенности и разочарованія. Публика жалуется, что въ журнальныхъ статьяхъ по расколу сообщается очень мало новаго, что всѣ онѣ носятъ на себѣ черезчуръ компилятивный характеръ, пережевывая давнымъ-давно извѣстные факты, наблюденія и данныя.

Заговоритъ ли статья о духоборцахъ,—ну, такъ и знаешь, что тотчасъ же начнутся цитаты изъ брошюрки Новицкаго,—брошюрки, изданной ровно *пятьдесятъ* лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ составляющей *единственное* сколько-нибудь самостоятельное изслѣдованіе объ этой, въ высшей степени интересной, сектѣ. Заговоритъ ли авторъ о молоканахъ,—немедленно являются на сцену необходимыя ссылки и выписки изъ статьи г. Костомарова,—статьи, составленной на основаніи наблюденій, произведенныхъ авторомъ въ сороковыхъ годахъ, и т. д.

Но всѣ эти статьи ничего не говорятъ намъ о томъ, какъ и чѣмъ живетъ народная мысль теперь, сейчасъ вотъ, въ эти роковые годы, что̀ всего болѣе волнуетъ и занимаетъ ее, о чемъ болѣетъ народное чувство...

Какъ же узнать все это?

Отвѣтъ напрашивается самъ собою. Чтобъ узнать это, нужно видѣть народъ, нужно слышать его рѣчь, нужно жить среди его, нужно не бояться этого царства дымныхъ, душныхъ хатъ, дырявыхъ лаптей, тяжелаго труда и горькой нужды изо дня въ день....

На дворѣ мартъ. Природа снова просыпается отъ зимняго сна и покоя. Скоро въ городѣ будетъ и душно, и пыльно, и скверно. Оставимъ же на время городъ съ его казармами и ростовщиками, съ его жандармами и камеліями, съ его прелюбодѣями мысли и слова, и пойдемъ въ деревню,—пойдемъ въ деревню и поищемъ въ ней отвѣтовъ на тѣ «проклятые вопросы», что такъ давно, такъ болѣзненно накипѣли у всѣхъ на душѣ.

ПРОГРАММА

для собиранія свѣдѣній о русскомъ расколѣ или сектантствѣ.

I.

Общій характеръ сектъ и распространенность ихъ въ изучаемомъ районѣ.

1. Какія именно секты и согласія встрѣчаются въ изучаемой мѣстности? Указать на тѣ пункты, въ которыхъ живутъ сектанты (города, волости, села, хутора).

2. Какъ называютъ себя послѣдователи той или другой секты? Какъ называютъ ихъ православные? Не встрѣчается ли какихъ-нибудь новыхъ, неизвѣстныхъ до сихъ поръ, сектъ?

3. Какъ велико число открытыхъ приверженцевъ каждой секты? Численность «записныхъ раскольниковъ» по свѣдѣніямъ духовнаго вѣдомства

(священниковъ, благочинныхъ, духовныхъ консисторій), полиціи (волостныхъ правленій, уѣздныхъ и городскихъ полицейскихъ управленій) и статистическаго комитета. Порядокъ и пріемы собиранія этихъ свѣдѣній. Даютъ ли они вѣрное и точное представленіе о дѣйствительномъ развитіи сектантства? Какимъ путемъ можно было бы собрать болѣе точныя данныя?

4. Не встрѣчаются ли тайные послѣдователи, скрывающіе передъ властями свою принадлежность къ сектантству? Ближайшія причины, заставляющія сектантовъ скрывать свое отступленіе отъ церкви. Какъ велико приблизительно число тайныхъ послѣдователей той или другой секты?

5. Не замѣчается ли, что однѣ секты гнѣздятся главнымъ образомъ среди великороссійскаго населенія, другія—преимущественно среди малороссовъ, третьи, наконецъ, среди инородцевъ и т. д.? Если подобныя явленія встрѣчаются, то чѣмъ можно объяснить ихъ?

6. Среди какихъ именно сословій ученія сектантовъ имѣютъ наибольшій успѣхъ? Не замѣчается ли, что нѣкоторыя секты распространяются преимущественно среди одного какого-нибудь сословія? Прослѣдить наклонность къ сектантству въ средѣ крестьянъ: государственныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ, монастырскихъ, удѣльныхъ.

7. Въ средѣ какихъ именно людей обнаруживается наибольшая склонность къ сектантству: среди богатыхъ, зажиточныхъ или бѣдныхъ? Указать, какія именно ученія охотнѣе воспринимаются бѣднымъ людомъ и какія богатыми?

8. Возникли ли секты на мѣстѣ или же занесены откуда-нибудь извнѣ? Кто были первые основатели и учители сектъ? Какія преданія сохранились о появленіи и распространеніи той или другой секты?

9. Возникли ли секты вполнѣ самостоятельно, или же онѣ сложились подъ вліяніемъ какихъ-нибудь постороннихъ, случайныхъ причинъ, какъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ нѣмецкихъ, протестантскихъ колоній, сношеній съ иностранцами и т. п.? Въ этомъ послѣднемъ случаѣ необходимо по возможности внимательно и подробно выяснить степень вліянія случайныхъ причинъ, имѣвшихъ значеніе при возникновеніи той или другой секты,—необходимо отдѣлить то, что заимствовано, отъ того, что явилось результатомъ самостоятельнаго и самобытнаго народнаго развитія.

10. Если секты занесены извнѣ, то откуда, когда и кѣмъ именно? Разсказы и извѣстія, сохранившіеся объ этомъ среди сектантовъ.

11. Не подраздѣляются ли секты на толки и согласія? Чѣмъ обыкновенно вызывается подобное дѣленіе? Главнѣйшіе изъ этихъ толковъ и согласій. Не замѣчается ли особенно частаго и усиленнаго дробленія нѣкоторыхъ сектъ, охарактеризованнаго поговоркою: «что мужикъ—то вѣра, что баба—то толкъ»?

12. Не возникаетъ ли среди сектантовъ или православныхъ такихъ религіозныхъ ученій, которыя стояли бы, такъ-сказать, особнякомъ и

представителями которыхъ являлись бы отдѣльныя личности, вышедшія изъ той или другой среды? Изложить сущность такихъ ученій и прослѣдить ихъ дальнѣйшую судьбу.

Такія ученія непрерывно возникаютъ то въ той, то въ другой мѣстности. Какъ на примѣръ подобныхъ ученій, можно указать на возникшее въ 50-хъ годахъ ученіе митавскаго мѣщанина Ефима Блохина, который дошелъ до совершеннаго отрицанія обязательности Св. Писанія и св. иконъ, замѣнивъ всю религіозность озареніемъ свыше. Онъ проповѣдывалъ, что каждый можетъ самъ исправлять церковныя нужды, не прибѣгая ни къ священнику, ни къ наставнику, и что поэтому не зачѣмъ ходить ни въ церковь, ни на молитвенныя собранія.

II.

Догматическая сторона сектантскихъ ученій.

13. Въ чемъ состоитъ сущность ученія каждой секты?

14. Въ чемъ главнымъ образомъ расходятся онѣ съ ученіемъ православной церкви?

15. Имѣютъ ли секты письменные или печатные уставы или катехизисы, съ изложеніемъ главныхъ основаній своихъ ученій? Привести, если возможно, копіи съ этихъ уставовъ или же списать наиболѣе характерные мѣста изъ нихъ..

16. Какъ далеко идетъ отрицаніе господствующей церкви у той или другой секты? Не сводится ли такое отрицаніе церкви въ сущности къ отрицанію духовной іерархіи, а также къ отрицанію тѣхъ или другихъ религіозныхъ обрядовъ? Не ограничивается ли это разногласіе своеобразнымъ толкованіемъ лишь нѣкоторыхъ принадлежностей чисто-обрядовой стороны богослуженія, или же отпаденіе той или другой секты отъ церкви простирается до отрицанія таинствъ?

17. Ученія различныхъ сектъ о Богѣ, о Св. Троицѣ, объ Іисусѣ Христѣ.

18. Отношеніе сектантовъ къ Священному Писанію, Ветхому и Новому Завѣту.

19. Отношеніе сектантовъ къ исправленію богослужебныхъ книгъ, бывшему при патріархѣ Никонѣ.

20. Взглядъ сектантовъ на таинство вообще и на бракъ и священство въ частности.

21. Отношеніе сектантовъ къ святымъ, угодникамъ, пророкамъ; взглядъ ихъ на ангеловъ и діавола.

22. Отношеніе сектантовъ къ церкви, богослуженію, иконамъ (старымъ и новымъ), мощамъ св. угодниковъ, крестному знаменію, поклонамъ, постамъ и т. п.

Воздыханцы, напримѣръ, говорятъ: «Молиться можно и безъ поста, была бы душа чиста. Что Богъ далъ, тѣмъ наслаждайся, а что вредно, того

отвращайся. Постъ,—говорятъ они,—остался въ обрядахъ монастырскихъ, монахи пусть и соблюдаютъ его,—они обрекли себя на это,—а намъ, мірскимъ людямъ, при постоянной работѣ постъ пользы не принесетъ. Вола, т.-е. тѣло, надобно кормить, чтобы оно возило, т.-е. носило душу, доколѣ нужно, доколѣ будемъ жить на землѣ» (*Калуж. Епарх. Вѣд.* 1873 г., № 2).

23. Не допускаютъ ли ученія сектантовъ какихъ-нибудь ограниченій въ пищѣ?

Ученіе шалопутовъ, напримѣръ, воспрещаетъ употребленіе въ пищу свинины. Интересны мотивы такого запрещенія: «Будешь ѣсть свинью, самъ свиньей сдѣлаешься», говорятъ шалопуты. Они убѣждены, что отъ свинины люди скоро толстѣютъ, жирѣютъ и такимъ образомъ утрачиваютъ ту нервность и впечатлительность, которыя особенно почитаются этими сектантами (сообщ. г. Абрамова изъ Терской обл.).

24. Сектантскія ученія объ антихристѣ. Представляютъ ли они антихриста въ образѣ какой-нибудь отдѣльной личности, или же разумѣютъ подъ этимъ извѣстный духъ, направленіе общественной жизни?

25. Ученіе о послѣднемъ времени. Признаки послѣдняго времени.

26. Ученіе различныхъ сектъ о загробной жизни, о воскресеніи мертвыхъ, о страшномъ судѣ.

Воздыханцы отрицаютъ загробную жизнь, отрицаютъ рай и адъ. «Послѣ смерти ничего не будетъ, говорятъ они,—живи какъ живется, а главное—живи по духу» (*Калуж. Епарх. Вѣд.* 1873 г., № 3).

27. Исполненіе различныхъ церковныхъ требъ сектантами. Обычаи и обряды у сектантовъ при рожденіи, крещеніи, «перекрещиваніи», свадьбахъ, похоронахъ, поминкахъ и т. д. Отличіе этихъ обрядовъ и обычаевъ отъ употребляемыхъ православными. Порядокъ богослуженія, молитвы, пѣніе.

28. Не имѣетъ ли въ глазахъ сектантовъ все старинное и древнее значенія безпорнаго авторитета? Не распространены ли среди сектантовъ мнѣнія, выражаемыя слѣдующими пословицами: «что старо, то свято»; «что изстари ведется, то не минется» и т. п.? Не встрѣчаются ли съ другой стороны противоположныя мнѣнія? Въ одной изъ молоканскихъ книгъ говорится, что «не та вѣра свята, которая старѣе, а та, которая истиннѣе».

29. Къ какимъ именно явленіямъ современной жизни относятся сектанты отрицательно и на чемъ основываютъ свое отрицаніе?

Штундисты, напримѣръ, въ своемъ отрицаніи зашли такъ далеко, что стали отвергать даже всѣ техническія усовершенствованія и открытія. По ихъ мнѣнію, желѣзныя дороги, пароходы, машины, телеграфы — все это признаки царствія сатаны и конца этого царствія, которое штундисты называютъ вообще «царствіемъ египтянъ». Очень можетъ быть,—говорятъ они,—что наступаетъ даже кончина міра. Въ Писаніи сказано, что передъ

кончиной вѣка появится какая-то огненная колесница. Такою колесницей, по всей вѣроятности, Писаніе разумѣетъ паровики парохода и желѣзнодорожные локомотивы, потому что они движутся при посредствѣ огня и изъ трубъ ихъ пышутъ дымъ и пламя. При посредствѣ этихъ огненныхъ колесницъ люди владычествуютъ одинъ надъ другимъ, пользуются чужими трудами, уродуютъ и калѣчатъ другъ друга. Все это явные признаки египетскаго царства («Малорусская штунда», *Недѣля* 1877 года, № 1).

30. Считаютъ ли сектанты свои ученія и толкованія непреложными, отнюдь не подлежащими какимъ бы то ни было измѣненіямъ, или же, напротивъ, допускаютъ свободу толкованія и пониманія Священнаго Писанія?

31. Остаются ли ученія различныхъ сектъ постоянно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они возникли, или же постепенно видоизмѣняются? Уловить и выяснить характеръ этихъ измѣненій.

Даже самыя противоестественныя секты, какъ, напримѣръ, скопческая, обнаруживаютъ несомнѣнное прогрессированіе въ своихъ ученіяхъ. Такъ, въ недавнее время, изъ среды скопческой секты выдѣлилась весьма значительная часть ея послѣдователей, которые, называя себя «духовными скопцами», категорически отвергаютъ физическое оскопленіе и проповѣдываютъ обыкновенно воздержаніе отъ плотскаго сожительства съ женщинами путемъ силы воли («Древняя и новая Россія», статья г. Забѣлина).

32. Можно ли усмотрѣть какую-нибудь связь между ученіями различныхъ сектъ? Нельзя ли прослѣдить преемственной связи между сектами различныхъ группъ, такъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ сектъ изъ группы «духовныхъ христіанъ» съ крайними развѣтвленіями безпоповщины (немоляками и друг.)? Не являются ли нѣкоторыя новѣйшія секты результатомъ дальнѣйшаго и естественнаго развитія прежде возникшихъ сектъ?

III.

Внутренній строй сектантскихъ общинъ въ связи съ ихъ экономическимъ бытомъ.

33. Общежитіе сектантовъ. Не замѣчается ли между ними большей солидарности сравнительно съ православными? Въ чемъ именно она выражается?

34. Различные виды взаимной помощи, встрѣчающіеся среди сектантовъ.

У общихъ, напримѣръ, существуетъ общественный магазинъ, куда каждый глава семейства обязанъ вносить въ пользу неимущихъ десятую часть своего дохода: такъ, десятый рубль изъ прибыли—общій, десятый пудъ изъ умолотаго хлѣба—также общій. Кромѣ того, входя въ собраніе, каждый кладетъ на столъ подъ утиральникъ деньги, «сколько кто можетъ».

35. Нѣтъ ли среди сектантовъ общественныхъ кассъ? Ихъ устройство и назначеніе.

«Въ раскольническихъ обществахъ издавна производятся пособія или ссуды изъ общественныхъ суммъ или кассъ, составленныхъ при монастыряхъ, скитахъ или кладбищахъ» (Раевъ: «О сельскихъ банкахъ», *Журналъ Министер. Государ. Имущ.* 1858 г., мартъ и апрѣль, стр. 230).

Среди шалопутовъ Терской области существуетъ денежная касса, изъ которой ссуды и вспомоществованія высылаются даже и въ другія губерніи, напримѣръ въ Тамбовскую (Сообщеніе г. Абрамова изъ Терской области).

Необходимо подробно описать организацію подобныхъ кассъ.

36. Нѣтъ ли среди сектантовъ особыхъ артелей, складчинъ, товариществъ? Описать ихъ устройства.

37. Не составляютъ ли сектанты извѣстной мѣстности правильно организованной общины? Подробно описать устройство и внутренній бытъ такихъ общинъ.

Какъ на болѣе яркій примѣръ подобныхъ общинъ, можно указать на слободы, въ которыхъ жили послѣдователи секты «общихъ». Каждая слобода, по ученію этихъ сектантовъ, составляла особую общину. Всѣ дома у общихъ строились не иначе, какъ міромъ. Имѣнія, движимыя и недвижимыя, и доходы съ нихъ принадлежали общему братскому союзу; личной же собственности—ни движимой, ни недвижимой—ни у кого не было. Дома, скотъ, земледѣльческія орудія, телѣги, все домашнее хозяйство, земля, сады, огороды, мельницы, пчельники, кожевни,—однимъ словомъ, все хозяйство, вся промышленность—находились въ распоряженіи «партій», на которыя подраздѣлялся союзъ общихъ, принадлежали цѣлой слободѣ, въ которой находились эти партіи. У общихъ въ каждой слободѣ была одна общая денежная касса, одно общее стадо, одно общее хлѣбопашество и полеводство. Изъ общей кассы, также изъ общаго имущества отпускались части въ партіи поголовно, на число душъ, по изравненію. Такимъ образомъ распредѣлялся по партіямъ скотъ, одежда, обувь и проч. Въ каждой партіи выбирался домашній или земскій распорядитель, сохранявшій все мужское верхнее платье и обувь партіи; женщины въ свою очередь выбирали изъ своей среды домашнюю или земскую распорядительницу съ подобными же обязанностями. Слободы общихъ управлялись выборными членами: судьею, главнымъ учителемъ и наблюдателемъ общины, распорядителемъ, молитвенникомъ, словесникомъ и т. п. Всѣ работы, полевыя и домашнія, производились общими трудами, по наряду общинныхъ чиновъ и домашнихъ распорядителей (*Чтенія въ Императ. Обществѣ истор. и древн.* 1864 г.).

Таковы свѣдѣнія объ организаціи общинъ послѣдователей секты общихъ,—свѣдѣнія, собранныя въ первое время возникновенія и развитія этой секты.

Къ сожалѣнію, о настоящемъ состояніи этихъ общинъ не извѣстно почти ничего достовѣрнаго, а потому изслѣдователю сектантства необходимо

провѣрить на мѣстѣ: сохранилась ли до сихъ поръ подобная коммунистическая организація въ слободахъ, населенныхъ общими, или же она приняла другой видъ и характеръ, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій народной жизни.

38. Не существовало ли подобныхъ общинъ среди сектантовъ въ прежнее время? Если существовали, то подробно описать внутренній строй этихъ общинъ.

39. Какія причины способствовали распаденію этихъ общинъ?

40. Не сохранилось ли какихъ-нибудь слѣдовъ отъ прежней организаціи общинъ?

41. Не существуетъ ли среди сектантовъ стремленій къ общинной, коммунальной жизни и въ чемъ именно выражаются подобныя стремленія?

Среди шалопутовъ, живущихъ въ Терской области, можно встрѣтить правильно организованныя общины, имѣющія много общаго съ коммунами секты общихъ. Такая коммуна существуетъ, напримѣръ, въ станицѣ Павлоградской и состоитъ изъ сорока домовъ шалопутовъ (Сообщ. г. Абрамова изъ Терской области).

42. Матеріальное или экономическое состояніе сектантовъ. Не замѣчается ли среди сектантовъ большаго экономическаго благосостоянія сравнительно съ православными?

43. Чѣмъ можно объяснить этотъ фактъ?

44. Положеніе наемныхъ рабочихъ и батраковъ въ сектантской семьѣ и общинѣ.

45. Отношеніе сектъ къ различнымъ проявленіямъ капитализма въ современной жизни.

Нѣкоторые сектанты, какъ, напримѣръ, младо-штундисты, не допускаютъ найма рабочихъ изъ своихъ же братьевъ, штундистовъ, не допускаютъ отдачи денегъ въ ростъ, отрицаютъ право взиманія платы за пользованіе землею или лѣсомъ, и т. п. (*Недѣля* 1877 г., № 2).

46. Роль, значеніе и обязанности въ сектантскихъ общинахъ уставщиковъ, начетчиковъ, старцевъ, матушекъ и проч. Ихъ образъ жизни, нравственность и степень вліянія на сектантовъ.

47. Какія качества требуются отъ всѣхъ этихъ лицъ? Порядокъ избранія ихъ. Избираются ли они на время, или пожизненно? Если на время, то на какой именно срокъ?

48. Вмѣшивается ли наставникъ въ частную жизнь своихъ прихожанъ, и въ какихъ именно случаяхъ? Имѣетъ ли онъ право наложенія эпитеміи или другаго рода наказанія и въ какихъ именно случаяхъ пользуется этимъ правомъ?

49. Не вмѣшивается ли иногда община въ частную жизнь наставника или уставщика (напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній начинаетъ вести предосудительный образъ жизни)? Вообще необходимо выяснить

взаимныя отношенія между общиною иуставщикомъ и зависимость послѣдняго отъ общины.

50. Не обращаются ли иногда такіе наставники и «старшіе братья» въ кулаковъ?

Нѣчто подобное случилось, по крайней мѣрѣ, у старо-штундистовъ. Первые коноводы ихъ, въ родѣ Ратушнаго, Балабана и др., обратились теперь просто въ кулаковъ («Малорусская штунда»).

51. Устраиваютъ ли сектанты общественныя моленія? Имѣютъ ли они свои часовни, кладбища, молитвенные дома, молельни? Какъ устраиваются и кѣмъ завѣдываются всѣ эти учрежденія?

52. Не существуетъ ли въ сектантскихъ общинахъ своего особаго суда?

Такой судъ можно встрѣтить у штундистовъ. У нихъ онъ основывается на правилѣ апостольскомъ, т. е. сначала штундисты пробуютъ помирить поссорившихся одинъ-на-одинъ. Если это не удается, тогда разбирательство производится при постороннихъ лицахъ, при свидѣтеляхъ. Это—такъ-называемый «судъ братскій». Если же и этотъ судъ не достигаетъ своей цѣли, тогда тяжущихся предаютъ на «судъ церкви», подъ которымъ можно разумѣть вообще судъ собраній. Кромѣ этого, иного суда у штундистовъ не бываетъ (*Недѣля* 1876 года, № 2).

53. Не установлено ли въ общинѣ какихъ-нибудь опредѣленныхъ взысканій или наказаній за тѣ или другіе проступки или преступленія членовъ общины?

По словамъ извѣстнаго Лопухина, изслѣдовавшаго, по порученію императора Александра Павловича, духоборческую секту, среди послѣдователей этой секты нѣтъ никакихъ наказаній, кромѣ исключенія изъ общины, и это исключеніе бываетъ за самыя явныя преступленія.—Указать, какія именно преступленія влекутъ за собою исключеніе изъ общины.

54. Не возникаетъ ли среди сектантовъ или православныхъ попытокъ къ практическому осуществленію различныхъ евангельскихъ ученій, такъ или иначе перетолкованныхъ?

Какъ на примѣръ подобныхъ попытокъ организація жизни на новыхъ началахъ, можно указать на случай, сообщаемый чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Брянчениновымъ, который былъ командированъ въ Костромскую губернію для изученія раскола. «Дьяконъ села Бавыкина, Макарьевскаго уѣзда, Николай Поповъ, вздумалъ завести жизнь братскую, общинную, сталъ соединять нѣсколько отдѣльныхъ семействъ въ одно общество, заводить у нихъ общую работу, общую трапезу, даже нѣчто въ родѣ общаго имущества, ибо всѣ его приверженцы, записывавшіеся въ особую книгу, сносили къ нему свое имущество и онъ распоряжался во имя всѣхъ. Послѣ обѣдни всѣ послѣдователи собирались у него въ домѣ, гдѣ онъ училъ ихъ евангельскимъ истинамъ» («Сборникъ правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», выпускъ II, стр. 24).

55. Есть ли скиты или «пустыни»? Въ какомъ положеніи находятся они въ настоящее время? Число живущихъ въ нихъ мужчинъ и женщинъ. Значеніе скитовъ въ настоящее время.

Въ Архангельской губерніи почти всѣ скиты изъ числа сохранившихся до настоящаго времени служатъ теперь чѣмъ-то въ родѣ богадѣленъ, гдѣ находятъ пріютъ больные, престарѣлые, хворые и т. д.

56. Занятія скитниковъ. Средства къ ихъ существованію. Какъ управляются скиты? Не представляютъ ли они собою болѣе или менѣе правильно организованныхъ общинъ? Не имѣютъ ли они писанныхъ уставовъ или правилъ для общежитія? Есть ли въ скитахъ часовни, молельни, книгохранилища?

57. Когда именно, кѣмъ и при какихъ условіяхъ основаны скиты? Какія преданія и разсказы сохранились о прежнемъ состояніи скитовъ. Какъ велико было число скитниковъ? Чѣмъ главнымъ образомъ жили скиты, и средства, которыми они располагали?

58. Не имѣли ли скиты воспитательнаго значенія? Не было ли въ нихъ школъ, учителей, библіотекъ, канцелярій для переписки старопечатныхъ книгъ и рукописей? Не отдавались ли туда дѣти для обученія грамотѣ и наставленія въ правилахъ вѣры? Не посылались ли туда погрѣшившія противъ цѣломудрія дѣвушки, съ цѣлью наказанія и исправленія? Значеніе скитовъ въ дѣлѣ распространенія раскола.

59. Не было ли распространено въ скитахъ разврата и пьянства? Какъ относились мѣстныя власти къ существованію скитовъ? Поборы, взятки. Причины, вызвавшія преслѣдованія скитовъ.

60. Не были ли раззорены нѣкоторые скиты? Подробности, сопровождавшія это раззореніе. Не было ли при этомъ случаевъ сопротивленія? Не сохранилось ли преданій о самосожигательствахъ?

61. Не удаляются ли нѣкоторые изъ сектантовъ для проживанія въ лѣса и степи? Что обыкновенно побуждаетъ ихъ къ этому и чѣмъ занимаются они въ такихъ случаяхъ въ своемъ уединеніи?

Въ сѣверныхъ лѣсистыхъ и особенно въ сибирскихъ губерніяхъ подобные случаи происходятъ довольно часто. Удаляются въ лѣса обыкновенно люди начитанные, пожилые, убѣдившіеся, что «во міру нѣсть спасенія».

Иногда около такихъ отшельниковъ образуются даже маленькіе поселки, общины, изъ нѣсколькихъ домовъ. Все окрестное населеніе считаетъ своимъ долгомъ побывать у такихъ отшельниковъ, чтобы поразспросить ихъ о вѣрѣ и посовѣтоваться о томъ, «какъ жить надо».

IV.

Семейный и домашній бытъ сектантовъ.

62. Домашняя и семейная жизнь сектантовъ. Взаимныя отношенія членовъ семьи между собою. Власть родителей, зависимость дѣтей.

63. Положеніе женщины въ сектантской семьѣ и общинѣ.

О штундистской семьѣ одинъ изъ наблюдателей народнаго быта говоритъ, что споры и раздоры въ ней рѣдки и исключительны, проявленія власти и насилія—точно также. Мужъ и жена—совершенно равноправныя лица. И тотъ и другая имѣютъ одинаковое право и въ собраніяхъ и въ жизни. На собраніяхъ женщины являются въ тѣхъ же роляхъ, какъ и мужчины, т. е. поютъ псалмы и пѣсни, говорятъ проповѣди, импровизируютъ молитвы и комментируютъ и уясняютъ смыслъ Священнаго Писанія. Дома онѣ не только хозяйки, но и полновластныя лица. Короче, въ семьѣ фактически существуетъ полнѣйшая равноправность между женой и мужемъ, родителями и дѣтьми. Родительская власть не принимаетъ крутыхъ и рѣзкихъ оттѣнковъ даже при воспитаніи дѣтей (*Недѣля* 1877 г., № 2).

Необходимо тщательно провѣрить, насколько точна подобная характеристика штундистской семьи, а также прослѣдить взаимныя отношенія членовъ семьи во всѣхъ остальныхъ сектахъ.

64. Не замѣчается ли среди послѣдователей той или другой секты численнаго перевѣса женщинъ передъ мужчинами? Насколько великъ этотъ перевѣсъ? Чѣмъ слѣдуетъ объяснить большее распространеніе сектантства среди женщинъ?

65. Положеніе и вліяніе женщинъ-сектантокъ, попавшихъ въ православную семью. Не являлись ли женщины въ числѣ основателей сектъ и первыхъ распространителей ихъ, и если являлись, то въ какихъ именно сектахъ?

66. Замѣтно ли среди сектантовъ стремленіе къ семейнымъ раздѣламъ? Проявляется ли у нихъ это стремленіе сильнѣе, чѣмъ у православныхъ, или же, наоборотъ, слабѣе?

«На Молочныхъ Водахъ, — говоритъ Лопухинъ,—гдѣ поселены были духоборцы, до трехъ и даже до пяти многолюдныхъ семействъ уживаются въ одной большой избѣ».

Совершенно аналогичное явленіе можно наблюдать среди безпоповцевъ, живущихъ въ Архангельской губерніи, напримѣръ въ Койденской волости, Мезенскаго уѣзда. Здѣсь можно встрѣтить огромные дома въ 10 — 12 оконъ, населенные нѣсколькими многолюдными родственными семьями, мирно уживающимися подъ одною крышей (Сообщено Ив. А. Протопоповымъ изъ Архангельской губерніи).

67. Значеніе брака въ сектантской средѣ. Брачники и безбрачники. Отрицаніе церковнаго обряда вѣнчанія. Значеніе родительскаго благословенія при вступленіи въ бракъ.

Въ сектѣ общихъ, напримѣръ, бракъ не почитается таинствомъ и совершается по одному взаимному согласію молодой четы и по засвидѣтельствованію передъ народомъ. То же самое и у духоборцевъ. «Такъ какъ между этими сектантами не существуетъ никакого предпочтенія по богатству и по знатности фамилій, то родители у нихъ вовсе не вмѣшива-

ются въ браки. Церемоній и обрядовъ при этомъ никакихъ также не бываетъ. Для брака достаточно согласія молодыхъ супруговъ и обѣщанія жить вмѣстѣ; тогда они объявляютъ родителямъ и братіи и начинаютъ жить вмѣстѣ (*Чтенія въ Импер. Обществѣ истор. и древн.* 1864 г.).

68. Не вмѣшивается ли иногда община или «собраніе» въ частную жизнь семьи? Что обыкновенно служитъ поводомъ для такого рода вмѣшательства? Не обращаются ли иногда дѣти въ общину или собраніе съ жалобами на своихъ родителей, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе препятствуютъ браку сына или дочери?

У молоканъ сговорившіеся молодые люди объявляютъ о своемъ рѣшеніи жить вмѣстѣ сначала родителямъ невѣсты, а затѣмъ родителямъ жениха. Въ первое слѣдующее за этимъ собраніе родители жениха и невѣсты сообщаютъ о рѣшеніи дѣтей своихъ передъ общиною. При этомъ родители играютъ роль чисто-пассивную; препятствовать браку они не имѣютъ права и даже еслибъ они вздумали пристращать дѣтей лишеніемъ наслѣдства, то и это не могло бы предотвратить брака, такъ какъ молодые люди могутъ тогда жаловаться на родителей собранію, которое разрѣшаетъ бракъ помимо воли родителей и производитъ своею властью выдѣлъ изъ имущества родителей извѣстной доли, достаточной для обзаведенія четы. Иногда даже на все имущество такихъ упрямствующихъ родителей налагается нѣчто въ родѣ запрещенія, или вѣрнѣе—опеки, чтобы помѣшать лишенію дѣтей ихъ доли посредствомъ продажи имущества заблаговременно въ чужія руку (Майковъ: «Бракъ и положеніе женщины у молоканъ», *Знаніе* 1874 года, № 3-й).

69. Допускается ли семейный разводъ по ученію сектантовъ? Если допускается, то въ какихъ именно случаяхъ и при какихъ условіяхъ?

У духоборцевъ разводовъ, въ намѣреніи вступить въ новый бракъ, никогда не бываетъ, такъ какъ это уже считается прелюбодѣйствомъ. Но еслибъ обѣ стороны пожелали не знать другъ друга для чистоты, то это, конечно, зависитъ отъ нихъ самихъ.

70. Внѣбрачныя сожительства. Какъ относятся различныя секты къ дѣвушкѣ, потерявшей невинность, или къ женщинѣ, измѣнившей своему мужу? Какъ устраивается судьба дѣтей, рожденныхъ при внѣбрачныхъ сожительствахъ?

У духоборцевъ какъ скоро мужчина познаетъ дѣвицу, будетъ съ нею въ тайномъ союзѣ, то онъ уже не можетъ отказаться имѣть ее и своей женой, въ противномъ случаѣ онъ исключается изъ общины. Этому же наказанію подвергаются и прелюбодѣи.

Безпоповцы-филиповцы въ этомъ случаѣ рѣзко расходятся съ духоборцами. Отрицая бракъ, они вообще смотрятъ чрезвычайно легко на сожительства и связи внѣ брака: «ходи по лѣсу, да не хрястай, ходи по чужимъ женамъ, да не хвастай»; «хоть семерыхъ роди, да замужъ не ходи», говорятъ ихъ пословицы. Въ спорахъ своихъ съ православными

относительно значенiя браковъ они обыкновенно указываютъ на то, что бракъ у православныхъ обратился въ какую-то, по ихъ словамъ, коммерческую сдѣлку. «У васъ женихъ—купецъ, невѣста—продавецъ», говорятъ они православнымъ.

71. Сводные, такъ-называемые «гражданскiе браки». Условiя ихъ. На сколько прочны подобные браки? Отношенiе сектантовъ къ новому законоположенiю о бракахъ раскольниковъ.

V.

Умственное и нравственное развитiе сектантовъ.

72. Отношенiе сектантовъ къ школамъ и образованiю. Распространенiе грамотности между сектантами. Чѣмъ именно болѣе всего недовольны сектанты въ существующихъ школахъ? Не имѣютъ ли они своихъ собственныхъ школъ? Подробно описать такiя школы.

Въ Кемскомъ уѣздѣ, Архангельской губернiи, намъ удалось наблюдать, что мѣстные старообрядцы до тѣхъ поръ отказывались отдавать въ школы своихъ дѣтей, пока послѣднiе обязывались слушать въ нихъ Законъ Божiй наравнѣ съ православными. Но какъ только дѣти старообрядцевъ были избавлены отъ посѣщенiя уроковъ Закона Божiя, они немедлено же начали въ большемъ количествѣ посѣщать школы.

Въ нѣкоторыхъ сектахъ школьное дѣло ставилось на весьма прочныхъ и разумныхъ началахъ. Такъ, по свидѣтельству Толстаго, у общихъ въ каждой слободѣ учреждены были училища, въ которыя обязаны были отдавать своихъ дѣтей всѣ родители «общаго ученiя». Обязательство это «исполнялось съ великою охотою». Въ школахъ обучались оба пола вмѣстѣ читать и писать, грамотѣ гражданской, счету, пѣть псалмы, кромѣ того прiучались къ судамъ, разборамъ, примиренiямъ, раскаяваться въ грѣхахъ и т. д. Книги и бумага, потребныя для школъ, покупались на общественныя суммы.

73. Отношенiе различныхъ сектъ къ наукамъ, научнымъ занятiямъ, къ книгамъ новой (гражданской) печати и т. п. Считается ли все это дѣломъ полезнымъ и необходимымъ, или же, напротивъ, признается вреднымъ и грѣховнымъ?

«Казанскiе старообрядцы къ наукамъ относятся вообще недовѣрчиво, а къ нѣкоторымъ даже враждебно: напримѣръ, астрономiю почитаютъ дѣломъ безбожнымъ и того, кто ею занимается, называютъ еретикомъ, латиняномъ или лютеромъ. Медицину раскольники признаютъ и не считаютъ противною своей вѣрѣ; но не довѣряютъ докторамъ, считая ихъ еретиками, которые могутъ положить въ лѣкарство какiя-нибудь нечистыя зелiя» (*Православный Собесѣдникъ* 1876 г., iюль).

Штундисты не только не считаютъ за грѣхъ имѣть свѣтскiя книги, но даже выписываютъ газеты, покупаютъ ихъ у евреевъ и торгашей и

выпрашиваютъ у помѣщиковъ. Мѣстныя, болѣе распространенныя въ краѣ, газеты читаются штундистами даже на общественныхъ собраніяхъ.

74. Не устраивается ли между сектантами особыхъ бесѣдъ для чтенія и толкованія книгъ? Значеніе и характеръ этихъ бесѣдъ.

75. Сектантскія пѣсни, псалмы, преданія, стихи и т. п. Собиратель свѣдѣній о расколѣ долженъ записать по возможности точно всѣ наиболѣе распространенные и любимые сектантами «стихи», пѣсни, псалмы и т. д. Важность подобнаго рода свѣдѣній не можетъ, конечно, подлежать сомнѣнію, такъ какъ во многихъ сектантскихъ пѣсняхъ весьма ясно и опредѣленно высказываются ихъ взгляды на разныя явленія современной жизни, на существующій порядокъ вещей и т. п.

76. Какія рукописи и книги наиболѣе распространены и почитаются у сектантовъ? Сборники, «цвѣтники», «помянники» и т. д. Свѣдѣнія объ авторахъ и составителяхъ этихъ книгъ и сборниковъ. Было бы весьма желательно привести при этомъ подробный списокъ всѣхъ вообще книгъ и рукописей, обращающихся среди сектантовъ въ извѣстной мѣстности, съ краткимъ указаніемъ на содержаніе каждой книги или рукописи.

77. Нравственность сектантовъ. Преобладающіе роды преступленій. Статистика преступленій мѣстностей, населенныхъ сектантами.

Наиболѣе частымъ и обыкновеннымъ преступленіемъ среди молоканъ является пристанодержательство. Это объясняется ихъ отношеніемъ къ войнѣ, войску, суду и т. п. «Война есть дѣло самое богопротивное,—говорятъ молокане.—Войска не должно быть и потому кто убѣжитъ изъ войска, того не должно преслѣдовать: онъ дѣлаетъ хорошо, избѣжавъ грѣха. Укрываніе дезертира есть, по молоканскому понятію, дѣло хорошее. Но не только дезертиръ но и всякій убѣгающій отъ преслѣдованія властей находитъ у молоканъ пріютъ. Мы не знаемъ,—говорятъ они,—виноваты или правы бѣглецы: законъ часто бываетъ несправедливъ, судьи судятъ ошибочно, а власти преданы суетѣ, требуютъ часто противнаго божественному закону» (Н. И. Костомаровъ).

78. Взглядъ сектантовъ на собственность—частную, общественную, государственную. Практическія послѣдствія, вытекающія изъ этихъ взглядовъ.

Сютаевцы на собственность смотрятъ съ евангельской точки зрѣнія: у человѣка нѣтъ ничего своего, все Божіе, все создано Богомъ для всѣхъ вообще. Руководствуясь этимъ убѣжденіемъ, они не запираютъ даже своего имущества и всякій имѣетъ право взять что пожелаетъ, не спрашивая позволенія у того, кому это принадлежитъ (*Тверской Вѣстникъ* 1880 года, № 26).

79. Понятія сектантовъ о чести и безчестіи. Отношеніе ихъ къ преступленіямъ противъ права собственности. Что считается болѣе безчестнымъ (напр., не дѣлается ли различія относительно воровства другъ

у друга, у общества, у казны) и, сообразно съ этимъ, какiя назначаются въ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ случаяхъ наказанiя.

По уставу извѣстнаго Топозерскаго скита, кража вынужденная нуждою не считалась преступленiемъ и не подлежала никакому наказанiю (Сообщ. г. Усердовымъ изъ Архангельска).

80. Не замѣчается ли среди сектантовъ большей распущенности сравнительно съ православными, большаго разврата, большаго пьянства? Чѣмъ отличаются они отъ православныхъ по образу жизни и поведенiю?

81. Не устраиваютъ ли сектанты радѣнiй? Въ чемъ состоятъ такiя радѣнiя (въ прыганiи, бѣганiи вокругъ, бичеванiи другъ друга и т. п.)? Не сопровождаются ли радѣнiя такъ-называемымъ «свальнымъ грѣхомъ»?

82. Не бываетъ ли среди сектантовъ случаевъ религiознаго фанатизма или изувѣрства, единичнаго или коллективнаго? Чѣмъ обыкновенно вызываются такiе случаи?

Иногда религiозная экзальтацiя достигаетъ высшей степени интенсивности и проявляется въ формахъ, невольно возмущающихъ душу. Вотъ наиболѣе рѣзкiй примѣръ. Крестьянинъ Владимiрской губернiи, Никитинъ, сжегъ свой домъ и въ немъ двухъ собственныхъ малютокъ, предварительно зарѣзанныхъ имъ ножомъ на горѣ за селенiемъ. На допросахъ онъ хладнокровно оказывалъ, что поступилъ такъ, начитавшись Библiи, и совершилъ дѣтоубiйство по образцу Авраама, приносившаго въ жертву Богу сына своего Исаака. Никитинъ былъ, разумѣется, наказанъ и сосланъ въ Сибирь. Здѣсь, желая умереть, какъ умеръ Христосъ за людей, и тѣмъ угодить Богу, Никитинъ кончилъ тѣмъ, что распялъ самъ себя на крестѣ.

83. Не встрѣчаются ли послѣдователи разпыхъ изувѣрскихъ сектъ, въ родѣ морельщиковъ, тюкальщиковъ, душильщиковъ и т. п.?—Такъ какъ объ этихъ сектахъ неизвѣстно рѣшительно ничего достовѣрнаго, то поэтому необходимо подробно передать ученiя этихъ сектъ и въ то же время описать случаи примѣненiя этихъ ученiй въ жизни.

84. Не замѣчается ли среди населенiя индифферентнаго отношенiя къ религiи и вопросамъ вѣры? Указать, въ чемъ именно проявляется такой индифферентизмъ.

85. Можно ли прослѣдить по ученiю сектантовъ ихъ идеалъ будущей жизни и отношенiй человѣчества?

Штундисты, напримѣръ, по словамъ автора статьи «Малорусская штунда», будущимъ идеальнымъ строемъ представляютъ себѣ, такъ-называемый, первобытный естественный соцiализмъ въ самой простой его формѣ и во имя его отрицаютъ всѣ существующiя въ настоящее время человѣческiя отношенiя. На первомъ планѣ,—говорятъ штундисты,—долженъ стоять трудъ. «Въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой», сказалъ Господь. «Трудившiйся да ястъ».... Всѣ люди должны трудиться. Но такъ какъ человѣкъ ничего новаго не можетъ создать своимъ трудомъ, такъ какъ земля, вода, камни, животныя, растительность и проч. и проч.—дѣла рукъ

Божіихъ, то человѣчество не имѣетъ права считать ихъ своею собственностью. Они—даръ Божій, Божья благодать. Земли каждый долженъ воздѣлывать столько, сколько нужно для его потребностей. Люди должны жить отдѣльными братствами или общинами; при этомъ должны быть раздѣленіе и спеціализація труда и обмѣнъ продуктовъ натурою. Деньги не должны существовать; конторы и торговцы—точно также. Все должно производиться при посредствѣ обоюднаго согласія, по-братски (*Недѣля* 1877 года, № 2).

86. Какія представленія существуютъ у сектантовъ относительно тѣхъ путей, которыми они надѣются достигнуть осуществленія ихъ идеаловъ лучшей жизни?

Въ сектѣ «ненашихъ», напримѣръ, существуетъ довольно опредѣленное сознаніе о неизбѣжности революціи или, какъ они говорятъ, «великой борьбы». Не вѣря въ загробную жизнь, «ненаши» не вѣрятъ и въ страшный судъ въ христіанской его формѣ, но они вѣрятъ въ страшный судъ на землѣ, въ великую борьбу добра со зломъ, при которой добро останется побѣдителемъ. Борьба эта идетъ и теперь, но когда-нибудь наступитъ часъ рѣшительный битвы. Истина живуча: «одно зернышко правды перетягиваетъ цѣлую уйму кривды»; настанетъ великая борьба, въ которой истина, правда, добро одержитъ побѣду. Произойдетъ отдѣленіе «овецъ отъ козлищъ». Добрые выдѣлятся, завоюютъ себѣ право на особое существованіе и устроятъ рай *здѣсь, на землѣ*. Злые же выдѣлятся въ особыя общества, устроятъ *адъ* на землѣ, въ которомъ они мало-по-малу сами съѣдятъ другъ друга, въ силу постоянной взаимной вражды. На землѣ настанетъ царство правды и добра.

VI.

Отношеніе сектантовъ къ правительству, духовенству и остальному населенію.—Взаимныя отношенія различныхъ сектъ между собою.

87. Отношеніе различныхъ сектъ къ правительству и его органамъ: къ суду, администраціи, полиціи. Взглядъ сектантовъ на власть.

«Часто говорятъ, что молокане отвергаютъ власть: это сдѣлалось всеобщимъ мнѣніемъ о нихъ. Сами молокане говорятъ объ этомъ предметѣ такъ: мы не отвергаемъ власти,—мы считаемъ, что слѣдуетъ ей повиноваться, исполняя изреченіе апостола Павла—покоряться предержащимъ властямъ. Надобно,—говорятъ они,—признавать власти, какія бы онѣ ни были, какъ скоро онѣ существуютъ; но мы думаемъ, что нельзя и не слѣдуетъ признавать превосходнымъ все то, что исходитъ изъ власти, если собственный нашъ разсудокъ не убѣждаетъ насъ въ превосходствѣ этого. Равнымъ образомъ нельзя и не должно исполнять повелѣваемое властью, если то, чего требуетъ власть, противно нравственнымъ требованіямъ совѣсти и правды. Такъ, они указываютъ на примѣръ первыхъ

христіанъ, которыхъ римскіе императоры, облеченные законною властью, принуждали покланяться идоламъ.... Признавая необходимость власти, молоканe считаютъ возстаніе противъ всякихъ властей, хотя бы и несправедливыхъ, дѣломъ неправеднымъ и проповѣдуютъ глухое терпѣніе и упорство» (Костомаровъ: «Воспоминанія о молоканахъ»).

88. Отношеніе различныхъ сектъ въ верховной власти. Признаютъ ли сектанты моленіе за царя?

89. Готовность сектантовъ исполнить тѣ или другія требованія начальства. Бываютъ ли случаи сопротивленія сектантовъ властямъ, и если бываютъ, то чѣмъ они вызываются?

90. Исправность сектантовъ въ платежѣ податей и въ отбываніи другихъ повинностей. Нѣтъ ли послѣдователей секты неплательщиковъ? Въ чемъ именно состоитъ сущность ученія этой секты? Условія и причины, вызывающія развитіе этой секты.

91. Отношеніе сектантовъ къ войнѣ, военной службѣ, воинской повинности.

92. Отношеніе сектантовъ къ присягѣ и паспортамъ.

Нѣкоторыя секты, какъ, напр., бѣгунская или странническая, совершенно отрицаютъ паспорты, и печати, прилагаемыя къ паспортамъ, называютъ не иначе, какъ печатями антихриста. Тотъ, кто хочетъ спасти свою душу, тотъ никогда не долженъ брать паспорта (Розовъ: «Бѣгуны или странники», *Вѣстникъ Европы* 1872 г., № 11).

93. Отношеніе сектантовъ къ современному гражданскому общественному строю, къ сословнымъ подраздѣленіямъ и т. п. Ученіе ихъ о «братствѣ» и «братолюбіи».

«Молокане, напримѣръ, отвергаютъ всякое различіе сословій. По ихъ ученію всѣ люди равны между собою, всѣ братья, не должно быть ни благородныхъ, ни неблагородныхъ. Равнымъ образомъ всякіе внѣшніе знаки отличій, титулы, чины, по ихъ мнѣнію, суета и противны евангельскому ученію» (Костомаровъ: *Отечествен. Записки* 1869 г., № 3, стр. 77).

94. Отношеніе сектъ къ духовенству. Не замѣчается ли враждебнаго отношенія сектантовъ къ православнымъ священникамъ и въ чемъ слѣдуетъ видѣть причины такого отношенія? Чѣмъ объясняютъ сами сектанты свое нерасположеніе къ священникамъ и въ чемъ именно выражается это нерасположеніе? Не сложилось ли пословицъ и поговорокъ, характеризующихъ отношеніе сектантовъ къ православной церкви и священникамъ?

Въ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ чрезвычайно распространены, напримѣръ, слѣдующія пословицы: «не бѣжимъ церкви, а бѣжимъ священниковъ»; «попятъ многіе, а поповъ мало»; «церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ»; «попъ что ни говоритъ, а все въ карманъ глядитъ». Г. Аксаковъ въ своей извѣстной запискѣ о страннической сектѣ приводитъ слѣдующія пословицы, распространенныя среди населенія под-

московныхъ губерній: «попъ деретъ и съ живаго и съ мертваго»; поповскіе глаза завидущи, поповскія руки загребущи» (*Русскій Арх.* 1866 г., № 4).

95. Не называютъ ли нѣкоторые сектанты православныхъ священниковъ «ставленниками» и что означаетъ такое названіе?

Безпоповщинскія секты называютъ православныхъ священниковъ «ставленниками» на томъ основаніи, что они поставлены и назначены епархіальнымъ начальствомъ, а не избраны міромъ или приходомъ, какъ это было встарину.

96. Отношеніе сектъ къ монастырямъ, монахамъ и монастырской жизни.

97. Какъ относятся послѣдователи различныхъ сектъ къ иновѣрцамъ? Не проявляется ли въ этихъ отношеніяхъ враждебности, нетерпимости, презрѣнія и т. п.? Чѣмъ слѣдуетъ объяснить правило безпоповцевъ относительно иновѣрцевъ: «ни пити, ни ясти, ни на молитвѣ общей быти»? Считается ли среди сектантовъ обязанностію помогать иновѣрцамъ?

Въ этомъ отношеніи весьма интересно поведеніе штундистовъ: они всегда съ готовностію помогаютъ иновѣрцамъ, но въ то же самое время относятся къ православнымъ и другимъ иновѣрцамъ весьма презрительно и называютъ ихъ не иначе, какъ «язычниками», идолопоклонниками и т. п.

98. Не устраняются ли сектанты отъ участія въ мірскихъ дѣлахъ? Если устраняются, то чѣмъ объясняютъ они свой образъ дѣйствій въ подобныхъ случаяхъ?

99. Какъ относятся сектанты къ другимъ національностямъ?

«Сютаевцы всѣхъ вообще людей признаютъ братьями; турокъ, язычникъ для нихъ также братъ» (*Тверской Вѣстникъ* 1880 г., № 24).

100. Какъ въ свою очередь относятся къ сектантамъ православные и другіе иновѣрцы? Насколько проявляется терпимости въ ихъ отношеніяхъ къ тѣмъ сектамъ, которыя считаются «особенно вредными», въ родѣ бѣгуновъ, скопцовъ и т. п.? Не бываетъ ли случаевъ враждебныхъ столкновеній между сектантами и не сопровождаются ли такія столкновенія побоищами?

101. Какъ относятся различныя секты другъ къ другу?

102. Существуютъ ли взаимныя сношенія между сектантами различныхъ отдѣльныхъ мѣстностей? Не имѣютъ ли эти сношенія правильно организованнаго характера? Не употребляются ли при этомъ сектантами какіе-нибудь условные, иносказательные языки (тараборскій, офеньскій и др.).

У шалопутовъ Терской области существуетъ, напримѣръ, своя особая почта. Обыкновенно они употребляютъ для этого продавцовъ мелкаго товара; эти продавцы періодически объѣзжаютъ заранѣе намѣченные пункты и возвращаются обратно. Обыкновенно они ѣдутъ на Ставрополь, Ростовъ, Кіевъ, затѣмъ ударяются на востокъ, достигаютъ до Перми и затѣмъ по Волгѣ возвращаются обратно (Сообщ. г. Абрамова изъ Терской области).

103. Не находятся ли сектанты въ сношенiяхъ съ своими единовѣрцами, живущими за границею? Не оказываютъ ли заграничные сектанты замѣтнаго влiянiя въ томъ или другомъ отношенiи на своихъ единовѣрцевъ, живущихъ въ Россiи?

104. Не замѣчается ли стремленiя къ соединенiю различныхъ сектъ? Не устраивается ли съ этою цѣлью особыхъ съѣздовъ или соборовъ? Сообщить возможно болѣе подробныя свѣдѣнiя о подобныхъ съѣздахъ.

Такiе съѣзды или «соборы» происходятъ весьма часто въ сектантской средѣ. Они составляются обыкновенно изъ представителей разныхъ толковъ, избранныхъ и уполномоченныхъ различными сектантскими общинами. Нерѣдко число подобныхъ представителей доходитъ на съѣздѣ до ста и болѣе человѣкъ.

VII.

Борьба съ сектантствомъ.—Миссiонерства.—Единовѣрiе.

105. Если есть въ изучаемой мѣстности особыя миссiонерскiя общества или братства для борьбы съ расколомъ, то было бы желательно имѣть точныя свѣдѣнiя о ихъ дѣятельности. Изъ кого состоятъ эти общества? Не соединяютъ ли миссiонеры въ своемъ лицѣ какiя-нибудь другiя обязанности, наприм. приходскихъ священниковъ и т. п.? Время учрежденiя миссiонерствъ.

106. Живутъ ли миссiонеры постоянно въ своихъ участкахъ или же посѣщаютъ ихъ только при разъѣздахъ? Величина участковъ. Часто ли посѣщаютъ миссiонеры мѣстности населенныя сектантами и насколько бываютъ продолжительны подобныя посѣщенiя? Какимъ путемъ дѣйствуютъ миссiонеры на сектантовъ, т. е. устраиваютъ ли они публичныя собесѣдованiя, или же предпочитаютъ дѣйствовать на расколоучителей и вожаковъ путемъ частныхъ бесѣдъ и споровъ?

107. Устраиваются ли состязанiя въ спорахъ о вѣрѣ? Гдѣ и какъ они происходятъ? Не устраиваются ли они въ церквахъ? Не вызываются ли для этого сектанты черезъ полицiю? Характеръ состязанiй и собесѣдованiй.

108. Наиболѣе любимыя темы споровъ. Умѣнье начетчиковъ вести диспуты; начитанность ихъ. Охотно ли посѣщаютъ сектанты эти собесѣдованiя, и если не охотно, то почему именно?

109. Какъ относятся сектанты къ миссiонерамъ?

110. Какъ велико число перешедшихъ за послѣднее время изъ сектантства въ православiе? Въ чемъ состоятъ главныя причины успѣха или неуспѣха православныхъ миссiонеровъ среди сектантовъ?

111. Единовѣрiе и его значенiе. Число единовѣрцевъ. На сколько искренно и сознательно принимается единовѣрiе сектантами? Единовѣрческiе священники; степень ихъ образованiя и влiянiе ихъ на прихожанъ.

112. Увеличивается или уменьшается число единовѣрцевъ? Не переходятъ ли иногда въ единовѣріе православные? Отношеніе различныхъ сектъ къ единовѣрію.

113. Какъ велико число лицъ, переходящихъ за послѣднее время изъ православія въ тѣ или другія секты? Какими условіями обставленъ переходъ въ сектантство изъ православія? Порядокъ увѣщаній лицъ, выразившихъ желаніе оставить православіе.

114. Не замѣтно ли перехода изъ православія въ сектантство людей преклонныхъ лѣтъ? Часты ли подобные случаи? Не переходятъ ли нѣкоторые въ сектантство передъ смертью? Чѣмъ слѣдуетъ объяснить такія явленія?

115. Какія мѣры принимаются сектантами для распространенія своихъ ученій? Не существуетъ ли организованной сектантской пропаганды?

116. Не употребляютъ ли сектанты подкуповъ съ цѣлью склонить то или другое лицо въ свою секту? Не перекрещиваютъ ли они въ свои секты больныхъ, потерявшихъ сознаніе и даже умирающихъ? Чѣмъ они объясняютъ подобныя дѣйствія?

117. Увеличивается или уменьшается расколъ въ изучаемой мѣстности? Не замѣтно ли уменьшенія однѣхъ сектъ и увеличенія другихъ? Какія именно секты слабѣютъ и какія растутъ?

118. Какъ отразилась на состояніи сектантства крестьянская реформа 19 февраля 1861 года? Не вызвала ли она замѣтнаго усиленія сектантства?

119. Какую роль въ развитіи сектантства играютъ экономическіе вопросы народной жизни?

Что вопросы эти оказываютъ значительное вліяніе на распространеніе сектантства, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Разныя народныя бѣдствія, въ родѣ неурожая, голода и т. п., обыкновенно непосредственно влекутъ за собою усиленіе раскола. Извѣстный голодъ 1867 года, постигшій весь сѣверъ Россіи, чрезвычайно много способствовалъ развитію раскола,—это фактъ, который подтверждаютъ какъ мѣстные миссіонеры и священники, такъ и всѣ вообще лица, имѣвшія случай дѣлать наблюденія надъ состояніемъ мѣстнаго сектантства.

120. Если сектантство растетъ, то въ чемъ главнымъ образомъ слѣдуетъ видѣть причины этого явленія?—Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть подкрѣпленъ цѣлымъ рядомъ точныхъ наблюденій и фактовъ, почерпнутыхъ непосредственно изъ жизни.

С. Пругавинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Признаки вырожденія въ народѣ.—Голодаетъ ли мужикъ.—Споръ о причинахъ бѣдственнаго положенія крестьянскаго хозяйства.—Отвѣтъ г. Самарину.—Необходимость и другихъ мѣръ, кромѣ расширенія крестьянскаго землевладѣнія.—Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ и вопросъ объ образованіи мелкой земской единицы. — Постановленіе черниговскаго земства и предложеніе г. Корсакова въ казанскомъ дворянскомъ собраніи. — Къ вопросу о среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Объ университетскихъ безпорядкахъ.

Нѣтъ такого большаго зла, говорятъ, которое бы не вело за собою хоть незначительнаго добра. Развитіе милитаризма представляетъ собою одно изъ ужасающихъ бѣдствій, постигшихъ человѣчество. Лучшія силы, молодость населенія, громадныя средства, отымаемыя у голодающаго мужика, идутъ для того, чтобы государство было готово къ бою. И по роковой необходимости разоружиться нельзя: это значило бы отдать себя въ кабалу лицемѣрнымъ друзьямъ или подвергнуться грабежу открытыхъ враговъ. Но вотъ введена общая воинская повинность, по примѣру Германіи. На привилегированные классы наложена тяжелая подать, подать кровью любимыхъ дѣтей. Общество заволновалось. Оно стало ближе интересоваться иностранною политикой страны, оно уже не удовлетворяется *реляціями* добраго стараго времени, оно еще не вполнѣ довольно, когда гремитъ: *громъ побѣды раздавайся*.

Въ прошломъ году мы уже обращали вниманіе читателей на.... вырожденіе русскаго народа. Какъ это просто звучитъ: *вырожденіе народа*. Вотъ новый, крупный фактъ въ доказательство дѣйствительнаго существованія указываемой нами опасности для историческаго развитія Россіи. Въ 1880 году, по правительственному сообщенію о выполненіи призыва къ отправленію воинской повинности, освидѣтельствовано 44% всѣхъ лицъ, вынимавшихъ жребій. Изъ освидѣтельствованныхъ, какъ и въ прежніе годы, около 1/6 получили отсрочку по невозмужалости и для излѣченія болѣзней. *Забракованныхъ совсѣмъ для службы въ войскахъ оказалось болѣе противъ 1879 года на 2.000; они составляли болѣе 1/6 освидѣтельствованныхъ.*

Безмолвнаго краснорѣчія этого факта было бы достаточно для того, чтобы заглянуть поглубже въ народную жизнь, поискать тамъ причинъ печальнаго явленія, о которомъ мы говоримъ, и подумать о средствахъ для борьбы съ нимъ. Но, какъ извѣстно читателямъ, и искать-то нечего. Въ Уфимской губерніи, напримѣръ, голодъ. Въ деревнѣ Новой, Сафаровской волости, въ концѣ декабря прошлаго года, было 124 семейства, не имѣвшихъ рѣшительно фунта ржаной или пшеничной муки. Питаются хлѣбомъ изъ лебеды и кукля.... 30 человѣкъ больны, многіе находятся при смерти. Жена одного башкира умерла отъ голода; четырехлѣтній малютка, мучимый голодомъ, передъ смертью отгрызъ палецъ у ноги....

Этого нельзя спокойно даже написать, читатель. А если попытаться представить себѣ, ясно, живо, всю обстановку дѣйствительнаго случая?

Г. Португаловъ объѣхалъ нѣсколько деревень Самарской губерніи, обошелъ избы, попробовалъ мужицкую пищу и занесъ въ дневникъ свои безотрадныя впечатлѣнія. Въ селѣ Копинѣ, Самарскаго уѣзда, только пять семей изъ 142 могутъ еще питаться своимъ хлѣбомъ (дѣло было въ началѣ января). Вотъ выдержка изъ дневника: «Алексѣй Таламбовъ содержитъ семью въ пять человѣкъ; самъ хозяинъ слѣпой и пошелъ побираться по міру, а земство выдаетъ 1½ пуда. Въ избѣ ни куска хлѣба; *пятый день сидятъ безъ хлѣба* и почти безъ всякой пищи; ребята плачутъ».—«Антипъ Сапилдинъ. Семья его считаетъ шесть ѣдаковъ. Земство дало 1½ пуда; разумѣется, съѣли, а *теперь три дня сидятъ безъ пищи*». Тотъ же г. Португаловъ сообщаетъ слѣдующій крестьянскій приговоръ:

«1881 года, января 28-го дня, мы нижеподписавшіеся, крестьяне села Дергуновки, Дергуновской волости, Николаевскаго уѣзда, Самарской губерніи, бывъ сего числа на сельскомъ сходѣ отъ 500 наличныхъ домохозяевъ двѣ трети въ присутствіи волостнаго старшины Аѳанасія Алексѣева Бѣлова и его помощника Михаила Алексѣева Остапова, постановили: мы, нижеподписавшіеся и нижепоименованные крестьяне села Дергуновки, избрали изъ среды себя однообщественниковъ Кирилла Яковлева Дегтярева и Ларіона Васильева Бѣлова ходатайствовать у кого-либо изъ жителей города Самары или постороннихъ лицъ о покупкѣ въ долгъ ржи на продовольствіе крестьянъ села Дергуновки въ количествѣ 7.881 пуда по какой бы то ни было цѣнѣ. Деньги, причитающіяся за рожь, обязуемся уплатить всѣ бездоимочно къ 1-му октября настоящаго 1881 года, а въ случаѣ неуплаты за купленную рожь денегъ, хотя бы малѣйшей части, мы нижеподписавшіеся и нижепоименованные обязуемся отвѣчать подъ круговою порукою всѣмъ своимъ имуществомъ, какъ движимымъ, такъ и недвижимымъ. Довѣряемъ Кириллу Дегтяреву и Ларіону Бѣлову соглашаться въ цѣнѣ за хлѣбъ, какая будетъ положена, заключать условія согласно этого приговора и выдавать векселя касательно покупки въ долгъ хлѣба».

А народолюбивыя *Московскія Вѣдомости* развязно заявляютъ:

«Съ разныхъ сторонъ не перестаютъ приходить одно за другимъ извѣстія о постоянномъ повсемѣстномъ пониженіи цѣнъ на хлѣбъ чуть не со дня на день. На чемъ остановится это пониженіе и въ какой степени цѣны приблизятся къ нормальному уровню прежнихъ лѣтъ—это никому неизвѣстно. Но объ общемъ недостаткѣ хлѣба въ Россіи, какъ о причинѣ его дороговизны, нѣтъ болѣе и помина. Тѣ самыя газеты, которыя еще недавно запугивали публику этимъ неминуемымъ ужаснымъ подъемомъ цѣнъ, уже высказываютъ теперь увѣренность, что къ веснѣ слѣдуетъ ожидать не подъема, а паденія цѣнъ».

Странно, что *Голосъ,* сообщившій такъ много свѣдѣній о бѣдственномъ положеніи крестьянъ во многихъ мѣстностяхъ Россіи и напечатавшій рядъ статей, въ которыхъ обращалъ вниманіе на это положеніе и правительства, и общества, — вдругъ выступилъ съ доказательствами того, что въ Самарской губерніи въ хлѣбѣ чуть ли не избытокъ.

Но отчего же происходитъ это бѣдствіе? Отчего извѣстія о нуждѣ, недородѣ, голодѣ тянутся длинною, не перемежающеюся вереницею?

Графъ Бобринскій, въ окружномъ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ *), заявилъ, что бѣда заключается въ общинномъ землевладѣніи. Онъ признаетъ его безусловно вреднымъ для улучшенія крестьянскаго хозяйства. Съ этой стороны, слѣдовательно, ясно указана и главная причина тяжелаго экономическаго положенія, и лучшее средство къ его устраненію, т. е. уничтоженіе общиннаго землевладѣнія. Но примѣръ Ирландіи довольно убѣдительно, надо думать, показываетъ, что земледѣльческое населеніе можетъ тяжко страдать и при отсутствіи общиннаго землевладѣнія.

Читателямъ извѣстно, какъ относится *Русская Мысль* къ этому первостепенной важности вопросу. Мы давно уже, опираясь на статистическія данныя, точность которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, доказывали, что у крестьянъ мало земли. Представляя свои замѣчанія на извѣстныя статьи г. Самарина, мы имѣли случай еще разъ опредѣленно высказаться въ этомъ отношеніи. Теперь г. Самаринъ заявляетъ **), что «подъ громомъ пушекъ, съ барабаннымъ боемъ и съ кликами побѣды происходитъ замѣчательная перемѣна фронта: многочисленная дружина нашихъ либеральныхъ публицистовъ измѣняетъ позицію и отрекается отъ теоріи, изъ которой исходили всѣ толки о недостаточности надѣловъ, отъ гоненія, воздвигнутаго на промыслы, на аренду земли, на хозяйство частныхъ лицъ, и т. д.». Да проститъ намъ г. Самаринъ, но въ приведенныхъ словахъ его намъ слышится слишкомъ большая притязательность, тѣмъ болѣе, что въ доказательство мнимаго отреченія приводятся только выдержки изъ статей гг. Янсона и Головачева. Ни *Отечественныя За-*

---

*) Въ Петербургѣ. *Голосъ,* № 23.

**) *Русь,* № 12.

писки, ни *Русскія Вѣдомости*, ни *Молва*, ни *Недѣля*, ни *Голосъ*, какъ и нѣкоторыя другія изданія, рѣшительно ни въ чемъ не измѣнили своихъ взглядовъ. Есть однако отдѣльные запоздалые бойцы, говоритъ г. Самаринъ, которые продолжаютъ утверждать старое. Въ числѣ этихъ запоздалыхъ бойцовъ г. Самаринъ упоминаетъ составителя внутренняго обозрѣнія въ *Русской Мысли*. На мой вопросъ: «не станетъ же г. Самаринъ утверждать, что и аренда составляетъ исконную принадлежность нашего быта, что ея сохраненіе необходимо для народа»,—дается въ *Руси* слѣдующій отвѣтъ, «въ надеждѣ на полное устраненіе недоразумѣнія»: «Я полагаю,—говоритъ г. Самаринъ,—что аренда земли всегда будетъ у насъ, поэтому и вопросъ: «необходимо ли сохраненіе ея для народа», представляется мнѣ совершенно празднымъ (довольно сильно сказано). Еслибы даже когда-либо не стало у насъ вовсе личнаго землевладѣнія (допустимъ такое крайнее предположеніе), и тогда не прекратилась бы аренда земли: отдѣльныя общества и отдѣльные члены оныхъ все-таки стали бы арендовать землю другъ у друга, какъ это происходитъ и теперь; разница вся состояла бы въ томъ, что прекратилась бы аренда у частныхъ землевладѣльцевъ».

Порядокъ *) возражаетъ на это слѣдующее: «Обращаясь къ автору внутренняго обозрѣнія *Русской Мысли*, который указываетъ на аренды крестьянами помѣщичьихъ земель, въ свою очередь свидѣтельствующія о малыхъ надѣлахъ, г. Самаринъ говоритъ: «*Аренда земли всегда будетъ у насъ, поэтому и вопросъ: необходимо ли сохраніе ея для народа— представляется мнѣ совершенно празднымъ*», т. е., замѣчаетъ *Порядокъ,* что̀ всегда будетъ, съ тѣмъ и бороться нечего. Кто захочетъ слѣдовать г. Самарину, тотъ и на рѣчи о борьбѣ съ голодомъ или иною нуждою или съ эпидеміями возразитъ: нужда и эпидеміи всегда будутъ, слѣдовательно и борьба съ ними—праздный вопросъ. Логика будетъ одинаковаго достоинства и силы».

Я долженъ замѣтить, въ предупрежденіе недоразумѣній, что, при извѣстныхъ условіяхъ, не считаю аренду бѣдствіемъ. Я утверждалъ только (и продолжаю утверждать), что мужику необходимо владѣть такимъ количествомъ земли, съ какого онъ могъ бы собственнымъ трудомъ прокормить свою семью. У него останется въ подобныхъ случаяхъ достаточно времени и силъ, чтобы заняться промыслами или обработкою земли, арендуемой у сосѣднихъ землевладѣльцевъ. Весьма интересныя данныя въ этомъ отношеніи представляетъ статья г. Никольскаго: *Подробности аграрнаго вопроса въ черноземной Россіи* (*Русская Мысль*, декабрь 1880 г.). Запоздалымъ бойцомъ этой «теоріи» я останусь на всю жизнь, и вовсе не изъ упрямства, конечно, смѣю думать, и не по недостатку сообразительности. Если дана цѣль — благосостояніе мужика (не крѣпост-

*) *Порядокъ*, № 35.

наго, а свободнаго человѣка), съ одной стороны, и имѣются, съ другой стороны, статистическія свѣдѣнія о томъ, что мужикъ ни въ какомъ случаѣ, въ черноземныхъ даже губерніяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ промысловъ, съ своего участка не прокормится, — то выводъ только одинъ и можетъ быть: помогите крестьянину въ увеличеніи надѣла. Раздаются голоса, предлагающіе рѣшить вопросъ иначе: поднять культуру, ввести плодоперемѣнное хозяйство, искусственное удобреніе и т. п. Но этотъ путь не только сложнѣе и труднѣе перваго, но и просто невозможенъ. Распредѣленіе землевладѣнія въ значительной степени зависитъ отъ государства, которое можетъ облегчить или задержать переходъ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія, принять мѣры къ правильному устройству переселенія и т. д. Смѣна же одной земледѣльческой системы другою зависитъ отъ гораздо болѣе значительнаго ряда причинъ. Необходимо для этого предварительное увеличеніе населенія, ростъ городовъ, накопленіе народнаго богатства. А нужда велика и настоятельна. Нельзя забывать, что интенсивная культура *станетъ* неизбѣжною, когда увеличится *плотность населенія*. Косвеннымъ доказательствомъ справедливости нашего мнѣнія (да оно и не наше, конечно, а одно изъ положеній экономической науки) служитъ неудача, постигающая, въ большинствѣ случаевъ, попытки ввести въ частныхъ хозяйствахъ интенсивную систему обработки. Просто *невыгодно* и для отдѣльнаго лица, и для народа, взятаго въ цѣломъ, производить опыты преждевременнаго измѣненія культуры.

Надобно сознаться, что статистика — пренепріятная наука. Не даромъ одинъ изъ тамбовскихъ земцевъ, довольно сомнительнымъ образомъ прославившійся прежде на государственной службѣ, отозвался о прекрасномъ «Сборникѣ статистическихъ свѣдѣній по Тамбовской губерніи», что это—революціонная книга. Еще бы! Такіе сборники должны производить полную революцію въ дремавшей совѣсти...

Сильно напирали на коммунизмъ и соціализмъ и въ смоленскомъ земскомъ собраніи. Жалкое впечатлѣніе производятъ выходки гласнаго Игнатьева и ему подобныхъ. Заимствуемъ изъ *Смоленскаго Вѣстника* разсказъ объ одномъ изъ эпизодовъ, сопровождавшихъ въ этомъ собраніи обсужденіе вопроса о кредитѣ крестьянамъ при покупкѣ земель.

Гласный П. П. Энгельгардтъ находитъ несправедливымъ отказать хотя бы даже и въ пособіи для пріобрѣтенія земли крестьянами, которые несутъ всю тяжесть обработки земли и не имѣютъ достаточнаго надѣла, а равно никакихъ средствъ для пріобрѣтенія хотя бы небольшаго участка земли; а поэтому онъ находитъ необходимымъ устройство таковаго кредита, при посредствѣ котораго они могли бы восполнять скудные свои надѣлы.

Гласный Д. Д. Игнатьевъ говоритъ: «Боже сохрани насъ отъ такого кредита!!! Нѣтъ, мы не должны дѣлать того, чего мы не желаемъ дѣлать». Гласный А. И. Елишевъ, настаивая, чтобы не былъ отклоненъ вопросъ о мелкомъ поземельномъ кредитѣ, предложилъ собранію передать

его въ коммиссію, если гг. гласные не имѣли возможности подготовиться для разрѣшенія столь существенно-важнаго вопроса. На это предложеніе гласный Д. Д. Игнатьевъ возражаетъ: «нѣтъ у насъ коммиссій для «Земли и Воли». Господа, я прочту вамъ документъ». Въ публикѣ раздается шиканье, нѣсколько гласныхъ подымаются съ мѣста и просятъ предсѣдателя не позволять оскорблять гласныхъ подобными обвиненіями *).

Съ такими господами, какъ г. Игнатьевъ et tutti quanti, спорить совершенно безполезно. Ихъ присутствіе, въ качествѣ гласныхъ, на земскихъ собраніяхъ есть неизбѣжное, но временное зло. Людямъ воспитаннымъ на крѣпостномъ правѣ, которые *«пороли»* мужика на конюшнѣ, которые разбивали этому мужику *«морду»* и обмѣнивали его на борзую собаку,—этимъ людямъ по-неволѣ приходится думать и чувствовать *«по-благородному»*.

Но, настаивая на необходимости расширенія крестьянскаго землевладѣнія, мы никогда не возставали противъ другихъ средствъ, содѣйствующихъ развитію благосостоянія народа. Начиная свои обозрѣнія въ январѣ прошлаго года, мы говорили, что рядомъ съ земледѣліемъ «существуетъ другая область, гдѣ личнымъ дарованіямъ и личной предпріимчивости открывается свободное поле для дѣятельности: мы разумѣемъ промыслы въ тѣсномъ смыслѣ». Упрекъ г. Самарина за гоненіе, воздвигнутое на промыслы, къ намъ, слѣдовательно, не относится, хотя мы должны сознаться, что относимся къ *отхожимъ* промысламъ безъ особеннаго сочувствія: они, по нашему мнѣнію, нерѣдко развращаютъ населеніе.

Точно также мы не воздвигали гоненія и на ссудо-сберегательныя товарищества. Великая задача обезпеченія народнаго благосостоянія требуетъ заботливаго вниманія къ избираемымъ средствамъ и не можетъ быть разрѣшена какою-либо панацеею. Въ числѣ второстепенныхъ мѣръ къ улучшенію крестьянскаго хозяйства ссудо-сберегательныя товарищества занимаютъ видное мѣсто. Имъ не посчастливилось въ Россіи. Печать и общество одно время горячо принялись за дѣло, но послѣдовалъ рядъ неудачъ, и воодушевленіе совершенно остыло. Извѣстно, что русскому человѣку не достаетъ выдержки. Но нашлись люди, у которыхъ вѣра въ благодѣтельное вліяніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ не пропала, у которыхъ достаетъ доброй воли, чтобы продолжать нелегкое дѣло. Г. секретарь с.-петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ доставилъ намъ весьма интересныя «Краткія свѣдѣнія о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и кассахъ по 1 января 1881 года».

22 октября 1865 года былъ утвержденъ уставъ перваго ссудо-сберегательнаго товарищества (Рождественскаго). Затѣмъ до 1869 года не было утверждено ни одного устава, въ этомъ году—2, въ 1870 г.—13, въ 1871 г.—

*) *Смоленскій Вѣстникъ*, № 9.

46, въ 1872 г.—101, въ 1873 г.—180, въ 1874 г.—146, въ 1875 г.—136, въ 1876 г.—202, въ 1877 г.—156, въ 1878 г.—57, въ 1879 г.—45 и въ 1880 г.—81. Слѣдовательно, всего утверждено 1.165 уставовъ. Изъ этого числа 88 товариществъ не осуществились, 69—закрылись, относительно 106 не имѣется свѣдѣній. Открыли свои дѣйствія 902 товарищества. Замѣчательно, что всего болѣе товариществъ въ Тобольской губерніи (58); затѣмъ идутъ Тверская (51), Новгородская (49), С.-Петербургская (44), Пермская (42), Херсонская (37), Псковская (35), Ковенская (33), Екатеринославская (33). Въ 1879 году (по 713 отчетамъ) число членовъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ равнялось 165.580 чел., собственнаго капитала у нихъ было 5.508.434 р., а обороты достигали 57.449.327 р.

Раздавалось много жалобъ (и нерѣдко эти жалобы были вполнѣ основательны) на то, что ссудо-сберегательныя товарищества служатъ интересамъ кулачества, что они помогаютъ только достаточнымъ крестьянамъ, оставаясь совершенно недоступными для дѣйствительно бѣднаго люда. Въ этихъ жалобахъ, повторяемъ, было не мало основательнаго; по вѣдь испортить можно и общину, и артель. При существованіи настоятельной потребности въ личномъ кредитѣ ссудо-сберегательныя товарищества могутъ принести, приносятъ уже и теперь значительную долю пользы. Въ московскомъ земствѣ В. Ю. Скалонъ обратилъ вниманіе на необходимость улучшенія экономическаго положенія кустарей, которые въ настоящее время находятся во власти крупныхъ предпринимателей и торговцевъ. Конечно, производительная артель представляется лучшею формой устройства кустарныхъ промысловъ; но и въ этой даже области, не говоря уже о другихъ, правильно поставленное ссудо-сберегательное товарищество могло бы доставить довольно большое облегченіе кустарямъ. Несомнѣнно, что весь складъ нашей народной жизни требуетъ и обстоятельнаго изученія, и глубокихъ измѣненій, соотвѣтствующихъ новымъ потребностямъ жизни. Если нельзя выдѣлять для преобразованія уѣзда, то равнымъ образомъ нельзя выдѣлять и одной какой-либо стороны быта. Безспорно, что вопросы экономическіе, вопросы о хлѣбѣ насущномъ, по-неволѣ выдвигаются на первое мѣсто, неотступно требуя точнаго отвѣта. Но разрѣшить отдѣльно отъ всей совокупности жизненныхъ условій нельзя и этихъ вопросовъ. Земство и печать давно уже обратили вниманіе на необходимость пересмотра нѣкоторыхъ частей «Положенія 19-го февраля», въ виду сильно измѣнившихся потребностей крестьянскаго населенія. Правительство рѣшило удовлетворить этимъ законнымъ желаніямъ. Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 22 декабря 1880 года, предлагаетъ земскимъ собраніямъ обсудить вопросъ о недостаткахъ и пробѣлахъ *«Положенія объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій* (27 іюня 1874 г.). Къ циркуляру приложенъ перечень возникшихъ вопросовъ и предположеній объ измѣненіи этого «Положенія». Первый вопросъ заключается

въ слѣдующемъ: должно ли остаться при настоящемъ порядкѣ выбора непремѣнныхъ членовъ, или перенести этотъ выборъ съ губернскаго на уѣздныя земскія собранія, или же предоставить уѣзднымъ собраніямъ право рекомендовать своихъ кандидатовъ губернскому собранію, не стѣсняя этимъ выбора сего послѣдняго, а также не представляется ли какихъ-либо иныхъ мѣръ для обезпеченія удовлетворительнаго выбора непремѣнныхъ членовъ.

Второй вопросъ въ циркулярѣ г. министра внутреннихъ дѣлъ формулированъ такимъ образомъ:

«Въ видахъ расширенія выбора лицъ, достойныхъ занять должности непремѣнныхъ членовъ, заявлено было ходатайство о допущеніи къ должности непремѣнныхъ членовъ, по единогласному избранію земскаго собранія, лицъ, не имѣющихъ установленнаго закономъ сословнаго, имущественнаго и образовательнаго ценза. Предстоитъ обсудить: слѣдуетъ ли допустить такое право собранія и, притомъ, безусловно, или только въ случаѣ недостатка лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ законнаго ценза. При этомъ подлежитъ обсужденію вопросъ о сравнительной важности каждаго изъ трехъ перечисленныхъ видовъ ценза и о возможности отказаться отъ требованій всѣхъ видовъ ценза, или же лишь котораго-либо изъ изъ нихъ, оставляя другіе виды ценза въ силѣ».

Въ пунктѣ четвертомъ перечня подымается вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли надзоръ за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ, право распоряженія и дисциплинарную власть—оставить исключительно за коллегіей уѣзднаго присутствія въ полномъ его составѣ, или же возложить ближайшій и постоянный надзоръ на обязанность и отвѣтственность непремѣннаго члена, предоставивъ ему право распоряженія и наложенія взысканій, а за коллегіей уѣзднаго присутствія оставить рѣшеніе лишь болѣе важныхъ дѣлъ, подобно тому, какъ было при существованіи мировыхъ съѣздовъ посредниковъ. Если сужденія склонятся въ пользу послѣдняго предположенія, то слѣдуетъ опредѣлить: какія именно дѣла по надзору за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ могутъ подлежать непосредственному распоряженію непремѣннаго члена и какія должны быть вносимы имъ на разрѣшеніе уѣзднаго присутствія, а также—какія мѣры взысканія зависятъ отъ собственной власти непремѣннаго члена и какія отъ уѣзднаго присутствія.

Восьмой вопросъ посвященъ порядку взысканія сборовъ съ крестьянъ: слѣдуетъ ли сохранить настоящій порядокъ и дисциплинарную по этимъ дѣламъ власть исправника, или предоставить это взысканіе и власть уѣздному присутствію въ полномъ составѣ, или же только непремѣнному члену присутствія. Въ заключеніе перечня говорится, что «независимо отъ отзывовъ по вышеисчисленнымъ вопросамъ, могутъ быть представлены соображенія и о другихъ мѣрахъ по устройству мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыя будутъ сочтены полезными для дѣла».

Мы увѣрены, что земство отнесется внимательно къ вопросамъ, предоставленнымъ на его обсужденіе. Мы увѣрены также, что кругъ предметовъ обсужденія при такомъ отношеніи къ дѣлу непремѣнно расширится. На лицо есть и доказательство. Въ непродолжительномъ времени въ Рязани соберется чрезвычайное губернское земское собраніе, которое займется вопросомъ объ организаціи *мелкой земской единицы*. Въ *Московскомъ Телеграфѣ* *) напечатана записка князя Волконскаго, которая будетъ внесена на обсужденіе собранія. Послѣ упраздненія крѣпостнаго права,—говоритъ авторъ записки,—наше сельское населеніе оказалось раздѣленнымъ на двѣ, почти чуждыя другъ другу въ смыслѣ государственнаго союза, группы: на крестьянъ, слитыхъ въ сельскія общества, владѣющихъ землею на общинномъ правѣ и имѣющихъ свое особое самоуправленіе, и на личныхъ землевладѣльцевъ, разобщенныхъ и между собою, и, въ особенности, съ крестьянами. При этомъ,—замѣчаетъ князь Волконскій,—всѣ рабочія физическія силы отошли въ одну сторону, а все, что было болѣе развито, вся интеллигенція—въ другую. Этимъ, по мнѣнію автора записки, объясняется относительная недостаточность результатовъ, достигнутыхъ земскимъ самоуправленіемъ. Князь Волконскій считаетъ необходимымъ учредить мелкую земскую единицу и предлагаетъ съ этою цѣлью слѣдующій проектъ:

1. Къ предметамъ вѣдомства округовъ должны бы быть отнесены всѣ земскія потребности, которыя, по существу своему или по отдаленности отъ центральныхъ земскихъ учрежденій, не могутъ быть вполнѣ удовлетворены послѣдними; такъ, напримѣръ:

а) *По народному продовольствію*: обсужденіе и принятіе сподручныхъ мѣръ противъ истощенія полей культурой, къ улучшенію скотоводства, къ предупрежденію падежей скота и конокрадства, къ распространенію травосѣянія и другихъ кормовыхъ средствъ; устройство хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ и завѣдываніе ими; распредѣленіе между нуждающимися пособій и ссудъ, выдаваемыхъ изъ продовольственныхъ капиталовъ, и т. д.

б) *По дѣлу призрѣнія*: устройство богадѣленъ, устройство пріютовъ для дѣтей на время отсутствія ихъ родителей или взрослыхъ родственниковъ; отдѣльныя мѣры призрѣнія: временныя снабженія неимущихъ пищею, одеждой и т. п.

в) *По части предупрежденія пожаровъ*: обсужденіе и принятіе мѣръ къ устройству и распространенію дешевыхъ огнестойкихъ зданій, къ замѣнѣ соломенныхъ крышъ менѣе опасными во время пожаровъ, къ устройству водоемовъ, къ устройству и содержанію въ исправности огнегасительныхъ снарядовъ, и т. п.

---

*) *Московскій Телеграфъ*, № 35.

г) *По санитарной части*: обсужденіе и принятіе сподручныхъ мѣръ къ осушенію гнилыхъ болотъ, къ содержанію въ чистотѣ прудовъ и рѣчекъ, къ привитію оспы, къ отдѣленію заразительныхъ больныхъ отъ здоровыхъ и т. п.

д) *По народному образованію*: обсужденіе и принятіе мѣръ къ устройству начальныхъ училищъ и къ обезпеченію ихъ содержанія, ближайшее завѣдываніе ими подъ руководствомъ и наблюденіемъ членовъ училищныхъ совѣтовъ и т. п.

е) *По разнымъ другимъ хозяйственнымъ нуждамъ*, какъ, напримѣръ: устройство и содержаніе въ исправности проселочныхъ дорогъ и мостовъ на нихъ; представленіе на усмотрѣніе центральныхъ земскихъ учрежденій заявленій о потребностяхъ, непосильныхъ одному округу, и т. п.

2. Учрежденія для завѣдыванія дѣлами округа могли бы состоять изъ собранія представителей различныхъ видовъ подлежащей обложенію собственности въ округѣ и изъ управляющаго дѣлами округа, избираемаго этимъ собраніемъ.

Примѣчаніе. Единоличное завѣдываніе дѣлами округа не представляло бы никакихъ неудобствъ, такъ какъ всѣ дѣйствія управляющаго были бы на слуху членовъ собранія, которое, по незначительности пространства округа, могло бы открывать своя засѣданія во всякое время и всякую его ошибку или злоупотребленіе могло бы предупредить во-время.

3. Всѣ владѣющіе въ округѣ подлежащею обложенію собственностію въ размѣрѣ не меньшемъ опредѣленнаго имущественнаго ценза могли бы быть признаны членами собранія по праву ценза. Всѣ же мелкіе личные собственники могли бы избирать своихъ представителей въ члены собранія, по одному отъ каждаго коллективнаго ценза такого же размѣра. Крестьяне-общинники могли бы избирать своихъ представителей въ собраніе на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и мелкіе личные собственники.

4. До избранія въ предсѣдатели собранія могли бы допускаться только лица, получившія извѣстное образованіе, напримѣръ: кончившія курсъ въ высшемъ или среднемъ учебномъ заведеніи, или имѣющія другой образовательный цензъ, установленный закономъ. При неимѣніи такихъ лицъ въ округѣ, или, въ случаѣ если никто изъ нихъ не будетъ избранъ, предсѣдательство могло бы быть предоставлено мировому судьѣ. Въ случаѣ единогласнаго избранія кого-либо предсѣдателемъ, можно бы не требовать для него образовательнаго ценза.

5. Раздѣленіе уѣздовъ на округи всего практичнѣе было бы пріурочить къ приходамъ, такъ чтобы границы округовъ совпадали съ границами приходовъ; въ противномъ же случаѣ слѣдовало бы предоставить уѣзднымъ земскимъ собраніямъ произвести таковое раздѣленіе по удобству мѣстныхъ условій.

Примѣчаніе. Совпаденіе округовъ съ приходами представляло бы значительныя удобства, во-первыхъ, потому, что, собираясь по праздникамъ

въ свою приходскую церковь, члены собранія могли бы послѣ обѣдни открывать свои засѣданія, не будучи вынуждаемы съѣзжаться для этого нарочно; во-вторыхъ, потому, что прихожане одного прихода болѣе или менѣе знакомы уже другъ другу и, кромѣ земскихъ, имѣютъ еще и приходскіе интересы; и, наконецъ, потому еще, что для опредѣленія границъ округовъ не нужно бы предпринимать никакихъ новыхъ работъ, такъ какъ территоріальные предѣлы приходовъ опредѣлятся сами собой по владѣніямъ прихожанъ.

6. Право обложенія имуществъ на надобности округа слѣдовало бы ограничить установленнымъ нормальнымъ размѣромъ обложенія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда надобности округа потребовали бы болѣе крупнаго обложенія, слѣдовало бы обязать окружныя собранія свои объ этомъ постановленія, прежде приведенія ихъ въ исполненіе, представлять на разсмотрѣніе уѣздныхъ земскихъ собраній. Въ случаѣ же несогласія членовъ окружнаго собранія съ заключеніемъ уѣзднаго, все дѣло могло бы переноситься въ губернское собраніе на его окончательное уже рѣшеніе.

Примѣчаніе. Установленіе такого правила необходимо въ тѣхъ видахъ, чтобы случайныя увлеченія окружнаго собранія (или другія причины), возможныя при отсутствіи въ ихъ составѣ людей спеціально или практически знакомыхъ съ предметомъ, вызывающимъ увеличеніе расходовъ, не могли нанести чувствительнаго напраснаго убытка или даже вреда какъ цѣлому округу, такъ и отдѣльнымъ его обывателямъ.

Дѣло идетъ, слѣдовательно, объ установленіи всесословной (правильнѣе—безсословной) волости. Читатели припомнятъ, что съ этою идеей связываются не совсѣмъ пріятныя воспоминанія. Всесословная волость выставлялась необходимою людьми съ явною крѣпостническою закваской. Она должна была, по ихъ проекту, служить въ замѣнъ вотчины, при чемъ *господа* пріобрѣтали кое-что изъ утраченнаго ими въ вѣчно-славный день 19 февраля 1861 года. Подобной опасности для крестьянскаго самоуправленія, для свободнаго развитія *міра*, нельзя отрицать и при осуществленіи проекта князя Волконскаго. Но, съ другой стороны, эту опасность отчасти гарантируютъ мѣры, предлагаемыя самою запиской, отчасти могутъ устранить иныя предосторожности, о которыхъ подумаютъ земскіе люди. При разрѣшеніи вопроса такой великой важности, при попыткѣ произвести измѣненія въ вѣками сложившемся бытѣ, безусловно необходима крайне совѣстливая осторожность. Все, что было и будетъ высказано по этому поводу въ печати и въ отдѣльныхъ земскихъ собраніяхъ, можетъ послужить только для новаго, общаго земскаго обсужденія и рѣшенія—быть или не быть всесословной волости. Правительство въ данномъ случаѣ должно положиться на земскихъ людей, потому что такихъ измѣненій нельзя вводить въ народную жизнь административнымъ путемъ.

Такимъ образомъ, къ чему бы мы ни обратились, о какомъ бы важномъ вопросѣ ни повели рѣчь, въ концѣ концовъ непремѣнно придется

сказать: caeterum censeo.... Сознаніе необходимости объединенія земствъ между собою и законнаго сочетанія ихъ дѣятельности съ правительственною дѣятельностію растетъ все шире и глубже. Какъ эхо, перекатываются по Россіи предложенія и ходатайства, имѣющія въ виду достиженіе завѣтной цѣли. Черниговское губернское земское собраніе постановило просить правительство объ отмѣнѣ административной ссылки для лицъ, избранныхъ въ общественныя должности. Казанскому губернскому дворянскому собранію Д. А. Корсаковъ, доцентъ русской исторіи въ мѣстномъ университетѣ, сдѣлалъ предложеніе обратиться со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ къ высочайшей власти отъ лица дворянства о томъ, чтобы дворянству была дана возможность вмѣстѣ со всѣми остальными земскими группами и во главѣ этихъ группъ разсмотрѣть *и* обсудить общіе, руководящіе, объясняющіе земскіе вопросы. «Для этой цѣли,—говоритъ г. Корсаковъ,—было бы желательно видѣть, напримѣръ, въ Москвѣ періодическія собранія всѣхъ губернскихъ предводителей дворянства, при участіи представителей остальныхъ земскихъ группъ и подъ предсѣдательствомъ особаго лица, назначаемаго Государемъ Императоромъ».

Казанское дворянское собраніе, большинствомъ 56 голосовъ противъ 34 рѣшило, что не имѣетъ права ходатайствовать по возбужденному г. Корсаковымъ вопросу. Не будетъ большою смѣлостью предположить, что въ числѣ 56 человѣкъ, подавшихъ голосъ противъ предложенія, не мало людей сочувствующихъ предложенію. Нѣкоторые изъ нихъ признаютъ ходатайство еще несвоевременнымъ; другіе удерживаются столь свойственною русскому образованному человѣку робостію и нерѣшительностью. Фактъ возбужденія вопроса и сочувствія, выраженнаго къ мысли г. Корсакова со стороны столь значительной части казанскаго дворянства, составляетъ во всякомъ случаѣ многознаменательное и къ высшей степени утѣшительное явленіе. Нѣтъ ничего особенно печальнаго въ томъ, что правительство продолжаетъ смотрѣть на русскую общественную мысль какъ на ребенка. Ребенокъ растетъ, и завтра его уже не удовлетворитъ то, что привело бы въ восхищеніе сегодня. Не хорошо, когда опекунъ или попечитель не можетъ примириться съ мыслью, что дитя выросло, что оно на дняхъ будетъ совершеннолѣтнимъ, что его нельзя уже пугать букою.

Въ газетахъ возобновились слухи о скоромъ допущеніи реалистовъ въ университетъ на физико-математическій и медицинскій факультеты. Печать и общество весьма сочувственно относятся къ этой предполагаемой мѣрѣ. Но въ этомъ отношеніи намъ придется разойтись съ большинствомъ нашихъ товарищей.

Въ народномъ образованіи полумѣры, полупреобразованія, сдѣлки между двумя системами поведутъ только къ путаницѣ, къ очень печальнымъ послѣдствіямъ. Въ университеты, на всѣ факультеты, должны поступать молодые люди, получившіе *общее* образованіе. Студентъ-юристъ, студентъ-

медикъ, филологъ или математикъ нуждаются въ *одинаковой* предварительной подготовкѣ. Извѣстный запасъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ необходимъ для юриста и филолога; опредѣленное знакомство съ родною и иностранною словесностью должно быть у медика или математика. Университетъ—не случайное соединеніе въ одномъ мѣстѣ, на одной улицѣ и въ общемъ домѣ отдѣльныхъ спеціальныхъ школъ. Университетъ—не училище правовѣдѣнія, историко-филологическій институтъ, техническое училище. Все величіе университета, все его историческое значеніе состоитъ именно въ томъ, что онъ—universitas, что въ немъ чувствуется живая, неразрывная связь всѣхъ наукъ между собою, науки и искусства, истиннаго, добраго и прекраснаго... При этихъ словахъ на губахъ многихъ читателей мелькнетъ ироническая улыбка. Но кто самъ былъ студентомъ, кому приходилось проводить за горячимъ споромъ безсонныя ночи, кого мучили въ университетѣ теоретическія сомнѣнія, тотъ пойметъ, что мы говоримъ правду. Если молодой человѣкъ можетъ быть хорошимъ студентомъ одного факультета, то почему другой молодой человѣкъ, у котораго есть склонность заниматься иными науками, не можетъ поступить на другой факультетъ?

Не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько выписокъ изъ прекрасной статьи г. Бекетова, напечатанной въ *Южномъ Краѣ**). Авторъ въ концѣ концовъ соглашается съ допущеніемъ реалистовъ хоть на медицинскій и физико-математическій факультеты. Защита г. Бекетовымъ достоинствъ реальнаго образованія отличается замѣчательною силой и убѣдительностью.

Напоминая о горячей борьбѣ, въ концѣ которой мы были облагодѣтельствованы сигообразными педагогами, г. Бекетовъ говоритъ, что побѣдители не ограничились повсемѣстнымъ введеніемъ классической системы въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. гимназіяхъ. Они разрушили то немногое, что уже было сдѣлано у насъ по части реальнаго образованія: были закрыты реальныя гимназіи, уже процвѣтавшія и выпускавшія весьма дѣльныхъ и развитыхъ молодыхъ людей, которые всегда съ большимъ успѣхомъ проходили университетскій курсъ. Вмѣсто существовавшихъ у насъ и въ Германіи реальныхъ гимназій, были созданы какія-то своеобразныя учебныя заведенія подъ именемъ реальныхъ училищъ—не столько, повидимому, съ цѣлью поднять, сколько, наоборотъ, съ цѣлью понизить уровень реальнаго образованія въ странѣ.

Но потребность въ реальномъ образованіи и антипатія къ классической системѣ такъ велики у русскаго общества, что оно ухватилось за эти жалкія реальныя училища, какъ утопающій хватается за соломенку. Земства, города и частныя лица жертвовали съ этою цѣлью большія средства, реальныя училища увеличивались и улучшались. Но куда же

---

*) *Южный Край*, № 13.

дѣться молодымъ людямъ, кончившимъ курсъ въ такихъ училищахъ? «Кругъ и объемъ ихъ знанія не соотвѣтствуютъ требованіямъ для поступленія ни въ какія высшія спеціальныя заведенія—и въ то же время эти знанія неприноровлены къ практической жизни, такъ какъ наши реальныя училища, по своей программѣ, не суть ни профессіональныя, ни общеобразовательныя заведенія». Задача нашего времени состоитъ въ томъ, чтобы возстановить значеніе реальнаго образованія, «признавъ за нимъ право общечеловѣческаго образованія». Почтенное и историческое дерево европейскаго классицизма,—говоритъ г. Бекетовъ,—прикрывшее и насъ своими вѣковыми вѣтвями, не должно опасаться соперничества. Не касаясь самой системы, почтенный профессоръ имѣетъ въ виду только указать на односторонность, а слѣдовательно и на искуственность проведенія у насъ послѣдней педагогической реформы и вытекшей отсюда несправедливости къ реальному образованію. И въ самомъ дѣлѣ, неужели физико-математическія науки сами по себѣ не представляютъ достаточно разработанной области знанія, чтобы послужить самостоятельнымъ центромъ для созданія системы общаго образованія? Сколько-нибудь основательное знакомство съ современнымъ состояніемъ этихъ наукъ не позволяетъ сомнѣваться въ высокомъ педагогическомъ и культурномъ ихъ значеніи. Значеніе это уже сознано болѣе насъ опытными педагогами на западѣ Европы, особенно въ Германіи, гдѣ давно учреждены реальныя гимназіи съ общеобразовательными программами и съ правомъ поступленія въ нѣкоторые факультеты университета. Въ настоящее же время движеніе въ пользу реальнаго образованія тамъ все болѣе и болѣе усиливается.

Г. Бекетовъ указываетъ на склонность русскаго человѣка къ естественнымъ наукамъ и сводитъ свои желанія къ двумъ: къ улучшенію программы и всего строя реальнаго образованія и къ дарованію окончившимъ курсъ реалистамъ права поступленія въ университетъ.

Обдуманность и ясность системы составляютъ необходимое условіе правильности ея дѣйствія въ педагогическомъ отношеніи. Какъ извѣстно читателямъ, мы далеко не сторонники обращенія учебныхъ заведеній въ канцеляріи и казармы; но нельзя все предоставлять *естественному теченію событій*. Указанія жизни, запросы жизни необходимо имѣть постоянно въ виду; но и выбрасывать за бортъ историческій опытъ и теоретическую мысль также не приходится. Еще разъ повторяемъ: оппортюнизмъ въ дѣлѣ воспитанія неумѣстенъ, компромиссъ въ педагогическихъ вопросахъ ведетъ только къ путаницѣ, къ явному вреду и для учащихъ, и, въ особенности, для учащихся.

По этому поводу мы считаемъ своею обязанностію сказать нѣсколько словъ объ университетскихъ безпорядкахъ. Надо думать, что въ настоящее время тѣ изъ защитниковъ классическихъ гимназій, которые считали эти учебныя заведенія дрессировальными учрежденіями для изготовленія Молчалиныхъ, разочаровались въ своихъ надеждахъ. Прошедшіе полный

курсъ *«преобразованной»* школы оказались столь же способными къ увлеченіямъ и безпорядкамъ, какъ и всякая молодежь, даже, повидимому, больше, чѣмъ прежняя молодежь. По крайней мѣрѣ *формы* молодаго протеста становятся по-истинѣ классическими. По совѣсти, мы должны признать эти *формы* однимъ изъ наиболѣе печальныхъ явленій нашего времени. *Студенчество перестаетъ вѣрить въ силу идеи, въ могучее дѣйствіе справедливаго мнѣнія.* Что оно не хочетъ ждать, что оно трудно примиряется съ отсрочками и проволочками—это не заключаетъ въ себѣ ничего тревожнаго. Кто смолоду былъ молодъ, тотъ найдетъ такое состояніе духа вполнѣ свойственнымъ юности, періоду бурныхъ волненій, который переживается въ университетѣ. Но не вѣрить въ торжество идеи, если эту идею не поддерживаетъ кулакъ, это—печальное, очень печальное явленіе. И тутъ не безъ грѣха система г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія, пригибавшая совѣсть и разумъ воспитанниковъ подъ цози фельдфебелей, данныхъ въ Вольтеры.

Мы ни слова не сказали по поводу прискорбныхъ событій въ Московскомъ университетѣ, надѣясь, что они останутся исключеніемъ, не найдутъ себѣ отголоска въ другихъ мѣстахъ. Безпорядки въ Петербургскомъ университетѣ опровергли, къ великому сожалѣнію, наше предположеніе. Разъ явленіе становится общимъ, составитель внутренняго обозрѣнія *долженъ* отозваться на него.

Мы полагаемъ, что причину волненій и безпорядковъ, производимыхъ университетскою молодежью, слѣдуетъ искать въ неопредѣленности существующихъ отношеній между совѣтомъ университета и студентами, между университетомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Для предотвращенія подобныхъ печальныхъ явленій слѣдуетъ представить не случайныя, временныя мѣры, а ясный и точный законъ. Быть-можетъ мы ошибаемся, но, пока не доказано противное, мы рѣшительно утверждаемъ, что студенты съ благодарностью оцѣнятъ искреннее и честное отношеніе къ нимъ, поймутъ, что не всѣ ихъ стремленія могутъ быть удовлетворены, и мирно примутся за работу, когда имъ опредѣленно скажутъ, чтб именно имъ дозволяется и чтб—нѣтъ. Вѣдь не трудно же доказать молодымъ людямъ, что они поступаютъ въ университетъ для изученія науки, что народъ спроситъ у нихъ отвѣта за потраченное на безпорядки время.

В. Г.

Какъ наше земство зарождалось и подрастало.

Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, у мѣста, на основаніи прошлаго нашихъ земскихъ учрежденій, дать себѣ отчетъ въ томъ, чего мы въ правѣ ожидать отъ нихъ въ будущемъ: съ одной стороны, грозный продовольственный вопросъ убѣждаетъ и величайшихъ скептиковъ въ томъ, что какъ ни плохо наше самоуправленіе, но только ему, при содѣйствіи государства, грозный вопросъ и подъ силу; съ другой же стороны, высшимъ правительствомъ, повидимому, сознано все значеніе земскихъ учрежденій и имъ обѣщано упроченіе и дальнѣйшее развитіе ихъ.

Составленіе не лѣтописи, не хронологической, но прагматической, систематизированной исторіи всего русскаго земства за первыя шестнадцать лѣтъ его существованія доступно только центральнымъ органамъ, располагающимъ надлежащими для того документами, и такой трудъ, несомнѣнно, составилъ бы, предполагая въ немъ надлежащую полноту и надлежащее безпристрастіе, величайшую заслугу земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ; подобная работа послужила бы лучшею подготовкой къ дальнѣйшему развитію политической жизни Россіи. Мы не можемъ задаваться настолько обширною задачей, но тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что ознакомленіе читателей съ судьбами земскихъ учрежденій одного лишь Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, можетъ въ значительной степени выяснить значеніе земства, *какъ учрежденія*. Наслѣдство, доставшееся въ удѣлъ александровскому земству, по всей вѣроятности, мало отличается отъ наслѣдія, принятаго отъ администраціи земствами другихъ уѣздовъ и всей Россіи; условія, среди которыхъ зарождалось и подрастаетъ александровское земство, болѣе или менѣе тождественны съ обстановкою, обусловливавшею дѣятельность и другихъ земскихъ учрежденій. Если только обстоятельно выяснить эти условія на александровскомъ земствѣ, какъ на примѣрѣ, и если затѣмъ присмотрѣться къ тому, какіе вопросы не только рѣшены, но и возбуждены земствомъ *одного* уѣзда за тринадцать лѣтъ его дѣятельности, отъ 1866-го по 1879-ый годъ включительно, то получится возможность не голословно, но *на осно-*

ваніи фактовъ провѣрить, насколько правы люди, разочаровавшіеся въ русскихъ земскихъ учрежденіяхъ, или тѣ, которые готовы поддерживать высшее правительство въ его довѣріи къ будущему преуспѣянію земства.

Ужь изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, останавливаясь на исторіи земства одного уѣзда, только какъ на примѣрѣ, какъ на опытѣ, произведенномъ въ интересѣ цѣлой Россіи, мы опустимъ, говоря объ александровскомъ земствѣ, все, имѣющее исключительно *мѣстное* значеніе; мы не назовемъ ни одного имени, не укажемъ на то, какъ видоизмѣнялась территорія уѣзда, благодаря выдѣленію изъ него въ 1869 году Маріупольскаго округа и въ 1872 году Маріупольскаго уѣзда; даже болѣе близкое ознакомленіе съ прошлымъ и настоящимъ благосостояніемъ уѣзда и обстоятельное изученіе историческаго развитія каждаго изъ созданныхъ земствомъ и теперь въ уѣздѣ существующихъ учрежденій не можетъ входить въ нашу программу, такъ какъ удача и неудача зависятъ отъ людей и часто отъ случайныхъ обстоятельствъ. Относясь къ прошлому одного уѣзднаго земства какъ къ объекту для опыта, въ интересѣ провѣрки самого учрежденія, а не тѣхъ именно людей, которые осуществляли его въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, мы остановимся, по возможности, только на тѣхъ обстоятельствахъ, которыя выясняютъ сильную и слабую сторону самого учрежденія. Все прошлое александровскаго земства представляетъ для насъ матеріалъ, который мы постараемся сгруппировать и систематизировать такъ, чтобы выводы изъ нашихъ изслѣдованій стали возможны не намъ однимъ и не въ интересѣ одного лишь уѣзда или одной губерніи.

Ознакомимся прежде всего съ тѣмъ, какое намъ досталось наслѣдство, и отъ этого перейдемъ къ нашей подготовкѣ къ земскому дѣлу и къ отношенію администраціи и крестьянскаго самоуправленія къ земству, насколько всѣ перечисленные нами вопросы выясняются протоколами александровскаго земства, отчетами управы и нашими личными воспоминаніями. Чѣмъ тѣснѣе рамки, тѣмъ обстоятельнѣе и внимательнѣе можетъ быть наблюденіе, а отъ такого ознакомленія съ частицею организма выигрываетъ знакомство съ цѣлымъ организмомъ, при однородности послѣдняго въ извѣстныхъ отношеніяхъ и при необходимой осторожности въ обобщеніи.

I.

Наше наслѣдство.

Слишкомъ всѣмъ извѣстно то, что до открытія земскихъ учрежденій не существовало въ селахъ ни школъ, ни больницъ, ни врачей, ни фельдшеровъ, ни ветеринаровъ, ни акушерокъ, ни переправъ и мостовъ на проселочныхъ дорогахъ, ни случныхъ конюшень, ни почтовыхъ станцій, ни почты для пересылки изъ каждаго села писемъ и посылокъ въ уѣздный городъ, ни аптекъ, ни ссудныхъ товариществъ, ни благоустроенныхъ

тюремныхъ помѣщеній. Все это слишкомъ извѣстно для того, чтобы мы, говоря объ унаслѣдованномъ александровскимъ земствомъ отъ администраціи, упоминали о томъ, что всѣ названныя учрежденія созданы земствомъ въ Александровскомъ уѣздѣ и не существовали при открытіи его въ 1866 году. Но менѣе извѣстно можетъ быть публикѣ то, что въ теченіе многихъ лѣтъ до открытія земскихъ учрежденій суслики до такой степени размножились на поляхъ Александровскаго уѣзда, что приходилось прекратить посѣвы, не стоило засѣвать полей; администрація оказалась вполнѣ безсильною въ борьбѣ съ этимъ зломъ. Насколько блестящею оказалась побѣда александровскаго земства въ этомъ случаѣ, мы скажемъ позже, на своемъ мѣстѣ, а теперь остановимся только на томъ, въ какомъ экономическомъ состояніи былъ унаслѣдованъ земствомъ уѣздъ, благодаря уничтоженію всѣхъ трудовъ населенія сусликами, возможность совершеннаго истребленія которыхъ была впервые доказана александровскимъ земствомъ уже въ самые первые годы его существованія.

5-го апрѣля 1866 года сошлись, въ первый разъ, гласные Александровскаго уѣзда, а уже 8-го апрѣля одинъ изъ нихъ, священникъ, просилъ объ освобожденіи жителей его мѣстности отъ дополнительной раскладки на содержаніе едва открывшихся земскихъ учрежденій, такъ какъ у населенія нѣтъ ни посѣвнаго зерна, ни харчеваго хлѣба; медикъ изъ гласныхъ заявилъ въ собраніи о томъ, что во многихъ мѣстностяхъ уѣзда свирѣпствуетъ повальная горячка, происходящая отъ нищеты. При такихъ условіяхъ мы начинали свое самоуправленіе: мы затруднялись не только въ средствахъ на общественныя предпріятія, но даже на содержаніе крайне дешево проектированнаго нами управленія нашимъ наслѣдствомъ. По вѣдомостямъ уѣзднаго казначейства оказалось недоимки къ *первому* очередному уѣздному земскому собранію всѣхъ окладныхъ сборовъ до 970.000 рублей, при населеніи около ста тысячъ душъ муж. пола. Но уже въ первую экстренную сессію собранія гласные приписывали накопленіе такой громадной недоимки *четырехлѣтнему* «неурожаю», называя этимъ словомъ результаты отъ посѣвовъ, при совершенномъ истребленіи ихъ сусликами. Екатеринославское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе объясняло себѣ накопленіе недоимки крайне просто: оно приписывало ее исключительно «бездѣйствію властей» и ввело въ заблужденіе министерство внутреннихъ дѣлъ, допустивъ, какъ неурожайный, только *одинъ* 1863-й годъ. Земское собраніе, озабоченное тѣмъ, чтобы, наприм., несвоевременною продажей имущества не раззорилось окончательно большинство населенія, крестьяне, при самомъ открытіи своемъ внесло ходатайство объ отсрочкѣ взысканія недоимокъ и, желая на будущее время упорядочить это дѣло, просило высшее правительство о *разсрочкѣ* накопившейся недоимки на *десять* лѣтъ; но на двукратное ходатайство земскому собранію было отказано. Между тѣмъ, по собраннымъ управою свѣдѣніямъ, выяснилось, что еслибы въ хлѣбные магазины былъ возврзщенъ

весь хлѣбъ, розданный въ ссуду и числящійся въ недоимкѣ, то его должно бы быть на 1 января 1867 года, то-есть въ годъ открытія земскихъ учрежденій въ уѣздѣ, 175.592 четверти озимаго и яроваго хлѣба вмѣстѣ; но хлѣба оказалось на-лицо приблизительно только *одна шестая* часть, всего 29.044 четверти. Таково было наше наслѣдство, при которомъ надлежало доказать производительность земскаго самоуправленія.

II.

Наша подготовка къ дѣлу.

Насколько время, предшествовавшее шестидесятымъ годамъ, говоря вообще, подготовило даже нашу провинціальную интеллигенцію, т. е. дворянство, къ *земскому* дѣлу, видно изъ того, напримѣръ, какая рѣчь была произнесена еще въ 1862 году въ екатеринославскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи однимъ изъ дворянъ, окончившимъ курсъ въ высшемъ учебномъ заведеніи и считавшимся «ораторомъ» и «либераломъ». Нужно знать, что въ то время ораторское искусство стало проявляться не только вслѣдствіе всеобщаго пробужденія и стремленія къ обновленію Россіи, но и спеціально потому, что дворянскимъ собраніямъ былъ Высочайше предложенъ вопросъ, какъ преобразовать дворянскіе выборы вслѣдствіе наступившаго уже въ то время освобожденія крестьянъ? Либеральная партія въ екатеринославскомъ дворянскомъ собраніи, располагая на этотъ разъ большинствомъ голосовъ, отвѣчала, что выборы *дворянства* слѣдуетъ замѣнить *земскими* выборами и *земскими* учрежденіями, опережая такимъ заявленіемъ въ адресѣ Государю Императору Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ на цѣлыхъ два года. Докладъ въ этомъ смыслѣ былъ составленъ для дворянскаго собранія назначенною имъ коммиссіею, предсѣдателемъ которой и былъ избранъ «ораторъ», о рѣчи которой мы желаемъ упомянуть. Этотъ «либералъ», человѣкъ въ высшей степени добрый и честный, любилъ поговорить, но не всегда слѣдилъ за тѣмъ, что говорилъ, довольствуясь ненарушимою плавностію и неизсякаемымъ обиліемъ своей рѣчи; про него, какъ предсѣдателя коммиссіи, острякъ удачно замѣтилъ, что ему слѣдовало бы предоставить говорить только во время антрактовъ, вмѣсто оркестра. Но, воодушевленный самыми лучшими намѣреніями и отстаивая вѣрную мысль и правое дѣло, нашъ ораторъ произнесъ въ дворянскомъ собраніи весьма обширную рѣчь, которую можно бы назвать акафистомъ земству, по самой формѣ ея, такъ какъ самая рѣчь состояла исключительно изъ громкихъ фразъ, въ каждой изъ которыхъ непремѣнно встрѣчалось слово «земство». Ораторъ кончилъ; раздались аплодисменты; ораторъ съ благороднымъ волненіемъ побѣдителя отошелъ въ сторону, считая вопросъ исчерпаннымъ и рѣшеннымъ, какъ скромно выступилъ представитель тогдашнихъ «консерваторовъ», извѣстный Россіи какъ авторъ, напечатавшій цѣлую книгу для того, чтобы

доказать, что *«Гоголь—лакей, нищій и клеветникъ Россіи и русской женщины»*. Тогда мы играли въ парламентъ и вотъ намъ предстояло выслушать «вождя оппозиціи»; но вождь, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру краснорѣчиваго представителя большинства и произнести звучную рѣчь, которая также могла бы вызвать рукоплесканія, просто сказалъ слѣдующее: «я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что не понимаю слова «земство» и покорнѣйше прошу г. N.N., произнесшаго такую прекрасную рѣчь, объяснить мнѣ это слово». Наступила минута гробовой тишины въ собраніи; нашъ ораторъ, послѣ нѣкотораго колебанія, выступилъ, блѣдный, для того, чтобъ отвѣчать на вызовъ, и послѣ многихъ неудачныхъ приступовъ къ рѣчи, доказывавшихъ, что онъ былъ поставленъ въ тупикъ вопросомъ своего антагониста, послѣ неоднократныхъ повтореній вопроса своего противника,—ораторъ, наконецъ, разрѣшился отвѣтомъ: «земство.... это, это — помѣщики и помѣщичьи крестьяне». По счастію, нашлись другіе члены собранія, которые выручили оратора и съумѣли дать отвѣтъ на крайне простой вопросъ о томъ, «что такое земство», казавшійся намъ замысловатымъ очень незадолго до того времени, когда дворянству, т. е. провинціальной интеллигенціи, предстояло осуществлять понятіе о земствѣ на практикѣ и даже получить новую привилегію по закону, назначившему предводителей дворянства предсѣдателями земскихъ собраній.

Мы остановились на приведенной мелочи изъ исторіи политическаго развитія провинціи, потому что она казалась намъ крайне характеристичною для того, чтобъ обрисовать, съ какою подготовкою многіе изъ насъ приступали къ земскому дѣлу. Если для разумнаго направленія послѣдняго необходимо соединеніе въ одномъ и томъ же лицѣ извѣстнаго образованія съ извѣстнымъ достаткомъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что Александровскій уѣздъ, который мы избрали предметомъ своего изслѣдованія, не отличается обиліемъ людей: такъ, напримѣръ, въ эпоху введенія мировыхъ судебныхъ установленій во всемъ уѣздѣ, тогда еще равнявшемся, по пространству, королевству Саксонскому, оказалось всего около 25 лицъ, удовлетворявшихъ законнымъ условіямъ, причемъ многіе изъ нихъ не обладали даже гимназическимъ образованіемъ, требуемымъ для мироваго судьи, но одною лишь «служебною опытностію»; изъ всего числа лицъ, имѣвшихъ право на званіе судьи, нѣкоторые не пожелали быть избираемы, но во всякомъ случаѣ земскому собранію пришлось избрать на должность болѣе третьей части лицъ, имѣвшихъ на нее право.

Этотъ крайній недостатокъ въ людяхъ обыкновенно упускаютъ изъ вида, судя о провинціи. Но, какъ ни мало мы расположены придавать настоящимъ очеркамъ *мѣстный* характеръ, мы не можемъ однако не упомянуть о томъ, что въ Александровскомъ уѣздѣ, по счастію, оказалось въ числѣ крайне немногочисленнаго контингента людей, которые были въ силахъ направить земское дѣло, сравнительно много лицъ, дѣй-

ствительно просвѣщенныхъ и готовыхъ служить въ земскомъ собраніи не личнымъ, но общественнымъ интересамъ; при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ дѣятельностію александровскаго земства читатели встрѣтятъ не одно доказательство этому; но мы и теперь не можемъ не упомянуть о томъ, что въ разсматриваемомъ уѣздѣ натуральная подводная повинность переложена въ денежную въ явный ущербъ денежнымъ интересамъ дворянства, избавленнаго отъ нея по закону; въ этомъ уѣздѣ нашлись представители интеллигенціи, которые жертвовали на больницы, на школы; въ немъ нашлись богатые дворяне, пошедшіе на земскую службу не изъ-за скромнаго жалованья; нашлись и такіе, которые вѣрой и правдой служили земству безъ всякаго вознагражденія; нашлись десятки попечителей школъ, жертвовавшихъ на дѣло не однѣ деньги, но и трудъ свой. Затѣмъ въ земскомъ собраніи всегда преобладалъ *земскій*, а не сословный духъ. Но при всемъ этомъ въ нашемъ обществѣ сказались и крупные недостатки, доказавшіе, что, при всей чистотѣ нашихъ намѣреній, наше *политическое* воспитаніе предстоитъ начинать съ колыбели; мы говоримъ при этомъ объ интеллигенціи края, такъ какъ при этомъ крестьянъ, что разумѣется само собою, вовсе нельзя принимать въ разсчетъ.

Такъ, напримѣръ, уже въ самое первое засѣданіе александровскаго уѣзднаго земскаго собранія не только многіе гласные, при различныхъ случаяхъ, чистосердечно настаивали на томъ, что «мы еще не обвыкли съ дѣломъ», но оказалось, что недостаетъ у насъ гражданскаго мужества и сознанія законности, столь необходимыхъ для достоинства и успѣха самоуправленія. Эти свойства, тормозящія дѣло, проявились, когда собранію пришлось рѣшать вопросъ о способѣ *открытой* подачи голосовъ. При болѣе развитомъ чувствѣ законности, вопросъ этотъ былъ бы крайне простъ, такъ какъ по закону *только* выборы производятся закрытою подачей голосовъ, а голосованіе по *всѣмъ* прочимъ вопросамъ происходитъ открыто, и собранію оставалось бы лишь высказаться о томъ, голосовать ли поднятіемъ руки, вставаньемъ и сидѣньемъ и т. п. Но александровское уѣздное земское собраніе, предоставивъ на первое время рѣшеніе вопроса практикѣ, въ первую же очередную сессію, въ виду слабости уваженія къ закону и гражданскаго мужества большинства гласныхъ, сочло себя въ правѣ обойти законъ, установивъ, что открытая подача голосовъ происходитъ вставаньемъ и сидѣньемъ по всѣмъ вопросамъ, *за исключеніемъ денежныхъ*, которые рѣшаются надписями (конечно, не подписанными) на запискахъ. Меня спрашиваютъ, напримѣръ, увеличить ли жалованье такимъ-то служащимъ; но какъ я рѣшусь дѣйствовать явно въ такомъ щекотливомъ случаѣ, когда подачею голоса я наживаю себѣ личныхъ враговъ? Гораздо удобнѣе написать «да» или «нѣтъ» на записочкѣ такъ, чтобы никто не видѣлъ, и свернуть ее, да къ тому же еще такой способъ подачи голоса называть *открытымъ*. Несмотря на то, что если продолжать дѣйствовать такимъ образомъ, то никогда не

воспитаешь въ себѣ чувства гражданской независимости и не возвысишься надъ омутомъ личныхъ дрязгъ,—приведенное нами постановленіе держится уже четырнадцать лѣтъ и вновь подтверждалось при всякомъ созывѣ новыхъ гласныхъ.

Удивляться ли послѣ этого тому, что если заходитъ рѣчь въ собраніи о дѣйствіяхъ вліятельнаго лица, то часто проявляется недостатокъ самостоятельности? Мало вѣроятно, но вполнѣ достовѣрно то, напримѣръ, что когда однимъ изъ гласныхъ александровскаго собранія былъ возбужденъ вопросъ о томъ, согласенъ ли такой-то циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ съ закономъ или нѣтъ, то всеобщее сочувствіе въ собраніи первой сессіи встрѣтило такое возраженіе одного изъ наиболѣе самостоятельныхъ, по общественному положенію, гг. гласныхъ: «еслибы г. министръ не имѣлъ права по закону требовать этого, то и не требовалъ бы». Нельзя удивляться и тому, напримѣръ, что въ 1868 г., когда бывшій въ то время начальникъ губерніи позволилъ себѣ опротестовать постановленіе собранія о принесеніи *на него же* жалобы въ правительствующій сенатъ, а управа успѣла отправить ее, не выждавъ протеста,—то собраніе отвергло большинствомъ 19 голосовъ противъ 12 предложеніе гласнаго, убѣждавшаго собраніе подать въ сенатъ новую жалобу на губернатора для того, чтобы послѣднему было разъяснено, что онъ не въ правѣ пріостанавливать постановленія о принесеніи на него жалобы... Тутъ, впрочемъ, было бы еще полъ-бѣды; но вотъ, въ чемъ оказалась уже цѣлая бѣда: изъ меньшинства (въ числѣ 12 гласныхъ) только одинъ подписалъ особое мнѣніе, приложенное къ протоколу.

Крайне комично высказались въ александровскомъ собраніи остатки нашего исключительно бюрократическаго воспитанія, которое отнюдь не мѣшаетъ принимать въ разсчетъ, когда идетъ рѣчь о нашей подготовкѣ къ земскому дѣлу: такъ, не въ началѣ дѣла, а уже въ 1871 г., двое изъ гласныхъ въ письменномъ докладѣ, въ которомъ они отнеслись критически ко всей дѣятельности земства, желая доказать дороговизну стоимости управы, въ видѣ неотразимаго аргумента вычислили, что каждая «бумага», вышедшая изъ управы, обошлась земству въ 2 р. 6½ к. сер. — Правда, что такое воззрѣніе, на которое отвѣчали указаніемъ на массу циркуляровъ и въ особенности на то, что не «бумаги» служатъ мѣриломъ дѣятельности управы, оказалось единичнымъ, но самая возможность публичнаго обсужденія подобнаго вопроса характеристична.

Кому не извѣстно, наконецъ, что вся общественная дѣятельность на Руси страдаетъ халатностью отношенія къ дѣлу? Отъ этого основнаго и крайне пагубнаго недостатка не было свободно и александровское земство. Къ чему, какъ не къ халатности, отнести то, напримѣръ, что съ 1873 г. собраніемъ постановлено поручить ревизіонной коммиссіи *выѣхать въ уѣздъ* и *на мѣстѣ* обревизовать все земское хозяйство, а къ слѣдующей сессіи представить докладъ,—между тѣмъ никакой *подобной* ревизіи, судя

по протоколамъ, не произведено и вопросъ о ней болѣе не возбуждался? Или хоть слѣдующій случай: въ 1877 году дѣла собранія шли почему-то такъ «успѣшно», что всѣ вопросы были исчерпаны въ четыре дня! При послѣднемъ протоколѣ оказывается приложеннымъ не особое мнѣніе, а «поправка» одного изъ гласныхъ, который въ ней разсказываетъ, что «такъ какъ гг. гласнымъ было неудобно оставаться цѣлый день въ городѣ Александровскѣ для того *только* (!), чтобы подписать протоколъ, а для гласныхъ отъ крестьянъ и обременительно, то и порѣшили, *чтобы гласные подписали чистый листъ бумаги*, вполнѣ довѣряя секретарю, что онъ составитъ протоколъ совершенно точно, безъ всякихъ добавленій и искаженій». Гласный, подписавшій эту «поправку», находитъ, повидимому, такой порядокъ совершенно резоннымъ, но затѣмъ обвиняетъ секретаря собранія въ томъ, что онъ много упустилъ и «нѣкоторое исказилъ». Къ этой «поправкѣ» секретарь прилагаетъ «возраженіе» и все это появляется въ печати вмѣстѣ съ протоколами. Секретарь признаетъ, что протоколъ не читался въ засѣданіи и собраніемъ не утвержденъ, но говоритъ, что онъ былъ «просмотрѣнъ порознь большинствомъ гласныхъ» (значитъ меньшинство подписало не читавши), и затѣмъ вдается въ личности противъ автора «поправки». Что же дѣлаетъ собраніе слѣдующаго созыва по этому вопросу, по которому брошена въ печати тѣнь на все собраніе?—Рѣшительно ничего; вопросъ о подлинности протокола вовсе не обсуждается.

Еслибы въ насъ было поменьше халатности, еслибы мы построже относились къ своимъ обязанностямъ, то стали бы невозможными такіе случаи: въ 1875 году избирается новый предсѣдатель управы; въ 1876 году собраніе выражаетъ ему признательность; въ 1877 г. собраніе опять благодаритъ его послѣ произведенной ревизіи, а въ 1878 г. вновь избранные гласные избираютъ коммиссію для ревизіи дѣятельности уже выбывшей и замѣненной новою управы, и что же?—Коммиссія усматриваетъ въ дѣятельности прежняго предсѣдателя, получившаго двѣ благодарности, «голословность, поверхностность, небрежное завѣдываніе и распоряженіе земскими суммами, невниманіе и даже неуваженіе къ постановленіямъ собранія, превышеніе власти и непостижимый личный произволъ». При этомъ указывается, что бывшій предсѣдатель управы, которому собраніе уплатило за годъ секретарское жалованье, такъ какъ онъ заявилъ, что не могъ найти секретаря и потому самъ отправлялъ его обязанности,— что этотъ самый предсѣдатель наложилъ на бумагѣ лица, предлагавшаго себя въ секретари управы, собственноручную резолюцію: «увѣдомить, что управа въ настоящее время не предполагаетъ замѣщать вакансію секретаря».... Изъ дѣла не видно, чтобъ отъ обвиняемаго предсѣдателя управы было потребовано объясненіе, а собраніе, въ составъ котораго входили многіе гласные, дважды выражавшіе признательность тому же лицу, постановило «выразить порицаніе дѣйствіямъ прежней управы и въ особен-

ности предсѣдателю ея за *его* (sic!?) произвольное и безцеремонное обращеніе съ денежными суммами земства»...

Полагаемъ, что послѣ всего сказаннаго, взвѣсивъ сильныя и слабыя стороны, нельзя не признать того, что, благодаря смутному представленію о предстоявшемъ намъ дѣлѣ, благодаря слабости чувства законности и гражданскаго мужества, благодаря остаткамъ съ молокомъ матери воспринятаго нами бюрократизма, благодаря новости дѣла, еще не выработавшей въ насъ строгаго стремленія къ общественнымъ обязанностямъ,—наша подготовка къ земскому дѣлу должна была нерѣдко тормозить его и направлять на ложную дорогу.

Если все сказанное справедливо по отношенію къ интеллигенціи края, то о крестьянахъ слѣдуетъ сказать, что въ политическомъ развитіи ихъ не можетъ быть и рѣчи; но что тамъ, гдѣ дворяне ставятъ ихъ въ возможность дѣйствовать и говорить, тамъ они оказывались въ высшей степени полезными членами собранія при рѣшеніи вопросовъ, требующихъ близкаго знакомства съ практическою жизнію. Но о нравственномъ уровнѣ большинства ихъ, созданнаго и поддержаннаго отсутствіемъ школъ и вліянія на нихъ духовенства, равно какъ и отношеніемъ къ нимъ администраціи, распространяться слишкомъ много нечего,—грустная истина въ этомъ случаѣ всѣмъ слишкомъ извѣстна. Слишкомъ понятно также, что земское дѣло ежедневно, ежечасно, ежеминутно должно было наталкиваться на невѣжество и суевѣріе массы, какъ на одно изъ существеннѣйшихъ препятствій. Ограничимся приведеніемъ лишь одного примѣра изъ практики александровскаго земства, поражающаго своею неожиданностію: въ 1866 г. гласные отъ крестьянъ необыкновенно усердно ратовали за обязательное истребленіе сусликовъ земствомъ, но тутъ же оказалось, что къ истребленію сусликовъ нужно содѣйствіе архіепископа. Собраніемъ постановлено ходатайствовать у его преосвященства о томъ, чтобъ имъ было предписано священникамъ внушать крестьянамъ, *что не грѣшно истреблять сусликовъ*. Это ходатайство было вызвано тѣмъ, что съ началомъ истребленія сусликовъ весною того года земствомъ, которому надлежало доставлять хвосты убитыхъ сусликовъ, въ уѣздѣ стали замѣчать *безхвостыхъ* сусликовъ на поляхъ, такъ какъ нѣкоторые жители, считая сусликовъ карой Божіей и не желая взять на свою душу грѣхъ истребленія бича Божія, ловили сусликовъ, отрубали имъ хвосты, для представленія въ управу, а затѣмъ пускали безхвостыхъ сусликовъ живыми въ поле.

III.

Отношенія земства къ администраціи.

Если раскрыть русскую газету 1866 года, когда, въ слѣдъ за изданіемъ закона, замѣнившаго предварительную цензуру карательною и административнымъ произволомъ надъ печатью, мы поиграли, хотя на очень

короткое время, въ свободу печати,—то общее недовольство земства администраціей того времени бросится въ глаза. Но намъ кажется, что чрезъ руководящія статьи того времени проходитъ одна фальшивая нота: чрезъ отчеты о засѣданіяхъ земства, которыя въ то время еще не подлежали нынѣ дѣйствующему правилу, требующему, чтобъ изданіе, освобожденное отъ цензуры, печатало отчеты о земскихъ собраніяхъ не иначе, какъ съ цензурой мѣстнаго губернатора, часто болѣе всѣхъ заинтересованнаго въ томъ, чтобы нѣкоторыя извѣстія не попали въ печать,—чрезъ отчеты о преніяхъ въ земскихъ собраніяхъ проходитъ та же фальшивая нота о томъ, будто бы министерство внутреннихъ дѣлъ того времени относилось враждебно къ земству. Тогда объясняли себѣ отсутствіе содѣйствія со стороны администраціи и встрѣчавшееся даже иногда прямое противудѣйствіе администраціи земству, не подлежащія никакому сомнѣнію, исключительно тѣмъ, что администраціи не хотѣлось разставаться съ властію, ограничивать поприще своей дѣятельности, уступая его, во многихъ отношеніяхъ, земству. Справедливо то, что министерство внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ контроль надъ земскими учрежденіями, по неволѣ чаще всѣхъ другихъ министерствъ соприкасалось съ земствомъ, а потому и столкновенія съ нимъ происходили чаще; поэтому могло казаться, по новости дѣла, будто одно это вѣдомство, соперничая съ земствомъ въ завѣдываніи мѣстными хозяйственными интересами, относится холодно къ земскимъ учрежденіямъ. Но если теперь, когда земскія учрежденія уже просуществовали нѣкоторое время и страсти улеглись, оглянуться спокойно назадъ, то нельзя не придти къ заключенію о томъ, что земская реформа была непонята не однимъ только министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но всѣми административными вѣдомствами безъ изъятія, не исключая духовнаго. Вмѣсто того, чтобъ отнестись къ голосу земства какъ къ голосу *страны*, которая кормитъ и поитъ администрацію и которой администрація служитъ, всѣ наши вѣдомства увидѣли въ земскихъ учрежденіяхъ лишь новое «вѣдомство», да въ добавокъ еще такое, которое, обладая лишь самыми ограниченными правами, походило на какую-то самую ничтожную, по степени власти, канцелярію,—вмѣсто того, чтобъ отнестись съ уваженіемъ къ земству, какъ къ хозяину, и въ союзѣ съ нимъ почерпать свою силу, всѣ наши административныя вѣдомства по меньшей мѣрѣ игнорировали земскія учрежденія, нужды и пользы земства.

Къ такимъ заключеніямъ приходимъ мы не только на основаніи знакомства нашего съ ходомъ земскаго дѣла въ Россіи вообще, но и спеціально на основаніи фактовъ изъ прошлаго земскихъ учрежденій Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Теперь, подводя итогъ отношеніямъ александровскаго земства къ администраціи за 14 лѣтъ, мы находимъ, что оно соприкасалось съ девятью различными вѣдомствами и изъ нихъ только одинъ сенатъ относился къ нуждамъ земства внимательно; со стороны же всѣхъ остальныхъ вѣдомствъ, а не одного мини-

стерства внутреннихъ дѣлъ, оказывался недостатокъ содѣйствія. Начнемъ хоть съ духовнаго вѣдомства, которому, казалось бы, нечего было дѣлить съ земствомъ.

1. *Духовное вѣдомство*, въ лицѣ сельскихъ священниковъ, непрерывно соприкасается съ земствомъ, такъ какъ можетъ вліять на прихожанъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ Александровскомъ уѣздѣ значилось въ числѣ сельскихъ священниковъ нѣсколько ревностныхъ слугъ земства въ качествѣ гласныхъ, учителей, законоучителей и попечителей школъ; но ихъ было немного, а большинство сельскаго духовенства терпитъ такую нужду и относительно на столько мало просвѣщенно, что не могло содѣйствовать земству; нерѣдко сельскіе священники даже вредили земству. Такъ уже въ самомъ началѣ своей дѣятельности александровское земство обратило вниманіе на то, что многіе священники, въ интересѣ своихъ доходовъ, въ воскресный день объявляютъ народу о такихъ предстоящихъ на недѣлѣ праздникахъ, въ которые нигдѣ, кромѣ этихъ селъ, не прерывается работа, убѣждая однако народъ праздновать эти дни, не работать; собраніе ходатайствовало о томъ, чтобъ архіепископомъ было вмѣнено въ обязанность священникамъ объявлять лишь о предстоящихъ на недѣлѣ табельныхъ дняхъ. Ходатайство земства было уважено, но значеніе его на практикѣ зависитъ отъ исполнителей и ихъ степени развитія. Только отсутствіемъ послѣдняго и крайнею забитостію, а отнюдь не нуждою, возможно объяснить себѣ то, что земству стоило такихъ огромныхъ усилій посредствомъ сношеній съ духовнымъ начальствомъ и платы за уроки склонить священниковъ къ тому, чтобъ они часа по три въ недѣлю посвящали преподаванію Закона Божія; но это осуществилось еще далеко не вездѣ, между тѣмъ какъ повсемѣстно обязательно, по закону, для земства—не выдавать свидѣтельствъ объ окончаніи курса ученикамъ такихъ школъ, въ которыхъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, не преподавался Законъ Божій. Включеніе Закона Божія въ программу школы обязательно для *земства*, но преподаваніе его въ школѣ *необязательно* для духовенства; во сколько же рублей обошлось земству то, что въ очень многихъ школахъ ученики не получили и не получаютъ льготы для отправленія воинской повинности только изъ-за того, что у земства не стало силы привлечь священника въ школу, а преподаваніе Закона Божія учителямъ строго воспрещается?

Впрочемъ нѣкоторые изъ сельскихъ священниковъ на столько погрязли въ омутѣ повседневныхъ хлопотъ, уединенные отъ всякаго цивилизующаго ихъ элемента, что и не могли бы съ пользою повліять на учениковъ. Отнюдь не обобщая того возмутительнаго факта изъ прошлаго александровскаго земства, который мы приведемъ, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что до тѣхъ поръ, пока *подобныя* явленія еще будутъ возможны въ средѣ сельскаго духовенства,—до тѣхъ поръ трудно будетъ разсчитывать на то, чтобы большинство духовенства понимало все зна-

ченіе земскихъ учрежденій и своимъ вліяніемъ на народъ содѣйствовало ему. Съ этимъ фактомъ, которому вѣрится съ трудомъ, мы встрѣчаемся въ протоколахъ земскаго собранія за 1877 годъ. Отсюда мы узнаемъ, что земскій ветеринаръ, отправленный въ село, въ которомъ развилась чума на рогатомъ скотѣ, для изслѣдованія причинъ распространенія заразы и принятія мѣръ къ прекращенію ихъ, лично удостовѣрился въ томъ, что мѣстнымъ священникомъ четыре трупа изъ павшихъ во дворѣ его животныхъ были брошены въ рѣку, служащую водопоемъ, и что имъ же сняты кожи съ четырехъ палыхъ коровъ, вопреки запрещенію закона, вопреки неоднократнымъ настояніямъ александровскаго земства, вопреки здравому смыслу.

Изъ протоколовъ той же сессіи мы узнаемъ, что епархіальное начальство воспретило священнослужителямъ всякое участіе въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ и, по справедливому замѣчанію управы, тѣмъ не мало парализовало успѣшное распространеніе ихъ, такъ какъ священникъ въ селѣ нерѣдко единственное относительно просвѣщенное и въ то же время сколько-нибудь обезпеченное лицо, которое могло бы руководить ссудо-сберегательнымъ товариществомъ.

2. О томъ, на сколько *министерство народнаго просвѣщенія* спѣшило содѣйствовать земству, видно изъ того, что уѣздный училищный совѣтъ открытъ *черезъ годъ* послѣ избранія въ него членовъ отъ земства. Затѣмъ на ходатайство объ открытіи при александровскомъ уѣздномъ училищѣ, на ассигнованныя земствомъ двѣ тысячи рублей, педагогическихъ курсовъ для воспитанія учителей не послѣдовало никакого отвѣта, сколько намъ извѣстно, за всѣ 14 лѣтъ существованія земства. Въ теченіе девяти лѣтъ не разрѣшено ходатайство александровскаго земства объ открытіи въ Александровскѣ прогимназіи на постоянно вносившіяся въ смѣту четыре тысячи рублей, вопреки сношеніямъ земства съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, съ попечителемъ Одесскаго учебнаго округа и съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Содѣйствіе министерства народнаго просвѣщенія земству выразилось въ томъ, что въ 1873 году исключены изъ *учительскихъ* библіотекъ, организованныхъ земствомъ, 1.293 сочиненія, какъ не вошедшія въ каталогъ министерства; о томъ, на сколько эти книги были зловредны, можно судить по тому, что училищный совѣтъ ходатайствовалъ объ устройствѣ изъ этихъ «ссыльныхъ» министерства просвѣщенія особой городской библіотеки въ г. Александровскѣ. Приведемъ еще примѣръ содѣйствія: не могъ состояться учительскій съѣздъ на ассигнованную земствомъ сумму, какъ бы вы думали, изъ-за чего?—изъ-за того, что умеръ мѣстный инспекторъ народныхъ училищъ, присутствіе котораго на съѣздѣ сдѣлано обязательнымъ послѣ того, какъ учительскіе съѣзды, возникшіе первоначально въ Александровскомъ уѣздѣ, вызвали сочувствіе и подражаніе и въ другихъ мѣстностяхъ.

3. *Почтовое вѣдомство* отнюдь не можетъ быть заподозрѣно въ принципіальномъ антагонизмѣ къ земству и, тѣмъ не менѣе, что же мы видимъ?—Между нимъ и земствомъ зашла рѣчь о соединеніи центральнаго села въ уѣздѣ съ почтовою дорогою, всего на протяженіи *тридцати пяти* верстъ, и объ открытіи въ селѣ почтоваго отдѣленія, причемъ земство бралось возить почту и гарантировало извѣстную сумму въ пользу почтоваго отдѣленія на случай недобора отъ почтовой корреспонденціи; и что же?—потребовалось *восемь лѣтъ* на переписку, окончившуюся, къ счастію, благополучно. Соединеніе же городовъ Маріуполя и Александровска почтовымъ трактомъ такъ и не состоялось, невзирая на многолѣтнія сношенія земства съ почтовымъ вѣдомствомъ. Вопреки всѣмъ хлопотамъ, александровскому земству не разрѣшено открыть телеграфную станцію въ г. Александровскѣ, несмотря на то, что находилась гарантія извѣстнаго дохода отъ нея.

4. *Медицинское вѣдомство,* едва только земство успѣло, цѣною огромныхъ затратъ и хлопотъ, организовать у себя медицинскую часть, стало требовать отъ земства, чтобы земскіе врачи, завѣдующіе лѣченіемъ преимущественно *приходящихъ* больныхъ, непремѣнно доставляли свѣдѣнія о числѣ выздоровѣвшихъ и умершихъ изъ числа тѣхъ больныхъ, которыхъ врачъ видѣлъ только разъ въ своей жизни. По умѣреннымъ разсчетамъ управы, каждому земскому врачу пришлось бы исписать двѣсти листовъ бумаги въ годъ, еслибъ исполнить требованіе медицинскаго вѣдомства, чтобъ о *каждомъ* больномъ въ отдѣльности показать, когда онъ поступилъ и съ какою болѣзнію и имѣются ли у врача свѣдѣнія о дальнѣйшемъ ходѣ болѣзни. Желая хоть сколько-нибудь облегчить земскую кассу, земство постановило выдавать лѣкарство за четвертую часть стоимости его; но и тутъ оказалось, что медицинское вѣдомство стало ограждать интересы не земства и всего населенія, но аптекарей-монополистовъ, и воспретило земству продажу лѣкарствъ. Александровское земство обошло это запрещеніе, постановивъ пріобрѣтать лѣкарства изъ мѣстной аптеки по уступочной цѣнѣ и затѣмъ выдавать его больнымъ за 25% той стоимости, въ которую она ему обойдется.

5. *Министерство государственныхъ имуществъ* отказало александровскому земству, озабоченному и воспитаніемъ народныхъ учителей, и лѣсоразведеніемъ въ степной мѣстности, въ томъ, чтобы школа лѣсниковъ этого вѣдомства была преобразована въ земскую учительскую семинарію съ тѣмъ, чтобы земство продолжало поддерживать и казенное лѣсничество, заведенное при школѣ лѣсниковъ. Оно нашло невыгоднымъ для казны и то, чтобъ александровскому земству были переданы казенные участки уѣзда съ тѣмъ, чтобы земство гарантировало на извѣстный періодъ времени извѣстный доходъ отъ нихъ, а излишекъ, еслибы такой оказался, оставляло въ свою пользу. Министерство нашло невыгоднымъ сдачу участковъ безъ торговъ и залоговъ, но не приняло въ разсчетъ

того, на сколько выгодно для государства обезсиливать земство. Содѣйствіе этого министерства сказалось и въ томъ, что къ 1874 году на евреяхъ-поселенцахъ Александровскаго уѣзда, состоящихъ въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ, накопилась недоимка въ земскихъ сборахъ въ 82% всей суммы, съ нихъ слѣдующей ежегодно.

6. *Министерство финансовъ*, составленіемъ закона 1866 г., по которому земству предоставлено облагать промышленниковъ и купцовъ не по доходу ихъ, не по оборотамъ ихъ, но только извѣстнымъ, произвольно опредѣленнымъ, платежомъ отъ торговаго свидѣтельства и налогомъ на цѣнность промысловыхъ *помѣщеній*, а не на доходность самыхъ промысловъ,—нанесло ударъ не одному александровскому земству, которое за первый же годъ, когда смѣта была еще крайне ничтожна, потеряла изъза этого девятнадцать тысячъ рублей сравнительно съ проектированною имъ раскладкой. Оно отказало земству въ 1874 г. въ утвержденіи устава, въ высшей степени полезнаго по своей организаціи, *хлѣбнаго* ссуднаго товарищества, по уставу котораго паи составлялись бы взносомъ не денегъ, но ничтожнаго количества озимаго и яроваго хлѣба, что дало бы возможность выгодно капитализировать такое количество хлѣба (годовой взносъ опредѣлялся въ четыре пуда, а пай—въ сто-шестьдесятъ пудовъ), которое крестьянину не всегда легко сбыть иначе, какъ въ кабакъ; оно отказало потому, что «продажа хлѣба и его храненіе требуютъ спеціальныхъ (?) знаній и особыхъ (?) приспособленій, *едва ли* (!) доступныхъ для предположеннаго товарищества, и сопряжены съ значительныхъ рискомъ». Тутъ уже министерство дѣйствовало, какъ видно, не въ интересѣ казны, а оберегало общество отъ самого общества, лучше его понимало его интересы, а выраженіе закона о томъ, что земскія учрежденія «*дѣйствуютъ самостоятельно*», считало просто «красотою слога», не имѣющею существеннаго значенія.

7. Вниманіе *министерства путей сообщенія* къ голосу земства выразилось въ томъ, что на ходатайство александровскаго земства о проведеніи желѣзной дороги изъ Харькова не на Таганрогъ, но на Маріуполь, не послѣдовало никакого отвѣта, а дорога проведена на Таганрогъ, несмотря на то, что, какъ доложилъ о томъ уполномоченный отъ г. Маріуполя александровскому уѣздному земскому собранію, и харьковское земство признавало направленіе на Маріуполь болѣе выгоднымъ.

8. *Министерство внутреннихъ дѣлъ* имѣетъ болѣе другихъ сношеній съ земствомъ; поэтому если отсутствіе надлежащаго содѣйствія земству выражалось со стороны другихъ министерствъ преимущественно въ необычайной продолжительности переписки и въ отношеніи ихъ къ ходатайствамъ земства, то со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ оно часто состояло въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ непосредственно тормозившихъ земское дѣло или шедшихъ въ разрѣзъ съ распоряженіями зем-

скихъ учрежденій. При множествѣ бывшихъ подобныхъ случаевъ, мы можемъ остановиться лишь на нѣкоторыхъ, въ видѣ примѣра, причемъ спѣшимъ, впрочемъ, сказать, что, по счастливой случайности, мѣстный исправникъ за все время существованія земства, а мѣстный губернаторъ за послѣднія десять лѣтъ ладили съ александровскимъ земствомъ и старались содѣйствовать ему. Тѣмъ не менѣе, вотъ съ чѣмъ приходилось бороться земству: при переложеніи натуральной подводной повинности въ денежную пришлось устраивать на счетъ земства почтовыя станціи для разъѣзда служащихъ лицъ; управа 1866 года, распорядившись этимъ дѣломъ съ замѣчательною энергіей и находчивостію, проектировала по возможности меньшее число лошадей на станціяхъ, для того чтобъ облегчить плательщиковъ, но при этомъ организовала дѣло такъ, чтобы особый земскій разсыльный, сообщаясь непрерывно со всѣми пунктами уѣзда, заѣзжалъ два раза въ недѣлю за пакетами въ каждую становую квартиру, прося становыхъ приставовъ посылать сотскихъ съ пакетами, въ видѣ экстренныхъ нарочныхъ, только въ крайнихъ случаяхъ. Не тутъ-то было: за первый же мѣсяцъ становой приставъ разослалъ 37 сотскихъ на 74 лошадяхъ, несмотря на то, что разсыльный управы заѣзжалъ къ нему чрезъ каждые три дня. Администрація того времени доказывала, что нѣтъ возможности держать менѣе десяти лошадей на станціи, а управа доказывала, что̀ впослѣдствіи вполнѣ подтвердилось и на практикѣ, что расходъ земства можно уменьшить на половину, и поставила, благодаря организаціи разсыльныхъ, на нѣкоторыхъ станціяхъ лишь по четыре лошади. Но чего это стоило?...

Поднимаясь ступенью выше и обращаясь къ отношеніямъ губернатора къ земству, мы должны сказать, что въ первыя пять лѣтъ александровское земство было особенно несчастливо и всѣ его страданія доказываютъ, чему могутъ подвергаться земскія учрежденія. Чего тутъ только не приходилось выносить земству? Въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1867 г. появился циркуляръ губернатора въ высшей степени оскорбительный для земскихъ учрежденій и подрывавшій довѣріе къ нимъ въ народѣ. Александровское земство обжаловало его въ правительствующій сенатъ, но оно не обжаловало, какъ мы уже указывали на это выше, того, что губернаторъ опротестовалъ и признавалъ недѣйствительнымъ то постановленіе земства, которымъ оно опредѣлило подать на него жалобу. Земство не приняло также предложенія одного изъ гласныхъ принести жалобу на то, какъ тогдашній губернаторъ цензуровалъ земскіе протоколы для печати. Въ этомъ отношеніи произволъ доходилъ до едва вѣроятныхъ размѣровъ: не только не допускались въ печать отдѣльныя выраженія или мнѣнія, но цѣлые доклады и цѣлые пункты протоколовъ земскихъ собраній, причемъ перемѣнялась нумерація пощаженныхъ пунктовъ постановленій и послѣднія въ печати не могли служить руководствомъ для гласныхъ; при этомъ не допущены въ печать не только докладъ и пренія о принесеніи жалобы на

губернатора, но и самое постановленіе собранія объ этомъ, такъ какъ самое намѣреніе принести жалобу понималось начальникомъ губерніи какъ стремленіе «возмущать противъ власти». Все это происходило вопреки тому, что *Сѣверная Почта*, органъ министерства внутреннихъ дѣлъ того времени, въ особой статьѣ доказывала, что министерство контролируетъ цензуру губернаторовъ, не допуская произвольнаго перечеркиванія протоколовъ и внушая губернаторамъ, что «его цензурѣ менѣе всего подлежатъ отзывы о дѣйствіяхъ губернскаго управленія». Мы охотно вѣримъ тому, что произволъ, наносившій ударъ за ударомъ земству, зависѣлъ гораздо болѣе отъ мѣстныхъ исполнителей, нежели отъ центральнаго вѣдомства, которое допустило лишь ту ошибку, что въ самомъ началѣ не поспѣшило оградить самостоятельность земства надлежащими разъясненіями, опасаясь какихъ-то увлеченій и чуть ли не превращенія каждаго уѣзднаго земскаго собранія, занятаго счетомъ сусликовыхъ хвостовъ, въ какой-то сепаратистскій парламентъ. Какъ всѣ эти страхи мало соотвѣтствовали дѣйствительности!... Въ дѣйствительности «борьба съ администраціей», какъ ни трудно употреблять подобное выраженіе и какъ ни мало оно гармонируетъ съ понятіемъ о благоустроенномъ государствѣ,—происходила безъ всякой политической подкладки, но частью въ огражденіе экономическихъ интересовъ небогатаго земства, частью же по уязвленному самолюбію. Многострадальному александровскому земству, такъ много потерпѣвшему, на что мы уже указывали, отъ сусликовъ, пришлось еще жаловаться въ сенатъ на то, что мѣстнымъ губернаторомъ было предписано полиціи *не оказывать содѣйствія земству по истребленію сусликовъ*. Какъ такое распоряженіе администраціи ни мало вѣроятно, но оно вполнѣ достовѣрно и станетъ болѣе понятнымъ читателю, когда онъ ближе ознакомится ниже съ вопросомъ объ истребленіи сусликовъ въ Александровскомъ уѣздѣ; теперь мы замѣтимъ только, что изъ самолюбія и въ огражденіе авторитета правительственной власти губернаторъ вступилъ въ пререканіе съ земствомъ, полагая, что правительству, а не земству, принадлежитъ право (!) истребленія вредныхъ животныхъ, а на земство падаетъ лишь *содѣйствіе* усиліямъ правительства; между тѣмъ вопросъ состоялъ не въ правѣ (!!), а въ голодѣ. Собраніе подало жалобу въ сенатъ и выиграло дѣло.

9. *Правительствующій сенатъ* указомъ отъ 23 октября 1868 года предписалъ екатеринославскому губернатору исполнить законныя требованія александровскаго земства. Между тѣмъ уже 13 мая 1868 г., очевидно, вслѣдствіе усилій александровскаго земства и сношеній его съ министромъ по вопросу о необходимости гарантировать истребленіе сусликовъ штрафомъ за неистребленіе ихъ, состоялся законъ, предоставившій всему русскому земству право наложенія штрафовъ и введенія обязательнаго истребленія вредныхъ животныхъ; но и это досталось земству не легко, такъ какъ первоначально и министръ внутреннихъ дѣлъ возражалъ противъ штрафовъ за неистребленіе сусликовъ и уступилъ только послѣ того, какъ

ходатайство александровскаго уѣзднаго собранія было поддержано губернскимъ. А сколько на это ушло времени!... Цѣлыхъ *два года* александровское земство одно боролось не только съ сусликами, но и съ тѣми препятствіями, которыя оно встрѣчало къ истребленію ихъ въ такихъ сферахъ, откуда ихъ всего менѣе можно было ожидать, и это въ самомъ началѣ дѣла, когда русская администрація, уже понаторѣвшая въ дѣлѣ управленія, должна была бы отнестись къ юному и неопытному самоуправленію какъ къ сырому яичку и всячески поощрять его первыя начинанія. Но, повторяемъ, тутъ дѣло стояло болѣе за мѣстными исполнителями, нежели за центральными органами, если судить о немъ по прошлому александровскаго земства. Такъ, мы уже видѣли доказательства содѣйствія сената, но можемъ указать еще и на то, что по иниціативѣ александровскихъ гласныхъ екатеринославское губернское земское собраніе просило министра внутреннихъ дѣлъ разъяснить, въ правѣ ли губернаторъ не представлять высшему правительству тѣхъ ходатайствъ земства, которыя покажутся ему незаконными и потому подлежащими пріостановленію, на основаніи 9 ст. Полож. о земскихъ учрежденіяхъ; изъ отвѣта г. министра слѣдуетъ, что всякое ходатайство подлежитъ представленію высшему правительству. Что касается представленія ходатайствъ, то первоначально земскіе дѣятели воображали себѣ, что высшее правительство ожидаетъ ихъ ходатайствъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, желая прислушаться къ давно замолкшему и вновь призванному голосу народа. Вотъ и посыпались ходатайства, какъ изъ рога изобилія: одно земское собраніе Александровскаго уѣзда представило пятьдесятъ ходатайствъ въ одномъ 1866 году, т. е. во время двухъ сессій этого года, первой чрезвычайной и первой очередной. Но, не говоря о томъ, что по множеству ходатайствъ послѣдовали крайне слабо или вовсе не мотивированные отказы, многія изъ ходатайствъ оставлялись безъ всякаго отвѣта или получали хотя бы отрицательное разрѣшеніе въ высшей степени медленно: такъ, напримѣръ, изъ 31 ходатайства, состоявшихся осенью 1866 года, къ осени 1867 года александровское земство не имѣло еще никакого отвѣта по 11. Такая участь ходатайствъ не только значительно уменьшила число ихъ, въ явный ущербъ государству, но и заставила многихъ охладѣть къ земскому дѣлу; земскіе люди съ нѣкоторымъ упованіемъ взирали только на сенатъ, выжидая лучшаго будущаго. Изъ мѣръ, которыми сенатъ поддержалъ самостоятельность земства, мы можемъ указать еще на указъ, которымъ установлено, что въ виду 6 ст., по которой земскія учрежденія въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ *самостоятельно*, земскія учрежденія съ губернскими и уѣздными правительственными мѣстами сносятся въ формѣ отношеній. На сколько такое толкованіе сената было необходимо, видно изъ того, что тогдашній екатеринославскій губернаторъ уже сталъ писать управѣ: «считаю необходимымъ разъяснить управѣ», принимая на себя предъ управою роль истолкователя закона.

Для того, чтобъ исчерпать вопросъ о томъ, на сколько сношенія съ различными вѣдомствами тормозили дѣло, мы должны съ прискорбіемъ указать на то, что сношенія съ губернскимъ земскимъ собраніемъ, въ которомъ вопросы, возбужденные александровскимъ уѣзднымъ собраніемъ, иногда оставались неразсмотрѣнными безъ всякаго объясненія причинъ, нерѣдко служили препятствіемъ къ осуществленію благихъ намѣреній александровскаго земства. Такова была, напримѣръ, участь ходатайства александровскаго земства предъ губернскимъ земствомъ объ установленіи таксы для ярмарочныхъ мѣстъ, такъ какъ населеніе страдаетъ отъ вымогательства и произвола во взиманіи платы за право торговли на ярмаркахъ. Въ 1870 г. дѣло поступило въ губернское земское собраніе, а вышло изъ него въ 1877 г.; за это время губернскою управою получались свѣдѣнія по этому вопросу отъ прочихъ уѣздныхъ собраній губерніи. На конецъ черезъ семь лѣтъ губернское собраніе отмѣнило, годомъ раньше состоявшееся, опредѣленіе свое о томъ, что установленіе таксы на ярмаркахъ должно зависѣть отъ губернскаго собранія, и предоставило уѣзднымъ собраніямъ, которыя пожелаютъ таксы на ярмарочныя мѣста, внести проектъ ея въ губернское собраніе. Только на восьмой годъ составлена наконецъ такса александровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Не даромъ говорили мы въ началѣ статьи, что мы, земскіе люди, ведущіе «борьбу съ администраціею» (!!), иногда не замѣчаемъ того, на сколько еще въ насъ самихъ силенъ бюрократическій элементъ.

Для того, чтобы покончить съ вопросомъ о томъ, какія обстоятельства обусловливали успѣхъ дѣятельности нашего земства, намъ остается, ознакомившись съ доставшимся земству наслѣдствомъ, съ нашею подготовкою къ дѣлу и съ отношеніями администраціи къ земству, остановиться лишь еще на отношеніяхъ земства къ крестьянскому самоуправленію.

IV.

Отношенія земства къ самоуправленію крестьянъ.

Дѣятельность александровскаго уѣзднаго земства всегда отличалась истинно *земскимъ* характеромъ какъ потому, что крѣпостное право не успѣло еще пустить глубокихъ корней въ Новороссіи, гдѣ его вовсе еще не существовало лѣтъ сто тому назадъ,—какъ потому, что между здѣшними землевладѣльцами не встрѣчается такой нужды, которая поддерживала бы стремленіе къ эксплуатаціи крестьянина, а недостатокъ въ рабочихъ рукахъ издавна пріучилъ къ хозяйству наемными рабочими, такъ и потому, что въ средѣ дворянъ Александровскаго уѣзда, заправлявшихъ земскимъ дѣломъ, встрѣчалось не мало истинно просвѣщенныхъ лицъ, во-время понявшихъ, что имущественная интеллигенція можетъ удержать за собою значеніе въ странѣ не на искуственныхъ, крайне ненадежныхъ подпоркахъ закона, въ видѣ привилегій, но только честнымъ служеніемъ интересамъ

большинства населенія, вызывающимъ довѣріе и расположеніе въ массѣ. Такъ какъ огромное большинство населенія Александровскаго уѣзда, какъ и всей Россіи, принадлежитъ къ крестьянскому сословію, то александровское земство относилось всегда съ особеннымъ вниманіемъ къ крестьянскому населенію, въ ущербъ непосредственнымъ, узко-сословнымъ матеріальнымъ интересамъ дворянъ. Къ этому мы спѣшимъ добавить, что гласные отъ крестьянъ отвѣчали на это не стремленіемъ владычествовать, во имя своей подавляющей численности, не пренебреженіемъ къ интересамъ землевладѣльцевъ, но признательностію къ руководящему сословію и справедливостію по отношенію къ нему. Такъ въ своемъ мѣстѣ читатель убѣдится, напримѣръ, въ томъ, что въ одномъ, совершенно спеціальномъ случаѣ, земскимъ собраніемъ была установлена *регрессивная* повинность, размѣръ которой уменьшался съ возрастаніемъ размѣровъ землевладѣнія, и протоколы собранія свидѣтельствуютъ о томъ, что *всѣ* говорившіе въ собраніи *гласные изъ крестьянъ*, а ихъ было не мало, выражали сочувствіе къ регрессивности повинности по истребленію сусликовъ и поддерживали ее. Но, оставляя пока въ сторонѣ разъясненіе этого весьма любопытнаго вопроса, мы обратимся теперь къ отношенію земскаго собранія, руководимаго дворянами, къ крестьянскому населенію и его самоуправленію.

Независимо отъ огромной затраты на переложеніе натуральной подводной повинности въ денежную, отъ субсидіи для облегченія отбыванія крестьянами этапной повинности, отъ значительныхъ ассигновокъ на школы и ссудо-сберегательныя товарищества, отъ выдачи пособія сельскимъ обществамъ для уплаты за квартиры полицейскихъ урядниковъ, отъ значительныхъ затратъ на участіе въ дорожной повинности, александровское земское собраніе никогда не считало нарушеніемъ закона, вторженіемъ въ неподлежащее вѣдѣнію его сословное учрежденіе—заботу о крестьянскихъ обществахъ и крестьянскомъ самоуправленіи. Такъ, напримѣръ, еще задолго до измѣненія сроковъ взноса податей по закону, этотъ вопросъ былъ возбужденъ въ александровскомъ земскомъ собраніи мировымъ посредникомъ, просившимъ заступничества земства за государственныхъ крестьянъ, которыхъ законъ обязывалъ вносить подати каждые 15 дней, но съ тѣмъ, чтобы при этомъ въ волости никогда не накоплялось болѣе ста рублей денегъ. Изъ этого вытекало едва вѣроятное стѣсненіе для крестьянъ: если 1-го числа какого-нибудь мѣсяца въ кассѣ оказывалось всего хоть 5 рублей, то ихъ слѣдовало немедленно везти въ уѣздный городъ, расположенный на окраинѣ уѣзда, за 120 и даже гораздо болѣе этого верстъ отъ множества мѣстностей уѣзда; если же затѣмъ на слѣдующій день собиралось въ кассу до 100 рублей, то уже, не выжидая пятнадцатаго числа, слѣдовало вновь везти эти деньги. Александровское земство ходатайствовало объ отмѣнѣ этого порядка и не безъ успѣха. Въ другую сессію собранія другой мировой посредникъ доложилъ о своихъ успѣхахъ по переложенію самими крестьянскими обществами въ

своей средѣ дорожной повинности въ денежную. Земство, впослѣдствіи принявшее участіе въ этомъ дѣлѣ денежною затратою, теперь отнеслось сочувственно къ докладу посредника и поручило управѣ обратить на него вниманіе остальныхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда. Мы не скоро кончили бы, еслибы пожелали перечислить всѣ случаи, въ которыхъ обрисовалось вниманіе земскаго собранія къ нуждамъ крестьянъ, а потому закончимъ указаніемъ на то, что земская почта въ уѣздѣ, съ весьма любопытною организаціей которой мы ознакомимся впослѣдствіи, принимаетъ пересылку денегъ, съ гарантіею земства, только не выше 25 рублей, т.-е. преимущественно, если не исключительно, отъ крестьянъ.

Любопытно еще остановиться на томъ, какъ александровскому земскому собранію пришлось въ 1875 г. отстаивать волостныхъ старшинъ отъ екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія, передавшаго на обсужденіе уѣздныхъ земскихъ собраній вопросъ о томъ, чтобы волостные старшины и волостные писаря, которые «для земскаго дѣла въ собраніяхъ вовсе безполезны (?!!)», не могли быть избираемы въ гласные въ виду того, что «съ одной стороны они состоятъ въ нѣкоторомъ подчиненіи управамъ, а съ другой — являются въ собраніи равноправными членами и за столкновеніе съ членомъ управы по прямымъ своимъ обязанностямъ могутъ изъ мести (?) массою крестьянскихъ голосовъ вредить правильности хода земскаго дѣла», т.-е. объяснить, напримѣръ, добавимъ мы, какіе туманные и ни мало не вытекающіе изъ дѣйствительности, но направленные тѣмъ не менѣе противъ земскаго согласія вопросы могутъ возбуждаться въ екатеринославскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Весьма характеристичнымъ для александровскаго земскаго собранія представляется то, что въ его средѣ не иной кто, какъ предводитель дворянства и за нимъ еще трое изъ дворянъ возражали — противъ исключенія волостныхъ старшинъ и писарей изъ земскихъ собраній, указывая на то, что эти лица облечены общественнымъ довѣріемъ, что между ними есть грамотные и развитые люди, что они не только не безполезны, но крайне желательны въ собраніи, какъ лучшіе проводники земскихъ постановленій въ народныя массы; что, наконецъ, принятіе такой мѣры было бы крайнею несправедливостію и могло бы повести къ утратѣ въ глазахъ крестьянъ значенія и вліянія земства. Собраніе единогласно согласилось съ приведенными доводами *).

---

*) Признавая совершенно неосновательнымъ доводъ екатеринославскаго губернскаго земскаго собранія, приведенный въ доказательство необходимости отстранить отъ участія въ земскихъ собраніяхъ волостныхъ старшинъ и писарей, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можемъ согласиться съ мнѣніемъ александровскаго земскаго собранія и, повидимому, самого почтеннаго автора о полезности участія этихъ должностныхъ лицъ въ средѣ земскихъ собраній. Не только не могутъ они, являясь въ земское собраніе, „*мстить*“ личному составу управы и тѣмъ вредить правильности хода земскихъ дѣлъ, но потому, наобо-

Желая говорить объ отношенiи земства къ крестьянскому самоуправленiю, какъ объ одной изъ причинъ, обусловливавшихъ успѣхъ земской дѣятельности, мы старались пообстоятельнѣе выяснить точку зрѣнiя александровскаго земства на нужды крестьянъ для того, чтобы не вводить читателя въ заблужденiе—для того, чтобъ онъ крайне неблагосклонные отзывы земства о крестьянскихъ порядкахъ не отнесъ къ предвзятому предубѣжденiю противъ крестьянства, къ сожалѣнiю, обнаружившемуся въ нѣкоторыхъ, хотя и немногихъ, земскихъ собранiяхъ Россiи. Александровское земство старалось не устранить или разрушить самоуправленiе крестьянъ, но улучшить его.

Неоднократно жаловалась управа собранiю на неисполненiе волостными правленiями законныхъ требованiй управы. *Сами крестьяне* заявляли въ собранiи о томъ, что безконтрольное назначенiе и увольненiе сельскими обществами писарей ведетъ нерѣдко къ величайшимъ безобразiямъ, къ чему мировой посредникъ добавилъ, что на всѣ убѣжденiя его уволить писаря-пьяницу сельское общество отвѣчало ему, что писарь этотъ «человѣкъ добрый». Неурядица въ волостныхъ и сельскихъ кассахъ доходила до того, что въ 1871 г. собранiе ходатайствовало о подчиненiи ихъ надзору земскихъ учрежденiй. Въ 1874 г. управа прямо заявила собранiю, что «пьяные и недобросовѣстные писаря и урядники, вмѣсто законнаго содѣйствiя члену управы, ревизующему хлѣбные магазины, наносили ему самыя грубыя оскорбленiя», примѣръ чего представился съ членомъ управы изъ крестьянъ. Тогда же управа описывала собранiю волостную

ротъ, волостные старшины не должны быть избираемы въ гласные, что, благодаря ихъ нынѣшней вполнѣ неправильной служебной постановкѣ, они находятся въ слишкомъ тѣсной зависимости отъ всѣхъ и каждаго,—зависимости, лишающей ихъ возможности пользоваться правами гласнаго самостоятельно, по убѣжденiю, по указанiю ихъ совѣсти, и обращающей ихъ въ слѣпое орудiе наиболѣе влiятельнаго изъ мѣстныхъ начальствующихъ лицъ. Только тогда, когда будетъ произведено коренное преобразованiе крестьянскаго управленiя, когда будетъ снята съ него опека многочисленныхъ и разнородныхъ вѣдомствъ, когда волостной старшина будетъ *дѣйствительнымъ* избранникомъ волости, когда онъ будетъ освобожденъ отъ тяготѣющей нынѣ надъ нимъ ферулы исправника, приравнивающей его къ прочимъ чинамъ сельской полицiи,—охотно признаемъ мы волостныхъ старшинъ хорошими, какъ говоритъ авторъ, проводниками земскихъ постановленiй въ народныя массы, лицами облеченными общественнымъ довѣрiемъ и посему полезными и желательными гласными. Но до тѣхъ поръ, пока волостной старшина есть не болѣе какъ одинъ изъ младшихъ чиновъ мѣстной полицiи, мы желали бы видѣть его включеннымъ въ 36 статью Полож. о зем. учрежд., наравнѣ съ губернаторами, исправниками, становыми и tutti quanti. Что же касается до писарей, то думаемъ, что ни по существу ихъ обязанностей, ни по условiямъ ихъ службы, ни по нравственнымъ качествамъ большинства изъ нихъ—нѣтъ основанiя считать ихъ лицами облеченными общественнымъ довѣрiемъ и могущими быть болѣе другихъ полезными гласными.

Ред.

арестантскую, какъ мрачный, зловонный и душный вертепъ въ сорокъ квадратныхъ аршинъ, въ которой содержатся безъ наръ, на пучкахъ гнилой соломы до 15 арестантовъ, безъ различія половъ и возрастовъ. Въ 1879 г. управа, обращаясь къ гласнымъ отъ крестьянъ и землевладѣльцевъ, начинала одинъ изъ своихъ докладовъ слѣдующими словами: «Еслибы кого бы то ни было изъ васъ, гг. гласные, спросить, что составляетъ одну изъ самыхъ ужасныхъ язвъ, одолѣвающихъ наше крестьянское сословіе, то вы, несомнѣнно, отвѣтили бы: пьянство. Это несчастіе, эта болѣзнь,—продолжаетъ управа,—идетъ прогрессивно: пьянствуетъ все народонаселеніе почти поголовно, пьютъ даже дѣти... Что касается волостнаго суда, то тамъ не только обвиняемые совершаютъ проступки вслѣдствіе чрезмѣрнаго употребленія спиртныхъ напитковъ, но сами судьи, въ большинствѣ случаевъ, отправляютъ судъ въ пьяномъ видѣ». Управа предлагаетъ бороться съ этимъ зломъ не только радикальными, но медленно дѣйствующими средствами, каковы школы, но и весьма дѣйствительнымъ палліативомъ—устройствомъ, при содѣйствіи земства, *чайныхъ* харчевень въ деревняхъ, что вполнѣ соотвѣтствовало бы вкусамъ народа. Собраніе, согласившись съ предложеніемъ управы, постановило ходатайствовать о разрѣшеніи земству открыть чайныя по уменьшенной платѣ за патенты, но, судя по тому, что до сихъ поръ ни о какихъ чайныхъ не слышно, а кабаки по-прежнему процвѣтаютъ, ходатайство земства не было уважено.

Легко себѣ представить, насколько при полной неурядицѣ крестьянскаго самоуправленія, тормозившей земское дѣло, препятствія, встрѣчаемыя земскими учрежденіями, возрастали вслѣдствіе пьянства. Послушаемъ, напримѣръ, какъ жаловался собранію предсѣдатель училищнаго совѣта въ 1873 г. Указавъ на то, что совѣтъ встрѣчаетъ постоянныя препятствія въ сельской администраціи и даже иногда противодѣйствіе старшинъ, старостъ, а въ особенности писарей, предсѣдатель училищнаго совѣта изъ земскихъ гласныхъ заявляетъ, что «повѣрить трудно, до какихъ безобразій доходила невнимательность сельской администраціи: въ иныхъ школахъ сторожа нѣтъ; въ другихъ—воды нѣтъ и дѣти, чтобы напиться, бѣгутъ домой; въ третьихъ—дня по 3, по 4 не отапливають, окна выбиты, по мѣсяцу не добьются того, чтобы школу снабдили мѣломъ, чернилами и проч.... Необходимо желать,—продолжаетъ г. предсѣдатель совѣта,—чтобы сельскіе урядники были болѣе подчинены училищному совѣту». Къ такому же, даже еще болѣе радикальному, заключенію пришла въ 1874 году александровская управа, по предложенію которой собраніе ходатайствовало,—по нашему мнѣнію, неосновательно,—о предоставленіи уѣзднымъ управамъ права подвергать волостныхъ и сельскихъ урядниковъ взысканіямъ и представлять ихъ къ увольненію отъ должностей. Но, не касаясь теперь вопроса о преобразованіи нашего крестьянскаго самоуправленія, какъ чрезвычайно сложнаго, въ настоящемъ случаѣ намъ достаточно остановиться на томъ безспорномъ фактѣ, выясняющемся и

изъ протоколовъ истинно-земскаго собранія,—на томъ, что еще не сложившееся самоуправленіе крестьянъ, предоставленное самому себѣ, служило однимъ изъ наиболѣе неблагопріятныхъ условій, отъ которыхъ зависѣла степень успѣха земскаго дѣла, всю обстановку котораго мы теперь уже настолько изучили, что можемъ приступить къ обзору самой дѣятельности земства.

При этомъ мы просимъ читателей не терять изъ виду ни на минуту того, сколько затрудненій приходилось преодолѣвать земству, какъ видно изъ вышеизложеннаго, благодаря унаслѣдованной имъ бѣдности и дезорганизаціи, благодаря недостаточной подготовкѣ къ дѣлу самихъ дѣятелей и, наконецъ, благодаря недостаточности содѣйствія со стороны администраціи и крестьянскаго самоуправленія.

V.

Предметы вѣдомства земства.

1. *Земское самоустроеніе.*

Къ 6 апрѣля 1866 года, дню открытія земскихъ учрежденій въ Александровскомъ уѣздѣ, съѣхалось 54 гласныхъ изъ 60, въ то время опредѣленныхъ по закону для уѣзда. Что привлекло такое небывалое число гласныхъ — новизна ли, любопытство ли, или сочувствіе къ предстоявшему дѣлу, рѣшить трудно, но достовѣрно то, что съ тѣхъ поръ никогда болѣе гласные не съѣзжались въ такомъ числѣ. Уже для участія въ первомъ *очередномъ* собраніи того же 1866 года прибыло не 54 гласныхъ, а всего 32, что произвело впечатлѣніе на членовъ земскаго собранія, при всеобщемъ сочувствіи которыхъ однимъ изъ гласныхъ было выражено порицаніе неявившимся сотоварищамъ; съ негодованіемъ указывали при этомъ на то, что 17 гласныхъ не представили даже управѣ никакихъ уважительныхъ причинъ, помѣшавшихъ имъ принять участіе въ собраніи; тогда предлагали даже ходатайствовать о разрѣшеніи штрафовать гласныхъ, не являющихся въ засѣданіе безъ уважительныхъ къ тому причинъ. Но собраніе на первый разъ ограничилось порученіемъ управѣ сообщить пунктъ протокола, касавшійся неявки, въ копіи всѣмъ не явившимся гласнымъ. Такая мѣра нисколько однако не воспрепятствовала тому, что къ открытію втораго очереднаго собранія изъ 60 гласныхъ явилось только 37; вопросъ о неявкѣ и штрафахъ болѣе не обсуждался и стали свыкаться съ крайне неправильнымъ представленіемъ о томъ, что участіе въ земскомъ собраніи составляетъ только право, а не *обязанность*, подлежащую непремѣнному исполненію.

Становилось очевиднымъ съ перваго шага, что людей, желающихъ и могущихъ принести пользу обществу, у насъ такъ мало, что слѣдуетъ особенно дорожить тѣми немногими, которые берутся за дѣло, и стараться привлекать новыхъ дѣятелей въ земское собраніе. Вотъ почему однимъ

изъ гласныхъ было предложено ходатайствовать объ измѣнiи 21 статьи Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, допускающей въ земское собраніе арендаторовъ земли не иначе, какъ въ-замѣнъ собственниковъ ея, по ихъ полномочію. Указывая на значеніе арендаторовъ въ многоземельномъ краю, докладчикъ останавливалъ вниманіе собранія на томъ, на сколько несправедливо, чтобы рѣзка 2.000 валуховъ въ годъ, представляя годовой оборотъ въ 6.000 рублей, по закону давала право на участіе въ избирательномъ съѣздѣ и чтобы въ то же время были исключены изъ него, бывшіе въ то время въ уѣздѣ, два арендатора, окончившіе курсъ—одинъ въ высшемъ, а другой въ среднемъ учебномъ заведеніи, и теперь уже 18 лѣтъ арендующіе семь тысячъ десятинъ земли... Докладчикомъ былъ обстоятельно проектированъ новый текстъ закона для подробнаго опредѣленія правъ арендаторовъ, при полномъ огражденіи правъ землевладѣльцевъ, вѣрителей ихъ; но большинствомъ одного голоса предложеніе это было отвергнуто собраніемъ.

Съ самаго начала дѣла, не выжидая указа сената о производствѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ, александровское земство приняло проектированныя однимъ изъ гласныхъ обстоятельныя «правила о порядкѣ засѣданія», составленныя, какъ выражалось собраніе, по желанію «1) содѣйствовать въ возможно полному и безпристрастному обсужденію вопросовъ, разсматриваемыхъ собраніемъ, 2) оградить свободу слова каждаго изъ членовъ и 3) *поддержать распорядительную власть предсѣдателя*, такъ какъ безъ порядка невозможенъ успѣхъ дѣла». Мы подчеркиваемъ слова, выражавшія взглядъ собранія на власть предсѣдателя, для того, чтобы стало ясно читателю, что земство не собиралось установлять безначаліе и что поэтому указъ сената, предоставлявшій огромный просторъ произволу предсѣдателя, къ тому же еще не избраннаго собраніемъ, а потому могущаго и не заслуживать довѣрія его,—не вытекалъ изъ того, какъ направилось дѣло въ александровскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи и однородныхъ съ нимъ другихъ земскихъ собраніяхъ въ Россіи. Когда въ 1867 г. по закону весь порядокъ засѣданія былъ поставленъ въ зависимость не отъ собранія, но отъ предсѣдателя его, то *раньше* этого составленныя земствомъ правила оказались на столько умѣренными, что предсѣдателю осталось лишь утвердить ихъ почти безъ измѣненія и отъ лица своего признать ихъ обязательными для собранія. Существенною оказалась только одна перемѣна, состоявшая въ томъ, что до указа сената не предсѣдатель, а собраніе могло постановить о томъ, что извѣстный вопросъ долженъ обсуждаться при закрытыхъ дверяхъ. Понятно также, что должны были быть отмѣнены тѣ статьи правилъ, по которымъ собранію, а не предсѣдателю, предоставлялось прекращать пренія по исчерпанному вопросу; но въ правилахъ сохранилась статья, выяснявшая участіе самого предсѣдателя въ преніяхъ собранія, какъ гласнаго, не освобождавшая его отъ соблюденія всѣхъ правилъ, въ этомъ

отношеніи обязательныхъ для гласныхъ. На сколько излишнею оказалась для александровскаго земства драконовская власть предсѣдателя, обнаружилось изъ того, что за 14 лѣтъ предсѣдателю только одинъ разъ пришлось примѣнить власть, предоставленную ему по закону, и этотъ единственный случай, бывшій въ 1868 г., обнаружилъ, какого рода «беззаконіе», не допущенное предсѣдателемъ, затѣвалось въ собраніи. Дѣло было въ томъ, что собраніе постановило благодарить мѣстнаго исправника и мѣстнаго губернатора за успѣшное поступленіе земскихъ сборовъ. На другое утро, по прочтеніи протокола вчерашняго засѣданія, предсѣдатель собранія, ссылаясь на 261 ст. «Сборника циркуляровъ М. В. Д.», тома 3-го (изд. 1853 г.), объяснилъ, что состоявшаяся наканунѣ резолюція о выраженіи признательности исправнику и начальнику губерніи, «какъ основанная на актѣ и выражающая одобреніе дѣятельности правительственныхъ лицъ, закономъ не допускается, а потому онъ приглашаетъ собраніе ту часть резолюціи, которая касается обсуждаемаго предмета, отмѣнить». Собраніе безропотно согласилось, не возбуждая вопроса о томъ, на сколько циркуляръ министра, состоявшійся за 11 лѣтъ до открытія земскихъ учрежденій въ Россіи, могъ согласоваться съ «самостоятельностію», приписанною послѣднимъ по создавшему ихъ закону,—собраніе согласилось, желая оградить своего предсѣдателя отъ малѣйшей непріятности,—такъ оно цѣнило его и дорожило имъ.

Дорожа гласностію, наше земство съ самаго перваго дня существованія печатало всѣ протоколы собранія, но съ тѣмъ однако различіемъ, что въ послѣдніе годы секретари собранія, къ сожалѣнію, перестали заносить пренія въ протоколъ, занося лишь резолюціи, да къ тому же крайне часто не мотивируя ихъ; но лѣтъ за десять существуютъ въ печати протоколы собранія съ самымъ обстоятельнымъ изложеніемъ всѣхъ происходившихъ преній. Съ тѣхъ поръ, какъ по закону протоколы подвергаются цензурѣ одного губернатора, печатаніе ихъ проходитъ довольно быстро; но первые протоколы александровскаго земства проходили еще чрезъ общую цензуру, для чего протоколы пересылались въ Одессу, за 500 верстъ, при отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, и на эту операцію затрачивался, считая и напечатаніе самой брошюры, цѣлый годъ. О томъ, до чего доходилъ произволъ губернатора съ тѣхъ поръ, какъ ему одному было предоставлено право цензуровать протоколы земства, мы уже имѣли случай упомянуть; здѣсь же добавимъ, для характеристики, то, напримѣръ, что *губернскимъ* земскимъ собраніемъ былъ переданъ на обсужденіе уѣзднаго собранія вопросъ о томъ, желательно ли ходатайствовать о введеніи смертной казни въ Россіи (!!) за извѣстныя преступленія. Александровское уѣздное земское собраніе, не ограничиваясь выраженіемъ несочувствія къ смертной казни, указало и на то, что самый вопросъ, по его мнѣнію, не подлежитъ обсужденію земскаго собранія; тогдашній губернаторъ, пропустивъ въ печать постановленіе губернскаго земскаго со-

бранія, отнесшееся сочувственно къ смертной казни, не пропустилъ въ печать того постановленія уѣзднаго собранія, которымъ оно отказывалось отъ резолюціи по этому вопросу, какъ выходящему изъ предѣловъ вѣдомства его.—Но все это не сокрушало энергіи земства; оно печатало свои протоколы и дожило до лучшихъ временъ съ замѣною тогдашняго начальника губерніи новымъ.

Говоря о томъ, какъ слагался самый административный механизмъ земства, мы отъ собранія перейдемъ къ управѣ; но прежде этого мы должны остановиться на вопросѣ, долго занимавшемъ уѣздное собраніе, на правѣ назначать суточныя деньги губернскимъ гласнымъ, къ сожалѣнію, и по настоящее время не допускаемомъ по закону. Первоначально дѣло стояло весьма просто: полагая, что законъ, высказавшись о томъ, что гласные не получаютъ «содержанія», т. е. вознагражденіе за трудъ, этимъ самымъ отнюдь не воспрещаетъ ассигновку на ихъ расходы; полагая, кромѣ того, что гласный, назначенный въ уѣздное собраніе, служитъ представителемъ своихъ избирателей, которые и могутъ, если пожелаютъ, оплачивать его должностные расходы; полагая также, что лица, назначаемыя въ *губернское* собраніе, служатъ представителями *всего* избирающаго ихъ уѣзднаго земства и, наконецъ, что суточныя деньги должны быть опредѣлены въ самомъ скромномъ размѣрѣ для того, чтобы званіе гласнаго не могло стать предметомъ спекуляціи,—александровское земство постановило, предъ самымъ первымъ выборомъ губернскихъ гласныхъ, не платить суточныхъ денегъ членамъ уѣзднаго собранія, а выдать каждому изъ губернскихъ гласныхъ по 12 рублей на проѣздъ въ губернскій городъ и обратно и по 3 рубля въ сутки на квартиру, харчи и прочіе расходы въ Екатеринославлѣ на все время засѣданія губернскаго собранія. Но послѣ этого состоялся указъ сената, по которому означенное постановленіе признано неправильнымъ, такъ какъ сенатъ предоставилъ только *обществамъ* право назначать суточныя деньги своимъ представителямъ въ земствѣ, но не земскимъ собраніямъ.—Тогда же александровское земство ходатайствовало объ отмѣнѣ стѣснительнаго указа, дорожа тѣмъ, чтобы въ губернское собраніе могли проходить и недостаточные люди всѣхъ сословій, и принимая во вниманіе, что еслибы, напримѣръ, личный землевладѣлецъ изъ крестьянъ былъ избранъ въ *уѣздные* гласные на съѣздѣ землевладѣльцевъ, а не сельскихъ обществъ, и затѣмъ въ губернскіе гласные назначило бы его уѣздное собраніе, то ни дворянское общество, ни сельскія не имѣли бы основанія выдавать ему суточныя деньги. Но оказалось, что и въ губернскомъ земскомъ собраніи возникъ вопросъ о необходимости ходатайствовать о разрѣшеніи выдавать суточныя деньги губернскимъ гласнымъ, но это предложеніе было отвергнуто губернскимъ собраніемъ. Вслѣдствіе этого уѣздное земское собраніе, въ 1866 г. ходатайствовавшее, черезъ годъ узнало о томъ, что начальникомъ губерніи, въ виду резолюціи *губернскаго* собранія, вовсе не представлено высшему

правительству, независимое отъ губернскаго, ходатайство *уѣзднаго* земскаго собранія. Еще годомъ позже, въ 1868 г., александровское земство возобновило свое ходатайство, но тщетно. Между тѣмъ въ томъ же году уже обнаружились на практикѣ результаты отъ такого толкованія закона, которое, препятствуя назначенію суточныхъ денегъ, превратило губернскія *земскія* собранія въ *дворянскія*: при первыхъ выборахъ были избраны въ губернскіе гласные, въ числѣ другихъ, священникъ и крестьянинъ, которые могли принять выборъ, въ виду ассигнованныхъ путевыхъ и суточныхъ денегъ; при слѣдующихъ же выборахъ губернскіе гласные избраны исключительно изъ дворянъ и еще годомъ раньше нѣкоторые изъ губернскихъ гласныхъ, убѣдившись въ невозможности приносить пользу въ губернскомъ собраніи, при сословности характера послѣдняго, просили уволить ихъ отъ званія губернскаго гласнаго.

Обращаясь къ организаціи управы, мы можемъ остановить вниманіе читателя на томъ, что первоначально александровское земство, послѣ продолжительныхъ преній, опредѣлило председателю и членамъ жалованье въ равномъ размѣрѣ, желая указать на то, чтобы работа не падала на одного предсѣдателя, какъ это слишкомъ часто бываетъ въ нашихъ коллегіальныхъ учрежденіяхъ; но это продержалось лишь три года и затѣмъ сила укоренившагося обычая взяла свое.

Вмѣсто того, чтобы производить ревизію управы, какъ обыкновенно это дѣлается, во время самаго засѣданія собранія, т. е. поверхностно, по недостатку времени, александровское земство съ самаго начала избрало коммиссію, которую назвало *совѣщательно*-ревизіонною, поручивъ управѣ призывать ее въ промежутокъ между двумя сессіями собранія для совѣщанія по особо важнымъ вопросамъ и обязавъ коммиссію съѣзжаться за 6 дней до созыва собранія для производства ревизіи. Но, сильные тѣмъ, что мы умѣемъ рвануть, а еще не умѣемъ везти, это учрежденіе продержалось лишь три года въ видѣ коммиссіи, весьма обстоятельно разрабатывавшей отчетъ управы, ревизовавшей ее и совѣщавшейся съ нею по особо важнымъ вопросамъ, подлежавшимъ обсужденію предстоявшаго собранія; позже было возстановлено названіе этой коммиссіи, но не воскресли функціи ея.

Для исполненія порученій земства, уѣздное земское собраніе первоначально избрало 17 гласныхъ и, признавая крестьянъ весьма полезными слугами земства и желая выразить эту мысль самыми выборами, въ число 17 гласныхъ, облеченныхъ особымъ довѣріемъ земства, провело 11 гласныхъ изъ крестьянъ. Черезъ три года земское собраніе новаго состава признало «всѣхъ гласныхъ обязанными исполнять порученія управы, если таковыя будутъ даны». Непрактичность этой мѣры, состоящая въ томъ, что управа никакъ не гарантирована противъ отказа намѣченнаго ею гласнаго исполнить такое-то порученіе, на что меньше шансовъ при выборѣ для того спеціальныхъ гласныхъ самимъ собраніемъ, ослаблялась

тѣмъ, что по мѣрѣ того, какъ разрасталась земская дѣятельность, уѣздъ подраздѣлялся на множество участковъ съ особыми спеціальными цѣлями, изъ которыхъ каждый ввѣрялся особому блюстителю по назначенію управы. Тутъ-то и сказалась вся сила самоуправленія, которое можетъ создать цѣлый легіонъ наблюдателей, не издерживая на то денегъ и не создавая тѣмъ чиновничества и неразлучнаго съ нимъ административнаго пролетаріата: въ уѣздѣ возникли особые «директоры земскихъ станцій», особые «попечители школъ», особые «овражковые попечители» (овражками малороссы называютъ сусликовъ); возникли «продовольственные участки»; «санитарные» участки—въ числѣ 30 въ уѣздѣ, въ вѣдѣніи каждый особаго попечителя—входятъ въ составъ нѣсколькихъ «врачебныхъ участковъ», изъ которыхъ во главѣ каждаго стоитъ земскій врачъ, предсѣдательствующій въ санитарномъ комитетѣ своего участка; въ обязанность попечителя каждаго санитарнаго участка входитъ немедленное увѣдомленіе управы о появившейся болѣзни и т. п.

Мы можемъ закончить представленную нами характеристику, какъ земство организовало свой собственный механизмъ, указаніемъ на то, что въ послѣднее время александровское земство соорудило за 26.000 руб. удобный домъ для засѣданій собранія, управы и суда и что оно вступило членомъ въ екатеринославское общество взаимнаго кредита съ правомъ кредитоваться до 15 тысячъ рублей, но до 1879 г. этимъ правомъ еще не воспользовалось.

2. *Земскій бюджетъ.*

Земскія учрежденія, открывая возможность къ удовлетворенію насущнѣйшихъ нуждъ населенія, должны были неизбѣжно стать новымъ благомъ, но въ то же время и новымъ бременемъ для населенія, такъ какъ до введенія ихъ существовали лишь самые ничтожные сборы на мѣстныя потребности, а съ началомъ самоуправленія денежныя повинности должны были возрасти тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе земство заботилось объ удовлетвореніи мѣстныхъ потребностей, на сколько послѣднее доступно мѣстнымъ платежнымъ силамъ. Такимъ представляется дѣло, если всматриваться только въ *денежныя* смѣты и раскладки земства; если же принять въ разсчетъ то, что земство не въ правѣ вводить натуральныхъ повинностей, ложившихся весьма тяжелымъ бременемъ на «податныя сословія», т. е. на огромное большинство плательщиковъ, но въ правѣ перелагать натуральныя повинности въ денежныя, привлекая въ такомъ случаѣ къ нимъ не одни «податныя сословія», но *всѣхъ* собственниковъ безъ изъятія, кромѣ церкви; если принять при этомъ въ разсчетъ, что затраты на больницы и докторовъ, на ссудныя товарищества, на организацію почты, на улучшеніе сельскаго хозяйства и борьбу съ врагами его приносятъ значительный доходъ, въ видѣ сокращенія расходовъ каждаго изъ жителей, — то въ окончательномъ выводѣ земское самоуправленіе,

пользующееся своимъ правомъ обращенія натуральныхъ повинностей въ денежныя и введенія въ уѣздѣ производительныхъ учрежденій,—не можетъ оказаться экономическимъ бременемъ для большинства населенія; только меньшинство его, при старыхъ порядкахъ, слишкомъ долго обложенное лишь ничтожными, по размѣрамъ имущества, повинностями, можетъ оказаться въ денежномъ отношеніи въ накладѣ отъ введенія земскихъ учрежденій, выигрывая, впрочемъ, въ свою очередь, отъ подъема общей культуры, неразлучнаго съ развитіемъ самоуправленія.

Александровскій уѣздъ, въ составѣ 875.998 десятинъ земли, подлежащихъ обложенію, за выдѣленіемъ изъ него Маріупольскаго уѣзда, достигъ въ 1879 г. смѣты въ 128.640 руб., изъ которыхъ почти двѣ трети идутъ на удовлетвореніе *необязательныхъ*, по закону, статей расхода, именно 80.618 рублей въ годъ. Замѣтимъ при этомъ, что землевладѣльцы изъ дворянъ, которые менѣе всѣхъ другихъ выигрываютъ *непосредственно* отъ устройства школъ, ссудныхъ товариществъ, облегченія натуральной повинности и многихъ другихъ расходовъ земства, являются главными плательщиками въ уѣздѣ, взнося ежегодно въ земскую кассу 57.710 р. 91 коп. отъ 473.817 принадлежащихъ имъ десятинъ земли, между тѣмъ какъ у крестьянъ, у которыхъ земли примѣрно на 120.000 десятинъ меньше, платятъ поэтому только 43.360 рублей 56 коп. въ годъ. Эти же землевладѣльцы изъ дворянъ стоятъ въ главѣ земскаго собранія не только по умственному развитію своему, но и располагаютъ большинствомъ голосовъ; слѣдовательно, не пожелай онаго дворяне, не пойми они своей *истинной* пользы, задайся они узкосословными и въ концѣ концовъ для нихъ же пагубными интересами, то и въ Александровскомъ уѣздѣ было бы то, что творится въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губерніи, гдѣ земство въ теченіе четырнадцати лѣтъ затрачиваетъ по 60 (sic!) рублей въ годъ на народное образованіе.

Если опредѣленіе статей расхода зависѣло, съ одной стороны, болѣе или менѣе отъ доброй воли и степени развитія руководителей земства, то съ другой—оно сдерживалось, въ ущербъ пользѣ дѣла и большинству населенія, невозможностію, по закону, привлечь въ надлежащей мѣрѣ къ уплатѣ земскихъ налоговъ всѣ доходы въ уѣздѣ. Такъ, напримѣръ, покажется невѣроятнымъ, чтобы въ Александровскомъ уѣздѣ, гдѣ городъ Александровскъ, обладая пароходною пристанью, желѣзною дорогой и нѣсколькими конторами для закупки хлѣба и гдѣ есть села, ведущія весьма значительную лавочную и иную торговлю, не упоминая о множествѣ наживающихся винныхъ складахъ,—чтобы въ такомъ уѣздѣ весь торговый міръ, никакъ не менѣе землевладѣльцевъ изъ дворянъ пользующійся всѣмъ, что устраивается земствомъ, уплачивалъ всего одну шестнадцатую часть всего земскаго бюджета или седьмую часть того, что платятъ ежегодно помѣщики. При этомъ мы добавили къ 4.710 рублямъ $73^{3}/_{4}$ к., ежегодно взимаемымъ земствомъ съ торговыхъ свидѣтельствъ,

около 3.000 рублей изъ числа падающихъ на недвижимыя, не поземельныя, имущества въ уѣздѣ; что же сказать, если отнести собственно къ участію торговаго міра въ земскомъ бюджетѣ только вышеуказанные 4.710 рублей, падающіе на торговыя свидѣтельства, билеты и патенты? — Въ такомъ случаѣ окажется, что у всего торговаго люда Александровскаго уѣзда предполагается доходъ почти въ 14 разъ меньшій, нежели у совокупности тѣхъ помѣщиковъ, которые состоятъ у него въ рукахъ, такъ какъ торговый міръ оплачиваетъ только 1/23 долю земскаго бюджета. Не знаемъ, на сколько цѣлесообразно возвращаться теперь вновь къ чрезвычайной стѣснительности для земства закона 1866 года, не дозволившаго земству облагать доходы купеческаго сословія, не дозволившаго земству облагать даже промышленныя заведенія по ихъ доходности, но обязавшаго облагать послѣднія только по ихъ цѣнности и взимать съ лицъ, занимающихся торговлей, не болѣе извѣстнаго процента съ пошлинъ за свидѣтельства, уплачиваемыхъ ими въ казну. Мы не знаемъ, на сколько послушаются въ этомъ отношеніи голоса печати, такъ какъ еще въ текущемъ году, при возвышеніи пошлинъ за гильдейскія свидѣтельства, вновь подтверждено, чтобы земство не взимало болѣе разрѣшенной ему нормы и даже чтобы на надбавленный теперь платежъ за купеческія свидѣтельства въ казну вовсе не падало земскаго налога. Тѣмъ не менѣе мы не считаемъ себя въ правѣ молчать, такъ какъ историческій обзоръ дѣятельности александровскаго земства еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, на сколько въ 1866 году были правы печать и все русское земство, встрѣтившія законъ, до нельзя ограничившій права земства по отношенію къ купеческимъ доходамъ, единодушными и не скоро замолкнувшими сѣтованіями.

Насколько при этомъ земство ошиблось въ разсчетахъ, не предвидѣвъ возможности закона 21 ноября 1866 г., видно, напримѣръ, хотя изъ того, что первая раскладка александровскаго земства, составленная въ октябрѣ 1866 года, за мѣсяцъ до законодательныхъ ограниченій, передѣлывалась въ губернскомъ земскомъ собраніи, которое, постановивъ о томъ, что половину изъ разрѣшенной по закону нормы оно оставляетъ для губернскаго земскаго сбора, сократило уѣздную раскладку на 19.687 р. 78 к. въ такое время, когда вся уѣздная смѣта составляла только 89.328 р. 34 коп., т. е. болѣе чѣмъ на 22%. Правда, что городскіе гласные въ уѣздномъ собраніи старались уменьшить предположенную раскладку, но, не приводя никакихъ убѣдительныхъ данныхъ и далеко не въ такомъ размѣрѣ, какъ состоялось уменьшеніе по закону и за земскимъ обѣдомъ, отчетъ о которомъ приложенъ къ протоколамъ собранія, уполномоченный отъ александровскаго городскаго общества благодарилъ собраніе «за сочувствіе къ интересамъ города и за земское согласіе, водворившееся въ собраніи».

Какъ бы то ни было, но александровскому земству оставалось облагать одну землю и всѣ свѣдѣнія о девяти разрядахъ заводовъ, пяти разря-

дахъ мельницъ и 12 разрядахъ промысловыхъ заведеній въ уѣздѣ, собранныя управою съ большимъ трудомъ, ни къ какому практическому результату, что касается распредѣленія налоговъ, не повели. При обложеніи одной лишь земли опредѣленіе доходности ея въ 1866 г. не представляло затрудненій, при однообразіи земель уѣзда и отсутствіи кадастра; но и по настоящее время земли облагаются въ одномъ размѣрѣ въ уѣздѣ, несмотря на появившееся пароходство и на устройство желѣзной дороги, что, казалось бы, должно было повліять на цѣну продуктовъ, сбываемыхъ изъ мѣстъ, ближайшихъ къ улучшеннымъ путямъ сообщенія. Единственною точкой опоры для выясненія различія въ степени доходности степной земли могло бы служить приведеніе въ точную извѣстность движимости, такъ какъ тысяча десятинъ земли, при тонкорунномъ овцеводствѣ, напримѣръ, принесетъ несравненно болѣе дохода, нежели такое же пространство земли, доходность которой зависитъ исключительно отъ крайне шаткаго, по результатамъ, хлѣбопашества, подверженнаго въ степной полосѣ случайностямъ отъ засухи и вредныхъ животныхъ. Однако не только законъ не разрѣшаетъ обложенія налогомъ движимости, которая одна въ настоящее время представляетъ въ селѣ не фиктивную собственность, а дѣйствительно приносящую доходъ, но и александровское земство, по причинамъ, нами и до сихъ поръ еще непонятымъ, отнеслось въ высшей степени несочувственно къ первому намеку одного гласнаго, еще 14 лѣтъ тому назадъ, на то, что въ будущемъ *быть-можетъ* собраніе признало бы справедливымъ принять въ разсчетъ движимость, при раскладкѣ, а потому было бы благоразумно ходатайствовать во-время о разрѣшеніи обратиться къ такой мѣрѣ. Впрочемъ, при существующихъ условіяхъ, когда управа во многихъ отношеніяхъ не имѣетъ возможности добиться доставленія собственниками вѣрныхъ свѣдѣній объ ихъ имуществѣ, обложеніе чего бы то ни было, кромѣ недвижимаго имущества, чрезвычайно затруднительно. Вотъ почему нельзя не пожалѣть о томъ, что не уважено ходатайство александровскаго земства о томъ, чтобы собственникъ, умышленно скрывшій имущество отъ управы, по закону подвергался уплатѣ двойнаго налога, опредѣленнаго земскимъ собраніемъ на тотъ видъ имущества, въ сокрытіи котораго собственникъ уличенъ. Единственный шагъ впередъ, сдѣланный земствомъ, — что касается приближенія раскладки налоговъ къ дѣйствительной доходности земель, — состоялъ въ томъ, что до земскихъ учрежденій такъ-называемая «неудобная земля», къ которой относились, напримѣръ, и доходныя, по сѣнокошенію, «плавни», признана была удобною и вся вообще земля въ уѣздѣ безъ изъятія была обложена налогомъ съ тѣмъ, что такимъ способомъ количество дѣйствительно непроизводительныхъ пространствъ выяснится всего вѣрнѣе изъ протестовъ самихъ плательщиковъ; но таковыхъ не послѣдовало, такъ какъ и выгонныя земли въ краѣ, въ которомъ такъ сильно развито скотоводство, представляютъ значительную цѣнность и доходность.

Но если земство, ограниченное со всѣхъ сторонъ, ничего не могло сдѣлать для того, чтобы перенести налоги съ номинальной недвижимой собственности и произвольно установленныхъ нормъ платежа въ казну за право торговли на дѣйствительные доходы населенія, то оно широко воспользовалось своимъ правомъ облегчить платежи огромнаго большинства населенія, обременившагося натуральными повинностями. При этомъ земствомъ приняты во вниманіе постепенно всѣ ихъ виды. Напр., хотя квартирной повинности почти не существуетъ въ уѣздѣ, но и тутъ земству удалось оказать услугу тѣмъ, что оно по суду вынудило къ уплатѣ за простой въ крестьянскихъ домахъ солдатъ, поставленныхъ для сооруженія желѣзной дороги. Для облегченія этапной повинности земство на счетъ всего уѣзда наняло потребное число подводъ въ главнѣйшихъ пунктахъ и ассигновало по 150 рублей въ годъ на каждый изъ ночлежныхъ пріютовъ. Желая облегчить дорожную повинность, земство не только приняло на свой счетъ главнѣйшіе мосты и переправы на проселочныхъ дорогахъ, какъ увидимъ ниже, но и ассигновало 2.000 рублей въ годъ на облегченіе тѣхъ селъ, на которыя падаетъ дорожная повинность. Что же касается подводной повинности, состоявшей въ обязанности крестьянъ возить чиновниковъ и пакеты и наиболѣе тяготѣвшей надъ населеніемъ, то земство переложило ее въ денежную, не побоявшись внести для этого въ смѣту сразу 76.200 рублей. (Въ то время было въ уѣздѣ, до отдѣленія отъ него Маріупольскаго уѣзда, болѣе полутора милліоновъ десятинъ, подлежавшихъ обложенію.)

Уже до 1866 года эта ужасная повинность, отрывавшая крестьянина безконтрольно отъ полевой работы въ самую горячую пору, почти половиною сельскихъ обществъ уѣзда была обращена въ денежную, но падавшуя исключительно на крестьянъ, причемъ она обходилась въ нѣкоторыхъ селахъ до *трехъ* рублей въ годъ съ души и одного четверика хлѣба съ вѣнчика. Только *половина* обществъ нанимала лошадей, но и такихъ наемныхъ лошадей для перевозки пакетовъ и чиновниковъ было въ уѣздѣ до 740; между тѣмъ какъ первая, по времени, земская управа, благодаря замѣчательной энергіи и неусыпному труду, успѣла организовать эту повинность на *весь* уѣздъ посредствомъ найма всего лишь 364 лошадей.

Но прежде ознакомленія читателя съ самой организаціей этой повинности земствомъ мы должны остановить его вниманіе на томъ, какъ состоялось самое переложеніе ея изъ натуральной въ денежную, такъ какъ этотъ моментъ принадлежитъ къ числу самыхъ свѣтлыхъ въ исторіи нашего земства. Принимая во вниманіе огромность затраты на такой предметъ, отъ оплаты котораго дворянство освобождено по закону, и имѣя въ виду совершенную новость дѣла и потому еще слабо пробудившееся въ большинствѣ сознаніе *земскаго* долга, —руководители собранія сочли неосторожнымъ и вреднымъ для земскаго дѣла агитировать въ пользу

переложенія повинности въ средѣ гласныхъ изъ крестьянъ, которые только могли мечтать объ этомъ, и затѣмъ рѣшить дѣло большинствомъ голосовъ въ собраніи. Въ интересѣ земскаго согласія они предпочли достигнуть *единогласнаго* рѣшенія этого вопроса въ собраніи. Землевладѣльцы изъ дворянъ, всѣ, сколько ихъ было въ собраніи, сами заявили о своей готовности принять на себя третью часть того, во что обойдется подводная повинность въ уѣздѣ, вслѣдствіе чего имъ приходилось платить всего на 1,24 коп. отъ десятины менѣе, чѣмъ крестьянамъ; гласные отъ города сдѣлали то же; гласные отъ крестьянъ благодарили тѣхъ и другихъ въ собраніи и вопросъ прошелъ *единогласно*. Благодаря такой осторожности, пять лѣтъ позже, въ 1871 году, когда уже успѣли освоиться съ дѣломъ, точно также *единогласно* постановлено александровскимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ о томъ, чтобы на будущее время отмѣнить существовавшее до тѣхъ поръ различіе въ обложеніи на подводную повинность между землевладѣльцами и крестьянами и облагать тѣхъ и другихъ на эту потребность земства, какъ и на всѣ прочія, въ равной мѣрѣ.

Благодаря переложенію натуральной подводной повинности, организовалась въ уѣздѣ земская почта, къ ознакомленію съ которой мы и перейдемъ, заканчивая сказанное объ обложеніи земствомъ населенія податями указаніемъ на то, что въ 1879 году уѣздный земскій сборъ въ александровскомъ уѣздѣ составлялъ 12,18 коп. отъ десятины, что, при арендной платѣ въ 2 р. сер. отъ десятины, составляетъ около 6% съ чистаго дохода. Такой налогъ, въ виду всего сдѣланнаго земствомъ, едва ли и скептики признаютъ обременительнымъ; онъ и былъ бы легокъ, еслибы были доходы, а бездоходность частныхъ лицъ естественно отзывается и на земской кассѣ.

3. Земская почта.

Устройство земской почты въ уѣздѣ, совмѣщавшемъ въ себѣ вначалѣ, какъ мы уже говорили, болѣе полутора милліоновъ десятинъ земли, не только ободрило александровское земство, какъ одна изъ первыхъ, по времени, обширныхъ земскихъ операцій въ Россіи, но и выяснило всю мощь самоуправленія по сравненію съ дѣйствовавшею или, вѣрнѣе сказать, бездѣйствовавшею до того времени системою опеки. Хотя земскимъ собраніемъ и было опредѣлено, что содержаніе пары земскихъ почтовыхъ лошадей можетъ обойтись въ 300 рублей въ годъ, но управа достигла того, что пара обошлась только въ 244 р. 40 коп.; это составило экономіи для земства на парѣ лошадей 55 р. 60 коп., а на всей операціи получалось экономіи ежегодно до одиннадцати тысячъ рублей, а за шесть лѣтъ, на которыя управа сдала станціи почтосодержателямъ, земство сберегло экономіи шестьдесятъ шесть тысячъ рублей. Попытавшись назначить торги на содержаніе земскихъ станцій въ уѣздномъ городѣ, управа не

утвердила ихъ, нашедши состоявшіяся на торгахъ цѣны слишкомъ высокими, и назначила новые торги, но уже въ нѣсколькихъ селахъ уѣзда, надѣясь тѣмъ привлечь большее число желающихъ отъ мѣстныхъ хозяевъ и мелкихъ капиталистовъ, сдавая притомъ на торгахъ каждую изъ земскихъ станцій особо. Успѣхъ вполнѣ оправдалъ ожиданія управы: съ 1 августа 1867 года было уже открыто 48 земскихъ станцій въ уѣздѣ, а вскорѣ число ихъ доведено до 61, т. е. въ одномъ *уѣздѣ* возникло болѣе *земскихъ* почтовыхъ станцій съ удовлетворительными лошадьми, почтовыми бричками, станціонными домами и жалобною книгою въ нихъ, чѣмъ было *государственныхъ* почтовыхъ станцій во всей *губерніи*. Для того, чтобъ осуществить это дѣло, управа должна была заключить 60 контрактовъ и, для опредѣленія платы прогоновъ отъ одной станціи до другой или иной изъ окрестныхъ населенныхъ мѣстностей, вычислить въ уѣздѣ двѣ тысячи разстояній, представившихъ въ совокупности протяженіе въ сорокъ тысячъ верстъ. Нужно знать при этомъ, что государственныя почтовыя станціи тѣмъ отличаются отъ земскихъ, что ими могутъ пользоваться всѣ проѣзжающіе, но не иначе, какъ для проѣзда по почтовому тракту; напротивъ, право на земскихъ лошадей имѣютъ только лица, передвигающіяся по дѣламъ службы, но они могутъ брать лошадей въ любую мѣстность уѣзда, отстоящую не далѣе 30 верстъ отъ станціи. Всѣ служащія лица получаютъ лошадей не иначе, какъ по предъявленіи билета отъ управы; но нѣкоторыя изъ нихъ проѣзжаютъ безъ уплаты прогоновъ, а другія не иначе, какъ за прогоны. Поэтому управа и должна была вывѣсить на каждой изъ 61 станцій росписаніе разстояній отъ этой станціи до всѣхъ населенныхъ мѣстностей, ее окружающихъ, не далѣе 30 верстъ. Двѣ тысячи разстояній вычислены землемѣромъ, состоявшимъ при управѣ, которымъ и составлена, на основаніи картъ генеральнаго штаба, спеціальная карта уѣзда, съ показаніемъ на ней особыми сплошными цвѣтами земель владѣльческихъ, колоніальныхъ, крестьянъ государственныхъ и временно-обязанныхъ, греческихъ поселенцевъ и казны и съ обозначеніемъ на картѣ всѣхъ проселочныхъ дорогъ и особыми знаками церквей, школъ, земскихъ почтовыхъ станцій, становыхъ квартиръ и т. п.; для руководства проѣзжающихъ, кружки, которыми обозначены станціи, различались по цвѣту, смотря по тому, обозначали ли они станцію въ 4 лошади, въ 6 лошадей, въ 8 лошадей, въ 10, 12 или 15 лошадей.

Устраивая земскія станціи, управа обнародовала о томъ объявленіе, въ которомъ перечислила главнѣйшіе земскіе почтовые тракты въ уѣздѣ, снабженные наибольшимъ количествомъ лошадей, и составила особую инструкцію для «почтдиректоровъ», такъ какъ *каждая* изъ земскихъ станцій была поручена управою особому почтдиректору, преимущественно изъ гласныхъ. Главнѣйшая обязанность почтдиректоровъ состояла въ производствѣ внезапныхъ ревизій ввѣренной ему станціи и въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы почтосодержателями точно исполнялись «нормальныя конди-

ціи», на основаніи которыхъ станціи сданы имъ управой, и составленныя управою «правила объ отпускѣ лошадей изъ земскихъ станцій Александровскаго уѣзда и объ ѣздѣ на тѣхъ лошадяхъ». Вначалѣ земству приходилось бороться съ огромными затрудненіями всякаго рода, а прежде всего съ тѣмъ, что до открытія станцій существовала вполнѣ безконтрольная возможность разгонять ежедневно хоть по сту нарочныхъ «для пользы службы», хотя бы эти нарочные и не вызывались иною «служебною надобностію», кромѣ отправленія осетра, или покупки табаку; теперь предстояло подумать о томъ, на сколько и дѣйствительно ли «служебная надобность *неотложна* и есть ли основаніе отправить, положимъ, въ понедѣльникъ пакетъ съ сотскимъ, который поѣдетъ на парѣ лошадей, когда во вторникъ будетъ проѣзжать тѣмъ же трактомъ разсыльный управы и доставить, слѣдовательно, пакетъ только нѣсколькими часами позже. На сколько легко было управѣ контролировать пользованіе станціями со стороны полиціи, видно изъ того, напримѣръ, что въ александровское полицейское управленіе билеты на взиманіе лошадей высылались управою бланками, на которыхъ полицейское управленіе само вписывало имя лица, которому билетъ предоставляется имъ въ пользованіе. И что же?—Выдавъ 200 такихъ бланковъ, управа просила, на основаніи закона, отчетъ объ израсходованіи ихъ и только 4 августа 1867 года, *чрезъ 11 мѣсяцевъ*, получила она отвѣтъ полицейскаго управленія, состоявшій въ томъ, что имъ истребованы отчеты отъ становыхъ приставовъ, но *еще* не получены. За одинъ 1868 годъ, когда не было ни труса, ни потопа, ни нашествія иноплеменниковъ, выдано управою 494 билета, да не на одинъ какой-либо проѣздъ, но на неопредѣленное время и независимо отъ билетовъ, выданныхъ *губернскою* земскою управою. Но, благодаря особенной бдительности земства и энергіи его, дѣло не только устояло, но развилось.

Уже съ 1869 года допущена управою разсылка, при посредствѣ разсыльныхъ ея, кромѣ оффиціальныхъ пакетовъ, и частныхъ писемъ. На сколько развилось дѣло, видно изъ того, что въ 1868 году препровождено разсыльными управы изъ города въ уѣздъ 10.160 пакетовъ и тюковъ и обратно 5.000; по прошествіи же 10 лѣтъ, несмотря на то, что размѣры уѣзда, какъ мы уже нѣсколько разъ о томъ упоминали, *уменьшились* по пространству и населенію *на половину*,—управою переслано чрезъ разсыльныхъ, еженедѣльно два раза, въ положенные дни, объѣзжающихъ весь уѣздъ, одинхъ пакетовъ 27.285 и тюковъ 943; кромѣ того, *частныхъ писемъ* 20.252, объявленій 1.197, газетъ и журналовъ 392 экземпляра, и переслано денегъ за полгода 23.014 р. 90 коп. Пересылка денегъ, съ гарантіей земства, допущена только съ 1 января 1878 года и притомъ въ размѣрѣ не выше 25 руб. Такимъ образомъ до нельзя облегчено крестьянамъ отправленіе и полученіе паспортовъ и мелкихъ суммъ. При управѣ возникло особое почтовое отдѣленіе изъ двухъ чиновниковъ и трехъ разсыльныхъ, которые принимаютъ простую и денежную корреспон-

денцію изъ почтовой конторы уѣзднаго города, отъ правительственныхъ и частныхъ лицъ, для направленія ея въ уѣздъ. Вся корреспонденція, принятая въ управѣ, развозится два раза въ недѣлю разсыльными, которые сдаютъ ее на пути особымъ лицамъ въ волостныхъ правленіяхъ, гдѣ она записывается въ книгу и гдѣ разсыльные принимаютъ корреспонденцію для доставленія ея въ управу, или же правительственному или частному лицу на пути слѣдованія земскаго разсыльнаго. При этомъ нужно замѣтить, что расходы земства на земскую почту не только не возрастали, но уменьшались, потому что въ 1879 году управа нашла возможнымъ сократить число лошадей, но увеличить число ямщиковъ, полагая на каждую пару лошадей по ямщику, такъ какъ ѣзда на земскихъ почтовыхъ лошадяхъ происходитъ преимущественно на парѣ; но со введеніемъ земствомъ особыхъ эстафетныхъ бланковъ отправка каждаго пакета становымъ приставомъ или судебнымъ слѣдователемъ уже не требуетъ пары лошадей, сотскаго и ямщика, но только одного ямщика на одной лошади. Въ военное время земская почта оказала большія услуги при созывѣ чиновъ запаса и мобилизаціи арміи. Теперь подводная повинность, прежде раззорявшая крестьянъ многихъ мѣстностей уѣзда, и земская почта для простой и денежной корреспонденціи частныхъ лицъ обходятся земству приблизительно въ 30.000 рублей.

4. *Пути сообщенія.*

Прежде, чѣмъ заняться улучшеніемъ дорогъ, что до невозможности затруднено въ степной мѣстности, лишенной камня и рабочей силы, земство обратило вниманіе на облегченіе пользованіемъ существующими дорогами, на огражденіе проѣзжающихъ отъ злоупотребленій землевладѣльцевъ, а землевладѣльцевъ—отъ посягательствъ тѣхъ, которые пользуются дорогами. Уже въ 1868 г. однимъ изъ гласныхъ было обращено вниманіе земскаго собранія на то, что проѣздъ по самымъ необходимымъ проселочнымъ дорогамъ затрудняется своевольнымъ запахиваніемъ ихъ владѣльцами земель; такихъ случаевъ докладчикъ насчиталъ 11 только въ двухъ мировыхъ участкахъ уѣзда, представляющихъ, впрочемъ, протяженіе въ 200 верстъ. Собраніе внесло ходатайство о наблюденіи за тѣмъ, чтобы законъ соблюдался населеніемъ; но, не ограничиваясь этимъ, земство достигло того, что въ 1871 году былъ командированъ уѣздный землемѣръ для повѣрки и возстановленія дорогъ, положенныхъ по планамъ. Но тутъ земство оказалось въ трагическомъ положеніи, такъ какъ землемѣръ заявилъ, что многіе изъ плановъ генеральнаго межеванія окажутся несогласными съ натурой, что дороги наносились на планы большею частью неточно и что поэтому необходимо ограничиться провѣркою только транспортныхъ дорогъ, какъ наиболѣе важныхъ, а потому и на планахъ наиболѣе точно показанныхъ.

Страдая отъ устарѣлости нашихъ узаконеній о дорогахъ, вовсе не соотвѣтствующихъ развившейся съ тѣхъ поръ промышленной и земледѣльческой дѣятельности, александровское земство уже въ самый первый годъ созыва земскаго собранія стало хлопотать о томъ, чтобы транспортныя дороги, для которыхъ по закону была установлена ширина въ 30 саженъ, не только безполезно нарушавшая право владѣнія землевладѣльцевъ, но и до нельзя затруднявшая содержаніе ихъ, была уменьшена до 15 саженъ. Только черезъ *девять* лѣтъ вопросъ этотъ получилъ надлежащее разрѣшеніе послѣ неоднократныхъ ходатайствъ земства. Но одновременно съ этимъ вниманіе правительства было обращено земствомъ и на то, что для *проселочныхъ* дорогъ установлена недостаточная ширина, такъ какъ при узаконеніи трехсаженной ширины проселочныхъ дорогъ нѣтъ возможности прогнать сколько-нибудь значительнаго количества скота, напримѣръ хоть штукъ 20 рогатаго скота, или сотню овецъ, не повредивъ находящихся около дороги посѣвовъ, сѣнокосовъ или выгоновъ. Собраніе указывало на то, что вмѣсто нѣсколькихъ, часто совершенно ненужныхъ проселочныхъ дорогъ отъ села въ село, нужно установить лишь одну такую дорогу, но ширину ея увеличить отъ 3 до 8 саженъ, что значительно облегчитъ и проѣздъ по ней въ осеннее и весеннее время, когда, благодаря ширинѣ дороги, возможно будетъ объѣзжать рытвины, колеи и ухабы. На сношенія земства съ министерствомъ по этому вопросу затрачено около трехъ лѣтъ, но не безуспѣшно.

Ограждая права лицъ проѣзжающихъ по дорогамъ и отнесшись сочувственно къ докладу одного изъ гласныхъ отъ крестьянъ, александровское земство достигло путемъ ходатайствъ того, что была установлена такса, выше которой сельскимъ обществамъ, землевладѣльцамъ и арендаторамъ ихъ было воспрещено брать плату за право проѣзжающихъ пасти свой скотъ на прилегающей къ мѣсту стоянки землѣ; при этомъ собраніе привело разницу между стоимостью попаса съ водопоемъ изъ колодца или пруда и безъ онаго, между деннымъ и ночнымъ попасомъ. Такое упорядоченіе дѣла было крайне необходимо, такъ какъ вслѣдствіе полной безконтрольности, господствовавшей въ этомъ отношеніи, и при хлопотливости держать на бойкихъ пунктахъ объѣздчиковъ, которые постоянно слѣдили бы за тѣмъ, чтобы проѣзжающіе на волахъ и лошадяхъ не пользовались пастьбою безплатно, и которые взимаемые ими гроши вручали бы хозяину,—многіе изъ землевладѣльцевъ стали отдавать на откупъ право взиманія платы за попасъ на ихъ землѣ. Понятно, что эти арендаторы, заплативъ извѣстную сумму денегъ разомъ и гадательно, съ тѣмъ, чтобы возвращать ее себѣ буквально по копѣйкамъ, старались содрать съ проѣзжаго крестьянина сколь возможно больше и въ злоупотребленіяхъ своихъ дошли до того, что отъ безотвѣтныхъ проѣзжающихъ стали требовать плату даже не за попасъ, но просто за право безостановочнаго проѣзда по дорогѣ. Все это было разъяснено преніями въ александровскомъ уѣздномъ собраніи и представлено правительству.

Но если земство, съ одной стороны, достигнувъ уменьшенія непомѣрной ширины главнѣйшихъ дорогъ, тѣмъ сдѣлало первый шагъ къ возможности содержанія ихъ въ порядкѣ, а установленіемъ таксы за попасъ, равно какъ увеличеніемъ ширины нѣкоторыхъ проселочныхъ дорогъ, старалось оградить удобства лицъ пользующихся дорогами, то, съ другой стороны, имъ приняты мѣры и къ огражденію правъ землевладѣльцевъ, чрезъ земли которыхъ пролегаютъ дороги. Столичному жителю или владѣльцу какой-нибудь подгородной дачи, съ которыми никогда не случалось того, чтобы какое-нибудь постороннее лицо самовольно проѣхало чрезъ его садъ, дворъ или огородъ, трудно себѣ представить, до чего доходитъ въ степной мѣстности, гдѣ еще «ширь, да гладь, да Божья благодать», пренебреженіе чужою собственностью, при пользованіи такъ-называемыми хозяйственными дорогами, которыя проводятся поуже, чтобы возможно меньше отошло подъ нихъ земли, отъ усадьбы къ хутору, отъ хутора къ колодцу или степному току, устроенному для временной молотьбы, или просто между ланами, на которые разбита вся земля, ради удобства учета и распредѣленія работъ. Подобныя хозяйственныя дороги большинствомъ проѣзжающихъ считаются такою же общею собственностью, какъ и тѣ, которыя служатъ для сообщенія села съ селомъ; при пользованіи ими ни мало не стѣсняются, вопреки закону, съѣзжать съ дороги въ сѣнокосъ и даже въ засѣянное поле, съ чѣмъ землевладѣльцы тщетно борятся опахиваніемъ дорогъ и перепахиваніемъ ихъ. Александровскимъ земствомъ внесено по этому предмету ходатайство, преимущественно обращавшее вниманіе на то, что по хозяйственнымъ дорогамъ позволяютъ себѣ ѣздить даже съ тяжестями, проходятъ цѣлыя валки чумаковъ, причемъ ущербъ отъ проѣзда значительно увеличивается. Вслѣдствіе ходатайства земства было предписано о соблюденіи закона; но такъ какъ у землевладѣльцевъ въ степной мѣстности не хватаетъ силъ на изловленіе всѣхъ нарушителей закона и на представленіе ихъ въ судъ и такъ какъ валка чумаковъ не только не послѣдуетъ за полевымъ сторожемъ въ судъ, но, пользуясь безлюдностію степи, и побьетъ защитника закона, то и по настоящее время зло существуетъ.

Еще болѣе страдаютъ интересы землевладѣльцевъ отъ обветшалости статей 436 X и 771 XII т. Св. Зак., о видоизмѣненіи которыхъ ходатайствовало александровское земство 14 лѣтъ тому назадъ, причемъ, однако, и по настоящее время эти стѣснительные для сельскаго хозяйства законы, если не ошибаемся, не отмѣнены. По смыслу этихъ законовъ, всѣ проѣзжающіе и даже скотопромышленники имѣютъ право пускать свой скотъ для пастьбы до самаго Троицына дня, по обѣ стороны дороги, на *какое угодно разстояніе, безплатно,* съ 1-го же сентября такое же неразборчивое пользованіе землею предоставляется имъ на полверсты (!) отъ *проселочной* дороги, а отъ большой дороги на цѣлую версту; слѣдовательно, крестьяне и землевладѣльцы имѣютъ землю въ своемъ рас-

пораженіи только три мѣсяца изъ двѣнадцати, т.-е. отъ 1-го іюня, когда, приблизительно, бываетъ Троицынъ день, и по 1-е сентября. По справедливому замѣчанію гласнаго, возбудившаго вопросъ въ собраніи, эти законы могли возникнуть только изъ случаевъ, бывшихъ въ сѣверной или средней Россіи, такъ какъ въ *южной* около 1-го іюня, а часто и раньше, уже начинается кошеніе сѣна, и потому сѣнокосы ограждаются уже съ 1-го апрѣля, а не съ 1-го іюня, когда пусканіе скота въ сѣнокосъ уже уничтожаетъ его до слѣдующаго года. Но и у насъ, на югѣ, эти законы, теперь настолько стѣснительные, могли пройти незамѣченными въ тѣ времена, когда они сочинялись, такъ какъ въ то время въ Новороссіи еще было множество пустопорожнихъ земель и землевладѣлецъ въ 5.000 дес. земли считался незначительнымъ, между тѣмъ какъ въ 1867 году изъ 572 землевладѣльцевъ Александровскаго уѣзда только 47 владѣли каждый по 2.000 дес. земли или болѣе и самый законъ причисляетъ къ мелкимъ владѣльцамъ только тѣхъ, которые имѣютъ менѣе 250 десят. Если же представить себѣ землевладѣніе въ 1.000 дес., т.-е. въ 9 квадратныхъ верстъ съ небольшимъ, и представить себѣ, какъ оно обыкновенно и бываетъ, что чрезъ такую дачу пролегаетъ только одна «большая», чумацкая, дорога и одна проселочная, то на всемъ трехверстномъ протяженіи этой дачи придется отводить подъ попасъ полосу земли на версту по обѣимъ сторонамъ дороги, т.-е. въ двѣ версты шириною или шесть квадратныхъ верстъ, т.-е. отнять у собственника *двѣ трети* его поземельнаго имущества для того, какъ говорятъ, «чтобы не вздорожала говядина въ столицахъ», питающихся, какъ извѣстно, южнорусскимъ скотомъ. А насколько такое первобытно-номадное отношеніе къ поземельной собственности содѣйствовало къ распространенію чумы на рогатомъ скотѣ и чесотки въ стадахъ тонкорунныхъ овецъ?... На ходатайство по этому вопросу министерство отвѣчало, что оно будетъ принято въ соображеніе при разсмотрѣніи вопроса въ государственномъ совѣтѣ; но удалось ли Александровскому земству повліять на рѣшеніе вопроса и въ какомъ смыслѣ, за 14 лѣтъ увѣдомленія не послѣдовало.

Путемъ ходатайствъ и денежныхъ затратъ александровскому земству удалось, какъ мы уже о томъ упоминали, устроить почтовое сообщеніе на несуществовавшемъ до него почтовомъ трактѣ на протяженіи 35 в. для того, чтобъ открыть въ центральномъ селѣ уѣзда почтовое отдѣленіе и спасти предполагавшееся къ закрытію другое почтовое отдѣленіе, также расположенное въ селѣ. Ему удалось, наконецъ, отстоять предполагавшійся къ закрытію почтовый трактъ между Бахмутомъ и Маріуполемъ въ такомъ уѣздѣ, въ которомъ не было и нѣтъ иного почтоваго тракта, захватывающаго сколько-нибудь значительную часть уѣзда, такъ какъ дорога на Екатеринославъ находится на самой окраинѣ Александровскаго уѣзда.

Но александровское земство не ограничивалось одними ходатайствами и субсидіями казны въ дѣлѣ улучшенія путей сообщеній,—оно приняло

на счетъ земства содержаніе 18 мостовъ и гатей на наиболѣе бойкихъ проселочныхъ дорогахъ уѣзда и 3 паромныхъ переправъ; этимъ еще далеко не рѣшается вопросъ о путяхъ сообщенія въ уѣздѣ, но несомнѣнна услуга, оказанная земствомъ. Александровское земство рѣшилось даже на гораздо болѣе крупное предпріятіе, что касается улучшенія путей сообщеній, но это дѣло не осуществилось по причинамъ, отъ земства не зависѣвшимъ. Въ 1867 году находился предприниматель, желавшій строить конно-желѣзную дорогу отъ Екатеринослава до Θеодосіи, и, заручившись содѣйствіемъ двухъ другихъ уѣздовъ губерніи, по которымъ должна была проходить эта дорога, просилъ александровское земство гарантировать ему два процента дохода съ дѣйствительной стоимости версты на всемъ протяженіи дороги по уѣзду, если верста конно-желѣзной дороги обойдется дешевле 10 тыс. съ версты и во всякомъ случаѣ не выше этой суммы стоимости версты. Собраніе, принимая во вниманіе, что въ степной мѣстности, гдѣ движеніе пассажировъ крайне ничтожно и весь доходъ дороги долженъ зависѣть отъ отправляемыхъ по ней грузовъ, конно-желѣзныя дороги выгоднѣе паровыхъ,—согласилось на просимую гарантію 2%; при этомъ гласные, засѣдавшіе въ собраніи, по землѣ которыхъ должна была проходить дорога, выразили готовность уступить землю подъ полотно ея безвозмездно, а собраніе постановило выразить имъ признательность, опубликовать это заявленіе ихъ для того, чтобы примѣръ ихъ вызвалъ подражаніе, и назначило отъ себя депутатовъ для ходатайства передъ высшимъ правительствомъ.

Бар. Н. Корфъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Деревня Нескучное,
Екатериносл. губ.

Политическія партіи въ Америкѣ наканунѣ избранія новаго президента.

Опять послѣ 4-хъ-лѣтняго затишья наступаетъ политическая буря—предшественница новыхъ президентскихъ выборовъ *). Ожесточенная полемика, разгорающаяся теперь между газетами различныхъ партій, способна пробудить самыхъ безучастныхъ людей. Люди, вовсе не принадлежащіе къ разряду присяжныхъ политиковъ, занятые другими, болѣе важными для нихъ, вопросами, должны по-неволѣ дѣлать политическій обзоръ за послѣдніе четыре года, подвести итогъ всему, что дѣлалось за это время, и оцѣнить заслуги каждой партіи съ тѣмъ, чтобы 2-го ноября, подавая свой голосъ за кандидата той или другой партіи, сознательно высказать, какая изъ соперничествующихъ партій должна взять на себя управленіе страною на будущіе четыре года.

Задача эта, затруднительная для наиболѣе развитыхъ гражданъ, становится почти невозможною для огромнаго большинства обыкновенныхъ смертныхъ. Чтобы сознательно рѣшить ее, надо обратиться въ государственнаго человѣка, надо обсудить и взвѣсить всѣ спорные вопросы относительно финансовъ, тарифа, большей или меньшей степени самоуправленія Штатовъ, наилучшей организаціи административной власти и проч. и проч. и проч. Возможно ли это для людей часто неспособныхъ связать въ своей головѣ двѣ серьезныхъ мысли, неумѣющихъ вести свое ограниченное хозяйство, не могущихъ иногда писать и читать по-англійски? А между тѣмъ, въ силу основнаго закона страны, всякій мужчина старше 21 года, рожденный или натурализованный въ Америкѣ, можетъ разсчитывать на положеніе государственнаго человѣка безо всякой подготовки къ тому, а просто въ силу личнаго желанія подать свой голосъ на выборахъ, причемъ голосъ самаго невѣжественнаго и развратнаго изъ

---

*) Настоящая статья писана передъ выборами президента однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, постоянно живущимъ въ Америкѣ.

Ред.

гражданъ считается равносильнымъ голосу наиболѣе честнаго и чистаго изъ людей.

Къ этому общему возраженію противъ Universal Suffrage можно прибавить еще много частныхъ, въ примѣненіи къ Американской республикѣ, такъ какъ различныя національности, ее составляющія, не только не сливаются въ одинъ народъ, но часто питаютъ враждебныя чувства другъ къ другу и болѣе привязаны къ своей прежней родинѣ, чѣмъ къ усыновившему ихъ отечеству.

Здѣшніе ирландцы, напр., посылаютъ и деньги, и оружіе, и феніевъ для вспомоществованія своимъ землякамъ и для освобожденія ихъ изъ-подъ ига англійскихъ землевладѣльцевъ, а дома вотируютъ за демократовъ— только въ силу своихъ предубѣжденій противъ негровъ. Здѣшніе нѣмцы, устраивая празднества въ честь Бисмарка и считая себя призванными къ распространенію нѣмецкой цивилизаціи, вотируютъ то за республиканскую, то за демократическую партію, смотря по тому, какая партія меньше стѣсняетъ воскресную продажу водки и пива въ кабакахъ.

Въ виду подобныхъ фактовъ, многіе серьезно призадумываются надъ будущею судьбою великой республики: они не безъ тревоги смотрятъ на дурныя стороны всеобщей подачи голосовъ,—они видятъ, какъ эта, когда-то священная, привилегія попирается въ прахъ невѣжествомъ однихъ и утонченнымъ эгоизмомъ другихъ, какъ центръ тяжести Американской республики все болѣе и болѣе переходитъ къ иностранцамъ и какъ искусно пользуются этимъ демагоги, чтобы, подъ видомъ служенія народу, опутывать его своими сѣтями и дѣлать его безсильною жертвой въ своихъ рукахъ.

Въ нѣкоторыхъ Штатахъ уже проведенъ законъ, по которому участвовать въ народныхъ выборахъ могутъ только умѣющіе читать и писать по-англійски. Можетъ-быть этотъ законъ отстранитъ нѣкоторыя злоупотребленія, проистекающія отъ неограниченнаго права подачи голоса; но спасеніе страны отъ политическаго разврата будетъ зависѣть, главнымъ образомъ, отъ степени вліянія честныхъ людей на политику страны. На самомъ дѣлѣ если мы перестанемъ разбирать отдѣльные случаи и перейдемъ къ цѣлому обществу, то увидимъ, что отдѣльныя ненормальности и злоупотребленія почти всегда взаимно уравновѣшиваютъ другъ друга и что въ результатѣ народной подачи голосовъ получается нѣчто свободное отъ частныхъ обвиненій и выражающее собою если не народныя убѣжденія, то состояніе народныхъ чувствъ въ данную минуту. Это *нѣчто* и есть результатъ подачи голосовъ тѣхъ чистыхъ и честныхъ людей, для которыхъ благо страны стоитъ выше ихъ личныхъ интересовъ. Они могутъ быть не образованы, они не съумѣютъ тонко разобрать политическія задачи вѣка, но они выражаютъ собою совѣсть народа; и до тѣхъ поръ, пока ихъ голоса имѣютъ рѣшающее вліяніе на политику страны, Universal Suffrage перестаетъ быть жалкою каррикатурой, надъ которою смѣ-

ются аристократы, или пугаломъ, которое хотятъ урѣзать сентиментальные поклонники республики,—оно дѣйствительно становится выразительницею воли народа. Народные выборы часто приводили къ дурнымъ результатамъ,—народъ, также какъ и индивидуумъ, способенъ ошибаться; но, пока въ немъ силенъ алтруистическій элементъ, всегда есть возможность исправить сдѣланныя ошибки, лишь бы только каждый добросовѣстный гражданинъ считалъ священною обязанностью подать свой голосъ въ дни народнаго суда надъ своими правителями.

Только ставши на эту точку зрѣнія читатель можетъ ясно представить себѣ положеніе дѣлъ въ Америкѣ и помирить возможность злоупотребленій и интригъ со стороны лицъ, фигурирующихъ на политическомъ поприщѣ, съ возможностію медленнаго, но неизбѣжнаго улучшенія политической жизни. Онъ будетъ одинаково далекъ и отъ тѣхъ, которые полагаютъ, что въ республикѣ все должно идти хорошо, и отъ тѣхъ, которые, видя только грязныя стороны американской жизни, нещадно выставляемыя свободною прессой на показъ всему міру, ставятъ Америку чуть ли не послѣднею по нравственности страною цивилизованнаго міра.

Принимая на себя обязанность политическаго хроникера за послѣдніе 4 года, мнѣ часто придется указывать на эгоизмъ и политическую безнравственность людей стоящихъ во главѣ политическаго движенія и признанныхъ представителей политическихъ партій. Но осужденіе лицъ не должно быть принимаемо за огульное осужденіе партій. Въ каждой партіи я вижу выразительницу извѣстныхъ потребностей народа; каждая изъ нихъ необходима и полезна въ общей экономіи государственной жизни. Въ борьбѣ между ними, помимо эгоистическаго стремленія вождей партіи захватить власть въ свои руки, надо видѣть болѣе серьезное значеніе, такъ какъ въ борьбѣ этой обнаруживается относительная сила той или другой народной потребности.—Не будучи въ состояніи удовлетворить всѣмъ своимъ потребностямъ сразу, народъ, подобно индивидууму, стремится къ удовлетворенію той, которая, по его мнѣнію, кажется наиболѣе настоятельною. Отсюда—его предпочтеніе къ одной изъ борющихся партій и только со временемъ, удовлетворивши одну потребность или убѣдившись въ ошибочности своего выбора, народъ мало-по-малу начинаетъ оказывать предпочтеніе другой партіи, представительницѣ другихъ потребностей.

Въ этомъ заключается тайна попеременнаго возвышенія и паденія партій.

Приступая къ изложенію борьбы политическихъ партій въ Америкѣ, я постараюсь очертить ее съ возможно-большимъ безпристрастіемъ. Мнѣ легко быть безпристрастнымъ уже потому, что главный интересъ политической борьбы этого года сосредоточивается на ожесточенной борьбѣ между республиканцами и демократами, то-есть тѣми двумя партіями, съ которыми я не имѣю ничего общаго. Говоря о нихъ, мнѣ легко сохранить полнѣйшій нейтралитетъ.

Представители демократической партіи, собравшись въ конвентъ 1876 года, единодушно выбрали своимъ кандидатомъ на президентское званіе Тильдена (бывшаго правителя Нью-Йоркскаго Штата), и, наоборотъ, весьма мало единодушія было обнаруженно республиканцами при выборѣ своего кандидата. Каждая изъ многочисленныхъ фракцій этой партіи упорно стояла за своего любимца. Блэнъ (сенаторъ отъ Мэна) имѣлъ наибольшее число приверженцевъ и съ каждою новою баллотировкой шансы его на избраніе кандидатомъ росли все больше и больше. Не доставало только немногихъ голосовъ, чтобы Блэнъ имѣлъ за собой большинство всѣхъ делегатовъ конвента. Видя неизбѣжность подобнаго исхода, всѣ политическіе враги Блэна отбросили свое упорство и соединили свои голоса на человѣкѣ совершенно нейтральномъ для всѣхъ фракцій, имя котораго вовсе не упоминалось на конвентѣ. На жаргонѣ американскихъ политиковъ человѣкъ избираемый так. образомъ называется вороною лошадью, «dark hosre». Такимъ «воронымъ» оказался Гэсъ (правитель Огайо), который совершенно неожиданно для публики, ожидавшей окончательной побѣды Блэна, получилъ небольшое большинство голосовъ и былъ объявленъ кандидатомъ республиканской партіи.

Кто таковъ Гэсъ, каковы его принципы и характеръ, съумѣетъ ли онъ спасти республиканскую партію отъ разложенія?—были первыми вопросами людей, заинтересованныхъ политическими дѣлами страны. Дѣйствительно, республиканская партія стояла на краю гибели. 8-ми-лѣтнее президентство Гранта было замѣчательно самымъ грубымъ и нахальнымъ взяточничествомъ его приближенныхъ и даже министровъ. Республиканская партія, въ лицѣ своихъ представителей въ конгрессѣ, стала синонимомъ политическому разврату. Должностныя мѣста раздавались въ награду за политическія мнѣнія безо всякаго соображенія о пригодности или честности назначеннаго лица. Значеніе федеральной власти значительно усилилось послѣ войны и Грантъ, продолжая смотрѣть на Южные Штаты какъ на покоренную страну, постоянно вмѣшивался во внутреннія дѣла Штатовъ и часто солдатскими штыками рѣшалъ вопросы о законности избранія того или другаго правителя, того или другаго законодательнаго собранія Штата. Негодованіе противъ злоупотребленій республиканцевъ было очень сильно; не удивительно, что демократическая партія, стоящая за бо́льшую децентрализацію и не бывшая у власти въ продолженіе 16 лѣтъ, начала пріобрѣтать все большее довѣріе народа, и на мѣстныхъ выборахъ въ Штатахъ *) демократы уже начали одерживать побѣды надъ республиканцами. «Новая метла чисто мететъ», говоритъ американская пословица почти одинаково съ русскою, а республиканская партія была уже старой, истрепавшеюся метлой. Шансы республиканцевъ на побѣду въ ноябрѣ 1876 года были очень слабы, тѣмъ болѣе, что число ихъ рѣдѣло съ каждымъ днемъ

*) Мѣстные выборы въ Штатахъ, для избранія правителей и членовъ мѣстныхъ законодательныхъ собраній, обыкновенно происходятъ каждые 2 года.

отъ перехода на сторону третьей партіи, «гринбакеровъ», окончательно сформировавшейся въ 1876 году.

Въ виду такихъ затрудненій, республиканская партія сдѣлала серьезную ошибку, выбравъ своимъ кандидатомъ сравнительно неизвѣстную личность и поставивши его противъ Тильдена, который своими энергическими мѣрами противъ взяточничества и злоупотребленій въ Нью-Йоркскомъ Штатѣ пріобрѣлъ громадную популярность во всей странѣ.

Тѣмъ не менѣе выборъ былъ сдѣланъ

Гэсъ, оффиціально увѣдомленный о своей кандидатурѣ, отвѣтилъ, согласно установившемуся обычаю, письмомъ, излагающимъ его принципы. Письмо было пропитано честнымъ и искреннимъ желаніемъ искоренить вкравшіяся злоупотребленія. Гэсъ зналъ, наравнѣ со всѣми американцами, что пока существуетъ обычай выбирать того же президента на слѣдующій срокъ, до тѣхъ поръ президенты всегда будутъ раздавать должности людямъ, отъ которыхъ можно ожидать наибольшаго вліянія и поддержки при новыхъ выборахъ, чтобы при ихъ помощи вѣрнѣе обезпечить свое избраніе на новый срокъ. Въ своемъ письмѣ онъ прямо указалъ на корень зла, открыто заявивъ свое убѣжденіе, что президентъ долженъ быть выбираемъ только на одинъ срокъ и что только съ этимъ условіемъ онъ приметъ на себя президентское званіе, если будетъ выбранъ народомъ. Письмо было хорошо, но американцы давно уже перестали вѣрить словамъ. Каждая партія, каждый кандидатъ на президентское званіе постоянно сулитъ имъ всевозможныя блага, а между тѣмъ положеніе «самодержавнаго» народа, вслѣдствіе финансовыхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ, становилось все хуже и хуже. Не нужно было быть особеннымъ мудрецомъ, чтобы предсказать въ то время успѣхъ демократической партіи.

Наконецъ, наступилъ первый вторникъ ноября мѣсяца, день, когда народъ всеобщею подачей голосовъ рѣшаетъ, кто изъ кандидатовъ долженъ стать президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Два или три дня проходятъ въ лихорадочномъ ожиданіи результатовъ народнаго избранія. Большія газеты не щадятъ средствъ, чтобы посредствомъ телеграфа узнать результаты выборовъ по всѣмъ уголкамъ Союза и объявить ихъ прежде, чѣмъ получатся оффиціальные отчеты. *Нью-Йоркскій Трибунъ* (республиканскій органъ) первый напечаталъ, что, по его разсчетамъ, Тильденъ долженъ получить большинство голосовъ электоральной коллегіи; прошло еще нѣсколько дней и тотъ же *Трибунъ* объявляетъ, что вновь полученныя свѣдѣнія совершенно измѣняютъ результаты народной подачи голосовъ и что большинство въ электоральной коллегіи будетъ на сторонѣ Гэса. Прошло еще нѣсколько дней, но положеніе дѣлъ, вмѣсто того чтобы выясниться, запутывалось все болѣе и болѣе. Всѣ демократическія газеты единогласно утверждали, что Тильденъ долженъ быть избранъ президентомъ, а всѣ республиканскія газеты стояли за Гэса.

Чтобы читателю было легче понять всю путаницу, происшедшую на прошлыхъ выборахъ и грозившую странѣ серьезною анархіей, ему необходимо знать, что президенты не выбираются прямою подачей голосовъ. Народъ подаетъ голосъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ за такъ-называемыхъ президентскихъ избирателей. Каждый Штатъ долженъ поставить отъ себя избирателей въ числѣ равномъ числу его представителей въ конрессѣ. Такъ, напр., Нью-Йоркскій Штатъ ставитъ 35 избирателей (такъ какъ онъ имѣетъ 33 депутата въ палатѣ представителей и 2-хъ сенаторовъ), Канзасъ ставитъ 5 избирателей (имѣя только 3-хъ депутатовъ и 2-хъ сенаторовъ) и т. д., причемъ избиратели должны принадлежать къ той партіи, которая имѣетъ на своей сторонѣ большинство голосовъ въ Штатѣ. Въ опредѣленный по закону день января мѣсяца избиратели съѣзжаются въ главные города своихъ Штатовъ, составляютъ такъ-называемую электоральную коллегію, подаютъ голосъ за того или другаго кандидата и посылаютъ свое рѣшеніе дубликатомъ (черезъ почту и съ курьеромъ) къ президенту сената. Въ опредѣленный день февраля мѣсяца президентъ сената вскрываетъ полученные имъ конверты въ общемъ присутствіи сената и палаты представителей, производитъ формальный счетъ голосовъ и объявляетъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ того изъ кандидатовъ, на сторонѣ котораго имѣется большинство голосовъ всей электоральной коллегіи (общее число всѣхъ избирателей должно равняться всему числу членовъ конгресса, т. е. 369. Большинство необходимое для избранія должно быть не менѣе 185 голосовъ). Въ случаѣ, если электоральная коллегія подавала голоса за нѣсколькихъ кандидатовъ, но ни одинъ изъ нихъ не получаетъ законнаго большинства, избраніе президента немедленно переходитъ въ руки конгресса, который тутъ же, на мѣстѣ, беретъ имена 3-хъ кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ, и баллотируетъ ихъ «по Штатамъ» до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не получитъ законнаго большинства, т. е. не менѣе 190 голосовъ.

Къ этому надо прибавить еще одну статью конституціи, говорящей, что, во время формальнаго счета голосовъ электоральной коллегіи, каждая часть конгресса (т. е. или сенатъ, или палата представителей) можетъ предъявить возраженія относительно законности того или другаго голоса въ электоральной коллегіи. Тогда общее присутствіе конгресса на время прекращается. Сенатъ и палата представителей вотируютъ, отдѣльно, свое одобреніе или неодобреніе сдѣланному возраженію и голоса, противъ которыхъ были сдѣланы возраженія, выкидываются изъ общаго счета только въ такомъ случаѣ, если и сенатъ, и палата представителей одинаково согласны на это.

Вотъ вся сущность той части конституціи, по которой опредѣляется ходъ президентскихъ выборовъ. До настоящаго времени рѣшеніе электоральной коллегіи считалось пустымъ фарсомъ. Обыкновенно, газеты, зная, какая партія одержала верхъ въ томъ или другомъ Штатѣ, могутъ впе-

редъ опредѣлить составъ электоральной коллегіи и число голосовъ, которые будутъ поданы за каждаго изъ кандидатовъ. Такимъ образомъ избраніе того или другаго президента, формально производимое въ февралѣ мѣсяцѣ, обыкновенно извѣстно міру нѣсколько дней спустя послѣ народной подачи голосовъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

Не то случилось на выборахъ 1876 года.

Надо замѣтить, что еще раньше, опираясь на похвальный предлогъ обезпеченія неграмъ права подачи голоса въ большей части Южныхъ Штатовъ, былъ введенъ законъ, уполномочивающій правителей Штатовъ отбрасывать голоса тѣхъ округовъ, въ которыхъ почему-либо были совершены насилія и безпорядки въ день подачи голоса. Законъ этотъ служилъ источникомъ постоянныхъ злоупотребленій и давалъ возможность правителямъ Штатовъ, подъ предлогомъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ безпорядковъ, измѣнять результаты голосованія согласно своимъ видамъ и политическимъ мнѣніямъ. Не удивительно, что при такомъ законѣ администрація нѣкоторыхъ Штатовъ постоянно находилась въ рукахъ республиканцевъ и что только присутствіе федеральныхъ войскъ удерживало народъ отъ мятежа.

Когда отчеты о народной подачѣ голосовъ въ ноябрѣ 1876 г. пошли на утвержденіе правителей Штатовъ, то они видоизмѣнили ихъ настолько, что вмѣсто демократическаго большинства въ ихъ Штатахъ оказалось республиканское большинство, и въ силу этого избиратели для президента должны были состоять изъ республиканцевъ.

Избиратели, поставленные демократическою партіей, не получая кредитивовъ отъ правителей, обратились къ верховнымъ судамъ Штатовъ, которые, по разсмотрѣніи ихъ жалобъ, утвердили ихъ въ званіи избирателей. Такимъ образомъ въ трехъ Южныхъ Штатахъ образовались по двѣ электоральныхъ коллегіи, изъ коихъ каждая считала себя законною выразительницею народныхъ желаній, и въ то время, какъ республиканскія электоральныя коллегіи подали свои голоса за Гэса, демократическія коллегіи вотировали за Тильдена.

Теперь должно быть понятно, почему республиканская пресса, считая законными только республиканскія коллегіи, утверждала, что Гэсъ имѣетъ за собой законное большинство голосовъ, тогда какъ демократическая пресса, принимая въ разсчетъ только демократическія коллегіи, утверждала, что огромное большинство голосовъ стоитъ за Тильдена.

Второе предположеніе казалось болѣе вѣроятнымъ уже по тому одному, что тою же самою подачей голосовъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ избирались новые депутаты въ палату представителей, и новая палата, въ первый разъ послѣ начала войны, имѣла большинство демократовъ.

Ясно, что побѣда склонялась на сторону демократической партіи, тѣмъ не менѣе вся администрація и сенатъ, составленные изъ республиканцевъ, не хотѣли признать за Тильденомъ его правъ на президентское званіе.

Между сенатомъ и палатой представителей началась тяжба, безпримѣрная въ исторіи Америки. Обѣ вѣтви конгресса перестали заниматься текущими дѣлами страны и все свое время употребили на препирательство о томъ, какія изъ спорныхъ электоральныхъ коллегій имѣютъ законное право на выборъ президента.

Для разслѣдованія спорнаго вопроса на мѣстѣ, палата представителей отправила слѣдственныя коммиссіи въ каждый изъ спорныхъ Штатовъ. Вслѣдъ за этимъ и сенатъ отправилъ свои коммиссіи.

Разумѣется, однѣ коммиссіи, составленныя изъ большинства демократовъ, составили отчеты, доказывающіе злоупотребленія административной власти Штатовъ, тогда какъ коммиссіи сената, составленныя изъ большинства республиканцевъ, оправдывали администрацію и такою же точно массою свидѣтельствъ доказывали дѣйствительное существованіе насилій и безпорядковъ во время народной подачи голосовъ. Время и громадныя средства, потраченныя на разслѣдованіе вопроса, не привели ни къ какому положительному результату. Только одни любители скандаловъ ликовали на этомъ пиру взаимныхъ обличеній и раскапыванія самыхъ грязныхъ продѣлокъ, пущенныхъ въ ходъ обѣими партіями для обезпеченія успѣха на выборахъ.

Наконецъ, наступилъ день, когда президентъ сената долженъ былъ вскрывать запечатанные конверты, присланные отъ электоральныхъ коллегій каждаго Штата, и, въ общемъ засѣданіи конгресса, приступить къ оффиціальному счету голосовъ, поданныхъ за кандидатовъ партій. Обыкновенно, счетъ этотъ производился въ одинъ день, въ настоящемъ же случаѣ потребовалось много дней и много горькихъ дебатовъ прежде, чѣмъ президентъ сената окончилъ вскрываніе конвертовъ, такъ какъ при каждомъ возраженіи противъ законности подачи голосовъ отъ каждаго изъ спорныхъ трехъ Штатовъ общее присутствіе закрывалось; палата представителей уходила въ свою залу засѣданія и послѣ продолжительныхъ дебатовъ рѣшала большинствомъ голосовъ, что въ счетѣ голосовъ электоральной коллегіи должны быть удержаны голоса демократической коллегіи и отброшены, какъ незаконные, голоса республиканской коллегіи,—въ то время, какъ сенатъ большинствомъ голосовъ рѣшалъ дѣло въ совершенно обратномъ смыслѣ.

Наконецъ, процедура вскрыванія конвертовъ окончилась; но больной вопросъ о томъ, который изъ кандидатовъ получилъ большинство голосовъ, не только не разъяснялся, но становился все болѣе и болѣе запутаннымъ.

Отбросить совсѣмъ голоса спорныхъ Штатовъ — значило не выбрать ни одного изъ кандидатовъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ бы тогда законнаго большинства голосовъ; ввести спорные голоса въ общій счетъ—было равносильно выбору двухъ президентовъ, а отбросить голоса одной коллегіи въ предпочтеніи къ другой — было бы прямымъ наруше-

ніемъ конституціи, ясно говорящей, что подобный отбросъ можетъ быть совершенъ съ обоюднаго согласія сената и палаты представителей.

Между тѣмъ приближалось 4 марта, день, когда, въ силу конституціи, новый президентъ долженъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Страна въ лихорадочномъ напряженіи ожидала какого-нибудь исхода изъ затруднительнаго состоянія. Политическія страсти людей, обыкновенно успокоивающіяся послѣ ноябрьской подачи голосовъ, разгорались все сильнѣе и сильнѣе. Демократы, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей, начали говорить, что если республиканская партія въ сенатѣ будетъ упорствовать въ утвержденіи Тильдена, то они должны будутъ употребить силу. Грантъ началъ стягивать войска въ Вашингтонъ. Тяжелое предчувствіе чего-либо подобнаго мексиканскимъ революціямъ свинцомъ лежало на душѣ искреннихъ патріотовъ. Не доставало только искры, чтобы произвесть страшный взрывъ. Но вотъ, въ такую критическую минуту, народное благоразуміе взяло верхъ надъ страстною борьбою партій. Всѣ независимые органы страны возвысили свой голосъ и во имя порядка и народной чести требовали, чтобы двѣ вѣтви конгресса, отбросивши личныя и партіальныя воззрѣнія, поскорѣе бы рѣшали выборъ того или другаго кандидата. Кажется, что предводители партій сами начали сознавать, что зашли слишкомъ далеко, что они шутятъ съ огнемъ. Палата представителей вступила въ компромиссъ съ сенатомъ, по которому повѣрка въ счетѣ голосовъ электоральной коллегіи должна была перейти къ смѣшанной коммиссіи, составленной изъ 3 сенаторовъ (2 респуб. и 1 демокр.), 3 народныхъ представителей (2 демократовъ и 1 республиканца) и 2-хъ верховныхъ судей (1 демократа и 1 республиканца). Коммиссія эта, составляя какъ бы третейскій судъ, должна была выбрать своимъ предсѣдателемъ третьяго верховнаго судью (всѣхъ верховныхъ судей 9) и затѣмъ большинствомъ голосовъ рѣшать безапелляціонно, какіе голоса электоральной коллегіи должно считать законными.

Разумѣется, что при такомъ составѣ коммиссіи вся суть заключалась въ выборѣ предсѣдателя, такъ какъ во всѣхъ случаяхъ дѣленія голосовъ поровну мнѣніе предсѣдателя имѣетъ рѣшающую силу.

Не стану останавливаться на подробномъ описаніи всѣхъ интригъ и маневровъ, которыми каждая партія старалась поставить въ предсѣдатели своего приверженца. Достаточно сказать, что хотя выбранный судья и былъ замѣчателенъ своею политическою независимостію, тѣмъ не менѣе онъ, во всѣхъ спорныхъ вопросахъ, подавалъ свой голосъ съ республиканцами. 2-го марта коммиссія окончила свои засѣданія и, несмотря на протестъ со стороны 4-хъ демократовъ, рѣшила большинствомъ 5-ти противъ 4-хъ, что будущимъ президентомъ долженъ быть Гэсъ. Вечеромъ 3 марта, почти тайкомъ, Гэсъ прибылъ въ Вашингтонъ и, присягнувъ передъ верховнымъ судомъ въ повиновеніи конституціи, вступилъ въ отправленіе своей обязанности.

Но не легко досталось ему званіе президента. Демократическіе члены конгресса не хотѣли признать его президентомъ и прервали съ нимъ всякія сношенія кромѣ оффиціальныхъ. Республиканцы, такъ сильно хлопотавшіе объ его выборѣ, тоже разочаровались въ немъ, видя, что онъ не хочетъ слѣдовать ихъ совѣтамъ и быть игрушкою въ ихъ рукахъ.

Первый актъ новаго президента обыкновенно состоитъ въ выборѣ своихъ министровъ, и по выбору министровъ можно очень вѣрно судить о характерѣ будущей администраціи. Когда, 5 марта, частный секретарь Гэса явился въ засѣданіе сената со спискомъ лицъ, назначаемыхъ въ министры, рѣчь говорившаго въ то время сенатора была прервана на полусловѣ и всѣ бросились къ деску предсѣдателя, чтобы поскорѣе узнать составъ будущаго министерства. Изумленію сенаторовъ не было конца. Министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ выбранъ Эдвардсъ, адвокатъ и одинъ изъ умнѣйшихъ людей Америки, слишкомъ умный для того, чтобы быть партизаномъ какой-нибудь партіи. Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ выбранъ Шурцъ, сенаторъ изъ Миссури, замѣчательный своею энергической оппозиціей всѣмъ злоупотребленіямъ Гранта и постоянно настаивающій на необходимость болѣе раціональной системы при назначеніи должностныхъ лицъ. Правда, Шурцъ былъ ревностный республиканецъ, тѣмъ не менѣе выборъ его ясно показывалъ намѣреніе Гэса провести его планы на практикѣ; притомъ Шурцъ былъ иностранецъ, эмигрировавшій изъ Германіи въ 1849 году, и, въ первый разъ въ исторіи Америки, dutch (презрительная кличка всѣмъ иностранцамъ въ Америкѣ) былъ назначенъ на мѣсто, искони принадлежавшее природнымъ американцамъ. Изъ другихъ лицъ предполагаемаго министерства наиболѣе шокирующимъ былъ Ки, южанинъ, бывшій генераломъ въ арміи конфедератовъ и теперь выбранный Гэсомъ министромъ почтъ.

Эти факты достаточно ясно показали сенату, что Гэсъ, такъ рѣзко нарушающій традиціи республиканской партіи, намѣренъ «отбиться отъ рукъ». Скрѣпя сердце, сенатъ утвердилъ списокъ министровъ, ожидая дальнѣйшихъ распоряженій Гэса.

Прежде всего Гэсъ рѣзко измѣнилъ отношенія федеральной власти къ Южнымъ Штатамъ. Онъ не хотѣлъ смотрѣть на нихъ какъ на покоренную страну. Выбирая Ки въ составъ своего министерства, онъ сдѣлалъ уже первый шагъ къ примиренію съ Югомъ. Вслѣдъ затѣмъ Гэсъ, вопреки совѣтамъ вождей республиканской партіи и наперекоръ восьмилѣтней практикѣ Гранта, отказался поддерживать своимъ вліяніемъ и федеральными солдатами республиканскихъ претендентовъ на званіе правителей въ тѣхъ самыхъ спорныхъ Штатахъ, голосу которыхъ онъ былъ обязанъ своимъ выборомъ въ президенты.

Подобная мѣра привела въ ярость республиканцевъ. «Если Гэсъ,—говорили они вмѣстѣ съ злорадствующими демократами,—считаетъ себя правильно избраннымъ, онъ долженъ признать, что въ трехъ спорныхъ

Штатахъ большинство голосовъ было на сторонѣ республиканцевъ. Отказываясь поддерживать республиканскихъ кандидатовъ на званіе правителей Штатовъ, онъ косвенно признаетъ правоту демократовъ и, слѣдовательно, незаконность своего избранія. Чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ долженъ самъ уступить мѣсто Тильдену».

Нельзя не сознаться, что возраженіе было сдѣлано мѣтко и било въ больное мѣсто, тѣмъ не менѣе Гэсъ твердо стоялъ на томъ мнѣніи, что каждый Штатъ можетъ и долженъ улаживать свои внутреннія несогласія, опираясь только на конституцію и законы Штата. Разумѣется, что республиканскіе кандидаты, сильные только поддержкою федеральной арміи, втихомолку сошли со сцены, передавъ администрацію Штатовъ въ руки демократовъ. Съ тѣхъ поръ и надолго республиканская партія потеряла всякое вліяніе на дѣла Юга.

Другой ударъ больнѣе перваго былъ нанесенъ республиканской партіи, когда Гэсъ приступилъ къ очищенію администраціи отъ людей неспособныхъ и компрометтированныхъ въ злоупотребленіяхъ грантовскаго времени. При выборѣ новыхъ должностныхъ лицъ, онъ рѣзко пошелъ противъ установившагося обычая, по которому президентъ назначалъ только людей рекомендуемыхъ членами конгресса. Мягко, но твердо отклонялъ онъ навязчивыя рекомендаціи сенаторовъ и народныхъ представителей, желая обезпечить за президентомъ право, предоставленное ему конституціей, по которому только президентъ выбираетъ людей на должности, а сенатъ имѣетъ право или утверждать выборъ президента, или отвергать его, если выбранное лицо будетъ сочтено недостойнымъ занять должность. Право выбора должностныхъ лицъ Гэсъ предоставилъ только себѣ и своимъ министрамъ. Предводители республиканской партіи теряли такимъ образомъ свою лучшую привилегію: они не могли назначать на должности своихъ креатуръ и теряли вліяніе на многочисленную и могущественную по своему вліянію административную армію. Взбѣшенные подобною мѣрой, они стали въ открытую оппозицію Гэсу и сенатъ рѣшился мстить Гэсу тѣмъ, что перестала утверждать его кандидатовъ, какъ бы достойны они ни были.

Въ особенности интересна была борьба между Гэсомъ и сенатомъ по поводу смѣны Артура, назначеннаго еще Грантомъ начальникомъ нью-йоркской таможни. Имѣя въ своемъ распоряженіи нѣсколько тысячъ подвѣдомственныхъ должностей, Артуръ раздавалъ ихъ только республиканцамъ, соразмѣряя высоту должности по денежнымъ взносамъ въ пользу партіи и по заслугамъ, оказаннымъ партіи. Понятно, что при такой администраціи нью-йоркская таможня обратилась въ какой-то вспомогательный фондъ для республиканской партіи, а распущенность и злоупотребленія въ дѣлахъ таможни доходили до чудовищныхъ размѣровъ. Когда Артуръ, въ противность инструкціямъ Гэса, продолжалъ прежнюю практику и самъ, оставаясь во главѣ исполнительнаго комитета республиканской партіи въ Нью-Йоркѣ, дирижировалъ ходомъ политической борьбы въ Штатѣ,

пренебрегая своими дѣлами по таможнѣ,—Гэсъ смѣнилъ его. Президентъ имѣетъ безграничное право смѣны; но когда Гэсъ послалъ на утвержденіе сената преемника Артура,—сенатъ, большинствомъ всѣхъ республиканскихъ членовъ, отвергъ выборъ Гэса. Спустя нѣкоторое время Гэсъ послалъ на утвержденіе новое лицо, но та же судьба постигла и новое назначеніе.

Много времени ушло на молчаливую и упорную борьбу между президентомъ, посылающимъ своихъ кандидатовъ на утвержденіе, и сенатомъ, отвергающимъ его выборъ. Достоинство сената и народное уваженіе къ высшей законодательной власти въ странѣ падали все болѣе и болѣе. Сенатъ открыто становился на сторону прежнихъ злоупотребленій. Не удивительно, что демократы съумѣли ловко воспользоваться этимъ обстоятельствомъ при наступавшихъ въ то время выборахъ 1878 года *), чтобы показать народу истинный характеръ и намѣренія республиканцевъ. Не удивительно, что демократы одержали верхъ во многихъ Штатахъ и назначали своихъ людей сенаторами на мѣсто выбывающихъ республиканцевъ, такъ что съ 1-го декабря 1878 года обѣ вѣтви законодательной власти находились подъ контролемъ демократовъ.

Вооруживши противъ себя республиканскую партію, Гэсъ вовсе не старался о примиреніи съ демократическою и постоянно оставался между двухъ огней. Демократы публично и открыто называли его подложнымъ президентомъ (fraudulent president), республиканцы клеймили его ренегатомъ, покровителемъ мятежниковъ, непрактическимъ идеалистомъ и всѣми силами старались препятствовать его реформамъ.

Къ политической оппозиціи присоединилась общественная, такъ какъ Гэсъ и его жена принадлежали къ обществу «воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ» и, къ ужасу вашингтонскаго общества, на званныхъ обѣдахъ президента не появлялось ни одной бутылки вина. Кромѣ того г-жа Гэсъ отбросила излишнюю роскошь въ обстановкѣ президентской жизни и вовсе не принимала участія въ той ярмаркѣ тщеславія, гдѣ каждая особа стремилась затмить другихъ блескомъ своихъ собраній и богатствомъ своихъ нарядовъ.

Простота жизни и умѣренность Гэса, вмѣсто того чтобы вызвать благодарность со стороны представителей и сенаторовъ, стенящихъ подъ бременемъ дороговизны жизни, вызвали только насмѣшки. Къ прежнимъ кличкамъ присоедилось еще новое: sunday school president **). Такъ называли его въ газетахъ всѣ желающіе показать презрѣніе къ человѣку,

*) Каждые 2 года народъ выбираетъ новыхъ депутатовъ въ палату представителей, а законодательныя собранія Штатовъ выбираютъ новыхъ сенаторовъ на мѣсто одной трети сенаторовъ, выбывающихъ каждые 2 года.

**) Sunday schools (воскресными школами) называются школы, открываемыя по воскресеньямъ въ церквахъ для обученія дѣтей закону Божію и нравственности (если только возможно преподавать нравственность).

осмѣливающемуся жить согласно съ своими религіозными убѣжденіями и нарушающему установленные обычаи развратнаго вашингтонскаго общества.

Повторяю, Гэсу было трудно идти противъ обѣихъ партій; тѣмъ не менѣе онъ вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Не представляя собой ничего особенно грандіознаго и величаваго, онъ обладаетъ тѣмъ драгоцѣннымъ равновѣсіемъ ума, при которомъ человѣкъ не способенъ ни вдаваться въ крайности, ни раздражаться нападками оппозиціи. Его любезная и вѣжливая твердость составляла рѣзкій контрастъ съ солдатскимъ и часто тупымъ упорствомъ Гранта, а въ выборѣ хорошихъ помощниковъ, въ лицѣ министровъ, онъ совершенно затмилъ своего предшественника. Въ то время, какъ Грантъ мѣнялъ по два, по три министра въ годъ, вслѣдствіе интригъ и ошибокъ при ихъ выборѣ, Гэсъ остается и теперь почти съ тѣми же министрами, которые были имъ выбраны вначалѣ. Довѣряя имъ и съ ихъ помощью, онъ съумѣлъ внушить къ себѣ уваженіе всѣхъ безпристрастныхъ людей. Будь администрація Гэса дѣйствительно такъ дурна, какъ выставлялась она его врагами, то, въ виду оппозиціи обѣихъ партій, онъ долженъ бы былъ измѣнить ея характеръ. Но онъ смѣло и твердо проводилъ свою программу и тѣ самые люди, которые 2—3 года тому назадъ позорили его и смѣялись надъ нимъ, должны теперь признать, что его администрація была одною изъ лучшихъ, когда-либо существовавшихъ, въ Америкѣ.

Недавно одинъ изъ министровъ Гэса въ публичной рѣчи, опираясь на неоспоримые статистическіе факты, привелъ весьма интересныя цифры, показывающія до нѣкоторой степени честность администраціи. Извѣстно, что во всѣ времена и у всѣхъ народовъ есть люди, которые, имѣя въ своихъ рукахъ государственныя деньги, способны соблазниться «богатымъ кушемъ» и присвоить его себѣ подъ предлогомъ пропажи, недочета въ книгахъ и тому подобныхъ отговорокъ; иные, похрабрѣе, просто удираютъ за границу и живутъ тамъ на счетъ благопріобрѣтеннаго. Всѣ подобныя траты заносятся въ отчеты министра финансовъ, какъ результатъ неакуратности и недобросовѣстности администраціи. При Линкольнѣ, несмотря на соблазнъ, представляемый громадною войной и усложненною отчетностью, всѣ траты подобнаго рода равнялись 75 сентамъ на каждые 1.000 долларовъ дохода. При Грантѣ потеря эта равнялась 34 сентамъ, а при Гэсѣ она спустилась до 1/3 сента на каждые 1.000 долларовъ дохода, т. е. перестала существовать практически.

Можно смѣло сказать, что со времени Джаксона ни одинъ президентъ не кончалъ своего срока среди такихъ всеобщихъ похвалъ и добрыхъ пожеланій, какими осыпается теперь Гэсъ. Правда, добрыя чувства къ нему можно объяснить отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ не стоитъ на дорогѣ политическихъ партій и не хлопочетъ о выборѣ на новое четырехлѣтіе; но для всякаго знакомаго съ состояніемъ умовъ въ Аме-

рикѣ очевидно, что, помимо политическихъ соображеній, Гэсъ съумѣлъ заслужить уваженіе народа и съ честью сходитъ съ должности, наиболѣе подверженной народной критикѣ и нападеніямъ со стороны неудовлетворенныхъ и раздраженныхъ людей, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одно государственное мѣропріятіе.

Честная администрація Гэса много способствовала тому, чтобы поднять кредитъ республиканской партіи. Хотя большинство административныхъ реформъ проводилось вопреки оппозиціи республиканцевъ, однакожь теперь, когда имъ приходится сводить счеты съ демократами и доказывать свою способность къ честной администраціи, они, умалчивая о своихъ продѣлкахъ при Грантѣ, постоянно ссылаются на администрацію Гэса. Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ народъ отдохнулъ отъ скандаловъ грантовскаго времени и еслибъ административная способность партіи была единственною оцѣнкой ея годности, народъ, безъ сомнѣнія, вотировалъ бы за республиканцевъ. Но есть другія нужды—поважнѣе честной администраціи; есть другіе вопросы, надъ которыми ломаются копья рыцарей политики, и въ числѣ ихъ вопросъ объ экономическомъ бытѣ народа и финансовомъ состояніи страны стоитъ, безъ сомнѣнія, на первомъ мѣстѣ.

Читателю извѣстно, что со времени окончанія войны до настоящаго времени правительство Соединенныхъ Штатовъ усердно занимается погашеніемъ долга, сдѣланнаго во время войны. Покамѣстъ оно занималось погашеніемъ государственныхъ облигацій, дѣло шло очень хорошо, потому что съ погашеніемъ каждой облигаціи уменьшалось бремя процентовъ на нее. Во вторую половину грантовской администраціи правительство перестало выкупать облигаціи, а только переводило ихъ на облигаціи приносящія меньшій процентъ, но въ то же время оно стало вынимать изъ обращенія кредитныя бумажки, служившія въ то время единственнымъ орудіемъ обмѣна въ странѣ. Разумѣется, что въ предлогахъ, оправдывавшихъ эту мѣру, недостатка не было. «Кредитныя бумажки,—говорили защитники этой мѣры,—выражаютъ долгъ правительства, обязавшагося платить звонкою монетой всякому предъявителю бумажки; а для того, чтобы правительство могло выполнить свое обязательство и возобновить платежи звонкою монетой всякому предъявителю бумажки, ему необходимо сначала уменьшить ихъ количество въ странѣ». Напрасно многіе финансисты въ странѣ и въ томъ числѣ знаменитый политико-экономъ Кэри возставали противъ этой теоріи, доказывая и разсужденіями и фактами дня, что покупательная сила бумажки зависитъ не отъ размѣна ея на золото или серебро, но, во-первыхъ, отъ отношенія количества денежныхъ знаковъ къ количеству обмѣниваемыхъ товаровъ и, во-вторыхъ, отъ степени довѣрія къ правительству, выпускающему эти бумажки. Напрасно эти люди предостерегали законодателей страны и доказывали народу, какое страшное зло можетъ произойти отъ уменьшенія денежныхъ знаковъ.

Капиталистамъ была выгодна подобная операція и конгрессъ, покорный слуга ихъ, только повиновался ихъ приказу. Что же вышло въ результатѣ?—Съ уменьшеніемъ количества денежныхъ знаковъ увеличился запросъ на деньги, т. е. увеличился процентъ на займы, и въ той же степени уменьшились торговые обороты и мануфактурная промышленность страны. Капиталисты выигрывали отъ повышенія процентовъ; страна въ той же мѣрѣ бѣднѣла.

Мало того, быстрыя измѣненія въ покупательной силѣ доллара ложились всею тяжестью на должниковъ, представляя только выгоды для заимодавцевъ, такъ какъ всѣ долговыя обязательства выражаются счетомъ долларовъ, а долларъ 1872 года представлялъ собой гораздо большую сумму богатствъ, чѣмъ долларъ 1866 года. Разумѣется, подобное положеніе дѣлъ не могло тянуться долго, не обнаруживая своихъ прекрасныхъ послѣдствій. Началась повсемѣстная продажа «съ молотка» собственности несостоятельныхъ должниковъ; стали закрываться фабрики и заводы; лопались банки. Въ 1874 году состояніе страны было по-истинѣ печально. Сотни тысячъ рабочихъ были лишены средствъ къ существованію, — появился американскій пролетаріатъ. Воочію для всѣхъ стали сбываться предсказанія людей, съ самаго начала возстававшихъ противъ финансовой политики правительства. Въ виду народнаго бѣдствія многіе стали переходить на ихъ сторону; начала образовываться партія гринбакеровъ (green back—зеленая спинка: такъ народъ называетъ государственныя бумажныя деньги, выпущенныя во время войны). Ихъ принципы, встрѣченные сначала всеобщимъ хохотомъ, начинаютъ мало-по-малу пріобрѣтать себѣ такихъ солидныхъ послѣдователей, каковы: верховный судья (а потомъ сенаторъ) Дэвисъ, Бенджаменъ Бутлеръ, сенаторъ Турманъ и много другихъ знаменитостей политическаго міра. Республиканцы, потерявши голову, стали обвинять другъ друга; въ рядахъ демократической партіи тоже появился расколъ. Было одно время, когда прежнія границы между двумя партіями перестали существовать, когда по всѣмъ спорнымъ вопросамъ республиканцы смѣшивались съ демократами, когда появилось новое дѣленіе на hard-money men (людей стоящихъ за металлическія деньги) и soft-money men (людей стоящихъ за бумажныя деньги). Въ 1876 году финансовые вопросы выдвигаются на первый планъ и партіи, собиравшіяся тогда въ конвенты для выбора кандидатовъ на президентское званіе и для изложенія своихъ принциповъ, должны были такъ или иначе высказаться относительно ихъ. Замѣчательно, что республиканская партія, большинство которой состояло изъ hard-money men, объявила себя за продолженіе прежней политики, тогда какъ демократическая, большинство которой состояло изъ soft-money men, выразилась противъ возвращенія къ уплатѣ звонкою монетою.

Гринбакерская ересь проникла въ законодательныя собранія страны, хотя большинство законодателей, какъ и слѣдовало ожидать, состояло изъ

hard-money men. Представители капиталистовъ отлично понимали, что гринбакеры, стремясь увеличить количество бумажныхъ денегъ, подрываютъ ихъ привилегію—монополизировать денежное обращеніе, быть кредиторами страны и жить на проценты, далеко превосходящіе процентное увеличеніе народнаго богатства. Не благо народа, а тугость своего кармана была предметомъ заботливости этихъ людей, хотя они отлично умѣли прикрывать свои намѣренія и представлять изъ себя благодѣтелей народа. Людей неспособныхъ къ оригинальной и новой мысли они притягивали къ себѣ силою общераспространеннаго заблужденія, будто только золото и серебро могутъ быть орудіемъ обмѣна, а наигравая на патріотической стрункѣ, увѣряя, что честь народа обязываетъ его держаться разъ даннаго слова, они увлекали и тѣхъ честныхъ, но недальновидныхъ людей, которые изъза вопросовъ чести забываютъ основные пріемы логики.

Опираясь на общественные предразсудки и на ложно понятый патріотизмъ, hard money men имѣли и имѣютъ до сихъ поръ значительный перевѣсъ, какъ внутри, такъ и внѣ конгресса. Политика погашенія государственныхъ бумажекъ продолжалась и при Гэсѣ, какъ будто страна благоденствуетъ, какъ будто ей вовсе не угрожаетъ буря отъ накопляющагося недовольства пролетаріевъ.... Но вотъ ударилъ громъ....

Рабочіе при желѣзныхъ дорогахъ, выведенные изъ терпѣнія постояннымъ уменьшеніемъ жалованья, согласились на повсемѣстную стачку и, лѣтомъ 1876 г., движеніе пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ прекратилось во всей странѣ. Стачка была организована очень хорошо; къ несчастію, стачечники упустили изъ вида, что въ странѣ есть много голодныхъ людей, готовыхъ работать за самую ничтожную плату, и что желѣзно-дорожныя компаніи не остановятся передъ рискомъ, сопряженнымъ съ замѣною опытныхъ рукъ прежнихъ рабочихъ новыми и неумѣлыми людьми. Такъ дѣйствительно и случилось: и стачка, грозившая надолго прекратить всякія сношенія въ странѣ, вскорѣ потеряла свой грандіозный характеръ и движеніе поѣздовъ возстановлялось въ странѣ по мѣрѣ комплектованія состава рабочихъ новыми людьми, набираемыми изъ пролетаріата большихъ городовъ Союза. Подобная замѣна не вездѣ проходила безъ протеста со стороны стачечниковъ. Въ Питсбургѣ они оцѣпили депо и локомотивный сарай и не позволяли новымъ рабочимъ приступить къ перевозкѣ товаровъ. Раздраженное управленіе желѣзной дороги призвало на помощь милицію и, подъ предлогомъ якобы мятежа, начала дѣйствовать слишкомъ круто. Вмѣсто того, чтобы спокойно и въ порядкѣ отстранить стачечниковъ и дать возможность новымъ рабочимъ начать свое дѣло, милиція кинулась на нихъ и безъ всякаго предлога стала употреблять оружіе. Свободная кровь американцевъ закипѣла отъ небывалаго оскорбленія. Въ нѣсколько минутъ толпа, безоружная и сначала спокойная, обратилась въ разъяренную массу людей, вооруженныхъ револьверами и штуцерами. Послѣ короткаго сопротивленія, милиція увидала невозможность

противостоять толпѣ и поспѣшила запереться въ одно изъ громадныхъ зданій, принадлежавшихъ желѣзно-дорожной компаніи. Разъяренный народъ не удовольствовался отступленіемъ милиціи,—кровь невинно-погубленныхъ вопіяла о мщеніи. Толпа народа кинулась въ арсеналъ, хранившій старыя пушки, и немедленно сформировалась батарея изъ людей знакомыхъ съ артиллерійскимъ дѣломъ; пушки были вывезены противъ зданія, занятаго милиціей, и началась канонада съ цѣлью разрушить это зданіе и наказать милицію за начатое ею кровопролитіе. Всѣ недовольные, страдавшіе такъ долго отъ безработицы, примкнули къ нападавшимъ. Небольшое число людей, могшихъ вліять на стачечниковъ и удерживать ихъ отъ крайностей, не могло контролировать толпы озлобленнаго пролетаріата. Звуки пушечныхъ выстрѣловъ, набатъ городскихъ колоколовъ, вмѣстѣ съ очевиднымъ сознаніемъ своей силы, разожгли только животные инстинкты мести. Оставивши милицію, забаррикадированную въ зданіи, толпа кинулась грабить товарные поѣзда и, съ наступленіемъ вечера, зажгла депо. Ужасъ обуялъ городомъ; горожане стали вооружаться для защиты своей собственности; отрядъ регулярной арміи спѣшилъ къ мѣсту безпорядковъ; но пролетаріи Питсбурга вовсе не намѣревались трогать гражданъ. Они выместили свою злобу, наказавши милицію и желѣзнодорожную компанію, и спокойно разошлись по домамъ. На другой день городъ принялъ свой обычный будничный видъ; правда, полиція произвела много арестовъ, но большая часть арестованныхъ были впослѣдствіи отпущены на свободу, такъ какъ судья рѣшилъ, что вина въ возбужденіи мятежа лежитъ не на зачинщикахъ стачки, а на городской милиціи, слишкомъ неумѣренно принявшейся усмирять смирную толпу, и что убытки, понесенные желѣзнодорожною компаніей, должны быть уплачены цѣлымъ городомъ, отвѣтственнымъ за поведеніе выборнаго мэра, начальника милиціи и вообще всѣхъ должностныхъ лицъ, не умѣвшихъ выказать должнаго благоразумія въ обращеніи съ недовольными людьми.

Судъ оправдалъ питсбургскихъ рабочихъ, тѣмъ не менѣе впечатлѣніе, произведенное этимъ событіемъ на капиталистовъ, было необыкновенно сильно. Они воочію увидали, сколько грозной мощи можетъ быть выказано несчастнымъ трампомъ (tramp—популярное названіе человѣка, шатающагося съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за какою-нибудь работою). Почти всѣ большія газеты Америки (будучи органами капиталистовъ) подняли вопль негодованія противъ пролетаріевъ. Они не стыдились называть ихъ «собаками», заслуживающими «бичеванія кнутомъ». Быть трампомъ—стало преступленіемъ и въ нѣкоторыхъ Штатахъ Союза были проведенъ законъ, по которому всякій трампъ долженъ быть посаженъ въ тюрьму и приставленъ къ каторжной (т. е. подневольной) работѣ. Даже такая газета, какъ *Трибунъ*, позабывши, что основатель ея, Горасъ Грили, былъ другомъ рабочихъ, наравнѣ съ другими газетами стала агитировать необходимость увеличенія арміи для скораго и безпощаднаго подавленія всякихъ мятежей.

Правда, независимые органы возражали, что штыками нельзя залѣчить недовольство: «пули и штыки могутъ на время загнать недовольство во внутрь, не позволять ему обнаруживаться; но это мнимое спокойствіе будетъ опаснѣе питсбургской вспышки. Рано или поздно наступитъ время, когда сдавленный паръ пріобрѣтетъ громадную силу, разорветъ всѣ преграды и сломаетъ все стоящее на его дорогѣ. Не штыки и пули, а добросовѣстное изученіе причинъ, приведшихъ народъ къ нуждѣ, и возможнополное отстраненіе ихъ — могутъ излѣчить болѣзненныя проявленія народнаго недовольства» (Toledo Blade, осень 1876 г.). Но такіе голоса терялись въ общемъ негодованіи противъ пролетаріата и въ общемъ требованіи сильной центральной власти, способной предупреждать и карать народные безпорядки. Случилось, что вскорѣ за питсбургскою вспышкой палата представителей приступила къ составленію бюджета страны. Вся мыслящая часть Америки съ большимъ интересомъ слѣдила за дебатами палаты по поводу увеличенія арміи. Аргументація наемныхъ газетъ нашла откликъ въ стѣнахъ Капитолія. Но въ то время, какъ республиканская партія доказывала необходимость увеличенія арміи, демократическая партія, составляя большинство въ палатѣ представителей, настояла на уменьшеніи какъ численности арміи, такъ и окладовъ высшихъ ея чиновъ.

Будь администрація страны въ рукахъ демократовъ, они, испуганные быть-можетъ питсбургскимъ событіемъ, также какъ и республиканцы, старались бы объ увеличеніи арміи; но теперь, когда армія была въ рукахъ республиканцевъ, они не захотѣли увеличивать ее, видя въ ней покорную исполнительницу воли федеральной власти. Сознательно или безсознательно, во всякомъ случаѣ демократы стали на этотъ разъ на сторону народа и всѣ требованія капиталистовъ объ увеличеніи арміи разбились о нежеланіе демократовъ усиливать и безъ того уже сильную центральную власть.

То же противодѣйствіе централизаціоннымъ стремленіямъ республиканцевъ побудило демократовъ высказаться съ хорошей стороны по поводу (да проститъ меня читатель за употребленіе чисто-американскаго выраженія) «введенія Бога въ конституцію страны». Постараюсь вкратцѣ пояснить это характеристическое дѣло.

Всѣмъ извѣстно, что одно изъ основныхъ положеній конституціи Соединенныхъ Штатовъ заключается въ полной свободѣ совѣсти и даетъ право всякому гражданину держаться какихъ угодно религіозныхъ, политическихъ и соціальныхъ мнѣній; но далеко не всѣмъ извѣстно, что нетерпимость всегда составляла характеристическую черту большинства американскихъ поселенцевъ и что даже въ настоящее время въ большинствѣ Штатовъ существуютъ законы, запрещающіе работу по воскресеньямъ, не допускающіе атеистовъ быть свидѣтелями и присяжными въ судѣ, требующіе присяги надъ библіей и т. под.

Законы эти существуютъ и строго выполняются, несмотря на свое противорѣчіе съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ, а подобный фактъ лучше всякихъ разсужденій показываетъ, какъ сильна нетерпимость христіанскихъ сектъ въ Америкѣ даже въ настоящее время.

Многіе, опираясь на религіозную нетерпимость огромнаго большинства населенія и желая согласить законы Штатовъ съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ, энергически агитируютъ необходимость введенія поправки къ конституціи, по которой христіанскій Богъ долженъ быть признанъ Владыкою и Господомъ страны, а христіанская религія—господствующею. Пусть читатель не думаетъ, что эти люди «отстали отъ вѣка», что они затѣваютъ нѣчто невыполнимое въ настоящее время. «Христіанская ассоціація» (названіе общества агитирующаго этотъ вопросъ) считаетъ въ своихъ рядахъ сотни тысячъ членовъ, многихъ даровитыхъ проповѣдниковъ и замѣчательныхъ политическихъ дѣятелей. Президентомъ христіанской ассоціаціи въ настоящее время не кто иной какъ предсѣдатель верховнаго суда Соединенныхъ Штатовъ.

Въ виду опасности, грозящей либераламъ, эти послѣдніе составили оборонительный союзъ, подъ названіемъ «либеральной лиги», съ цѣлью пропагандировать всѣми легальными путями идею о необходимости полнѣйшаго отдѣленія церкви отъ государства и уничтоженія всѣхъ законовъ, противорѣчащихъ буквѣ и духу конституціи Соединенныхъ Штатовъ.

Приверженцы христіанской ассоціаціи пробовали уже разъ свои силы и пытались провести черезъ конгрессъ свою поправку къ федеральной конституціи, и хотя не всѣ республиканцы были за нее, тѣмъ не менѣе, только благодаря большинству демократовъ, вотировавшихъ противъ нея, попытка эта оказалась неудачною.

Факты, приведенные мною на предыдущихъ страницахъ, показываютъ, что въ то время, какъ демократическая партія, представительница федеративнаго начала, становится на сторону рабочаго люда и свободы мнѣній, республиканская партія (стремящаяся къ централизаціи) выказываетъ все болѣе и болѣе свою нетерпимость и желаніе контролировать мнѣнія и поступки людей.

Возмемъ для примѣра только-что упомянутую борьбу между христіанской ассоціаціей и либеральными лигами Америки. Борьба эта, существующая со временъ Томаса Пэна, безспорно принесла громадную пользу странѣ, такъ какъ въ ней только могли обнаружиться и слабыя стороны, и достоинства каждаго изъ враждующихъ направленій. До послѣдняго времени конгрессъ оставался совершенно нейтральнымъ къ этой борьбѣ, не вмѣшиваясь въ дѣла совѣсти, не предпринимая рѣшеній по спорнымъ вопросамъ этики. Но вотъ, во время грантовскаго президентства, республиканцы, бывшіе полными хозяевами конгресса, провели законъ, запрещающій, подъ страхомъ тяжелаго наказанія, пересылку по почтѣ obsene *)

*) Obsene, по Рейфу, значитъ—похабный, срамный, непотребный.

literature, т. е. книгъ и гравюръ, шокирующихъ чувство стыда и приличія. Дѣло, повидимому, было вполнѣ законное и похвальное. Конгрессъ, не имѣя права стѣснять свободу печати, можетъ, въ силу конституціи, регулировать всѣ дѣла, относящіяся до почты, и рѣшать, что можетъ пересылать по почтѣ и что нѣтъ.

Но законъ этотъ, проведенный въ конгрессѣ членами христіанской ассоціаціи и не опредѣляющій, что же именно надо считать за obsene literature, предоставлялъ рѣшеніе этого деликатнаго вопроса въ каждомъ данномъ случаѣ на благоусмотрѣніе судьи и христіанъ-присяжныхъ и открывалъ возможность самыхъ произвольныхъ толкованій и самыхъ вопіющихъ злоупотребленій.

Немедленно, по выходѣ закона, христіанская ассоціація назначила нѣкоего Антона Комстока своимъ агентомъ для предупрежденія порока. Комстокъ, принимая фальшивыя имена, шлетъ деньги къ разнымъ издателямъ, съ просьбою выслать ему тотъ или другой памфлетъ, тотъ или другой нумеръ газеты, въ которомъ, какъ ему уже извѣстно впередъ, заключаются мѣста, оскорбляющія чувство стыда и приличія.

Получивъ памфлетъ или газету со штемпелемъ почты, онъ является въ судъ, обвиняетъ издателя въ нарушеніи почтовыхъ законовъ, и издатель обыкновенно приговаривается или къ уплатѣ тяжелой пени, или къ заключенію въ тюрьму.

Понятно, что, при неопредѣленности закона, въ разрядъ obsene literature могли попасть книги и трактаты, написанные честными людьми, съ искреннимъ намѣреніемъ помочь ближнимъ; понятно также, что христіанская ассоціація могла отлично пользоваться этимъ закономъ въ своей борьбѣ съ либералами. И дѣйствительно, когда г-жа Вудховъ, семь лѣтъ тому назадъ, напечатала въ своей газетѣ скандальныя подробности изъ жизни знаменитаго проповѣдника Бичера и готова была подтвердить правоту своихъ обвиненій неоспоримыми доказательствами, христіанская ассоціація, дѣйствуя черезъ своего агента Комстока, предала ее суду за разсылку по почтѣ obsene literature. Судъ, разумѣется, обвинилъ ее, хотя любой романъ съ любовниками, любовницами и обольстителями толкуетъ о томъ, что совершалъ Бичеръ, съ гораздо бо̀льшими подробностями въ сферѣ сальности и грязи.

Негодуя на рѣшеніе суда, стѣсняющаго свободу печати, и желая отомстить христіанской ассоціаціи злою шуткой, Трэнъ, извѣстный богачъ и эксцентрикъ Нью-Йорка, издалъ особою брошюрой всѣ циническія выраженія книги, особенно уважаемой народомъ и находящейся во всеобщемъ употребленіи. Щедрою рукой онъ сталъ разсылать эти брошюры по почтѣ во всѣ концы Америки, публично вызывая Комстока арестовать его за распространеніе obsene literature. Онъ зналъ, что Комстокъ безсиленъ обвинить его въ нарушеніи почтоваго закона, такъ какъ все содержимое въ брошюрѣ было заимствовано изъ очень почтенныхъ авторовъ. Но силь-

ная и вліятельная христіанская ассоціація не захотѣла оставить безнаказанно его выходку. Трэнъ былъ обвиненъ въ оскорбленіи нравственности. Небывалый еще въ юридическомъ мірѣ скандалъ былъ замятъ только тѣмъ, что судья, дѣлавшій предварительное слѣдствіе, призналъ Трэна умо-поврежденнымъ и отправилъ его въ одну изъ психіатрическихъ лѣчебницъ для медицинскаго изслѣдованія и, если нужно, лѣченія.

Все это дѣлалось при Грантѣ. Посмотримъ теперь, что дѣлается при Гэсѣ. Около двухъ лѣтъ тому назадъ одинъ изъ наиболѣе рѣзкихъ, хотя далеко не изъ самыхъ талантливыхъ, противниковъ христіанства, Гейвудъ, издалъ брошюру, защищающую идеи «свободной любви». Комстокъ немедленно притянулъ его къ суду и судъ приговорилъ его къ тюремному заключенію. Гэсъ, которому стало извѣстно это дѣло, по прочтеніи брошюры Гейвуда, рѣшился воспользоваться правомъ президента — прощать преступниковъ и простилъ Гейвуда.

Между тѣмъ Беннетъ, редакторъ и издатель одной изъ наиболѣе распространенныхъ атеистическихъ газетъ, протестуя противъ обвиненія Гейвуда, публично объявилъ, что онъ будетъ разсылать по почтѣ брошюру Гейвуда всѣмъ желающимъ прочесть ее. Комстокъ снова получилъ ее по почтѣ и на мѣсто Гейвуда, выпущеннаго изъ тюрьмы, былъ посаженъ Беннетъ. Болѣе 100.000 человѣкъ посылали президенту петиціи и письма, убѣждая его простить Беннета; но христіанская ассоціація, противодѣйствуя агитаціи либераловъ, посылала къ президенту такое же, если не большее, число петицій, умоляя его не потворствовать растлѣнію нравственности. Гэсъ, будучи ревностнымъ приверженцемъ церкви, оставался въ нерѣшительности и Беннетъ только недавно вышелъ изъ тюрьмы, отбывши годовой срокъ заключенія.

Я останавливаюсь на этихъ фактахъ, чтобъ яснѣе показать читателю, какимъ образомъ почтовый законъ конгресса (по-просту называемый Комстоковымъ закономъ) теряетъ мало-по-малу свой первоначальный характеръ и обращается въ орудіе для борьбы съ либералами. Изданіемъ Комстокова закона республиканская партія возстановила противъ себя либеральный элементъ Америки и поступила вопреки основнымъ принципамъ терпимости.

Тенденція республиканцевъ—быть нетерпимыми—обнаруживается еще въ большей степени преслѣдованіемъ мормоновъ. Читателямъ извѣстно, что большая часть мормоновъ признаетъ многоженство однимъ изъ догматовъ своей религіи, подобно тому, какъ признаютъ его мусульмане; извѣстно также, что ихъ матеріальное благосостояніе, ихъ помощь и гуманное обращеніе съ бѣдными и вновь прибывающими эмигрантами служатъ главною приманкой для бѣдныхъ классовъ Европы. Множество христіанъ, задавленныхъ современною борьбою за существованіе, съ радостію переходятъ въ мормонизмъ, обезпечивающій имъ, по крайней мѣрѣ, кусокъ земли и безбѣдное существованіе. Сила мормоновъ заключается не въ мно-

гоженствѣ, а въ лучшемъ экономическомъ устройствѣ общества, тѣмъ болѣе, что практика многоженства, составляя привилегію богатыхъ людей, вовсе не распространена въ массахъ и ни въ какомъ случаѣ не хуже практики «падшихъ женщинъ» (и падшихъ мужчинъ, прибавлю я), такъ блистательно поддерживаемой современною цивилизаціей моногамистовъ. Даже допуская, что многоженство есть дѣйствительное преступленіе противъ законовъ природы, съ которымъ слѣдуетъ бороться, мы можемъ допустить только одинъ видъ борьбы — честной и свободной борьбы мнѣній, опирающихся на научные факты.

Пусть будетъ такъ,—говорятъ представители республиканской партіи,— пусть борятся съ ними миссіонеры и публицисты, но мы, законодательная власть страны, не можемъ дожидаться добровольнаго уничтоженія многоженства, мы должны карать его такъ же, какъ караемъ воровство и другія преступленія.

И, вотъ, республиканцы, опираясь на хромую логику, смѣшивая *убѣжденія* людей, согласившихся жить и вѣровать въ Бога по-своему, съ *преступленіемъ*, когда одинъ человѣкъ посягаетъ на право другаго безъ его вѣдома и согласія,—дурачатъ народъ и, дѣйствуя отъ его имени, проводятъ законъ, запрещающій многоженство на территоріяхъ Союза *) и подвергающій каждаго многоженца отвѣтственности передъ судомъ.

Законъ этотъ, проведенный еще во время Гранта, способенъ навести на размышленія весьма грустнаго свойства. Неужели американская республика, начавшая свое существованіе болѣе чѣмъ 100 лѣтъ тому назадъ великолѣпнымъ признаніемъ непонятаго въ то время и непризнаннаго принципа вѣротерпимости, могла упасть до такой степени, что теперь, когда даже полуварварскія націи начинаютъ признавать пользу вѣротерпимости, эта передовая страна цивилизаціи способна перейти къ средневѣковой практикѣ инквизиціи, къ гоненію людей за ихъ религіозныя убѣжденія?

Еслибы господствующая партія дѣйствительно представляла собой чувства и мнѣнія страны, то можно бы было серьезно призадуматься надъ будущею судьбой Америки. Къ счастію, республиканская партія теперь не болѣе какъ слѣпое орудіе въ рукахъ банкирскихъ и желѣзнодорожныхъ компаній, а эти послѣднія руководятся только барышомъ, ожидаемымъ отъ насильственнаго переселенія мормоновъ изъ Юты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что народъ проснется отъ своей летаргіи, сброситъ ярмо, такъ ловко и незамѣтно надѣваемое на него въ настоящее время, и по-американски протянетъ руку примиренія ко всѣмъ честнымъ людямъ, каковы бы ни были ихъ религіозныя мнѣнія.

До сихъ поръ я указывалъ только на ошибки и дурныя стороны вожаковъ республиканской партіи. Въ чемъ же,—спроситъ недоумѣвающій

*) Всѣ территоріи Союза, числомъ 9, подлежатъ вѣдѣнію конгресса Соединенныхъ Штатовъ.

читатель,—заключается ихъ сила? Почему они, со времени Линкольна и до настоящаго времени, остаются во главѣ правленія?

Отвѣтъ очень простъ. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ихъ сила заключалась въ олицетвореніи дѣйствительной и насущнѣйшей потребности народа, и если, по удовлетвореніи этой потребности, они до сей поры остаются во главѣ правленія, то только вслѣдствіе ошибокъ демократической партіи.

Когда впервые раздались пушечные выстрѣлы сепаратистовъ,—первое, почти инстинктивное чувство народа нашло свое выраженіе въ словахъ Union forever (союзъ навсегда). Огромное большинство республиканцевъ готово было отложить въ сторону всѣ спорные вопросы, позабыть позоръ невольничества, лишь бы только южане не настаивали на выдѣленіи изъ Союза и не образовывали отдѣльной федераціи. Чувство самосохраненія подсказывало народу, что республиканцы правы,—что, разъ раздѣлившись на двѣ взаимно соперничествующія федераціи, они дадутъ возможность европейскимъ правительствамъ утвердить свое вліяніе въ Америкѣ и, подобно европейскимъ народамъ, они должны будутъ содержать сильную армію и жить въ постоянномъ ожиданіи новой войны. Добровольное раздѣленіе Союза было бы политическимъ самоубійствомъ, и южанамъ предлагались всевозможныя уступки, лишь бы только они оставались въ федераціи. Гордые и самонадѣянные южане не хотѣли никакой сдѣлки; они твердо рѣшились на войну; и хотя война сломила ихъ, они и вся демократическая партія не переставали утверждать, что если каждый Штатъ дѣйствительно самодержавное государство, то онъ имѣетъ право на выдѣленіе изъ Союза.

До тѣхъ поръ, пока демократическая партія стояла за эти принципы, пока она не признавала законности освобожденія негровъ, распространенія на нихъ права голоса и всѣхъ мѣръ, вытекшихъ какъ результатъ войны, до тѣхъ поръ она не могла быть симпатичной для народа. Народъ, естественно, тяготѣлъ къ республиканцамъ, которые смѣло и энергически стояли за «Союзъ во что бы то ни стало». Никто не забылъ еще, какъ ловко купеческая Англія и императорская Франція пользовались распаденіемъ Союза и старались раздувать вражду, выгодную для ихъ эгоистическихъ цѣлей. Идея о неразрывности Союза, дорогая для американца и до войны, теперь, послѣ тяжелыхъ жертвъ войны, перешла въ его плоть и кровь. Ошибка демократовъ состояла въ томъ, что они не поняли безповоротности въ рѣшеніяхъ судьбы и все продолжали толковать о самодержавіи Штатовъ. Народъ далъ имъ мѣткую кличку; онъ не хотѣлъ даже слушать «бурбоновъ» и постоянно призывалъ къ власти республиканцевъ, которые, несмотря ни на свои ошибки, ни на нравственное паденіе своихъ представителей, ни на подавляющее стремленіе къ централизаціи, всегда имѣли за собой одну великую услугу: они спасли Союзъ и съумѣли такъ скрѣпить его въ продолженіе 16 лѣтъ, протекшихъ послѣ войны, что,

за исключеніемъ особенно-упорныхъ и закоренѣлыхъ сепаратистовъ отживающаго поколѣнія, само населеніе Южныхъ Штатовъ сознаетъ теперь вредъ и нелѣпость раздѣленія.

Въ 1876 году демократическая партія впервые поняла, что ей надо говорить не о самодержавіи Штатовъ (какъ независимыхъ государствъ), но о необходимости отстаивать мѣстное самоуправленіе, которому грозитъ опасность отъ усилія федеральной власти и которое такъ дорого свободолюбивому американцу. Съ тѣхъ поръ относительное положеніе партій измѣняется въ пользу демократовъ. Снявши съ себя тяжелое обвиненіе въ сепаратизмѣ и помирившись со всѣми результатами войны, демократы отняли у своихъ политическихъ враговъ возможность пугать народъ новою войной, и народъ, обезпечивши цѣлость Союза, спокойнѣе выслушиваетъ требованія демократовъ и начинаетъ немного убѣждаться, что, переставши быть «бурбонами», они могутъ быть очень полезными людьми въ управленіи государствомъ.

Впрочемъ, республиканцы опираются еще на другую услугу странѣ. Они говорятъ, что ихъ финансовая политика, т.-е. постепенное уничтоженіе бумажныхъ денегъ, съ цѣлью возстановить платежи звонкою монетой, увѣнчалась полнѣйшимъ успѣхомъ; что, несмотря на оппозицію демократовъ и гринбакеровъ, несмотря на финансовый и промышленный кризисъ 1872—1874 годовъ, она довела свое дѣло до конца и правительство съ 1-го января 1880 года уже производитъ уплату звонкою монетой, и что, вопреки предсказаніямъ пессимистовъ, страна теперь благоденствуетъ, фабрики и заводы работаютъ по-прежнему и положеніе рабочихъ замѣтно улучшается.

Все это они, разумѣется, приписываютъ своей мудрой финансовой политикѣ и, опираясь на этомъ, требуютъ, чтобы народъ заявилъ имъ свое довѣріе, снова призвавши ихъ къ управленію страной.

Факты, выставляемые республиканцами, неоспоримо вѣрны: положеніе страны въ настоящее время гораздо лучше того, какимъ оно было два года тому назадъ. Но надо быть очень довѣрчивымъ человѣкомъ, чтобы приписать благосостояніе страны финансовой мудрости республиканцевъ. Ларчикъ открывается гораздо проще. Два послѣдніе года были годами замѣчательнаго, почти небывалаго, урожая хлѣба и хлопчатой бумаги. Война и неурожаи въ Европѣ подняли цѣны и запросъ на американскіе продукты, и перевѣсъ въ вывозѣ товаровъ надъ ихъ привозомъ былъ по-истинѣ громаденъ. Золото Европы безостановочно идетъ въ Америку для уплаты торговаго баланса и обиліе звонкой монеты *на время* закрываетъ вредныя послѣдствія введенія англійской финансовой системы. Первый годъ средняго урожая сорветъ со страны маску фальшиваго благоденствія и снова покажетъ народу, въ какихъ страшныхъ клещахъ держатъ его капиталисты. А до тѣхъ поръ республиканцы будутъ имѣть полную возможность

дурачить людей и, ссылаясь на благосостояніе страны, доказывать достоинства своей финансовой системы.

Во всякомъ случаѣ для насъ не такъ важно анализировать прошлыя заслуги партіи, какъ узнать ея намѣренія и цѣли въ будущемъ. И платформы партій, т.-е. ихъ манифесты, излагающія, какихъ принциповъ онѣ намѣрены держаться въ теченіе будущихъ 4-хъ лѣтъ, должны представлять для насъ особенный интересъ. Прочитывая манифестъ республиканской партіи и отбрасывая всѣ бомбастическія фразы, перечисляющія ихъ великія заслуги въ прошломъ, остается только слѣдующее:

Партія по-прежнему настаиваетъ на необходимости сильной централизаціонной власти. «Выше каждаго Штата,—говоритъ она,—стоитъ коллективная единица—американскій народъ, который имѣетъ право издавать законы и настаивать на правильномъ выполненіи ихъ въ каждомъ Штатѣ». Затѣмъ она говоритъ, что будетъ держаться той же финансовой политики, стоять за протекціонный тарифъ, настаивать на искорененіи многоженства въ территоріяхъ... Словомъ, платформа, на которой стоитъ республиканская партія, та же, только немного больше обновившаяся. Республиканцы не признаютъ новыхъ требованій жизни; они просто говорятъ: предпочитайте насъ демократамъ, потому что мы оказали великія услуги странѣ, и мы, снова поставленные во главѣ правленія, будемъ дѣйствовать попрежнему. Понятно, что для людей, не забывшихъ еще славныхъ подвиговъ республиканцевъ во времена Гранта, подобное обѣщаніе не имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго.

Тѣмъ не менѣе, когда делегаты республиканской партіи собирались въ Чикаго для изданія манифеста и выбора своего кандидата на президентское званіе, вся страна была охвачена однимъ лихорадочнымъ желаніемъ поскорѣй узнать результаты ихъ засѣданій. Никто, разумѣется, не ожидалъ новаго отъ ихъ платформы, но всѣ сознавали важность предстоящихъ выборовъ, такъ какъ въ нихъ былъ отвѣтъ на вопросъ, сильно волновавшій общество въ теченіе послѣдняго года, а именно: должна ли республиканская партія стать за цезаризмъ или за республику?

Дѣло въ томъ, что въ продолженіе двухъ лѣтъ велась неустанная и въ высшей степени ловкая пропаганда въ пользу новаго избранія Гранта. Капиталисты, въ виду возрастающаго негодованія со стороны рабочихъ, нуждались въ желѣзной рукѣ солдата, которому не трудно бы было залить кровью всякій протестъ противъ существующаго порядка. Интриганамъ и политикамъ важенъ былъ Грантъ потому, что съ его призывомъ на президентское званіе они снова имѣли бы поживу въ видѣ хорошихъ должностей и неограниченное вліяніе на администрацію страны. Ненавистникамъ Юга нравился Грантъ за его безцеремонное обращеніе съ Южными Штатами, а сторонники централизаціи не могли сдѣлать лучшаго выбора, такъ какъ Грантъ всегда смотрѣлъ на народъ какъ на армію, обязанную повиноваться приказаніямъ главнокомандующаго. И вотъ, еще

въ 1876 году, составилась могущественная коалиція, съ цѣлью избрать Гранта на третій срокъ. Капиталисты снабжали ее матеріальными средствами для пропаганды; политики внесли въ нее свою ловкую, изворотливую софистику, свое умѣнье льстить толпѣ и въ то же время гнуть ее согласно своему желанію. Но самое поверхностное зондированіе народныхъ чувствъ показало имъ, какъ сильно еще предубѣжденъ народъ противъ небывалаго еще въ исторіи Америки выбора президента на третій срокъ. Имъ пришлось отложить схему выборовъ до 1880 г., и очень можетъ быть, что они внушили Гранту желаніе путешествовать за границей. Ловкіе интриганы отлично знали, какъ необходимо было приковать вниманіе народа къ Гранту, какъ пріятно будетъ для народнаго тщеславія читать въ газетахъ, что Грантъ-де посѣщаетъ всѣ иностранные дворы, сводитъ дружбу съ Бисмарками, Макъ-Магонами и другими сильными міра сего, ласково принимается коронованными особами и т. под. Въ газетахъ были разсыпаны похвалы политической мудрости Гранта и республиканской скромности, имъ выказанной во время путешествія, а когда стало приближаться время возврата, то почти всѣ газеты (въ особенности тѣ, которыя получаютъ субсидіи отъ капиталистовъ), стали говорить, что американцы не должны отставать отъ чужеземцевъ въ чествованіи Гранта и что встрѣча его въ Америкѣ должна затмить собою всѣ заграничныя оваціи.

Лѣтомъ прошлаго года Грантъ, заканчивая свое путешествіе, выѣхалъ изъ Японіи къ Санъ-Франциску и калифорнскіе милліонеры должны были первыми встрѣтить Гранта послѣ его двухлѣтней отлучки изъ родины. Ихъ расположеніе къ «сильному человѣку» (такъ называютъ Гранта его адвокаты) особенно усилилось послѣ того, какъ народная партія настояла на введеніи въ конституцію Штата нѣсколько статей, стѣсняющихъ обладаніе большими участками земли, и они не щадили никакихъ издержекъ, чтобы сдѣлать ему самую великолѣпную встрѣчу. Дѣйствительно, овація была по-истинѣ царская: музыка, пушечная канонада, флаги, иллюминація, процессіи—дѣлали изъ встрѣчи какой-то фантастическій, небывалый праздникъ; а сотни тысячъ любопытныхъ, собравшихся посмотрѣть на даровое зрѣлище, дали поводъ грантистскимъ газетамъ представить ее дѣломъ чисто-народнымъ. Тщательно описывая всѣ мелочи относительно Гранта, онѣ благоразумно забывали прибавить, что когда одинъ изъ вліятельныхъ вождей народной партіи, Денисъ Керни, захотѣлъ свидѣться съ нимъ, Грантъ не принялъ его.

Независимые органы печати, не проникая еще во всѣ таинства интриги, съ изумленіемъ спрашивали: во имя чего устраиваются такія оваціи? Развѣ мы не высказывали Гранту свою благодарность послѣ окончанія войны? Развѣ онъ не былъ встрѣчаемъ тогда по всей Америкѣ—съ меньшимъ великолѣпіемъ, быть-можетъ, но навѣрное съ большею искренностію? Развѣ не въ силу его заслугъ на войнѣ мы выбрали его президентомъ и терпѣли въ продолженіе 8 лѣтъ очень плохую администрацію?

Какой же смыслъ имѣетъ теперь возобновленіе овацій и не противорѣчать ли онѣ республиканскимъ принципамъ?... Но подобныя возраженія не могли вліять на массы населенія, такъ какъ почти всѣ крупныя газеты республиканской партіи поощряли оваціи. Примѣръ Санъ-Франциско возбудилъ въ другихъ большихъ городахъ тщеславное желаніе затмить другъ друга блескомъ встрѣчъ и Чикаго безспорно принадлежитъ пальма первенства въ этомъ безумномъ состязаніи. Все путешествіе Гранта по Америкѣ было рядомъ тріумфальныхъ встрѣчъ. Когда имя Гранта было на устахъ у всѣхъ, когда всѣ газеты и иллюстраціи были наполнены отчетами и картинами овацій, оказываемыхъ ему, рука таинственнаго дирижера дала знакъ къ началу финальной аріи и нѣсколько сотенъ крупныхъ газетъ въ одинъ голосъ стали заявлять, что въ виду *народнаго* энтузіазма, высказаннаго относительно Гранта, республиканская партія, чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ побѣду, должна выбрать Гранта кандидатомъ на президентское званіе. Къ чести Гранта надо прибавить, что, будучи только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ интригановъ, онъ не былъ сознательнымъ участникомъ въ интригѣ и, хотя былъ не прочь отъ президентскаго званія, имѣлъ на столько такта, что стоялъ въ сторонѣ отъ грантистовъ и молча дожидался результатовъ ихъ агитаціи.

Многіе органы, замѣтивши, что были пойманы въ ловушку, спохватились и стали доказывать, что кандидатура Гранта противорѣчитъ традиціямъ республики, такъ какъ никто изъ президентовъ не выбирался болѣе двухъ разъ; что Грантъ, будучи превосходнымъ генераломъ, былъ очень плохимъ администраторомъ и что республиканская партія не на столько оскудѣла государственными людьми, чтобы нуждаться въ выборѣ Гранта на третій срокъ. Мало того, говорили иные, если Грантъ будетъ выбранъ снова, то черезъ четыре года, подъ предлогомъ, что онъ прослужилъ только свой первый срокъ послѣ Гэса, его выберутъ еще разъ президентомъ. Что же станется тогда съ нашими республиканскими учрежденіями, если главой правленія въ теченіе 16 лѣтъ будетъ одинъ и тотъ же «сильный человѣкъ»?

Люди незнакомые съ закулисными тайнами политики не хотѣли даже вѣрить, что Грантъ серьёзно разсчитываетъ на кандидатуру. Большинство оставалось спокойнымъ, думая, что общественное мнѣніе выскажется и теперь противъ него, какъ оно высказалось четыре года тому назадъ.

Между тѣмъ коалиція грантистовъ работала неутомимо. Она нашла себѣ сильную поддержку въ административныхъ сферахъ, такъ какъ большая часть администраціи состояла изъ людей назначенныхъ еще Грантомъ и не смѣненныхъ Гэсомъ, только въ силу его «непрактическаго идеализма». Люди эти отлично знали, что другаго идеалиста уже не будетъ и что при выборѣ всякаго другаго президента, кромѣ Гранта, они, навѣрное, слетятъ со своихъ мѣстъ. Отсюда—ихъ усиленная преданность Гранту и ихъ готовность употребить свое немаловажное вліяніе на народъ съ цѣлью склонить его на сторону Гранта.

Приближалось лѣто 1880 года. Во всѣхъ Штатахъ собирались мѣстные конвенты республиканцевъ для выбора делегатовъ въ національный конвентъ партіи, причемъ выборнымъ делегатамъ даютъ часто инструкціи, обязывающія ихъ вотировать (на первой баллотировкѣ) въ пользу извѣстнаго кандидата.

Искусный подборъ людей, деньги и обѣщанія хорошихъ должностей сдѣлали то, что во многихъ Штатахъ делегаты получили инструкціи вотировать за Гранта. Тогда только народъ ясно увидалъ, что коалиція грантистовъ оказывается сильнѣе, чѣмъ предполагалось прежде,—каждому гражданину предстояло или безусловно подчиниться ей, или энергически бороться съ нею. Страстная, ожесточенная борьба закипѣла между республиканцами по поводу Гранта и радость демократической партіи въ виду возрастающаго вліянія грантистовъ и вѣроятнаго раскола въ лагерѣ противниковъ. Демократическія газеты открыто высказывали свои надежды, что республиканцы сдѣлаютъ промахъ и, выбравши Гранта своимъ кандидатомъ, дадутъ имъ возможность явиться передъ народомъ въ роли людей, защищающихъ республиканскія учрежденія страны противъ цезаризма.

Тѣ же самыя соображенія, какъ кажется, заставили республиканцевъ серьезно призадуматься надъ своимъ положеніемъ. Въ большихъ городахъ Союза стали образовываться анти-грантовскія лиги, съ цѣлью показать и республиканской партіи опасности, ожидающія народъ въ случаѣ избранія Гранта. Многіе республиканцы открыто заявили, что, въ случаѣ выбора Гранта, они созовутъ другой конвентъ и поставятъ отъ себя другаго кандидата на президентское званіе. Все яснѣе становилось, что имя Гранта неспособно сплотить республиканскую партію во-едино. Съ другой стороны, всѣ отлично понимали, что грантисты легко могутъ составить большинство въ національномъ конвентѣ и что они, руководимые людьми не останавливающимися ни передъ чѣмъ для достиженія своихъ цѣлей, движимые эгоистическими побужденіями, могутъ навязать партіи кандидатуру Гранта, несмотря на все болѣе и болѣе растущую оппозицію.

И вотъ, среди такого тяжелаго состоянія умовъ, начали съѣзжаться въ Чикаго делегаты республиканской партіи. Цѣлыми томами врядъ ли можно будетъ исчерпать всю массу интригъ и маневровъ, которыми каждая изъ фракцій старалась обезпечить выборъ за своего protégé. Сотни ловкихъ репортеровъ лѣзли изъ кожи вонъ, чтобы разузнать на мѣстѣ политическія мнѣнія делегатовъ. Между всѣми именами, упоминаемыми въ этомъ вавилонскомъ столпотвореніи, особенно выдвигались имена Гранта, Блэна (того самаго Блэна, который чуть было не попалъ въ президенты на выборахъ 1876 года) и Шермана (брата знаменитаго генерала и министра финансовъ въ настоящее время). Становилось яснѣе, что число делегатовъ, стоящихъ за Блэна, почти одинаково съ числомъ грантистовъ и что выборъ того или другаго будетъ зависѣть отъ того, на чью сторону броситъ свой голосъ третья фракція, стоящая за Шермана и имѣющая своимъ

предводителемъ Гарфильда. Въ пользу грантовской фракціи много говорило то обстоятельство, что во главѣ ея стояли три сенатора: Конклинъ, Логанъ и Камеронъ, принадлежащіе къ числу самыхъ ловкихъ и вліятельныхъ политиковъ, искусно управляющихъ народными собраніями и умѣющихъ пользоваться малѣйшими ошибками своихъ оппонентовъ.

Наконецъ, послѣ предварительныхъ дебатовъ, въ которыхъ каждая фракція пыталась окончательно опредѣлить свою силу послѣ того, какъ была составлена платформа партіи, наступилъ день формальной баллотировки кандидата на президентское званіе. Конвентъ состоялъ изъ 756 делегатовъ (число делегатовъ каждаго Штата вдвое превышаетъ число его голосовъ въ электоральной коллегіи). Число голосовъ, необходимое для избранія кандидата, должно быть не меньше 379.

Первая баллотировка дала за Гранта 304 голоса, за Блэна 284 и за Шермана 94; остальные голоса были разбросаны на трехъ, четырехъ второстепенныхъ кандидатахъ; вторая баллотировка дала тѣ же результаты, третья — тѣ же. Очевидно, что одна фракція не хотѣла уступать, никто не шелъ на компромиссы. Послѣ каждой баллотировки дѣлалась небольшая отсрочка засѣданій для того, чтобы делегаты могли совѣщаться между собой и придти къ какому-нибудь соглашенію.

Цѣлый день прошелъ такимъ образомъ безъ всякихъ рѣшительныхъ результатовъ. Вся ночь прошла въ страстныхъ дебатахъ по отелямъ, занимаемымъ делегатами. Каждая изъ трехъ фракцій употребляла сверхъестественныя условія, чтобы переманить на сторону своего фаворита большинство делегатовъ.

Блѣдные отъ безсонной ночи и продолжительныхъ преній, еле волоча свои ноги, делегаты снова собрались на другой день въ общее засѣданіе и продолжали баллотировку. Нѣкоторые изъ приверженцевъ Блэна начали терять надежду на его выборъ и перенесли свои голоса на другихъ кандидатовъ. Этотъ переводъ, не измѣняя сущности дѣла, показалъ только перемѣну вѣтра въ лагерѣ Блэна и придалъ еще большую увѣренность грантистамъ, что праздникъ будетъ на ихъ улицѣ; со стойкостью опытныхъ солдатъ они, какъ одинъ человѣкъ, продолжали вотировать за Гранта, выжидая свое время.

На 33-ей баллотировкѣ голоса стояли почти такъ же, какъ и на первой: Грантъ имѣлъ 307, Блэнъ 279 и Шерманъ 92; остальные голоса были разбросаны на второстепенныхъ кандидатовъ.

Блэнъ, испуганный упорствомъ грантистовъ, прислалъ депешу къ предводителямъ своей фракціи, уполномочивая ихъ не упорствовать на его избраніи и употреблять всѣ силы на пораженіе Гранта. Наступила 34-ая баллотировка. Нервное возбужденіе собранія доходитъ до апогея. Съ томительнымъ предчувствіемъ скорой развязки, каждый Штатъ, вызываемый предсѣдателемъ по алфавитному порядку, бросалъ свои голоса по-прежнему, пока очередь не дошла до Миннезоты. Старшина миннезотскихъ де-

легатовъ объявилъ, что 10 голосовъ его Штата переводятся отъ Блэна къ Гарфильду. Гарфильдъ, бывшій самъ делегатомъ въ конвентѣ и усердно работавшій за выборы Шермана, открыто заявилъ свое неудовольствіе за этотъ переводъ, такъ какъ со введеніемъ его имени еще болѣе усложнялась и безъ того упорная борьба. Наравнѣ съ другими членами собранія онъ не допускалъ даже возможности своего выбора. Но вотъ, какъ бы въ отвѣтъ на протестъ Гарфильда, старшина делегатовъ отъ Айовы, поднявшись съ своего мѣста, требуетъ перевести 22 голоса Айовы отъ Блэна къ Гарфильду *). Электрическая искра пролетѣла черезъ все собраніе. Все умолкло, предчувствуя приближеніе рѣшительной перемѣны.... Еще два Штата, уже подавшіе свои голоса за Блэна, переводятъ ихъ на Гарфильда. Всѣ делегаты вскочили съ своихъ мѣстъ. Музыка начала играть національный гимнъ. Любимые звуки подхватываются собраніемъ. Какія-то руки выхватываютъ знамена Штатовъ съ ихъ мѣстъ и при оглушительномъ крикѣ «ура» осѣняютъ ими голову озадаченнаго Гарфильда. Пушки, поставленныя на городской площади, открыли салютъ.... Избраніе Гарфильда кандидатомъ республиканской партіи было совершившимся фактомъ, хотя баллотировка была еще не окончена. Долго не могъ предсѣдатель конвента водворить нарушенный порядокъ и только черезъ полчаса онъ могъ приступить къ оканчанію начатой баллотировки. Всѣ приверженцы Гранта, слѣпо повинуясь приказу своихъ вождей и не поддаваясь энтузіазму, обхватившему все собраніе, продолжали вотировать за Гранта. Но жребій былъ брошенъ. 34-ая баллотировка дала за Гранта 306 голосовъ, за Блэна 42, за Шермана 3 и за Гарфильда 399.

Грантисты, упорно отстаивающіе свое знамя до послѣдней возможности, показали такое же мужество въ сознаніи своего пораженія. Едва затихъ голосъ секретаря конвента, объявившаго результатъ баллотировки, какъ сенаторъ Логанъ поднялся съ своего мѣста, блѣдный отъ волненія, стараясь превозмочь дрожь своего голоса; онъ первый внесъ предложеніе, чтобы избраніе Гарфильда было признано всѣми делегатами единодушно, и вопросъ предсѣдателя въ этомъ смыслѣ былъ покрытъ дружнымъ хоромъ 756 голосовъ.

Затѣмъ собраніе приступило къ избранію кандидата на вице-президентское званіе. Отдавая дань превосходной дисциплинѣ грантистовъ и воочію видя, какую силу и вліяніе представляетъ собой эта фракція, конвентъ безъ всякихъ споровъ согласился на выборъ человѣка, ею рекомендованнаго, и кандидатомъ на вице-президентство былъ объявленъ Артуръ, тотъ самый, который былъ смѣненъ Гэсомъ и изъ-за котораго шла сильная борьба между президентомъ и сенатомъ Соединенныхъ Штатовъ.

---

*) Въ силу установившагося обычая, каждый Штатъ имѣетъ право перенесть свои голоса отъ одного лица къ другому, пока начавшаяся разъ баллотировка еще не пришла къ концу.

Выборъ Артура не дѣлаетъ особенной чести партіи, но онъ былъ сдѣланъ, чтобъ отчасти вознаградить грантистовъ за ихъ пораженіе и заручиться ихъ содѣйствіемъ и вліяніемъ для наступающей президентской компаніи. Впрочемъ, темныя краски и воспоминанія, сопряженныя съ именемъ Артура, болѣе чѣмъ вознаграждаются безупречностію Гарфильда.

Народъ, узнавши о результатахъ засѣданій республиканскаго конвента, отдохнулъ отъ тревоги. Казалось, всѣ удивлялись не тому, что выбранъ Гарфильдъ, а тому, что фракціи такъ долго боролись за другихъ кандидатовъ и не выбрали его съ самаго начала.

И дѣйствительно, изъ всѣхъ политическихъ дѣятелей настоящаго времени Гарфильдъ едва ли не лучше всѣхъ способенъ примирить собою всѣ соперничествующія фракціи. Выборы Гранта были бы равносильны или пораженію партіи, или какому-нибудь Coup d'etat. Блэнъ, эта рѣзко очерченная личность, имѣетъ легіоны сильно преданныхъ друзей и сильно ненавидящихъ враговъ, тогда какъ Гарфильдъ, имѣя за собой обаяніе неподкупной честности, замѣчательнаго ума, силы характера и доброты, еще слишкомъ молодъ, чтобы возбудить къ себѣ зависть и недоброжелательство со стороны политическихъ интригановъ. Правда, никто не ожидалъ, чтобъ онъ такъ скоро былъ поднятъ до возможности занять высшую должность республики. Но разъ свершившееся нельзя было вернуть назадъ и на его имени съ радостію остановились измученные долгою борьбой предводители фракцій и заключили перемиріе на четыре года.

W. F.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Редакторъ **С. Юрьевъ.**
Издатель **В. Лавровъ.**

ОПЕЧАТКИ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИГИ.

Стран.	*Стр.*	*Напечатано:*	*Должно быть:*
16	10	передъ предстоящимъ парадньмъ чествованіемъ	передъ предстоящимъ народнымъ чествованіемъ
373	11	каждый	научный
—	18	судомъ	чудомъ
377	22	Евклиды	Евклида
378	27	феодальное	бродильное
380	29	какъ	насъ
381	17	Гиппарза	Гиппарха
—	21	Галекомъ	Галеномъ
384	18	увлеченіе	развлеченіе